ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II

Sborník příspěvků
z mezinárodní konference

XIX. Olomoucké Dny Rusistů

30.08. - 01.09. 2007

Olomouc 2008

Оломоуцкие дни русистов организуются кафедрой славистики (прежде русистики) с 1976 г. Сначала все мероприятие было задумано скорее как семинар повышения квалификации преподавателей русского языка и литературы средних школ и гимназий. Позже оломоуцкие встречи русистов приобрели характер международной научной конференции.

XIX по счету конференция состоялась 30.08. – 01.09. 2007 г. В Оломоуц съехалось свыше 130 участников из 13 стран мира: Бельгии, Беларуси, Болгарии, Германии, Казахстана, Литвы, Латвии, Польши, Российской Федерации, Словакии, Украины, Хорватии, Чешской Республики.

Работа конференции проходила в пяти секциях, в каждой из которых была выдвинута частная тема обсуждения: в **лингвистической** – Русский язык в эпоху Интернета, **лингводидактической** – Россия и Европа – пространство кросс-культурной лингводидактики, **переводческой** – Перевод на перекрестке культур), **фразеологической** – Русские и славянские пословицы в европейском контексте и **литературоведческой** – Русская литература - контексты и интерпретация.

Следующие, юбилейные XX Оломоуцкие дни русистов состоятся 2 – 4 сентября 2009 г.

Сборники **Rossica Olomucensia** издаются регулярно с 1968 г. Настоящий выпуск в честь сороковой годовщины с начала издания является первым из новой серии Rossica Olomucensia.

Recenzovali: doc. PhDr. Lubomír Machala, CSc.,
PhDr. Marta Vágnerová, Ph.D.

Za jazykovou, stylistickou a obsahovou správnost
odpovídají autoři příspěvků.

© Ladislav Vobořil, 2008

ISBN 978-80-244-1994-7

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Доклады пленарного заседания

Пехал, З.: Интерпретация литературного текста. Возможности и границы 11
Степанова, Л.: Динамические процессы в интернациональной фразеологии 17
Воборил, Л.: Русский язык – его развитие и функционирование – в коммуникативных условиях виртуального web-пространства 23

Доклады лингвистической секции

Анисимова, Н.: Научная периферия денотативного класса <облака> 37
Белокуров, А., Белокурова, С., Белокуров, А.: Грамматика диалога о русском языке: интернет опыт проекта «Культура письменной речи» 41
Быдина, И.: Актуальные проблемы идиостиля в коммуникативной стилистике текста 45
Вагнерова, М.: Способы образования русских терминов Интернета в сравнении с чешскими 49
Вакулова, Е.: Латинизация русской графики как литературный прием и языковая игра 55
Геккина, Е.: Экспликация метаязыковых знаний в интернет-текстах: рефлексия опыта 61
Гранева, И.: Местоимение «мы» в интернет-коммуникации 65
Кеснер, Й.: Еще раз к препозитивному субстантивному определению в русском языке 69
Короткая, С.: Глагольные лексемы как средство характеристики товара и адресата в тексте телерекламы 75
Коряковцева, Е.: Русский язык в эпоху Интернета: новые nomina abstracta в текстах общероссийских газет 79
Kozáková, V., Chernel, A.: Some Observations about the Language of the Internet and the Czech Language 83
Лучкув, И.: Интернет как источник языкового материала для синтаксических исследований на примере таксисных конструкций в русском и польском языках) 87
Милевская, Т.: Законы жанра или законы языка? (Сравнительный анализ текстов русских и чешских мемуаров) 93
Милютина, Т.: Сравнения в произведениях массовой литературы. К дискуссии об языке произведений паралитературы 97
Невзорова-Кмеч, Е.: Русский групповой молодежный жаргон и его отражение в Рунете 101

Пилатова, Й.: Роль поэтической функции в русском и чешском публицистическом дискурсе ... 107
Плешкова, Т.: О формах существования современного русского национального языка (на примере языкового пространства Архангельской области) ... 113
Радбиль, Т.: Языковые девиации в русском языке Интернета с точки зрения теории языковой аномальности ... 117
Радченко, М.: Анализ окказионализмов в форумах и чатах русскоязычного Интернета ... 121
Райнохова, Н.: Корпусная лингвистика и Чешский национальный корпус ... 125
Росикова, А.: Культура общения со словом: англицизмы в русском языке ... 131
Снигирев, А.В., Снигирева, Е.В.: Албанский язык руского интернета ... 137
Соучкова, Л.: Анализ данных анкеты по использованию исконно-русских и заимствованных слов ... 143
Тарасенко, Т.: Анекдот в интернете и интернет в анекдоте ... 149
Флидрова, Г.: Придаточные предложения с инфинитивным предикатом в русской научной речи и их чешские эквиваленты ... 153
Харциарек, А.: Русские и чешские эквиваленты вводно-модального слова *nie-prawdaż* ... 159
Хегрова, Б.: Метафора в роли выражения оценки в кинорецензиях ... 163
Шацкая, М.: Межуровневые аттракции языковых единиц с позиции семантического синтаксиса ... 167

Доклады лингводидактической секции

Бендова, Г.: Поиск и идентификация социокультурной информации ... 175
Будняк, Д.: Этнокультурное сознание как проблема варьирования и языковой эволюции родственных языков ... 179
Выслоужилова, Е.: Проблемы обучения деловому общению ... 185
Грегор, Я.: Устойчивые глагольно-именные словосочетания в процессе преподавания РКИ (в сопоставительном чешско-русском плане) ... 189
Гржибкова, Р.: «Радуга» по-новому ... 195
Данецка, И.: Какой современный русский нам нужен (на материале учебников РКИ для польских учащихся) ... 201
Домбровский, Т.: Некоторые аспекты методической работы с интернет-ресурсами на занятиях по деловому русскому со студентами экономического профиля (из опыта работы) ... 205
Климова, К.: Проблема формирования языковой компетенции студентов нефилологических специальностей университетов Украины в условиях украинско-русского двуязычия ... 209
Козилкова, Я.: Современные тенденции в обучении русскому языку в Университете обороны ... 213
Коростенски, И.: Характеристика концепта контейнера ... 219
Куприна, Т.: Развитие межкультурной коммуникативной компетентности как одна из проблем кросскультурной дидактики ... 225
Левитан, К.: Обучение языку профессиональной коммуникации студентов юридических вузов и факультетов ... 229
Митина, С.: Диалог как метод развития речевой деятельности студентов педвуза ... 233
Мровецова, Л.: Новое учебное пособие «Obchodní ruština» (русский язык в торговле) .. 237

Николина, В.: Интерактивные педагогические технологии в подготовке учителя как способ развития его профессиональной компетентности ... 241
Смирнова, Н.: «Гранатовый браслет» А.И. Куприна: «эйфория» глазами современного студента ... 245
Солнцева-Накова, Е.В.: О проблеме адаптации преподавания русского языка к новым информационным технологиям ... 249
Фольпрехтова, Я.: Драмапедагогические приёмы обучения русскому языку ... 255
Хлебда, Б.: Использование языковой среды рунета в развитии речи студентов русской филологии ... 259
Чирикова, М.: Транслатологические аспекты и их место в методике обучения русскому языку на филологических факультетах ... 265

Доклады переводческой секции

Ван Пук, П.: Переводческий web-сайт «ИноСМИ» как русскоязычное зеркало западной прессы ... 271
Выходилова, З.: Переводы чешской литературы на русский язык в последние двадцать лет ... 275
Газда, Й.: Чешские имена собственные в русских интернетовских текстах как проблема межкультурного общения ... 279
Галло, Я., Евпак, Е. В.: Феномен русского языка на современном этапе в аспекте вузовской подготовки переводчиков ... 285
Мазур-Межва, Л.: Булат Окуджава в польских переводах З. Федецкого ... 291
Mladenova, M.: Sémantický a vyjadřovací potenciál slovesa mít a jeho užití v překladech ve slovanských jazycích (ruštině, češtině a bulharštině) ... 295
Панова, Е. П.: Проблемы перевода собственных имен (антропонимов) в волшебной повести М. Треверс «Мери Поппинс» ... 301
Рихтерек, О.: К чешскому переводу поэзии Марины Цветаевой ... 307
Тарса, Я.: «Плоский мир» Терри Пратчетта – глобальная деревня сказок, мифов, цитат и аллюзий ... 313
Ченькова, И.: Диалог культур глазами устного переводчика ... 317

Доклады фразеологической секции

Алефиренко, Н.Ф.: Когнитивно-прагматический дискурс русских пословиц: постановка проблемы ... 325
Вальтер, Х.: О русско-немецком словаре пословиц ... 331
Гренарова, Р.: Интенсификация сравнительных оборотов с именами прилагательными и с союзом как в русском и чешском языках ... 337
Дембска, К.: Женщина в общем жаргоне русского языка (попытка социолингвистической характеристики вопроса) ... 341
Дубровина, К.: Словарь библейской фразеологии русского языка (основные критерии его составления) ... 345
Игнатович-Скворонська, Й., Митурска-Бояновска, Й.: Трансформация пословиц в современной польской художественной литературе ... 351
Козлова, Р.М.: Семантика и моделирование русских и польских фразеологизмов со словом-концептом «глаза» ... 355
Королева, Е.: Латышские пословицы и их русские диалектные соответствия ... 359
Кузнецова, И.: Еще раз об эквивалентности паремий разных языков ... 363

Ляхур, Ч.: На рубеже фразеологии и синтаксиса: вертикальная временная ось и ее детерминанты ... 367
Малоха, М.: Культурологическая оппозиция сад – лес в восточнославянских пословицах ... 371
Мокиенко, В.М.: О принципах составления словаря «Пословицы в современном русском языке» ... 375
Николаева, Е.: Новый большой словарь русских пословиц: задачи, структура, итоги работы ... 381
Перчиньска, Б.: Прогнозирование погоды в русских, польских и немецких пословицах ... 385
Прохорова, О.Н., Чекулай, И.В.: Пословицы с компаративно-семантической структурой в славянских и европейских культурах ... 389
Пупынина, Е., Пупынина, Н.: Положительные эмоции в пословицах и поговорках русского и английского языков ... 395
Пшишляк, А.: Пословицы в «Пане Тадеуше» А. Мицкевича и в русских переводах эпопеи ... 399
Семененко, Н.Н.: Базовые семантические свойства русских паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода ... 403
Ситарски, А.: К вопросу об аксиологической коннотации русских фразеологизмов и пословиц с компонентами: золото, золотой ... 409
Фокина, М.: Паремии в русской повествовательной прозе XIX – XX веков ... 413
Хлебда, В.: Польский паремический минимум в зеркале русского языка ... 417
Шевякова, Т.: Стилистическое использование пословиц в русскоязычной прессе Республики Казахстан ... 423
Янковичова, М.: Эквивалентность vs. идиоматичность русских и словацких пословиц ... 429

Доклады литературоведческой секции

Артишевска, К.: Кровь, жертва, преображение в творчестве Пимена Карпова ... 437
Барковская, Н.В.: Историко-литературные римейки как способ интерпретации ... 441
Васильева, И.В.: Интерпретация идей романтизма в литературном процессе первой трети XX века ... 447
Гей, М.: Интуитивный способ познания как оппозиция к научному (на примере творчества Г. Газданова) ... 451
Догнал, Й.: Интерпретация и ценности ... 455
Zahrádka, M.: Ruská literatura - názvy děl navazující ... 461
Зывэрт, А.: Приглашение на кладбище (О «Кладбищенских историях» Б. Акунина – Г. Чхарташвили) ... 467
Калита, Л.: Категория времени и пространства в повести Марка Алданова «Могила воина» ... 473
Кириллова, И.: Проза А. Платонова в школе и в вузе: новый подход в изучении ... 479
Кубасов, А.: Слово в драматургии А.П. Чехова ... 485
Литовска, М.: Современный русский роман в контексте региональной мифологии ... 491
Метц, Э.: «Медленный строке» как музыкально-поэтический указатель для интерпретации стихотворений Константина Бальмонта (на примере «Воспоминания о вечере в Амстердаме») ... 495
Минеева, И.: Н.С. Лесков и его Новый Завет (СПб., 1864) ... 499

Моклецова, И.: «Хождение» игумена Даниила в русской культуре XIX века (к 900-летию выдающегося памятника русской культуры и литературы) 505
Оболеньска, Д.: Эвритмический «танец» в романе Андрея Белого «Маски». Зарисовка темы 509
Орловска, А.: О своеобразии сюжетного строения русской комической поэмы XVIII века (на материале поэм В. Майкова и М. Чулкова) 513
Подчиненов, А., Снигирева, Т.: «И тоны музыки земной» (Натурфилософия итоговых книг в русской поэзии XIX – XX веков) 519
Поспишил, И.: Основы концепции славянства, русской литературы и чешско-русских литературных связей у Й. Йирасека (Несколько заметок и комментариев) 525
Пригода, М.: Перекресток истории или историческая необходимость: взятие Пскова в 1510 г. и летописные повести 533
Рычлова, И.: «Читать и честно не понимать»... М. Угаров. Интерпретация текстов современной русской драматургии 539
Семикина, Ю.Г.: Мифологема воды в романе Л.Улицкой «Казус Кукоцкого» 545
Тышковска-Каспшак, Э.: Образ «постороннего» в прозе Сергея Довлатова 549
Фархатова, И.: Человек и Единое Государство (по роману Е.Замятина «Мы») 557
Фатеева, Ю.: Тип «новой» женщины А.В. Амфитеатрова в контексте русской литературы 563
Шольц, У.: Славянский черт в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1928-1940) 567

ДОКЛАДЫ
ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Зденек Пехал
Чехия, Оломоуц

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА. ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ.

Abstract:
In the current paper, the author regards the mutual relationship of the author, text and reader as the basis of all theories of interpretation. Questionability of the verification of biographical data is indicated, and meaning of the text reality and text aesthetics is accentuated. The role of reference as a subject – object relationship, and imperceptibility of the given relationship by means of straightforward lexical meaning is presented. If the continually changing subject-object relationship is the substance of aesthetic situation, result of the semiotic relationships points to semantic shifts, pluralism, metamorphosis. The author of the paper emphasizes an author whose reflection may be recognized directly in the text structure.

Key words:
Author, biographical author, receptive author, text, recipient, aesthetic semiotic situation, pluralism of meaning, meaning as result of structural compactness.

Литературоведческая часть нашей конференции ориентирована на интерпретацию художественного текста и его контекстов.

В своем докладе я попытаюсь показать главные проблемы интерпретации литературного произведения. В основном, все теории интерпретации сводятся к трем краеугольным камням семиотики литературного произведения: к автору, тексту и реципиенту-читателю.

Дискуссия была всегда ориентирована на вопрос о реальном, биографическом авторе, на вопрос о возможном замысле этого автора и на вопрос, совпадает ли с авторским замыслом то, что мы восприняли в тексте художественного произведения. [Eco 2005: 14-29; Mathauser 1999: 82-96] Если принять такую постановку вопроса, то мы можем сказать, что произведение склоняется к какому-то предназначенному смыслу, решению, которое надо расшифровать. В этом смысле интерпретация стремится выявить интенцию автора, замысел автора, который сознательно запланировал область значений.

История литературы ведет поиски фактов из реальной жизни реального автора, который физически жил в каком-то промежутке времени, в каком-то историческом, или социологическом, психологическом, философском контекстах. Этот

взгляд предполагает, что все эпизоды реальной жизни автора могли – каким-то образом – повлиять на возникновение конкретного художественного текста. Либо реальность автора и его жизненного контекста должна отразиться в художественном тексте, либо авторский замысел как-то участвует в семантике художественного произведения. Этот подход свойственен не только позитивизму. Это дело естественного контекста автора, и нам это может помочь проследить генезис литературного текста и установить его основную смысловую ориентацию. Критики этого подхода правы в том, что о реальном авторе мы не знаем фактически ничего. Рассказчика нельзя отождествлять с реальным автором. Реальное лицо автора остается скрыто, и на первый план выходят различные образы автора, которые являются разного рода интерпретациями подлинного жизненного факта, разного рода интерпретациями окружающих автора людей. Однако не всегда действует принцип, что чем ближе автору, как реальному человеку, какое-либо свидетельство, воспоминание, тем правдивее окажется его образ. На основе разного рода фактов установился традиционный образ автора и никто не сомневается в его подлинности. Но есть основания считать, что далеко не все факты, традиционно связанные с автором, правдивы. Есть даже авторы, которые намеренно стремятся создать для себя мнимый облик, свой грим-маску перед окружением. Они намеренно работают над своим имиджем. Не хочется ставить под сомнение все факты из биографии реальных писателей, но смею сказать, что многие факты и воспоминания говорят больше об их толкователях, являются более образами самих толкователей, чем подлинным образом писателей. Надо иметь в виду, что перед нами в большинстве случаев предстает не голый факт из жизни автора, а его субъективная интерпретация, какой-либо оттенок, клише. В многих случаях достаточно сомнительный образ автора переносится в столь же сомнительную интерпретацию литературного произведения. То же самое касается и авторского временного контекста. Но есть, конечно, моменты, которые способствуют пониманию литературного произведения. Несомненны временной контекст, исторические события, социальная окружность. Но боюсь, что можно сказать о них лишь только то, что они совершились, произошли, действовали. Но каким образом они повлияли на художественное произведение – остается вопросом.

Однако совсем другая ситуация существует в контексте эстетическом. На основе анализа эстетического временного контекста, в котором возникло литературное произведение, можно установить жанровые связи, тематическое окружение, мотивационные источники. Здесь на первый план уже выступает литературоведческая основа. Можно установить явные и доказательные соприкосновения между эстетикой конкретного произведения и эстетикой времени. Доказательства могут опираться на тексты – на подлинное слово художественного произведения.

Здесь мы уже находимся в области эстетики литературного произведения – т.е. в совершенно другой реальности, чем биографическая реальность автора. Это уже реальность текста, в отличие от онтологии жизненной авторской реальности. Текст выступает как знак. Традиционно знак считается материальным, чувственно воспринимаемым объектом (событием, действием или явлением), выступающим в процессе познания в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования. Но вопрос заключается

именно в том, на какое субъективное образование данный знак эстетической ситуации указывает.

Прежде чем я попробую ответить на этот вопрос, я опять должен вернуться к автору и его возможному замыслу.

Повторяется вопрос, можно ли вообще установить замысел автора? Т.е., можно ли установить в тексте те импульсы, которые вложил автор в свои произведения. Существует ли связь между намерением автора и знаком, который это намерение отражает, выражает. По-моему, да. Можно установить те авторские импульсы, которые мы способны определить понятиями, определить их конечный смысл. Т.е., если автор вкладывает в текст прямолинейные импульсы – информацию из области истории, социологии, психологии, этики, антропологии и т.д. – то эти авторские импульсы можно обнаружить и перевести в область понятий. Вопрос состоит только в том, являются ли они действительным авторским замыслом. С точки зрения методологии преподавания в вузах – об этих произведениях говорится очень легко. Но мы говорим не об эстетике, а о философии, психологии, истории, социологии, антропологии и т.п., которые являются составной частью художественного произведения.

Но существуют авторские замыслы, которые не принадлежат ни к области философии, ни социологии, ни этики и т.п. Существует своего рода неопределенность, расплывчатость, загадка, многозначность, некий теряющийся облик, лик – и это область искусства. И именно эта область не может быть исследована ни наукой, ни отдельными научными дисциплинами или философией, так как она не подчиняется однозначности понятия. Надо найти способ, средство, как выразить, как показать многозначное, неустойчивое положение человека в мире, это постоянное просвечивание субъективного через объективное, объективного – через субъективное. Речь идет об обозначенном, которое имеет статус не постоянного объекта или субъективного образования, а статус **отношения** – некоего субъекто-объекта.

Сейчас перед нами представлен, с одной стороны, текст, который содержит и интенцию, замысел автора биографического – т.е. и замысел, который можно прямолинейно перевести в понятия, с другой стороны, замысел, который исходит из очень сложного, текущего, меняющегося, движущегося отношения автора к миру, субъекта к объекту. Прямолинейные однозначные замыслы можно очень легко обнаружить, но не в этом суть сложности интерпретации художественного текста. Сложность вытекает из того, что текст является знаком весьма трудноуловимого отношения человека к миру, которое нельзя прямолинейно выразить понятиями.

Перед нами лежит текст, который является результатом замысла автобиографического автора, его реального, жизненного контекста, его контекста философского, социологического, исторического, этического, ... и есть предпосылка, что текст сохраняет эти контексты, из его структуры можно обнаружить и прямолинейные идеи философии, социологии, психологии. Но, с другой стороны, и это намного важнее, текст сохраняет и сложное отношение просвечивания субъекта через объект и объекта через субъект.

Однако, на протяжении многих лет текст вступает в другие контексты, которые не существовали в момент его возникновения. Напр., Мартин Гилски, чешский переводчик Шекспира, показывает, что текст одинаков и в 17 веке, и в 21 веке, но способ (процесс) его прочтения очень изменился. Впечатляющий текст Сонетов

Шекспира воспринимается с меняющимися контекстами в новой интерпретации и своей эстетической силой перешагивает через прошедшие столетия. Эстетическая сила – это способность выражать индивидуальную исключительность, поливариантность, многонаправленность, вневременную многозначность, ненасыщенную валентность текста и его структуры к проходящим мимо, движущимся контекстам, меняющемуся духовному окружению. Причина этого – в потенциальной способности находить контакт с новыми контекстами. «*Произведения говорят многим: темами, положениями, сюжетами, героями. Но больше всего говорят они присутствием содержащегося в них искусства. Присутствие искусства на страницах «Преступления и наказания» потрясает больше, чем преступление Раскольникова.*» [Пастернак 1989: 216] Это слова Пастернака из его романа Доктор Живаго.

Но есть еще исключительно важный контекст – контекст эстетический. Я имею в виду область жанровых форм, тематических и мотивационных контекстов, способ эстетической интерпретации действительности, под влиянием которых текст возникал и под влиянием которых через определенное время текст снова подвергается чтению, рецепции, интерпретации.

Те исследователи, которые критикуют поиски автобиографического автора, реального человека, который создал текст, предлагают подход автора интенционального (напр., Бахтин, или, к сожалению, недавно усопший проф. Маттаузер) [Bachtin 1980: 374-378; Červenka 1991: 258-260; Mathauser 1999: 82-96], суть которого можно обнаружить не посредством поисков неких фактов в жизни реального человека, а поиском его духовного отпечатка в структуре текста. Хотя я не исключаю возможных позитивных результатов истории литературы в сфере исторических фактов определенного биографического автора, подход к тексту, на основе которого открывается духовное лицо автора, запечатленное в тексте, мне более симпатичен. Процесс открытия автора, который смотрит сквозь текст прямо из текстовой структуры, я считаю крайне продуктивным, но, с другой стороны, и самым трудным. В результате такого подхода не вскрываются сенсационные факты из жизни писателей, а все сводится к мало эффектному труду над эстетической загадкой текста. Не только в последнее время превалирует интерес к различным загадкам жизни и смерти, напр., Горького, однако на его эстетику очень редко обращается внимание.

Таким образом, перед нами лежит текст, который несет на себе историю своих интерпретаций, оценок. Он выражает разные моменты из области философии, психологии, социологии, этики, антропологии и, главным образом, является частью эстетической ситуации (ср. Догнал [Dohnal 2004: 79-86]). Текст представляет собой знак. Текст является означающим. **Означаемым эстетической ситуации** является многозначное отношение авторского субъекта и окружающего бытия, окружающей реальности. Главным атрибутом означаемого отношения является неоднозначность, многозначность, постоянные поиски изменяющегося человеческого облика, поливариантность, текучесть значений и возможностей, открытый потенциал валентности. И эта непостоянность переносится в означающее – в текст, в знак. Символ так, как его понимал Гете или Лосев, который основан на спонтанности, апостериорности, динамичности, семантической амбивалентности (двойственности). [Mathauser 1999: 25-42]

В выстроенную таким образом эстетическую ситуацию вступает читатель, реципиент, как оригинальный субъект с собственными контекстами знаний, кон-

текстами социального, психологического, этического, эстетического окружения. Он вчитывается в текст, и особая эстетическая ситуация переносит его в область полисемии. Он может обнаружить из текста прямолинейно вытекающие идеи, прямолинейные интенции, может быть, замыслы самого автора как творца текста. Есть критики, которые говорят, что поиски предназначенного смысла, значений, предназначенного замысла вообще, сомнительны и непродуктивны, что никаких авторских интенций обнаружить нельзя, что существует только текст и его структурная связность. Другие говорят, что все, что читатель обнаруживает в тексте, представляет собой только лишь его субъективную интерпретацию, и таких интерпретаций существует неограниченное число. Что читатель текст, невзирая на его упорядоченность, оформит, сформирует по образу себя самого.

Я согласен, что позитивно ничего другого у нас в руках нет, только текст и его структура. Структурная связность отражает своеобразное отношение субъекта и объекта, его своеобразную, неповторимую жизненную ситуацию. Я не против неограниченного числа субъективных интерпретаций. Художественный текст может вызвать огромное число субъективных впечатлений и на основе этого, и субъективных интерпретаций. Но критический анализ текста должен приводить доказательства пути ассоциаций. Критический анализ должен учитывать семантическую ориентацию текста, которая вытекает из его структуры. Литературоведение должно учитывать семантическую ориентацию текста – учитывать «права текста» так, как об этом говорит У. Эко [Eco 2005: 2-13]. В тексте заложены импульсы, которые его семантически ориентируют. И это область литературоведения.

В качестве заключения можно сказать следующее:

Хотя поиски и факты из реальной биографии автора можно подвергнуть сомнению, все-таки они могут внести определенный вклад в понимание литературного текста. Если считать реальные контексты реальной жизни автора (социологические, психологические, философские, этические) означаемым, то можно установить их отражение в художественном произведении. В эстетической ситуации они могут быть выражены посредством понятий и у них можно предполагать одно идеальное значение, однозначность. В русле традиции художественной литературы их принято называть аллегорией (Гете). Аллегорическое обозначаемое можно выразить и иными средствами, нежели художественным образом. И литературоведение должно назвать эти сведения социологическими, психологическими, этическими.

Но в эстетической ситуации существует и такое обозначаемое, которое, по своей сути, неоднозначно, поливариантно. Прежде всего имеется в виду постоянно изменяющееся просвечивание субъекта и объекта и их отношение. Этот комплекс значений может быть перенесен посредством эстетической ситуации, которая предполагает не однозначность, а многозначность. В смысле традиции Гете будем говорить о символе. Текст эстетической ситуации такого рода остается неподвижным, но со временем меняется его контекст. Сила эстетической поливариантности обладает многими возможностями, потенциалом смысловых валентностей и может привязываться к совсем другим контекстам, чем контексты, в окружении которых она была создана.

Более перспективным для познания эстетики художественного произведения, чем поиски жизненных фактов, мы считаем поиски эстетического контекста (поиски сдвигов жанровых, тематических, мотивационных) и прежде всего поиски

автора – лица, характер которого можно установить на основе анализа текста. Идеалом такого анализа является отождествление реципиента с перспективой, с точки зрения которой текст смотрит на читателя. Литературоведение должно дойти до идеала, который был создан именно анализируемым произведением, который художественное произведение создало само для себя и само по себе.

Что касается неограниченного числа интерпретаций, то надо сказать, что в области субъективных впечатлений может существовать столько подходов, сколько и читателей. Но надо иметь в виду, что в структуру художественного произведения заложена определенная семантическая ориентация, которая лежит в основе структурной связности. Критические интерпретации должны в своей основе базироваться на доказательствах и опираться на структурный анализ, в отличие от расплывчатости рядовых читательских впечатлений. Дать интерпретацию – значит, дойти до области значений, которые основаны на импульсах, заложенных в структуре текста и его связности. Этот тезис не имеет ничего общего с интерпретацией как стремлением к одному конечному значению. Неограниченное число значений как результат литературоведения я не считаю оправданным.

Классическая дискуссия ориентировалась на вопрос, как найти в тексте то, что было сознательно заложено в текст как замысел автора [Todorov 2000: 29], или: как найти в тексте то, что текст выражает, невзирая на замысел автора. Если мы согласимся с возможностью, что текст семантически шире, чем замысел автора, то мы можем продолжить поставленный вопрос в следующем смысле: – найденное в тексте мы нашли благодаря структурной связности текста или это реципиент нашел на основе системы собственных ожиданий.

Т.е., вытекает ли результат интерпретации из компактности структуры текста, из его импульсов или результат зависит от субъекта-читателя.

Это комплекс вопросов, к решению которых, надеюсь, принесет вклад и наша конференция.

Использованная литература:

Bachtin, M.M.: *Román jako dialog*. Praha 1980.
Červenka, M.: *Styl a význam*. Praha 1991.
Dohnal, J.: *Modely světa a jejich typologie*. Hľadanie ekvivalentnosti. II. Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta. Prešov 2004.
Eco, U.: *Meze interpretace*. Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum. Praha 2005.
Mathauser, Z.: *Estetika racionálního zření*. Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum. Praha 1999.
Пастернак, Б.: *Доктор Живаго*. Книжная палата. М. 1989.
Todorov, T.: *Poetika prózy*. Triáda. Praha. 2000.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Людмила Степанова
Чехия, Оломоуц

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Abstract:
The paper analyses new idioms in Russian and Czech. There are many new idioms of English origin in modern European languages. They create a large part of international idioms. The author describes the various types of international idioms, demonstrating their dynamics. Some idioms, which are new in Russian, have been existing in Czech for a long time. They were borrowed from German. Now they may change as a result of English idioms affecting them.

Key words:
New idioms, Russian and Czech, international idioms, dynamic processes of idioms.

Признавая национальное своеобразие культуры, истории и языка каждого народа, лингвисты, тем не менее, отмечают в каждом языке наличие лексических и фразеологических единиц определенного ядра словарного запаса, которые тождественны во всех европейских языках или в нескольких из них. К такому общему фразеологическому фонду обычно относят фразеологические единицы, восходящие к Библии и другим книгам Священного Писания, к античной мифологии, европейской истории и литературе. В трудах последних десятилетий, в том числе и в докладах, прочитанных на наших конференциях, было доказано, что несмотря на общий источник заимствования, эти фразеологизмы по-разному осваиваются европейскими языками и, следовательно, имеют в них целый ряд отличий. Данные фразеологизмы остаются, однако, настолько близкими и узнаваемыми, что получили общее обозначение – ***интернационализмы***.

Сам термин не идеален – напр., коллега М. Янковичова в докладе на Оломоуцких Днях русистов в 2001 г. верно отметила, что традиционно употребляемый термин ***интернационализмы*** мы связываем с фразеологизмами, имеющими зафиксированное распространение в европейских языках, факт их использования за пределами Европы не изучен, следовательно, вернее было бы использовать термин ***европеизм***, под которым д-р Янковичова понимает «*фраземы, встречающиеся*

в европейском регионе, имеющие общее происхождение и обладающие общей семантикой» [Янковичова 2002: 421].

Словацкая коллега Яна Складана высказывает мысль, что следует различать тождественные фразеологизмы, восходящие к общему культурному наследию (библейские, античные и т.п.), которые она называет их ***истинными интернационализмами***, и близкие фразеологизмы, не имеющие общего источника. Эти единицы Я. Складана предлагает обозначить термином ***ареализм*** или ***регионализм*** [Складана 2006: 824-825].

Мы также признаем, что в том общем ядре, в котором пересекаются фразеологические фонды европейских языков, можно видеть разные по универсальности типы фразеологических единиц. Проф. В.М. Мокиенко при межъязыковом сопоставлении выделяет генетически и типологически схожие фразеологизмы [Мокиенко 1973, 1980, 1986]. Приняв данную классификацию за основу, мы детализировали и расширили ее. Итак, мы выделяем:

1. Генетические интернационализмы. Их можно подразделить на две подгруппы: 1) ФЕ, восходящие к общему для европейских народов культурно-историческому источнику (библейские, античные и т.п.); 2) фразеологические кальки и полукальки, попавшие в славянские и западноевропейские языки разными путями, но совпадающие по структуре и семантике, напр., *разбить наголову – porazit na hlavu* (из нем. auf Haupt schlagen), *холодная война – studená válka* (англ. cold war) и др.

2. Типологические интернационализмы – это сходные фразеологизмы, которые возникли в разных языках независимо друг от друга в силу сходных экономических и культурных условий. Это прежде всего фразеологические параллели, отражающие наблюдения над окружающим миром (*работать как лошадь* – чешск. *dřít jako kůň* – англ. *to work like a horse* – нем. *arbeiten wie ein Pferd и* т.п.). К этому разряду можно, по нашему мнению, отнести также ФЕ, построенные по общей для нескольких языков структурно-семантической модели (*покупать кота в мешке – kupovat zajíce v pytli – нем. die Katze im Sack kaufen – англ. to buy a pig in a poke – фр. acheter chat en poche (sac)*).

3. К этим двум группам примыкают универсалии на концептуальном уровне – это фразеологизмы, которые отражают сходные представления европейских народов об окружающем мире, но облачены часто в очень разную форму (так, напр., что-л. непонятное, неясное, запутанное в разных языках сравнивается с написанным на отдаленном для этой страны языке – по модели «это для меня (или для кого-л.) написано (или сказано) на иностранном языке», напр., в русском языке это сравнивается с написанным на китайском языке – *китайская грамота,* также во фр. *etre pour du chinois* и польском *chińszczyzna,* во фр. и англ. это сравнивается также с греческим языком: *etre pour du grec,* англ. *it is all Greek to him*).

Сегодня нас будут интересовать динамические процессы в интернациональной фразеологии. Под интернациональной фразеологической единицей мы понимаем фразеологизм, существующий в славянских и западноевропейских языках и отличающийся близостью лексемного состава и семантики.

Разумеется, в постоянно изменяющемся мире постоянно развивается и изменяется также язык, но эти изменения происходят неравномерно. А изменяется ли интернациональный фразеологический фонд русского и славянских языков, кото-

рый – уже в силу своей интернациональности – часто воспринимается как наиболее стабильный?

Разумеется, стабильность эта весьма относительна и отличается в зависимости от типа интернационализма. Вероятно, наиболее устойчивым ядром остаются генетические интернационализмы, хотя и здесь динамика неизбежна – к сожалению, в этой группе число общеизвестных ФЕ сокращается. Так, чешские лингвисты отмечают, что современная чешская молодежь меньше читает и утрачивает активное владение культурными интернационализмами [Čechová 1999: 47-56]. Думаю, это верно и для других славянских языков. Касается это и библеизмов: в России девяностых годов наблюдался резкий всплеск интереса к Библии – ранее запретной теме – и библеизмами пестрели страницы всех газет, но ныне этот интерес – по наблюдениям проф. Г. Лилич, одной из авторов Большого словаря библеизмов, который скоро выйдет в свет в Санкт-Петербурге – также постепенно спадает.

Иначе обстоит дело во второй группе генетических интернационализмов, а именно – фразеологических заимствований. Конечно, и в этой группе интернациональность может распадаться – когда в одном или нескольких языках определенный фразеологизм предается забвению – это произошло, например, как показал В. Мокиенко, с выражением *отложить в долгий ящик*, которое было известно в немецком, чешском и, возможно, других языках, а теперь употребляется только в русском языке и, более того, некоторыми фразеологами связывается с русской историей [Мокиенко 1986: 35-43]. Но уход интернационализма из активного употребления – процесс очень длительный и уловимый лишь со значительной временной дистанции.

Наоборот, самый заметный процесс – это активное обогащение фразеологии за счет заимствований. Новая волна англицизмов (или американизмов), захлестнувшая славянские языки, которую некоторые называют даже «языковой интервенцией», ведет к быстрому расширению интернационального ядра фразеологии.

Воздействию английского подвергаются все аспекты языка, как лексика, так и синтаксис, и словообразование. Не избежала экспансии англицизмов и фразеология. В русском языке в последние два-три десятилетия появились многочисленные фразеологические кальки, напр.: *красная карточка, промывание мозгов, вызвать на ковер, быть в одной лодке, писать в стол, скелет в шкафу, заметать под ковер, моя чашка чая (кофе), музыка будущего, делить какой-л. пирог, золотой парашют* и др. Все эти фразеологизмы существуют также в чешском языке.

Разумеется, мы не утверждаем, что фразеологические англицизмы проникают в современные славянские языки одинаково и одновременно. Некоторые обороты могут адаптироваться только одним из языков, оставаясь неизвестными в других. Так, в русском языке нашли применение некоторые заимствованные фразеологизмы, которые отсутствуют в чешском языке. Это, напр., обороты *бесплатный сыр только в мышеловке, не класть все яйца в одну корзину, выкручивать руки* и некоторые другие.

С другой стороны, в русском языке сравнительно недавно (прослеживается с начала нашего тысячелетия) появился фразеологизм *повесить на гвоздь (на крючок) что-л.* – «перестать заниматься чем-л., каким-л. делом, профессией».

В найденных контекстах в состав фразеологизма входит чаще всего также название спортивной обуви (бутсы, кеды, кроссовки, туфли и т.п.), которые вешаются на

гвоздь или крючок. В русском языке оборот является калькой англ. *hang up one's boots* и ощущается как неологизм, он еще не зафиксирован (по нашим данным) в русских фразеологических словарях. Однако в спортивных сообщениях это выражение явно относится к модным, им пестреют и страницы Интернета. Ср.:

– *Тысячный гол в своей карьере забил наконец бразильский футболист [...] Ромарио. Теперь он с чистой совестью может* ***повесить бутсы на крючок****, о чем уже подумывал.*

Постепенно компонент, обозначающий предмет обуви, заменяется другими атрибутами спортивной жизни: мы читаем, что конькобежец повесил коньки на гвоздь, боксер повесил перчатки на гвоздь, теннисист – ракетку на гвоздь, чемпион мира по биатлону повесил винтовку на гвоздь, затем даже: *Лучший футбольный арбитр России решил* ***повесить свисток на гвоздь***.

Как видим, происходит постепенное расширение компонентного состава оборота, который сначала употреблялся лишь в спортивной сфере. Заметим, что значение «перестать заниматься чем-л.» имеет в английском языке уже сам глагол *hang up*. Вероятно, расширение сочетаемости приведет к сокращенной форме русского оборота: *повесить что-л. на гвоздь (или на крючок)*. Итак, в русском языке данное выражение является неологизмом, заимствованным из английского языка, из области спорта, и в настоящее время проходящим процесс освоения.

Оборот *pověsit něco na hřebík (hřebíček)* (повесить что-л. на гвоздь) есть и в чешском языке, но здесь он, по данным словаря В. Флайшганса «Česká přísloví», имеет давнюю историю – ср. контекст 1561 г.: *siceť to ledakdes* ***na hřebík pověsíme*** *a od svého povolání utečete (иногда мы это на гвоздь вешаем и от своей профессии убегаем)*, или контекст XVI в. без уточнения даты: ***školní kapsu na hřebík pověsiti*** *(школьную сумку на гвоздь повесить)*, далее приводятся и контексты последующих веков.

Более того, автор словаря Вацлав Флайшганс, прекрасный знаток европейской фразеологии, дает у этой статьи помету «заимствованное и освоенное выражение» и этимологическую справку: из немецкого: etwas an den Nagel hängen [Flajšhans 1911: 344].

Таким образом, перед нами фразеологизм, который был заимствован чешским языком из немецкого не позднее середины XVI века. В русский язык близкий оборот *повесить бутсы (ботинки и т.п.) на гвоздь (на крючок)* попал недавно, вероятнее всего, из английского языка.

Интересно, что чешские контексты предыдущих веков не содержат наименований спортивного инвентаря (что и логично), в них мы читаем: «повесил школьную сумку на гвоздь, повесил грамматику, филологию, беспокойную работу и т.п. на гвоздь»: *pověsil školní kapsu na hřebík, pověsil gramatiku, filologii na hřebík, pověsil dosavadní svůj život na hřebík, pověsil vdovství na hřebík, pověsil neklidné zaměstnání na hřebík* [Flajšhans 1911: 344].

Однако в современных контекстах мы видим также *повесить перчатки на гвоздь* – о вратаре, *повесить скейтборды на гвоздь* и т.п. (*pověsit brankářské rukavice na hřebík, skejťáci mohou svá prkýnka s kolečky pověsit na hřebík* и т.п.).

Итак, чешский германизм, существовавший в чешском языке веками, явно переживает «модернизацию» под влиянием английского языка.

В чешском языке известен также другой фразеологизм немецкого происхождения: *držet palce komu* (jemandem den Daumen halten) – «болеть за кого-л. (напр., при сдаче экзамена), желать удачи кому-л.», зафиксированный в начале XX в. В русском языке этот фразеологизм появился совсем недавно – по всей видимости, из английского *keep one's fingers crossed (for someone)* – и используется в разных вариантах, что характерно для неологизмов, причем не только в форме *держать пальцы за кого,* но и *держать пальцы крестом (крестиком), держать пальцы скрещенными*.

Эти варианты, по нашему мнению, проясняют первоначальную мотивацию ФЕ – до сих пор дети перекрещивают пальцы при виде скорой помощи, аварии или какого-то несчастия, как бы отгоняя злого духа. Интересно, однако, что этого оборота в русском языке раньше не было. Когда кто-л. шел на экзамен, он говорил: «болейте за меня» или «ругайте меня». Существовало и суеверие, что нужно обмакнуть пальцы в чернила, это принесет ребенку удачу на экзамене – и некоторые особенно любящие мамы это на самом деле делали. В современном русском языке все эти суеверия соседствуют друг с другом и создают новый синонимический ряд выражений со значением «болеть за кого-л., желать ему удачи», ср. призыв на форуме в Интернете:

– *Господа! Сегодня, начиная с двух часов пополудни, все кому не лень, держите за меня кулаки, пальцы крестиком, нос в чернильнице и делайте прочие трюки, неизменно приносящие удачу*.

И через некоторое время:

– *Спасибо всем, кто меня ругал и держал пальцы крестиком. Всё прошло замечательно*.

Итак, что же происходит в современной интернациональной фразеологии? Как и весь фразеологический фонд и язык вообще, и интернациональная фразеология постоянно изменяется. С одной стороны, сокращается количество активно употребляемых культурных интернационализмов. С другой стороны, группа фразеологических заимствований быстро расширяется, причем характерно, что кальки немецкого происхождения, уже существовавшие в чешском языке ранее, становятся интернациональными благодаря тому, что в русском и других языках появляются новые заимствования из английского языка, которые приносят сюда образы, давно известные западнославянским языкам.

Использованная литература:

Мокиенко, В.М.: *Историческая фразеология: этнография или лингвистика?* In: Вопросы языкознания, 1973, № 2, с. 21-34.

Мокиенко, В.М.: *Славянская фразеология*. М., 1980.

Мокиенко, В.М.: *Образы русской речи*. Л., 1986.

Складана, Я.: *Сопоставление некоторых словацких и русских фразем в диахроническом аспекте*. In: Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2005). 3. část. Olomouc 2006, s. 823-828.

Янковичова, М.: *Русские фраземы с компонентами-символами и европейский фразеологический фонд*. In: Rossica Olomucensia XL (za rok 2001). 2. část. Olomouc 2002, s. 421-426.

Čechová, M.: *Užití kulturních frazémů v současnosti*. In: Přednášky z XLII. běhu Letní školy slovanských studií. D. I. Praha, 1999, s. 47-56.

Flajšhans, V.: *Česká přísloví*. D.1. Praha, 1911.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ладислав Воборил
Чехия, Оломоуц

РУССКИЙ ЯЗЫК – ЕГО РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ – В КОММУНИКАТИВНЫХ УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО WEB-ПРОСТРАНСТВА

Мотто:
Жизнь вошла в Интернет, а Интернет вошел в жизнь.
[Трофимова 2004: 42]

Abstract:
The article deals with the functioning of Russian on the Internet. Language is the main construction means of the virtual reality. In the 1st part a brief history of the Internet, Runet is outlined. The 2nd part is devoted to internet-communication (general properties of the web as a communicative space, communicative functions, communicative act structure and characteristics of communicative act elements with respect to the new medium). The 3rd part aims at presenting general tendencies and changes in "Russian on the web". The main tendencies are as follows: 1) contamination of the means (written and oral, standard and colloquial, latin and cyrilics, English and Russian); 2) polyfunctionality vs simplification (agrammatism, compensation, hypertext, new genres); 3) diffusion vs differentiation of means; 4) expressivisation, language play.

Key words:
Internet space, Russian, Runet, communication, global, crocc-cultural, interactivity, web-communicative act, contamination, complication, simplification, diffusion, differentiation, expressivisation, language play.

Мотто настоящей статьи отражает факт, что в данный момент многие языки мира, в том числе русский, функционируют в двух взаимообусловленных, связанных друг с другом сферах – в традиционной (реальной) действительности и в виртуальном пространстве интернета (далее и.). С одной стороны, язык и речь приспосабливаются к техническим возможностям и., с другой стороны, основным средством создания новой коммуникативной среды является живой язык.

На сей день и. – это не только революционное технологическое изобретение, но и коллосальный источник информации, мощное средство коммуникации, культурное пространство, что подтверждается такими метафорическими названиями, как, напр., «всемирная паутина», «информационная супермагистраль», «глобальная деревня».

И. – это и объект научных исследований, напр., философии, теории коммуникации, психологии, социологии, лингвистики и др. Для лингвистики самым важным является то обстоятельство, что основным средством формирования и-пространства является как раз живой язык. В виртуальное пространство и. человек вступает, создавая свой лингвистический образ. По словам Г.Н. Трофимовой, *текст и личность в виртуальной реальности становятся равнозначными* [Трофимова 2004: 36]. Факт, что единственной реальностью в «виртуале» является речевой образ коммуниканта, осознают и В.В. Новиков, Л.М. Тираспольский, высказав мнение, что *каждый участник утверждает свой авторитет своим речевым поведением* [Новиков, Тираспольский]. А.Е. Войскунский говорит о редуцированности коммуниканта до вербальных сообщений. О заинтересованности лингвистов в языке и. и и-общении свидетельствует ряд трудов, среди авторов которых числятся Г.Н. Трофимова, Е. Буторина, Л.Ю. Иванов, Ф.О. Смирнов, А.Е. Войскунский, М.Ю. Сидорова, Е.И. Горошко, D. Crystal.

Понимая актуальность данной темы, организаторы настоящей конференции стараются содействовать решению очерченной проблематики, выдвинув в качестве темы лингвистической секции «язык и общение в эпоху и.». В своем выступлении намереваемся: 1) представить и., в частности Рунет, в его диахронии и синхронии, включая его перспективы; 2) рассмотреть и. как глобальное коммуникативное киберпространство, обратив внимание на специфику веб-коммуникативного акта, на выбранные речевые жанры; 3) проследить основные тенденции развития русского языка в и. в свете общих языковых процессов постперестроечного периода.

1. Интернет // Рунет в диахронии и синхронии

И. как сеть связанных друг с другом компьютеров расширил ряды технических средств коммуникации и массовой информации, заняв место вслед за изобретением в XV веке книгопечатания и за появлением почти 400 лет спустя радио- и телевещания. Все перечисленные технические достижения сближает факт, что они существенным образом сказались на характере общения, на форме бытия языка и текста [Сидорова 2006: 7], на человеческом мышлении. Наступление каждого из них сопровождалось известными опасениями, будь то опасения Святой церкви по поводу нравственности и правильности вероисповедования или политической корректности радио- и телевещания либо опасения в наше время лингвистов по поводу чистоты языка, проблемы авторских прав, безопасности. [Crystal 2001: 1-4]. Однако, от всех остальных средств коммуникации и. отличается прежде всего своей массовостью, масштабностью (глобальностью) и стремительностью наступления.

Его родиной считаются США, время рождения – 60-е годы XX века. Началом истории и. в более узком смысле можно считать изобретение в 1991 г. технологии гипертекста (www) в Женеве. В России развитие и-технологий наступило с определенным опозданием. Бурный расцвет Рунета начинается с рождения первых сайтов и порталов. В ноябре 1994 г. появляется первая эл. библиотека – Библиотека Мошкова. В марте 1995 г. в Рунете создана первая эл. версия СМИ «Учительская газета». В 1996 г. возникли поисковые системы «Рамблер», «Яндекс»; в этом же году заработала первая сетевая радиостанция – «Радио 101». В 1998 г. открыта первая бесплатная почтовая служба mail.ru. [по материалам Музея истории Интернет]

И./Рунет – это, однако, не только технологии и контент, но и среда, созданная людьми для людей, интернетчиков. По данным российской исследовательской

компании РОМИР [romir.ru], опубликованным на 01.06.07, за I квартал 2007 г. аудитория Рунета составила 22 % от общего числа россиян старше 18 лет (около 25 млн человек). Соотношение мужчин (прибл. 55 %) и женщин (45 %) в Рунете за последнее время не меняется; тенденция соотношения возрастных групп тоже почти без изменений. Самая большая доля и-населения – это молодые люди в возрасте 18-24 года (51 %), средний возраст рунетчика составляет 31 год. Чаще остальных Рунетом пользуются квалифицированные специалисты, студенты и учащиеся, руководители высшего и среднего звена. [по данным РОМИР 2007] По данным за IV кв. 2005 г. (данные за 2007 г. у нас пока не имеются), наиболее посещаемыми сайтами были поисковые системы, новостные сайты, почта. В первую десятку рейтинга поисковых фраз вошли: *гороскоп*, *сонник*, *погода*, *обои*, *знакомства*, *обои для рабочего стола*, *рефераты*, *игры*, *приколы* и *работа*. [по данным Музея истории Интернет]

2. Интернет как коммуникативное пространство, веб-коммуникативный акт; выбранные коммуникативные жанры

По своей сути и. коммуникативен. Задумманный первоначально, главным образом, как источник информации, он превзошел многие ожидания, развившись в направлении коммуникативности. По словам Л.Ю. Иванова [Иванов 2000], и., в частности язык и., выполняет все выделяемые как правило функции: коммуникативную функцию и ее частные составляющие: фатическую, волюнтативно-персуазивную, когнитивную, тезаурусную, культурно-образующую и эстетическую. В качестве главных черт новой коммуникативной и-среды, ссылаясь на других авторов [Литневская, Бакланова 2005; Сидорова 2006; Трофимова 2004], приводим: *глобальность*, *кросскультурность*, *гетерогенность*, *физическую непредставленность*, *полифункциональность*, *интерактивность*, *мультимедийность* и *гипертекстуальность*.

Коммуникативная среда и. гетерогенна и включает ряд разных ситуаций и дискурсов. Для упрощения описания различаем и. как источник информации, с одной стороны, и и. как средство коммуникации. В первом случае информация транслируется из одного источника многим получателям (сетевая публицистика, порталы справочных служб, каталоги библиотек, сайты официальных органов, фирм, учреждений); в принципе можно говорить о массовой коммуникации. Во втором случае имеется в виду ряд ситуаций и связанных с ними жанров (эл. почта, списки рассылки, дискуссионные группы, форумы, чаты, *ICQ, IRC*, блоги (дневники), ролевые игры), в которых речь идет об интерперсональной коммуникации и которые являются источником жанровых и речевых преобразований, новаций. В следующей части уделим внимание именно второй, коммуникативной стороне и., представив усредненный веб-коммуникативный акт с учетом как можно больше частных случаев. Опорой изложения послужит структура коммуникативного акта, включающего ситуацию, участников, канал, носитель, код, содержание и коммуникат (текст) [MČЗ 1987: 624-625].

Коммуникативная ситуация. Киберпространство лишено понимаемых традиционно пространственно-временных координат; метафорически говорят о «смерти времени и расстояния». Общение идет поперек территориальных границ, временных поясов; и-коммуникация дистантна. Однако, ввиду интерактивности многих дискурсных форм (e-mail, чат, *ICQ,* форум, ролевые игры) наблюдается

тенденция создавать эффект контактности, будто общение происходит непрерывно, «здесь» и «сейчас». Внесетевое, хронологическое время в и. не играет значительной роли; точкой отсчета можно считать, скорее всего, момент присутствия коммуниканта в сети. Коммуникация осуществляется или синхронно, в режиме онлайн, или асинхронно, отсроченно, в режиме оффлайн; причем второй тип общения гораздо чаще. Кроме того, благодаря техническим свойствам и-среды коммуникант может симультанно принимать участие в нескольких дискурсных формах.

Отсутствие пространственно-временного дейксиса зачастую компенсируется наличием совместного опыта, фоновых знаний. Осознавая его недостаточность, коммуниканты (чат, ролевые игры) прибегают к выражению не только в режиме «сказать/to say», т.е. прямой речи, но и «сделать/to do» [Crystal 2001], используя форму глагола 3-го лица ед. числа наст. времени, описывая свои действия в момент речи (так наз. изобразительный регистр речи по Г.А. Золотовой) [Сидорова 2006; Золотова, Онипенко, Сидорова 2004].

Коммуниканты, субъекты коммуникации. По синхронности/асинхронности, числу коммуникантов, направленности общения можно различать, напр.: 1) асинхр. общение 1/1 (напр., e-mail), 2) асинхр. общение 1/несколько (напр., списки рассылки) 3) синхр. общение 1/1 (*ICQ*), 4) асинхр. общение многие/многие (напр., форум), 5) синхр. общение многие/многие (чат).

Осложнены и чередование ролей, обратная связь. Напр., в чате или на форуме, последняя реплика отнюдь может не быть реакцией на предыдущую. Д. Кристал [Crystal 2001] пишет, что прежде чем приступить к формулировке своего сообщения, вновь приобщившиеся читают обычно последние 4-5 реплик. Ответная реакция может вообще и не наступить, и-общение асимметрично; коммуниканты получают больше информации, чем отправляют. В общем, однако, и. характеризуется повышенной интерактивностью, ускорением обратной связи (напр., эл. письма).

В связи с физической непредставленностью коммуникантов [Жичкина], анонимностью, растворенной телесностью осложняются вопросы идентичности, самопрезентации; в и. разрушена иерархия социальных ролей по полу, возрасту, этносу, национальности, образованию, профессии, социально-экономическому статусу [Жичкина, Белинская]; нет физических (телесных) коммуникативных препятствий (неприятная внешность, болезнь) [Мышенникова 2001]. Вследствие этого В. Нестеров [Нестеров] различает в и. доверительное и карнавальное общение. В первом случае коммуникант выступает лично от себя, во втором он конструирует свое «я», надевает маску, создавая образ автора.

Физическая непредставленность и вытекающая из нее равноправность коммуникантов создает атмосферу свободы, вызывает ощущение безнаказанности, что сказывается или на повышенной откровенности, доверительности коммуникации, или на ее агрессивности, инвективности; ненормативными формами поведения можно признать флейм/наезд (употребление инвективной стратегии), флуд (заполнение дискуссии бессодержательными высказываниями), спам (распространение в сети незапрошенной информации), троллинг (введение в дискуссию заведомо ложной информации с тем, что кто-то «клюнет на нее как на приманку»). Не в последнюю очередь, описанная обстановка стимулирует языковую игру, креативность.

Наконец, по установке коммуникантов и-общение можно делить на нефатическое (информационное) и фатическое, с постепенным увеличением доли фатического.

Коммуникативный канал, носитель, коммуникативный код. Реализуясь с помощью сложной сети связанных друг с другом компьютеров, и-общение, как мы уже отметили, является опосредованным (с ограничениями сенсорного опыта), дистантным, чаще всего асинхронным. Процесс речепроизводства и речевосприятия осуществляется с помощью клавиатуры и монитора. По заключениям психолингвистов, набор текста на клавиатуре довольно отличается от написания от руки; *атрофируются зрительные навыки восприятия образа слова* [Трофимова 2004]. Умение писать на клавиатуре определяет скорость общения, сказываясь и на численности опечаток. Приспособление текста к экрану монитора, в свою очередь, стало одним из факторов речевосприятия.

Почти исключительный носитель сообщения в и. – графика. Отсутствие паравербальной (интонационной) и невербальной (жестикуляция, мимика, позы) составляющих сообщения привело к выработке коммуникантами особых приемов передачи интонации (умножения графем, знаков препинания, использование заглавных букв и других типографских средств – жирный шрифт, подчеркивание). Для передачи невербальной составляющей служат так наз. эмотиконы, смайлики (рожицы). Однако, гамма передаваемых ими семантическо-прагматических оттенков весьма бедна. В чатах для выражения последних используются комментарии в виде сценических ремарок.

Содержание, тема, предмет коммуникации. Тема, часто упрощенно понимаемая как предмет коммуникации, является одним из самых важных стилеобразующих факторов, включая и-среду. Тематически веб-коммуникаты колеблются от сугубо официальных (напр., научные публикации, сообщения справочных служб, сайты организаций и фирм, каталоги библиотек), до неофициальных (форум, чат, эл. письмо). Степень официальности темы определяет уровень языкового облика окончательного результата коммуникаци – текста (его структуру, синтаксис, лексику, орфографию).

Коммуникат, текст. И. внес ряд изменений в понимание текста. 1) Широкое применение технологии гипертекста, составляющего суть и., привело к асимметричности соотношения линейности/нелинейности текстов в пользу нелинейно, ступенчато структурированных текстов, гипертекстов. И. в своей совокупности – это огромнейший макрогипертекст. 2) И. сдвинул текст в направлении мультимедийности. Печатные тексты сопровождаются графической визуализацией, анимацией, звукорядом или видеорядом; и-страница в целом образует политекст [Трофимова 2006]. 3) Текст в и. интерактивен, коммуникативно насыщен [Нестеров], нацелен на обратную связь. К ресурсам, опубликованным в и., добавляется возможность высказать свое мнение (гостевая книга, эл. письмо, форум). 4) Меняется понимание авторства текста. И. дает возможность сочинения текста многими авторами (напр., и-роман, стихотворение), что также весьма меняет укоренившееся представление о границах текста. 5) Меняется и понимание статичности текста. Все тексты, в том числе предназначенные для сиюминутного восприятия (напр., в чате), можно хранить, возвращаться к ним, легко обрабатывая их. По способу производства налицо в и. отредактированные тексты (напр., веб-публикации), частично отредактированные (напр., посты на форумах, эл. письма) и спонтанные,

неотредактированные (чатовские разговоры). Наконец, тексты можно делить и на модерируемые и немодерируемые [Сидорова 2006: 55].

3. Русский язык в интернете, его функционирование и тенденции развития

По словам Г.Н. Трофимовой [Трофимова (2)], и. – *новое, раньше не существовавшее место функционирования языка*. Цель и-лингвистики – изучать коммуникативные аспекты языка и его функционирование. Наша цель – рассмотреть основные процессы и тенденции развития русского языка в условиях сети на фоне общих языковых процессов конца XX – начала XXI века. Полагаем, что благодаря письменной фиксации речи в и. многие явления современной речевой практики стали лишь более видными, выпуклыми, что их отнюдь нельзя считать абсолютно новыми, раньше не наличествовавшими. Их надо отграничить от чисто сетевых языковых преобразований, новшеств. Не в последнюю очередь, привлекает к себе внимание и обратный процесс обогащения внесетевой языковой реальности сетевыми элементами. Прибегнув к метафорам разных ученых-лингвистов, отражающих обстановку и., можно сказать, что последний *становится особым тиглем, в котором переплавляются все виды, типы, жанры и стили речи* [Трофимова 2004: 112], что и. – *кривое зеркало*, чаще отражающее status quo, чем порождающее новое, *представляя собой уникальный полигон, на котором развертывается испытание естественного языка* [Войскунский 2001].

Трудности отмежевывания процесса функционирования языка, наблюдаемого в рамках виртуальной реальности и за ее пределами, вытекают также из того, что момент наступления и. в России (в отличие от, напр., США, Германии, Франции) совпадает с периодом мены политического уклада, экономической системы, социальными и культурными преобразованиями, в том числе языковыми. Итак, в качестве основных тенденций, связанных с функционированием русского языка в постперестроечную эпоху, приводят *демократизацию* и *либерализацию* языка [Костомаров 1994: 5]. В авторитетной книге «Русский язык конца XX столетия» Е.А. Земская перечисляет выделенные еще в начале Перестройки М.В. Пановым явления, характеризующие функционирование русского языка, а именно: *диалогичность; усиление личностного начала; стилистический динамизм; явление «переименования»; сочетание резко контрастирующих стилистических элементов* [Земская 2000: 11-12]. Сказанное ею дополняется другими явлениями и тенденциями: расширение состава участников массовой и коллективной коммуникации; разрушение цензуры и автоцензуры; расширение сферы спонтанного общения; изменение ситуаций и жанров общения; замена официального подготовленного общения неподготовленным, менее официальным [Земская 2000: 12-14].

Сравнивая процитированное с реальной ситуацией и., приходим к выводу, что в и. данные тенденции нашли свое продолжение, во многом достигнув своего апогея. Публично, спонтанно, неформально, почти без цензуры стали выступать широкие слои общества. Личностное, приватное общение стало достоянием публики. Факт, что единственный способ презентации человека в сети – его речевой образ (речевое произведение), стимулирует выработку новых стратегий самопрезентации с целью привлечения внимания, идентификации, дифференциации. И. способствовал расширению интерактивной (диалогической и полилогической) коммуникации; монологический текст часто возникает как реакция на предыду-

щий текст, повышая свою диалогичность. В и. сложились новые ситуации, жанры общения.

В связи с изменениями условий функционирования языка в и-среде Л.Ю. Иванов [Иванов 2000] отмечает две основные тенденции в языке и.: 1) *[…] одновременно протекающее усложнение одних и упрощение других средств по сравнению с аналогичными средствами в литературном языке […]. Эта тенденция затрагивает план выражения, план содержания и план прагматических интенций*. Частный случай указанной тенденции – это *тенденция к более высокой дифференциации одних явлений и средств при более диффузном пользовании другими*. 2) *Конкурирующее воздействие норм письменной и устной речи*.

Учитывая изложенное и опираясь на собственный опыт с и-коммуникацией и и-речью, выделяем следующие общие тенденции в области функционирования и развития русского языка в сети: 1) **контаминация** средств (напр., устного и письменного варианта речи; разгововорной речи и литературного языка; вербальной и невербальной составляющих кода; латиницы и кириллицы; русского и английского языков); 2) **усложнение** одних **средств** (полифункциональность, компенсация, коннотация; гипертекст, новые жанры) и **упрощение** других (языковая экономия, аграмматизм, компрессия); 3) **диффузность** одних и **дифференциация** других средств (изменение функционально-стилистической характеристики существующих жанров в сторону разговорности; процессы терминологизации и детерминологизации); 4) **экспрессивизация**, **карнавализация**, **индивидуализация языка**, языковая игра. [Пилатова, Воборил: 2007]

Контаминация. Сочетание письменного варианта речи с его интерактивностью, диалогичностью заставляет лингвистов взглянуть по-новому на оппозиции «устный» х «письменный» и «разговорный» х «литературный». Кроме формально и концептуально письменной речи, в и. складывается новая форма речи, формально письменная, но концептуально устно-письменная (менее структурированная, телеграфная, с наличием устно-разговорных элементов), обозначаемая по-разному: *письменная разговорная речь* [Буторина], *компьютерная форма речи, интернет-речь* [Трофимова 2004], *киберязык, нетспик, веблиш, нетлиш, электронный язык* или *дискурс* [Crystal 2001].

Латинизация кириллицы тесно сопряжена с влиянием на русский язык английского языка, американизацией. Г.Н. Трофимова [Трофимова 2004: 73] отмечает, что *впервые после 1920-х годов […] русская азбука потеснена латиницей*. Автор выделяет несколько ступеней сосуществования латиницы и кириллицы: *включение фрагмента на чужом языке в русский текст; полная латинская транслитерация русского текста; написание русских букв, по умолчанию указывающих на латинские, принадлежащие соответствующим клавишам*, напр. З.Ы. = P.S., *ину* = bye, *зды* = pls (это можно считать частным случаем языковой экономии, не имеющим своего аналога в других языках)*; создание слов из фрагментов кириллицы и латиницы (выDOOMывать, заLOOPаться); симуляция кириллицы с использованием букв латинского алфавита и создание текстов на этом симулянте* (буква «ш» заменяется буквой «w», «х» [ch] / «х» [икс]; «у»/«y»; «ь»/«b»; «з»/«3»)*; создание русских слов по принципу калькирования, замены метафорического ключа или воспроизведения отдаленной фонетической ассоциации* (напр., *мелкомягкие*, мелкомягкость = microsoft; *шаровары* = shareware; *девица* = device; *зашарить ре-*

сурсы = to share [Гусейнов 2000]). [Трофимова 2004: 73-74] Многие из приведенных случаев обнаруживают игровое начало, их можно считать проявлениями и других тенденций – тенденции к усложнению или упрощению.

Упрощение одних и усложнение других средств. Упрощение наблюдается на уровне орфографии, пунктуации вследствие несоблюдения синтаксических правил употребления знаков препинания; оно имеет явно индивидуальный характер. Говорят о так наз. аграмматизме [СЭСРЯ: 648]. Коммуникантами игнорируются границы или статус синтаксических и номинативных единиц; слова в начале предложения, в том числе имена собственные зачастую пишутся со строчной буквы. Точки, запятые, дефис, кавычки и другие знаки препинания расставляются произвольно. Встречается и фонетический принцип письма; орфография отражает произношение в духе «пишется как слышится». Причину можно усматривать как в низкой языковой осведомленности коммуникантов, так и в целях экономии места, времени, соответственно, денег).

Вполне в духе аграмматизма и тенденции к аналитизму синтаксические структуры фрагментарнее; формальные синтаксические связи ослабляются, они свободнее и часто формально не выражаются. Бо̲льшая роль выпадает контексту и порядку слов. [Трофимова 2004: 93-113] Встречаются разные усечения, эллипсис. Паратаксис превалирует над гипотаксисом, встречаются перечисления, однородные члены предложения. Высказывания короче, проще (даже по содержанию). Границы синтаксических единиц иногда трудно установить; скорее чем о предложении/высказывании говорят о сегментах, напр.: *А если серьезно...то бесит толкъо бабулька....она чуть дальше меня живет но на одной клетке Она всегда за всеми подсматривает, при чем когда мне еще 18 не было....картина маслом....ко мне два друга идет и в сумке тащят монитор....заходят...тут же звонок...она заходит под каким-то соседским предлогом.....они значит уходят...у нее дрожат руки...они тебя не изнасиловали? при чем парни на вид...ну божьи одуванчики.* [www.ru-forum.com]

На уровне лексики и словообразования тенденция к упрощению выливается в явления компрессивного словообразования, аббревиации: 1) Образование сокращений путем пропуска гласных (напр., *спс, спсб, плз, плжста*); интересно, что данное средство отнюдь не ново, с ним встречаемся в священных языках типа старославянского или древнееврейского. 2) Возникновение буквенных аббревиатур, состоящих из начальных букв словосочетаний или высказываний (напр., *IMHO, BTW, KMA // имхо, лол*). Данный прием характерен для английского языка, почти все образования заимствованы из последнего в подлинной форме. Г.Н. Трофимова [Трофимова 2004: 80] приводит смоделированные по тому же самому принципу окказиональные аббревиатуры, напр., *САТУРН = слышишь, а тебя уже разлюбить невозможно, ЖНССС = жизнь научит смеяться сквозь слезы.* 3) Образование аббревиатур (акронимов), состоящих из букв и цифр на основе тождества произношения буквы или цифры (*U – you, 4U – for you, CU – see you, CUL8R – see you later, B4 - before*). Опять, речь идет о заимствованных из английского языка формах. 4) Формы, возникшие путем регрессивной деривации, часто игнорирующей морфемные швы, напр. *инет, ава, прога, модер, админ, инфа, препод*. Встречается и сочетание универбизации и деривации, напр., *реал, вирт, личка, очка.*

Усложнение орфографических, пунктуационных, в том числе типографских средств, усматриваем в использовании их в целях 1) компенсации паравербальной (модуляции голоса, темпа, паузы, акцента, напр., умножения букв, знаков препинания, подчеркивание, разрядка, кавычки) и невербальной составляющих коммуникативного кода; 2) передачи разных модальных и оценочных смысловых оттенков (удивление, несогласие, негодование), 3) разных прагматических интенций (имеется в виду образование с помощью знаков клавиатуры так наз. пиктограмм, эмотиконов, выражающих разные эмоции (чаще всего, радость, грусть, смех); наличие их в тексте нередко рассматривается как сигнал несерьезности; надо отметить, что это не исконно сетевое явление; смайликами дополняются письма молодых людей уже несколько десятилетий); 4) в целях эвфемизации (вуалирование вульгаризмов, напр., *будет ассоциироваться с з@ебной хренью // Причём тут „проклятые метропольцы“? #ля*), 5) индивидуализации речи, языковой игры (см. ниже).

На уровне синтаксиса видное проявление тенденции к усложнению – это широкое использование структуры гипертекста. Последний, по мнению многих лингвистов, расширил цепочку синтаксических единиц: синтагма, предложение-высказывание, сверхфразовое единство, текст, гипертекст [Трофимова 2004].

На уровне лексики и словообразования усложнение наблюдается в области терминологизации (нередко путем заимствования из английского языка и постепенного морфолого-синтаксического обрусения (напр., *веб, онлайн, онлайновый, интернет, интернетовский, браузер, хакер*), слова возникают и путем семантического наращения смысла, напр., *падать, контент, администратор, повисать* [Трофимова 2004: 81]. Потребность выступать под псевдонимом-ником активизирует ономасиологический процесс. При образовании ников налицо случаи трансформаций имен собственных (*Diam77 – Дима, M@rt - Мартин, AndyMan – Андрей, miss Julia – Юлия, Marsha - Марина*). Ники созданы больше на латинице (*Shurik, zhmurik, Irinka, inozemec*), чем кириллице (*тетя Глаша, Кандид*); иногда в составе ника используются оба алфавита (*Mila_Я, Га_Newa*). С формальной точки зрения интересны случаи употребления строчных и прописных букв (*ИсТеРиКа, FausT, SiriuS, ZorG, NaStEnOK, Не_ТвОя, ПуТник*), знаков препинания (*s.w.e.e.t, B-e-g-i-n-n-i-n-g*) и других символов клавиатуры (*M@rt, M@susj@, Bl@ckDembel, Dantes$, A_meli*). Не редкость случаи использования в составе ника слова «ник» (*nika_bez_nika, Ник-ки, Niksa, ПуТник*). [www.volchat.ru]

Широкий пласт новой лексики представляет компьютерный жаргон и сленг, отличающийся зачастую высокой степенью экспрессивности; многие образования несут в себе и игровое начало. Особой популярностью пользуются жаргонизмы, образованные от английских слов и благодаря фонетической близости оригинала ассоциативно и коннотативно связанные с разговорными, стилистически сниженными пластами лексики, в том числе с бранью, табуированными словами, ругательствами. Так, напр., эл. почту называют *мылом*, неопытного новичка *юзвером, юзвергом,* переносный компьютер laptop *лапой*, компьютер *компухтером, контупером, писишкой, писюком, писей, психом, пентюхом* (Pentium), неправильно работающий модем *мудемом,* сервер *стервером,* лазерный принтер *лазарем,* звуковую карту SoundBlaster *блястером*, редактор сообщений

GoldEd *голдедом, голым дедом,* программиста *погамером, паскудником* и т.п. [примеры см. Лихолипов, Гусейнов, Смирнов]

Экспрессивизация. Карнавализация. Языковая игра. Г. Гусейнов [Гусейнов 2000] утверждает, и мы разделяем его точку зрения, что *превращения русского языка в Сети обусловлены не столько практическими потребностями упрощения кода, сколько игровыми условиями виртуального пространства*. Некоторые явления языковой игры мы уже рассмотрели, в частности: образование ников, жаргонизмов. Кроме того, наблюдается употребление английских вкпраплений явно в целях иронии (напр, *вэлкомы, андерстэнд, май фрэнд*). Встречаются и уменьшительно-ласкательные формы, опять как средство иронии, насмешки (напр., *мыслишка, идейка, вопросик, годик, темка, доцентик, бутылочка, чемоданчик, новенький*).

В связи с карнавализацией языка и. нельзя не обратить внимание на так наз. «албанское/аффтарское письмо», жанр «падонкафф», намеренное искажение орфографического облика слова согласно с его произношением. Несмотря на долгое существование этого феномена в Сети, импульсом к массовому использованию такого приема был перевод английского комментария к известной картинке «Медвед, превед!». По аналогии образовались такие эрративные лексемы и сочетания как *пака, мидвед, учаснег, какдила?, аффтар жжет, аццкий сотона, аффтар выпей йаду* и др. Данный прием стал очень популярным прежде всего в блогах, форумах, где есть попытки писать таким образом целые тексты, напр., *А в нашэй ридакцийи фсе очинь дажэ любят пейсать на аффтарском езыке, и с бальшим интузеазмом воспринели новый веток розвитийа русскава езыка* [Белкин, Амзин]. Данный прием, включая некоторые штампы, вышел за рамки сети, обогатив потенциал современной публицистики или рекламы.

Заключение. Итак, и. – это не только информационная, но и коммуникативная среда, новое место функционирования естественного языка. В новых технических условиях идет «компьютерно опосредованная коммуникация», породившая «компьютерно опосредованную форму речи», формально письменную, концептуально устно-письменную, отличающуюся особенностями электронного канала передачи сообщения. Это не столько пространственные, временные лимиты речепроизводства, особая структура гипертекста, вызывающие стилистические и языковые сдвиги, сколько демократический, массовый, неформальный характер всей и-среды. Как раз последние приводят к стилевой размытости, расшатыванию языковой нормы, всеобщему «оразговариванию», индивидуализации, языковой игре, расширяя скрытый потенциал языка по горизонтали и вертикали. Такой подход к исследуемому объекту *накладывает обязанность изучать актуально идущие процессы языкового развития, обучать им и пытаться прогнозировать тенденции развития* [Войскунский 2001].

Источники:

http:// www.volchat.ru

http://www.ru/forum.com

Использованная литература:

Алексеенко, Н.Н.: *Психоаналитические особенности поведения человека в киберпространстве*. URL: http://psynet.by.ru/texts/alekseenko.htm

Белинская, Е.П.: *Интернет и идентификационные структуры личности*. URL: http://psynet.by.ru/texts/bel4.htm

Белкин, И., Амзин, А.: *Полный превед*. URL: http://www.lenta.ru/articles/2006/02/28/ preved/

Буторина, Е.: *А поговорить? Интернет как лингвистический феномен*. URL: http://www.npi.ru/mir-media/but.htm

Crystal, D.: *Language and the Internet*. Cambridge University Press. Cambridge 2001.

Daneš, F., Hlavsa, Z.: *Mluvnice češtiny 3*. Academia, Praha 1987.

Гусейнов, Г.: *Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей*. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8-pr.html

Иванов, Л.Ю.: *Язык интернета. Заметки лингвиста*. URL: http://www.inanoff.ru/rus

Костомаров, В.Г.: *Языковой вкус эпохи*. М., 1994.

Кожина, М.Н. (ред.): *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* (СЭСРЯ). Издательство «Флинта», Издательство «Наука», М. 2003.

Лихолипов, П.В.: *Компьютерный жаргон*. URL: http//www.gramota.ru/mag_autor.html

Литневская, Е.И., Бакланова, А.П.: *Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконно сетевого жанра*. In: Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2005. № 6.

Музей истории Интернет. Зал 7. Homo Interneticus. http://www.fid.su/museum/zal7

Мышенникова, Е.С.: *Успешность общения, опосредованного глобальной компьютерной сетью Интернет*. URL:

Нестеров, В.Ю.: *К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете*. URL: http://psynet.by.ru/texts/nesterov1.htm

Нестеров, В., Нестерова, Е.: *Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов*. URL: http://psynet.carfax.ru/texts/nesterov4.htm

Новиков, В.В., Тираспольский, Л.М.: *Жанр виртуальной конференции*. URL: http://psynet.by.ru/texts/virtconf.htm

Сидорова, М.Ю.: *Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение*. М., «1989.ру», 2006.

Смирнов, Ф.О.: *Языковая и коммуникативная агрессия в Рунете*. URL: http://psynet.by.ru/texts/smirnov6.htm

Трофимова, Г.Н.: *О чем пока молчит Рунет?* URL: http://www.gramota.ru/ mag_arch.html?id=11

Трофимова, Г.Н. (2004): *Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты*. Издательство РУДН. ISBN 5-209-01688-9.

Виноградова, Н.В.: *Контактоустанавливающая функция компьютерного жаргона*. URL: http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Vinogradova.htm

Воборил, Л., Пилатова, Й.: *Функционирование графики и лексики в компьютерной форме речи*. In: Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы. «МАКС Пресс», М. 2007.

Войскунский А.Е. *Развитие речевого общения как результат применения Интернета*. URL: http://www.auditorium.ru/v/index.php?

www.romir.ru

Земская, Е.А.: *Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы изучения*. М. 1987.

Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю.: *Коммуникативная грамматика русского языка*. М., 2004.

Жичкина А.Е., Белинская, Е.П.: *Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью*. URL: http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy

ДОКЛАДЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Наталья Анисимова
Россия, Архангельск

НАУЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ДЕНОТАТИВНОГО КЛАССА <ОБЛАКА>

Abstract:
Possibility of scientific texts semantics analyzing on the basis of denotative classes is settled down in the article. The idea of scientific periphery is developed – structure of denotative class fixing the results of world fragment scientific cognition. Some features of clouds conceptualization in scientific field are detected. The main method of scientific periphery analyzing is its comparison with the basic fund of denotative class and its aesthetic periphery. It makes possible to detect typical character of world fragment interpretation in various fields of knowledge.

Key words:
Denotative class, scientific text, scientific periphery, conceptualization, semantics.

Научная периферия денотативного класса фиксирует результаты научного познания фрагмента мира, обозначенного именем денотативного класса. Материал научной периферии составляют высказывания, выявленные в научных текстах с опорой на имя денотативного класса [Симашко 1998: 25]. Например, именем денотативного класса <облака> является слово *облако* (*облака*). Поэтому в состав научной периферии данного класса включаются все высказывания научных текстов, которые содержат этот компонент (и его дериваты – *облачность, облачный, облачно*): *Солнце и луна через эти* ***облака*** *не просвечивают* [САО: 34]; *Как правило, с атмосферными фронтами связана характерная* ***облачность*** [Астапенко 1982: 132]. Кроме того, в соответствии с принципом формирования состава денотативного класса, предложенным Т.В. Симашко [Симашко 1998], в научную периферию денотативного класса <облака> включаются все метеорологические термины, в дефинициях которых содержится идентификатор *облако (облака)* или его дериваты. Такая терминосистема включает не только названия облаков и их свойств, но и названия тех процессов и явлений, с которыми облака так или иначе связаны. Например, термин *вторичное сияние* включается в исследуемую терминосистему, так как в его дефиниции содержится компонент *над (высокими) облаками*: ‘высокая и широкая светлая дуга, иногда наблюдаемая в сумерках *над* высокими *обла-*

ками в той части небосвода, где взошло или должно взойти солнце' [МС: 97]. Такой принцип отбора материала позволяет объединить единицы, в значениях которых фиксируются разнообразные сведения об облаках: их свойства, фазы их образования и развития, их отношения с другими явлениями, характер их использования в практической деятельности человека, их оценку и пр.

Научная периферия представляет собой одну из структур денотативного класса. Наряду с ней, в составе денотативного класса выделяются базовый фонд, отражающий результаты обыденного познания того или иного объекта мира, и эстетическая периферия, отражающая результаты его эстетического освоения. Генетически периферии складываются на базе обыденного языка. В связи с этим основным принципом изучения научной периферии является ориентация на базовый фонд и сопоставление с эстетической периферией.

Сопоставительный анализ позволил обнаружить, что денотативная сфера <облака> представлена в различных формах познания (обыденной, научной и эстетической) рядом сходных семантических доминант: <способность облаков быть источником осадков>, <способность облаков перемещаться под воздействием ветра>, <способность облаков закрывать от взора наблюдателя небесные светила> и др. Эти семантические доминанты фиксируются и в базовом фонде, и в периферия – научной и художественной, хотя, безусловно, в каждой из этих структур денотативного класса они находят своеобразное языковое воплощение.

Обратимся к конкретному примеру. Так, в ряде единиц базового фонда фиксируется семантическая доминанта <свойство облаков обладать различной степенью удаленности относительно определенной точки>, в частности: *жидели* (пск., твер.) – 'осенние низкие облака', *теменца* (арх.) – 'дальнее облачко', *букосель* (арх.) – 'низко идущее облако' [см. Симашко 1998: 289]. Как видим, названная семантическая доминанта выражается посредством характеристик 'низкий', 'дальний'. В художественных текстах она получает выражение в виде оппозиции признаков 'высокий' – 'низкий', 'далекий – близкий', например: *Небольшие розовые тучки стояли* ***высоко*** *в ясном небе* (И. Тургенев); *Белое солнце и* ***низкие, низкие*** *тучи* (М. Цветаева); *Я не думал, что месяц так мал // И что тучи так дымно-****далеки****...* (И. Анненский); *Облака были* ***близко*** (В. Кокорин).

В научных текстах данный параметр вписывается в систему теоретического знания, поэтому, с одной стороны, получает наиболее точное, числовое выражение, например: В *слоисто-кучевых облаках Sc* ***на высотах 0,3 – 1,9 км*** *длина волны λ = 0,87...6,7 км, среднее значение – 2,46 км* [Облака 1989: 76]; с другой стороны, подается через систему классификации: закрепляется в терминах *тропосферные облака, стратосферные облака и мезосферные облака* через указание на известные в науке слои атмосферы (тропосферу, стратосферу или мезосферу), в которых наблюдаются облака. Вместе с тем исследование обширного текстового материала показывает, что строго научный способ фиксации семантической доминанты <свойство облаков обладать различной степенью удаленности относительно определенной точки> не исключает возможности использования в научной речи для выражения ее содержания образов обыденной речи, например: *Переохлажденная морось выпадает из* ***низких*** *слоистых облаков* [Заморский 1959: 24]. Безусловно, чаще всего выражения обыденной речи употребляются в научно-популярных

текстах, так как при изложении научных данных ученый стремится быть понятым неспециалистом и, следовательно, учитывает фактор адресата.

При обозначении некоторых признаков облаков (прежде всего признаков внешнего вида) средства естественного языка применяются регулярно. Широко используются прилагательные и глаголы, называющие особенности цвета, формы и других внешних характеристик облаков (*синий, молочно-белый, плотный, сереть, затягивать, светиться* и др.): *Внизу* ***большого*** *облака намного темнее, чем сверху* [Бялко, 127]; *Затем эти облака постепенно* ***сереют*** [АО, 11]. Многие из этих средств носят межстилевой характер: они употребляются для конкретизации представлений о свойствах облаков и в научных, и в художественных текстах, напр., при определении формы облаков регулярно используются прилагательные *плоский, продолговатый, перистый, слоистый* и др., существительные *гора, башня, вал, купол, пелена, покров, слой, клочья* и др. в различных синтаксических конструкциях (генитивных сочетаниях, сравнительных оборотах и др.), глагол *клубиться*. Ср. в художественных текстах: *Мы шли над Северной Европой на большой высоте, обходя исполинские* ***башни*** *белоснежных кучевых облаков* (К. Паустовский); *... небо поднялось, облака в нем висели* ***горами*** *и начинали с краев белеть* (В. Распутин); в научных текстах: *Кучево-дождевые облака. Плотные и мощные облака со значительным вертикальным развитием в форме* ***гор*** *и* ***башен*** [МС: 236].

В то же время в научных текстах обнаруживается специфика выражения представлений о форме. Прежде всего это стандартность научного описания. Научное описание не несет никакой эмоциональной нагрузки, оно только идентифицирует объект, поэтому в различных метеорологических изданиях – академических, учебных, справочных, научно-популярных – те или иные признаки формы обозначаются одними и теми же словами, употребление которых закреплено традицией и на основе которых вырабатываются стандарты передачи чувственно-наглядной информации. Разнообразие лексики в научных текстах связано с объективным разнообразием фиксируемых форм облаков, а не со стремлением индивидуализировать описание.

Специфически в научных описаниях формы облаков воссоздается ситуация сопоставления: 1) используются прилагательные с суффиксоидами *-образный, -видный* (*дуго****образный****, куполо****образный****, хребто****видный*** и др.): *При этом облако может сохранять* ***куполообразную*** *форму* [Облака 1989: 86]; 2) косвенные номинации обычно вводятся в высказывание посредством компонентов в *виде, напоминает, имеет вид, представляет собой, наподобие* и др.: *Иногда эти облака* ***имеют вид разорванных клочьев*** [Хромов 1983: 200]; 3) в качестве сравнений привлекается несколько лексических единиц, обладающих общим семантическим признаком: *Высоко-кучевые облака представляют собой облачные пласты или гряды белого или серого цвета (или одновременно обоих). Это достаточно тонкие облака, более или менее затеняющие солнце. Пласты (или гряды) состоят из* ***плоских валов, дисков, пластин****, часто расположенных рядами* [Хромов 1983: 199-200]. Оказываясь в отношениях перечисления, единицы *плоские валы, диски, пластины* актуализируют сему ‘плоский’. Остальные признаки внешнего вида (*диск* – ‘круглый’, *вал, пластина* – ‘протяженный’) отходят на второй план.

Помимо этого, к особенностям выражения представлений о внешнем виде облаков в научных текстах можно отнести стремление зафиксировать точные сведения о размере облаков, их мощности, удаленности от поверхности земли, активно под-

ключаются количественные данные, выраженные с помощью цифровых обозначений. Это связано с тем, что чувственный компонент научного знания вписывается в систему теоретических представлений и реализуется в сочетании с ними.

Многие философы говорят о схематизации чувственного образа в структуре научного познания [В.Н. Сагатовский, А.В. Славин, В.С. Степин и др.]. А.В. Славин видит причину этого процесса в принципиально иных функциях наглядности научных представлений: схематизация есть *«своеобразная реконструкция наглядного образа, в результате которой функция изображения у него сочетается с функцией обозначения»* [Славин 1971: 197]. Благодаря этой функции чувственный образ, воссоздаваемый в научном тексте, способен вызывать совокупность теоретических знаний о фиксируемом объекте. Действительно, если предложить носителю обыденного знания и носителю специального знания какой-либо термин, структура которого фиксирует внешний признак явления (например, *кучевые облака*), то первый, безусловно, воспримет лишь ту информацию, которая заключена в наименовании (‘в виде куч’), и на основании выделенного элемента значения построит визуальный образ явления, тогда как в представлении второго возникнут, наряду с эмпирическим образом, и известные ему теоретические (рациональные) сведения о природе кучевых облаков, среди которых доминантными будут следующие: ‘один из родов международной классификации облаков’, ‘возникающие в процессе конвекции’, ‘относятся к облакам вертикального развития’, ‘имеющие капельную микрофизическую структуру’. Чувственный образ явления служит своего рода знаком, «сигналом» имеющейся у субъекта суммы знаний о природе объекта.

В лингвистике вопрос о специфике научного текста разработан детально. Вместе с тем справедливо замечание А.С. Герда о том, что *«объектом анализа в большинстве работ обычно оказываются лишь элементы экзотические, дифференциальные с позиций литературного языка, отдельные специфические слова, выражения, конструкции»* [Герд 1986: 54]. Тогда как, наряду с ними, в научных текстах функционируют единицы общенародного языка, семантика которых обычно приобретает специальную направленность и функции которых отнюдь не ограничиваются обеспечением коммуникации. Исследование научных текстов не должно замыкаться на анализе терминов и тех языковых средств, которые выражают основные логические отношения. Необходимо учитывать все типы семантических отношений между всеми словами, которые привлекаются в научный текст. Использование понятия научной периферии как принципа систематизации единиц научных текстов и как основы изучения особенностей концептуализации фрагмента мира в научной сфере позволяет преодолеть эту неполноту в исследовании научных текстов.

Источники:

Астапенко, П.Д.: *Вопросы о погоде*. Л. 1982.

Атлас облаков / Под ред. А.Х. Хргиана. Л. 1957 (в тексте – АО).

Бялко, А.В.: *Наша планета – Земля*. М. 1983.

Сокращенный атлас облаков для судовых гидрометеорологических наблюдений / Под ред. Л.Г. Соболева. Л. 1961 (в тексте – САО).

Хромов, С.П.: *Метеорология и климатология для географических факультетов*. Л. 1983.

Хромов, С.П., Мамонтова, Л.И.: *Метеорологический словарь*. Л. 1974 (в тексте – МС).

Использованная литература:

Герд, А.С.: *Язык науки и техники как объект лингвистического изучения*. In: Филологические науки 1986, № 2, с. 54-59.

Симашко, Т.В.: *Денотативный класс как основа описания фрагмента мира*. Архангельск. 1998.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Александр Белокуров, Светлана Белокурова, Александр Белокуров
Россия, Санкт-Петербург

ГРАММАТИКА ДИАЛОГА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ИНТЕРНЕТ-ОПЫТ ПРОЕКТА «КУЛЬТУРА ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ» (WWW.GRAMMA.RU)

Abstract:
The place and the role of the Internet-resources in the decision of linguistic formation problems in conditions of dynamics of language and communicative norms in modern Russian are shown on the basis of the web-portal «Culture of written speech» functioning experience. The analysis of the interactive help service activity is given; directions of the effective decision of Russian language acquisition problems and popularization of speech culture among Internet users are offered.

Key words:
Russian Language, website, The Culture of Written Speech, interactive advisory service, language standards, analysis, question categories.

Обсуждение проблем, связанных с культурой речи, выходит сегодня на новый виток в связи со стремительным развитием Интернета как новой сферы функционирования языка. О тех опасных для русской речи последствиях, к которым может привести неконтролируемость интернет-пространства, отказ (зачастую сознательный) интернет-пользователей от соблюдения многих языковых норм и – как следствие – широчайшее распространение тех или иных нарушений нормы, говорят сегодня отнюдь не только филологи. Однако очевидно, что, подобно многим иным изобретениям, это завоевание цивилизации может принести куда больше пользы, нежели вреда – и ныне Интернет должен стать одним из проводников языковой политики и активных помощников в деле распространения культуры речи.

Эта идея и послужила стимулом для создания сайта «Культура письменной речи» (www.gramma.ru). Сайт был задуман как неофициальный и некоммерческий и реализован в мае 2001 года. Задача проекта формулировалась его авторами как «помощь в овладении нормами современного русского литературного языка и навыками совершенствования устной и письменной речи».

О сегодняшней востребованности сайта говорят данные статистики: он уверенно входит в пятерку лучших и наиболее посещаемых филологических ресурсов Руне-

та. Общее число посетителей уже превысило шестнадцать миллионов, ежедневная посещаемость – две-три тысячи. Жители Российской Федерации составляют 65 % посетителей, 35 % приходится на долю представителей более чем 100 иностранных государств, среди которых США, Германия, Перу, Йемен, Лихтенштейн, Иордания, Таиланд, Кувейт, Корея и др. Спектр посетителей сайта очень широк как по социальной принадлежности, так и по возрастным показателям. Основная их часть (60 %) – возрастная группа до 30 лет (школьники, студенты, научные работники, преподаватели, представители СМИ, бизнеса и официальных структур, редакторы и корректоры издательств, технические специалисты); 40 % – люди старшего поколения (преподаватели, руководители подразделений и предприятий и т. п.).

Деятельность портала охватывает ряд направлений: учебно-образовательное (разделы «Русский язык», «Литература», «Стиль документа», «Экзамены»); нормативно-правовая и методическая поддержка преподавателей русского языка и литературы (раздел «Учителю»); информационно-справочное обеспечение («Библиотека» и «Справочный раздел»); популяризация грамотного владения русским языком («Колокол» – обсуждение актуальных проблем современного русского языка, «Комната отдыха» – лингвистические и литературные конкурсы, коллекция речевых ошибок, языковых казусов и нелепиц, замеченных в публикациях, речи, в письменных работах школьников и абитуриентов). Особый интерес посетителей вызывают рубрики «А вы знаете» (история происхождения и развития значений слов и выражений, сведения из области истории русского языка) и «Ликбез от Gramma.ru» (как правильно и почему именно так). Научно-популярные статьи, опубликованные в этих рубриках, появились вследствие диалога авторов портала с его посетителями и представляют результаты наших исследований актуальных языковых проблем, пока не нашедших достаточного отражения в словарях и справочной литературе.

Одно из самых востребованных направлений – индивидуальные консультации. Их выполняет справочная служба русского языка, в адрес которой ежедневно поступают десятки разнообразных по тематике вопросов.

Около 80 % всех вопросов посвящено проблемам языковых и коммуникативных норм [Геккина 2006]. Традиционным для этой группы вопросов является их сопровождение комментариями и суждениями, основанными часто на собственных представлениях о нормах языка. Обращения нередко сопровождаются вопросами *Почему именно так? Какое правило действует в данном случае? К какому словарю или справочнику следует обращаться в первую очередь?* Многие склонны указывать на разночтения, имеющиеся между теми или иными словарями и справочниками. Около половины посетителей интересуются динамикой языковой нормы, историей, просят объяснить, почему предлагается именно такое написание, излагают собственные соображения по интересующему их вопросу.

В области языковых норм заметное внимание уделяется правилам и нормам письменного оформления речи (почти 30 % общего объема вопросов). Чаще других обсуждается слитное, дефисное и раздельное написание слов (*медиаплан, естественно-научный, в связи*), сочетаний слов, конкурирующих, как правило, со словами, имеющими слитное или дефисное написание; употребление прописных и строчных букв в составных наименованиях различных типов; употребление сокращений и аббревиатур; употребление гласных и согласных букв в словах в соста-

ве конструкций (*в соответствии, ни – не*), в терминах и новых заимствованных словах (*бренд, секонд-хенд, дистрибьютор, фитнес*).

Около 60 % вопросов по орфографии связано с письменным оформлением составных или сложных языковых единиц, а также недавних заимствований. Эти вопросы направлены на получение знаний и, главное, на понимание правил, принципов и закономерностей русского письма; возможностей пользоваться источниками достоверной информации.

Среди вопросов, посвященных проблемам графики, следует выделить темы, связанные с проблемой допустимости иноязычных вкраплений, а также касающиеся передачи средствами русской графики заимствованных слов, в частности имен собственных.

Иной характер у вопросов, связанных с пунктуацией. Основной причиной обращения в справочную службу становятся «контекстуальные» проблемы в применении тех или иных знаков препинания, когда предложение является частью связного текста и каждый знак имеет свое «авторское задание».

Нормы фонетические являются традиционным предметом обсуждения, и авторы около 10 % вопросов интересуются словесным ударением, произношением звуков и звукосочетаний.

Следующую категорию норм характеризует их принадлежность грамматическому уровню языка, и около 20 % вопросов посвящено проблемам формообразования, словоизменения и синтаксической связи единиц в словосочетаниях и предложениях. Около половины вопросов о формообразовании изменяемых частей речи связано с образованием существительных в форме множественного числа (*договоры – договора, кремы – крема*). Самыми популярными темами при обсуждении вопросов корректного словоизменения оказываются особенности склонения топонимов (*в городе Уфе – в городе Уфа, в Купчино – в Купчине*) и антропонимов (*Черных, Заяц*), сложных существительных (*счёт-фактура*), конструкций, в состав которых входят количественные слова (*Большинство гостей приехало или приехали?*), несклоняемые существительные (*Можно ли сказать «известная кутюрье»?*).

Вопросы управления активно обсуждаются в связи с конкуренцией предложных конструкций (*в/на Украину, контроль за/над, на/в фирме*).

Лексические нормы чаще всего становятся предметом обсуждения благодаря вопросам о сочетаемости лексических единиц (*Допустимо ли выражение «свободные вакансии»?) и* о значении и семантических различиях слов.

Вопросы о коммуникативных нормах сравнительно немногочисленны: их доля составляет чуть выше 1 % от общей численности. Большинство из них касается речевого этикета и его форм. Единичны вопросы о распространенности ненормативной лексики, слов-паразитов в речи на радио и телевидении.

Значительная доля вопросов, поступающих в справочную службу сайта, касается языка делового общения и правил оформления деловых бумаг.

Вторую по объему группу составляют вопросы по семантике или этимологии слов, устойчивых выражений и фразеологических оборотов, о происхождении имен и фамилий, контекстуальном значении слова, содержании терминов литературоведения. Значительная доля вопросов этой категории касается новейших и еще не зафиксированных словарями заимствований. Ответы на вопросы этой категории послужили базой для создания размещенных на сайте и постоянно попол-

няемых словарей: «Старый и новый лексикон», «Словарь фразеологизмов и устойчивых выражений», «Словарь литературоведческих терминов».

Самую малочисленную группу образуют вопросы, касающиеся лингвистической квалификации фактов и явлений из разных сфер языка, вопросы методического и информационного характера.

Материалы справочной службы вполне определенно очерчивают круг языковых проблем, требующих помощи специалистов. Как правило, поводом для обращений за помощью к лингвисту является вариативность языковых норм; часто она осознается из-за конкуренции тех или иных вариантов или обнаружения разных комбинаций языковых единиц на уровне сочетаемости.

Таким образом, интернет-портал GRAMMA.RU работает для массового адресата, оперативно и по разным направлениям.

Представляется, что он не только имеет самостоятельную ценность в научном и методическом отношении, но и обладает богатейшим потенциалом, позволяющим в значительной мере обеспечить лингвистическую базу для функционирования русского языка в современных условиях. Наилучшим образом такую задачу можно реализовать именно в рамках интернет-ресурса, который способен обеспечить широкий охват аудитории (как потенциальных пользователей – носителей языка, так и специалистов), позволяет сделать доступной компетентную справочную информацию по конкретной языковой проблеме и – что особенно важно – осуществлять оперативную коррекцию заложенной информации в зависимости от динамики движения нормы и с учетом запросов носителей языка.

Использованная литература:

Геккина, Е.Н., Друговейко-Должанская, С.В., Рогожина, Н.О.: *Языковые и коммуникативные нормы как объект метаязыковой деятельности (Опыт справочно-консультационных служб)*. In: Современная русская речь: состояние и функционирование. Выпуск 2: Сборник аналитических материалов. СПб., 2006.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ирина Быдина
Россия, Волгоград

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИДИОСТИЛЯ В КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКЕ ТЕКСТА

Abstract:
The article is devoted to description of art concepts in poetry. The cognitive-communicative research has been helped to differentiate universal and individual senses in art concept and poetry word.

Key words:
Art concepts, cognitive-communicative research, universal and individual senses in art concept.

Исследование поэтической речи вообще, и языка отдельного автора в частности, не может обойтись без понятия идиостиля, который в современной лингвистике принято определять как «*единство ментального и языкового*» [Тарасова 2003: 15], то есть концептов и их языкового воплощения. В поэтической речи вербализуются концепты особого типа – художественные, сущность которых находится пока на стадии научного осмысления.

Художественный концепт, как нам представляется, целесообразно выделить в относительно самостоятельную субкатегорию. Дело в том, что в этом феномене органично совмещаются и коллективные, то есть обусловленные поэтической традицией, и личностные смыслы, исходящие из индивидуально-авторского опыта. Этот опыт восходит к культурной парадигме, к определенной эстетической программе того литературного направления или школы, в рамках которой осуществляется художественное мышление.

Разрабатываемый нами ***когнитивно-коммуникативный*** подход к исследованию поэтического текста как раз и позволяет выделить в художественном концепте и универсальные, и личностные смыслы. Первая составляющая когнитивно-коммуникативной субпарадигмы соответствует пониманию общечеловеческого, инвариантного механизма лингвокогнитивной деятельности и ее результатов, зафиксированных в любом концепте, и в художественном в том числе. По мнению Е.С. Кубряковой, концепт является «*единицей ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отража-*

ет знания и опыт человека» [Кубрякова 1996: 90], в нашем случае – знания и опыт создателя определенного поэтического произведения. Вместе с тем, концепт – это «*содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике*» [Там же], благодаря чему возможен поэтический диалог между автором и читателем.

На оси между ***когнитивным*** и ***коммуникативным*** располагаются различного рода промежуточные когнитивные образования, которые по мере удаления от начальной точки утрачивают общечеловеческую значимость и все больше приобретают личностную интерпретацию. Д.С. Лихачев обращает внимание на то, что концепт «*живет*» в индивидуальном сознании и на последнем этапе своего формирования объективируется в языке, определяя собой природу лексического значения слова. Согласно его теории, концепт следует понимать как результат «*столкновения словарного значения с личным и народным представлением человека*» [Лихачев 1993, 52: 4], как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения [Там же]. Такое понимание концепта соответствует второй составляющей когнитивно-коммуникативной субпарадигмы и оказывается весьма плодотворным для изучения идиостиля того или иного поэта, поскольку такого рода исследование направлено, прежде всего, на выявление различий между словарно закрепленным значением поэтического слова и его индивидуально-личностным, контекстуально обусловленным смыслом.

Когнитивно-коммуникативное исследование поэтического идиостиля предполагает, кроме того, обращение к понятию ***дискурса***. Дело в том, что для определения роли концепта в моделировании идиостиля того или иного автора методологически значимым является направление от дискурсивной семантики поэтического слова к художественному концепту. При этом дискурс понимается как «*сложное когнитивно-коммуникативное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль в понимании и восприятии информации*» [Алефиренко 2006: 7-8]. Семантика поэтического слова, на наш взгляд, представлена двумя типами: внутренней и внешней. ***Внутренняя семантика*** – это собственно семантическая структура слова, зафиксированная в лексикографических источниках. ***Внешняя семантика*** представляет собой различные имплицитные связи поэтического слова с другими единицами текста, в котором это слово функционирует. В результате связей слов в тексте формируется определенное дискурсивно детерминированное смысловое поле – художественное пространство микроконтекста, контекста целого произведения, цикла произведений или даже всего творчества данного автора. Художественный концепт возникает и «живет» в рамках этого дискурсивно детерминированного смыслового поля.

В структуре художественного концепта мы последовательно выделяем следующие актуализированные слои: понятийный, предметный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный. Доминирование того или иного слоя художественного концепта зависит, во-первых, от того, к какому типу он восходит (эмоциональному, пространственному и т. п.), во-вторых, это объясняется особенностями идиостиля того или иного автора, а также зависит от эстетической программы, в рамках которой творит поэт.

Например, в художественных концептах, вербализуемых в поэтических текстах, наиболее ярко представлен, как правило, ***ассоциативный слой***. Это и понятно: одним из законов построения поэтического текста является, как известно, закон ассоциативно-образной связи слов. Для реконструкции ассоциативного слоя целесообразно использовать методику составления текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей концептов, разработанную Н.С. Болотновой. Под ассоциативно-смысловыми полями понимаются «*концептуально объединенные лексические элементы на основе их эстетических значений, то есть системных текстовых качеств слов*» [Болотнова 1994: 40]. Соответственно, под ассоциативно-смысловыми полями концептов понимается совокупность связанных парадигматически и синтагматически вербальных репрезентантов концептов в тексте и система порожденных этими репрезентантами в сознании читателя ассоциаций. Дополнительно была использована методика направленного ассоциативного эксперимента, которая позволила объективировать выводы об ассоциативно-смысловом развертывании концепта в том или ином поэтическом тексте.

Так, в ядро ассоциативно-смыслового поля художественного концепта «Творчество» в идиостиле Виктора Сосноры попадают ассоциаты, которые представлены лексическими единицами, имеющими сему '***писать'*** *в* узуальном значении. Это прежде всего такие лексемы, как *чернильница, перо, карандаш, листок (бумаги), машинка (пишущая), чернильный, пишущий* [подробнее об этом см.: Быдина 2005: 77-82]. Кроме того, в ядро ассоциативно-смыслового поля рассматриваемого концепта включаются культурологические ассоциаты, частотность которых достаточно велика в идиостиле этого поэта. Слова-ассоциаты этого типа обязательно имеют интертекстуальные связи с известными поэтическими текстами других авторов. Например, сверхсловный ассоциат *вырвать грешный язык* представляет собой цитату из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк». К ближайшей периферии ассоциативно-смыслового поля исследуемого концепта отнесены лексические единицы, соотносящиеся с понятием искусства. Особенно частотны в идиостиле Виктора Сосноры ассоциаты *кифара, театр, актер, рисовать*.

В то же время в художественных концептах, вербализуемых в поэтических текстах разных авторов, могут доминировать такие слои, как ***образный*** или ***символический***. Так, в художественном концепте «Творчество» в идиостиле Тимура Кибирова ярко представлен символический слой. Активное использование Тимуром Кибировым как поэтом-постмодернистом интертекстуальных вкраплений порождает символические ассоциации. Например, в идиостиле этого поэта встречается символическая ассоциация ***творчество – бессмертие*** [подробнее об этом см.: Быдина 2005: 83-86], которая носит традиционно-поэтический характер, что подтверждается данными поэтических словарей, а также дискурсивным анализом: «*Нет, все мы* ***не умрем. От тлена*** *хоть кто-то* ***убежит***, *Сережа!*» [Кибиров 1998: 127]; «***И душе в заветной лире*** *как* ***от тленья убежать****?*» [Там же: 16] и др. Во многих стихотворениях поэтического сборника 1998 года «Избранные послания» Тимур Кибиров обыгрывает известные пушкинские строчки (19 случаев). Другая символическая ассоциация – ***творчество – свобода*** – также возникает благодаря апелляции к тексту пушкинского «Памятника» (11 случаев): «*И все же – для того ли уж полтораста лет твердят – покой и* ***воля*** *– пииты русские –* ***свобода*** *и покой! – чтоб я теперь их предал? За душой есть золотой*

запас, незыблемая скала… И в наш ***жестокий век*** *нам, право, не пристало скулить и кукситься»* [Там же: 108].

Когнитивно-коммуникативное исследование поэтического текста предполагает сопоставление смыслового развертывания концептов в идиостилях разных поэтов. Дискурсивный анализ помогает выявить в художественных концептах как универсальные смыслы, отражающие опыт этнокультуры в целом и эстетический опыт определенного литературного направления или школы, так и индивидуально-личностные смыслы, отражающие авторское осмысление действительности. В этом плане интересным оказалось сопоставление ассоциативных слоев одноименных концептов «Душа» в идиостилях Федора Сологуба и Виктора Сосноры. Два направления ассоциирования в смысловом развитии данного концепта в идиостилях Ф. Сологуба и В. Сосноры совпадают: ***душа – смерть***; ***душа – творчество***. Сопоставление соответствующих контекстов произведений этих поэтов с данными поэтических словарей дает основание предположить, что названные ассоциативные параллели являются устойчивыми для русской поэзии и модернистов, и постмодернистов. Устойчивые ассоциации, которые носят традиционно-поэтический характер, формируют символический слой одноименных концептов «Душа» в идиостилях Ф. Сологуба и В. Сосноры.

Итак, ***когнитивно-коммуникативное исследование*** поэтического идиостиля представляет собой комплексное изучение произведений того или иного автора, базирующееся на нескольких методиках: послойный анализ художественного концепта, построение текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей концептов, ассоциативный эксперимент, дискурсивный анализ. Все это позволяет выделить в художественных концептах универсальные, коллективные, смыслы, обусловленные поэтической и, шире, этнокультурной традицией, а также индивидуально-личностные смыслы, которые передают специфику авторского художественного мышления.

Использованная литература:

Алефиренко, Н.Ф.: *Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова*. Волгоград, 2006.

Болотнова, Н.С.: *Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте*. Томск, 1994.

Быдина, И.В.: *Основы коммуникативно-прагматического исследования поэтического текста и поэтического слова: Спецкурс*. Волгоград, 2005.

Кибиров, Т.: *Избранные послания*. Санкт-Петербург, 1998.

Кубрякова, Е.С.: *Концепт*. In: Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90-93.

Лихачев, Д.С.: *Концептосфера русского языка*. In: Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.

Тарасова, И.А.: *Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект*. Саратов, 2003.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Марта Вагнерова
Чехия, Ческе Будейовице

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКИХ ТЕРМИНОВ ИНТЕРНЕТА В СРАВНЕНИИ С ЧЕШСКИМИ

Abstract:
The authoress characterizes sources of Russian Internet terminology. She distinguishes lexical units from the standpoint rate of adaptation of borrowed English terms she distinguish lexical units: 1) keeping original orthography and pronunciation, 2) partially or fully adapted. She mentions examples of semantic and phraseology calks, of hybrid lexical units. She divides all Russian Internet terminology into one-word, compound and multicomponent structural types. She analyses them and she mentions a lot of examples. In the end the authoress emphasizes the necessity of inquiry, systematization, unification and standardisation of Russian and Czech Internet terminology.

Key words:
Russian language, Russian Internet terminology, borrowed terms, semantic calks, phraseology calks, hybrid lexical unit, one-word terms, compound terms, multicomponent terms, akronym.

Современный этап развития человечества ознаменован информационно--компьютерной революцией, в основе которой лежит стремление оптимально использовать, т.е. получать, хранить и передавать информацию, в том числе с помощью такого уникального средства, каким является Интернет. Проникновение сетевых технологий в повседневную жизнь миллионов людей приводит к широкому распространению лексики данной области коммуникации (см. работы Е. Буториной, Г.Н. Трофимовой по [Воборжил 2006]), вхождение её в жизнь людей, не только профессионально занимающихся этой проблематикой, но и связанных с ней опосредованно, как пользователи, поскольку деятельность многих специалистов разных профессий сегодня невозможно представить без применения сети Интернета. В этой связи изучение лексики сетевых технологий приобретает особую значимость. Подъязык новой отрасли возник на стыке многих наук, складывался на основе терминосистем этих наук. Свои истоки терминология Интернета (ТИ) берёт в терминосистеме информатики и вычислительной техники, термины которой и сегодня составляют мощный пласт ТИ. Однако по мере развития формировались черты, характерные только для ТИ. В связи с этим назрела необходимость её выделения в отдельный подъязык научно-технической терминологии

и изучения её особенностей. В настоящее время данная терминология подвергается систематизации и унификации. В помощь переводчикам, специалистам, занимающимся разработками в области сетевых технологий, студентам технических вузов, а также простым пользователям глобальной сети Интернета возникают как толковые, так и переводческие словари терминов Интернета.

Материалом исследования способов образования русских терминов глобальной компьютерной сети Интернета послужил составленный нами Р-Ч словарь ТИ, в который вошло около 400 терминов. В основу словаря легла книга Л.Ш. Лозовского, Л.А. Ратновского «Интернет – это интересно» [Лозовский, Ратновский 2000], содержащая более 300 базовых понятий на русском и английском языках. Этот корпус мы пополнили, используя электронный «Современный англо-русский словарь компьютерных технологий» Н.А. Голованова [Голованов 2005] и несколько А-Р, Р-А словарей он-лайн; чешские эквиваленты мы добавляли, в частности, по А-Ч, Ч-А толковому словарю терминов Интернета [2004] и по нескольким он-лайн словарям.

В основе и русской, и чешской ТИ лежит, конечно, терминология английская. Среди заимствованных терминов (см., напр., комплексное описание одного из самых очевидных процессов, происходящих в современном РЯ – заимствования слов из иностранных языков в статье Я. Грегора [Gregor 2005]) по мере их освоения можно различать: **1) лексические единицы, сохраняющие исконное написание и произношение**, напр.: *e-mail, Internet, off-line, on-line*. В большинстве случаев, однако, одновременно употребляется и написание на кириллице, исходящее из произношения данных единиц в английском: *и-мэйл/е-майл, Интернет, офф-лайн/оффлайн, он-лайн/онлайн*. Исключением является слово *e-mail*, для которого предпочтительным является исконное написание. Исконное написание принято сохранять и у многих акронимов: *FTP, HTML, HTTP, IP, JPEG, URL* и др.; **2) лексические единицы, частично или вполне освоенные**, напр.: *компьютер, модем, сайт, сервер, хакер, чат; кэшировать – кэширование, ранжировать – ранжирование*. Хотя правописание таких лексических единиц иногда колеблется, они вполне освоены русской языковой средой, обрастают русскими суффиксами, префиксами, склоняются/спрягаются по образцам, от них образуются прилагательные (*модемный, сайтовый, серверный*), глаголы (*хакировать, чатовать*) и т.п.

Многие русские термины Интернета образованы путём **калькирования**, напр.: *активный канал, белые страницы, заявка на комментарий, карта сервера*. Встречаются также **семантические** (*закладки, зеркало, меню, мозаика, сеть, шлюз*) и **фразеологические кальки** (*«насколько мне известно», «также известный как...», «на мой взгляд», «для твоего/вашего сведения» / «к твоему/вашему сведению», «прочитай руководство»* и др., являющиеся в своём большинстве расшифровкой употребляющихся в ходе общения в Интернете английских аббревиатур). Путём соединения в термине элементов РЯ и АЯ возникают **гибридные лесические единицы**, напр.: *гиперссылка, киберпространство, веб-страница, интернет-магазин, баннерообменный*.

Вся русская ТИ разделена нами на однословные, многословные и многокомпонентные структурные типы. По справедливому замечанию В.Д. Табанаковой и Е.А. Зыкова «*такое выделение позволяет отделить однословные термины, состоящие из морфологических компонентов, от терминов, в состав которых входят*

элементы, имеющие неморфологическую природу (аббревиатуры, буквенные и цифровые символы)». [Табанакова, Зыков 2000]

Согласно морфологической природе термина (отношение к той или иной части речи) **<u>однословные термины</u>** разделены на следующие группы: **1) однословные субстантивные**, напр.: *гипермедиа, домен, киберпространство, пароль, поиск, провайдер, сайт, чат*; **2)** намного реже встречающиеся **однослосвные атрибутивные**, напр.: *виртуальный, глобальный, дуплексный, интерактивный; открытый, экспортируемый и* **3) однос. глагольные**, связанные в своём большинстве с отглагольным существительным, напр.: *загрузка – загрузить, кодировка (текстовой информации) – кодировать, кэширование (данных, веб-сайтов) – кэшировать, модерирование/модерация – модерировать, ранжирование – ранжировать*. **<u>Двусловные термины</u>** в соответствии со структурными моделями можно распределить на следующие типы: **1) субстантивные, состоящие из двух существительных**, напр.: *заголовок окна, имя пользователя, панели инструментов, строка меню, эмуляция терминала*; как видно, второе существительное с синтаксической точки зрения является несогласованным определением и наиболее часто стоит в род. падеже, но может встречаться также в другой форме, напр.: *адрес в Интернете, вирусы в Интернете, пиратство в Интернете, этикет в Интернете; гиперссылка по умолчанию; заявка на толкование, заявка на комментарий*. Встречаются и сложные наименования, в которых препозитивный элемент выступает в адъективной функции. В этой роли особенно часто выступают слова *веб, Интернет* и некоторые другие, напр.: *веб-мастер, веб-приложение, веб-сервер, веб-страница; Интернет-каталог, Интернет-магазин, Интернет-маркетинг, Интернет-сервис*; **2) субстантивные, состоящие из прилагательного и существительного**, напр.: *активный канал, опорная сеть, поисковые механизмы, системный оператор, текстовый процессор;* имя прилагательное иногда стоит в постпозиции, напр.: *запрос простой, запрос усложнённый, поиск быстрый, поиск сложный;* **3) субстантивные, состоящие из причастия и существительного**: *арендуемая линия, выделенный сервер, коммутируемая линия, подключаемый модуль, просмотренная гиперссылка, скрытое поле, удалённый доступ,* причастие также иногда может стоять в постпозиции, напр.: *изображение встроенное, изображение проявляющееся*.

Среди **<u>многословных</u>** терминов наиболее часто встречаются **трёхсловные термины** разной структуры, напр.: *единицы измерения информации, протокол передачи гипертекста; кодировка текстовой информации, система доменных имён; вложение в электронное письмо; работа в автономном режиме; активный рабочий стол; унифицированный локатор ресурсов; многократно увеличенная точность*. **Четырёх- и большесловные термины** уже более редки и, как и **многокомпонентные термины**, о которых будем говорить ниже, в своём большинстве представляют собой расшифровку на Р/Ч языке английских акронимов, используемых в ходе общения пользователями Интернета или отражающих специфику работы в сети, напр.: *язык описания виртуальной реальности – označovací (značkovací) jazyk pro virtuální realitu (Virtual Reality Markup Language, VRML); протокол маршрутизации с определением кратчайшего маршрута – otevřený směrovací protokol pro nalezení nejkratší cesty (Open Shortest Path Firs, OSPF).*

Среди упомянутых уже **многокомпонентных терминов** можно наблюдать: **1) термины, аналогичные фразовым единствам**, напр.: *«насколько мне известно» – «pokud je mi známo» (As Far As I Know, AFAIK), «также известный как» – «známý také jako» (Also Known As, AKA), «на мой взгляд» – «podle mého (skromného) názoru» (In My Humble Opinion, IMHO), «для твоего/вашего сведения» / «к твоему/вашему сведению» – «pro tvoji/vaši informaci» (For Your Information, FYI), «я ищу тебя» – «hledám tě» (I Seek You, ICQ), «прочитай руководство» – «přečti si návod» (Read The Manual, RTM)*. Как показывает последний пример, указанные термины могут содержать в своей структуре императивный компонент, что предполагает выполнение пользователем определённых действий. Вышеуказанные и подобные фразы соотносятся с общелитературными единицами и, как справедливо замечают В.Д. Табанакова и Е.А. Зыков в своей статье, посвящённой английским Интернет-терминам, «*появление таких терминологических образований обусловлено особенностями общения Internet-пользователей в сети и режимом диалогового интерфейса, используемого сетью*». [Табанакова, Зыков 2000]

Встречаются также **2) термины, содержащие в своей структуре акроним,** напр.: *HTML-страница, оптимизированный HTML, IP-адрес, управляющий протокол семейства IP, технология ActiveX, сетевой протокол SLIP с уплотнением данных, уровень управления доступом к среде передачи данных в сетях ISDN*, причём эти акронимы английские и в РЯ, как правило, сохраняется их написание в латинской графике. Но возникают и русские аббревиатуры: *БД – база данных, ИЦ – индекс цитирования, ВИЦ – взвешенный индекс цитирования, ПО – программное обеспечение, чаво (ЧаВо, ЧаВО)* – сокращение фразы: *«часто задаваемые вопросы и ответы на них»*. Очень редки в РЯ **3) термины-акронимы, в структуру которых входят другие акронимы:** *ТВИЦ – тематический ВИЦ* (*тематический взвешенный индекс цитирования*).

Значимая часть русских терминов Интернета – это, конечно, слова заимствованные из АЯ: *веб, домен, кибермэлл, логин, никнэйм, промоутер, сервер, чат, юзабилити* и многие др. Для многих предметов и явлений русского наименования вообще не существует, наряду с некоторыми употребляются и русские термины, напр.: *броузер/браузер – обозреватель, провайдер – поставщик услуг, юзер – пользователь* и для наименования определенной группы предметов и явлений вошли в употребление только русские слова, напр.: *маршрутизатор, поиск,* причём, главным образом, это касается двух- и многословных терминов (*имя пользователя, поисковые механизмы, скорость передачи информации* и др.).

Последовательным сопоставлением с ЧЯ мы будем продолжать заниматься. Здесь только хочется отметить, что ЧЯ, образуя термины Интернета, ведёт себя похоже. В ЧЯ встречаются все указанные выше группы наименований, можно, однако, отметить более редкое употребление терминов типа *Интернет-магазин*. Для выражения подобных понятий в ЧЯ более типичны словосочетания с полной формой прилагательного, напр.: *internetový obchod, webová stránka* и т.п. В терминах, содержащих в своей структуре акроним, принято произносить этот акроним по-чешски, напр.: *HTML reklama /há-té-em-el/, HTTP server /há-té-té-pé/* и др. ЧЯ также, как известно, менее охотно заимствует слова из иностранных языков, поэтому, по сравнению с русской, в чешской ТИ употребляется больше исконно чеш-

ских терминов, напр. *prohlížeč X броузер/браузер, обозреватель; soubor X файл; tiskárna X принтер* и др.

Глобальность самого явления, широкое распространение ТИ как в среде специалистов, так и в среде непрофессиональных пользователей, свидетельствуют об актуальности и необходимости проведения комплексного исследования, систематизации, унификации и стандартизации как русских, так и чешских терминов, обслуживающих интернетовскую форму коммуникации, способствующую обеспечению высокого уровня общения и сотрудничества во всех сферах деятельности мирового сообщества. Кроме того, актуальность проведения такого исследования продиктована самой жизнью – необходимостью инвентаризации русской и чешской терминологических единиц и создания Р-Ч / Ч-Р словаря терминов Интернета.

Использованная литература:

Vitovský, A.: *Anglicko-český, česko-anglický výkladový slovník Internetu*. AV, Praha 2004.

Воборжил, Л.: *«Давайте поформумимся!» Форум как жанр индивидуальной коммуникации в Интернете*. In: Przegląd Rusycystyczny, 3 (115), XXVIII, Katowice 2006, s. 113-119.

Голованов, Н.А.: *Современный англо-русский словарь компьютерных технологий*. ЗАО «Новый издательский дом», М. 2005.

Gregor, J.: *Cizojazyčné přejímky v současné spisovné ruštině*. In: Auspicia, 2, II, Č.Budějovice 2005, s. 28-35.

Лозовский, Л.Ш., Ратновский, Л.А.: *Интернет – это интересно!* М.: Инфра-М 2000.

Odborné slovníky on-line anglicko-ruské, rusko-anglické, anglicko-české, česko-anglické.

Příruční mluvnice češtiny. Nakladatelství Lidové noviny, Praha 1996.

Табанакова, В.Д., Зыков, Е.А.: *Способы образования терминов глобальной компьютерной сети Internet*. In: Language and Literatur, 17, 2000, <http://www.utmn.ru>

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Елена Вакулова
Россия, Санкт-Петербург

ЛАТИНИЗАЦИЯ РУССКОЙ ГРАФИКИ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИЕМ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Abstract:
The recent political changes have made foreign words borrowing in modern Russian very active. Its extremely high temp has brought to the Russian Cyrillic graphic system a big amount of Latin graphic elements, which is caused by several reasons: high social prestige of all "Western" elements, including Latin letters; needs of nomination for new notions; post-modern tendency for word game; globalization processes of unifying, cosmopolitanism of modern consciousness, reflected in the Russian language. "Latinisation" of Russian graphics is not entirely declarative proposition, because it has real language facts and tendencies in its base.

Key words:
Cyrillic graphic system, Latin graphic system, word borrowing, word play, translation, stylistics, «Latinisation» of Russian graphics, Anthony Burgess. A Clockwork Orange.

Вторжение латинской графики в кириллическую систему («кентавры» типа *CD-плейер, SMS-ка; PR-менеджер, VIP-обслуживание, WEB-дизайн, HR-менеджер*) активно демонстрируют тексты наиболее подвижной части современного языка – рекламные, публицистические тексты или тексты, использующиеся в молодежной среде.

Во многих случаях подобное смешение создается осознанно, у его авторов есть определенные цели и задачи, одним словом, речь идет об использовании одного из средств языковой выразительности – о языковой игре: *Я не WWWру* (рубрика); *SOSеди* (заголовок); *GRAMMAтика; Каменный ghost* (заголовок); *Liveнь* (студия звукозаписи), *О.К.на бис!* (реклама оконных рам); *PRоба* (музыкальная премия); *5nizza* (музыкальная группа); *friendloveые к usеам shoesы* (реклама обувных магазинов); *Кондиционер ART COOL компании LG с фильтром NEO PLAZMA создает ARTмосферу* (реклама), *ХРУСТЕАМ*.(сухарики). Подобную графическую игру встречаем и в популярном латинизированном оформлении фамилий и имен (*Абdylove, ОбломOFF, ОКсана*).

«Латинизация» создает возможность межъязыковых каламбуров: *Two tickets to Dublin, please. – Куда, блин? – To Dublin*; при этом просторечные единицы, невозможные по этическим причинам в системе одного языка, могут проникать в иную

языковую систему: – *Гакел* (название журнала) и *FAQкафе* – намек на неприличное английское слово, *«ЗаJОВись!»* (заголовок интернет-статьи о поиске работы) – английское слово *«job»* (работа), в кириллическом контексте получающее неприличное звучание.

Сродни языковой игре использование в художественном тексте языковых единиц с различной графикой – далеко не новый литературно-стилистический прием («Война и мир» Л.Н. Толстого, «Ада» В.Д. Набокова, «Улисс» Дж. Джойса, «Поминки по Финнегану» Э. Берджесса). При переводе подобных текстов на язык с другой графической системой возникает вопрос о том, совпадает ли использование и восприятие данного приема в оригинале либо на языке с той же системой графики с тем, как он воспринимается носителями языка с иной графической системой. Так, в оригинальный английский текст культового для 60-70-х годов романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин» (Anthony Burgess: A Clockwork Orange) вкраплено множество русских слов, транслитерированных латиницей.

Для англоязычного читателя этот прием означал нечто новое, оригинальное, но и опасное, чуждое (особенно в 60-е гг.), но он не был связан с графической игрой, поскольку Берджесс использовал транслитерированные русские лексемы, при этом трудности прочтения и понимания нейтрализовались контекстом. Задачей автора было ошарашить читателя, сигнализируя о чем-то инородном, постороннем, чуждом, а в 60-е годы – в условиях холодной войны даже опасном. Для современного англоязычного читателя ощущение угрозы и опасности сменилось ощущением чуждости, экзотичности и инородности этих лексем.

В русском переводе, в отличие от оригинала, основное внимание привлечено к графике. Следует отметить, что транслитерация русских лексем с помощью латиницы при чтении кириллического текста иногда может не вызывать затруднений (ср. *Babki*, Babushka, Bezumni, Blevanutt*, Britva, Devotshka, gownodawy*, Griva*, Hanyga*, Hlebalo*, Kal*, Kisa, Kodla*, Kolokol, Koresh*, Mahalovka*. Mesto, Obaldennyje grudi, Padla*, Papik*, Ptitsa, Rot, Skorenko, Slushal, Sverbit*, Svolotsh*, Sumka, Tykwa, Toltshok w litso, Uho, Videt, Vyrodok*, zawedenije* (знаком* обозначены нелитературные единицы – жаргонизмы, просторечия)*;* однако не сразу опознаются слова с шипящими согласными, йотированными гласными, мягким м, твердым знаком (*Baldiozh*, baldiozhnyj*, Diadia, Glazzja*, Kliovaja*, Kurtenn*, Vash-tdhee*, Maltshik, Murnia*, Nafig-nafig, Naprotsh*, Odi notshestve, Pokoreshiliss*, Poni = poni matt*, *Pripiorsia*, Shtutshka, Tshelovek, Tortsh*, Tastshatsia, Tshai, Tshush*, vestshi, Vonn**, *Voniutshi*, Vtiharia*, Wjehaw*, Zhiznn*, *Zastrujatshila**). Даже слово *bratsy* при кажущейся легкости прочтения становится ясным лишь в контексте, будучи использованным в качестве обращения, таким образом, роль контекста при использовании данного приема повышается. Еще более экзотичны авторские кириллическо-латинские неологизмы, межъязыковые окказионализмы, типа *Dratsing* (драка), *Krasting* (кража, воровство), *Kritsh* (крик), *Toltshoking (*удар, избиение), *Mordery* (морды), *Rukery* (руки).

Э. Берджесс использует даже целые словосочетания: *Griazni, podli u voniutshi Vrezal в puzo, Baldiozhnaja tusovka, Bez poniatija, Do lampotshki, Budd zdorov*, служебные слова в таких сочетаниях могут передаваться средствами как латиницы, так и кириллицы, причем порой латиница в «Заводном апельсине» используется без всякой стилистической цели: *«Никому на всем bolshom белом свете нельзя*

верить»; «Для брачных uz ты вроде как чересчур jun, koresh. Да этого просто быть не mozhet».

Основным адресатом данного литературного приема становится, таким образом, читатель, увлеченный языковой игрой. Не случайно поэтому, что произведение, написанное более 40 лет назад и не ориентированное на русскоязычного читателя, стало в наше время популярным именно в молодежной среде, а его перевод обнаруживает как новые глубины, так и новые проблемы.

Прием, использованный Э. Берджессом, оригинален (ср. французские пассажи в романе «Война и мир»), это прием эпатажный, привлекающий внимание читателя, в его основе лежит резкий сбой, нарушение привычного хода повествования, то, что в стилистике принято называть эффектом нарушенного, обманутого ожидания. Это своего рода сигнал, означающий неожиданность, опасность, неординарную, чрезвычайную ситуацию, знак особого, повышенного внимания.

Если в «молодежных» текстах латиница используется естественно, почти бессознательно (ср. названия музыкальных групп: *SКАЛЬПЕЛЬ, Яйцы Fаберже* ***V****eseLЫЙ Rodger* – даже не игра слов, а просто игра, развлечение), то в других случаях такой естественности не наблюдается, зато игра слов вполне очевидна, например, в названии аптеки или рубрики музыкального телеканала: *PRO ЗРЕНИЕ* (игра слов – «*прозрение*», *pro* – лат. «*для*», т.е. *для зрения, ради зрения*); *RECORDНЫЕ НОВОСТИ* (о музыкальных записях, по-английски, *records*); *DWESTИХИИ* (реклама концерта, «примиряющего» два направления в современной музыке, и реклама сигарет «*West*»).

Граница между графическими системами может поддерживаться художественным оформлением – за счет курсива, заглавных букв, различных шрифтов (по *МАХимуму*), также довольно часто используются идеи пространственного расположения, симметрии, например, расположения на разных строчках:

ХРУС **ТЕАМ**	Название сухариков написано на двух строчках, причем латиница и кириллица каждая на своей.
У**S**ТУПИ Д**O**РОГУ **S**КОРОЙ	В социальной рекламе латинское написание выделено цветом и особым расположением.

В названии спортивного магазина *ЗАРЯДКА* и в рекламе молодежной музыки *S**V**OBO**Д**A* симметрия усугубляется обыгрыванием сходства графем *R* и *Я* и стилем написания кириллического Д – как бы отраженного V.

Возможно использование кириллицы и в английском тексте. Так, нами отмечены примеры *AME**Я**IKA* (название голливудского фильма о советской угрозе), где «русское» написание служит сигналом опасности (как у Берджесса) и аббревиатура с использованием пространственной симметрии – название группы «nine inch nails» – *NIИ*.

Следует признать, что в английском языке графические игры с использованием наименований букв алфавита и фонетического облика числительных популярны*: IOU – I owe you; ICQ – I seek you; FAQ – frequently asked questions* (эксплицитное обращение к обсценной лексике); *4 U – for you; U2 – you too, you two*; *UPiter – you, Piter*; или *Jupiter*, но в русской транслитерации, скорее, *Юпитер*; *2 beer or not 2 beer*.

Графическая игра, основанная на сходстве и отличии букв Д-D, У-Y и И-U, не так очевидна ввиду близости их начертания (например, афиша группы *АКВАРИ**Y**М* или название ресторана японской кухни *SUШИ* с намеком на аббревиатуру СССР).

Довольно часто единицы обеих график тесно переплетены, и достаточно трудно бывает определить границу между ними: *LIVEНЬ* или *LIVЕНЬ* (студия звукозаписи); *Zамуж за миллионера* или *Zамуж за миллионера* (книга и духи); *МакSим* или *МакSим* (псевдоним певицы); *DWESTИХИИ* **или** *DWESTИХИИ; MOTODEПО* или *MOTODEПО* (магазин). Иногда игра образует некую «смесь латинского с нижегородским» – *Kotleta s, The КРА СКИ*.

К трудностям и ошибкам, связанным с данным приемом, можно отнести:

1. Хаотичность применения, смешение, неразличение (например, на афишах группы «Ума Турман» их название представлено как *UMATURMAH*; а для названия кафе «***TOP***» возможны обе расшифровки (теоретически не исключен кириллический вариант);
2. Неверное оформление названий сайтов и интернет-адресов, которые должны писаться латиницей, однако привычность и удобство кириллицы создает варианты типа ***www.kpoxashop.ru; www.dwestuxuu,ru*** (ср.: «*u*» и «*и*»; «*x*» кириллическое и «*x*» латинское); ***podborpersonalaю***;
3. Трудности переключения из одной графики в другую при раскодировании написания могут привести, с одной стороны, к игре слов, с другой – к неверному истолкованию, как в афише с названиями спектаклей одного из петербургских театров:

   НЕ HAMLET
   PRO ТУРАНДОТ
   BEEP ЛЕДИ УИНДЕРМИР.

В первом из них проблема – как читать ***НЕ*** – по-русски или по-английски. Название третьего спектакля вначале автоматически воспринимается как английское «beep».

Рассмотренный материал позволил сделать выводы относительно некоторых грамматико-стилистических характеристик латинских варваризмов:

1. Грамматический род устанавливается по аналогии с родом русского эквивалента: *первЫЙ open air года; электроннАЯ dance music; живОЙ rock n'roll sound*;
2. Латинизированные субстантивы (*PR*), в отличие от «кириллизировавшихся» (*пиар*) не склоняются;
3. Не различаются (из-за совпадения формы и отчасти звучания) графемы *А, Е, К, М, О, Т*; при несовпадении звучания – *Н, В, С, Р*;
4. Смешиваются, игнорируются либо обыгрываются различия в написании: *У-Y, И-U, Д-D, З-Z;* звучание при этом может в значительной мере совпадать;
5. Часто используются маркеры-сигнализаторы «западности» (*F, G, I, J, L, N, Q, R, S, U, V, W, Z*) и «русскости» (*Б, Г, Д, Ж, Л, Ф, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я*); отчасти (только в печатном или только в рукописном варианте) – *И, М, П, Т, У*;
6. В качестве игры слов встречается использование идеи симметрии, зеркального отражения двух графем; наиболее часто – в рекламных текстах;

7. Исключительную роль латиница играет в текстах, ориентированных на молодежную аудиторию (в полулегальных рекламах «продвинутых» групп кириллицы практически нет): *Ищите на фотографиях: группу* ***KOSHEEN*** (UK)*, модную* ***DJ SONIQUE*** *(Ministry of Sound – UK), DJ* ***SMASH****, Mega ethnic hi-tech show* ***OLMECA VIBE TEAM*** *(Санкт-Петербург),* ***Freak Performances****,* ***Olmeca Laser Show***; в других случаях латинские вкрапления относятся к спорадически появляющимся элементам, однако сферы преимущественного использования латиницы формируют общественное сознание, делая латинские графемы (хотя бы для молодежи и «потребительской» части общества) привычными, «своими», не несущими угрозы, а, скорее, обозначающими некую приятную игру, шутку.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Елена Геккина
Россия, Санкт-Петербург

ЭКСПЛИКАЦИЯ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ЗНАНИЙ В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ: РЕФЛЕКСИЯ ОПЫТА

Abstract:
The basic substantial and functional features of naive informants metalanguage statements are considered in the article on base of materials of the Internet-forum „Lessons of Russian“ (www.rusmedserv.com). The focus on observations and estimations of the word-sign space and its nearest syntactic environment is emphasized. It is noted that metalanguage Internet-activity of naive native speakers is often the reflection of an available linguistic experience, a reflection of the language units properties knowledge checked up by practice.

Key words:
The Russian language, metalanguage, folk linguistics, naive speaker, Internet, linguistic experience.

Деятельность интернет-пользователей характеризует и такой вид общения, как метаязыковое комментирование, проявляющее себя в широком диапазоне обсуждения фактов языка и речи. Возможностями Интернета предопределяется не только тематическое разнообразие метаязыковых высказываний. Примечательно то, что в Сети формы обсуждения лингвистических явлений, направленность мнений и оценок ничем не ограничены и никак не регламентированы.

Метаязыковая практика в Интернете представляет несомненный научный интерес и заслуживает целенаправленных наблюдений и анализа. Очевидно, в частности, что интернет-площадки, на которых обсуждается русский язык, различаются по составу участников. На одних авторами публикаций и блогов, создателями постов на форумах и чатах являются специалисты, работающие с языком, – лингвисты, учителя, редакторы, корректоры, переводчики, журналисты. Они принимают и самое активное участие в работе сайтов, адресованных широкому кругу лиц, интересующихся русским языком (www.gramota.ru; форум «Говорим по-русски» на сайте радиостанции «Эхо Москвы»). Это интернет-«трибуны» профессионалов. Наряду с ними существуют площадки, на которых суждения о языке высказывают те, кто по образованию или роду занятий не имеет отношения к филологии. Метаязыковой формат здесь поддерживают глоссарии и комментарии к ним; тематичес-

кие разделы на форумах; отдельные, попутные замечания-рефлексивы в текстах о внеязыковых объектах.

В нашей работе излагается опыт исследования основных содержательных и функциональных особенностей метаязыковых высказываний тех, кого можно причислить к создателям «непрофессиональных» метаязыковых интернет-текстов, или, в иной терминологии, наивным информантам. Материалами для наблюдений послужили записи на форуме «Уроки русского» в Дискуссионном клубе Русского медицинского сервера (http://www.rusmedserv.com/forums/forumdisplay.php?f=25&order=desc&page=2).

История этого форума такова. Первые записи в топике «Уроки русского» появились 20 октября 2006 года. Через десять дней в нем насчитывалось уже 150 постов, включавших также комментарии и «одобрялки» из рубрики «Репутация сообщения». Спустя полгода (в апреле, а затем в июне 2007 года) добавились последние девять сообщений, после чего форум закрылся. Как можно судить по никам (*doctor101, Dr. W.N., Dr.Nathalie, Dr. Vadim, alexdr, Aminazinka, antibiotik*), подписям (*хирург, анестезиолог, реаниматолог, фтизиатр, инфекционист* и др.) и аватарам, записи оставили почти пятьдесят врачей. В известной мере созданную ими последовательность сообщений можно рассматривать как единый текст, в котором части связаны между собой и образуют цельное, завершенно выстроившееся коммуникативное пространство.

Какие факты языка и речи обсуждали участники форума?

Прежде всего отметим многочисленность и многообразие упомянутых единиц и явлений [108]. Из них самую большую группу составили слова [38], в которых по-разному ставят ударение: *проведЁнный – провЕденный, перенсЁнные –- переннЕсенные,* [*анализ*] *кровИ – крОви, эпилЕпсия – эпилепсИя, наркомАния – наркоманИя и* др. О том, что проблемы словесного ударения находились не просто в поле зрения, но в фокусе внимания форумлян, свидетельствует и большое количество комментариев к примерам. Не без внимания остались случаи вариантного произношения звуков [9]: *жЁлчный – жЕлчный, дорсальный – дорзальный, мишка* [мышка], *гипоталАмус – гипоталЯмус.*

Другую активно обсуждаемую группу составили лексемы [31]. Авторы вспоминали интересные, отличительные словечки из речи жителей Москвы (*Пироговка, Ленинградка, Маросейка, Пречистенка*) и Петербурга (*поребрик, булка, парадная*). Несколько слов были упомянуты постольку, поскольку имеют хождение в языке моряков: *рында, склянки.* Приведены номинации, используемые в родном коллективе: *бабушатник* [о палате, в которой находятся пожилые пациенты], *торпедный отсек* [о палате для бомжей]. Как иллюстрации отступления от лексических норм названы *ложат, закладывают, займи* [*мне денег*], *сердечное давление.* В ракурсе воспоминаний и языковой игры, основанной на сопоставлении звучания и значений, представлены слова из иностранных языков: *вонявки* [чеш., ‘духи’], *йобба* [швед., ‘работа’], *кебене мать* [иврит, ‘очень далеко’]. В подобной же игровой форме проведен «этимологический» анализ слов *вкалывать, стибрили.*

Содержательный диапазон топика формируют и высказывания о морфологических [9] и синтаксических [5] единицах, обсуждение которых в целом ряде случаев носило весьма оживленный характер. Предметом наблюдений стали существительные и их родовые (*кофе, виски*), падежные (*Пушкино, Ясенево, Свиблово*), число-

вые (*вОлокнЫ, Гоголевский бульвар – ГоголЯ*) характеристики. Участники форума указали на распространенность синтаксических ошибок в речи медиков (*лечиться НА отделении*; *порезалась о дверное стекло дома*), сделали вывод о допустимости факультативного употребления предлога *от* в шапке заявления и обсудили функционально-стилистические отличия вариантов представления имени, отчества и фамилии.

Совершенно особый пласт создали комментарии, посвященные коммуникативно-прагматическим особенностям лексико-грамматических единиц [9]. Местоимение *мы*-инклюзивное оказалось здесь популярным и полярным, если иметь в виду численность и направленность высказанных суждений. Авторы сообщений уделили внимание глагольным формам в речи врача (*вам надо оперироваться*) и пациента (*я удалила кисту*), обращениям (*бабули, зайка*), этикетным формулам (*Здравствуйте!*). Эти комментарии дополняют записи об общих установках диалога врача и пациента, способствующих успешному коммуникативному взаимодействию.

Еще один раздел составили комментарии, посвященные написанию слов (7). Частный случай букв Ю/У в *парашюте* повлиял на ход всего обсуждения, которое в итоге затронуло общие проблемы, связанные с реформированием орфографии.

Завершая тематический обзор форума, заметим следующее. Метаязыковые суждения преимущественно касаются слова, его фонетических, лексических, грамматических и графических особенностей. Сравнительно реже рассматриваются нормы и установки речи вообще, что только подчеркивает отнесенность основного корпуса наблюдений, заметок, оценок к пространству слова-знака и его ближайшего синтаксического окружения.

Какие формы обсуждения использовали участники?

Одни задавали вопросы, другие давали на них ответы; ср. (в цитатах сохраняется авторская графика, орфография и пунктуация): А. – *...на форуме постоянно встречаю: врачём. Что там в новых правилах?* Б. – *...Ничего нового в правилах нет, просто многие их не знают.* Однако о такой тактике ведения диалога можно говорить условно: прямые и неигровые вопросы-ответы были редкостью. Чаще коллеги выступали с «ответами», если, например, считали нужным возразить авторам спорных суждений: *Это вариант* [*жЁлчный*] *нормативного произношения (написания*); *На одесском диалекте ‘занять’ – это только ‘одолжить’.*

Именно наблюдения за чужой речью инициировали самую большую (около трети) группу метаязыковых комментариев – сообщений об особенностях высказываний профессоров, больших начальников, представителей других профессий, коллег и пациентов. В основном, особенности расцениваются как отступления от норм, как то, что искажает речь, *бесит, раздражает*, *передергивает и* вызывает *судороги*: 1) *Ну, гладкомышечные вОлокнЫ (ударение на «о») – это да, это воспоминания о кафедре анатомии...*; 2) *И как режет слух, когда с большой трибуны, большой начальник говорит – обеспечЕние.*

Ракурс наблюдений за чужими ошибками предопределил критический взгляд и на свою речь; ср.: *...каюсь, сам так* [*больной поступил НА отделение*] *говорю.*

Заметки об особенностях региональной речи, напротив, свободны от критики; ср.: У *нас говорят – стеноз, а в Москве – круп!*

Формату «обмен мнениями» близки высказывания о свойствах языковых единиц, давно служащих предметом споров. Реплики типа к *'кофе' теперь применим средний род* положили начало дискуссиям и на этом форуме.

Жанровый репертуар дополняют шутливые и ироничные высказывания, анекдоты, цитаты, лингвистическая игра; ср.: В *общем, у Юлия Цезаря у реки Тибр украли коня. Отсюда пошло слово «стибрили»*.

Подведем итоги. Очевидно, что с инициативой метаязыкового диалога участники выступают в ситуации, когда полагают, что им известны нормативные особенности обсуждаемых единиц. Это наблюдение позволяет сделать важный вывод: метаязыковая интернет-деятельность наивных носителей – это почти всегда рефлексия проверенных практикой знаний, рефлексия лингвистического опыта.

Какой именно лингвистический опыт нашел отражение в записях?

Важен опыт обучения: *...меня лично учили правильно говорить и писать в школе и РОДИТЕЛИ дома*; *Меня озадачили этим* [*сначала имя, потом фамилия*] *во время обучения в гитарной школе когда учили представляться со сцены*. Показательна речевая практика других людей: *питерская особенность, кто учился там даже лет 15 назад до сих пор так* [*больной поступил НА отделение, лечится НА отделении*] *говорят*.

Ценен собственный опыт осмысления и объяснения свойств языковой единицы: [*инсУльт*] *французское происхождение с ударением на второй слог*. Помогают в этом мнемонические приемы и приемы, основанные на привлечении противопоставленного или «отрицательного» материала (*Если ребёнок новорОжденный, тогда кто ж его рОждит?*), а также навык работы с авторитетным источником – словарем, справочником, информационно-консультационным интернет-порталом. Интерпретация природы, установок и привычек речевого поведения – еще одна ступень языковой компетенции: *Но вопрос ударений ... Это же поставленное дело, в подкорке*; *МЫ у мам сидит в подкорке, в позвоночном столбе*. Полезно и самостоятельное совершенствование речевого опыта: *В записи стараюсь слушать... Также как читать речь перед зеркалом. Запись показывает действительно много лексических, фонетических, смысловых, семантических и прочих ошибок в докладе*.

Эти свидетельства акцентируют в лингвистическом опыте индивида стремление опереться на понимание свойств языковых единиц – в соответствии с нормами языка, соотносительно с существующей речевой практикой. Необходимо, по сути, представлять обоснование самого слова или явления, проистекающее из особенностей языка – когда с *позиций великого и могучего понятно* – и речевого опыта говорящих.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ирина Гранева
Россия, Нижний Новгород

МЕСТОИМЕНИЕ «МЫ» В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Abstract:
The paper deals with special features of referential and non-referential use of Russian pronoun "my" ("we") in the language of modern Internet communication. The author concludes that the special features of the use manifests only in secondary, non-referential usages of the pronoun. The paper takes into account variants of these kinds of use depending on spoken or written language structures in various types of Internet speech.

Key words:
Pronoun *my (we)*, Internet-communication, referential theory of pronominal meaning, primary and secondary referential or non- referential usages of pronouns, substantivization of pronouns.

В настоящей работе исследуются некоторые специфические типы употребления русского личного местоимения *мы*, характерные для особой сферы функционирования языка – для так называемой Интернет-коммуникации.

Мы будем исходить из референциальной точки зрения на семантику и особенности употребления местоимения *мы,* опираясь на концепцию «указательного поля» К. Бюлера [Бюлер 1993: 127-128], а также на концепцию Е.В. Падучевой, согласно которой «*все местоимения служат в языке для целей референции*» [Падучева 1985: 133]. Тем самым *мы*, как и все личные местоимения, включается в группу слов, в значение которых входит отсылка к участникам акта речи или к речевой ситуации (т.е. слов, выполняющих собственно дейктическую функцию).

В соответствии с этой точкой зрения, следует разграничить референтные и нереферентные значения местоимения *мы*, а точнее говоря – референтные и нереферентные типы употребления. Главным критерием разграничения «референтного» и «нереферентного» *мы* является его употребление или по отношению к лицам, которые являются непосредственными участниками коммуникации, или по отношению к классу лиц, не участвующим в акте коммуникации непосредственно.

Таким образом, можно говорить о базовом, исходном языковом значении местоимения *мы,* которое, на наш взгляд, наиболее удачно сформулировано в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова именно через указание на

дейктическую функцию: '*Служит говорящему для обозначения нескольких или многих лиц, включая и себя*' [Ушаков 1996]. Его можно считать *первичным референтным употреблением*. Тогда на фоне этого первичного референтного употребления возможны и *вторичные референтные употребления*. «Референциальная вторичность» этих употреблений проявляется в том, что одно местоимение используется в категориальном значении, присущем другому местоимению, но при этом сохраняет референцию к непосредственному участнику коммуникативного акта (т.е. в нашем случае – употребляется в значении, например, '*ты*', '*вы*' или '*я*'). Это, например, ситуация с вопросом доктора пациенту: *Как* ***мы*** *себя чувствуем?* (= *Как* ***ты*** *себя чувствуешь?*), с объявлением учителя ученикам: *Завтра* ***мы*** *пишем контрольную* (= *Завтра* ***вы*** *пишете контрольную*), а также различные *мы* вместо *я в* разных типах дискурса: *мы* «научное», *мы* «публицистическое» или «писательское», *мы* «идеологическое» и пр.

Нереферентное употребление *мы* связано с отсутствием отсылки к непосредственному участнику речевой ситуации, когда *мы* обозначает неопределенное или определенное множество людей, не подлежащее параметризации по объему. Возможно, например, *экзистенциальное* нереферентное употребление *мы* (соответствует квантору существования: *есть некоторые S..., существуют S...*), которое предполагает указание на некий класс лиц, которые объединяются с говорящим по важному для него признаку (социальная принадлежность, национальность, убеждения и пр.): ***Мы****, граждане великой России, ...*, – или *универсальное* нереферентное употребление *мы* (соответствует квантору всеобщности: *все S..., для всех S...*), которое предполагает указание на множество всех лиц, включая говорящего, и реализуется в так называемом «обобщенно-личном» *мы*: *Для чего* ***мы*** *живем на этой земле*? (= *Для чего* ***все*** *живут...*).

Возвращаясь к непосредственной теме данной работы, мы можем отметить, что в сфере первичных или вторичных референтных употреблений местоимения *мы* едва ли можно говорить о какой-либо выраженной специфике *мы* именно в среде Интернет-коммуникации. Это вполне закономерно, потому что референтное *мы*, как, впрочем, и базовые типы употребления других личных местоимений, должны входить в инвариантную семантическую сферу для всех разновидностей использования общенародного языка. О специфике употребления *мы в* Интернет-коммуникации можно говорить лишь применительно к его неисходным, нереферентным употреблениям.

По сути, Интернет представляет собой множество не связанных между собой областей общения, функционирующих автономно. Соответственно язык Интернета в функционально-стилистическом плане весьма разнороден [Дускаева, Протопопова 2003: 648]. Оставляя в стороне сложный и дискуссионный вопрос о том, в какой мере разнородные языковые явления, регистрируемые в русскоязычной среде Интернет (которые к тому же сильно различаются в зависимости от жанра, коммуникативного типа речи и статуса коммуникантов), можно описывать как некое языковое и стилистическое единство в рамках особого «стиля», «подстиля» или «субъязыка», мы будем исходить из того факта, что особенности Интернет--коммуникации все же могут приводить и к определенным речевым, стилевым или прагматическим особенностям употребления языка в этих специфических коммуникативных условиях, как в качественном, так и в вероятностно-статистичес-

ком (частотном) аспектах. Однако указанные особенности при этом не выходят за рамки обычного языкового или стилистического варьирования единиц, моделей и конструкций, характерных для разных стилей или «подстилей» в пределах единого общенародного языка.

В целом на специфику использования языка в Интернет-коммуникации влияют такие факторы, как гипертекстовая организация, своеобразное взаимопроникновение (даже смешение) особенностей письменной и устной речи и интерактивный характер коммуникации (речевое общение в режиме online, т.е. в «реальном времени»). Все это в известной степени определяет и специфику использования интересующего нас в данной работе местоимения *мы*.

Так, например, разные семантические разновидности нереферентных употреблений *мы* очень чувствительны к тому, в устном или в письменном типе речи они функционируют. Поэтому и в Интернет-коммуникации встречаем употребления, по преимуществу ориентированные или на устный, или на письменный строй речи.

В частности, из разновидностей нереферентного *мы*, в «реальном» режиме использования языка тяготеющих к письменному типу речи, в Интернет-коммуникации в последнее время активизировалось так называемое *мы* «адресанта», которое возникает в позиции подписи при рекламном или поздравительном сообщении вместо собственного имени автора послания: *Ваши мы!* Ср., например*: Все, что вы прочитаете здесь, может повредить вашему психическому здоровью. / А может и не повредить. / Но если во сне вам начнут сниться горы, моря и дальние страны, а ветер начнет выталкивать вас за порог – мы своей цели добились. А дальше вы сами уж как-нибудь мучайтесь. /* ***Ваши Мы.***

В нашей классификации это явление относится к «формальной субстантивации» (или к «грамматической субстантивации»), когда местоимение *мы в* определенных контекстах сочетается, например, с прилагательным или местоимением-прилагательным, но сохраняет свою «местоименную», т.е. дейктическую (указательную) семантику референции к лицам-участникам акта коммуникации (по модели *Ваш Петр, Ваши Петровы* и т.п.).

Из разновидностей нереферентного *мы,* в «реальном» режиме использования языка тяготеющих к устному типу речи, в Интернет-коммуникации мы встретили большое количество случаев так называемой «полной», или «лексической субстантивации» (проще говоря – «лексикализации») *мы*, возможных именно в диалогическом типе речи, который в Интернете выступает в рамках непосредственной интерактивной коммуникации – в речевой среде форумов, чатов, online конференций. Это встречаем, например, в одной из Интернет-«социодрам» (разновидность «деловой игры» или психотренинга): С*оциодраматург: Так вы сейчас в каком времени? В момент создания Дела или в настоящем? И какое из* ***ваших «мы»*** *обращено наружу, публике, клиентам, покупателям?* ***Гордое «мы»****, с каким вы приходите на переговоры, или* ***то «мы»****, которое вы бросили сейчас в лицо вашим партнерам, когда назвали их «неуправляемым балаганом»?*

Аналогично – на форуме Ru.Board (тема: «Кто и почему уничтожил Россию?»): Ага, понятно почти все, кроме одного: совпадает ли в данном случае ***мое мы*** *и* ***твое мы****... Так вот, я подозреваю, что* ***мое «мы» и твое «мы»*** *- понятия совершенно разные.* Или еще пример: *А «****Мы****» здесь говорить не нуж-*

*но. Твое «**мы**» ассоциируется с движением в целом* (форум «Народное движение автомобилистов «СВОБОДА ВЫБОРА»»).

Такое *мы,* с одной стороны, проявляет все признаки нереферентного употребления, так как метафорически обозначает что-то вроде: '*твоя (ваша)/ моя (наша) позиция*' или '*твоя (ваша)/ моя (наша) точка зрения*' + '*те, кто, по твоему (вашему) / моему (нашему) мнению, ее разделяют*'. Но, с другой стороны, можно обнаружить здесь и особый тип референции – референции к самому слову (словоупотреблению) *мы. В* этом случае *мы* обозначает: '*слово (или употребление) «мы»*' – или даже: '*твой (ваш) / мой (наш) способ употреблять «мы»'.*

Речь идет о так называемом «*автореферентном*» типе употребления местоимения *мы*, т.е. о таком свойстве, как *автонимность употребления*, при котором знак обозначает сам себя [Падучева 1985: 20]. Отметим, что ряд коммуникантов осознает эту автореферентность и маркирует ее кавычками. Но не менее частотно и раскавыченное написание, что косвенно свидетельствует об активности и общепринятости подобной модели употребления *мы* в среде Интернет.

Представляется, что такое употребление не случайно активизируется именно в среде интерактивной коммуникации, так как в этом случае *мы* в полной мере реализует свой потенциал метафорического обозначения некой коллективной системы ценностей, разделяемой собеседником и оспариваемой говорящим, а также обладает явной оценочностью и повышенной экспрессией, что вообще присуще языку Интернета.

В целом нужно сказать, что неправильно рассматривать отмеченные особенности употребления *мы* исключительно как принадлежность Интернет-коммуникации: они вполне возможны и в «реальном» (не виртуальном) использовании языка. Речь идет лишь о том, что, по нашим наблюдениям, эти модели продуктивны и частотны именно в Интернет-коммуникации, что связано с общими коммуникативно-прагматическими особенностями этой речевой среды.

Использованная литература:

Бюлер, К.: *Теория языка. Репрезентативная функция языка* (Пер. с нем.). М. 1993.

Дускаева, Л.Р., Протопопова, О.В.: *Язык сети Интернет*. In: М.Н. Кожина (ed.), Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. 2003. С. 648-651.

Падучева, Е.В.: *Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. М. 1985.

Ушаков, Д.Н. (ed.): *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. М. 1996. Т. II.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Йиндржих Кеснер
Чехия, Градец Кралове

ЕЩЕ РАЗ К ПРЕПОЗИТИВНОМУ СУБСТАНТИВНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract:
Compounds with prepositive substantive attribute can be classified in different ways. The article describes the classification according to the syntactic nature of the word connections, according to the character, or the composition, of the prepositive component, according to its origin, according to the origin of the word connection as a whole and according to the orthography in the text. The directions of further research are outlined in the conclusion.

Key words:
Russian, Czech, syntax, prepositive substantive attribute, classification.

К теме препозитивного субстантивного определения мы обращаемся второй раз в этом году. Впервые мы о ней говорили на январской конференции Диалог культур в Градце Кралове.

В чешском и русском языках приложение, т.е. субстантивное определение, находится чаще всего в постпозиции. Но в последние годы встречаемся в русском и в чешском языках с препозитивным субстантивным определением, которое еще недавно находилось лишь на периферии языковой системы. Речь идет о таких сочетаниях как *спорт-бар, vodka party, VIP-гости, сервис-инженеры, суши-кафе, сэндвич-панели, бизнес-поездка; Wicca kameny, SMS zpráva,* O_2 *extraliga, VOLUME ovladač, MODE přepínač, Liebherr mraznička* и т.д. Они появились, безусловно, под влиянием английского языка. Указанные конструкции можно классифицировать по-разному.

I. Первую классификацию, наверное, можно было бы назвать **классификацией по синтаксической природе препозитивного компонента**. Если более глубоко задуматься над сущностью данных конструкций, то можно обнаружить, что она разная.

1. **Первую группу** представляют сочетания двух существительных, в которых первое является **приложением.** Его привычное место в чешском и русском

языках, как уже было сказано, находится в постпозиции, но под влиянием английского языка и, скажем, языкового вкуса определенной части населения оно оказывается в препозиции. Это те случаи, когда препозитивный компонент, имеющий характер синтаксического существительного, можно просто перенести в постпозицию, как, напр.: *Автокард-Холдинг, SMS-сервис, SD-карта, Primavera Expedition* (словосочетание из русского текста*); Wicca kameny, Liebherr mraznička, HP foto (= fotografický) papír, Trotina Auto, s.r.o., Yamaha hudební škola, Kamasutra sada…* Во всех случаях здесь встречаемся с так называемым несогласованным приложением, т.е. приложением, которое при склонении сохраняет форму именительного падежа. К этой группе относим и случаи типа *VOLUME ovladač, MODE přepínač, LEFT tlačítko, RIGHT tlačítko* и т.д., так как слова в препозиции, независимо от их принадлежности к части речи, воспринимаются как названия кнопок или других элементов системы управления технического устройства и следует их понимать так: *ovladač „VOLUME“, tlačítko „LEFT“, tlačítko „RIGHT“* и т.д., т.е. как названия кнопок. В этих случаях для выявления сущности данных словосочетаний не следует переводить смысл этих названий (*ovladač hlasitosti, levé tlačítko, pravé tlačítko* и т.д.*, регулятор громкости, левая кнопка…*), так как инструкция предназначена для пользователя, не знающего английского языка. Важно то, что данная кнопка так называется, что это на ней написано.

2. **В сочетаниях второй группы нельзя просто препозитивный компонент перенести в постпозицию.** Зато его более или менее просто можно трансформировать в несогласованное или, реже, согласованное определение. По своей сути это несогласованное определение, приобретшее форму именительного падежа и перенесенное в препозицию, или согласованное определение, трансформированное в синтаксическое существительное, стоящее в форме именительного падежа. В чешском языке это такие словосочетания как *Avon Lady [Lady (paní) (z) Avonu], Cali Vita konference [konference (firmy, organizovaná firmou) Cali Vita], ČSOB Světové akcie [Světové akcie ČSOB (т.е. Československé obchodní banky* – РП свидетельствует о том, что это несогласованное определение*)], Beate Uhse erotický katalog [erotický katalog B. Uhse (РП)]*, а в русском языке, напр.: *Газпром-Сити [Сити (Город) Газпрома]*, некоторые словосочетания с сокращением *VIP: VIP-причалы (причалы для VIP), VIP-больница (больница для VIP), ДСБ статистика [статистика ДСБ (Департамента собственной безопасности МВД России)], джентльмен клуб (клуб для джентльменов)*. Во всех приведенных примерах мы преобразовали препозитивный синтаксический субстантив в несогласованное определение, есть и случаи, когда его проще трансформировать в согласованное определение, или возможны оба случая. Словосочетание *squash centrum* преобразуем скорее всего в *squashové centrum* или, в крайнем случае, в *centrum squashe, sport bar в sportovní bar*, аналогично русское *спорт бар* или *Web-страницы (вебовские страницы)*.

   Некоторые сокращения, скорее всего, имеют в препозитивной позиции не субстантивный характер, а адъективный, и они, следовательно, лишь формально совпадают с теми сочетаниями, которым посвящено наше выступление. Это

и в чешском, и в русском языке, напр., сочетания с сокращением *TV – ТВ: TV technika (televizní technika), ТВ-центр (телевизионный центр).*
Следует задаться вопросом: можно ли все словосочетания с препозитивным субстантивным определением однозначно включить в первую или во вторую группу? В нашей картотеке есть и такие сочетания, как: *дресс-код, шоу-бизнес, арт-бизнес, компания «Тройка Диалог», концерн «Газ резерв», жилой комплекс АДМИРАЛ ТАУН, клуб «Джаз Таун», суши-кафе* или чешские *shower gel, Tesco Stores ČR, beach party, firma CITY PLAST, cestovní kancelář BUS TOURIST* и много других. Поскольку выясняется, что провести те изменения, которые описываются в связи с примерами 1-й и 2-й группы, невозможно, приходится выделить еще и 3-ю группу.

3. **В сочетаниях третьей группы препозитивное субстантивное определение нельзя просто перенести в постпозицию, даже легко трансформировать в несогласованное или согласованное определение.** Это можно было бы сделать только путем перевода или перифраза. *Дресс-код = код одевания, shower gel = sprchový gel, beach party = plážová party* или *party na pláži, BUS TOURIST* – это *бюро путешествий, организующее поездки на автобусе*. Но вот почему компания несет название *«Тройка Диалог»*, могли бы объяснить только ее владельцы или те, кто ее знает, также трудно предположить, чем занимается фирма *CITY PLAST* – производством пластиковых изделий для города или ликвидацией городских пластмассовых отходов? А, вероятнее всего, еще чем-то другим. Причина невозможности использования указанных трансформаций, на наш взгляд, заключается в том, что в чешском или русском языке используется заимствованное уже готовое английское словосочетание или же по английскому образцу существительное + существительное создано новое словосочетание таким образом, что ни одна из указанных трансформаций невозможна. Говорящий в таком случае и не задумывается над тем, как сказать по-другому.

II. В нашем январском выступлении в Градце Кралове мы частично уделили внимание **<u>составу препозитивного компонента</u>.** Он может, безусловно, послужить следующей основой классификации исследуемых нами словосочетаний. По этому критерию можно выделить такие их разновидности:

1. **Сочетания, в которых в качестве субстантивного определения находится морфологическое существительное.** Часто это имя собственное. Это такие случаи, как: *TROTINA Auto, s.r.o., Daniela Models, Škoda Auto, vodka party, BUS TOURIST, джентльмен-клуб, спорт-бар, АДМИРАЛ ТАУН* и т.д.
2. **Сочетания, в которых в качестве субстантивного определения находится лишь синтаксическое существительное.** Оно может быть представлено
   а) одним словом: *LEFT tlačítko, RIGHT tlačítko* ;
   б) словосочетанием: *side by side chladnička, ink jet papíry, Cali Vita konference, hydratační pleťový krém* ***Moisture 24 Cream,*** *омега-3 жиры, Бонниер Бизнес Пресс*;

в) **сокращением**: *O_2 extraliga, SMS zprávy, 3D obrázky, ČSOB Dynamický fond, Sazka Arena, ICQ-консультант, VIP-гости, ДСБ статистика, Газпром-Сити.*

III. Препозитивный компонент может быть чешского или русского происхождения. Гораздо чаще, однако, бывает иностранный препозитивный компонент, чаще всего английский, но не только. Этот факт может послужить основой третьей классификации – **классификации по происхождению препозитивного компонента**.

1. Для большинства сочетаний препозитивное субстантивное определение + определяемое существительное в обоих языках характерно **иностранное происхождение существительного, выполняющего роль определения**. Это такие сочетания, как: *пресс-служба, «Балтийская **медиа-группа**», джентльмен-клуб, суши-кафе, бизнес-поездка, Liebherr mraznička GS 5203, side by side chladnička, Wicca kameny, ink jet papíry, Cali Vita konference*. Чаще всего и главное слово является иностранным. Напр., русские: *шоу-бизнес, спорт-бар, проект-менеджер, дресс-код, АДМИРАЛ ТАУН* или чешские: *shower gel, Avon Lady и Avon gentleman, Tesco Stores ČR, silvestrovská beach party v Sport Café, firma CITY PLAST, cestovní kancelář BUS TOURIST. В* большинстве этих случаев, наверное, было заимствовано все словосочетание: *шоу-бизнес, дресс-код, shower gel, Avon Lady*. С этим приемом часто встречаемся в каталогах иностранных фирм, предлагающих зачастую свои изделия под их оригинальными, чаще всего английскими, названиями: *regenerační noční krém **Dream Cream**, hydratační pleťový krém **Moisture 24 Cream**, Shéhérazade Veil (šál Šeherezáda).* В русских текстах и рекламах часто сохраняется написание определения или всего словосочетания латиницей: *online-версия, Web-страницы,* норвежская компания *Wenaas Group*.
2. Меньшая часть сочетаний – это **сочетания с чешским или русским словом (словосочетанием, сокращением) в качестве субстантивного определения**: *ČSOB Zajištěné fondy, TROTINA Auto, s.r.o., Sazka Arena, фирма «Волга БИЛД», инвестиционная компания «Тройка Диалог», ООО «Агат-Авто»* и т.п. В редких случаях можно встретить и русские существительные в роли определения, которые по своему написанию приспосабливаются к главному английскому слову: ***vodka party** в клубе «Джаз Таун»*.

IV. Следующей классификацией является **классификация словосочетаний по происхождению словосочетания как целого**. Этого вопроса мы частично коснулись уже выше (в части I, абз. 3 и части III, абз.1). Дело в том, что:

1. **Все словосочетание может быть иностранного** (чаще всего английского) **происхождения,** т.е. оно уже как готовое заимствовано в чешский или русский язык. К тому, что было сказано выше, следует добавить, что такие словосочетания относятся не только к группе I/3 (т.е. к тем случаям, которые невозможно преобразовать ни в словосочетание с постпозитивным приложением, ни в словосочетание с определением – *шоу-бизнес, арт-бизнес, дресс-код, beach party, Tesco Stores ČR, shower gel*), но иногда они могут относиться и к другим группам первой классификации, т. е. классифи-

кации по синтаксической природе препозитивного компонента: *ИК-порт, USB port (гр.I/1), Avon Lady и Avon Gentleman, джентльмен-клуб (I/2).*

2. Однако некоторые словосочетания, как уже было сказано, несомненно, уже **были образованы в чешской или русской среде по английскому образцу**. Таким образом возникли, напр., многие названия фирм, инвестиционных фондов, учреждений общественного питания и развлечений и другие словосочетания, имеющие отношение к области бизнеса: *«Бонниер Бизнес Пресс», ООО «Северо-Западное Агентство* ***Пресс-Информ****», компания «АДРИА-ТУРС», жилой комплекс АДМИРАЛ ТАУН, «Максвел Капитал»* (название фонда); *Superstar megapárty, Sepie Club, Sport Café, MOTO SHOP SCOOTER (v Náchodě), CK BUS TOURIST…*

V. **Классификация по написанию (раздельному или дефисному).**

1. В чешском языке подобные словосочетания сохраняют **раздельное написание:** *SMS zprávy, 3D obrázky, Sport Café и* т. д.
   Из русских сочетаний раздельное написание сохраняет их меньшая часть: *компания* ***«Тройка Диалог»****, московский концерн* ***«Газ Резерв»****, жилой комплекс* ***АДМИРАЛ ТАУН*** *в Волгограде. Как следует из приведенной* ***ДСБ статистики****, самые коррумпированные – это сотрудники паспортно-визовой службы. Дефицит* ***омега-3 жиров*** *в организме ребенка может привести к нарушению внимания и снижению памяти. В клубе* ***«Джаз Таун»*** *Андрей Макаревич представил свою водку «Смак» на суд* ***VIP гостей*** *развлекательных комплексов «Шторм Интернэшнл».*

2. Большей приемлемости таких сочетаний в русском языке, может быть, способствует то, что они чаще всего **пишутся через дефис**: ***Сервис-инженеры****,* ***проект-*** *и* ***продукт-менеджеры*** *из фирмы, производящей* ***сэндвич-панели****, одетые по* ***дресс-коду****, будучи в* ***бизнес-поездке****, встретились около* ***бизнес-центра****. Купили* ***бизнес-энциклопедию****, чтобы познакомиться с правильной организацией* ***бизнес-процессов****. Пообедав в* ***суши-кафе*** *недалеко от* ***ТВ-центра****, отправились в* ***джентльмен-клуб****, место частых* ***VIP-тусовок****, где увидели многих представителей* ***шоу-*** *и* ***арт-бизнеса****.* На этом вопросе не будем сейчас останавливаться, т.к. ему было уделено больше внимания в нашем выступлении на конференции в Градце Кралове, материалы которой опубликованы.

Данную работу необходимо продолжить. Напрашивается **классификация исследуемых словосочетаний по семантике.** Об основных семантических группах мы частично говорили в Градце Кралове, но более тщательное изучение материала с этой точки зрения нам еще предстоит, также как **проведение последовательного сравнительного русско-чешского анализа.** Здесь, конечно, есть много общих черт, но намечаются и существенные различия, которые, в частности, касаются возможности и уместности употребления данных словосочетаний (см. материалы конференции в Градце Кралове). Как нам кажется, **изучение причин употребления** рассматриваемой нами конструкции – это одно из возможных направлений дальнейшего исследования.

Использованная литература:

Кеснер, Й.: *Препозитивное субстантивное определение в чешском и русском языках*. In: Dialog kultur IV. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve spolupráci se Slavistickou společností Franka Wollmana při FF MU v Brně a Českou asociací rusistů. Hradec Králové 23. – 24. 1. 2007. Univerzita Hradec Králové, Pedagogická fakulta, katedra slavistiky. OFTIS, Ústí n. Orlicí 2007, s. 145 – 149.

Недомова, З.: *Некоторые активные процессы в грамматике русского языка начала XXI века*. In: Dialog kultur IV. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve spolupráci se Slavistickou společností Franka Wollmana při FF MU v Brně a Českou asociací rusistů. Hradec Králové 23. – 24. 1. 2007. Univerzita Hradec Králové, Pedagogická fakulta, katedra slavistiky. OFTIS, Ústí n. Orlicí 2007, s. 85 – 89.

Pulčár, V.: *K formálnej stránke ruských ergoným*. In: Dialog kultur IV. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve spolupráci se Slavistickou společností Franka Wollmana při FF MU v Brně a Českou asociací rusistů. Hradec Králové 23. – 24. 1. 2007. Univerzita Hradec Králové, Pedagogická fakulta, katedra slavistiky. OFTIS, Ústí n. Orlicí 2007, s. 151 – 155.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Светлана Короткая
Беларусь, Минск

ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ТОВАРА И АДРЕСАТА В ТЕКСТЕ ТЕЛЕРЕКЛАМЫ

Abstract:
In the article the author deals with special cases of realisation of charactarising function of verbs in the text of commercials, points out to the lexico-semantic groups of verbs relevant for characterisation of goods and commercial recipients.

Key words:
Verbal lexeme, text, commercial, characterising function of the verb, advertised goods, commercial recipient.

Телевизионный рекламный текст – это достаточно новый, молодой для постсоветского пространства тип креолизованного текста, который стал активно развиваться на рубеже XX – XXI веков. Ведущая роль в телерекламе отводится видеоряду, так как он одновременно активизирует зрительное восприятие и информирует потребителя. Аудиоряд, как правило, небольшой по размеру. Жесткая прагматическая заданность рекламного текста предъявляет повышенные требования к отбору языковых средств, в том числе и глаголов: они *«лучше других частей речи создают образ, картинку в воображении читателя. Глаголы хорошо вовлекают, побуждают. Ведь они обозначают действие, обладают динамикой, движением, конкретностью»* [Назайкин 2003: 152].

Цель данной статьи – проследить реализацию характеризующей функции глаголов в текстах телерекламы, установить лексико-семантические группы глаголов, наиболее актуальные для характеристики товара и адресата телерекламы, представить через призму глагольной лексики обобщенный (отвлеченный от конкретной товарной группы) образ товара и охарактеризовать типичное, моделируемое рекламодателем, поведение адресата рекламы.

В соответствии с поставленной целью из 1000 русскоязычных телевизионных рекламных текстов были взяты для исследования только те глаголы (2136 лексем), актантом (субъектом) при которых выступает (или мог бы выступать, если пред-

ложение неполное) рекламируемый товар (574) или адресат рекламы (1562). Отнесенность глаголов к лексико-семантическим группам (ЛСГ) соответствующего семантического подполя и – далее – поля проводилась нами с опорой на идеографический словарь-справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов» в случае же отсутствия там нужного глагола или же его переносном употреблении принадлежность к ЛСГ устанавливалась нами лично по словарным определениям, взятым из «Словаря русского языка» [Т. 1-4, 1985-1988] согласно методу ступенчатой идентификации.

1. **Глагол как средство характеристики товара.** В исследованном нами материале лишь 574 глагольные лексемы характеризуют свойства рекламируемого товара; иными словами, примерно в 40 % русскоязычных рекламных роликов копирайтеры в ситуации представления потребительских преимуществ товара вообще не обращаются к глаголу как предицирующему, характеризующему словесному знаку. На наш взгляд, причина этого – отнесенность большинства товаров, рекламируемых по телевидению (краска для волос, дезодоранты, продукты питания, моторные масла и др.), к «категории пониженного интереса»: *«Обо всех этих товарах почти ничего нельзя сказать такого, что было бы по-настоящему интересно или ново»* [Кромптон, 1995: 118]. Рекламисты, чтобы привлечь внимание целевой аудитории, вынуждены использовать спецэффекты, создавать занимательный видеоряд и уходить от описания физических свойств и функций рекламируемого товара.

Среди глаголов, характеризующих рекламируемый товар, наиболее востребованными в текстах телерекламы являются глаголы семантического поля «отношение» – 40,2 %; они количественно преобладают над глаголами самого «емкого» в русском языке поля «действие» – в телерекламе их доля составляет всего лишь 37,8 %[1]. Посредством активного использования глаголов семантического поля «отношение» в текстах современной телерекламы создается образ **товара-помощника, товара-защитника, товара-друга, товара-дарителя** (неслучайно в текстах рекламируемый товар часто олицетворяется). Наиболее актуальными для телерекламы ЛСГ поля «отношение» являются: а) **ЛСГ глаголов помощи** (40): *«Nuts» всегда* ***поможет*** *мозгу добиться желаемого результата. В первую очередь «Nuts»* ***помогает*** *мозгу;* б) **ЛСГ глаголов защиты** (36): *«Orbit Winter fresh»* ***защитит*** *зубы после еды и наполнит дыхание притягательной свежестью;* в) **ЛСГ глаголов сохранения** (22): *Новый гель для душа «Gohnsons» с овсяным молочком, медом и нежными увлажнителями* ***сохраняет*** *естественную мягкость кожи;* г) **ЛСГ глаголов передачи объекта** (42): *Кофе сделай глоток, и новой жизни виток...; Тебе* ***подарит*** *кофе «Жокей»!; Только природная вода «САНТА» способна* ***дать*** *силы к победе.*

Следует отметить, что в примерах названы типичные представители каждой из ЛСГ: данные глаголы, «кочуя» из ролика в ролик, делают рекламные объявления шаблонными. Распространенность в языке телерекламы глаголов, принадлежащих к вышеназванным ЛСГ, объясняется желанием копирайтеров убедить адресата телерекламы в том, что нужно лишь приобрести товар, а затем ждать, не прилагая никаких дополнительных усилий: **товар все сделает сам** (товар активен, потребитель пассивен): товар *поможет*, *защитит,* он *даст*, *подарит* потребителю все, в чем он нуждался и чего у него не было. Кроме того, товар способен

влиять на потребителя и приводить его в новое, лучшее, физиологическое и/или эмоциональное состояние, что на уровне языковых средств проявляется в употреблении:

а) словосочетаний типа «глагол *дарить, давать* + абстрактное существительное, обозначающее эмоциональное или физиологическое состояние адресата, его ощущения»: *«HORTEX»* ***дарит*** *радость и здоровье; Я выбираю Fa. Он защищает меня 24 часа, а в жарких ситуациях* ***дарит*** *дополнительный заряд свежести; Есть средство, которое* ***дает*** *моей коже силу и энергию* («ВІТЭКС»). Многие из таких глагольно-именных словосочетаний можно заменить одним глаголом из ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное или физиологическое состояние (*радует*, *освежает*), однако тогда утрачивается элемент «бескорыстной передачи», подчеркиваемый копирайтерами;

б) глаголов, принадлежащих **ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояние** (19) и **ЛСГ глаголов приведения в физиологическое состояние** (26): *Нежный, вкусный кефир «Домик в деревне», приготовленный из настоящего деревенского молока,* ***утолит*** *жажду и* ***прибавит*** *сил.* Нередко копирайтеры при одном глаголе семантического поля «состояние» употребляют сразу два существительных (обычно абстрактных), тем самым указывая на два мотива покупки товара «категории пониженного интереса»: *Попробуй новый «Тонус банан-апельсин». Витамины группы В, С, Д, Е* ***зарядят*** *Вас здоровой энергией и хорошим настроением на целый день.*

Глаголы семантического поля «действие» (37,2 %), на наш взгляд, в меньшей степени, нежели глаголы поля «отношение» и поля «состояние», показательны для выявления обобщенного образа рекламируемого товара, так как они называют физические действия товаров разных товарных групп.

2. Глагол как средство характеристики адресата рекламной коммуникации. Как свидетельствует наш материал, это основная функция использования глаголов в текстах телерекламы (1562 лексемы; по семантическим полям: «действие» – 54,3 %, «состояние» – 28,2 %, «отношение» – 17,5 %). Важнейшая задача рекламы – воздействовать на потребителя и побуждать его к покупке товара, поэтому глагольные лексемы используются копирайтерами прежде всего для передачи «динамики адресата», моделирования поведения потребителя, желательного для рекламодателя.

Каким же предстает адресат в телерекламе? Рассмотрим наиболее востребованные в телерекламе ЛСГ в порядке убывания:

а) **ЛСГ глаголов пребывания в функциональном состоянии** (143). Наибольшее распространение в текстах телерекламы получили именно модальные глаголы: *хотеть, желать, мочь*: ***Хочешь*** *стать супергероем? – Пей «МИРИНДУ»!* ***Хочешь*** *вкусненького к пиву? Есть более простое решение. Это «КИРИЕШКИ»*. Типичный адресат рекламной коммуникации – **телезритель, желающий** что-либо изменить, недовольный настоящим. Купив товар, потребитель становится **способным решить проблему** (его функциональное состояние изменяется): *Хорошо, что с новым «Safeguard» я* ***могу*** *надолго защитить его [ребенка] от микробов;*

б) **ЛСГ глаголов приобретения** (116): *покупать – купить, брать – взять, получать – получить, выиграть*. Глагольные лексемы используются для создания образа **адресата приобретающего** (ср. для характеристики товара актуальна ЛСГ глаголов передачи объекта): ***Купите*** *любую коробку шоколадных конфет фабрики «Спартак» – и* ***выиграйте*** *золотое украшение от завода «Ювелир»*;

в) **ЛСГ глаголов восприятия** (90): *смотреть, слышать, ощутить и* др. Чаще всего данные глаголы оказываются востребованными в ситуации привлечения внимания адресата к тому, что происходит на экране: *И Вы* ***видите,*** *как бульон превращает обычный рис в ароматное и сытное блюдо* («Gallina Blanca»);

г) **ЛСГ глаголов познания** (74). С их помощью в рекламном тексте появляется образ **адресата, знающего** что-либо о товаре (*Там, где холодно и жарко,* ***знают****, обувь – это «Marko»*) или же **адресата, узнающего о своей проблеме** и о способах решить эту проблему (***Знаете*** *ли Вы, что каждый раз после еды и напитков количество вредных бактерий во рту увеличивается?* (реклама «SMINT»));

д) **ЛСГ глаголов пребывания в эмоциональном состоянии** (70) (ср. при характеристике товара востребована ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояние): *Рай на земле… посреди Тихого океана…* ***Почувствуй*** *себя принцессой Таити! В незабываемом круизе … или получи стильную летнюю сумку. «АКВА МИНЕРАЛЕ Принцесса Таити»*. Телезрителю не нужно прилагать серьезных усилий, чтобы изменить свою жизнь к лучшему, работать над собой: купи самый обычный товар (чай, сок, воду) – и жизнь круто изменится, перейдет на новый виток;

е) **ЛСГ глаголов проверки** (59). **Адресат проверяющий**, а проверить товар можно только одним способом – приобретя его: ***Попробуйте*** *новый продукт творожные зерна «Жемчужина»*; ***Открой*** *для себя маленькие нежности! («ТОРНАДО»).*

Как показал наш материал, самые востребованные в телерекламе ЛСГ глаголов – это ЛСГ, относящиеся к подполям «интеллектуальная деятельность», «эмоциональное состояние», «функциональное состояние», «владение». Физические действия адресата с товаром, перемещения адресата в пространстве и др. для телерекламы неактуальны.

Примечания:

[1] Ср.: по данным И.Т. Вепревой, *«в поле «действие» включается 65,6 % всей глагольной лексики русского языка»* [Вепрева 1991: 28].

Использованная литература:

Вепрева, И.Т.: *Лексико-семантические группы русских глаголов (количественная характеристика)*. In: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов научно-мет. конфер. Ч. 1. Даугавпилс, 1991. С. 28-29.

Кромптон, А.: *Мастерская рекламного текста*. Тольятти, 1995.

Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник. Свердловск, 1988.

Назайкин, А.Н: *Практика рекламного текста*. М, 2003.

Словарь русского языка: В 4 т. М. Рус. яз., 1985-1988.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Елена Коряковцева
Польша, Седльце

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА: НОВЫЕ NOMINA ABSTRACTA В ТЕКСТАХ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ГАЗЕТ

Abstract:
The analysis covers more recent derivatives – nomina abstracta and nomina actionis found in the Russian press that have emerged the past year and have not yet been listed in professional dictionaries. The study of these types is based on the semantical approach in the description of word-formation facts. The author focuses here on formants and word-formation bases of nomina actionis, which have been analysed and their semantic peculiarities have been obtained.

Key words:
Nomina abstracta, nomina actionis, derivatives, tendencies, productivity, modern press, expressive words.

На рубеже XX-XXI вв., в эпоху Интернета, русскоговорящее сообщество в своих представлениях о речевых эталонах ориентируется в основном на «новояз» электронных и «бумажных» масс-медиа, характерные элементы которого переносятся не только в общий жаргон, но и в иные области языковой активности «русофонов» (см. [Нещименко 2001]). В этой связи язык современных СМИ представляет собой особый научный интерес: изучая журналистские тексты, можно судить не только о специфике организации речевого общения, но и о языковой ментальности россиян. Однако многоаспектное изучение языка российских масс-медиа – это задача монографического исследования. В данной статье анализируются способы образования абстрактных существительных, отмеченных в текстах общероссийских газет «Известия», «Труд», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда» за 1999-2006 гг., рассматриваются особенности освоения некоторых заимствованных морфем, используемых для создания медиальных nomina abstracta. Интерес к этой семантико-словообразовательной категории объясняется тем, что абстрактная, «интеллектуальная» лексика быстрее и ярче других лексических пластов реагирует на качественные изменения этнического языка, а тенденции ее развития всегда отражали особенности эволюции русского национально-языкового сознания (ср. [Мальцева и др. 1975: 10]). Анализируя медиальные неологизмы, nomina abstracta,

мы старались определить, какие именно тенденции развития русской лингвокультуры нашли отражение при их образовании.

Категория абстрактных существительных, как известно, включает в себя nomina actionis и nomina qualitatis. Это предикатные имена – сложные носители информации, которые объективизируют или персонифицируют обозначаемые действия и качества. На рубеже XX-XXI вв., ознаменованном иноязычным разгулом масс-медийного просторечия (см. [Нещименко 2001]), неологизмами активно полняется прежде всего подкатегория имен действия (258 из 279 новых nomina abstracta). Масс-медийная мода на англицизмы способствовала: а) появлению гибридных словообразовательных моделей «существительное + суф. *-инг*», «существительное + суф. *-гейт»*; б) усилению продуктивности моделей с интернациональным формантом *-изацij*(а).

Формирование модели «существительное + суф. *-гейт»* связано с весьма редким явлением – преобразованием иноязычного слова, а именно англ. *gate* ‘ворота’, в русский суффиксальный элемент *-гейт* со значением ‘скандал’. Словопроизводство по этой модели не является высокоактивным, возможно, по той причине, что российские политические скандалы масштаба *Уоттергейта* достаточно редко обсуждаются в федеральной прессе. Примеры слов с финалью *-гейт* весьма немногочисленны: *Моникагейт, Кремльгейт, Пермьгейт, Россгейт*.

В газетных текстах отмечено большое число заимствованных терминов с суффиксом английского герундия *-ing*: *бодибилдинг, боулинг, брэндинг, брифинг, (винд)сёрфинг, дайвинг, драйвинг, заппинг, инжиниринг, картинг, кастинг, кикбоксинг, клиринг, консалтинг, лизинг, лифтинг, маркетинг, мониторинг, маркетинг, паркинг, пирсинг, пилинг, рейтинг, рес(т)линг, роуминг, скайтинг, скрининг, туринг, тьюнинг, хеппенинг, холдинг, хостинг, форфейтинг, франчайзинг, шопинг* и др. Регулярность и серийность заимствования англицизмов на *-инг,* частота их употребления в текстах СМИ способствовали формированию эталона восприятия финали *-инг* как суффикса в языковом сознании русофонов. Именно в качестве суффикса финаль *-инг* стала активно использоваться в словотворчестве журналистов. В газетных текстах появились отглагольные и отыменные гибридные имена действия типа *вининг* ‘пьянка с распитием вина’, *позоринг* ‘опозоривание’, *писинг* ‘писание’, *водопадинг* ‘преодоление водопадов’, *каякинг* ‘перемещение на каяках’. Ср. также *водкинг* ‘пьянка с распитием водки’, *глинтвейнинг* ‘приготовление глитвейна’, *гулянинг* ‘гулянка’, *курилинг* ‘курение’, *пивинг* ‘распитие пива’, *пьянинг* ‘пьянка’, *улучшайзинг* ‘улучшение, как правило, на показ’, *шашлыкинг* ‘приготовление шашлыка,’ *путинг* ‘рекламирование кандидата Путина’ («*Путинг сопровожался верноподданическими высказываниями «единороссов», самоцитированием кандидата, позированием перед фото- и кинокамерами»*//АиФ, 05.06.2004) и др. Словообразовательный анализ имен действия типа *вининг, каякинг, путинг* показывает, что финаль *-инг* является суффиксальным терминоэлементом с автономным процессуальным значением, поскольку в значениях производящих слов нет процессуальной семы – она вносится в значение производного с помощью суффикса, ср.: *вино → вининг, Путин → путинг*.

Словообразовательная активность заимствованного форманта *–инг* объясняется следующими причинами: 1) односложной структурой и «неприхотливостью» его контактной зоны – при опоре на многочисленные англицизмы с односторонней

аффиксальной членимостью, типа *тренинг, шопинг* достаточно легко производятся на русской почве неологизмы типа *водопадинг*, *путинг*, пополняющие категорию nomina actionis; 2) способностью гибридных дериватов на *-инг* выполнять в языке прессы каламбурные и полемико-иронические функции.

Широкое использование в газетных текстах терминов и псевдотерминов с формантом *-изация* обусловлено «давлением» терминологии на общелитературный язык. Греко-латинский суффикс *-изациј-*, оформившийся в научно-техническом стиле русского языка к концу XIX века, значительно превосходит по своей эмпирической продуктивности синонимичный исконный формант *-ованиј(е)*. Оба имеют сходные значения: 1/ ‘использование того, что названо производящим существительным’ (*катетеризация, комбайнирование*); 2/ ‘создание того, что названо производящим существительным’ (*алгоритмизация, картирование)*; 3/ ‘наделение признаком того, кто (что) назван(о) производящим существительным’ (*татаризация, рулонирование*); 4/ ‘оснащение, наделение тем, что названо производящим существительным’ (*контейнеризация, биркование*). Однако лексическая база для создания отыменных имен действия на *-изация* значительно шире, чем у словообразовательных типов с формантом *-ование,* поскольку имена на *-изация* образуются не только от конкретно-предметных и вещественных существительных, но и от личных существительных (*татаризация*), названий болезней (*шизофренизация*), наук (*бионизаци*), стран (*канадизация*), фамилий *(пастеризация*). При этом суффикс *-изациј-* присоединяется как к исконным (*зарплатизация, сибиризация*), так и к иноязычным основам (*автономизация*). В языке общероссийских газет с начала 90-х гг. XX в. регулярно появляются окказионализмы типа *артизация* (Труд, 1992, N 14), *ваучеризация* (Известия, 1992, N 30), *долларизация* (Комсомольская правда, 21.04. 1997 г.), ср. также неологизмы конца XX-начала XXI века: *бандитизация, бартеризация, витринизация, гайдаризация*, *дебилизация, компьютеризация, маргинализация мауглизация, макдональдизация, пиджинизация, попсовизация*, *чеченизация, шизофренизация* и др. Возможности словопроизводства с помощью форманта *-изация* практически безграничны, поскольку нет морфонологических, грамматических и стилистических ограничений, препятствующих образованию отыменных имен действия, а производные с этим формантом обладают всеми свойствами отглагольных nomina actionis.

Тенденциями к демократизации и к выразительности речи, характерными для современной лингвокультуры, обусловлен рост словообразовательной активности модели «глагол + *-ух(а)*», ранее продуктивной лишь в молодежном жаргоне. Эмоционально окрашенные nomina actionis типа *везуха* ‘везение’, *развлекуха* ‘развлечение’, *расслабуха* ‘расслабление’, ‘отдых’, *уважуха* ‘уважение’, образованные по этой модели, которые ещё 20 лет тому назад казались бы неуместными в текстах газет, ныне широко используются журналистами с целью создать дружески-непринужденный тон беседы с читателем, которого таким образом делают единомышленником.

В языке российской прессы находит свое отражение также усиление закона речевой экономии, обусловленное прагматическим стремлением как можно быстрее и в оптимально сжатом виде передать максимальное количество информации, объем которой постоянно растет. Действием этого закона объясняется активность моделей, по которым образуются универбаты-имена действия: «прилагательное +

-яшк(а)» (*полезняшка* ‘компьтерная игра, полезная для развития детей’), «глагол + *-лка*» (*бродилка* ‘компьютерная игра, где игрок вынужден бродить в лабиринтах’, *искалка* ‘компьютерная игра, где игроку приходится что-то искать’, *ломалка* ‘программа, взламывающая антивирусную защиту’, *обучалка* ‘обучающая игра’, *развивалка* ’развивающая игра’, *рисовалка* ’рисующая программа, графический редактор’). Такие универбизмы появляются в компьютерном жаргоне, затем в специализированной прессе, а впоследствии «перекочевывают» на страницы общетематических газет.

Итак, анализируя медиальные неологизмы, пополнившие абстрактную лексику на рубеже XX-XXI вв., можно сделать следующие выводы:

1. В увеличении числа nomina actionis за счет дериватов с интернациональным суффиксом *-изациј(а) и* адаптированных англицизмов с финалью *-инг* отражается не только усиление тенденции к интернационализации, но и растущая потребность современного русского языка в динамических предикатах.

2. Продуктивность суффиксальных терминоэлементов *-инг, -изациј-* свидетельствует о росте агглютинативности в семантике производных слов, когда расчлененность семантическая поддерживает расчлененность структурную. Активное образование семантически регулярных отыменных имен действия с помощью этих терминоэлементов обусловлено стремлением к унификации словообразовательных связей, в котором находит отражение тенденция к интеллектуализации русского языка.

3. Появление универбатов, nomina abstracta типа *бродилка*, *развивалка*, значение которых поддается дешифровке только во внешнем контексте, связано с тенденцией к речевой экономии, а также с тенденцией к «национализации» лексической семантики, которая проявляется в стремлении закодировать значение мультивербизма, «свертываемого» в универбат, понятный только носителям русского языка.

4. Активность образования эмоционально окрашенных nomina actionis типа *везуха*, *развлекуха* обусловлена тенденцией к выразительности речи, а также функциональным, стилистическим динамизмом, который является характерной особенностью современного русского дискурса.

Использованная литература:

Мальцева, И.М., Молотков, А.И., Петрова, З.М.: *Лексические новообразования в русском языке XVIII века*. Л., 1975.

Нещименко, Г.П.: *Функционирование модификационной лексики в языке современной публицистики*. In: Z. Rudnik-Karwatowa (ed.), Procesy innowacyjne w językach słowiańskich. PAN, Warszawa, 2003, s. 139-150.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Věra Kozáková, Andy Chernel
Чехия, Злин

SOME OBSERVATIONS ABOUT THE LANGUAGE OF THE INTERNET AND THE CZECH LANGUAGE

Abstract:
Лексика чутко отражает изменения, которые наблюдаются в разных сферах жизни общества. В последние годы в современном языке происходит огромное развитие словарного состава, главным образом, в направлении его обогащения за счет заимствований из английского языка. В нашем докладе сосредоточимся на языке интернета. Следует отметить, что происходит процесс детерминологизации терминологической лексики благодаря ее широкому употреблению в СМИ. В процессе заимствования английских слов можно отметить одну тенденцию. Большинство англицизмов в чешском языке заимствовано без всяких изменений.

Key words:
Интернет, информационные технологии, экономика, конкурентоспособность, глобализация.

Introduction

The representative of new media has become the Internet, which has brought new dimensions to communications. In a globalised world, the Internet has become a phenomenon not only of employment opportunities, working tools and medium, but also the source of easily and readily accessible information. Information and Communication Technology (further only ICT) are, today, the key agents for innovation and creativity, stimulating and encouraging advances in every scientific discipline. New technologies intermingle with our lives and are, to an ever greater extent, changing our behaviour and view of the world.

Among other things, these changes are also apparent in the validation and use of special terminologies – which may, and can, lead to shifts in significance in professional forms of expression. Terminological differences can often lead to misunderstanding or a lack of comprehension; it can mean the slanting or other deformation of the content aspect of the information in question, or even to breakdowns in the coherence and continuity of communications.

In this paper, we wish to draw readers' attention to the appearance and expression of a dynamic tendency in the Czech language among IT businessmen (among many others). A similar attempt to address these issues in the Czech Republic is being made by others

too, for example: J. Bartošek, I. Bozděchová, F. Čermák, F. Daneš, M. Dokulil, J. Filipec, K. Horálek, J. Hrbáček, O. Martincová, B. Rudincová, S. Žaža, etc.

Through the use of the Synchronomous Confrontational Analysis Method, we demonstrate how, among a variety of types of descriptors, both competitive and synonymous relationships arise. Our starting-point is based upon excerptions from a varied range of sources oriented on IT. In this paper we have chosen to limit ourselves to mentioning only some of the subsidiary and partial aspects of our research investigations. We have concentrated our attentions on foreign language lexical sources (i.e. loan words) and media and their morpho-syntactical differentiation in selected IT texts.

As it is clear from the outcomes of our investigations, the (Anglo-American) nouns with the highest (Czech) frequency-rates are: *internet, implementace (implementation), program, technologie (technology), integrace (integration), mail, trend, monitoring. outsourcing. notebook, spam, vir (virus), monitor, displej (display), médium (medium), software, hardware server, konfigurace (configuration), standard, laptop, skener (scanner), processor (processor), bonus, modem, menu, design, adaptabilita (adaptability), update, decoder (decoder), player, homepage, cluster, chat, source, spyware (ibid), hacker, rootkit, mystery shoppers, etc.* In the analysis, nouns were in first place making up almost 50% of the total, while adjectives finished in second place with 20 % of the total.

As regards adjectives, there is a preponderance of derivatives drawn from the nouns mentioned above: e.g. *internetový (Internet-related), implementovaný (implemented), integrovaný (integrated), programový (programme/programme-related), naprogramovaný (programmed), internetový (Internet-related), digitální (digital/digital-related), mobilní (mobile), monitorovaný (monitored), mediální (medial/media-related), redundantní (redundant), licenční (licensing/licence-related), upgradovaný (upgraded), and many more* [1]

In comparison to nouns and adjectives, verbs are much less well-represented in (Czech) IT texts (only 12 %), which only goes to prove that the Czech language tends to express time and action related issues through its own lexical resources. Using foreign language nouns as a base/root, Czechs tend to create verbs with typical Czech suffixes: e.g. ***-ovat*** ('To' + Infinitive suffix form): i.e. *mailovat (to mail/email), faxovat (to fax), skenovat (to scan). Further mutation examples without translation are: monitorovat, implementovat, vizualizovat, instalovat, mutovat, identifikovat, digitalizovat, synchronizovat, investovat, distribuovat, reprodukovat, aplikovat, legalizovat, dekódovat, surfovat, etc.*

In another investigation, we oriented ourselves on ways of enriching vocabulary. A significant role in word creation is played by derivation. When deriving nouns and adjectives, there is a clear tendency to impose foreign language prefixes: e.g. ***multi-*** *(multimédia, multimediální notebook, multimediální projektory),* ***maxi-*** *(maximální disková kapacita, maximálně účinné řešení),* ***mikro-*** *(mikroprocesor),* ***makro-*** *(makroprostředí),* ***mega-*** *(Siemens disponuje megapixelovým foťáčkem, megabajt),* ***super-*** *(supercena, superpočítač Albert2),* ***anti-*** *(antivirové a antispamové kontroly).* Through the intermediary (of the penetration) of English, the Czech language is being confronted with both Latin and Ancient Greek as the basis of an international terminology.

In the case of such assimilations, the time-line perspective is of great importance. The penetration of foreign language terminology (into Czech) is a historically-conditioned phenomenon. At the current time, it has to do with an intensive process rendered more so as a consequence of the booming developments in the IT sector. To begin with, this

new and unknown terminology stimulates distrust, uncertainty, accompanied by a lack of knowledge about its correct spelling and pronunciation *(e.g. rootkit, spyware, moving)* [2]. We call such items neologisms.

These linguistic assimilations acclimatise themselves over time in the Czech vocabulary and gradually acquire specifically Czech graphical and phonetic forms (e.g. *byte – bajt, display – displej, business – byznys, scanner – skener, video-recorder – videorekordér, chip – čip, etc.)*. Some are superseded – immediately by their Czech equivalents – as long as they exist, others over time (e.g. *computer – počítač, memory – paměť, net – síť, team – tým)*. In cases where Czech does not have its own equivalent to hand, nor is it able to create one, it enriches itself with these Anglicisms (Americanisms), which are perceived as neologisms.

The following sentences document two antithetical tendencies, typical for professional languages in a globalised environment:

1. *Dokáže můj antivirus detekovat rootkity?*
2. *Vyvinuli jsme proaktivní řešení, které chrání uživatele před viry, červy, spyware, phishing, rootkity a dalšími hrozbami.*

On the one hand terminology is penetrating into the everyday vocabulary, while the general language base is becoming more professionalised. On the other hand however, this growing professionalism has as its consequence its generalisation, (since) we perceive these terms as being part of the general vocabulary. The Czech language is considered to be a flexive, synthetic language. Through the influence of English, it is possible to observe a deviation towards analyticitism. In the course of searching for equivalents to foreign word-creation sources, two significant tendencies have a contra-indicative effect one upon the other. The first struggles for the greatest possible degree of explicity – requisite for the professional terminology. The second tendency is oriented on linguistic economy. Often, the Czech language finds it impossible to replace a foreign single-word term by its own single-word equivalent *(e.g. homepage – domovská stránka)*.

The process whereby Anglicisms *(Americanisms)* are penetrating into languages is very dynamic, and in the case of the Czech language, happening very easily. In the initial phase of this process – a certain schismatic unsteadiness is thus clear in the domestic (Czech) vocabulary. Two, sometimes even three variants may exist concurrently for a single term: e.g. *Internet – internet, e-shop – eshop, e-mail – email – e-Mail, on-line – online*. Over time, one variant imposes itself and is incorporated into the literary vocabulary.

Terms, professional terms and even slang terms are assimilated. This assimilation is usually for internal linguistic reasons (e.g. a missing equivalent in the mother tongue, or for economies of speech) as well as for external reasons (e.g. the simplification of international communication, or the transparency of terminology).

The characteristic feature of ICT is its use of metaphorical and metonymic descriptive naming, created under the influence of depictive descriptive naming (further only 'denominator') in English. This denominator comes from expressions that people come across on a day-to-day basis, or from such terms which people are used to using in other professional fields: i.e. *myš – mouse, červ – worm, vir – virus, okno – window, paměť – memory, síť – network, pirát – pirate, menu – ibid (jídelníček), trojský kůň – trojan horse, díra – loophole (for instance in the latest version of Microsoft – Vista),* etc. The depictive qualities of denominators in such cases fulfill the tendency to simplify and to make complicated technologies approachable to normal everyday users.

The most widely extensive resource for so-called (in Czech) "univerbisation" is the creation of abbreviated descriptive denominators. Professional terminology is significantly enriched by abbreviations and abbreviated words, which occur in professional texts with a greater than 10 % frequency. The majority of these abbreviations do not originate directly from the Czech language, but rather they are assimilated predominantly from the English language (e.g. *TV, PC, CD, DVD, IT, ICT, SMS, USB, MP3)*. The "univerbisation" process is closely associated with the tendency for linguistic economy and compactness of expression.

The time-horizon is a very important issue for assimilated loan words. To begin with, new and unknown terms cause distrust, uncertainty, and a lack of knowledge about their spelling and pronunciation (e.g. *rootkit, spyware, moving*). We call these neologisms. Developments in the communications field of IT are influenced by many factors and mutually interlinked associations, the most important of which is the stormy evolution of both of these scientific disciplines – i.e. economics and IT. Both are subjected to the influence of English and both terminological systems interpenetrate one another. The Czech language does not defend itself against the influx of anglicisms, but rather, it functions like an open system, capable and able to create new linguistic resources, and to adapt itself to (include) them.

Conclusion

The aim of this paper was to draw attention to the topicality of the problems and issues described herein and to describe how the Czech language is reacting to the influence of the influx of anglicisms, and how linguistic resources (loan words) describe new phenomena and reality. What is analytically clear is that there is a tendency towards the internationalisation of the Czech vocabulary. Changes in the contemporary vocabulary of the IT field are influenced by the most modern advances in technologies and the countries of their origins. At the present time, not only knowledge of information technologies is expected of one, but equally knowledge of economics and of foreign languages – and especially of English. Their roles are irreplaceable for working with IT, in international teams, and for an understanding of inter-cultural differences.

Literature

1 Martincová, O.: *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*. Praha: Academia, 1998.
2 Hais, K., Hodek, B.: *Velký anglicko-český slovník*. Praha 1991.
3 Bolz, N.: *Wörterbuch der New Ekonomy*. Mannheim: Dudenverlag, 2001.
4 Collins, H.: *Business German*. New York: HarperCollins Publisher, 1992.
5 Rudincová, B.: *Typy pojmenování v současné ruštině*. Ostrava: OU FF, 2001.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ивона Лучкув
Польша, Вроцлав

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ТАКСИСНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ)[1]

Abstract:
The modern linguistic research is based to a considerable degree on the linguistic material excerpted from large (morpho-syntactically annotated) corpuses of texts and from the Internet. The article presents the problems of using those sources in syntactic confrontation on the example of Russian and Polish taxis structures.

Key words:
Taxis, syntax, corpus linguistics, Polish language, Russian language.

Интернет – сравнительно новое техническое средство, возможности применения которого для лингвистических исследований пока трудно ещё точно определить, а его перспективы в этой области, на самом деле, нельзя сегодня предугадать. Это и место, где уже сейчас можно пользоваться разнообразными словарями, и место, где размещены лингвистические тексты (монографии, статьи, сборники,[2] авторефераты кандидатских и докторских диссертаций и др.), и место, где найдём большие библиографические базы данных,[3] а также «собратьев» по интересующей нас тематике. Однако, это прежде всего практически необъятный источник языкового материала, который может быть использован так для описания одного языка, как и для сопоставительного описания разных языков.

Поскольку процедура выбора из текстов примеров для синтаксического описания с трудом поддаётся автоматизации, то до сих пор интернет-ресурсы применяются в основном в работе лексикографами и лексикологами. В значительно меньшей мере к этому источнику прибегают синтаксисты. Это вызвано многомерностью и сложностью объекта исследований, что отражается, между прочим, и в больших аннотированных корпусах текстов, в которых чисто синтаксическая информация практически отсутствует. Однако лингвистам вполне понятно, что будущее синтаксических исследований в большой степени определено, между прочим, возмож-

ностью автоматизированного составления большого по объёму корпуса примеров для анализа, что позволит не только провести их семантико-синтаксическое описание, но и определить частотность употребления в речи определённых структур, их появления в разных стилях речи, в текстах разного времени. Помочь в этом может использование как лингвистического ресурса поисковых систем Интернета. Именно этот источник помогает за довольно короткое время собрать достаточно надёжный по количеству и качеству корпус языкового материала, предназначенного для описания. С этой целью могут быть использованы с одной стороны общие ресурсы Интернета, с другой же стороны, размещённые на сайтах – аннотированные корпуса текстов.[4]

В настоящем докладе постараемся коротко представить возможности (учитывая и достоинства и недостатки) применения названных ресурсов для сопоставительных синтаксических исследований. Сказанное проиллюстрируем на примере языкового материала, собранного для сопоставительного описания выражения таксисных значений одновременности, предшествования и следования в русском и польском языках. Данные значения выражаются в обоих языках системой разноструктурных полипредикативных конструкций, к которым принадлежат сложные временные предложения (*Когда Аня читает книгу, она слушает музыку*; *Едва мама вернулась из Крыма, уже собирается в командировку*; *Kiedy przyjadę do Krakowa, umówimy się na kawę*; *Jak wrócisz do domu, zadzwoń do brata*; *Zanim pójdziesz na egzamin, przeczytaj ten artykuł*;), простые предложения, осложненные деепричастными оборотами (*Читая книгу, Аня слушает музыку*; *Вернувшись с экскурсии, Аня написала сочинение о Праге*; *Jadąc do Krakowa, poznałam ciekawego człowieka*; *Wróciwszy z wycieczki, Piotr zadzwonił do brata*;), и простые предложения с предложно-падежными конструкциями (*Проявляйте осторожность* ***при чтении*** *электронной почты*; ***Перед экзаменом*** *по истории студенты прочитали много архивных материалов*; ***Po powrocie*** *do domu zadzwoń do brata*; ***Podczas konferencji*** *wysłuchaliśmy wielu ciekawych referatów*).

При составлении картотеки примеров, предназначенных для описания определённых синтаксических конструкций, лингвист сталкивается с двумя основными проблемами. Во-первых, это проблема, связанная с центральными для выражения данного значения структурами, которых очень много в текстах (напр., сложные временные предложения в структуре функционально-семантических полей темпоральности и таксиса). Во-вторых, проблема, связанная с периферийными для определённого значения структурами, которые встречаются в языке значительно реже (напр., таксисные значения, выражаемые некоторыми предложно-падежными сочетаниями в простом предложении, ср. В ***бытность студентами*** *мы иногда радовались, когда пропадали занятия*; *Именно Германия, пишет Financial Times, проделала большую часть предварительной работы по обеспечению их свободы в* ***бытность*** *председателем ЕС*; *Sam plac na Burku zmienił się* ***za bytności*** *Jakubowskiej bardziej niż pozostałe otoczenie*). Дело не в том, чтобы точно посчитать все интересующие нас предложения, что было бы задачей чрезвычайно трудной, крайне неэффективной и практически невыполнимой. Применение такого точного количественного метода в синтаксических исследованиях не может привести в положительным результатам.[5] Однако вполне возможно его применение, чтобы показать общие тенденции в языке, т.е. в общих чертах позволяет определить,

какие конструкции преобладают в данном языке в количественном отношении. С этой точки зрения предлагается следующая классификация:

А) Большие в количественном отношении группы, представленные в корпусах десятками тысяч примеров – в Интернете сотнями тысяч или миллионами. При выражении таксисных значений это, напр., сложные временные предложения. Из них особенно те, оформленные союзами (рус.) *когда*, *пока*, *едва*, *прежде чем*, *перед тем как*; (поль.) *kiedy/gdy/jak*, *zanim*, *ledwie*, *zaledwie*.

Б) Средние в количественном отношении группы, представленные в корпусах тысячами примеров – в Интернете десятками тысяч примеров. Ср., напр., русские предложно-падежные конструкции с предлогом *накануне*, ср.: *Посещаемость сайтов – «собеседников» Путина начала расти ещё* ***накануне самого интервью*** [интернет]. *Оргкомитет Олимпийских игр Солт-Лэйк-Сити* ***накануне террористических актов*** *в США реализовал большую часть билетов на соревнования* [интернет]; или польские конструкции, осложненные деепричастными оборотами типа: *Prezydent Rosji Władimir Putin,* ***wróciwszy*** *ze spotkań w Siewieromorsku poświęconych tragedii "Kurska", zażądał korekty budżetu na rok 2001 i zwiększenia wydatków na cele obronne* [IPI PAN].

В) Небольшие в количественном отношении группы, представленные в корпусах сотнями примеров – в Интернете сотнями или тысячами. Ср., напр., временные предложения, оформленные союзом *раньше чем*: ***Раньше чем давать*** *ответы, надо было бы задуматься над вопросом* [НКРЯ]; или польские конструкции с предлогом *w przededniu / w przeddzień*: *Stoimy* ***w przededniu*** *bardzo ważnych* ***decyzji*** *o zmianie podziału administracyjnego naszego państwa* [IPI PAN]; (...) *Ula Dudziak (...) przyszła, by* ***w przeddzień*** *swojego* ***koncertu*** *posłuchać kolegów* [IPI PAN].

Г) Редкие примеры – до 100 примеров в корпусе (нередко они отмечены единичными примерами или вообще отсутствуют) – в Интернете их количество не достигает тысячи примеров, чаще составляет несколько десятков. Ср., напр., временные предложения, оформленные союзами *прежде чем*, *пред тем как*, *до того как*, *раньше чем*, в которых предикат выражен связкой *быть* в форме инфинитива и причастием страдательного залога прошедшего времени (*Прежде чем быть поставленными на сайт, все статьи проверяются администратором*; *Перед тем, как ему быть снесённым, он послужил некоторое время в качестве стихийного торгового центра*.);[6] К этой группе причислить следует также русские и польские предложно-падежные структуры типа В ***бытность редактором*** *молодежной газеты он подобного себе не позволял* [НКРЯ]; *Powołując się na obietnicę otrzymaną* ***w czasie bytności*** *Pana Radcy u mnie, zwracam się z uprzejmą prośbą o założenie w moim atelier podwójnego okna* (...) [IPI PAN].

Предложенная классификация имеет чисто условный характер, но, кажется, она передаёт общую специфику соотношения статистических отношений между аннотированным корпусом текстов и Интернетом. Конечно, следует иметь в виду, что в НКРЯ пока в минимальной степени снята грамматическая омонимия. Поэтому, в результате поиска в НКРЯ союза *пока* появляются примеры с омонимичными на-

речиями и междометиями, ср. *Больше рассказать* ***пока*** *нечего – всю неделю провёл дома.* ***Пока!*** (Письмо юноши, 2004). В случае эксцерпции примеров с деепричастием от глагола *мыть* появляются не только конструкции с сочетаниями типа *мóя посуду*, но и *моя сестра* (см. также *вáря суп* и *Варя Ивановна*). В силу данного обстоятельства, работая с этим корпусом, на первом этапе необходимо «вручную» отобрать интересующий нас языковой материал. Поэтому, как показывает опыт, пока омонимия в НКРЯ не снята, представленные в нём статистические данные затемняют истинную картину того, что мы пытаемся найти и описать. В польском корпусе IPI PAN [www.korpus.pl] грамматическая омонимия снята, поэтому количественные данные можно считать надёжными.

Грамматическая омонимия в размеченных корпусах текстов – это лишь одна из проблем, с которой сталкивается лингвист, использующий в своей работе интернет-материал. Не менее важным является вопрос многозначности языковых единиц. Данную проблему можно проиллюстрировать на примере довольно большой группы временных предложений, оформленных многозначными союзами, напр., (рус.) *когда*, *пока*, (поль.) *kiedy*, *gdy*, *jak*, которые появляются и в других типах сложноподчиненных предложений. В каждом таком случае с любым корпусным материалом приходится работать «вручную», отбирая примеры для анализа, и даже самые общие количественные данные, представленные в корпусах, ни в какой степени не соответствуют действительности.

Другие проблемы появляются, когда обращаемся к составлению картотеки конструкций, принадлежащих к периферии поля таксиса. Проиллюстрируем это на примере предложно-падежных конструкций *при + Loc* в русском языке и эквивалентной конструкции *za + Gen* в польском языке, выражающих одновременность действий. Предложения с словосочетаниями типа *при Екатерине II*, *при Путине*, *za czasów panowania Katarzyny II*, *za Gierka* в аннотированных корпусах текстов представлены немногочисленными примерами, иногда единичными. Для пополнения картотеки следует обратиться к другим источникам языкового материала. На помощь в таком случае приходят, между прочим, общие ресурсы Интернета. И так, напр., сравнительно новая структура *za prezydencji* (*Niemiec, niemieckiej*)[7] в корпусе IPI PAN отмечена всего 8 раз, а эквивалентная русская структура *при председательстве (Германии, германском)* – не отмечена в НКРЯ ни один раз. Поисковая систма Google показывает совершенно другую картину[8]. Словосочетание *za prezydencji* появляется 210[9] раз, в том числе, напр., *za prezydencji Niemiec* 29 раз. Словосочетание *za niemieckiej prezydencji* появляется 10 раз. Соответственно, словосочетание *при председательстве Германии* встречается 18 раз, а словосочетание *при германском председательстве* 10 раз. Поскольку таксисное значение одновременности выражается в простых предложениях синонимическими предложно-падежными конструкциями типа: (рус.) *во время+Gen / в течение + Gen / в процессе + Gen / в ходе + Gen*; (поль.) *w czasie + Gen*, *w trakcie + Gen*, *w toku + Gen*, *podczas + Gen*, *za + Gen*, мною была проверена частотность их появления с существительными *prezydencja / председательство*. Количественные данные, показывающие появление рассматриваемых конструкций в системе Google представлены ниже:

za prezydencji	210
podczas niemieckiej prezydencji	52
za prezydencji Niemiec	29
w czasie niemieckiej prezydencji	25
w czasie prezydencji Niemiec	20
podczas prezydencji Niemiec	23
za niemieckiej prezydencji	10
w trakcie niemieckiej prezydencji	17
w trakcie prezydencji Niemiec	1
при председательстве	236 (*)[10]
во время председательства Германии	91
во время германского председательства	24
при председательстве Германии	18
при германском председательстве	10
в течение председательства Германии	1

Остальные структуры не зарегистрированы.[11] Однако, для представления полной картины выражения рассматриваемого значения следует отметить ещё как минимум две структуры в русском языке. Имеются в виду предложения, осложнённые деепричастными оборотами (*будучи председателем ЕС* – 11; *будучи председателем Евросоюза* – 9; *будучи председателем Европейского союза* – 3), а также конструкции с предложно-падежным сочетанием *в бытность председателем*, ср., *Именно Германия, пишет Financial Times, проделала большую часть предварительной работы по обеспечению их свободы в* ***бытность председателем*** *ЕС*. Полученные результаты позволяют, как видим, определить частотность появления конкретных структур в анализируемых языках, что, в свою очередь, можно применить в практике перевода.

Использование корпусов текстов и Интернета в современной деятельности лингвистов постепенно становится нормой. Целью настоящей статьи было обратить внимание на особенности применения поисковых систем сети Интернет как ресурса для сопоставительных синтаксических исследований. Пользуясь названными источниками, задав поиск определённых форм или конструкций, за короткое время можно получить данные, на сбор которых в иной ситуации потребовались бы месяцы (если не годы). Интернет-материал позволяет отметить новые явления и тенденции в языке, которые очень трудно поддаются наблюдению с применением других методов анализа языкового материала (ср. *Прежде чем быть поставленными на сайт, все статьи проверяются администратором*).

Примечания:

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Польша на средства, предназначенные для финансирования научных исследований в 2006-2008 гг. (проект № N104 017 31/1751).

[2] Многие тексты польской лингвистической классики помещены уже в Интернете на сайтах цифровых библиотек. Их общих обзор представлен в статье: Лучкув, И.: *Польская лингвистическая литература XIX – нач. XX вв. в цифровом формате. На пути к созданию библиографии польской лингвистики в фондах интернет-библиотек*, Лексикографічний бюлетень, вип. 13, Київ 2006, с. 76-80.

[3] Ср., большие библиографии на сайтах www.blonline.nl и www.inion.ru. В ближайшее время в Интернете планируется поместить вышедшие до сих пор 6 томов библиографии литературы по славян-

скому языкознанию (*Bibliografia językoznawstwa slawistycznego* за 1992-1997 гг.) [www.ispan.waw.pl/cnis/BJS.htm].

[4] Ср., аннотированные морфосинтаксической информацией корпуса польского и русского языков: Korpus Języka Polskiego IPI PAN [www.korus.pl – дальше IPI PAN] и Национальный корпус русского языка [www.ruscorpora.ru – дальше НКРЯ].

[5] За исключением тех случаев, если анализу подвергается точно определённый языковой материал, напр., сочинения Л. Толстого или А. Чехова.

[6] Описание данных структур представлено в статьях: Łuczków, I.: *Все двигатели проходят испытания, перед тем как быть установленными в автомобиль. O pewnym typie rosyjskich konstrukcji wyrażających następczość zdarzeń*, In: *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 5. Opis, konfrontacja, przekład,* red. M. Sarnowski, W. Wysoczański, („Acta Universitatis Wratislaviensis" nr 2747. Slavica Wratislaviensia CXXXVIII), Wrocław 2005, c. 189-196; Лучкув И.: *Таксис следования. Временные предложения с формой БЫТЬ + participium perfecti passivi в придаточной части,* In: *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. 20-23 марта 2007 года. Труды и материалы.* Составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, Москва 2007, с. 249-250.

[7] Лексема *prezydencja* не отмечена пока в современных толковых словарях польского языка (напр., *Uniwersalny słownik języka polskiego*, wersja 1.0, [CD-Rom], Warszawa 2004).

[8] Все количественные данные получены 3.08. 2007 г.

[9] Количественные данные не учитывают примеров, отмеченных на повторяющихся сайтах.

[10] Значение слова *председательство* значительно шире, чем польского *prezydencja*, поэтому (*) обозначены случаи, когда интересующий нас материал следовало бы отобрать «вручную».

[11] С целью представления полной картины ту же процедуру можно провести и для других стран Европейского союза.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Татьяна Милевская
Россия, Санкт-Петербург

ЗАКОНЫ ЖАНРА ИЛИ ЗАКОНЫ ЯЗЫКА? (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ РУССКИХ И ЧЕШСКИХ МЕМУАРОВ)

Abstract:
With respect to Russian memoirs the author is manifested in three hypostases: as author-narrator, author-personage and author-commentator. Modifications of the hypostases are conditioned by their relationships with text time. Comparative analysis of Russian and Czech memoirs from this point of view shows as their similarity. It means that peculiarity of subject's structure of memoirs texts depends on genre, not on language.

Key words:
Memoirs, subject, author, genre, text, comparative analysis, time, Russian, Czech.

Жанр мемуаров существует во всех литературах, определяющим признаком является, в основном, его содержательная сторона: это повествование реального лица о своем реальном прошлом.

Исследование текстов русских мемуарных произведений XX века с лингвистической точки зрения выявило ряд жанрообразующих признаков, к которым относятся своеобразие авторского присутствия в тексте, особенности отношения автор-читатель и специфика временной семантики. [Милевская 2001: 67-74; 2004: 318-324; 2006: 207-217]

Данная статья представляет собой попытку сравнительного анализа текстов русских и чешских мемуаров с целью ответа на вопрос: являются эти признаки типичными только для русского языка или их природа значительно шире и свойственна жанру вообще. Ответ на этот вопрос позволит более точно определить мемуарный жанр как таковой и вывести его из области «неопределенных жанровых ожиданий».

В фактуальном произведении (в отличие от фикционального) «*автор несет полную ответственность за утверждения в своем повествовании, а следовательно, не допускает какой – либо автономии какого бы то ни было рассказчика*» [Женетт 1998: 397]: он сам рассказывает о своей жизни и о себе в этой жизни, он выбирает и описывает события своего прошлого, он регулирует темп и ритм

повествования, он формирует пространство текста и управляет его временем, то есть является **автором-повествователем**. В то же время в мемуарном тексте личность автора может проявляться не только в качестве строителя текста или его персонажа, но и носителя памяти и оценки, в этом случае можно говорить об **авторе-комментаторе**.

Это новое проявление реального автора, он становится субъектом речи в ином времени, появляясь в момент выхода автора-повествователя из времени текста. Этот выход может быть спровоцирован желанием высказать свою точку зрения по поводу сказанного выше и/или нахлынувшим чувством, овладевшим им под влиянием воспоминаний, стремлением или необходимостью подвести итог, сделать вывод.

Таким образом, между автором-повествователем и автором-комментатором – ипостасями одного реального лица, разделенными во времени, происходит автокоммуникативный диалог.

Проанализируем пример, демонстрирующий, на наш взгляд, большинство характеристик мемуарного текста:

„Vzpomínám na natáčení filmu Plavecký mariáš s Jaroslavem Marvanem a Jiřím Vrchotou, což byl obletovávaný herec, miláček žen. Já před ním ale spíš prchala. Byl to typ milovníka, po němž ženy šílely. Mně se třeba také líbil, ale nikdy bych s ním nějaké techtle mechtle nemohla mít. Dostávala jsem tehdy mnoho proseb o fotografie, ale ne o moje – ženy mne prosily, abych jim sehnala fota pana Vrchoty. ***Když jsem později*** *točila seriál Duhový luk, dostávala jsem opět prosby o fotky, ale zase ne o moje, dámy toužily po podobenkách sympatického polského herce Mikulského. […]*

Tohle všechno už je dávno pryč.

Myslím, že se i herci dnes trochu změnili. Dříve byli pokornější a – profesionálnější. Stává se, že některý mladý herec dnes udělá dvě tři věci a už je na to pyšný. Hrála jsem s panem Högrem, Voskou, Marvanem, Peškem. Nikdy jsem u nich nepocítila ani náznak ješitnosti anebo pýchy. Měli v sobě úžasnou pokoru, byli skromní a poctiví k řemeslu“. [Fialová 1999: 33]

Первое предложение принадлежит автору-повествователю. Это рассказ о событиях прошлого. И в русских и в чешских текстах автор-повествователь чаще всего проявляется в конструкциях типа: *я помню, не могу не вспомнить, никогда не забуду; ср. vzpomínám na…, pamatuji se na, nikdy nezapomenu, ještě si vzpomínám* и т. п. Второе, третье и четвертое предложения – реплики автора-комментатора, в них заключена оценка с точки зрения временной перспективы. Это уже рассуждение человека, анализирующего не конкретную описываемую, а обобщенную ситуацию. Анализ, основанный на опыте, связанном с рядом последующих ситуаций и наблюдений. В пятом предложении возвращается автор-повествователь, продолжающий рассказ, опять прерываемый автором-комментатором, объединяющим через анахронию два временных пласта, связанных сходством ситуации.

Здесь необходимо отметить особенности временной организации мемуарного текста. Время в мемуарах пространственноподобно, оно даже не ось, по которой можно двигаться в обоих направлениях, а скорее, неправильный кристалл, где темпоральные линии, формирующие грани этого кристалла, расходятся в разные стороны, и моменты воспоминаний, т.е. «информативные сгущения» связываются лишь памятью и ассоциациями автора. Это чувствуют и сами мемуаристы: *«Я*

это правильно говорила: хочешь вспомнить одно, а приходит на память совсем другое. [...] память, вместо того чтобы помочь мне, подсказать, как ей полагается, все об этом событии, подсовывает совсем другие картины...». [Зеленая 2004: 375]

Появление анахроний связано с изменением ипостасей автора: автор-комментатор провоцирует анахронии, выходя из времени текста, автор-повествователь, регламентирующий текстовое время, восстанавливает временной порядок. В эксплицитных анахрониях чаще всего используются конструкции с темпоральной лексикой: с *тех пор, до сих пор, раньше, ранее, позднее, позже, теперь, тогда;* глаголом *возвращаться – вернуться;* ср. *jak již vzpomenuto dříve, ale zpátky k četu, učiním malou odbočku..., vrátím se ještě k...* и т.п.

В седьмом и последующих предложениях (между шестым и седьмым опущен большой фрагмент, принадлежащий автору-повествователю) автор-комментатор опять выходит из текстового времени. Седьмое предложение – возвращение в координаты «здесь и сейчас» на момент создания текста, несущее в эмоциональном плане мотив утраты и сожаления, что для мемуарного текста типично. Ср. *«**Только спустя сорок лет я понимаю**, как щедро было то лето на узнавание совершенно новых и куда более значительных, **нежели тогда я думал**, людей»*. [Герман 2000: 300]

Восьмое предложение начинает абзац, представляющий точку зрения автора на современную ситуацию, оценку с позиции жизненного опыта. В русских текстах комментатору свойственны конструкции типа: *я думаю, теперь я понимаю, теперь я знаю, тогда я еще не знал, должен сказать, отметить, добавить* и т. п.; *ср. myslím, k něčemu se musím přiznat, řekl(a) bych, přiznám se, musím upřímně vypovědět* и т.п.

Эксплицитно выраженная оценка придает словам автора-комментатора назидательный характер, поскольку они обращены к молодежи и открывают возможность в познании прошлого и автор надеется, что его мысли принесут пользу в познании самой жизни и некоторые предупреждения, основанные на опыте.

Оценочная реплика автора-комментатора может быть заключена между двумя информативными предложениями автора-повествователя: *„Na Smíchově jsem také začal chodit do školy.* ***Upřímně musím doznat, že jsem nebyl vynikajícím studentem, žádným nadaným študiózem, byl jsem průměrný žák****. Měl jsem rád češtinu a tělocvik.“* [Vinklář 2004: 15]. Слова комментатора часто представляют собой попытку восстановления и описания взрослым человеком детских впечатлений или имеют оттенок вывода: *„Na ten den s maminkou při jejích vyvzpomínačkách nikdy nezapomenu. Všechno bylo daleko, daleko, byli jsme jen dva u nás doma* ***v posteli, a já poslouchal maminčiny vyvzpomínačky a přesně jsem hned všechno viděl před sebou, ani jsem při tom nemusel zavírat oči. Byly to opravdu vyprávěné scénáře“*** [Vinklář 2004: 21].

Таким образом, рассмотрев в сравнительном плане особенности существования автора и его проявления в тексте русских и чешских мемуаров, мы можем констатировать их чрезвычайную схожесть. Эти наблюдения над одним из выделенных признаков позволяют нам считать этот признак жанрообразующим и не зависимым от языка произведения.

Использованная литература:
Женетт, Ж.: *Фигуры*. М., 1998, т. 2.
Зеленая, Р.В: *Разрозненные страницы*. М., 2004.
Герман, М.Ю. *Сложное прошедшее*. СПб, 2000.
Милевская, Т.Е.: *Психологические корни автокоммуникации в мемуарном тексте*. In: В поисках смысла. Сб. статей в честь проф. К.А. Роговой. СПб, 2001, с. 67-74.
Милевская, Т.Е.: *Природа* субъекта *в фактуальном и фикциональном повествовании*. In: Лингвистические этюды. Памяти профессора А.И. Моисеева. СПб., 2004. с. 318-324.
Милевская, Т.Е.: *Мемуары: Жизнь как текст (своеобразие авторского присутствия как жанрообразующий фактор)*. In: Мир человека, 2007, N 1, с. 212-132.
Fialová, K.: *O sobě (...čím hůře, tím lépe)*. Praha, 1999.
Křížek, J.: *Emigrant lékař vypráví*. SURSUM, Tišnov, 2003.
Vinklář, J.: *Pokus o kus pravdy*. Praha, 2004.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Тамара А. Милютина
Польша, Ополе

СРАВНЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (К ДИСКУССИИ ОБ ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПАРАЛИТЕРАТУРЫ)

Abstract:
One of the features of literature targeted at mass readers (e.g. detective stories written by D. Dantsova, A. Marinina or T. Ustinova) is not only the reflection of events and changes taking place in our society, but also the very formation of new worldview. Comparison, which belongs to one of the most frequently employed rhetoric devices, may be construed as the method facilitating comprehension of surrounding reality. Particularly high assessment potential is the characteristic feature of comparisons which include precedent-name.

Key words:
Mass literature, paraliterature, comparison, precedent-name, cliche as rhetoric device.

1. Бытует мнение, что массовая литература не может претендовать на настоящее исследование в силу своей малой эстетической ценности [ср. 9]. Впрочем, нельзя говорить, что эту разновидность литературы обходят вниманием. К концу 90-х гг. прошлого века появляется череда публикаций, прежде всего журнальных, посвященных экспансии произведений масслитературы; позже приходит время «книжных» работ [2, 3, 6]. Критики литературы, литературоведы, социологи литературы отмечают заметную переориентацию во вкусах современного читателя. Стремительный рост интереса к таким жанрам, как любовный роман, детектив, боевик, фэнтези, костюмно-исторический роман объясняют рядом причин. Как одну из них называют процесс деидеологизации литературы в современной России, переставшей служить идеологическим целям. Усиление роли массовой литературы в литературном процессе эпохи воспринимается как «знак социальных и культурных перемен в обществе» [ср. 6: 326, 328].

В ряде работ последнего времени, анализирующих функционирование произведений современной литературы, проводится разграничение на «миддл-литературу» и литературу собственно «массовую» или «паралитературу». В список авторов, представляющих первое направление, безоговорочно включают имена Виктора Пелевина, Бориса Акунина, Евгения Гришковца, с некоторыми разно-

чтениями сюда относят таких прозаиков, как Людмила Улицкая, Михаил Веллер и некоторых др. [ср. 14]. Что же касается таких популярных у читающей публики авторов, как Дарья Донцова, Александра Маринина, Виктория Платова, Татьяна Устинова и др., то они проходят по разряду «паралитература».

Отвечая на запросы времени, паралитература приспосабливается к уровню читательской аудитории. Предлагая свою продукцию широкому слою потребителей, она «*упрощает, схематизирует, перекодирует сложное в доступное и/или развлекательное*» [11]. Можно согласиться с мнением, что в современной прозе, так или иначе ориентированной на коммерческий успех, ценится «*не столько философская глубина и многослойность художественных смыслов, сколько собственно сообщение и остроумие, сюжетная и композиционная изобретательность, проявленные автором при передаче этого сообщения*» [15], т.е. коммуникативная составляющая превалирует над эстетической.

Судя по публикациям, литературоведы раньше пришли к пониманию необходимости изучения феномена массовой литературы как живущей по своим законам части единого литературного процесса. Лингвистических работ, посвященных языку паралитературы, значительно меньше, хотя вряд ли стоит исключать ее из перечня объектов анализа. Нам близка позиция известного петербургского историка языка Валентины Даниловны Черняк. Исследователь считает, что авторы произведений не «первого ряда», «*не претендуя на художественные открытия, нередко делают весьма точные «моментальные снимки» современной речи, достойные внимания лингвиста и имеющие несомненную практическую ценность для преподавателя-русиста*». Эти произведения могут представлять интерес для истории языка, «поскольку в них отражены языковые вкусы усредненной языковой личности, сложные отношения в триаде норма – узус – культура речи». [ср. 5: 115-116]

2. Предметом наблюдений в данной статье послужил лексико-фразеологический материал повестей Татьяны Устиновой – критики в целом благожелательно отзываются о «качестве» языка ее произведений [10, 12, 13]. В прозе этого автора представлены многие типичные для литературы нашего времени языковые явления. Обратимся к использованию сравнений, которые относят к наиболее простым средствам образности. Живописующие и/или оценочные сравнения выступают прежде всего как способ авторского осмысления действительности, но их можно было бы рассматривать и как знак авторского идеостиля. Отметим попутно, что сравнение как средство передачи иронической оценки в произведениях Д. Донцовой и Г. Куликовой рассматривала в своей статье словацкая исследовательница Яна Бенковичова [7].

В прозе Т. Устиновой, ориентированной на живую разговорную стихию, велик процент традиционных устойчивых сочетаний типа *замерли как замороженные*; *сидел как истукан*; *стоял, прямой как палка; стоял столбом; шум как по мановению волшебной палочки начал затихать; как по команде они замолчали*; *рука повисла как плеть* и др. Такого типа сравнения характерны для контекстов нейтральных, не несущих оценочной экспрессии.

Учитывая ограниченный объем статьи, остановимся только на примерах, в которых образ или объект, с чем или с кем кто-то сравнивается, выражен *прецедентным именем*, к которым, вслед за исследователями, отнесем «*и крылатые слова, и высказывания известных людей, и говорящие имена, и названия, и штампы*

тех или иных времен» [1: 96]. В этих случаях сравнение в полной степени соответствует определению известного лингвиста – «это не только выражение определенного отношения и оценки, но и чаще всего действенное средство возбудить воображение читателя в том направлении, которое важно для писателя» [4: 15]. В то же время это проявление типичной для масслитературы формульности, цитатности речи – ее «клишированности». При этом, как отмечает С.И. Чупринин, «речевые и сюжетные штампы, безошибочно опознаваемые характеры и мотивации – не свидетельство литературного брака, но тот код, к какому ее читатели привыкли» [15].

Сравнение используется при:

1. отсылке *к прецедентному имени*: ... покрутил его [диковинный телефон на длинной цепочке], *как Том Сойер дохлую крысу*; С ней [сумкой] она чувствовала себя немного *принцессой Дианой*, совершающей «визит доброй воли»; Она, *как Владимир Ильич Ленин*, будет работать, стоя за конторкой; ... *как жители Тифлиса времен А.С. Грибоедова*, прилипли к окнам; Джип мигнул глазами, *как встрепенувшийся Конек-Горбунок*; Она совершенно свободна – даже не до следующей пятницы, *как говорил Винни-Пух Пятачку* ... и целый ряд других.
2. отсылке *к прецедентным зрительным образам*: ... встала и, печатая шаг, *как солдат у Мавзолея*, подошла к двери; Статная дама с косой, уложенной вокруг головы, *как у Оксаны на иллюстрации к «Ночи перед Рождеством»*; выпучила их глаза, *как Мишель Пфайфер в фильме про маньяков*; вбежала Таня, *похожая на Клаудию Шиффер* и др.
3. отсылке *к прецедентной ситуации*: смотрела на него так, *как будто он только что признался в том, что продал фашистам партизанский отряд*, скрывавшийся в брянских лесах; Пресс-служба и юридическая служба стоят насмерть, *как наши под Брестом*; У них был *вид колхозников, слушающих возле радиоточки XVIII дневник съезда КПСС* и др.

Сравнения подобного типа ведут к заметному увеличению объема информации, поскольку могут дополнительно актуализировать образы и представления, связанные с ассоциативным опытом читателя. Благодаря отсылкам и аллюзиям разного рода в художественном пространстве произведения происходит своеобразное переплетение бытового, рекламного, популяризаторского и, как нам кажется, идеологического дискурсов.

Приведенные выше сравнения в повестях Т. Устиновой входят в достаточно многочисленную группу единиц, включающих прецедентное имя. Заслуживают отдельного рассмотрения единицы, формально не являющиеся сравнительными конструкциями, но по сути выполняющими их роль. Примером использования такого «скрытого» сравнения может служить известное, ставшее крылатым, выражение о построении социализма в «отдельно взятой стране»:

1. *Если он* [Кольцов] *на следующий год пройдет в губернаторы, то на создание земного рая, или его видимости, в* ***отдельно взятом анклаве*** *останется два года.*

2. *Он* [Кольцов] *объявит войну наркобизнесу в одном,* ***отдельно взятом портовом городе****, под шумок свистнет кому надо, организует небольшую – или большую [...] местную войну.*

Эта ленинская формула, активно цитируемая, по наблюдению проф. Войцеха Хлебды, в публицистике 90-х годов [8: 327-333], в повести Т. Устиновой «Персональный ангел» становится одним из средств создания образа предпринимателя как положительного героя – нового для литературы нашего времени. Особенностью литературы, адресованной массовому читателю, прежде всего произведений детективного жанра (Д. Донцовой, А. Марининой, Т. Устиновой и др.) является не только освещение событий и перемен, происходящих в нашем обществе, в режиме «реального времени», но и, в определенной степени, формирование нового мировоззрения в процессе расставания с прошлым. Оценочный потенциал сравнений в этой литературе трудно переоценить.

Литература:

1. Бурвикова, Н.Д., Костомаров, В.Г.: *Воспроизводимые сочетания слов как лингвострановедчески ценные единицы.* In: Обретение смысла. Сб. статей, посвященный юбилею докт. филол. наук, проф. К.А. Роговой. – СПб., 2006. С. 93-103.
2. Межиева, М.В., Конрадова, Н.А.: *Окно в мир: современная русская литература. Книга для преподавателей русского языка как иностранного.* М., 2006.
3. Тух, Б.: *Первая десятка современной русской литературы: Сб. очерков.* М., 2002.
4. Федоров, А.И.: *Семантическая основа образных средств языка.* Новосибирск, 1969.
5. Черняк, В.Д.: *Спектры речевых оценок в новейшей литературе.* In: Обретение смысла. Сб. статей, посвященный юбилею докт. филол. наук, проф. К.А. Роговой. – СПб., 2006. С. 114-122.
6. Черняк, М.: *Массовая литература конца XX века Переход от монокультуры к многомерной культуре в 1990-е годы.* In: Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы: учебник для студентов высших учебных заведений. / Под ред. С.И. Тиминой. СПб.; М., 2002.
7. Benkovičová, J.: *Prirovnanie ako prostriedok irónie.* In: Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (2). Ed.: Jiří Gazda. Brno, s. 89-92.
8. Chlebda, W.: *Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne.* Opole, 2005.
9. Баландина, Я.В.: В *мире формул (к проблеме анализа современного детектива)* http://wap.pspu.ru/sci_liter2005_baland.shtml
10. Быков, Д.: *Татьяна Устинова. Мой личный враг.* М., “Эксмо”, 2003, 317 стр. In: Новый мир. 2003. № 11. – http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/11/bykov-pr.html
11. Обухова, О.: *Гибридизация дискурсов в трансмедийном нарративе* www.uni-konstanz.de/FuF/Philo/LitWiss/Slavistik/Conference2/Obuchova.doc
12. Сафронова, Е.: *Война полов, или героини нашего времени* http://zhurnal.lib.ru/s/safronowa_e_w/detektiv.shtml
13. Северская, О.: *Что „проглатывает“ самая читающая страна?* http://www.gramma.ru/KOL/?id=1.17
14. Циплаков, Г.М.: *При чем тут маркетинг? Средний класс как вопрос русской литературы XXI века между жанрами.* In: Знамя. 2006. № 4. http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=281
15. Чупринин, С.И.: http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/midllit121.html; http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/masslit113.html

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Елена Невзорова-Кмеч
Польша, Лодзь

РУССКИЙ ГРУППОВОЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖАРГОН И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РУНЕТЕ

Abstract:
The youth subculture is collage. The ideology, the style of behavior of members of youth not formal groups are different such as the speech (slang) they use. Every group has got its "own" lexical units, which are characteristic features of a small group of young speakers. These words and phases are like a code for identification of one of the members of the subcultural group. Using common slang they try to do it more expressive and incomprehensible for the others. Because of the quick changes taking place in language especially in slang it is very important to analyze them. At present the great source of such material is the Internet. Without it studies in this field seem to be impossible. The printed slang dictionaries, the printed works of known linguists do not reflect all new meanings of words, their functioning in speech, appearing of neologisms etc. Such researches could help for diachronically analyses of the slang, bring out its own elements and loan-words and phrases in it, show interactions of languages.

Key words:
Гупповой молодежный жаргон, сленг, лексика, Интернет, жаргонная лексикография.

Молодежный жаргон (или чаще это определение встречается с термином «сленг») по-прежнему является объектом пристального внимания лингвистов, социологов, психологов. Постоянные изменения, происходящие в молодежной среде, вызывают этот интерес.

Сенченко Н.А. подчеркивает, что изучение различных субкультур – это сравнительно новое, но *активно развивающееся направление в отечественных гуманитарных науках* [Сенченко 2007]. Отдельные субкультуры, их становление, развитие, исчезновение описаны в трудах Андреевой И.Н., Гуревича П.С., Ерохина Н.Н., Кутьина А.А., Левиковой С.И., Лукова В.А., Лукса Т.А., Матвеевой А.А., Сергеева С.А., Щепанской Т.Б. и др. Обзор литературы по социологическим исследованиям молодежи приведен в труде Аксютенко Н.А. «Философско-мировоззренческие проблемы молодежной субкультуры» [Аксютенко 2007]. В Интернете по запросу «молодежная субкультура» был выдан результат более 16 тысяч сайтов, однако лишь небольшая их доля представляет систематическое обобщение по изучению доминирующих в настоящее время субкультур. Подробные сведения, большой

объем гиперссылок содержится на сайтах Московского гуманитарного педагогического университета [см. http://subculture.narod.ru], проекта «Субкультура», реализуемого при поддержке философского факультета Омского государственного университета (см. [http://philos.omsk.edu/sub]), проекта «Мы и общество» [см. www.mir4you.ru] и некоторых других. Названные проекты, в частности, включают работы по молодежному сленгу (жаргону, социолекту, интержаргону, речи молодежи). Источником же языкового материала по данной проблематике являются форумы, блоги, чаты, статьи в электронных газетах, а также электронные on-line словари, которые используют лингвисты для своих печатных трудов, напр., Вальтер Х., Грачев М.А., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. и др. Поскольку без них не представляется в современной лингвистике изучение групповых молодежных жаргонов, которым до сих пор уделялось мало внимания.

Большинство работ 80-90 гг. XX в. представляло системное описание молодежного жаргона. Ученые особо останавливаются на демонстрации лексики, в меньшей степени фразеологии, фонетических и грамматических средств. Социолингвисты подчеркивают неоднородность молодежного жаргона, однако рассмотрение его происходит как единой (общей) речи молодежи с наличием арготизмов (жаргоноидов (Быков В.), терминоидов (Химик В.В.)). Вследствие недостаточного внимания к речи отдельных групп маркировка пометами может в словарях производиться недостаточно точно, напр., в словаре молодежного сленга «Так говорит молодежь» Т.Г. Никитиной [Никитина 1996] дается помета *сист.* – системное, т.е. относящееся к субкультуре хиппи, хотя сама лексема *системное* – жаргонизм, созданный в названной среде (см. [Артемов 2004]). Несмотря на то, что уже был опубликован материал к словарю Ф.И. Рожанского [Рожанский 1992].

На смену этому методу приходит направление изучения специфики языка молодежных групп. Об этом свидетельствуют труды Грачева М.А., Никитиной Т.Г., Мокиенко В.М. и Вальтера Х. Такое изучение предполагает привлечение работ социологов по классификации групп молодежи, напр., Щепанской Т.Б. (см. [http://poehaly.narod.ru] и [2004], Левиковой С.И. [2004], Мечковской Н.Б. [2000] и др.). Например, выделяются такие группы: дворовые компании, террористические группировки, банды, асоциальные детско-подростковые группы, группы по интересам и роду занятий: а) наркоманические группировки; б) неформальные группировки (хиппи, панки, рэпперы, расманы, байкеры и пр.; студенты, учащиеся; представители сектантских организаций, неформальных объединений (идеолого-политического толка) и другая контркультура (см. [Щепанская 2004]). К этому ряду можно добавить и территориальные тусовки[1]. Некоторые из этих групп являются соперничающими. Это «желание сразиться, здоровая конкуренция стилей и форм, игра». В ней, как отмечает Колесов В.В., «*и рождаются новый стиль жизни, новые формы речи*» [Колесов 2006: 125]. Так каждая из групп имеет несколько единиц (преимущественно жаргонная топонимия: *ЧР (гот.) – ст.м. Черная Речка (СПб), Климат (нарк.) – ст. м. Невский проспект (выход на канал Грибоедова) (СПб)*), которые являются типичными лишь для языка этой, может быть, и малой группы. Отмечается окказиональность этих единиц. К окказиональным относятся также и прозвища малоизвестных широкому кругу людей (напр., *Петра – Татьяна Петровна Паринкина (шк. 190 в Санкт-Петербурге)*)[2]. В настоящее время можно отследить такие единицы на форумах и блогах. Изучение жаргона

без доступа к всемирной сети невозможно. *«Подвижность сленга»*, – пишет Анна Бабина, – «*делают невозможной его фиксацию на бумажном носителе, а также подсчет количественного состава»*. Применимо данное высказывание к единицам, которые приобретают все новые значения, напр., *ботва (лит.) – зелень, листья, трава всех корнеплодных растений, ботва (окказ. 80-е гг.) – девушка, ботва (жрр.) – бессмысленная, пустая информация (ср. гнать ботву), ботва (молод. 90-е гг.) – волосы, ботва (гот.) – жабо, воланы на рукавах (элемент одежды), шкурка (интерж.) – пустая бутылка, шкурка (рэп.) – скинхэд*. Обновление групп происходит каждые три года. Примером скоротечности явлений может послужить движение флэшмобов, которое появилось в 2002 году, а уже в 2006 г. пошло на спад, преобразуясь в social-моб и полит-моб (см. [Вершинин]). *Различные возрастные группы используют различную сленговую лексику, по-своему кодируя ей одни и те же смыслы. Поэтому 19-летние порой говорят о сленговом обороте, использованном 16-летними: «Да никто из молодых так вообще не говорит!»* [Чапская 2006]. Каждая из групп или субкультур[3] имеет в силу интересов, жизненной позиции, моды, манеры поведения отличающий ее от других жаргон с характерным для нее арготическим ядром. Это по сути «профессиональная» терминология, которая создается из практической необходимости названия того, что не получило точного и экспрессивного наименования ранее (напр., *фенечка (хип.) – браслет, сплетенный из бисера, мулине или кожи, вилливалки (гот.) – черная шерстяная шапочка у готов*). Арготическим ядром будут, например, для художников граффити названия специализаций: *бордеры, райтеры*; стили и художественные материалы: *тэга* – подпись райтера), для роллеров – спортивно-техническая терминология (напр., *слайды, грайнды – трюки, выполняемые на грани, трубе и на всем, по чему можно скользить. Исполняются на подвесках скейта или непосредственно на самой доске*). Наиболее разработанным на настоящий момент представляется словарь компьютерного сленга. Этот жаргон полно представлен в Интернете в форме статей о нем, и электронных словарей и словников, фиксирующих единицы, которые используются представителями различных субкультур, которые имеют дело с компьютером: словарь сленга хакеров, словарь IRC (Internet Relay Chat), а также албанский язык, а также другие: геймеры, Марио Бой, Демосцена, кибер-готы.

Как сама символика субкультуры, так и ее сленг *«чрезвычайно эклектичны. Молодежная субкультура обладает особенностью впитывать чужую символику и, перекодируя, включать в свой фонд»* [Золовкин 2006]. Так происходит с жаргоном. До сих пор подчеркивалась в исследованиях дифференцирующая функция жаргона, указывая на его кодированность, но это не до конца справедливо, во-первых, молодежный жаргон претерпевает традиционные изменения, стремясь к конкретности, а, во-вторых, на примере отдельных групп наблюдается тесное их взаимодействие, о чем говорится в формулировке «размытость границ сленга». Примером может служить субкультура готов. Готы имеют свои сайты, на которых были выявлены случаи переписки членов ультраправых националистических организаций, как скрывающих свою принадлежность к неофашистам, так и открытых нацистов. Представители готов являются членами разных тусовок (ЧР – бесцельное проведение времени, Малая Садовая – для готов-проституток, некоторые клубные тусовки, на которых готы общаются с представителями других

музыкальных субкультур). Готы также замечены как участники актов вандализма на кладбищах, нанося граффити на надгробные памятники. Сленг собственно готов представлен в виде заимствований из английского языка, которые в Интернете собраны в их оригинальной, так и транслитерированной форме, покрывающих семантические поля «секс», «самоубийство». Также в состав словаря готов входят единицы, которые характерны для речи сексуальных меньшинств, наркоманов, а также поклонников определенных музыкальных направлений.

К не менее разнородным относится сленг (жаргон) хип-хопа. В Интернете опубликовано несколько словарей, которые состоят из нескольких частей, отвечающих характерным областям интересов поклонников хип-хопа (общий сленг, брейк-бэнс, рэп, граффити).

Футбольный сленг также богато представлен в Интернете словарями, которые размещены на сайтах клубных команд и их поклонников. Обобщающим трудом по этой теме является словарь футбольного сленга Т.Г. Никитиной и Е.И. Рогалевой [2007], для составления которого были использованы более 290 Интернет-источников. Несмотря на такое представительное число, в его состав не вошли единицы, которые отмечены в опубликованных в Интернете словарях; либо дано им иное толкование (*бомжевать (словарь Никитиной) – собирать деньги на поездку, (интер. словарь) ночевать во время отъезда на вокзале; грядка (словарь Никитиной) – нет, (интер. словарь) – строй фанатов в секторе*). Отразить все слова невозможно, но думается, перспективным было бы создание базы данных по социолингвистике, а также создание корпуса жаргонов (сленгов) или электронных словарей отдельных субкультур, представляющих не только список единиц с жаргонно-разговорным толкованием (напр., *запивохин – алкаш, витамин Д – бабки* и др.), но и указание на источник, время появления (записи), функционирования, а также с пометами, указывающими на область происхождения, который бы мог пополняться как, напр., некоторые уже существующие общие словари молодежного сленга (Словарь Т. Колесниковой). Такие лексикографические разработки облегчили бы диахроническое исследование жаргона и сопоставительный анализ жаргонов разных языков. Тем более это важно в свете высказывания Колесова В.В., который писал, что «*способы переиначивания слов традиционны для любого языка, когда молодежь «творит новое», подчас не предполагая, что все новое «уже было»* [Колесов 2006: 130].

Примечания:

[1] Тусовка – определенный характер проведения времени молодыми людьми – представителями какой-л. субкультуры в группах от 3 до 45 человек (при этом тусовка более 40 человек называется *абэч,* у художников граффити – *кру*)

[2] См. также подробнее Вальтер Х., Мокиенко В.М.: *Большой словарь русских прозвищ*. М. 2007.

[3] Субкультура – «*система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, которая присуща более мелкой социальной общности, пространственно и социально в большей или меньшей степени обособленности*» (по С.А. Сергеев: *Молодежные субкультуры в республике*. In: Социология молодежи. М., 1998. – С. 95-101. С. 95)

Использованная литература:

Аксютенко, И.А.: *Философско-мировоззренческие проблемы молодежной субкультуры*. – Автореферат на соискание уч. ст. канд. филос. наук. М. 2007.

Артемов, А.: *Детки в клетке. Отечественные хиппи в роли подопытных кроликов*. In: http://exlibris.ng.ru/koncep/2004-10-07/6_hippi.html

Бабина, А.: *Краткая характеристика молодежного сленга*. In: http://annababina.narod.ru/charslang.

html
Вершинин, М.А.: *Современные молодежные субкультуры*. In: http://www.psyfactor.org/lybr7.htm
Золовкин, К.С.: *Язык молодежных субкультур*. In: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=51577&message
Колесникова, Т.: *Словарь молодежного сленга*. In: http://www.paco.net/~odessa-mag/slovar/index.htm
Колесов, В.В.: *Язык города*. М. 2006.
Левикова, С.И.: *Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия*. In: Бытие и язык. Новосибирск. 2004. – с. 167-173.
Мечковская, Н.Б.: *Социальная лингвистика*. М. 2000.
Никитина, Т. Г.: *Так говорит молодежь. Словарь сленга. По материалам 70-90 гг*. М. 1996.
Никитина, Т.Г., Рогалева, Е.И.: *Футбольный словарь сленга*. М. 2007.
Рожанский, Ф.И.: *Сленг хиппи. Материалы к словарю*. СПб. – Париж. 1992.
Сенченко, Н.А.: *Социально-педагогическая помощь старшеклассникам-представителям юношеских субкультур*. In: www.altruism.ru/sengine.cgi/5a/2812
Чапская, М.В.: *Проблемы социальной адаптации молодежи малых городов*. In: http://salsk.iubip.ru/conf/c2006/27_chapskaya.php
Щепанская, Т.Б.: *Система: тексты и традиции субкультуры*. М. 2004.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Йиндржишка Пилатова
Чехия, Оломоуц

РОЛЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Abstract:
The aim of the present study is to analyze current Russian and Czech publicist discourse in terms of its recourse to poetic function. Various manifestations of parallelism (lexical, grammatical, phonetic, compositional) are investigated and compared. The author suggests that higher frequency and wider range of poetic devices employed in Russian journalistic style (i.e. specific significance of poetic funtion) is one of the key factors which account for major difference in the quality of Russian and Czech journalistic style.

Key words:
Journalistic style – comparative stylistics – poetic function – persuasion – emphatic discourse – parallelism/symmetry.

В рамках сопоставительного изучения русского или чешского газетно–публицистического стиля (далее ГПС) появляются разнообразные наблюдения лингвистов-когнитологов или стилистов. Итак, одни в русском ГПС выдвигают имплицитность и афористичность общения [Ратникова 2001], другие выделяют декоративность его формы и полемичность содержания, ссылаясь на его риторические традиции [Басовская 2004]. В настоящем докладе мы стараемся преодолеть несколько частный характер данной оценки, вернуться к истокам функциональной концепции стилистики и изучить русский и чешский ГПС с точки зрения их общей функциональной направленности, в частности, особой роли поэтической функции, потенциально выполняемой в публицистичеком дискурсе.

На протяжении второй половины XX в. ГПС последовательно характеризуется как динамическое сосуществование функции сообщения и воздействия (В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик, М.Н. Кожина, Й.В. Бечка, Й. Мистрик, М. Чехова и др.), особое внимание четырем остальным составляющим по системе функций Р.О. Якобсона не уделяется. Однако, наши исследования [Пилатова 2006/1] выявили существенные различия между русским и чешским ГПС именно в диапазоне и интенсивности выполняемых в тексте функций. По нашим заключениям, например, в русский газетный текст чаще вовлекается потенциальный адресат (ср. функции

контакта и призыва) и коммуникация часто направлена именно на средство выражения (ср. функции метаязыковая и поэтическая). Итак, мы стали считать русский газетный текст подлинно полифункциональным, активно вовлекающим в вербальный текст компоненты внеязыковой ситуации и активизирующим больше коммуникативных и языковых уровней.

Учитывая приведенные тезисы, можно подчеркнуть, что несмотря на принципиальное сходство в описании русского и чешского ГПС (универсальная черта: сообщение и воздействие), необходимо уделять внимание более комплексной функциональной направленности дискурса, определяющей в последствии взаимоотношение окружающей ситуации и вербального текста, взаимоотношение газетного текста и используемого в нем характерного языка, языковых и композиционных приемов.

Поэтическая функция (далее ПФ) играет, по нашим практическим наблюдениям, особую роль в условиях русского газетного дискурса. Ее суть – по утверждениям Р.О. Якобсона [Jakobson 1995/1], Й. Мукаржовского [Mukařovský 1982] – направление коммуникации не на денотат, на адресата, а именно на способ и средства выражения, т.е. дается оценка данной системе знаков как самоцель. ПФ проявляется в преднамеренном нарушении автоматизированных связей между формой и содержанием[1], имеет место активный поиск нестандартного содержания или нестандартной формы. Итак, в поэтическом языке подчеркивается полисемантичность, контекстуальная обусловленность значения и окказиональная форма. Кроме того, по заключениям Р.О. Якобсона [Jakobson 1995/1], важное влияние на семантику языковых единиц оказывает формальная сторона воплощения – форма в поэтическом языке семантизируется. Например, формальный параллелизм в области фонетических единиц вскрывает новые возможности семантического толкования лексем по принципу взаимного сходства или контраста их денотатов, ср. пр. рифм: *láska – páska, národa – svoboda; могила – любила, другую – целую, Так ждут – <u>конца</u>/ и в грудь – <u>свинца</u>* /Цветаева/*; While I nodded, nearly <u>napping,</u>/ Suddenly there came a <u>tapping</u>/ As of someone gently <u>rapping</u>* /Э.А. По/ [Jakobson 1995/1: 93]. Данный формально-семантический параллелизм, конечно, можно наблюдать и на уровне лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом или на уровне композиции текста. Сущность ПФ сказывается, по нашему мнению, в двух основных качествах дискурса – в незавершенности семантики языковых единиц, акцентирующей роль ситуативного, культурного контекста и ассоциаций, и, во-вторых, в неустойчивом, активном взаимодействии формы и содержания данного языкового знака.

Симметрические построения, демонстрирующие вышеприведенные свойства, нами отмечены в русском и чешском газетном материале на уровне фонетическом, лексическом, грамматическом и на уровне композиции текста.

Элементарные фонетические параллели (т.е. фоностилистические приёмы) – рифма, ритм, инструментовка – зафиксированы почти исключительно в позиции заголовка – в чешском в бульварной, в русском и в качественной прессе (ср. пр.: *Наши <u>руки</u> не для <u>скуки</u>; Ты оставь Москву до <u>срока</u> – посети усадьбу <u>Блока</u>; Спецы прогнозируют, коровы пока жуют*; *Dan<u>ě</u> a jak na <u>ně</u>*). Мы полагаем, что потенциал поэтического приема здесь использован не полностью, и ПФ уступает

место функции рекламной – привлечь внимание при помощи яркой, ритмической формы.

Подлинно поэтическим можно, по нашему убеждению, в публицистическом дискурсе считать словообразовательный прием контаминации – междусловного наложения [Земская 1992]. Речь идет о «*каламбурном столкновении слов, порождающем псевдочленение слова*» [Земская 1992: 172). Ср. пр.: *Здравозахоронение* – текст об актуальном состоянии системы здравоохранения; *SOSеди* – текст о кризисном положении экономики Украины; *Культ – ура!* – заголовок-шапка культурной рубрики; в *России возобновляется производство СМИрительных рубах*; *БРЕДить ПИТТом* – текст о Бреде Питте; *Путин – отставной получекист, полулиберал, полупатриот, полугосударственник*). Формальная аналогия двух основ (ср. *SOS* – *соседи*, *СМИ* – *смирительный*) подсказывает аналогию семантическую и порождает контрастное лексическое целое с незавершенной провоцирующей семантикой[2]. Одновременно имеет место характерный для поэтического языка процесс ремотивации – активизации внутренней структуры слова.

По своему характеру данному словообразовательному способу близок на уровне словосочетания прием парономазии – «*преднамеренное смысловое сближение, соположение, а иногда и противопоставление однокоренных или близкозвучных слов*» [ЭСС 2005: 214]. Опять налицо формальная аналогия лексических единиц и неожиданное семантическое соотношение. Ср. пр.: *Небритая Британия; Путин в паутине; Был культ личности, а сейчас культ наличности; Doly bez Dolly* – текст о звезде порно Dolly Buster, отказавшейся от посещения шахт.

Семантические параллели, однако без формального остранения, наблюдаются в тексте и в области изобразительно-выразительных средств (метафора, метонимия, эпитет). Наши прежние сопоставительные работы [Pilátová 2006/2] выявили большую тенденцию русского материала к более частому применению образных лексических средств, к их более широкой, специфической мотивации (метафорическая модель семьи в русском ГПС, ср. пр.*: Сегодня мы – наследники Великой Победы, дети Великой страны*, ироническая оценка метафор, ср. пр.*: Власти нынешней Россиянии отвели патриотам роль индейцев из резервации*) и к развернутой форме метафоры (ср. пр.: *Город на Ангаре накрыло дымовой завесой красивых и правильных слов (...) и снова дым застилает глаза, обволакивает мозги, рождая галлюцинации: белые – красные, Гитлер – Сталин. Туман пустословия накрывает все российское пространство. И кто же наконец разгонит это ненастье?*). Перенос значения, таким образом, служит не только декоративности изложения[3], а согласно ПФ последовательно нарушает стереотипное мышление и изложение, становясь важным композиционным приемом данного текстового фрагмента.

На грамматическом уровне поэтизмы в русском тексте встречаются, например, в виде параллельных синтаксических конструкций. Ср. пр.: *Отмечать Победу вот так больше нет времени. Нужно другое. Нужны «акции прямого действия». Нужен протест и бой.; Очень грустно признавать, что (...) Нестерпимо обидно, что праздник вызывает (...) и особенно тяжело ощущать, что праздник утратит свой пафос.*; *Они думают, что их простят и забудут. Их трусость. Их вранье. Их ни-че-го-не-де-ла-ние.*; заголовок: *Парад на Красной площади. Президентские трибуны*, подзаголовок: *Парад на Красной площади. Простые трибу-*

ны. Формальный повтор построения опять взаимодействует с семантикой указанных высказываний, создавая фигуры климакса, антиклимакса или антитезы.

Принцип поэтического параллелизма имеет место и на самом высоком уровне организации речевого произведения – на уровне композиции. Здесь в русском публицистическом тексте устанавливается, например, путем дистантного лексического повтора яркая параллель между заголовком и концовкой текста (ср. пр.: заголовок: *Страх перед историей*, концовка: *Ведь все очень просто: не надо бояться собственной истории.*; заголовок: *Ничья с историей*, концовка: *Хуже не стало. Но не стало и лучше. С историей мы сыграли вничью*). Кольцевая композиция в данном случае способствует не только декоративному завершению текста, но и выделению центральной идеи в сильной с точки зрения устройства текста позиции. В рамках русского текста заголовок одновременно содержит в себе потенциальные связи аналогии с прецедентными высказываниями – речь идет о заголовках-аллюзиях (ср. пр.: *Минздрав предупреждает: шоколад полезен для вашего здоровья; «Идиот» – это звучит мило;* пародия на канцелярит*: Achtung! Achtung! Всем жителям Moskau настоятельно рекомендуется покинуть на праздники город! Execute! Исполнять!; Закрыто на спецобслуживание.* – режим движения по центру города 05/2005; *Potěmkinova unie*). Таким образом, активизируется поэтический принцип контекстуально обусловленной незавершенной семантики, построенный на остроумной формальной параллели двух единиц – в частности, двух высказываний или двух контекстов.

Все вышеприведенные языковые и композиционные приемы, по нашему убеждению, соответствуют характеристике поэтического приема. Их назначение – формальное и семантическое остранение высказывания, т.е. они призваны «*придать дополнительную остроту и выразительность*» [ЭСС 2005: 215] информации, служат эмфатизации высказывания [ЭСС 2005: 232]. Именно с их помощью в дискурсе акцентируется не сообщаемый денотат (т.е. функция референтная), а способ и средства выражения (т.е. ПФ).

Роль ПФ, конечно, в данном материале нельзя абсолютизировать. ПФ в иерархии функций данного стиля является не автономной, а скорее вторичной – поддерживающей доминантный полюс воздействия. Поэтизмы, таким образом, выступают в тексте не как полная самоцель, а в качестве привлекающих, экспрессивных средств.

В сопоставительном плане, поэтизмы ярко преобладают в русском публицистическом дискурсе – с точки зрения частотности применения, их разнообразия и мнимой «системности». По нашему мнению, именно особая прочная позиция ПФ в русском ГПС и является единым функциональным ключом, объясняющим современную активизацию разнообразных частных языковых явлений (ср. окказионализмы, трансформация прецедентных текстов, декоративность формы), и ключом, частично объясняющим разную функциональную направленность и стилистические приемы русского и чешского текста (ср. отсутствие или маргинальное положение в чешском ГПС фонетических экспрессем, игры с языком, риторических фигур).

Примечания:

[1] Ср. [Mukařovský 1982: 36, пер. Й.П.]: «*функцией языка поэзии является максимальная актуализация языкового выражения*».

[2] Интересно исследовать воздействующий эффект разных приемов контаминации и в плане современной компьютерной формы речи (см. ближе [Пилатова, Воборил 2007]).

[3] Ср. [Jakobson 1995/1: 104, пер. Й.П.]: «*поэтичность является не дополнением риторических украшений в высказывание, а абсолютной переоценкой высказывания точно так же, как и каждой его составляющей*».

Использованная литература:

Encyklopedický slovník češtiny, ed. Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J. Praha 2002.

Jakobson, R.O. (1995/1): *Lingvistika a poetika*. In: Poetická funkce. Jinočany 1995, s. 74-105.

Jakobson, R.O.: *Poezie gramatiky a gramatika poezie*. In: Poetická funkce. Jinočany 1995, s. 106-1245.

Mukařovský, J.: *O současné poetice*. In: Studie z poetiky, Praha 1982, s. 22-33.

Mukařovský, J.: *Básnické pojmenování a estetická funkce jazyka*. In: Studie z poetiky, Praha 1982, s. 55-60.

Pilátová, J. (2006/2): *Obraznost v ruském, českém a anglickém tisku (na zpracování jedné události)*. In: Svět za slovy a jejich tvary, svět za spojením slov. Sborník ze 7. mezinárodní konference Setkání mladých lingvistů (FF UP Olomouc 2006), Olomouc (в печати).

Басовская, Е.Н.: *Риторические вопросы в современной публицистике*. In: PP 1/2004, с. 57-63.

Земская, Е.А.: *Словообразование как деятельность*. Москва 1992.

Пилатова, Й. (2006/1): *Стилистическое отражение общественно–политического события в русской и чешской газете*. In: Rossica Olomucensia XLIV, Olomouc 2006, с. 227-233.

Пилатова, Й., Воборил, Л.: *Функционирование графики и лексики в компьютерной форме речи*. In: Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва МГУ, 2007, с. 405.

Ратникова, И.: *Социокультурная информация и семантика антропонимических метафор в русском публицистическом дискурсе*. In: Актуальные вопросы изучения русской литературы и культуры, русского языка и методики его преподавания в европейском контексте. Krakow 2001, с. 346-352.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. Под ред. А.П. Сковородникова. Москва 2005. (ЭСС)

Якобсон, Р.О.: *Работы по поэтике: Переводы*. Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. Москва 1987.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Татьяна Плешкова
Россия, Архангельск

О ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Abstract:
The article is about the problems concerning the form of Russian at the modern level of its evolution. The author is studying the lingual area of the Archangelsk North. The attention is drawn to such a functionally active idiom as dialect and its varieties are described by the author of the article.

Key words:
Lingual area, native speaker, dialect, lingual forms, idiom, prostorechije, dialect prostorechije.

Для наиболее полного представления о функционировании русского языка в современных условиях необходимо располагать сведениями, характеризующими особенности его бытования на различных территориях России.

Процесс развития языка неизбежно приводит к трансформации его традиционных форм существования, которые, как известно, различаются между собой составом средств языка, параметрами социально-функциональной характеристики, спецификой нормы, особенностями взаимодействия. Новые идиомы возникают на основе устоявшихся речевых реализаций.

Территория Архангельской области является ареалом исторического распространения народных говоров олонецкой, вологодской и поморской групп Севернорусского наречия, отдельные черты которых до настоящего времени сохраняют функциональную активность в речи коренного местного населения; при этом многие другие традиционные диалектные факты исчезают безвозвратно. Важными факторами, влияющими на речь коренного населения, сближающими её с литературной формой, под воздействием которой речь всё более утрачивает типичные местные особенности, являются нестабильность демографической структуры региона, средства массовой информации, уровень образования и др.

Своеобразный узус, сложившийся в ходе взаимодействия диалекта и литературного языка, при котором диалект изменяет свои традиционные характеристики, отличает современное языковое пространство этого обширного лингвокультурного ареала. Социолингвистические исследования, планомерно проводимые нами на территории Архангельской области, показывают, что носители языка из числа коренного населения строят свои высказывания в зависимости от коммуникативной ситуации. Под коммуникативной, или речевой, ситуацией мы понимаем максимальный комплекс речевых и экстралингвистических параметров, обеспечивающих адекватную коммуникацию. Наиболее типичны такие коммуникативные ситуации, как официально-деловая, дружеская, семейная.

Наблюдения показывают, что официально-деловой речи людей с высшим образованием как правило не свойственны языковые факты местных говоров, сохраняющие функциональную активность в окружающем языковом пространстве. Однако в неофициальной коммуникации носители языка из числа коренного населения исследуемой территории нередко используют в своих высказываниях языковые реализации всех уровней диалектной языковой системы. Сравним: *До настоящего времени мы пользуемся старыми приборами, у нас нет средств на покупку новых, поэтому-то и результаты приблизительные* (Муж., 29 лет, врач ЦРБ Няндомского района Арх. обл.). *Да к нему хоть заходись, фсё одно, на приборы денек нет. А сечас у нево закрытось* (Информант тот же). Первый образец речи получен в условиях деловой коммуникации, второй же – в условиях дружеского общения, поэтому включает элементы диалектного происхождения, в первую очередь, это свойственные архангельским говорам своеобразные синтаксические формы. Приведём ещё один характерный пример: *Успеваемость к концу четверти снижается. Дети устают (*Жен., 47 лет, завуч общеобразовательной школы Карпогоры Пинежского района в разговоре с директором школы*). Почему двойка? Чем занят? По горкам влягиваешь? (*Информант тот же, в разговоре с учеником во дворе школы*).*

Некоторые языковые диалектные факты очень устойчивы во времени и наполняют собою такую занимающую промежуточное положение между литературным языком и традиционным диалектом форму, как *просторечие*. Ярко выраженный диалектный колорит высказывания типичного для описываемой ситуации носителя языка позволяет определить данную форму существования современного русского языка как *просторечие народного говора* (термин Л.М. Орлова, Т.С. Коготковой) или как *диалектное просторечие* (термин Л.И. Скворцова). Просторечие обладает такими сущностными чертами, как:

– участие в его организации нескольких языковых систем;
– бытование на территории распространения русских народных говоров.

В языковом континууме Архангельской области исследователь нередко встречается с состоянием, подобным *диглоссии* (термин Ч. Фергюсона), которое характеризуется соединением двух функциональных разновидностей одного и того же языка, его литературной формы и диалектной, воздействующих друг на друга. Существенное преобладание в речи носителей языка фактов последней создаёт такую форму речевой реализации, как *полудиалект*, постепенно утратившую первичные диалектные языковые признаки и соединившую в своей структуре черты несколь-

ких близкородственных территориальных диалектов, а также включающую многие факты литературного языка.

Наблюдения позволяют предположить, что в высказываниях никого из носителей языка на территории Архангельской области не удастся выявить полную совокупность признаков, предписываемых традиционному диалекту. Нельзя исключить, конечно, существование редчайших случаев сохранения традиционного диалекта на крайней периферии языкового пространства Архангельского Севера, например, в отдалённых населённых пунктах Мезенского, Лешуконского, Пинежского районов области, удалённых от главных путей сообщения и максимально изолированных. Приведём образцы речи пожилых носителей языка, представляющих коренное население этих территорий. У *ней у фсей-то загвазданось, намыть надоть ея* (Жен., 77 лет, д. Сафроново Мезенского р.). *Эво ты загнул, мне на кой это надоть-то, я и тут кого хошь поймаю дак* (Муж., 59 лет, Кеврола Пинежского р.). *Вонока горушочка, где домок-от наш стоял* (Жен., 67 лет, Ваймуша Пинежского р.).

Итак, проникновение в структуру диалекта средств, характерных для других форм существования языка, образует *полудиалект*, а при более интенсивном взаимодействии с литературным языком – *диалектное просторечие*, которое свойственно провинциальной речи в отличие от *городского просторечия*.

Известно, что термин просторечие является исключительно термином русистики, обозначающим наиболее своеобразную подсистему русского национального языка, не имеющую прямых аналогов в других национальных языках. Однако до настоящего времени не существует строгого и полного определения просторечия в толковых словарях русского языка, что весьма осложняет анализ этой подсистемы. То обстоятельство, что современное русское просторечие не имеет строгого определения, обусловливается не только разницей в подходах к его выявлению и определению, но, в первую очередь, сложностью самого явления, его исторической изменчивостью и динамическими изменениями в других идиомах, воздействующими на сущностные характеристики всех подсистем современного национального русского языка.

Итак, просторечие – это не только форма городской речи, как часто принято считать (Л.П. Крысин, Е.А. Земская и др.), но и форма речи провинциального населения. В современных условиях носитель языка не постоянно пребывает в замкнутом социуме, это касается в данном случае в первую очередь сельского населения. Кроме того, являясь промежуточной формой между литературным языком и диалектом, трансформируемым под влиянием разнородных факторов в иные функциональные формы, просторечие носит весьма неоднородный характер. При этом его особенности, определяющие выделение в его структуре субстандартных форм, существенно зависят от степени насыщенности высказывания того или иного носителя языка диалектными речевыми реализациями.

Изменения, которые претерпевает полудиалект, сближает его с просторечной формой, диалектным просторечием, формой, свойственной провинциальной речи, в структуру которой под влиянием разного рода экстралингвистических факторов (влияния обучения, средств массовой информации, миграции населения и т.п.) активно проникают элементы и кодифицированного языка, и диалекта. Диалектное просторечие более свободно от диалектизмов, чем полудиалект, но более ими насыщено по сравнению с городским просторечием. Разграничивая просторечие

и его субстандартную разновидность, диалектное просторечие, дадим определение этим терминам.

Под *просторечием* следует понимать форму существования современного русского языка, занимающую промежуточную позицию между литературным языком и диалектом, не представляющую собой целостного языкового образования с устойчивой нормой, используемую как средство бытовой коммуникации как в сёлах, так и в городах.

Диалектное просторечие – это просторечная субстандартная форма, функционирующая в языковом сообществе коренного населения, в структуре которой более ярко, чем в городском просторечии, выражены территориально ограниченные диалектные языковые факты, которые, являясь маркерами социальной ситуации, передаются из поколения в поколение носителями языка, первичные речевые навыки которых носят диалектный характер.

Следует отметить, что сущностные характеристики диалектного просторечия тесно переплетаются с его пространственными параметрами, определяющими своеобразный региональный характер этой формы существования русского языка. По сложившимся в русистике представлениям, просторечие представляет собою общепринятую речь и регионально не ограничено, не связано с определённой группой типичных носителей. Однако такая субстандартная просторечная форма, как диалектное просторечие, безусловно, имеет местную региональную специфику. Этот факт объясняется теснейшей связью просторечия с местными народными говорами и непрекращающимся воздействием диалектной речи на просторечные речевые реализации.

Следует отметить в заключение, что проблемы теории просторечия, разрабатываемой современной русистикой, требуют дальнейшего пристального внимания. Наиболее важными из них остаются проблемы определения носителей форм просторечия и проблемы, связанные с выявлением сущностных свойств этого идиома.

Использованная литература:

Блинова, О.И.: *Словарь диалектного просторечия*, Омск 2003.

Плешкова, Т.Н.: *Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие их факторы*, Архангельск 2003.

Скворцов, Л.И.: *Теоретические основы культуры речи*, М. 1980.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Тимур Радбиль
Россия, Нижний Новгород

ЯЗЫКОВЫЕ ДЕВИАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИНТЕРНЕТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ АНОМАЛЬНОСТИ

Abstract:
The work deals with some special features of innovational phenomena in the language of modern Russian Internet communication. The author considers lexical and grammatical anomalies as backbone factors of language evolution, shows all the possibilities of their rational interpretation and appropriation by communicants. Every language anomaly is capable to be transformed in means of language expressiveness, if there is the speaker's intention in the message.

Key words:
Language norm and anomaly, Internet-communication, appropriation and rational interpretation of language deviancy, points of increase of language innovations, backbone factors of language system.

Согласно развиваемой нами теории языковой аномальности [Радбиль 2006], в любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал не только для реализации его системных закономерностей, но и для порождения разного рода отклонений от языковых норм и правил, которые не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала. При этом определенные коммуникативные условия могут способствовать как существенному количественному скачку аномальных языковых явлений, так и повышению их качественного разнообразия. К такой специфической коммуникативной среде, несомненно, относится Интернет-коммуникация.

В последнее время формируется ряд особых функциональных сфер коммуникации, которые локализуются только в среде Интернет и порождаются исключительно возможностями и техническими средствами интерактивного взаимодействия в сети. Это такие исконно сетевые жанры, сформированные под влиянием условий Интернет-общения, как форумы, чаты, online конференции, блоги и «живые дневники», «сетература» и т.п. Именно эта сфера выступает в роли определенной «питательной среды» не только для возникновения разного рода аномалий и де-

виаций, но и для их активной апроприации в качестве вполне рационально осмысляемой номинативной или экспрессивной языковой единицы.

На наш взгляд, специфика употребления языка в данной коммуникативной среде, порождающая тотальную языковую девиантность, заключается в антиномии между формой репрезентации информации, свойственной письменному типу речи, и условиями коммуникации, которые порождают речевую ситуацию, типичную именно для устного типа речи: спонтанность, необработанность, предполагаемое наличие непосредственного адресата. Языковые девиации в этой коммуникативной среде и являются предметом нашего исследования.

В общем виде языковую аномалию можно понимать, вслед за Ю.Д. Апресяном, как «*нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы*» [Апресян 1990: 50]. Однако в целях нашего исследования важно, что языковая аномалия как отклонение от правил или норм вовсе не перечеркивает само правило или норму: «*Возможность отклонений от языковых правил в речевой практике как бы предусмотрена самими правилами*» [Булыгина, Шмелев 1997: 439]. Поэтому языковая аномалия часто может быть мотивирована – семантически, стилистически или прагматически. Также отметим, что понятие языковой аномалии имеет относительный характер: аномальность зависит от точки отсчета, и потому явление, аномальное в каком-либо одном отношении, будет вполне «нормальным», приемлемым в другом.

Эти соображения позволяют нам разграничивать в интересующем нас языковом массиве два принципиально разных типа аномальных явлений. К явлениям первого типа относятся такие отклонения от норм литературного языка, которые могут рассматриваться как вполне легитимные языковые элементы определенного «субкода» в данной коммуникативной среде, как элементы сложившегося в ней специфического узуса. Они отчетливо осознаются носителями данного «субкода» не только как нормальные, но и как единственно возможные в данной коммуникативной ситуации: тогда коммуникативно аномальной как раз будет нормативная единица в этой позиции.

К аномалиям первого типа относятся прежде всего единицы речевого этикета («сетикета») на чатах, форумах и в online конференциях, ряд общепринятых сокращений и нарочитых нарушений орфографического характера. Они представляются коммуникативно оправданными, так как характеризуются вполне рационализируемыми коммуникативными установками говорящего и слушателя. Это прежде всего экономия времени: сокращение *оч.* вместо *очень*, имитация разговорной речи: *чес гря* – вместо *честно говоря, сёня* – вместо *сегодня*, установка на неформальность, неофициальность общения: *конфа* – вместо *конференция*, экспрессивность: *напряг, догонялово* и другие экспрессивные жаргонизмы, а также нарочитое отталкивание от существующих норм и правил употребления языка, которые в сознании нового поколения информационной эры ассоциируются с идеалами и ценностями их носителей – нормального среднестатистического человека среднего и старшего возраста, не вовлеченного в общение с помощью передовых технологий (например, «*язык паддонков*», который принципиально ориентирован на «фонетический» принцип орфографии как на отказ от самой идеи «грамотного письма»: *паддонок* – «*подонок*», т.е., наоборот, «наш человек», в системе ценностей «сетевого поколения»; *ржунимагу – Смешно!* и пр.).

К явлениям второго типа относятся случаи девиантной реализации языковой единицы или модели вне специфической коммуникативной сферы действия особого «субкода». Такие единицы или модели фиксируются на фоне «нормального» языкового окружения и в макроконтекстах, в общем отражающих ориентацию адресанта на нормы литературного языка. Появление этих элементов всегда контекстно обусловлено, что отличает их от явлений первого типа, воспроизводимых коммуникантом, так сказать, «по автомату», вне установки на их «обыгрывание» или иной тип функциональной нагруженности.

Различие между аномалиями как элементами «субкода» и контекстно зависимыми аномалиями можно показать на примере единиц, которые могут выступать в качестве принадлежности и к первому, и ко второму типу. Например, грамматический окказионализм **нравить* ← *нравиться в* коммуникативной среде форумов и конференций может выступать как простая субституция нормативного *нравиться* и не иметь никаких семантических или функциональных отличий от последнего: *А мне многое* ***нравить*** *[=нравится]; ... но все-таки это фото мне* ***нравить*** *даже очень* (Компьютерный форум Ru.Board). Такая элиминация семантически не нагруженного *-ся* является своего рода «нормой» для «языка сети» – ср.: *Вы будете* ***смеять*** *[=смеяться], но у меня в профиле такого альбома просто не существует* (Квартирный вопрос. Форум). Но эта же единица часто присутствует в дискурсе как осознанная языковая игра на нормативной модели *переходность → возвратность* с перестройкой семантики: *За что конкретно* ***нравить*** *Пиотровского – «карьерного» (как его обозначил Крамарев) балабона?* (forum.fontanka.ru) – '*каузировать нравиться кому-то*'. Ср. также: *Прошу не* ***смеять*** *меня!* (www.virtonomica.ru/forum) = *не смешить*, т.е. '*каузировать кого-то смеяться*'.

Именно такие осознанные отклонения от нормы, на наш взгляд, активизируют номинативный и экспрессивный потенциал языка, определяют важные тенденции его развития. Так, в «языке сети», помимо трансформаций моделей залога и переходности у глагола, можно видеть активизацию конструкций с последовательной элиминацией лица: *С сигаретой* ***было «поступлено»*** *абсолютно несправедливо...* (Media FORUM 4yva4ka); *... на выступлении Dartz я* ***уронилась*** *случайно, на меня мгновенно попадало еще человек пять-шесть...* (ФолкРокФорум-2); *Арчи, ну, мы ж за тебя отомстили=) ему больнее* ***упалось****=)* (FORUM.EE).

Также крайне активна, например, тенденция образования действительных причастий будущего времени: *...* ***прочитающий*** *внимательно эту статью поймет многое о психологии большинства человеков и о корне многих проблем непонимания друг друга* (forum.farit.ru); *... считаю что курящий по праздникам = со временем* ***закурящий*** *и без них, если на то сложатся обстоятельства* (Форумы РадиусFM). Согласно нашей теории аномальности, многие признаваемые аномальными явления располагают определенным потенциалом рациональной осмысляемости, семантической или экспрессивно-стилистической нагруженности и прагматической интерпретируемости. У причастий будущего времени такой потенциал весьма высок, поскольку они заполняют определенную лакуну в языковой системе. Так, на фоне вполне приемлемой трансформации: *тот, кто читает → читающий* не выглядит чем-то противоречащим здравому смыслу трансформация *тот, кто прочитает → *прочитающий*.

Схожие тенденции аналогического упрощения грамматических показателей действуют и в сфере имен. Например, устранение супплетивизма *человек – люди*: *Какой-то мелкий и пугливый* ***людь*** *пошел…* (Blog Botinok) – или восстановление фонетического единства исходной основы *дети → *деть*: *… может покажу потом, когда уже* ***деть*** *родится* (forum.cofe.ru). Особенно активны случаи аномального образования форм рода существительного. Чаще всего они имеют очевидную семантическую и стилистическую оправданность: *Итак, вы самый настоящий …* ***русал*** (Женский форум PlasticSur), – где говорящему понадобилась отсутствующая в языке номинативная единица для именования лица мужского пола с семантикой ‘русалка’, или, как в примере: *… выхожу из «Кольца», а мой* ***машин*** *на эвакуаторе красуется…* (Форум «АвтоКазань»), – где понятно стремление говорящего «повысить» значимость объекта номинации за счет придания ему более «мужественной» формы рода.

Все рассмотренные случаи весьма примечательны, так как они отнюдь не являются отражением недостаточной языковой компетенции носителей языка и размывания нормы в силу общего упадка речевой культуры грамотности (хотя и примеры последнего тоже встречаются часто). Именно к ним как нельзя лучше подходит емкое словесное обозначение, предложенное Ю.Д. Апресяном – «*языковые аномалии как точки роста новых явлений*» [Апресян 1990: 64].

Согласно развиваемой нами теории аномальности, похоже, что самой системой языка в каком-то смысле предусмотрены не только модели реализации ее системных закономерностей, но и модели порождения аномалий разного типа (т.е. в области языковой аномальности тоже есть своя системность). При этом практически любой аномалии может быть приписан рационально интерпретируемый смысл, что вытекает из сформулированного нами принципа *идиоматичности рецепции аномалий*. Поэтому значительная часть языковых аномалий, обнаруженных нами в среде Интернет-коммуникации, никоим образом не разрушает систему, а, напротив, будучи системообразующим фактором, как бы раздвигает границы ее возможностей.

Использованная литература:

Апресян, Ю.Д.: *Языковые аномалии: типы и функции*. In: Д.С. Лихачев (ed.), Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919 – 1986). «Наука», М., Л. 1990. С. 50-71.

Булыгина, Т.В., Шмелев А.Д.: *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. «Языки русской культуры», М. 1997.

Радбиль, Т.Б.: *Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие*. МПГУ, М. 2006.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Марина Радченко
Хорватия, Задар

АНАЛИЗ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ФОРУМАХ И ЧАТАХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРНЕТА

Abstract:
This article discusses words occasionally used in texts presented on Russian spoken Internet chats and web-forums from the point of their forming aspect. Also, word formation which complies to certain patterns common in the Russian language (affixation, composition), but with some exceptions to the rules of word formation, is presented. Often used unusual models of word formation are discussed as well.

Key words:
Russian language, occasional words, Internet, chat, web-forum, communication, noun, word formation, affixation, composition, morpheme, suffix.

С появлением Интернета возникли новые виды и способы общения, в том числе чаты, в которых происходит обмен текстовыми репликами, и форумы, предоставляющие коммуникантам возможность создания тем в предлагаемых разделах для последующего обсуждения. Круг обсуждаемых вопросов охватывает практически все стороны жизни – от политики, философии, образования, культуры до семейных и бытовых проблем. Коммуникация ведется в письменной форме, однако тексты, создаваемые пользователями электронной сети в условиях режима реального времени, возникают преимущественно под влиянием спонтанной устной разговорной речи. Общение в Интернете создает благоприятные условия для включения всех участников коммуникации в процесс словотворчества, результатом которого является образование окказионализмов, т.е. ранее не известных носителям языка и не зарегистрированных в словаре слов, обладающих ярко выраженными коннотациями новизны, оригинальности, неповторимости и обусловленных специфическим контекстом. В отличие от узуального (канонического) слова окказионализм, представляющий собой индивидуальное новообразование, возникает одномоментно в процессе самого речевого акта с целью создания эмоционально и экспрессивно окрашенных лексических единиц. Термин «окказионализм» употребляется в русской лингвистической литературе с середины прошлого века, но общепризнанного определения окказионального слова до сих пор не существует. Выделяются два

основных подхода к проблеме отграничения окказионализмов от других новообразований. В работах А.Г. Лыкова и В.В. Лопатина к окказионализмам относятся все слова, возникающие под влиянием контекста, независимо от того, созданы ли они по нормативным словообразовательным моделям (так называемые потенциальные слова) или с нарушением деривационной нормы (собственно окказионализмы). Другие исследователи (Е.А. Земская, Р.Ю. Намитокова) включают в состав окказионализмов только те слова, которые возникли с нарушением существующих в языке словообразовательных норм. В данной работе рассматриваются структурные особенности новообразований, при производстве которых наблюдаются те или иные отступления от деривационной нормы.

Анализ исследованного материала[1] показал, что в окказиональном словотворчестве участников коммуникации в Интернете активны способы, характерные для словообразовательной системы русского языка: деривация и композиция. Наиболее распространенными способами образования окказионализмов являются суффиксация и словосложение. При этом отклонения от сложившихся в языке закономерностей могут проявляться в нарушении сочетаемости морфем. Так, прилагательное *женщинческий* (*В женщине должно быть женщинческое*) образовано от основы существительного женского рода при помощи суффикса *-ческ-*, который обычно присоединяется к основам существительных среднего рода, оканчивающихся на *-ение* (ср.: *поведение → поведенческий*). В данном случае нарушены также лексические ограничения в сочетаемости морфем, поскольку окказионализм синонимичен узуальному прилагательному *женский*. Словообразовательная морфема может присоединяться к основе несколько иной семантики, чем это принято в языке. Подобное явление наблюдается при производстве имен лиц, называющих посетителей форумов и чатов: *форумчанин* (суффикс *-чанин-* обычно образует имена существительные, обозначающие жителя какого-либо города или населенной местности, напр.: *Крым → крымчанин*) и *чатовщик* (суффикс *-овщик-* производит имена существительные со значением лица мужского пола, профессия которого связана с тем, что названо мотивирующим словом, напр.: *мех → меховщик*). Об отклонении от словообразовательных норм свидетельствует также появление новообразований, в составе которых объединены морфемы, различающиеся по своей стилистической принадлежности, что нередко происходит при образовании сложных слов. Напр., в окказионализме *хач-набор* (*У нас на рынке цены высокие на весь «хач-набор» – фрукты, овощи, мясо, сыр и т.п.*) основа грубо-просторечного *хачи* (оскорбительное наименование представителей народов Кавказа) соединена с нейтральным узуальным словом *набор*. В качестве первого компонента сложения *евромужик* (*Евромужики по русским женщинам с ума сходят*) выступает морфема иноязычного происхождения *евро*, в то время как второй компонент представляет собой исконно русское разговорное слово, содержащее грубоватую экспрессию.

Совмещение иноязычных корней и русских аффиксов часто встречается в текстах интернет-коммуникации. В последнее время наблюдается явление, которое может быть охарактеризовано как вторичное освоение уже освоенных русским языком лексем английского происхождения. Речь идет о транслитерации английских слов, которые в общелитературном языке ассимилированы на основе их произношения. Напр., наряду с узуальным *менеджер* (англ. *manager*) появляется

окказиональное *манагер* и включается в процесс словопроизводства: *манагер → манагерный* (*Манагеры в манагерных темах тусуются*).

Многие окказионализмы образуются путем нетрадиционного сочетания нескольких узуальных способов, напр., префиксации и сложения: *слабость → мегаподслабость* (*У меня слабость – поесть, а мегаподслабость – чипсы*).

Как одну из тенденций в рамках нормативного словообразования следует отметить стремление к аналитизму, объединению в одну основу именных и глагольных словосочетаний с одновременной суффиксацией: *ему подобное → емуподобовщина* (*Не читайте Кинга и емуподобовщину!*), *без стиральной машины → бесстиральномашинный* (*Это было в бесстиральномашинные времена*), *во все совать нос → вовсеноссовальщик* (*А ты у нас здесь главный вовсеноссовальщик*).

Среди неузуальных способов образования окказионализмов выделяется заменительная деривация, т.е. создание нового слова по аналогии к конкретному узуальному слову путем трансрадиксации (замены корневой морфемы): *айсикьюзависимость* (по аналогии с *наркозависимость*), *пироговничать* (ср. *чаевничать*), *салатомания* (ср. *наркомания*), *хамовидный* (ср. *змеевидный*).

Создание окказионализмов по конкретному образцу нередко имеет игровой характер. Таковы, напр., шутливые топонимы: *Тамбов-на-Вороне, Париж-на-Сене, Питер-на-Неве, Питер-на-Болоте,* построенные по модели *Ростов-на-Дону*. В предложении *Я с девушками люблю знакомиться, потому что я любознательный: Люба-знательный, Маша-знательный, Глаша-знательный, ...* обыгрывается омофоничность первой части сложного прилагательного *любознательный* и женского имени *Люба* с последующей субституцией первого компонента сложения созвучными женскими именами.

Экспрессия окказионализма может возникать при использовании с производящей основой иного форманта, чем в соответствующем узуальном слове: *сообщалка* (ср. *сообщение*). Как правило, происходит замена нейтрального суффикса стилистически сниженным: *обобщение → обобщуха, несправедливость → несправедливовка* (последнее – с неморфемным усечением базовой основы).

В текстах интернет-коммуникации встречаются графические окказионализмы – слова, для понимания семантики которых необходимо их зрительное восприятие. При графической гибридизации происходит выделение графическими средствами в узуальном слове части, формально совпадающей с другим узуальным словом. «Вычитывание» слова возможно благодаря использованию прописной буквы на фоне строчных, напр.: *Начинать нежно выносить Ленина из мавзолея на преКрасной жилПлощади надобно с периферии*. В предложении *У моего мужа сестра ни одного конкурса не пропускает и даже призы какие-то уже получила – настоящая приЗоловка!* обыгрывается омофоничность узуального *золовка* (сестра мужа) и части окказионализма *призоловка* (о женщине, участвующей в многочисленных конкурсах и рекламных акциях), образованного от *призолов* (калька с английского *promohunter*). Наложение основ может сопровождаться выделением прописными буквами формально совпадающих частей исходных слов, напр.: *Когда у нашего президента мандат закончится, окажемся мы на бесПУТье* (*Путин + беспутье → бесПУТье*). В предложении *Завтра устроим отПИВАние конца учебного года!* наблюдается каламбурное преобразование слова *отпевание* (церковный обряд, совершаемый над покойником) в окказионализм *отПИВАние*

(празднование окончания учебного года), возникающее в результате омофоничности части производящей основы и существительного *пиво*.

Широко распространено слияние – образование окказионализма путем ликвидации пробелов между словами, входящими в состав словосочетания или предложения: *Они все тольковчерасвокзала, но в Москве уже неплохо устроились*. Возможна также замена пробела дефисом: У *них роман и люблю-не-могу-до-гроба*.

К графическим окказионализмам относятся также новообразования, в которых наблюдается сочетание графем латинского и кириллического алфавитов. Напр., композит *sms-e-mail-форум-чат-общение* включает в себя пять основ, при этом первые два компонента являются заимствованиями из английского языка и сохраняют латинское написание.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что окказионализмы, возникающие в процессе неформального общения в Интернете, могут быть созданы по узуальным словообразовательным моделям с нарушением в той или иной степени деривационной нормы, а также различными нетиповыми способами, часто с применением графических средств. Создавая текст в чате или на форуме, коммуникант стремится выразить свое видение и оценку окружающего мира путем творческого использования языкового материала.

Примечания:

[1] Материал для исследования собран в результате наблюдений над языком следующих форумов и чатов: Форум Санкт-Петербурга и Питерский чат (http://spbtalk.ru/), Ru ФОРУМ (http://www.ru-forum.com/), Чат-портал ChatPortal.Ru (http://www.chatportal.ru/).

Использованная литература:

Бабенко, Н.Г: *Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ*. Калининград 1997.

Земская, Е.А.: *Словообразование*. In: Современный русский язык (под ред. В.А. Белошапковой), М. 2003, с. 286-441.

Лопатин, В.В.: *Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования*. М. 1973.

Лыков, А.Г.: *Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово*. М. 1976.

Немитокова, Р.Ю.: *Авторские новообразования: словообразовательный аспект*. Ростов-на-Дону 1986.

Улуханов, И.С.: *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. М. 1996.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Наталья Райнохова
Чехия, Прага

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЧЕШСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС

Abstract:
The appearance and development of corpus linguistics is a major feature of contemporary linguistics. It offers excellent opportunities to linguists as well as to specialists in other fields – sociologists, psychologists, teachers – both for study and work. This is because it is representative of not only the language but also the values, problems and interests of its users. The article focuses on types of corpora, problems connected with their creation and their application. Special attention is paid to the Czech National Corpus and the programme of the Parallel Corpus.

Key words:
Corpus linguistics, Parallel Corpus, Czech National Corpus, spoken part of the Corpus, Written part of the corpus, Public Corpus, Synchronic Corpus.

Корпусная лингвистика – это лингвистическая дисциплина, изучающая язык с помощью языковых корпусов и занимающаяся как созданием этих корпусов, так и их разработкой и методологией. Данная область начала развиваться в 80-е годы 20-го века в связи с необыкновенно быстрым развитием электронных технологий, которые дали возможность объединить огромное количество данных о языке в электронном виде. Корпусно-лингвистический подход в современном изучении языка представляет собой изучение текстов, при этом под текстами понимаются продукты языковой системы и языковые способности их создателей, изучение которых ведет к познанию общих закономерностей и правил языка.

Благодаря корпусной лингвистике, современные лингвисты могут быть, впервые за всю историю изучения языка, уверены в том, что основывают свои исследования на огромной базе данных и что их заключения не являются случайными или каким-либо образом деформированными.

Корпусная лингвистика создается во многих странах, первый большой корпус был создан в Англии. К самым крупным корпусам сегодня относятся такие как Bank of English (500 миллионов единиц), British National Corpus (100 миллионов), французский Frantex, корпус немецкого языка в Мангейме, Национальный корпус русского языка. Корпус представляет данный язык на определенном

этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п. Корпусы могут сегодня делиться, в зависимости от их характеристик, на большие (в несколько сот миллионов текстовых слов), средние (десятки миллионов) и малые, создаваемые с определенной, специфической целью (публицистические, корпусы детской речи, корпусы одного литературного жанра, корпусы одного автора, корпусы определенных профессий), а также на корпусы репрезентативные – стремящиеся показать по возможности полную шкалу употреблений на всех уровнях языка. Основное членение – лингвистическое и оно делит корпусы, с одной стороны, на письменные и устные, с другой – на синхронические и диахронические. Наиболее частым типом корпуса сегодня является корпус письменный синхронический, основанный на современных письменных текстах. Диахронический корпус включает в себя несколько стадий развития данного языка, в некоторых случаях и все его развитие. Существуют и корпусы исторические, четко выделяющие конкретный временной этап развития данного языка, один его исторический период. Создание звукового корпуса на данном этапе развития корпусной лингвистики является скорее желаемым, а не реальностью. Ни один корпусный проект не может, как с точки зрения финансовой, так и с точки зрения приложенных усилий, разработать большой звуковой корпус. Возникающие небольшие звуковые корпусы не могут полностью документировать язык, так как чисто технические проблемы (например, работа с магнитофоном) нарушают спонтанность и неформальность устной речи. Существует мнение, что подобный корпус можно было бы создавать на основе записей средств массовой информации, однако представители Чешского национального корпуса считают, что данные записи не могут быть подлинным звуковым корпусом, так как речь идет о языке неспонтанном, с большим количеством формальностей и подготовленных сведений, которые свидетельствуют о влиянии письменного языка. Достаточно большие проблемы возникают с созданием синхронических диалектных корпусов, где ко всем остальным проблемам добавляются и проблемы с выработкой объективных критериев, обуславливающих взаимоотношения между диалектами и такими факторами как возраст респондентов, их социальное положение, культурный уровень, территориальное местонахождение и т.д. При создании и применении корпусов единой методики для всех языков нет, так как различаются языки, традиции, технологические процессы. Но основные требования российский ученый В.В. Рыков выделяет следующие:

1. Кто пользователь корпуса? (индивид, группа, лингвистическое общество).
2. Какова логическая идея, которая положена в основу корпуса?
3. С каким объёмом данных мы будем работать при составлении корпуса? Насколько это необходимо и реалистично?
4. Используем отрывки из текстов, полные тексты или то и другое.
5. Процедура отбора текстов в корпусе. Для разных целей по-разному:
   – обследование речевого материала,
   – сканирование текстов,
   – окончательное формирование, составление корпуса.

6. Стандартизированное представление корпуса на уровне отраслевых стандартов, т.е. представление всего корпуса как продукта:
   – аннотация всего текста в целом,
   – унифицированное представление словесного материала текста.
7. Аннотирование, индексирование словесного материала текста.

Благодаря огромному объему и универсальности, использование корпусов может быть очень широким. Рыков пишет: *«Лингвист, имеющий доступ к корпусу, или другому набору, читаемых машиной текстов, может привести все примеры слова или словосочетания из миллионов слов текста за несколько секунд. Словари могут выпускаться и изменяться намного быстрее, чем раньше, таким образом, обеспечивая новой информацией о языке. Также, описания могут быть более полными и точными, благодаря тому, что изучено большое количество примеров. Примеры, выделенные из корпуса, могут быть собраны в значимые группы для анализа. Например, сортировка контекста слов по алфавиту с целью рассмотреть все частные случаи конкретного слова. Кроме того, благодаря тому, что корпусные данные содержат много метаинформации – автор, дата, стиль, региональные различия, часть речи и т.д. – легче связать употребления отдельных слов или словосочетаний являющихся типичными для того или иного стиля, регионального отличия и т.д. Не ограниченные (постоянно развивающиеся) мониторные корпусы играют огромную роль в строении словаря, поскольку позволяет лексикографам следить за новыми словами, проникающими в язык, или уже существующими словами, меняющими свое значение, или баланс их употребления в соответствии со стилем. Однако ограниченные корпусы также играют немалую роль в лексических учениях – в области количественного описания. Возможны быстрые надежные частотные расчеты и подразделение этих областей в различных измерениях в соответствии с различиями в языке, в котором есть данное слово. Наконец, возможность выбрать комбинации слов, а не само слово и наличие общих информационных средств, которые устанавливают отношение между вхождениями слов, значит, что мы можем распределять фразы и словосочетания более систематично, чем раньше»*. Однако использовать корпусы могут и другие специалисты, например, литературоведы, социологи, психологи, педагоги. Ведь корпус представляет собой не только язык, но и систему ценностей, проблемы и интересы своих носителей.

Чешский национальный корпус создается Институтом Чешского национального корпуса на базе философского факультета Карлова университета в Праге. Проектом руководит профессор Франтишек Чермак. Институт Чешского национального корпуса был основан в 1994 году по инициативе ряда ученых разных кафедр и институтов, которые уже давно почувствовали необходимость в создании большого корпуса, который представлял бы достаточную материальную базу (датабазу) для создания новых, качественно улучшеных словарей чешского языка, грамматик и других языковых пособий. Проект был поддержан как самим факультетом, так и Министерством образования, молодежи и физвоспитания. На данном этапе у корпуса целый ряд спонсоров, как финансовых, так и датовых.

В создании корпуса принимает участие целый ряд институтов и кафедр: Институт чешского языка и теории коммуникаций, Институт богемистики, Институт

теоретической и компутационной лингвистики, Институт формальной и аплицированной лингвистики (матфиз КУ), Институт чешского языка (филфак университета Масарыка в Брно), кафедра иформационных технологий (там же), кафедра компьютеров (технологический институт в Праге), Институты Чешского языка и Чешской литературы при Академии наук Чешской республики. Идет активная работа по сотрудничеству с иностранными коллегами.

Основное деление корпуса следующее:

В настоящее время ЧНК состоит из синхронной письменной части (объём 100 000 000 словарных единиц), который является исходной базой для корпуса Паблик (20 000 000 словарных единиц), который уже сейчас доступен для пользователей по интернету. Гораздо меньшим объемом обладает корпус диахронический (сейчас приблизительно 1 750 000 единиц) и синхронический звуковой корпус (700 000 единиц). Ведется работа над диалектными корпусами как звуковыми, так и письменными, но эта работа пока находится на стадии разработок. Все корпусы строятся на основе только целых текстов (не образцов).

В проекте существуют также так называемые некорпусные составляющие. Это архивы – архив синхронического корпуса и архив диахронического корпуса (база всех текстов, на которых строится корпус в так называемом сыром, необработанном виде), и банки – уже обработанные тексты для обоих корпусов.

Синхронический корпус.

Очень сложно определить критерии для выбора точной границы между синхронией и диахронией.

В области публицистики точка отсчета была установлена на 1990 год, в связи с переломным характером политических событий в стране. Поэтому тексты, выбираемые для синхронического корпуса и отображающие современный язык, начали отбираться именно с этого года.

В области художественной литературы критерии несколько иные. И в данном случае 1990 год является решающим, однако в связи с тем, что старые литературные тексты вновь и вновь переиздаются, и, соответственно, являются составной частью современной языковой культуры, они могут быть занесены в синхронический корпус.

Для этого были созданы дополнительные критерии к принятию текстов в синхронкорпус:

1. Тексты тех авторов, которые часто читаются и издаются в настоящее время, даже если эти авторы родились в конце позапрошлого века (точка отсчета 1880 год).
2. На самом деле «современной» считается та литература, которая была опубликована начиная с 1945 года.

Из специализированных и научных текстов в синхкорпус включаются только те тексты, которые возникли после 1989 года. Все тексты, не отвечающие этим временным границам, включаются в диахронический корпус.

Параллельный корпус:

Проект, созданный при ЧНК с целью создать параллельные синхронические корпусы для большинства языков, изучаемых на философском факультете Карло-

ва университета, всегда на конкретный язык в сопоставлении с чешским. Параллельные корпусы создаются на основе переводов текстов на целевой язык и наоборот. Речь идет приблизительно о 25 языках, включая японский и китайский.

Работа происходит по следующим направлениям:

1. Происходит отбор текстов, их каталогизация, потом билатеральная обработка.
2. Затем планируется проведение начальных исследований (после получения определенного количества единиц).
3. Будет осуществлятся постепенный доступ к корпусам прежде всего для преподавательских целей, а потом и для более широкого пользования.

Параллельные корпусы будут использоваться в качестве источников информации для теоретических научных работ, двуязычной лексикографии, преподавания иностранных языков, студенческих научных исследований, компьютерных аппликаций в области языкознания, помогут переводчикам и, в будущем, станут достоянием широкой общественности. На данном этапе параллельные корпусы (в том объеме, в котором они существуют) проходят опробацию в местах своего возникновения с поддержкой главного координатора проекта.

Использованная литература:

Kocek, J., Kopřivová, M., Kučera, K. (eds.): *Český národní korpus – úvod a příručka uživatele*. ÚČNK FF UK, Praha 2000. ISBN 80-85899-94-9.

Рыков, В.В.: *Корпусная лингвистика (научно-аналитический обзор), РЖ: Социальные и гуманитарные науки*. In: Зарубежная литература. -ИНИОН, М. 1996, N 4, с.43-51.

Рыков, В.В.: *Прагматически ориентированный корпус текстов*. In: Тверской лингвистический меридиан. Теоретический сборник. Ред. Сусов И.П. Вып.3. Тверь 1999. с. 89-96.

Čermák, F., Blatná, R.: *Korpusová lingvistika: Stav a modelové přístupy*. Nakladatelství Lidové noviny, Praha 2006. ISBN 80-7106-861-6.

Čermák, F., Blatná, R. (eds.): *Jak využívat Český národní korpus*. Nakladatelství Lidové noviny, Praha 2005. ISBN 80-7106-736-9.

Tento projekt vznikl za podpory výzkumného záměru MSM 0021620823.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Алена Росикова
Чехия, Злин

КУЛЬТУРА ОБРАЩЕНИЯ СО СЛОВОМ: АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract:
In this paper there are documented some examples of the penetration of some of the most popular English words of the year 2005 into the Russian language. The new loans got into the target (Russian) language quite rapidly which was documented through the examples of 20 % of the hit 2005 English words that have appeared in the Russian language till now. Although the use of the English loans in general is quite wide there is no fatal danger of the Russian language contamination with anglicisms assumed. Any language contains natural barriers that prevent fatal damages of its authentic lexical system.

Key words:
Lexicon, loanwords, deluge of loans, language output, social context.

Процесс заимствования слов из других языков в русский язык вполне естественен. Это происходит в силу бурного развития современных многосторонних контактов между народами. Особенно выразительно это проявляется в настоящее время, когда общественные процессы в мире и способ обмена информацией неимоверно ускорились. Поэтому предложение президента В.В. Путина о том, чтобы объявить 2007 год «Годом русского языка в России и везде в мире, где знают и любят русский язык», делалось не с целью поддержать русский язык, изнемогающий под бременем наплыва иноязычных слов. Это было предложение чествования языка, позиции которого прочны.

Однако когда мы открываем газеты, то видим, что они изобилуют словами иноязычного происхождения, особенно англицизмами. Слова типа *наркокурьеры*, *риэлторы*, *ньюсмейкеры*, *саммит, консенсус,* выражения типа *дисбаланс в рейтинге кандидатов, офшорные зоны* никого не удивляют, они воспринимаются как должное, как неотъемлемая часть языка, присутствуют в речи дикторов радио и телевидения. Печатные издания просто «бомбят» ими читателей. Должен ли таким образом меняться русский язык?

Русскоговорящие сейчас уже не относятся с подозрением к заимствованиям, с желанием заменить их словами родного языка. Наоборот, открытость по отноше-

нию к Западу, в частности к США, создает ситуацию, когда носители русского языка принимают заимствованные слова в качестве понятных клише, которые очень удобны для употребления.

Уже с 1889 года в США существует общество American Dialect Society, которое занимается изучением английского языка. Его членами являются академические работники, писатели, учителя-профессионалы, люди, просто интересующиеся языком и процессами, которые в нем происходят.

Ежегодно эта организация объявляет так называемое «слово года» – слово или словосочетание, которое пользуется в данном году самой большой популярностью. Речь идет о новых словах или таких, которые получили новое, добавочное, обычно злободневное значение. Слово-победитель конкурса выбирается из слов, объединенных в несколько групп. Слова-кандидаты могут быть номинированы в следующих категориях: самое употребляемое слово (*the most useful*), самое креативное слово (*the most creative*), самое ненужное слово (*the most unnecessary*), самое грубое слово (*the most nasty*), самый яркий эвфемизм (*the most euphemistic*) и других. Возникает интерес, как скоро некоторые из этих слов проявятся в жизни носителей русского языка. В прошлом 2006 году, абсолютным победителем стало слово *plutoed*, отображающее судьбу бывшей планеты Плутон. Этого слова в русском Интернете пока не найти.

Попробуем проследить за судьбами английских слов, которые вошли в «хит-парад» 52 слов на год раньше, в 2005 году. Они были обнародованы в Интернете, в частности на сайте издательства Macmillan, многих других сайтах, а также вышли в виде небольшого буклета упомянутого издательства. Список содержит 52 лексические единицы. Пользуясь двумя русскими информационными серверами – Рамблером и Яндексом, мы попытались обнаружить факты проявления проникновения этих новых слов в русский язык.

Результаты исследования таковы. За два года с момента публикации списка новых слов 2005 года, т.е. в течение минимум трехлетнего существования этих слов в английском языке, в русский язык не успело или не смогло проникнуть 78 % из них. Так и не появились в употреблении в какой-либо форме такие выражения как: *bustitution* (замена поезда автобусом в случае закрытия путей); *flexitarian* (лицо, которое не употребляет в пищу мясо и мясные изделия, но, если нужно, приспособится и съест мясо); *marmalade dropper* (утренняя газета, которую читают за завтраком, что по ней зачастую и видно); *movieoke* (караоке с фильмами – озвучивание фильмов, проговаривание реплик героев фильмов вашим голосом, повторение популярных фраз).

Причины непроникновения почти 80 % слов-хитов в русский язык можно объяснить культурным различием обеих стран: особенно это касается быта, трудовых навыков, экономических и культурно-социальных отношений.

Оставшиеся чуть более 20 % англоамериканских слов-хитов 2005 года в русском языке в той или иной мере проявились. Это следующие 10 слов:

- инфомания
- орторексия
- шопгрифтинг
- спойлер
- зомби-компьютер (зомбироваться)
- шипл
- дентал-спа
- гринвош (гринвошер)
- слоуфуд
- суперсайз

В каких контекстах эти слова употребляются, каково их значение в русской языковой среде? Как их объясняют те, кто ими пользуется в интернет-изданиях газет и журналов?

- ***Инфомания*** *– это, в основном, проблема взрослых. Ощутимое падение уровня IQ, которое объясняется постоянным отвлечением внимания на непрерывно работающие устройства связи. Человек теряет концентрацию, потому что его сознание постоянно находится в состоянии готовности отреагировать на новую информацию, вместо того чтобы полностью посвятить себя выполнению текущей задачи.*
  Более того, ***инфомания*** *вредно влияет на общение с коллегами, вызывая стресс и конфликтные ситуации. Девять из десяти опрошенных считают, что, отвечая на письмо или сообщение во время личной встречи, их коллеги проявляют по отношению к ним крайнюю невоспитанность. Однако каждый третий британец считает это не только приемлемым, но даже проявлением усердия и профессионализма.*

В чат-клубе встречается даже производное слово:

– Народ! Проверьте пожалста погоду в Фее. Чё-т мой ***инфоманияк*** *какое-то дерьмецо обещает до понедельника включительно. Гал.*
«***Инфоманияк***» – это информационная служба мобильного оператора.

- *Если людей, страдающих анорексией и булимией, заботит количество съедаемого, то жертвы* ***орторексии*** *«сдвинуты» на качестве. Эта мания становится все более распространенным недугом в промышленно развитых странах.*

- ***Shopgrifting*** – мания следующего типа поведения: покупаешь новую вещь, носишь ее какое-то время, затем тщательно запаковываешь и возвращаешь с подходящим объяснением в магазин, причем заплаченные деньги получаешь назад. На Западе существует практика возможности возврата товара в тридцатидневный срок.

На сайте forum.lingvo.ru вёлся разговор о том, в каком виде этому термину существовать в русском языке (оставить shopgrifting или «шопгрифтинг»). Дискуссия закончилась так: «*А вы когда-нибудь пробовали что-нибудь через несколько дней после покупки вернуть, просто потому что передумали покупать и по закону имеете право?*» Больше упоминаний об этом выражении не последовало.

- *В XXI веке фильмы надо смотреть в день премьеры. Книги покупать в день начала продаж... Кто, начиная читать «Код да Винчи» или приступая к просмотру одноименного фильма, не знал, что речь пойдет о могиле любовницы Христа – Марии Магдалены?*

  ... я, например, никогда заранее не читаю рецензий своих коллег на фильм, если собираюсь его посмотреть. Поскольку, на мой взгляд, любая информация, кроме имени режиссера и списка актеров, является ***спойлером****. Более того, список актеров тоже может быть* ***спойлером****.*

➢ *Количество атак в сети с помощью* ***компьютеров-«зомби»*** *увеличивается. Правоохранительные органы сообщают, что они стали уделять более пристальное внимание таким делам.*

Каждый день ***«зомбируются»*** *170 тысяч новых компьютеров.*

Организатор этого зомбирования находился за удаленным компьютером, с помощью специальной программы подчинял себе армию других компьютеров, которые превращались в «зомби». Эти компьютеры «бомбардировали» избранный для атаки интернет-сайт, который в результате получал так много запросов об открытии своей страницы, что становился недоступным для всех других пользователей.

➢ ***Шипл*** – тупой народ, «овцы». О том времени, когда кончится газ и нефть, автор одного алармистского опуса говорит как о завтрашнем дне: *Страна большая, найдут в недрах еще что-то дефицитное, и компрадоры и власть будут процветать, а* ***шипл*** *– и дальше дичать. Без всякой фашистской диктатуры, а через телеящик и ларек всем дадут все, что* ***шиплу*** *надо: водку, жрачку и для глаз жвачку.*

Москва
ДЕНТАЛ-СПА
Москва, Мичуринский просп., 7
+7 (495) 5853994 *факс*
http://www.dental-spa.ru
(Реклама стоматологической клиники).

Спа – курорт, место, где проводятся процедуры по уходу за телом.

➢ ***Гринвош*** – *«зеленая отмывка» – именно таким термином, бытующим на Западе, окрестили саратовские «зеленые» и сам центр, и движение «Чистый дом». Если реализация экологически «грязного» и потенциально опасного проекта может вызвать общественное напряжение, нередко за деньги создается «своя общественность», менее требовательная, но более агрессивная. Эти «болельщики» проводят проплаченные акции, осуществляют «пиар» и скрытую рекламу сомнительным с экологической точки зрения, но коммерчески состоятельным объектам. В «зеленой отмывке» общественники и обвинили недавно созданные структуры.*

На некоторых сайтах упоминаются «*работы российских* ***гринвошеров***». *Час дня. Эта глава у Ходжкинсона посвящена сетованиям по поводу утраты современным обществом полдневной трапезы – ланча (русского обеда). Проклятые фастфуды убили великую традицию неторопливого полдневного застолья, сопровождаемого не слишком умеренными возлияниями и оживленной беседой. Некоторую надежду в нас все-таки вселяет возникшее недавно в Европе движение «****слоуфуд****» – за медленную еду.*

➢ ***Суперсайз*** – суперразмер.

Берёшь эдакую плюшевую ***суперсайзовую*** *игрушку в охапку и в койку, а она мурчит, урчит, греет тебя и глазами размером с блюдца смотрит полюбовно.*

Очень часто данное слово появляется в «Макдоналдсовских» контекстах: еда или напитки – тот самый ***суперсайз*** (***суперсайзовая*** кока-кола).

В заключение, в результате наблюдения за проникновением слов-хитов английского языка 2005 года и в связи с опытом присутствия в языке ранее проникших заимствований, хочется отметить следующее:

- все заимствования 80 – 90 годов представляли собой узкоспециальную терминологию, которая постепенно выходила за пределы профессиональной среды и начинала употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов по мере того, как явления, обозначаемые этими терминами, становились остро актуальными для всего общества;
- активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики происходит и в менее специализированных областях человеческой деятельности;
- многими говорящими ощущается усиление влияния социального престижа иноязычного слова по сравнению с исконным словом;
- наблюдается и обратный процесс, т.е. снижение влияния социального престижа иностранного слова.

Современное поколение является свидетелем невиданной прежде активизации употребления иностранных слов – «иноязычного потопа». Однако паниковать не нужно. Язык представляет собой саморазвивающийся механизм, его существование регулируется определенными закономерностями. Язык умеет самоочищаться, избавляться от ненужного. Разумеется, неумеренное и неуместное употребление иноязычных слов недопустимо. Ученые-лингвисты, писатели, журналисты и учителя должны противостоять засорению родного языка иноязычными словами. В ответе за состояние языка, конечно, и каждый из говорящих на русском языке.

Насильно «очистить» язык нельзя, достичь этого можно только посредством постепенной просветительской работы с целью воспитания в людях культуры обращения со словом и хорошего языкового вкуса. Молодое поколение – thumb generation (т.е. молодежь, большим пальцем нажимающая на клавиши мобильных телефонов), которое вносит в общение не только новую лексику, новые жесты, вероятно, изменит коренным образом и основное средство общения, и не только в духе культуры рэпа и хип-хопа. Опасаться за судьбу языка не надо. Язык живой – ему видней.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Алексей Васильевич Снигирев, Екатерина Владиславовна Снигирева
Россия, Екатеринбург

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК РУССКОГО ИНТЕРНЕТА

Abstract:
The paper is devoted to consideration of "the Albanian language", a special language of the Russian Internet. Strategy of this phenomenon, its features and prospects are consistently considered both tactics, and next realization.

Key words:
The Internet, language, "the Albanian language", norms of language, self-expression, self-identification.

Любой пользователь русского интернета рано или поздно сталкивается с непривычными написаниями слов: вместо «автор» – «аффтар», вместо «животное» – «жывотное», вместо «под столом» – «пацтталом» и так далее. При этом частота употребления таких «исковерканных» слов достаточно высока. Так, результат работы с поисковой системой Yandex дал следующие результаты: «*зачет*» – страниц – **7 555 179**, сайтов – не менее **15 143,** «*зачот*» – страниц **1 649 542**, сайтов – не менее **5 525,** то есть соотношение примерное 1 к 7 (21 %). При этом перед нами не случаи, связанные с безграмотностью пользователей интернет-сети, данные варианты написания обладают частотностью и системностью, с их использованием активно создаются тексты, ведутся интерактивные диалоги и переписка. Кроме того, данный своеобразный язык уже имеет как свое название (албанский или падонкафский), так и свою историю (исследователи находят источники данного языка в FIDO), сайты (в первую очередь udaff.com) и даже свой манифест (так называемый «Манифезд антиграматнасти»: *Мы прынцыпиально протиф так называимай «граматнасти» в Сити…* [http://www.guelman.ru/slava/manifest/istochniki/shelli.htm].

Албанский язык представляет интерес для исследования с двух точек зрения – с точки зрения «чисто лингвистической» – интересны сами механизмы создания этого языка и с точки зрения уже психолингвистической – причины его появления и функции.

Даже приблизительный анализ «албанского языка» наглядно демонстрирует, что основным принципом его создания является языковая игра, обычно основан-

ная на псевдо-фонетизации написания: *Аффтар выпей йаду* – выражение неудовольствия текстом; *Аффтар жжот нипадецки* – выражение восхищения текстом или иронического отношения к нему, в зависимости от контекста. *Аффтар пешы ысчо* – выражение одобрения текста и желания ознакомиться с дальнейшим творчеством автора; *Аццкий Сотона* – выражение восхищения; *Жжош* – восхищение текстом, выражаемое непосредственно *аффтару; Пацтулом* – читатель упал от смеха со стула (варианты: *Валялсо пацтулом, Пацталом*); *Убей сибя с расбегу* – крайняя степень недовольства, вызванного *криатиффом*, допустимы и такие варианты, как, например, *Убей сибя с расбегу апстену вымазанную йадом* и т.д.

Как нетрудно заметить, новые слова образуются на основе гипертрофирования обычно регрессивной или прогрессивной ассимиляции. Например: транскрипция действительно дает оглушение звонкой согласной «в» в слове «автор» перед глухим звуком «т», но в «ф», а не в «фф», как принято записывать это в албанском языке («*аффтар*»). Именно этот прием, наравне с попыткой фонетизации письма, лег в основу большинства слов «албанского языка» и является его маркером. Так, в качестве примеров можно отметить отсутствие «ь» в слове «*жжош*», слитное написание слов со служебными частями речи («*пацстолом*») и даже словосочетаний («*ржунимагу*»). Любопытно, что не менее частотно анти-фонетическое написание слов, при котором происходит фиксация невозможного с точки зрения произношения: «*этиг*» вместо «*этих*», «*красавчеги*» вместо «*красавчики*» и т.д.

Менее частотно заимствование из общеупотребительного жаргона пользователей интернета англицизмов и так же их переработка: *Риспект* (от англ. respect) – выражение уважения, например, за понравившийся *креатив*. *Фотожаба* – изображение, коллаж, карикатура, полученные с помощью графического редактора Adobe Photoshop. *Камменты рулят!* – комментарии к тексту интереснее самого текста (от англ. comment).

Конечно, существуют случаи и более частные – так, употребление в конце текста вместо «PS» букв «ЗЫ» есть ни что иное, как следствие так называемого «непробивания» клавиатур при переходе из одного языка в другой; слово *лол* выражает сильный смех и происходит от английского сокращения *LOL*, которое расшифровывается как «laughing out loud», фраза *Во френды!* – (пост так понравился комментатору, что он решил добавить автора в список своих друзей) возникла в виду особенностей структуры одного из самых распространенных интернет-блогов – системе livejournal.com и так далее.

Но все причисленные нами принципы создания албанского языка выполняют скорее тактическую, чем стратегическую функцию. В чем же магистральная стратегия данного языка? Возможно, основой его является принцип нарушения нормы, что явно или подспудно декларируется его создателями (так, например, уже упоминавшийся «Манифезд антиграматанасти» во многом восходит и воспроизводит манифесты футуристов и лозунг «долой ваш язык» идет именно оттуда). При этом происходит нарушение различных норм:

→ Нарушение норм морали. Вызов общественной морали и постоянное муссирование «запретных» тем характерно для сайтов, посетители которых являются носителями албанского языка. Обычно маркером таких сайтов является обилие ненормативой лексики, что не только не преследуется, но и поощряется их собственниками и создателями. Так, на упоминавшемся уже сайте udaff.com на главной

странице читаем: «*Этот ресурс создан для настоящих падонков, Кому не нравятся слова х** и п****, могут идти на х**. Остальные пруцца*». Примечательно, что ненормативная лексика присутствует на данных сайтах как в «изначальном», чистом виде, так и уже адаптированном под «албанский язык» состоянии. Если же продолжать говорить о темах, обсуждаемых носителями «албанского языка» и нашедших в нем отражение, то фразы «*ф топку*» (вариант: «*в газваген*»), «*зачем ви тргавите пейсателя*», «*скажите, ви не антисемит?*» есть не только обращение к теме Холокоста в частности, но и к «еврейскому вопросу» в целом, что так же выходит за рамки культурного общения.

→ Нарушение норм языка. Безусловно, общение в рамках интернета в силу определенной технической специфики провоцирует пользователей на отступление от норм языка, для многих данное общение проходит в рамках «естественной письменной речи», для которой вообще характерно несоблюдение норм орфографии и пунктуации, но причина столь частого игнорирования последних не только в этом.

Общее падение грамотности среди лиц в возрасте 10-30 лет, которые являются наиболее частыми посетителями русского интернета стало проблемой не только интернета, но и общенациональной, что во многом послужило причиной того, что 2007 год в России официально объявлен годом русского языка. Зачастую сознательное отступление от орфографических и пунктуационных норм является скорее уже знаком того, что «аффторы» попросту не имеют о них представления, чем сознательно бравируют, знаком чего стало частотность употребления слова «еще» с пятью орфографическими ошибками («истчо»). Любопытно, что в период начального распространения «албанского языка» в сети (2002 год) были зарегистрированы постоянные конфликты между носителями данного жаргона и носителями современного русского литературного языка (так, самое частотное замечание того времени – это указание на неправильно написанное слово «извени»). Но впоследствии они стали более эпизодическими, да и большинство грамотных людей стали использовать в общении именно албанский язык.

В принципе, ознакомившись с «Манифездом…» можно составить представление о масштабах нарушения норм, среди которых стали появляться даже нарочитые грамматические ошибки: «*Смеялсо фсем офисом*».

Любопытно, но отступление от норм реализуется и в том, что в самом албанском языке нет как таковых норм и правил написания – так, слово «автор» реализуется в четырех вариантах написания: «аффтар», «афтар», «аффтор» и «афтор».

→ Нарушение норм коммуникации. Одной из насущных проблем интернета, которая, в частности, породила институт «модераторов», является проблема так называемого «флейма» («флуда»). Основная причина использования сети интернет для большинства пользователей остается поиск информации по тому или иному вопросу. Большинство сайтов имеют тематические форумы, где пользователи могут задавать те или иные вопросы, на которые обычно получают развернутые ответы от людей, владеющих необходимой информацией. Однако зачастую недобросовестные участники данной разновидности коммуникации оставляют в открытой для обсуждения теме замечания, не имеющие к ней отношения, обычно личного или оскорбительного характера («флейм, «флуд») в основном именно на албанском языке. Весьма показательна в данном случае история возникновения

названия анализируемого нами языка. Знаменитая фраза *Учи албанский!* первоначально возникла в Живом Журнале, где один американец (юзернейм в ЖЖ – scottishtiger), увидев текст на русском языке, имел неосторожность спросить, почему в международной системе livejournal.com кто-то пишет на непонятном ему языке и вообще что это за язык. В ответ русскоязычная часть ЖЖ устроила целую акцию, в результате которого он получил за два дня десятки тысяч комментариев с предложением выучить албанский язык и извиниться, написав в своем журнале пост на русском языке о том, что он уже выучил албанский язык. В конце концов, американец вынужден был сдаться и выполнить требование толпы. Впрочем, сдался он не из-за того, что его ящик был переполнен, а журнал заполнен кучей фанатиков, а лишь из-за того, что он начал получать большое количество SMS-сообщений и телефонных звонков, за которые вынужден был платить реальные деньги. При этом следует заметить, что интертекстуальная отнесенность данной фразы («*Учи Альбанский*») к творчеству поэта-футуриста Ильязда (Ильи Зданевича) есть прежде всего маркер образованности «создателей» данного языка.

Уже по своей структуре и интенции албанский язык имеет направленность именно на разрушение коммуникации, любое устойчивое выражение из него несет в себе коннотативный компонент и провоцирует на смещение акцента в общении на споры личного характера («*Ты хочешь об этом поговорить?*») или на прекращение коммуникации вообще (комментарии типа «*Ниасилил – текст слишком длинный, и его трудно дочитать до конца*», вариант: «*Ниасилил патамушта стихи или Ниасилил патамушта многа букоф или Ниасилил патамушта вайнаими*»).

Таким образом, основная стратегия албанского языка деструктивная, и закономерно возникает вопрос о его функциях в таком случае. Зачем используется язык, который направлен прежде всего на разрушение даже не стереотипов, а именно норм.

Обилие специфических сокращений (*КГ/АМ* или *АЖ/КЗ* и т.д.), употребление слов, адекватное понимание которых возможно только в рамках ограниченной группы («*В Бобруйск, жывотное*», «*Ахтунг!*» и т.д.) позволяет говорить о криптологической функции данного языка, и, соответственно, об идентификационной или самоидентификационной функциях. Активно используя в своих текстах албанский язык, авторы зачастую относят себя к категории так называемых «падонкаф», то есть людей с особым взглядом на мир и особой манерой поведения в рамках интернет-пространства. Все остальные посетители интернета, не использующие албанский язык по каким-либо причинам (нежелание писать неграмотно, отсутствие информации о данном языке и т.д.) воспринимаются негативно и диалоги с ними обычно носят агрессивный характер.

Но данные функции не являются основными при использовании албанского языка, они скорее являются логическим развитием основной, на которую претендует скорее функция самовыражения (творческой самореализации).

Если внимательно анализировать стратегии поведения пользователей интернета, то большинство их действий направлено против обезличивания навязанного технически образа различными путями: создание ников, аватарок, юзерпиков, электронных подписей, ведение интернет-блогов и, как следствие, создание идиостиля, который выгодно отличал бы от остальных. Албанский язык идеально подходит на роль последнего, потому как он уже визуально непривычен и, соответ-

ственно, более заметен, чем язык, отвечающий нормам СРЛЯ. В этом его основная функция, это основная причина его активного использования.

Итак, подводя итог всему вышесказанному, можно дать следующее определение «албанского языка»: албанский язык – это одна из разновидностей ситуативно обусловленного жаргона, для которого характерно нарочитое нарушение норм и основной функцией которого является самовыражение.

В завершении хотелось бы сказать несколько слов о перспективе данного явления. Учитывая, что существование «албанского языка» на данный момент по результатам разных исследований насчитывает от 10 до 15 лет, то можно отметить его востребованность. Кроме того, аудитория его «носителей» неуклонно расширяется, несмотря на карательные меры, принимаемые на большинстве русских сайтов. Скажем больше – «албанский язык» уже вышел за пределы интернета, его активно используют в рекламе, в политике, даже в обыденной речи, и на данный момент изучение данного явления представляет закономерный интерес как для лингвистов, так и для психологов и педагогов.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Людмила Соучкова
Чехия, Прага

АНАЛИЗ ДАННЫХ АНКЕТЫ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИСКОННО-РУССКИХ И ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Abstract:
The article analyses answers to a questionnaire carried out in Moscow in 2006. Russian language has recently absorbed a great deal of foreign words, mostly from English. Some of the words are necessary as there are no equivalents in Russian, others seem to be redundant and the speakers use them for the sake of their foreign origin only. The respondents of the questionnaire described their attitude towards the loan words and processes in nowadays Russian.

Key words:
Questionnaire, loan words.

В данной статье автор ставит своей задачей проанализировать итоги анкетирования, которое проводилось в 2006 г. в Москве. Анкета составлялась с целью определить, в какой мере употребляются в разных контекстах заимствованные слова и их исконно-русские эквиваленты. Респондентов можно разделить на три группы – студенты института, т.е. молодежь до 22 лет, респонденты в возрасте до 40 и респонденты в возрасте до 70 лет. Почти все опрашиваемые закончили или проходят высшее образование.

Анкета состоит из нескольких частей. В первой части респонденты приводили характеристику пар слов, одно или оба из которых заимствованные, отвечая при этом на вопрос, какое слово они употребляют чаще и какие слова у них вызывают положительные или отрицательные коннотации. Во второй части приводился список слэнговых выражений, образованных из заимствованных слов. Участники определяли, насколько хорошо они знают данные слова, употребляют ли их и как они относятся к таким новообразованиям. В последней части опрошенные отвечали на несколько вопросов относительно употребления заимствованных слов в разных слоях современного русского языка на основе их личного мнения и опыта. Респондентам также предоставлялась возможность высказать свое собственное мнение о ситуации в современном русском языке.

В первой части приводились следующие пары слов: *уик-энд – выходные, сервис – обслуживание, бизнесмен – предприниматель, волонтер – доброволец, стагнация – застой, консенсус – согласие, секьюрити – охрана, коммуникация – общение, транспарентный – прозрачный, плейер – проигрыватель, киллер – убийца, легитимность – законность, бойфренд – молодой человек.* Все вышеприведенные пары образованы на основе заимствованное – исконно-русское слово, дальше список продолжается парами из двух заимствованных слов: *хит – шлягер, сэндвич – бутерброд, слоган – лозунг, анимационный – мультипликационный, дисплей – экран, блейзер – пиджак, спонсор – меценат.*

Выражения можно разделить на несколько групп. За исключением слова *транспарентный* заимствования не вызвали больших затруднений в понимании. У пар слов *легитимность – законность, коммуникация – общение, консенсус – согласие* и *стагнация – застой* респонденты сходились в мнении, что оба слова вполне приемлемы и оправданы, если они употребляются в соответсвующих стилях и контекстах, т.е. заимствованное слово в официальном, деловом языке или в СМИ и русское слово в ежедневном общении.

Во вторую группу можно включить пары, у которых каждое из слов выражает разное понятие (приводятся определения респондентов; в ответах не наблюдалось много расхождений): *хит – шлягер (Шлягеры – из 70-ых и 80-ых годов, хит – то, что популярно сейчас.); слоган – лозунг (Лозунг может быть у политической партии, его могут выкрикивать на митингах, а слоганы используются в рекламе.); блейзер – пиджак (Блейзер – не пиджак, а скорее блузка с длинными рукавами, но широкого распространения не получило.); дисплей – экран (У телевизора – только экран, у телефона – дислей, у компьютера монитор.); сервис – обслуживание* (*Слово сервис также прижилось, оно чаще применяется в отношении больших современных магазинов, турфирм, ресторанов, автомобильных мастерских. – В случае, если мы говорим о характеристике отеля, я бы сказал «сервис», но если мы обсуждаем обслуживание в ресторане в данный конкретный момент и в данное конкретное время – обслуживание.); волонтер – доброволец (Доброволец – это о тех, кто по доброй воле идет воевать. А волонтер – это помощник во всяких общественных проектах, где нужно бесплатно поработать.); плейер – проигрыватель (Плейер – то, что носишь при себе, проигрыватель – магнитофон, что остается в квартире.); киллер – убийца (Киллер – именно наемный убийца, убийца – любой человек, совершивший убийство. – Оба слова обозначают отвратительное явление, но киллер звучит загадочнее и приукрашивает, что еще отвратительнее.) У* слов *спонсор – меценат* тоже есть тонкая граница *(Спонсор получает выгоду и рекламирует себя, осуществляя помощь, меценат бескорыстно помогает искусству.)*, в современном языке слово *спонсор* стало употребляться еще для человека, который содержит девушку. *(Женщина использует мужчину в финансовом плане, встречается только из-за денег и подарков, при этом она его не любит и среди подруг называет «спонсор».)* Также у слов *бутерброд – сэндвич* есть, кроме семантической, и стилистическая разница: *(Если разговаривают молодые люди и девушки, они вряд ли пригласят друг друга в кафе «на бутерброд», а вот «съесть по сэндвичу», наверное, с удовольствием пойдут; дома же, на кухне, русская мама скорее будет готовить детям бутерброды, а не сэндвичи.).*

Слова *анимационный и мультипликационный* все, в принципе, считают синонимами, полагая, что *«анимационный, более точное, широкое и современное название»* в последнее время вытесняет *«привычное и родное мультипликационный»*.

В то время как у вышеприведенных примеров разногласия в характеристике появлялись довольно редко, у слов *уик-энд – выходные, бизнесмен – предприниматель, секьюрити – охрана, бойфренд – молодой человек* респонденты очень часто расходились в определениях и восприятиях. Характеристики в основном не зависят от возраста. У всех возрастных категорий встречаются отрицательные определения у слов, которые респонденты считают ненужными, которые используются говорящими только для того, чтобы показать свои знания (смотри жирным шрифтом выделенные характеристики), например, модное слово «понтовый».[1] Следуют некоторые примеры:

Уик-энд – выходные: *«Уик-энд – дурацкое слово. – Уик-энд можно встретить в молодежном журнале для девушек. – Уик-энд* ***для снобов****, выходные для советских людей.»*

Бизнесмен – предприниматель: *«Пожалуй, синонимы. – Предприниматель слишком длинное. – Предприниматель более официальное, бюрократическое слово, бизнесмен раньше было больше в ходу из-за новизны и привлекательности иностранного заимствования. – Предприниматель – немного устаревшее. – Для меня употребление слова бизнесмен ассоциируется с началом 90-ых, эпохой «новых русских», для меня это как жаргон. – Предприниматель – это чаще о тех, кто занимается «мелким» бизнесом, бизнесмен – о владельцах компаний, «крупного» бизнеса. – Мне нравится больше предприниматель, потому что я понимаю корень слова, который очень чутко отражает суть деятельности – что-то придумать, сообразить, предпринять. – Бизнесмен – нейтрально о иностранцах, предприниматель – о русских.»*

Бойфренд – молодой человек: *«У меня лично негативное отношение к первому слову. – Бойфренд не скажут о серьезных отношениях. – Бойфренд часто употребляется в насмешку. – Русское словосочетание всем понятно и не двусмысленно, ненужное заимствование. – Молодой человек – о любом юноше, бойфренд – возлюбленный. Молодой человек – широкое значение и только в одном значении корреспондирует со словом бойфренд, бойфренд – по нашему «ейный хахаль». – Молодой человек – молодой человек, другое понятие бойфренд – звучит претенциозно, иностранно. – Бойфренд – не просто молодой человек, а евфемизм по отношению к слову любовник, приходится его применять, хотя лично мне это неприятно.»*

Секьюрити – охрана: *«Без разницы, практически повсеместно в России в охране работают грубые, невежливые и наглые люди. – Нейтрально отношусь к первому и второму слову. – Секьюрити – по отношению к знаменитым людям или публичным заведениям – клуб, кафе. – Секьюрити – это охрана личная, телохранители скорее,* ***противное «умное», иностранное слово****. – Секьюрити – нормально о другой стране. – Типичный пример необоснованной, бессмысленной замены русского слова иностранным с целью* ***произвести впечатление «образованного, продвинутого»****. – Первое слово противное,* ***понтовое****.»*

Во второй части анкеты приводились слова из жаргона, образованные на основе заимствований: *лаб* (лаборатория), *док* (доктор), *мульт* (мультипликационный фильм), *сисадмин* (системный администратор), *мерс* (мерседес), *комп* (компьютер), *пиарщик* (работник PR-агенства), *компьютерщик* (кто разбирается в компьютерах), *киношка* (кинотеатр, фильм), *компашка* (компания), *сидюк* (компактный диск – CD), *писюк* (персональный компьютер – PC), *мыло* (электронная почта – от слова e-mail или бесконечные сериалы – от английского *soap opera*), *винды* (Windows), *аська* (ICQ), *синхронка* (некачественный синхронный перевод фильма), *капиталка* (капитальный ремонт, как правило машины), *валютка* (магазин, торгующий только за иностранную валюту). Данные слова взяты из речи русскоговорящих и СМИ.[2]

Очень немногие респонденты знали слова *синхронка, капиталка, валютка,* не все знали выражения *док, комп* и *лаб* (иногда приводили слово *лаба* в значении «лаборатория» или «курсовая работа»). Слова *мерс, киношка, компашка, сидюк, писюк, мыло, винды, сисадмин* достаточно известны, однако их обычно воспринимают несколько неодобрительно как молодежный и компьютерный жаргон. Нейтрально или положительно большая часть респондентов относится к словам *пиарщик, компьютерщик, аська*.

Интересно, что даже здесь нельзя провести границу между поколениями. Многие молодые респонденты высказываются против жаргонных слов, заявляя, что они, хоть и понимают, эти слова не употребляют. С другой стороны, респонденты за 40 и за 50 часто отвечали, что они пользуются многими из этих слов, и знали их они часто не хуже молодежи.

В частях анкеты, в которых опрашиваемые отвечали на вопросы о состоянии современного языка, тоже не наблюдались большие расхождения. Как сказано выше, респонденты непротив новых заимствований, наоборот, считают, что с изменениями в обществе и новыми явлениями должны появляться и новые слова, в том числе заимствованные. Респонденты выступают против ненужных заимствований, которые используются вместо вполне соответствующих исконно русских слов. В данном процессе респонденты зачастую винят низкое качество современной журналистики. Как ни странно, против заимствований часто более резко высказывается молодежь, может быть из-за того, что в школах и институтах их часто заставляют задумываться над данными проблемами, тем более что часть опрашиваемых студентов является студентами факультета журналистики. В заключение можно привести еще одну цитату респондента возрастом 65 лет: *«Ассимиляция иноязычных (главным образом английских) слов в русской речи, несмотря на некоторые излишества, представляется в целом позитивным явлением. Она резко расширяет словарный запас и тем самым создает возможность более полного и свободного общения, более точного обозначения тонких деталей и нюансов. Это особенно относится к сфере новых технологий, входящих в повседневный быт. Все это, увы, изобретено и внедрено в практику не у нас, а за границей – вот и приходится пользоваться иностранными словами, которые, впрочем, очень быстро становятся вполне русскими (склоняются, спрягаются и т.п.). Полезно помнить, что в свое время точно так же стали русскими тысячи слов, без которых сегодня совершенно невозможно было бы обойтись.»*

Примечания:

[1] Демонстрирующий свое превосходство (как правило, мнимое). *Понтовые ребята*. В. М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Большой словарь русского жаргона*. «Норинт», СПб. 2001

[2] **Большой словарь русской разговорной речи** («Норинт», СПб. 2004) приводит слова *мерс, пиарщик, компашка, киношка, мыло, валютка, капиталка,* **Большой словарь русского жаргона** («Норинт», Спб. 2001) приводит слова *лаб, док, мерс, комп, сидюк, писюк, мыло, винды.*

Использованная литература:

Валгина, Н.С.: *Активные процессы в современном русском языке*. М. 2003.
Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г.: *Большой словарь русского жаргона*. СПб. 2001.
Химик, В.В.: *Большой словарь русской разговорной речи*. СПб. 2004.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Татьяна Тарасенко
Россия, Красноярск

АНЕКДОТ В ИНТЕРНЕТЕ И ИНТЕРНЕТ В АНЕКДОТЕ

Abstract:
This article deals with anecdotes in the Internet and anecdotes about the Internet. Different types of anecdotes are analyzed.

Key words:
Anecdotes, Internet.

Сегодня анекдот – это уникальное явление, с одной стороны, это жанр устной речи, поддерживаемый традиционной культурой современного городского фольклора, с другой стороны, это явление национальной русской культуры, у которого имеются собственные типологические черты [Тарасенко 2006].

В современных условиях условия функционирования анекдота изменились, еще примерно двадцать лет назад это была только первичная устная форма наряду с тостами, шутками, байками и т.п. Сейчас анекдот существует и в другой – вторичной и условной форме – письменной, это и записи, сборники анекдотов, специальные сайты русского Интернета. На сайтах есть специальные рубрики, в которых отражена степень новизны анекдота, время его появления на сайте или оценочность содержания, «новый», «последний» или «лучший». Стоит отметить, что именно письменная форма анекдота, его фиксация заставила говорить исследователей о близкой смерти этого жанра. Отчасти это правда, письменная фиксация анекдота «убивает» творчество рассказчика, так как одна из причин передачи из уст в уста и запоминания анекдота связана с рассказчиком – исполнителем. Исследователи Шмелевы подчеркивают, что анекдот нужно не читать, а именно рассказывать [Шмелевы 1999]. Но не стоит забывать, что и в устной форме анекдот недолговечен, устаревают и уходят в пассив целые серии некогда популярных анекдотов (например, о голодных студентах, дистрофиках или Кашпировском).

Главная особенность современного анекдота – его продуктивность [Иссерс, Кузьмина 2000], что проявляется, прежде всего, в его регулярности и систематичности, а также в том, что он откликается на все более или менее значимые события в стране и за ее пределами [Химик 2002]. Так, в 2006 году в русской культуре по-

явилась серия анекдотов про блондинок, которая до этого не была представлена вообще, хотя в английском и немецком языке эта серия анекдотов существовала: *Разговор двух блондинок: – Представляешь, говорят, что этот Новый год выпадает на пятницу. – Да-а! Только бы не на тринадцатое.* Появление на экране кино и телевидения блондинок-звезд масс-медиа, их соответствующее поведение вызвало к жизни и анекдоты о них, в которых отражаются не только умственные способности, но и копируются манеры речи.

Появление анекдотов про Интернет является продолжением серии анекдотов 1990-х годов сперва о компьютерах, потом о программистах, сейчас к ним добавилась и тема «Интернет». Анализ около 500 анекдотов показал, что это объединение весьма условно и вот почему. Интернет в анекдотах – это лишь фон, на котором разворачивается основная тема, например, мы выявили такие: 1) о программистах и других пользователях; 2) семья: муж, жена и дети; 3) политики; 4) мужчина и женщина, тема знакомства; 5) Майкрософт и Билл Гейтс; 6) советы, объявления; хохлы; 7) евреи и другие национальности; 8) религия; 9) новый русский; 10) Штирлиц и др.

Остановимся подробнее на некоторых из них.

Анекдоты о программистах стали появляться с 1989 года, в них постепенно сформировался и нашел отражение стереотип представлений о «настоящем программисте» – мужчина (см. пример 1), настоящий профессионал (2), небрежность внешнего вида (3), владеет «компьютерным английским» (4), осознает специфичность своей субкультуры (5) [Шумов 2003]. Например:

1. *Вопрос: В чем разница между морской свинкой и женщиной – программистом?*
   Ответ: *Ни в чем, в морской свинке тоже нет ничего от моря, ни от свиньи.*

2. *Сапожники напиваются в стельку, плотники – в доску, врачи – до потери пульса, ... программисты – до потери памяти.*

3. *В зоопарке ребенок тычет пальцем в клетку с обезьянами и кричит маме:*
   – «Мама, мама, смотри – программисты!»
   – «Почему ты так решил?» – удивляется мама.
   – «Они, как папа, – немытые, лохматые и мозоль на попе!»

4. *Работаю, значит, я монтажником, провожу людям Интернет по выделенке. Ползу значит по чердаку, весь в птичьем д...ме. И тут вдруг мне навстречу выползает бомж – грязный, вонючий! И говорит мне:*
   – Че делаешь?
   Я ему: – Да вот коннекта нет.
   – А линию тестил?
   – Тестил...
   – А линк на хабе горит?
   – Горит...
   – А сетевуха Трикомовская?
   – ...
   И тут я понял, что ждет меня в будущем...

5. *Едет как-то в автомобиле странная компания: авторитет, бизнесмен и программист. Едут-едут… Вдруг авто остановилось – ни туды, ни сюды. А в машинах никто не разбирается. Сидят, думают, что же делать? Первым говорит авторитет, доставая сотовый телефон:*
   – *Сейчас звякну своим ребятам – через пять минут новую тачку подгонят! Какую заказываем?*

   Следом говорит бизнесмен:
   – *Предлагаю такой вариант. Сейчас мы продаем эту машину, регистрируем на вырученные деньги АО очень закрытого типа, распространяем акции АО среди местного населения, инвестируем капитал в новый автомобиль и уматываем!*
   – *А может выйдем из машины и снова зайдем? Глядишь – она и поедет, – робко молвил программист…*

Позже появляются анекдоты, где кроме программистов есть и другие пользователи – геймеры, интернетчики, юзеры, хакеры и ламеры (неопытные пользователи), например:

Решили встретиться хакер, ламер и юзер. Хакер и ламер пришли вовремя, а юзера все нет. Тут приходит юзер и говорит: – Извините, что задержался. Я тут книгу интересную купил о TCP/IP.

Ламер говорит: – А что такое TCP/IP?

Хакер говорит: – А что такое книга?

И последним персонажем из профессиональной среды в анекдот приходит системный администратор – сисадмин:

Встречаются два сисадмина, и один спрашивает другого:
– *Ты чего такой грустный?*
– *Да вот вчера сервер «упал».*
– *Ну да ты что, его до сих пор не «поднял»?*
– *Поднял, но он со стола упал…*

Интернет в семейных анекдотах появляется в двух темах: 1) это отношения между мужем и женой и 2) отношения между родителями и детьми, например:

1. *Программист сидит за компьютером, поглощенный работой. Тут ему жена и говорит:*
   – *Что-то я своего лифчика не нахожу, ты не знаешь, где он?*

   Муж, не отрываясь от экрана монитора, произносит:
   – *Не знаю, поищи на Яндексе.*

2. *Маленький сын приходит к отцу: – Папа, а как пишется слово «адрес»: с одной «с» или с двумя? – Напиши «URL» и иди ложись спать…*

Анекдот откликается и на новые формы общения политиков, например, в режиме он-лайн:

Общение с Президентом России он-лайн:
– *Только через Интернет пришел хороший вопрос: «А не западло тебе, Вова, отвечать на анонимные вопросы по Интернету?» Отвечаю задав-*

шему этот вопрос обладателю IP (такой-то), хост (такой-то), провайдер (такой-то) Иванову Сергею Васильевичу, проживающему на Ивановской, дом 13/2. Не западло!

В этом анекдоте достаточно точно спародирована речь В.В. Путина и намекается на прошлое разведчика президента. Есть анекдоты с этой же тематикой, где герой – президент США Дж. Буш.

Отражаются в анекдоте и новые формы знакомства на сайтах, столь популярные в Интернете:

Один мужчина познакомился с женщиной через Интернет. Договорились о встрече. Приходит на встречу женщина необъятных размеров. Мужчина ей говорит:

– *А на фотографии вы были более миниатюрной. Значит, это что – обман?*
– *Никакой не обман, – отвечает женщина, – это у меня модем при передаче сжимает информацию.*

Здесь обсуждается ситуация, достаточно распространенная при подобных знакомствах, когда стороны предоставляют при таких заочных знакомствах неправдоподобную информацию.

Если специально остановиться на языке пользователей, который отражен в анекдотах об Интернете и интернетчиках, то это язык субкультуры программистов и пользователей компьютерных сетей, основу которого составляют жаргонизмы и профессионализмы, которые не доступны непосвященным. Этот факт подтверждают и тексты специальных журналов, например: «Страна игр», «Навигатор игрового мира» и т.п.

Подводя итоги, можно сказать, что анекдот в Интернете функционирует во вторичной условной форме – письменной; анекдоты про Интернет могут служить лишь фоном для другой – основной темы, которая типична для городского фольклора россиянина, это подтверждают и типичные зачины, которые начинают анекдот типа: *Едут…*; *Сын спрашивает у отца* и т.д.

Использованная литература

Иссерс, О.С., Кузьмина, Н.А.: *Анекдот и когнитивные операции рефреймирования: лингводидактический аспект*. In: Miscellania: Памяти А.Б Мордвинова. Омск, 2000.

Тарасенко, Т.В.: *Анекдот с позиции лингвокультурологии*. In: Вестник Красноярского государственного университета. 2006. №3/2. С. 229-234.

Химик, В.В.: *Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры*. In: Анекдот как феномен культуры. СПб., 2002. с.17 - 31.

Шмелева, Е.Я., Шмелев, А.Д.: *Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности*. In: Жанры речи. Вып.2. Саратов, 1999. с. 133 –145.

Шумов, К.Э.: *Профессиональный миф программистов*. In: Современный городской фольклор. М., 2003. с. 128-164.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Гелена Флидрова
Чехия, Оломоуц

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИНФИНИТИВНЫМ ПРЕДИКАТОМ В РУССКОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ И ИХ ЧЕШСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

Abstract:
Both in Russian and Czech, infinitive may function within a sentence as a principal element of the sentence as well as dependant sentence element. However, its actual use is of a different nature in both languages – its frequency of use is higher in Russian. The author demonstrates the situation based on Russian subordinate clauses comprising infinitival predicate which corresponds to a finite verbal form in Czech. From among the specific formal kinds of subordinate clauses, particular attention is given to conditional clauses and purpose clauses in Russian scientific texts.

Key words:
Infinitive – subordinate clauses with infinitival predicate – finite verbal form – scientific style in Russian – conditional clauses – purpose clauses.

Инфинитив считается исходной формой глагола, наиболее обобщенной, с минимальной грамматической нагрузкой. В русском и чешском языках он в предложении выступает в роли главных и второстепенных членов, однако его употребление в обоих языках отличается; в русском языке он встречается более часто. Например, русские инфинитивные предложения, выражающие неизбежность действия, в чешском языке не встречаются и переводятся при помощи личных глагольных форм (напр., *Быть грозе. Určitě bude bouřka. Мне не решить этих вопросов. Tyto otázky rozhodně nevyřeším*).

В русском языке, кроме того, инфинитивом выражается и предикат некоторых придаточных предложений (с определенными союзами и при определенных условиях). Это существенное отличие между русским и чешским языками будет предметом нашего интереса.

Посмотрим сначала, в каких типах придаточных предложений и при каких условиях инфинитивный предикат может встречаться. Затем мы будем исследовать появление соответствующих конструкций в научной речи.

Предикат придаточной части имеет форму инфинитива после определенных союзов, если в главной и придаточной части субъекты действий совпадают или если действие придаточной части (а часто и главной) относится к обобщенному субъекту. В чешском языке здесь используются личные глагольные формы. Это касается следующих придаточных предложений (частей):

1. **Придаточные времени с союзами *прежде чем* и *перед тем как*.**
   Напр.: *Прежде чем уйти, я убрала квартиру. Než jsem odešla, uklidila jsem byt.*
   Прежде чем возражать, надо выслушать все до конца. Než člověk něco namítne, musí vyslechnout všechno až do konce.

Обязательным является инфинитивный предикат, если главная часть побудительная.

Напр.: *Обязательно покушай, перед тем как принять порошок. Musíš se najíst, než si vezmeš prášek.*

2. **Придаточные условия с союзами *если*, *если бы*.**
   Напр.: *Если спать не более шести часов в сутки, можно быстро переутомиться. Jestliže člověk spí denně méně než šest hodin, může se rychle vyčerpat.*
   Если бы постараться, можно было бы закончить дипломную работу к апрелю. Kdybych se snažil/a, mohl/a bych ukončit práci do dubna.

В разговорном языке и в пословицах широко распространены бессоюзные сложноподчиненные предложения с условной инфинитивной придаточной частью.

Напр.: *Волков бояться – в лес не ходить. Kdo se bojí, nesmí do lesa.*
Не сказать ему об этом – он обидится. Když mu neřekneme, tak se urazí. // Neříct mu, tak se urazí.

В чешском разговорном языке в бессоюзных придаточных условных частях предикат также может иметь форму инфинитива. В русском языке ему соответствуют конструкции с придаточными условными с союзом *если* или с транспозицией императива.

Напр.: *Nebýt tebe, tak jsem se opozdil. Если бы не ты, я бы опоздал.*
Já mít takové štěstí, žil bych jinak. Если бы мне повезло, я жил бы по-другому.
Mít peníze, koupil bych si byt. Будь у меня деньги, я бы купил квартиру.
Uhodit teď mráz, přijde celá úroda nazmar. Ударь теперь мороз, то весь урожай пропадет.

3. **Придаточные цели с союзами *чтобы*, *для того чтобы*, *лишь бы*, *только бы*, и некоторыми другими.**
   Напр.: *Она отвернулась, чтобы скрыть волнение. Odvrátila se, aby skryla vzrušení.*
   Чтобы прочно усвоить знания, надо заниматься систематически. Aby si člověk dobře osvojil znalosti, je třeba studovat systematicky.
   Он готов поехать куда угодно, лишь бы/только бы с ней встретиться. Je ochoten jet kamkoliv, jen aby se s ní setkal.
   Для того чтобы успеть написать работу в срок, она работала даже по воскресеньям. Aby stihla napsat práci v termínu, pracovala dokonce o nedělích.

Особняком здесь стоят придаточные части с союзом *вместо того чтобы*.

Напр.: *Вместо того чтобы готовиться к экзамену, он спокойно гуляет по городу. Místo aby se připravoval ke zkoušce, klidně se prochází po městě.*

По мнению некоторых лингвистов [Кубик 1982], они выражают так наз. отстраненную цель. Однако мы разделяем взгляд С. Жажи [1999], что речь идет о гипотактически выраженной сочинительной связи, т.е. в данном случае о гипотактическом варианте сложносочиненного предложения противительного (*Он не готовится к экзамену, а гуляет по городу.*)

4. Придаточные следствия с союзом *чтобы*.

Напр.: *Она не так трудолюбива, чтобы в совершенстве овладеть языком. Není tak pracovitá, aby dokonale ovládala jazyk.*

В главной части могут быть слова *слишком*, *достаточно*, *довольно*, которые указывают на чрезмерную интенсивность действия или признака, препятствующую реализации следствия.

Напр.: *Володя слишком умен, чтобы его обмануть. Vláďa je příliš chytrý, než aby ho mohl někdo oklamat.*

Иногда подчеркивается достаточная мера или желаемое качество.

Напр.: *Он был достаточно образован, чтобы сразу понять требования критики. Byl natolik vzdělaný, že okamžitě pochopil požadavky kritiky.*

5. Придаточные сравнительно-сопоставительные.

Это предложения со словом ***лучше*** в главной части и союзом *чем* в придаточной, имеющие связанный, фразеологический характер [Формановская 1989].

Напр.: *Лучше бы ты остался дома, чем ездить в горы. Raději bys měl zůstat doma než jet na hory.*

Чем долго объяснять, ты бы лучше показал. Místo dlouhého vysvětlování bys to měl raději ukázat.

Здесь так же, как и у придаточных цели с союзом *вместо того чтобы*, можно говорить о гипотактически выраженном сочинительном противительном отношении (*Не объясняй долго, а лучше покажи*).

Из приведенных типов придаточных предложений с инфинитивным предикатом в текстах научной литературы высокой частотой употребления обладают сложные предложения с придаточными времени, условия и цели. Мы обратим внимание прежде всего на придаточные условия и цели (придаточными времени занимается, напр., I. Łuczków [Łuczków 2005]).

Типичными примерами придаточных условия служат прежде всего формулировки законов в физике, химии, математике и других науках, содержащие определенные условия и вытекающие из них соответствующие следствия. В текстах они встречаются с инфинитивным предикатом (но, конечно, и с предикатом в личной глагольной форме).

Напр.: *Если нагревать нафталин, его температура повышается.*

В чешском языке предикат в личной форме глагола.

Jestliže naftalín zahříváme / se zahřívá, jeho teplota se zvyšuje.

В некоторых случаях в тексте наблюдаются рядом придаточные условия с предикатом в личной глагольной форме и в форме инфинитива.

Напр.: *Если мы* ***прекратим*** *добавлять соль, картофелина будет плавать внутри жидкости. Если же еще* ***добавлять*** *соль, то через некоторое время картофелина всплывет и будет плавать на поверхности жидкости.*

Придаточные условные не обязательно стоят в препозиции, могут быть и в середине главного предложения, или в постпозиции.

Напр.: *Это соотношение слова-лексемы и слова-синтаксемы, если условно трактовать его как процесс, можно рассмотреть и в обратной последовательности.*

Будет ли плавиться олово, если его бросить в расплавленный свинец?

В нашем материале нередко появлялись условные придаточные в сочетании с вопросительной главной частью. Это свидетельствует о том, что вытекающие из определенных условий возможные следствия пока не проверены или неизвестны.

Напр.: *Если взять ряд аналогичных словоформ, располагающих одними и теми же синтаксическими значениями, дает ли это основание утверждать, что их синтаксические возможности одинаковы?*

В некоторых случаях главная часть не является следствием условия, выраженного в придаточной части, а содержит только десемантизированные выражения типа *увидим, что ... следует заметить, что ... оказывается, что ...* По О. Д. Митрофановой [1973], здесь речь идет о трехкомпонентных предложениях, построенных по типу: *если А, то В, что...*

Напр.: *Если сравнить синтаксические возможности имени прилагательного и деадъективного имени как соотносительных средств называния качества, следует заметить, что в семантически более емких полипредикативных конструкциях способны участвовать деадъективы.*

Придаточные цели с союзом *чтобы* и инфинитивным прекикатом бывают в постпозиции или в препозиции.

Напр.: *Чтобы быть в состоянии ответить на этот вопрос, мы должны вновь обратиться к нашим соображениям.*

Но где должна пролечь граница между конкретным и абстрактным, чтобы сохранить существенные черты конкретного в его схеме?

Предикат главной части нередко содержит модальный модификатор со значением необходимости в сочетании с инфинитивом.

Напр.: *Чтобы сократить дробь,* ***нужно*** *разделить числитель и знаменатель дроби на одно и то же число.*

Чтобы ответить на этот вопрос, ***следует*** *обратиться к новой проблеме.*

При акцентировании целевого значения составные союзы расчленяются и местоименный элемент употребляется в главной части.

Напр.: *Эти средства существуют для того, чтобы каким-то окольным путем передать собеседнику содержание мысли.*

В научных текстах часто встречаются и изъяснительные придаточные части подлежащные и дополнительные с инфинитивным предикатом и союзом *чтобы*.

Напр.: *Важно, чтобы не упускать из виду расстояние между «экраном» как несовершенным конструктом лингвистической мысли и самим объектом изучения.*

Дело не только в том, чтобы признать и описать семантику синтаксических конструкций, но и в том, чтобы оценить последствия этого признания.

Творческие усилия направлены не на то, чтобы привести материал в соответсвие незыблемой сети установившихся понятий, а на то, чтобы искать новую систему понятий.

На материале сложных предложений с придаточными частями с инфинитивным предикатом в научной речи мы попытались показать одно из существенных отличий между русским и чешским языками в употреблении инфинитива. Небезынтересно было бы, по нашему мнению, исследовать синтаксические функции инфинитива и в рамках простого предложения, где также проявляется более широкая область функционирования инфинитива в русском языке по сравнению с чешским.

Использованная литература:

Flídrová, H., Žaža, S.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc 2005.

Формановская, Н.И.: *Сложное предложение в современном русском языке*. Москва 1989.

Kubík, M. a kol.: *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. Praha 1982.

Łuczków, I.: *Все двигатели проходят испытания, перед тем как быть установленными в автомобиль. O pewnym typie rosyjskich konstrukcji wyrażających następczość zdarzeń*. Acta Universitatis Wratislaviensis No 2747, Slavica Wratislaviensia CXXXIII, Wrocław 2005, s. 189 – 196.

Митрофанова, О. Д.: *Язык научно-технической литературы*. МУ 1973.

Žaža, S.: *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. MU, Brno 1999.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Анджей Харциарек
Польша, Ополе

РУССКИЕ И ЧЕШСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ВВОДНО-МОДАЛЬНОГО СЛОВА *NIEPRAWDAŻ*

Abstract:
The paper is an attempt to describe functioning of question tags in linguistic communication which are to encourage an interlocutor to participate in communication. Polish metatextual informal expression *nieprawdaż* has been adopted as a starting point in the confrontation with Czech and Russian. This expression is regarded as as a model element of question tags in everyday spoken Polish.
The focus has been put on the issue of semantic and functional equivalence in particular Polish, Czech and Russian metatextual expressions used in the structure of question tags. It has been stressed that the question tags have not only a phatic function but also a persuasive function.

Key words:
Pragmatics, semantics, metatextual operators, verbal communication, tag-questions, metatextual function, phatic function, Polish, Russian, Czech.

Б. Бонецка, рассматривая структуру и функции вопросов в польском языке, называет среди них вопросы-стимулы (pytania zagrzewające, pytania-bodźce), функция которых заключается в побуждении адресата высказаться по отношению к действию [Boniecka 2000: 134-164]. Такая постановка вопроса существенна в плане анализа процесса речевого общения, поскольку указывает на метатекстовую (метакоммуникативную) функцию, т.е. ожидание реакции собеседника. Примечательно, что в качестве типичного вопроса-побуждения такого типа польская исследовательница приводит именно выражение *nieprawdaż?*. Справедливости ради следует сказать, что вопросами-стимулами могут быть и другие лексические единицы, к примеру, *prawda?*, *co o tym myślisz?*.

Несмотря на то, что работа „Leksykon metatekstowy współczesnej polszczyzny mówinej“ Казимежа Ожуга только отчасти посвящена в строгом смысле слова проблеме вопросов-стимулов, автор все же анализирует фатические выражения со стороны говорящего, и вместе с тем выделяет так наз. фатические провокации, побуждающие адресата к говорению, напр.: *nie?*, *tak?*, *co nie?*, *no nie?*, *prawda?*, *nieprawda?*, *nieprawdaż?*. По существу, они толкуются автором как директивные акты

(фатические сигналы), которые могут завершать высказывание с целью получить одобрение (согласие) слушающего относительно сказанного [Ożóg 1990: 30-34].

В чешской литературе предмета конструкции такого рода определяются как присоединительные вопросы (*otázky presumptivní*), в которых говорящий „předjímá, tj. víceméně předpokládá, platnost toho, co se v nich jako kladný nebo záporný (o) vyjadřuje. Je v nich vyloučena alternace kladu a záporu“ [Grepl, Karlík 1998: 462]. Чешские языковеды отмечают, что это по сути изъявительные предложения, функцию вопроса которых предопределяют вводные частицы *ne, ano, co, že* и т.п. [Grepl, Karlík 1998: 462].

Метатекстовый характер лексем (автор употребляет название *výraz*) *že ano, jo* и *ne* замечает также Olga Müllerová, по мнению которой они относятся к типичным фатическим сигналам [Müllerová 1994: 64-66].

В русских трудах по языкознанию, а прежде всего по прагматике, констатируется, что присоединительные вопросы (часто они включаются в группу общевопросительных предложений) широко распространены в разговорной речи. Они употребляются в основном при равных отношениях между коммуникантами и при любой социально-психологической дистанции.

«В непринужденной, разговорной речи могут употребляться вопросительные частицы, привлекающие внимание собеседника к вопросу или побуждающие его к ответу: *что, что же, как, что ли, или, а, правда, не правда ли, так, так ведь, не так ли*», – отмечают авторы «Краткой русской грамматики» [KGR 1989: 463].

Практика польского, русского и чешского речевого общения показывает, что присоединительные вопросы – достаточно распространенная форма выражения вопросительного речевого акта, структурно состоящая из двух частей. В первой части содержится мнение говорящего о некотором положении дел, во второй – апелляция к слушающему, призывающая его выразить свое отношение к высказанному в первой части суждению, представлению, оценке.

Заметим, что собственно вопросительную функцию такие высказывания выполняют лишь при восходящем тоне на присоединительной части. При нисходящем тоне они служат вежливой формой выражения речевого акта сообщения.

При исследовании вводно-модальных слов наиболее существенным кажется вопрос их семантико-прагматического описания. В плане семантики эта задача проста.

Анализируемые нами вводно-модальные слова сами по себе не имеют значения. В прагматическом же плане они выполняют функции текстовых (речевых) ориентиров, сигнализируют то, что говорящий ожидает от собеседника определенной речевой реакции. Иными словами, прагматической характеристикой присоединительных вопросов является их ориентированность на подтверждающую реакцию со стороны слушающего, что сближает их с отрицательно-вопросительными предложениями. Однако в отличие от отрицательно-вопросительных предложений высказывания данного типа выражают скорее просьбу, мольбу, а не требование согласиться.

Бонецка воспринимает *nieprawdaż?* как образцовый пример вопроса-стимула (вопроса-побуждения) и отмечает, что „dla pytań typu *nieprawdaż* nie da się przewidzieć jednego typu repliki. Równie często jak znak przeczenia w odpowiedzi może pojawić się wypowiedzenie powielające sekwencję pytajną, sam składnik rematyczny, jakiś nieartykułowany dźwięk, a także milczenie. Reakcją na pytania dopingujące wskazanego

rodzaju mogą być wreszcie oznaki emocji, np. pisk, śmiech, sapnięcie“ [Boniecka 2000: 137]. Спорным кажется вывод исследовательницы о том, что *nieprawdaż* довольно часто употребляется в современном польском языке. Тем более, что на данном этапе развития польского языка эта лексема ассоциируется с книжным стилем[1].

Исследуя *nieprawdaż?*, трудно обойти молчанием и не сказать о вводно-модальном слове *prawda*, которое стоит с ним в одном синонимическом ряду. *Prawda?* в конце высказывания также функционирует как элемент, побуждающий коммуниканта к реакции, определению своего отношения к сказанному говорящим. Приведем примеры:

– *Ona już tam dawno pracuje, nieprawdaż?* (запись устной речи),
– *Pięknie tam, prawda?* (фильм).

Однако, в отличие от *nieprawdaż?*, вводно-модальное слово *prawda* может быть употреблено также в начале высказывания. Кроме того, слово *prawda* может быть само по себе ответом или элементом, который повторяется собеседником в начале реплики.

Примечательно, что высказывания, завершающиеся вводно-модальным *nieprawdaż?*, относительно редко содержат отрицание *nie*. Как можно предположить, это связано с явлением двойного отрицания, которое в плане коммуникации отличается некоторой неясностью и неточностью в связи с его неоднозначным восприятием.

В русском языке эквивалентов *nieprawdaż?* (кстати, и *prawda?*) следует усматривать в вводно-модальных выражениях *не правда ли?*, *правда ли?*, *правда?*, *не так ли?*, напр.:

– *Ведь он очень красив, твой парень, девушка, не правда ли?* (запись устной речи),
– *Но это же не совсем правда, не так ли?* (запись устной речи),
– *Сережа, уж теперь телеграмма наша, наверное, пришла, правда?* (Распутин),
– *Прекрасная погода, не правда ли?* (запись устной речи).

Практика речевого общения показывает интересную закономерность – *не правда ли?* обычно стоит в конце высказывания, зато *правда ли?* в его начале. Значит, два русских вводно-модальных выражения могут занимать в высказывании разные позиции – находиться как в начале, так и в его конце. Такими синтаксическими особенностями относительно начальной и конечной позиций в высказывании польское *nieprawdaż?* не обладает. Этот факт ярко показывает частичное совпадение в функционировании в речевом общении выражений, которые, как правило, мы признаем синонимическими.

В чешском языке эквивалентом польского *nieprawdaż? (prawda?)*, как указывают лексикографические источники, напр. двуязычные словари – «Большой польско-чешский словарь» и «Большой чешско-польский словарь», может быть выражение *není-liž pravda?*, напр.:

– *To je ale pěkný módní doplněk, není-liž pravda?* (запись устной речи),
– *Takové věci se stávají, není-liž pravda?* (запись устной речи).

Это вводно-модальное выражение употребляется преимущественно в официальной ситуации общения, подобным образом как и его вариант *není-li pravda?*, который имеет еще более книжный характер.

Кажется, что чешским эквивалентом *nieprawdaż* можно считать также маркеры *viď / viďte*. Во-первых, аналогично *nieprawdaż?*, они употребляются исключительно в конце высказывания, во-вторых, не ограничиваются определенной сферой речевого общения, в-третьих, выражают тот же смысл, т.е. «ожидание согласия» / «očekávání souhlasu». Вообще *viď / viďte* – это весьма оригинальное явление на фоне польских и русских вводно-модальных выражений. По своей грамматической природе это междометие, своеобразный директивный речевой акт:

– *Pane Nováku, vy máte vysokou školu, viďte?* (запись устной речи),
– *To asi nemyslíš vážně, viď?* (запись устной речи).

Итак, проведенный анализ выражения *nieprawdaż? и* его русских и чешских эквивалентов показывает, что в каждом из исследуемых языков есть свой, своеобразный инвентарь метатекстовых (фатических) выражений, которые объединены определенным смыслом – поддержания контакта с адресатом, побуждения его к говорению, вызывания его определенной реакции.

Настоящее сопоставление обнаруживает также намеченный нами вопрос полифункциональности вводно-модальных слов в отдельных языках и связанные с этим трудности в плане эквивалентности перевода.

Примечания:

[1] Именно таким образом *nieprawdaż* толкуется в „Другом словаре польского языка" (ISJP II 2000: 1005).

Использованная литература:

Ożóg, K.: *Leksykon metatekstowy współczesnej polszczyzny mówionej. Wybrane zagadnienia*, Kraków 1990.
Boniecka, B.: *Struktura i funkcje pytań w języku polskim*, Lublin 2000.
Grepl, Karlík 1998 – M. Grepl, P. Karlík, *Skladba češtiny*, Praha.
Müllerová, O.: *Mluvený text a jeho syntaktická výstavba*, Praha 1994.
KGR – *Краткая русская грамматика* (Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина, М. 1990.
ISJP II – *Inny słownik języka polskiego*. Tom II. Red. M. Bańko, Warszawa 2000.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Богдана Хегрова
Чехия, Оломоуц

МЕТАФОРА В РОЛИ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В КИНОРЕЦЕНЗИЯХ

Abstract:
The article provides a short classification of metaphor based on G. Lakoff and M. Johnson's theory of metaphor and its application to the language of film reviews in the Russian language. Metaphor is presented here as one of the means of evaluation, both positive and negative, and examples are provided for various initial concepts that function as the source for metaphorical evaluative expressions in film reviews.

Key words:
Metaphor, cognitive linguistics, evaluative expressions, film review.

Метафора является в языке кинорецензий важным средством выражения оценки, так как возможности выражения оценки с помощью прямого значения слов лимитированы и осуществляются посредством лишь определённых частей речи, обладающих семантикой положительной или отрицательной оценки, количество которых ограничено.

В отличие от ограниченности таких слов и выражений метафорические средства, генерирующиеся на основе базисных концептов, обладают большей вариабильностью, и возможности их использования фактически беспредельны. Они придают тексту жизненность и изобретательность, которые необходимы для вызова и поддержки внимания и интереса в течение чтения, что особенно важно для читателей текстов в Интернете, привыкших к интересной форме получаемой информации.

Традиционный подход к изучению метафоры как фигуры поэтической речи, рассматриваемой прежде всего в рамках литературоведения, сменили в течение 80-х годов XX века новые подходы к пониманию метафоры, основанные на исследованиях и опубликованных работах лингвистов-когнитивистов, пытающихся доказать наличие метафоры в языке повседневного общения, причем не только в языке, а также в самой мысли человека. Принципиальным шагом оказалось издание в 1980 г. труда Марка Джонсона и Джорджа Лакоффа «Метафоры, которыми мы живем».

В понимании Джонсона и Лакоффа метафора рассматривается не как фигура поэтической речи, поверхностный риторический механизм украшения речи, а как один из основных когнитивных агентов, основных средств познания мира, которые организуют и структурируют мышление человека и язык, вследствие чего они относят метафору к глубинной семантической структуре. Метафора является инструментом категоризации мира, помогает человеку понять абстрактные понятия в терминах более конкретных, другими словами, посредством переноса между разными так наз. концептуальными областями, причем метафорическое понимание основывается на той части понятийной системы человека, которая неметафорична и которая отражает внешний мир посредством, напр., физического или чувственного опыта.

Джонсон и Лакофф [2002] разработали систему классификации метафоры, в которой характеризуются два типа метафоры: 1) имагинативные, т.е. оригинальные, не штампованные метафоры, которые присущи, прежде всего, художественному тексту, традиционно рассматриваемые в рамках поэтического языка, и 2) конвенциональные, т.е. привычные, штампованные, закрепленные в когнитивной карте человека и употребляемые в обиходной речи таким образом, что они часто даже не замечаемы.

По способу образования метафоры авторы разделяют метафоры на два следующих вида:

1) пространственно-ориентационные, т.е. те, которые структурированы на основе пространственных представлений человека, а именно вверху – внизу, впереди – сзади, центр – периферия, глубокий – мелкий, справа – слева. К ним относятся, напр., метафоры «здоровье и жизнь – вверх / смерть и болезнь – вниз» или «счастье – вверх / грусть – вниз», которые можно заметить в языке в выражениях «упасть в обморок», «поднять настроение», «упасть духом», и

2) онтологические (структурные) метафоры, т.е. те, структура которых определяется на основе объектов или субстанций, когда одно понятие структурируется на основе другого. Сюда относится, напр., метафора «время – это деньги», проявляющаяся в сочетаниях типа «экономить время», «тратить время», или метафора, исходящая из понятия вместилища, используемая, напр., в обиходном словосочетании «пустые слова».

С оценкой непосредственно связана пространственно-ориентационная метафора «хороший – вверх / плохой – вниз», напр., в выражениях «на высоком уровне», «на низком уровне».

Выражение оценки при помощи метафоры осуществляется на основе систем социальных представлений, называемых иногда фреймами или схемами. Исходя из исследований лингвистки Анны Вежбицкой [1996], которая считает понятия «хороший – плохой» одной из языковых универсалий, определяемых традиционно на основе понятий «желательный – нежелательный», в смысле социальном, т.е. несмотря на индивидуальные точки зрения, то данную теорию метафор можно обобщить таким образом, что в смысле общепринятых ценностей хорошее, положительное можно в языке описать выражениями, основанными на таких понятиях, как здоровье, счастье, сила, авторитет, тепло, ориентация вверх, направо, впереди,

в центре, глубокий, и плохое, отрицательное основывается на противоположных вышеприведенным представлениях.

В кинорецензиях можно встретиться с оценкой, выраженной при помощи всех вышеупомянутых видов метафор.

К пространственно-ориентационным метафорам можно отнести, напр., выражения *кино высокого уровня, глубокий психологизм, на пике своего актерского таланта, Комедия очень близкая*, где положительное определяется на понятиях «вверху, глубокое, близкое», или *Сразу провисает сюжет*, где отрицательное выражено с помощью понятий «вниз и мелкое».

К источникам и исходным понятиям структурных метафор, используемых в кинорецензиях для выражения положительной или отрицательной оценки, относятся, напр., следующие:

- сила – слабость (*очень сильные моменты, мощный комедийный потенциал, самое слабое место фильма*);
- температура, тепло (*греет душу*);
- борьба, война (*«Ночной дозор» безусловно одержит победу. Музыкальные вставки проигрывают основному сюжету. В проигравших оказывается не только доверчивый зритель.*)
- ценность, что-то редкое (*один из первых шедевров подобного жанра, главные козыри этой картины*).
- трехразмерное пространство – плоскость (*Характеры выражены рельефными. Сюжет достаточно многогранен. Герои выглядят как будто вырезанными из картона.*)

Вышеприведенное обобщение и связь определенных исходных для метафоры понятий, отсылающих к физическому и культурному опыту человека, с положительной и отрицательной оценкой никак нельзя считать универсальными. В данном контексте кинорецензий надо учитывать факт, что оценка фильма зависит от различных аспектов, можно оценить фильм вцелом или отдельные его части (сценарий, сюжет, музыку, исполнение роли актерами), причем важную роль играет также жанр фильма, который определяет качества фильма, считаемые позитивными, т.е.желательными, и негативными, т.е. нежелательными, только в рамках данного жанра. Таким способом в кинорецензиях можно встретиться, напр., с противоположными значениями структурных метафор, основанных на исходном понятии веса, где позитивная оценка выражена в сочетании *Комедия легкая* и негативная в сочетании *Сюжет легковесный*. В общем смысле, т.е. хорошее – легкое и плохое – тяжелое, данная метафора используется, напр., в выражениях *Слушать было тяжело* или *dvě hodiny těžkotonážní nudy*.

В иследованных текстах кинорецензий часто встречаются метафорические выражения оценки, исходящие из понятий «светлое – темное», напр., *яркие эпизоды, чистая и светлая работа, Комедия яркая, колоритная*. Со светом связана целая концептуальная система, основанная на палитре цветов и порождающая количество метафорических выражений в языке в общем. Однако на материале кинорецензий такие выражения обычно не выполняют оценочную роль, за исключением выражения *nabídli zcyničtělou červenou knihovnu* в чешском языке, где красный цвет несет отрицательные коннотации так наз. низкого литературного жанра (см. плохое – внизу), и *желтое пятно на фильмографии Сандры Буллок* в русском

языке, где желтый цвет отсылает к общеиспользуемому выражению «желтая пресса» с теми же самыми коннотациями, как в предыдущем случае. Кроме того, в чешских кинорецензиях можно встретиться с примерами, где серый цвет несет значение негативной оценки, напр., *Tady zbyla jen šeď. Flashbacky jsou šedivě rozplizlé.*

В текстах кинорецензий можно встретиться с метафорическими выражениями не только на уровне слов и словосочетаний, а также на уровне текста. Их основой является чаще всего сравнение в смысле литературного приема, и их следует отнести к имагинативному виду метафоры. Так, например, фильм приравнивается к вечеринке: *На его фильмы ходят как на вечеринки к старому приятелю. ... «Сенсация» – это еще одна удачная вечеринка.* На сравнении фильма с другим видом художественного произведения основывается, например, целая цепь предложений: *Эти сцены драгоценными камнями ложатся на холст режиссера. ... В какой-то момент мы уже не различаем границ, попадая в чарующее марево подтекста. ... Это авторское полотно Волшебника.* Данные предложения в тексте кинорецензии не всегда находятся рядом, иногда между ними вложены другие предложения, причем метафорические выражения потом выполняют связывающую и обобщающую оценочную роль с точки зрения текста. Они чаще всего находятся в заключительной части кинорецензий в роли окончательной оценки фильма в целом, напр., *Мистер Бин на протяжении всего фильма пытается ориентироваться по компасу. Однако компас у самого Аткинсона определенно перестал показывать верное направление.*

Выражения, основанные на метафоре, т.е. характеристике одного понятия посредством другого, используются не только в художественных текстах, а также в обиходном языке. Мы пытались доказать, что теорию Джонсона и Лакоффа можно применить к текстам кинорецензий, где метафорические выражения могут выполнять оценочную роль, причем не только на уровне слов и словосочетаний, а также на уровне текста.

Использованная литература:

Искусство метафоры. Лакофф. 7 август 2008. <http://metaphor.narod.ru/revew/lacoff.htm>

Лакофф, Дж., Джонсон, М.: *Метафоры, которыми мы живем*. Москва, 1990. 7 август 2008. <http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm>

Lakoff, G., Johnson, M.: *Metafory, kterými žijeme*. Brno: HOST, 2002.

Vaňková, I. et al.: *Co na srdci, to na jazyku*. Praha: Univerzita Karlova, 2005.

Wierzbicka, A:. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford University Press, 1996.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Марина Шацкая
Россия, Волгоград

МЕЖУРОВНЕВЫЕ АТТРАКЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С ПОЗИЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА

Abstract:
The article is devoted to attraction kinds of language units of different levels (phonetic, lexical, syntactic) at creation of comic effect. Observations are made from a position of semantic syntax. Interference and interaction of language units leads to actualization of the certain lexical and syntactic values, that sometimes changes semantic model of the sentence (qualitative changes of actants; verbal or semantic non-representativity of participants of a situation, etc.).

Key words:
Actants, attractions, comic context, model of the sentence, homonyms, paradigmatics, paronyms, semantic syntax, syntagmatics, language play.

Известно, что термин «аттракция» многозначен и служит для обозначения различных языковых феноменов в парадигматике и синтагматике. Так, в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой он подается, как «*То же, что выравнивание по смежности*» [СЛТ: 59]. Выравнивание – «*изменение формы в сторону большего сходства с другими формами парадигмы [...] Выравнивание по смежности (аттракция, тяготение). Морфонологическое уподобление синтаксически связанных и особенно синтагматически смежных словоформ друг другу, т.е. изменение формы элементов высказывания в сторону большего сходства с другими его элементами*» [СЛТ: 93]. Аттракция понимается и как «притяжение» языковых единиц, следствием чего являются такие процессы, как компрессия (радиостанция – рация), конденсация (детский сад – садик) и др. (см. об этом: [Тараненко 1989]).

Как показали наши наблюдения, в комическом контексте имеют место и так называемые межуровневые аттракции. Суть их заключается в том, что, взаимодействуя, уподобление единиц происходит на нескольких уровнях языка, рождая в комплексе с другими языковыми единицами одну текстему. Такой процесс не может не отразиться на глубинном смысле предложения, меняя его актантную характеристику.

Рассмотрим обозначенное явление на материале произведений Сергея Довлатова.

Одним из распространенных способов достижения комического эффекта является отождествление либо частичное совпадение звукового комплекса слов. Это возможно в случае обыгрывания автором дефектов речи, при котором наблюдается явление контекстуальной омонимии, или паронимического сближения лексем.

– *О чем мы будем говорить? ... О Джойсе? О Гитлере? ... А может быть, о Ясперсе или о* ***Кафке****?* (1)
– *О* ***Кафке*** (1)*, сказал я...*

Останавливает меня коллега Барабанов.

– *Вчера, – говорит, – перечитывал* ***Кафку*** (2). *А вы читали* ***Кафку****?* (2)
– *К сожалению, нет, – говорю.* (2)
– *Вы не читали* ***Кафку****?* (3)
– *Признаться, не читал (...)*

Возвращаясь с работы, я повстречал геолога Тищенко. Тищенко был, по обыкновению, с некрасивой девушкой.

– *В Ханты-Мансийске свободно продается* ***Кафка*** (3)*! – издали закричал он.*
– *Чудесно, – сказал я и, не оглядываясь, поспешил дальше (...)*
Через минуту я был дома. В коридор на меня обрушился сосед-дошкольник Рома.
– *А мы с бабулей* ***Кафку*** (3, 4) *читали!*

Я закричал и бросился прочь. Однако Рома крепко держал меня за ногу.

– *Тебе понравилось? – спросил я.*
– *Более или менее, – ответил Рома.*

Тогда дошкольник вынес большую рваную книгу и прочел:

– *УФКИЕ НАРОДНЫЕ* ***КАФКИ*** (5)*!*
– *Ты умный мальчик, сказал я ему, – но чуточку шепелявый. Не подарить ли тебе ружье?* [Довлатов: 1, 43-44].

Трансформация лексического значения ((1) предмет разговора (творчество автора) – (2) культовый писатель – (3) образец показной эрудиции – (4) «ирреальный преследователь» – (5) сказки) сопровождается синтаксической трансформацией. В процессе замещения одной семантической роли на другую принимают участие и единицы фонетического уровня. В результате чего информатив, объектный тип актанта, управляемый глаголом речи, (1, 2) преобразуется вначале в эмотив, субъектный тип актанта, источник эмоционального состояния, (4), а затем в интеллектив, объектный тип актанта, управляемый глаголом (в значении глагола) умственной деятельности (5).

Как видим, уподобление происходит на фонетическом уровне (*Кафку – кафку* (*сказку*)), который рождает дальнейшее преобразование на морфологическом уровне («перевод» нарицательного существительного *сказка* в собственные), что ведет к первичному отождествлению ролей участников ситуации. И лишь после того, как по закону языковой игры «маска сбрасывается», все характеристики восстанавливаются.

Подобное градационное уподобление единиц фонетического, лексического и морфологического уровней можно наблюдать и в следующем примере:

Помню, редактор одной газеты жаловался:
– *Вы нас попросту компрометируете. Мы оказали вам доверие. Делегировали вас на похороны генерала Филоненко. А вы, как мне стало известно, явились без пиджака.*
– *Я был в куртке.*
– *На вас была какая-то старая ряса.*
– *Это не ряса. Это заграничная куртка. И кстати, подарок* ***Леже*** *(...)*
– *Что такое «****леже****»? – поморщился редактор.*
– ***Леже*** *– выдающийся французский художник. Член коммунистической партии.*
– *Не думаю, – сказал редактор* [Довлатов: 3, 382].

Ономасиатив с субъектной характеристикой становится в реплике одного из героев (редактора) семантически не определяемым актантом под влиянием присутствия в русском языке слов, имеющих близкое фонетическое (и графическое) оформление.

Фонетическое уподобление также приводит к паронимии в следующем примере:

Как-то раз Григорий Борисович отправился за покупками (...) За это время случилось вот что. Дети, играя, забежали в четвертое бунгало. Сорвали занавеску. Опрокинули банку с настурциями. Разбросали бумаги.
Писатель вернулся. Через минуту выскочил из дома разъяренный. Он кричал соседям:
– *Я буду жаловаться!.. Мои бумаги!.. Есть закон о неприкосновенности жилища!*
И после этого:
– *Как я завидую Генри* ***Торо****!..*
– *Типичный крейзи, – говорили соседи.*
– *У него, видите ли, ценные бумаги!*
– *Ценные бумаги! Я вас умоляю, Роза, не смешите меня!*
– *А главное –* ***Торой*** *укоряет. Мол, не по-божески живете...* [Довлатов: 3, 523].

Актантная характеристика при этом также неустойчива: колеблется между пациентивом, лицом, на которого распространяется эмоциональное состояние субъекта, (*Генри Торо* – американский писатель, мыслитель XIX; представитель трансцендентализма), и инструментом, предметом, использование которого способствует осуществлению ситуации (*Тора* – священное писание иудеев, пятикнижие Моисея).

Фонетическое сближение характерно и для морфологически идентичных слов (имен существительных нарицательных): *хохлома* – «*произведение хохломской росписи – деревянное изделие, покрытое тонкими золотыми, черными и красными узорами по золотистому фону*» [РСС: 3, 415] и *пахлава* – «*восточное пирожное с ореховой начинкой*» [ССРЛЯ: 9, 320]. Актантная характеристика при этом статична.

– *Тебе повезло, – кричит, – нашли узбека. Мищук его нашел... Где? Да на Кузнечном рынке. Торговал этой... как ее...* ***хохломой****.*
– *Наверное,* ***пахлавой****?*

– *Ну,* ***пахлавой****, какая разница… А мелкий частник – это даже хорошо. Это сейчас негласно поощряется. Приусадебные наделы, личные огороды и все такое…*

Я спросил:

– *Ты уверен, что* ***пахлава*** *растет в огороде?*
– *Я не знаю, где растет* ***пахлава****. И знать не хочу. Но я знаю последние инструкции горкома…* [Довлатов: 1, 386-387].

Несколько меняется семантическая характеристика в схожем примере: нулевой, можно сказать, «ошибочный» в смысловом отношении участник ситуации преобразуется в полноценный дуплексив (предикатное определение). (Ср.: *эффект* – «*значительное впечатление, производимое кем-, чем-либо на кого-либо*» [СлРЯ: 4, 772]; *аффект* –«*приступ сильного нервного возбуждения (ярости, ужаса, отчаяния)*» [СлРЯ: 1, 52]):

– *Серега, извини! Я был не прав… Раскаиваюсь… Искренне раскаиваюсь… Действовал в состоянии* ***эффекта****…*
– ***Аффекта****, – поправил я…* [Довлатов: 1, 409].

Функционально близок к описанному выше примеру следующий:

Фаина села, выпрямилась, обхватила руками колени. Заговорила быстро и громко:

– *Я одинока, страшно одинока… Мое замужество было ошибкой. Вениамин примитивен и груб… Я обращаюсь к вам с просьбой. Только вы можете нам помочь(…) Есть один человек. Он гинеколог. Его зовут Миша. Вернее – Майкл. Мы знакомы три года. Отношения между нами чисто* ***патологические****…*
– ***Платонические****, – равнодушно исправил Григорий Борисович* [Довлатов: 3, 537].

Дуплексив *патологический* («*Отклоняющийся от нормы, болезненно-ненормальный,* уродливый» [СлРЯ: 3, 32]) также семантически нулевой, «ошибочный» как следствие отсутствия синсемичности, которая ведет к замене на синтагматически полноценный компонент – *платонический* («*Основанный на чисто духовном влечении без всякой примеси чувственности.*» [СлРЯ: 3, 136]).

Как показывают представленные наблюдения, при формировании комического контекста происходит аттракция (уподобление) единиц разных уровней языка (фонетического, лексического, морфологического) с целью создания языковой игры, что не может не отражаться на глубинном семантическом уровне предложения (изменение модели, перекодировка актантов).

Использованная литература:

Ахманова, О.С.: *Словарь лингвистических терминов*. М., 1966. (СЛТ)
Богданов, В.В.: *Семантико-синтаксическая организация предложения*. Л., 1977.
Гридина, Т.А.: *Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры)*: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996.
Довлатов, С.: *Собрание сочинений: в 4 т.* СПб., 2005.
Золотова, Г.А.: *Синтаксический словарь*. М., 1988.
Михайлов, Н.Н.: *Теория художественного текста*. М., 2006.
Никитин, М.В.: *Основы лингвистической теории значения*. М., 1988.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2003. Т. 3. (РСС)
Санников, В.З.: *Русский язык в зеркале языковой игры*. М., 1999.
Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981 – 1984. (СлРЯ)
Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.–Л., 1959. (ССРЛЯ)
Тараненко, А.А.: *Языковая семантика в ее динамических аспектах*. Киев, 1989.

ДОКЛАДЫ
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Гана Бендова
Чехия, Пардубице

ПОИСК И ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Abstract:
The article deals with social-cultural information and recommends the most typical sources for finding them.

Key words:
Social and cultural information, question of translation, interaction between translator – dictionary and cultural marked text units.

Социальнокультурные компоненты или же социальнокультурная информация (СКИ) в настоящее время - в нашем понимании – представляет собой сведения, приносящие познавание соотношения языка и общества, языка и культуры, познавание духовных ценностей, создаваемых обществом.

Наиболее яркое проявление находит СКИ в словарном составе языка. В этом смысле стоит обращать внимание на три наиболее важных сегмента: 1-отдельные слова – изолированные единицы, 2-словосочетания – ситуативно узуальные словосочетания, 3-ситуации – отрывки текста. Изучение словарного состава по всем трем сегментам входит в традицию чешских языковых исследований с давних времен. Знаменитый русист, теоретик и практик перевода проф. Богуслав Илек уделял внимание специфике СКИ, называя такие языковые явления культурными намеками (на чешском kulturní narážky), имея под этим в виду слова, содержащие местный колорит или колорит данной эпохи. Болгарский теоретик и практик перевода Сидер Флорин определил старания, приносимые трудностью перевода разного рода реалий «муками переводческими». Профессор Владимир Барнет неоднократно подчеркивал необходимость проводить сопоставление не только по линии структурной, но также и функциональной.

Сопоставление – сопоставительное описание изучаемого явления – мы считаем наиболее важным принципом презентации изучаемых социокультурных элементов. Трактуя, истолковывая текст, мы не причисляем языковым оборотам значение, опирающееся только на наши знания языковой системы, но также на знания,

вытекающие из социальных, культурных, исторических, географических и других взаимосвязей. Литературный дискурс мы понимаем как взаимодействие, осуществляющееся в конкретном историческом, культурном и социальном контексте, который обусловливает способ применения языка на разных уровнях литературной коммуникации.

На наш взгляд до сих пор недостаточно эксплуатированными литературными источниками, имеющими место в практике обучения русскому языку по принципам СКИ и вместе с тем неиссякающими источниками накопленного языкового материала, ценного своей установкой на реалии других стран (иногда имеющими место и в рамках одной страны), являются путевые записки, с многовековой традицией в русской литературе. Путевые заметки часто находят свое место в дневниках и мемуарах.

Изучение языка в учебных целях именно с помощью таких литературных источников с учетом социолингвистики, лингвореалий, стилистики и поэтики плодотворно именно тогда, если мы ставим своей целью изучение языка вместе с осваиванием его культуры.

При отборе путевых записок, используемых на занятиях по русскому языку в учебных целях, обеспечивает успех нашей работы, главным образом, степень их беллетризации, художественности и фактичности, содержащаяся в избранных нами произведениях.

С этой точки зрения и на основании личного педагогического опыта можно рекомендовать текст Даниила Гранина, взятый нами из цикла его путевых заметок «Неожиданное утро».

Гранин избрал для своей книги объективное эпическое повествование, которое постигает действительность в ее аспектах «равномерно». Внимания заслуживает прежде всего субъективное напряжение, оказывающее влияние и оставляющее впечатление на читателях и в наши дни. По мнению проф. Заградки, Гранин в своих литературных произведениях опирался прежде всего на автобиографизм. Подтверждением того является как раз приводимый нами цикл путевой прозы, названный «Неожиданное утро», в который входит и часть, названная «Месяц вверх ногами». Под чьим своеобразным заголовком содержатся впечатления самого автора от его пребывания в Австралии, где он был гостем писателя Аллана Маршалла, автора романа «Я учусь прыгать через лужи», хорошо известного и в нашей стране. Маршалл и Гранин взаимно поменялись местами – в ответ на гостеприимное пребывание в стране Аллана – Гранин пригласил австралийца в Ленинград.

В заключение мне хочется привести отрывок, отличающийся ярким моментом сравнения переживаний австралийского иностранца и домашнего русского ленинградца:

Даниил Гранин: Неожиданное утро

«...мы после Зоологического музея поехали в Петергоф.
Играли фонтаны. Гремела музыка. Толпа гуляющих тесно заполняла все аллеи и площадки. Я никак не мог показать Аллану перспективу «Большого каскада». Мы не могли пробиться к «Зонтику». Аллан не огорчался. Его мало интересовали «Монплезир» и «Шахматная горка». Куда больше его занимали серебристые цистерны кваса, и очереди за квасом, и мальчики-удильщики, что стояли на камнях

посреди дремотно белесой воды залива. Я не успел заметить, как он очутился посреди студентов, танцующих под гитару. Костыли не мешали ему и незнание русского языка тоже. И сам он тоже никому не мешал, привлекая всех силой своего удивления. Я не понимал, чему он удивляется. Было пыльно, со всех сторон толкались, шумели, пели песни. Все шло как обычно, как всегда бывает на петергофских гуляниях в белые ночи. Аллан сиял. Его восхищали папиросы, тюбетейки, эскимо, с восторгом он оглядывался на матросов, на десятиклассниц в белых фартуках, на стариков с медалями. «White night, white night», твердил он изумленно и показывал на гладкую даль залива, слитую с таким же белым небом. Он недоумевал, даже презирал меня за то, что я не удивляюсь, не вижу чуда этой ночи,этой толпы, этих лиц.»

Использованная литература:
Гранин, Д.: *Неожиданное утро*. Лениздат 1985.
Флорин, С.: *Муки переводческие*. Москва 1983.
Hendrich, J. a kol.: *Didaktika cizích jazyků*. Praha 1988.
Choděra, R. a kol.: *Didaktika cizích jazyků na přelomu století*. Editpress 2001.
Kniha o překládání – příspěvky k otázkám překladu z ruštiny. Praha 1953.
Zahrádka, M.: *Toulky s ruskými spisovateli*. Olomouc 2003.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Данута Будняк
Польша, Кельце

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ВАРЬИРОВАНИЯ И ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Abstract:
The situation of communication is a complex set of elements felt during the speech and the circumstances well known by communicators which can be the motive for them to have a conversation. Conflicts may arise from age distinctions bound with different periods. One more factor, which may provoke conflicts between people, to be considered are their personalities, characters, even pronunciation.

Key words:
Ethnoculture, language sources, world perception, communicative function of a language, dialogue, exclamation, speech, monologue, conflict situations, international contacts.

Всякое высказывание на естественном языке включает в себя указание на ситуацию общения, отношения коммуникантов друг к другу и к самой ситуации общения, к характеру передаваемого сообщения и т.п. Все эти компоненты образуют грамматическое содержание сообщения, реализуемое на всех уровнях системы языка.

Ситуация общения представляет собой сложный комплекс элементов, воспринимаемых чувством в процессе речи, и обстоятельств, известных собеседникам, которые могут послужить мотивом для их разговора. Эти элементы и обстоятельства образуют, говоря словами В. Матезиуса, «вещественное содержание» [Матезиус 1967: 446] каждого высказывания. Оценка говорящими различных языковых единиц выходит на первый план при изучении проблем социолингвистического варьирования и языковой эволюции, анализе межличностной коммуникации, освещении вопросов создания и кодификации языковой нормы. Однако понятие языковой лояльности не исчерпывает всю возможную гамму отношений и оценок, вызываемых языком. Образ родного языка варьирует от нации к нации. Некоторые этнокультурные стереотипы восприятия хорошо известны: русские ценят родной язык за лексико-семантическое и стилистическое богатство и выразительность, украинцы – за колоритность и демократический дух, поляки – за особый национальный язык. Подоб-

ные оценки в большей мере субъективны; они лишь отчасти основаны на реальных свойствах языка и тем более на научном анализе характеристик.

С учётом того обстоятельства, что взаимодействие партнёров по коммуникации всегда несёт в себе оттенок субъективности, можно утверждать, что не менее важную роль в формировании условий протекания речевого акта будут играть социальные установки и социальные ценности коммуникантов, получившие в лингвистической литературе название «социальных перемен» [7. С. 88], степень варьирования которых различна. Общение индивида предполагает его способность к речевому переключению, с одной стороны, и ролевому переключению, с другой, – отчасти благодаря тому, что язык имеет средства, обслуживающие разные социальные роли. Например, роль вопросов – в том, что они устанавливают место одного элемента обсуждаемой ситуации среди набора возможных. Языковые средства (например, стили), в свою очередь, варьируются в зависимости от исполняемой роли. Кстати, о подчинённых. Просто таки анекдотический случай произошёл с министром внутренних дел Юрием Луценко. Министр решил проехаться по дорогам Полтавщины на частном автомобиле. И надо же такому случиться – нарушил правила. Его остановил инспектор ГАИ и вместо того, чтобы составить протокол, отпустил нарушителя за 20 гривен. Министр, конечно, возмущён! Гаишник с зарплатой 600 гривен взял взятку в 20 гривен. *«Сколько, тебе, собака, нужно, чтобы ты людей не грабил!»* - заявил Луценко. Назвав подчинённого «собакой», министр ещё раз подчеркнул, что милиционер – друг человека. Особенно, когда выполняет задачу – «взять!».

А тем временем спикер Владимир Литвин озабочен ситуацией в парламенте: *«Трудно сказать, что есть свет в конце парламентского туннеля»*. А нужен ли этот свет? Вот одни зашли в туннель, увидели свет, обрадовались. А это – поезд [Балюк 2005:1].

До речі, про підлеглих. Просто-таки анекдотичний випадок стався міністром внутрішніх справ Юрієм Луценко. Міністр вирішив проїхатися дорогами Полтавщини приватним автомобілем. І треба ж такому статися – порушив правила. Його зупинив інспектор ДАІ замість того, щоб скласти протокол, відпустив порушника за 20 гривень. Міністр, звичайно, обурений! Даішник із зарплатою 600 гривень узяв хабара 20 гривень. «*Скільки тобі, собако, треба, щоб ти людей не грабував!*», - заявив Луценко. Назвавши підлеглого «собакою», міністр ще раз зазначив, що міліціонер – друг людини. Особливо. коли виконує завдання – «взяти! ».

А тим часом спікер Володимир Литвин заклопотаний ситуацією в парламенті: «*Важко сказати, що є світло в кінці парламентського тунелю*». А чи потрібне це світло? Ось одні зайшли в тунель, побачили світло, зраділи. А це – потяг [Балюк 2005:1].

Kieleckie ślady na Cmentarzu Orląt we Lwowie na Ukrainie. Odnowiony Cmentarz Orląt wygląda niczym perełka na tle zniszczonego Lwowa i Cmentarza Łyczakowskiego. Ukraińców drażnią wszelkie napisy w obcych językach. *«Co im te lwy przeszkadzały? A dlaczego nie zgodzili się na odbudowę kolumnady? Cmentarz powinien wyglądać tak jak przed wojną,»* - tłumaczy Teresa Gazda. *«To była piękna uroczystość. Czekałam na nią. Prezydent Kwaśniewski i Juszczenko mówili o pojednaniu polsko-ukraińskim, ale między ludźmi go nie ma. Może teraz się to zmieni...»,*- żali się pani Kazimiera. [Kowalczyk 2005: 18].

Так, само существование вышеупомянутых типов подразумевает наличие расхождений между индивидами в восприятии мира, людей и реагирования на них. Такие различия сами по себе могут стать провокаторами конфликтов. В представленных нами примерах гендерные модели поведения (социального и речевого) приводят к конфликту вследствие расхождения интересов, ценностей и подходов к разрешению проблем, а также из-за гендерных предрассудков и стереотипов, имеющих место в обществе. Почву для конфликтных ситуаций создают также возрастные особенности, связанные с разными периодами. Ещё одним фактором, провоцирующим возникновение обострений в отношениях между людьми, может выступать склад их личности, особенности характера. Люди разных типов нередко с трудом понимают способы мышления и поведения друг друга, что порождает напряжение и конфликты между ними. Внимание к проблеме высказываний обусловлено комплексностью данного языкового явления, признанием того факта, что в этнокультурном сознании наиболее ярко реализуется коммуникативная функция языка во всём его многообразии, а также стремлением выявить скрытые механизмы и закономерности его протекания. Говорящий и слушающий делят между собой зоны влияния, определяя время и тональность своего высказывания.

Диалог – пример социального взаимодействия: то что реально произносится, может и не обладать большой значимостью само по себе, но обычно несёт большой социальный заряд. Основными функциями диалога являются установление и поддержание социальных отношений; сигнализирование о своей принадлежности к определённой группе в обществе; утверждение о своей идентичности и личности; передач другом определённого образа о говорящем. Итак, важной чертой социолингвистического подхода к диалогу является то, что он рассматривается одновременно с точки зрения ситуативных (этнически обусловленных), и с точки зрения общечеловеческих черт, объясняющих свойства диалога как формальной организации социального взаимодействия. По мнению В.З. Демьянкова, вырисовываются две составляющие диалога: ролевое поведение участников в роли, или, точнее, функции реплик, функции самой речи [Демьянков 1991: 18]. По ходу диалога выделяются, в частности, следующие объекты:

1) контексты диалога;
2) кореференция;
3) связность/бессвязность;
4) смена инициативы;
5) тематические структуры;
6) цели и планы говорящих.

В этом перечне есть и «роли речи», и роли говорящих. Промежуточный статус занимают следующие элементы в диалоге:

а) менявшаяся интерпретация намерений говорящего по ходу разговора;
б) намеренное оставление вопросов без ответа;
в) преднамеренная неоднозначность формулировок;
г) сотрудничество говорящих по поводу выработки общих мнений о том, как трактовать те или иные реплики в разговоре.

Также существует разграничение типов диалога по линии «доминирование – кооперированность – конфликт»:

1) доминирование и намеренное составление вопросов без ответа:

Всегда в истории любой страны отношения между правителем и писателем, стремящимся играть роль пророка, неоднозначны, взрывоопасны и сложны. «День» в своё время писал об эволюции взглядов крупнейшего писателя России Александра Солженицына [см. номера за 23.03.03, и за 27.12.03]:

«Часы коммунизма своё отбили. Но бетонная постройка его ещё не рухнула. И как бы нам вместо освобождения не расплющиться под его развалинами» [Сюндюков 2005: 22].
«Годинник комунізму – своє відбив. Але його бетонна споруда ще не звалилася. І як би нам, замість звільнення не розплющитися під його розвалинами» [Сюндюков 2005: 22].
«... Почему человечество так отчётливо квантуется нациями не в меньшей степени, чем личностями? И в этом граненьи на нации – не одно ль из лучших богатств человечества? И – надо ли это стирать? И – можно ли это стереть?» [Сюндюков 2005: 22].
«...Чому людство так виразно квантується націями не менше, ніж особистостями? І в цьому граненні на нації – чи не одне з найкращих багатств людства? І - чи треба це стирати? І – чи можна це стерти?» [Сюндюков 2005: 22].

2) менявшаяся интерпретация намерений говорящего по ходу разговора:

Известная статья Солженицына, появившаяся в сентябре 1990 года *«Как нам обустроить Россию» и «Как нам обустроить Украину». «Как нам обустроить Россию» (не возродить «славную» имперскую мощь, не сломать через колено революцией, не устроить ту криминальную «приватизацию», что последовала через пару лет в России – а именно обустроить ту криминальную «приватизацию», что последовала через пару лет в России – а именно обустроить страну на началах уважения к её лучшим традициям и укладу жизни народа). Не стоит ли и нам в Украине в момент ответственнейшего выбора исторического пути прислушаться к некоторым из замечаний Солженицына, не упуская при этом из виду наш европейский геополитический вектор развития (главный!) и то, что Россия, как это ни прискорбно, развивается в прямо обратном направлении.* Вот что заявлял писатель ещё в 1974 году: *«А общество из кого же составлено, как не из нас? То царство неправды, силы, бесполезности справедливости, неверия в доброе – эта болотная жижа, она и была составлена из нас, из кого же другого? Мы привыкли, что надо подчиняться и лгать, иначе не проживёшь – и в том воспитывали своих детей...».* И далее: *«И если мы теперь жаждем – а мы, проясняется, жаждем – перейти наконец в общество справедливое, чистое, честное, – то каким же иным путём, как не избавясь от груза нашего прошлого, и только путём раскаяния, ибо виновны все и замараны все? Социально-экономические преобразования, даже самыми му-*

дрыми и угаданными, не перестроишь царство всеобщей правды: кубики не те» [Сюндюков 2005: 22].

Відома стаття Солженіцина, яка з'явилася у вересні 1990 року «*Як нам облаштувати Україну?*» «*Як нам облаштувати Росію*» *(не відродити «славну» імперську потужність, не зламати об коліно революцією, не влаштувати ту кримінальну «приватизацію», яка розпочалась через кілька років у Росії – а саме облаштувати країну на засадах поваги до її найкращих традицій і устрою життя народу). Чи не варто і нам в Україні в момент найвідповідальнішого вибору історичного шляху прислухатися до деяких із зауважень Солженіцина, не упускаючи при цьому з виду наш європейський геополітичний вектор розвитку (головний!) і те, що Росія, як це не прикро, розвивається у абсолютно протилежному напрямі. «Насамперед ми повинні почати створювати систему, щоб люди могли керувати власними долями»* [Сюндюков 2005: 22].

Преднамеренная неоднозначность формулировок:

Głodny życia. Wolfgang Amadeusz Mozart urodził się 250 lat temu. Kim był człowiek kryjący się za legendą? Wielka głowa, podwójny podbródek, wydatny nos – «Mozartowski nochal». I dziobata twarz. Mało przystojny mężczyzna. Z yjątkiem oczu – ogromnych, płonących. jest w nich głód życia, pragnienie miłości i przeczucie śmierci – to wszystko, z czego zrodziła się jego wspaniała muzyka. Fenomen Mozarta [Barz 2006: 72].

Анализ материала русского, украинского и польского языков свидетельствует о том, что при решении коммуникативных задач наяву развитие сложных продуктивно-рецептивных процессов. Споря, сомневаясь, утверждая, субъект может при определённых условиях прервать коммуникацию или направить её в неожиданное русло.

Исследователя здесь интересует не изолированный говорящий или изолированный слушатель, т.е. изолированные продуктивные процессы, а слушатель как отвечающий. Споря, сомневаясь, утверждая, субъект может при определённых условиях прервать коммуникацию или направить её в неожиданное русло. Гендерные, возрастные, социальные, мировоззренческие, личностные и другие характеристики субъектов диалогической и монологической коммуникации делают высказывание важной формой межличностных и межнациональных контактов.

Использованная литература:

1. Балюк, Н.: *Милиционер – друг человека*. ВЫСОКИЙ ЗАМОК. Еженедельник,16-22 июня 2005 года, с. 1.
2. Демьянков, В.З.: *Тайна диалога*. In: Диалог: теоретические проблемы и методы исследования. – М.: Наука, 1991-С. 10-41.
3. Матезиус, В.: *Язык и стиль* In: Пражский лингвистический кружок: Сборник. – М., 1967.
4. Сюндюков, И.: *Легко ли жить не по лжи?* ДЕНЬ. № 112-113 (2091-2092) 24 июня 2005 г. С.22.
5. Barz, P.: *Głodny życia*. Readrer's Digest. Przegląd – Edycja Polska. Styczeń 2006, s.72.
6. Kowalczyk, A.: *Kieleckie ślady na Cmentarzu Orląt*. ECHO DNIA. RELAKS KIELECKI, 1 lipca 2005 r., s. 18.
7. *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*. – NY, 1987/88.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ева Выслоужилова
Чехия, Оломоуц

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ

Abstract:
The term "professional competence" ("delovoye obschenije") has been recently widened to include new culturological (in a broad sense) aspects. Acquistion of professional foreign language competence presupposes preparation based on a graded system of exercises involving the skill of social competence as conceived by psychologists (E. Vyskočilová and others) and structural components of the model of pedagogical communication (E.A. Leontyev and others). Based on the experiment conducted in lessons of professional communication, the author claims that controllled extracurricular preparation of mixed pairs (Czech – Russian) with successive in-class feed-back is one of the effective methods of preparation.

Key words:
Business dealing, competence, communication vs. "obschenije", culturological and social aspects of communication, system of exercises, controlled extracurricular preparation, mixed study pair.

Современная эдукативная обстановка, для которой типичен переход от применяемых в конце прошлого века трансмиссивных форм передачи ученику новых знаний и умений к более пристальному вниманию комплексному развитию ученической личности, нуждается, на наш взгляд, в переоценке и переработке избранных ключевых лингводидактических понятий. Процесс становления их актуального понимания должен идти не только по пути переработки сложившегося теоретического определения, которое в основном начало формироваться ещё во второй половине или в конце XX века, он должен стремиться к более экзактному определению уровня профессиональных умений и навыков, так называемой компетентности учащегося, учитывая и совмещая в себе при этом все новые факты основных и смежных наук. К таким понятиям бесспорно относится и понимание общения, доставляющее в своё время чешским теоретикам немало затруднений при переводе на чешский язык прежде всего из-за широкого охвата фактов, которые необходимо было обозначить учитывая сложную структуру обозначаемого.

Общеизвестно, что именно интердисциплинарность и связанная с ней полифункциональность делают категорию общения стержневой во многих научных дисциплинах, причем не только в интересующих нас науках антропологического характера. Не намереваясь заниматься подробно историей вопроса, упомянем лишь

о некоторых фактах, имеющих решающее значение на пути становления содержания и объема термина «общение». Буквально громадный вклад в его определение внесли советские педагоги и психологи, разрабатывающие уже с конца 50 – 60-х годов прошлого века проблематику обучения умениям педагогического общения. Названный период представлен работами выдающихся специалистов, как, напр., Н.Д. Левитова, Ф. Н. Гоноболина, И.В. Страхова, Е.А. Климова, позже Н.В. Кузьминой и других. Тонкий анализ их работ и значение последних для понимания специфики профессионального (т.е. педагогического) общения приводится в докладе А.А. Леонтьева, подготовленного автором для IV Конгресса МАПРЯЛ в 1979 году. Свое место в данном процессе имели и работы 70-х годов о речевом общении в автоматизированных системах (М. 1974), об общении «человек – ЭВМ» и другие. Общение стало постоянным объектом многочисленных научно-исследовательских инициатив, разрабатывалась и на практике проверялась методология усвоения. В этом контексте можно утверждать, что лингводидактики РКИ, регулярно пользуясь накопившейся теоретико-практической базой, старались быть среди первых, кто применял учебные материалы с продуманной системой обучения иноязычному общению, возникшие прежде всего в связи с внедрением коммуникативного подхода к обучению языкам. В последние годы названная категория приобретает (впитывает в себя) разнообразные культурологические аспекты, стараясь отразить и описать специфику общения разных культур в глобализирующемся мире, больше акцентируются социолингвистические и социопсихологические аспекты общения. Анализируя имеющиеся на сей день работы по данной категории, включая доступные нам учебники, необходимо прийти к следующим выводам:

1. актуальное понимание термина общение, для наших целей «деловое общение на иностранном языке», намного шире по сравнению со своим первоначальным определением,
2. оно ни в коем случае не является синонимом термина «коммуникация»,
3. в дальнейшем теоретическом обосновании и уточнении нуждается понимание делового общения как образованного двумя составными целого, т.е., определяемого не только необходимой профессиональной компетенцией, но и хорошим знанием русского языка [ср. Ускова, Трушина, 2005].

Студенты нашего профиля готовятся к повседневной жизни и работе на территории Европы и будут на практике, в своём деловом общении, решать и сложные вопросы столкновения разных культур, причём желательно на профессиональном уровне, пользуясь как вербальной, так и невербальной сторонами общения. Образование Европейского Союза, объединившего в своем большинстве государства так называемой западной культуры, ознаменовало собой не только новое экономическое пространство, предлагающее человеку возможность более многообразного применения своих способностей, оно определило и уровень, характер общения людей. Своей мультикультурностью оно актуализировало необходимость нового подхода к решению вопроса не только сосуществования западных культур на территории Европы, но прежде всего взаимоотношения, взаимовлияния культур Запада и других стран. Необходимость общаться, чтобы развивать свою личность и тем самым способствовать развитию остальных, внесло новые импульсы в разработку категории общения. Запоздавшая подготовка к решению проблем общения

(прежде всего делового) вылилась в 90 годы в острую критику поведения бизнесменов России и их предпринимательской культуры при общении с бизнесменами западных государств.

Разрабатывая в настоящее время проблематику делового общения как лингводидактической категории, можно опираться на довольно широкий, сложившийся за последние два десятилетия, теоретический фонд знаний и практический опыт разных заведений, уделяющих внимание технологии обучения. Можно с успехом пользоваться и общего характера информацией из области педагогического общения. Существует и применяется немало выдающихся учебников, написанных смешанными авторскими коллективами, что не только подчеркивает достоверность обработки материала, в котором уже, как правило, учитываются и кросскультурные аспекты, но одновременно способствует более широкому применению таких учебников в разных аудиториях. Все это заставляет нас сделать вывод о том, что в настоящее время интенсификация процесса обучения деловому общению должна идти по пути от простого воспроизведения моделей речевого поведения к более комплексному, флексибильному, деятельностному решению разного рода микроситуаций делового общения, планомерно обучая студентов и социокультурному потенциалу последних. Такой подход обусловлен прежде всего самим характером категории «деловое общение», которую, как уже было сказано, необходимо понимать намного шире, чем простую коммуникацию на иностранном языке. Напомним, что в целях обучения необходимо учитывать её определение целым рядом детерминирующих её факторов, к которым необходимо отнести саму сферу реализации, т.е. деловую сферу с её экономностью, директивной нацеленностью ведения переговоров, условной, предписанной корректностью, сильным социокультурным статусом обстановки и её участников, спецификой предмета разговора и т.д.

Не подлежит сомнению и тот известный факт, что процесс интенсификации обучения деловому общению будет иметь интердисциплинарный характер. В нём должны найти, напр., своё применение разработанные психологами модели умения социальной коммуникации, умения вести себя в любой обстановке при любых обстоятельствах и т.п. Однако первостепенной задачей лингводидактики остаётся доработать градуированную систему упражнений постепенного овладения умениями и навыками решения микроситуаций деловой сферы. Для наших целей необходимо решить микроситуиации встреч представителей диаметрально противоположных культур (западной и восточной), причём они могут происходить в родной сфере каждого из участников, предоставляя ему выгоду знакомой обстановки. Хотя в этом отношении, в соответствии с программой подготовки в вузе, имеются у наших студентов некоторые теоретические знания, усваиваемые ими в дисциплинах экономического профиля, единой проверенной системы обучения деловому общению на иностранном языке пока не предложено.

Определённый вклад в указанную проблематику мы попытались внести на занятиях по обучению «устному деловому общению». В качестве эксперимента нами шаг за шагом вырабатывались навыки и умения комплексного, т.е., речевого и поведенческого решения элементарных микроситуаций делового общения. Опереться на специализированные методики педагогического общения, т.е. на педагогическое моделирование, микропреподавание и миникурсы из-за их другой целенаправленности было трудно, на практике нами была предпочтена программа,

разработанная чешским психологом Е. Выскочиловой, суть которой – систематическое обучение деятельности с управляемой системой формирования умений социальной коммуникаци, умений общения. Хотя и она в первоначальном своем виде предназначена для подготовки учителей, но ее обобщённые ключевые принципы позволяют применять данную программу и в других областях антропологического характера.

Нами в прошлом семестре проверялась рабочая гипотеза, что при решении микроситуаций смешанная разнокультурная пара студентов (коренной русский / чех) является интенсифицирующим фактором обучения деловому обшению, который одновременно возводит барьер негативному влиянию интерференции. Неодинаковый языковой уровень участников общения одновременно является и сильномотивирующим фактором, способствующим устранению ошибок у обоих участников и стремлению подражать уровню своего «лучшего» партнёра. Автоматизации речевых навыков, в процессе выработки которых применялись прежде всего эффективные упражнения аудио-орального характера, предшествовала дозированная теоретическая подготовка, содержание которой определялось не только профилем студента, оно заодно учитывало и новые тенденции в развитии делового общения, включая информацию культорогического в широком смысле слова направления. Упор делался и на интенсификацию управляемой внеконтактной, т.е. домашней подготовки, в которой акцентировалась совместная парная домашняя работа студентов с целью усовершенствования их социализации и способности вести переговоры. Студенты свою подготовку записывали на диски (кассеты), что заставляло обоих членов пары вести себя более ответственно, добросовестно готовиться к каждому занятию, взаимно консультироваться, прибегать за помощью к разным теоретическим источникам, грамматикам, словарям, чтобы на уроке продемонстрировать свой труд, сравнивая свою подготовку с подготовкой остальных членов группы-предпринимателей, представителей своих предприятий. На занятиях подвергалась комплексной оценке вся демонстрация, не только её речевое решение, в духе соответствия требованиям целевого умения социальной коммуникации. Эксперимент не только показал эффективность применяемого подхода, но и открыл дальнейшие возможности целостного развития личности нашего студента в подготовке к его будущей менеджерской работе. Став более свободными в употреблении профессионального языка, они стали более свободными и для комплексного овладения профессиональной компетентностью.

(Процесс домашней подготовки демонстрировался записью на диске презентации фирмы и разговора представителей фирм по нескольким вопросам.)

Использованная литература:

Андреева, Г.М., Яноушек, Я.: *Общение и оптимизация совместной деятельности*. МГУ 1987.

Лаптева, О.И.: *Общение литератур*. Москва 1991.

Леонтьев, А.А.: *Обучение умениям педагогического общения и проблемы подготовки преподавателей русского языка как иностранного*. Доклады советской делегации на IV конгрессе МАПРЯЛ. Москва. Русский язык 1979, 55 – 64.

Обжелян, Н. К., Трунин-Дорской, В.Н.: *Речевое общение в системах «человек-ЭВМ»*. Кишинёв 1985.

Ускова, О. А., Трушина, Л. Б.: *Элитный персонал и Ко. Русский язык делового общения (продвинутый сертификационный уровень)*. Москва. Русский язык 2005.

Формановская, М. В.: *Речевое общение: коммуникативно-практический подход*. Москва. 2002.

Vyskočilová, E.: *Cvičení z pedagogické praxe I (dovednost sociálně komunikovat)*. SPN Praha 1981.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ян Грегор
Чехия, Ческе Будейовице

УСТОЙЧИВЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ (В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ЧЕШСКО-РУССКОМ ПЛАНЕ)

Abstract:
Lexicalised Verbo-Nominal Constructions in Russian Language Teaching (Czech-Russian Comparison)
The present paper is devoted to analysis and classification of government, lexical constitution etc. of Czech and Russian *lexicalised verbo-nominal constructions* (VNC's), e.g. ***brát*** v *úvahu* co – ***принимать*** *во внимание* что, from the point of view of their teaching and learning.
First, the article shortly outlines starting points of a comparative didactic classification of Czech and Russian VNC's, for instance: content, structure, main principles of its construction, its advantages etc. This comparative didactic classification is divided into two major parts. The first of them deals with Czech and Russian VNC's and with their corresponding verbs in four-constituent structures (including one external government), the second one – with these expressions functioning in five-constituent structures (including two external governments). Both parts consist of five sections according to presence (agreement and difference) and absence (in Czech, in Russian, and in Czech as well as in Russian) of external government(s) of corresponding verbs. All the sixty models are divided into four types. Then, the possibilities of relationships of government of Czech and Russian VNC's and of their corresponding verbs are clearly compared and illustrated with a couple of authentic examples (Czech x Russian sentences from two opposite poles).
The classification may be used, in particular, for effective acquisition of Russian VNC's, for their lexicographical compiling as well as for practice of translation. However, in addition, this article may have a quite distinct and separated application in automated language processing (computer systems).

Key words:
Lexicalised verbo-nominal constructions – Russian language teaching – comparative didactic classification of Czech and Russian VNC's.

Настоящая статья посвящена анализу и описанию работы с управлением так наз. ***устойчивых глагольно-именных словосочетаний*** (ГИС) типа ***brát*** v *úvahu* co – ***принимать*** во *внимание* что, ***způsobit*** *škodu* v čem komu – ***нанести*** *ущерб в* чем кому и мн. др. Цель – обратить внимание преподавателей на возможность активного подхода к данному частотному и коммуникативно необходимому явлению в процессе преподавания русского языка как иностранного.

1. Исходные точки сопоставительной классификации (СК) Ч- и Р-ГИС

1.1 Эффективная подача и освоение ГИС в процессе преподавания русского языка. Имеется значительное количество чешских ГИС, переводимых на русский язык при помощи русских ГИС, т.е., тем же количеством использованных лексем. Речь идет о положительном переносе расчлененной структуры сочетания. Тем не менее, переводить на русский язык только эти два основных компонента недостаточно. Дело в том, что в процессе освоения ГИС необходимо заучивать анализируемую многословную лексему с ее управлением. А максимум внимания надо в ходе ее преподавания уделять ГИС с отличным в другом языке управлением. Иначе говоря, приходится обращать внимание также на различия во внутренней и внешней структуре исследуемых сочетаний, включая управление соотносительных глаголов (СГ) в интересах предупреждения интерферирующих ошибок (ср. Панин 1978: 23).

1.2 Содержание СК. Составленная нами классификация вмещает все существующие чешские ГИС и эквивалентные им русские ГИС, обладающие как минимум одним управляемым комплементом. Это значит, что такие ГИС располагают по крайней мере так наз. первым внешним управлением (в четырехкомпонентных моделях) и максимально этим первым внешним и одновременно вторым внешним управлением (в пятикомпонентных моделях). Глагольные управления нами учитываются в максимальной возможной степени (как облигаторные, так и потенциальные). В классификации представлены частотные ГИС, выборочно выписанные из современной русской печати и многих доступных трудов и словарей в количестве 405 Ч- и 405 Р-ГИС.

1.3 Принципы построения СК и ее структура. Классификацию можно, по нашему мнению, считать полной и информационно сгущенной. Во время распределения и зачисления отдельных ГИС по их компонентам, соотносительным глаголам и их управлениям в ней в то же время применялись структурный, словообразовательный (сопоставление лексического состава), семантический и валентный критерии и сопоставительная чешско-русская точка зрения. Объединяющая линия темы – практический прием лингводидактический. Впервые, по-видимому, принималось во внимание существование второго внешнего управления у ГИС в пятикомпонентных моделях. Нам кажется, что в результате возникла цельная концепция наглядно разработанной, систематизированной точной классификации, подкрепленной бо̲льшим количеством примеров.

Лингводидактический подход проявляется нарастанием (распределением по степеням) предполагаемой трудоемкости в течение освоения и перевода включенных в классификацию ГИС и СГ. Дело в том, что общий прием исходит из комплектных, полных рядов (возникших зачислением отдельных членов в общую идеальную парадигму типа *Ч-ГИС + Ч-СГ – Р-ГИС + Р-СГ*) с членами, которые полностью совпадают в обоих языках по своему количеству, форме и значению[1] по направлению к некомплектным рядам, считающимся известным способом «дефектными».

Две стержневые части классификации представляют ГИС как часть четырех- и пятикомпонентных моделей предложения. Первое и второе внутреннее разделение отмеченных частей аналогично (у четырехкомпонентных моделей гораздо проще), тогда как третье распределение уже полностью тождественно. В общем и

целом эти распределения основываются на соотношении «сходство против отличности» сравниваемых явлений.

Первое внутреннее распределение – зависит от наличия СГ (в ЧЯ, в РЯ, а также в ЧЯ и в РЯ одновременно) и от степени эквивалентности его управления к его соответствию. Ср., напр., ***dát** informaci* o čem komu/informovat o čem koho – ***дать** информацию* о чем кому/информировать о чем кого (случай наличия и абсолютного сходства управлений).

Второе внутреннее распределение – зависит от типа управления у чешских и русских ГИС, т. е.:

- у четырехкомпонентных моделей от соотношения управления внутреннего и 1-ого внешнего;
- у пятикомпонентных моделей от соотношения управления внутреннего, 1-ого внешнего и 2-ого внешнего.

Ч-ГИС против Р-ГИС как часть четырехкомпонентных моделей

Соотношение управления Ч- и Р-СГ	**=**	**≠**	**ЧЯ-о**	**РЯ-о**	**ЧЯ-РЯ-о**
Тип управления у Ч- и Р-ГИС	=/=	=/=	=/=	=/=	=/=
Соотношение управления внутреннего и 1-ого внешнего	=/≠	=/≠	=/≠	=/≠	=/≠
	≠/=	≠/=	≠/=	≠/=	≠/=
	≠/≠	≠/≠	≠/≠	≠/≠	≠/≠

Ч-ГИС против Р-ГИС как часть пятикомпонентных моделей

Соотношение управления Ч- и Р-СГ	**=**	**≠**	**Ч-о**	**Р-о**	**Ч-Р-о**
Тип управления у Ч- и Р-ГИС	=/=/=	=/=/=	=/=/=	=/=/=	=/=/=
Соотношение управления внутреннего, 1-ого и 2-ого внешнего	=/=/≠	=/=/≠	=/=/≠	=/=/≠	=/=/≠
	=/≠/=	=/≠/=	=/≠/=	=/≠/=	=/≠/=
	≠/=/=	≠/=/=	≠/=/=	≠/=/=	≠/=/=
	=/≠/≠	=/≠/≠	=/≠/≠	=/≠/≠	=/≠/≠
	≠/=/≠	≠/=/≠	≠/=/≠	≠/=/≠	≠/=/≠
	≠/≠/=	≠/≠/=	≠/≠/=	≠/≠/=	≠/≠/=
	≠/≠/≠	≠/≠/≠	≠/≠/≠	≠/≠/≠	≠/≠/≠

Третье внутреннее распределение – зависит от структурных сходств самих компонентов ГИС, их основ. Речь тут идет о последней, детальной фазе дифференцирования ГИС. В состав данного распределения входят типы *А.*, *Б.*, *В.* и *Г.* и в обеих основных частях классификации оно совершенно тождественно и едино (ср. ниже).

Всего было установлено 240 возможных типов моделей с учетом 3 перечисленных видов распределения. Даже без 3-ого подробного распределения на высшем возможном уровне контрастирования, в силу которого происходит умножение в четыре раза, получаем точно 60 типов моделей (см. таблицы).

1.4 Преимущества предложенной концепции. Как уже указывалось выше, в процессе преподавания следует уделять особое внимание, в первую очередь, тем ГИС, в которых ФГ и/или именной компонент выражается в РЯ отличными формальными глаголами и/или отличными отвлеченными существительными (см. всегда особенно тип *Г.*). Наиболее проблематичным тут оказывается использование формально сходного в обоих языках ФГ, ибо ввиду отличной лексической сочетаемости многим чешским ФГ в соответствующих русских ГИС отвечают отлич-

ные ФГ, ср., напр., ***udělat*** *dojem, pořádek* – ***произвести*** *впечатление*, ***навести*** *порядок* и др. Именно в этом факте кроется, по всей вероятности, бо́льшая опасность отрицательного переноса или интерференции под влиянием родного языка. Таким образом, студентам угрожает возникновение многих серьезных ошибок лексического характера.

Отсюда ясно, что к **основным выгодам** избранной разработки классификации принадлежат, в частности: последовательное и точное контрастирование интерферирующих явлений (лексический состав и отличное управление) в чешско-русском плане; наглядность и возможность быстрой ориентации благодаря логическому членению; возможность прямого практического применения приводимых примеров в обучении в специальных сопоставительных упражнениях (однако также в учебниках, словарях и т.п.), подготавливаемых преподавателем[2]. Такие упражнения *«помогут выработать навык правильного построения фраз с устойчивыми глагольно-именными словосочетаниями и соотносительными глаголами»* [Панин 1978: 24]. Готовый материал для сопоставительных упражнений разной степени трудоемкости можно в большом количестве черпать прямо из отдельных частей классификации.

2. Очерк сопоставительной дидактической классификации ГИС: 2 полюса

2.1 Ч-ГИС против Р-ГИС как часть четырехкомпонентных моделей

2.1.1 Управление соотносительного глагола одинаковой основы в РЯ сходно (=)

ТИП: nazvat co/назвать что

2.1.1.1 Внутреннее и внешнее управления сходны (= : =)

1. ТИП: ***dát*** *název* čemu/nazvat co : ***дать*** *название* чему/назвать что

А. **О обоих компонентов ГИС, т. е. глагольного и именного, в РЯ сходна**:
K^3[4] – 2/4 : [4] – 2/4:
provést *analýzu* čeho/analyzovat co : ***провести*** // ***произвести*** *анализ* чего/проанализировать что

Б. **О компонента глагольного в ГИС в РЯ отлична**:
K [4] – 3/p 7 : [4] – 3/p 7:
udělat // ***učinit*** *konec* čemu/skoncovat s čím : ***положить*** *конец* чему/покончить с чем

В. **О компонента именного в ГИС в РЯ отлична**:
K [4] – 2/4 : [4] – 2/4: ***provést*** *opravu* čeho/opravit co : ***произвести*** *ремонт* чего/отремонтировать что

Г. **О обоих компонентов ГИС, т. е. глагольного и именного, в РЯ отлична**:
K [3] – 4/4 : [3] – 4/4: ***podrobit*** *zkoumání* co/prozkoumat co : ***подвергнуть*** *исследованию* что/исследовать что

2.2 Ч-ГИС против Р-ГИС как часть пятикомпонентных моделей

2.2.1 Управления соотносительного глагола одинаковой основы в силу его отсутствия (0) в ЧЯ и в РЯ нет

ТИП: 0/0

2.2.1.1 Внутреннее и 1-ое внешнее управления отличны, 2-ое внешнее сходно (≠ : ≠ : =)

59. ТИП: ***přičíst*** // ***připsat*** *zásluhu* na čem komu/0 : ***поставить*** в *заслугу* что кому/0

А. ▯

Б. **О компонента <u>глагольного</u> в ГИС в РЯ <u>отлична</u>**:
<u>К [4] – р 6 – 3/о</u> : <u>[р 4] – 4 – 3/о</u>:
přičíst // ***připsat*** *zásluhu* na čem komu/o : ***поставить*** в *заслугу* что кому/о

В. **О компонента именного в ГИС в РЯ отлична:**
<u>К [4] – р 4 – р 7/о</u> : <u>[7] – р 6 – р 7/о</u>: ***vyměnit si*** *názory* na co s kým/o : ***обменяться*** *мнениями* о чем с кем/о

Г. **О <u>обоих</u> компонентов ГИС, т. е. глагольного и именного, в РЯ <u>отлична</u>**:
<u>К [р 3] – 3 – 4/о</u> : <u>[р 4] – 2 – 4/о:</u> ***dát*** k *dispozici* komu co/o : ***предоставить*** // ***отдать*** в *распоряжение* кого что/о

Следуют отрывки высказываний со сходными и отличными управлениями ГИС и СГ на основе наличия или отсутствия СГ в качестве практического применения описанной классификации.

Ч-ГИС против Р-ГИС как часть четырехкомпонентных моделей

Управление соотносительного глагола одинаковой основы в РЯ сходно (=)

Внутреннее и внешнее управления сходны (= : =). Тип А.

1. *Tam* ***provádí analýzu*** (= ***analyzují*** co) *zadržených narkotik.*
→ а) Там они ***проводят анализ*** задержанных наркотиков.
б) Там они ***анализируют*** задержанные наркотики.

x

Внутреннее и внешнее управление отличны (≠ : ≠). Тип Г.

2. *Nemůže* ***stát stranou*** (= ***se stranit*** čeho) *veřejného života.*
→ а) Она не может ***стоят*** в ***стороне*** от общественной жизни.
б) Она не может ***сторониться*** общественной жизни.

Ч-ГИС против Р-ГИС как часть пятикомпонентных моделей

Управление соотносительного глагола одинаковой основы в РЯ сходно (=)

Внутреннее, 1-ое и 2-ое внешнее управления сходны (= : = : =). Тип А.

3. *Uživatelé* ***dávají*** *zločincům podrobné* ***informace*** *o* (= ***informují*** o čem koho) *účtech.*
→ а) Пользователи ***дают*** злоумышленникам подробную ***информацию*** о счетах.
б) Пользователи ***информируют*** злоумышленников о счетах.

x

Внутреннее, 1-ое и 2-ое внешнее управления отличны (≠ : ≠ : ≠). Тип Г.

4. *Redakce se snaží* ***dát*** *majitelům na* ***vědomí*** (= ***uvědomit*** o čem koho) *otištění informací v katalogu.*
→ а) Редакция старается ***<u>поставить</u>*** владельцев в ***известность*** о размещении информации в каталоге.
б) Редакция старается ***известить*** владельцев о размещении информации в каталоге.

В центр дидактической проблематики ГИС принадлежат также следующие, часто представляемые типы отношений (комбинаций) ГИС и соотносительных глаголов в рамках неполных (некомплектных) рядов.

Чешский язык	**Русский язык**	**Пример**
ГИС против СГ	*ГИС против СГ*	
– +	+ –	o/vetovat : ***наложить*** *вето*/o
– +	+ +	o/datovat : ***поставить*** *дату*/датировать
+ +	+ –	***udělit*** *napomenutí*/napomenout : ***сделать*** *замечание*/o
+ –	+ –	***být*** *východiskem*/o : ***дать*** *основу*/o

3. Некоторые выводы

• в обеих стержневых частях классификации всегда бóльшим количеством примеров представлена 1-ая часть, когда в РЯ существует СГ с тем же управлением (управлениями) и управление (управления) Ч- и Р-ГИС являются сходными; однако также данная основная группа далее равномерно дифференцирована вследствие отличного лексического состава Ч- и Р-ГИС;

• во всей классификации в Ч- и в Р-ГИС проявляется яркая доминантность внутренних управлений аккузативных беспредложных;

• непосредственное практическое применение рассмотренная концепция (в том числе содержащиеся в ней примеры) может найти не только в разных упражнениях контрастивного типа, но и, например, в различных автоматических компьютерных языковых программах.

Условные сокращения:

ГИС – глагольно-именное/ые сочетание/я; О – основа слова; Р – русский; РЯ – русский язык; СГ – соотносительный/е глагол/ы; СК – сопоставительная классификация; ФГ – формальный глагол; Ч – чешский; ЧЯ – чешский язык

Примечания:

[1] Однако ни формальное, ни смысловое сходство (эквивалентность) тут нельзя понимать абсолютно. В определенных случаях, наверное, имеются более детальные грамматические различия во внутренней структуре сочетания (падежи, предлоги) и форме его компонентов (напр., множественное число отвлеченного существительного), в стилистическом использовании или в специфических семантических оттенках.

[2] Образцы таких упражнений и ценные импульсы для работы с отношением «ГИС против СГ» для одного языка можно найти прежде всего в трудах русских лингвистов, ср. Панин 1978: 24–25, Дерибас 1968: 37–39, 46–50; и др.

[3] «К» обозначает сокращенную (только в цифрах и без символов для обозначения членов предложения) запись комбинации падежей существительных в ГИС и после него, включая возможные предлоги, служащую для быстрой ориентации в ядрах моделей. После дроби следует запись управления СГ. В квадратных скобках находится всегда падеж внутренневалентного, т. е. именного комплемента ФГ.

Источники:

Известия (1998), Комсомольская правда (2002), Московские новости (2003), Российская газета (1999, 2000), Финансовые известия (1998); .gazeta.ru (2004, 2005), .google.com (2007), .rambler.ru (2005, 2007), .utro.ru (2005)

Использованная литература

Gregor, J.: *Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického).* Opera slavica XVI, 2006, č. 4, s. 11–26.

Gregor, J. (а): *Valenční možnosti verbonominálních spojení v publicistickém stylu (v česko-ruském srovnávacím plánu).* Doktorská disertační práce, Katedra slavistiky FF UP. Olomouc 2007. 291 s.

Gregor, J. (б): *Ustálená verbonominální spojení v ruském publicistickém stylu a jejich specifika (v částečné konfrontaci s češtinou).* Rigorózní práce, Katedra slavistiky FF UP. Olomouc 2007. 227 s.

Gregor, J.: *Typologie lexikálních vztahů ruských ustálených verbonominálních spojení s formálním slovesem дать a jejich souvztažných sloves (ve srovnání s češtinou).* (печатается журналом «Славия»)

Дерибас, В. М.: *Устойчивые глагольно-именные словосочетания в общественно-политических текстах.* In: Из опыта преподавания русского языка нерусским IV. Москва 1968, с. 34–52.

Панин, И. М.: *Работа над синонимичными парами типа «одержать победу над врагом» – «победить врага».* РЯНШ, 1978, № 3, с. 22–25.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Радка Гржибкова
Чехия, Прага

«РАДУГА» ПО-НОВОМУ

Abstract:
Russian language instruction in the Czech Republic has undergone substantial modification at all levels. Three phases of this process can be clearly identified: 1990 – 1995, 1996 – 1999, 2000 – up to the present day. Starting from the decline following 1989 developments it gradually gained equal platform with other languages taught as the second language. Most recently, Russian language instruction has adopted the European language policy and its requirements. Revitalisation of Russian language instruction was boosted by innovative sets of textbooks Raduga and Pojechali that were developed at the Faculty of Pedagogy of Charles University. They integrate both traditional and contemporary approaches to foreign language instruction and fullfil the requirements of a modern foreign language textbook.

Key words:
Russian language, Czech Republic, instruction, textbooks.

Учебный комплекс «Радуга» применяется в чешской (а также словацкой) школьной практике уже одиннадцать лет. Его судьба и функционирование тесно связаны с историей преподавания русского языка в Чешской Республике после 1989 года, в которой, на мой взгляд, можно выделить три основных периода.

Замысел и первая часть учебного комплекса возникли в первом, самом трудном для русского языка периоде (1990 – 1995). Это было время спонтанного отказа от русского языка и вообще русской культуры. В этот период распалась система повышения квалификации учителей русского языка. Обучение русскому языку практически прекратилось в основных школах. Поэтому необходимо было создать новые учебные пособия для обучения русскому языку с начального этапа в средних школах, что требовало совсем нового методического подхода.

Вторым периодом можно считать 1996 – 1999 годы. В это время начался процесс присоединения Чешской Республики к Евросоюзу. Этому процессу соответствовали и важные изменения в изучении и преподавании иностранных языков. Тогда авторский коллектив «Радуги», создал 2 и 3 часть учебного комплекса, что позволило подготовлять учащихся к экзамену на аттестат зрелости. К концу этого периода, в 1999 году, началась подготовка новой концепции государственного экзамена на аттестат зрелости, которая до сих пор не завершена. Важен, однако, тот факт,

что русский язык вошел в число шести иностранных языков, по которым можно сдавать экзамен на аттестат зрелости.

Приблизительно в 2000 году заметен поворот, который можно считать началом третьего периода. В Чешской Республике введена реформа обучения иностранным языкам, согласно которой ученики начинают изучать первый иностранный язык с третьего класса, а на второй ступени основной школы (не позже 8-го класса) каждый ученик должен выбрать еще один иностранный язык.

В мае 2004 года Чешская Республика стала членом Евросоюза. Уже несколько лет до этого разрабатывались и вводились в жизнь документы, нужные для воплощения общеевропейской языковой политики. Основным документом, учитывающим все требования этих материалов, становится «Общая образовательная программа» (Rámcový vzdělávací program) для отдельных типов школ. На ее основе школы разрабатывают свои учебные программы. Число нефилологов, желающих изучать русский язык в вузах и на курсах возрастает. Большое количество русских, жувущих, учащихся, работающих и основывающих свои фирмы в Чешской Республике, создает для этого благоприятные условия. С другой стороны, чешские фирмы, имеющие деловые сношения с Россией, все чаще записывают своих сотрудников на курсы русского языка.

Именно в этот период русский язык стал возвращаться также в основные школы. По заказу Министерства просвещения, к которому обращались родители и учителя, сформировался авторский коллектив, начавший работать над новым учебным комплексом «Поехали», предназначенным для учеников основных школ (4 – 8-х классов). На сегодняшний день он имеет уже пять частей.

Из выше сказанного вытекает, насколько изменились условия для изучения русского языка по сравнению с 1990 годом. Разумеется, что в связи с этим учебный комплекс «Радуга» необходимо было подвергнуть существенной переработке, которая отразила бы все новые познания в области лингвистики и лингводидактики, новые обучающие технологии и новые явления в лексике и в области языковой политики. Преемственность в учебном комплексе обеспечена почти тем же составом авторского коллектива. Сохраняются в пособии все основные концептуальные подходы, которые оправдали себя в школьной практике в течение одиннадцати лет, т. е. в его концепции и структуре доминируют следующие подходы: комплексность, вариантность и адаптивность, коммуникативный подход (разделы строятся по принципу «от речи к речи»), учет родного языка (пронизывающий всю структуру отдельных частей пособия), графическое и художественное оформление, учет возраста учащихся, страноведческая аспектизация, наглядность и мотивирующие аспекты, тщательно разработаны способы и мера закрепления усваиваемого языкового материала). Учебный комплекс «Радуга» и далее основан на интегрированной лингводидактической концепции, т. е. использует положительные результаты современных и традиционных направлений в обучении иностранным языкам. Но это не значит, что в нем необоснованно чередуются неоднородные элементы разных дидактических подходов. Наоборот, авторы стремятся создать цельную систему, в которой все элементы занимают свое прочное место. Авторы исходят из предположения, что учебное пособие должно не только стать опорой для начинающего и опытного преподавателя, но также стимулировать самостоятельный творческий подход учителя и учащихся. Авторы поэтому создают учебник адап-

тивный, который предусматривает модификации по отношению к меняющимся условиям обучения, к обучающим приемам и учебным стратегиям, и позволяет индивидуализированное обучение и самостоятельную работу учащихся. Такой подход решающим образом определяет структуру учебника. Учебный материал в нем, как и в предыдущем варианте, дается в трех параллельных линиях: стандартной (основной), вспомогательной (тренировочной) и расширяющей. Эти три линии тематически взаимосвязаны. Стандартная линия содержит учебный материал, рассчитанный на среднего ученика. Предполагается, что им овладеют по возможности все ученики. Вспомогательная линия представляет собой дополнительные тренировочные упражнения для более слабых учеников. В расширяющей линии (в учебнике и книге для учителя) помещаются разные материалы – оригинальные тексты, страноведческие сведения, расширяющая лексика, анекдоты и т. п. Такой способ организации учебного материала облегчает преподавателю дифференцированный подход и индивидуализацию обучения в зависимости от интересов и учебных стилей отдельных учеников. Вариантность учебника проявляется также в том, что преподаватель может выбрать разные приемы в обучении языку, которые подробно описываются в книге для учителя.

Что меняется в учебном комплексе? Он весь приспосабливается к международным стандартам, документам, связанным с общеевропейской языковой политикой, с «Общей образовательной программой» в Чешской Республике и с требованиями к государственному экзамену на аттестат зрелости. В связи с этим меняются количество частей, структура разделов, графическое и художественное оформление, вводятся новая лексика, новые реалии и лингвореалии, углубляются и эксплицитно графически выделяются межпредметные связи, речевые интенции и учебные сгратегии, каждый раздел содержит языковой портфель. Особое внимание уделяется фонетике, аудированию и чтению с установкой на понимание, так как умение слушать и читать текст с пониманием являются важнейшими практическими целевыми речевыми умениями, которые будут проверяться при государственном экзамене на аттестат зрелости.

Тексты являются основной и незаменимой составной частью каждого учебника. От их выбора и обработки при изучении иностранного языка зависит многое. В учебном процессе они выступают в двойной роли: как средство и цель обучения. В учебном комплексе «Радуга» им уделяется максимальное внимание, они образуют в нем тщательно обдуманную и разработанную систему, в которую входят четыре основных типа текстов: исходные (вводные) тексты, тексты для самостоятельного чтения, тексты для аудирования и расширяющие (дополнительные) тексты. К текстам, в зависимости от их предназначения, разработаны задания разного типа, многие из которых представляют собой также своего рода микротексты.

При выборе текстов соблюдались следующие критерии: мера аутентичности текста в зависимости от его функции в учебном процессе, связь текста с тематикой раздела, словарный запас, содержащийся в тексте, учет возраста и психики учащихся, учет жизненного опыта учащихся, учет языковых заний и умений учащихся, проблемность текста в связи с реальными жизненными ситуациями, содержит ли текст импульсы для спонтанного развития речевых умений, т. е. вызывает ли потребность коммуникации, градуирование требований на всех уровнях (лексика, жанры, стили, типы заданий и т. п.).

Исходные (вводные) тексты составлены как вступление в отдельные разделы учебника. Это образцовые, сильно адаптированные учебные тексты, строящиеся, однако, на материале живой разговорной речи, которые содержат весь обязательный лексический минимум по данной теме, соответствующий фонетический и грамматический учебный материал, а также импульсы для развития продуктивных речевых умений. Эти тексты предназначены для аудирования (они записаны на компакт-диске) и для тренировнки в технике чтения. Сначала преобладают тексты диалогические, постепенно все больше включаются тексты монологического характера. С работой над вводными текстами тесно связано ознакомление с новой лексикой и грамматическим материалом, который учащиеся осваивают и закрепляют посредством системы заданий в последующих 2-й и 3-й части каждого раздела. Работая с вводными текстами, можно использовать разные приемы и их комбинации, например: прослушивание текста в целом или по частям с установкой на глобальное или детальное понимание, тихое чтение текста с последующим анализом, чтение вслух, повторное чтение после освоения лексического и грамматического материала как переход к комплексным речевым заданиям (4-я часть каждого раздела).

Начиная с 5-го раздела 1-й части учебного комплекса, новую, относительно самостоятельную часть каждого раздела представляют собой **тексты для самостоятельного чтения**. Оригинальные, минимально адаптированные тексты, тематически, лексически и грамматически связанные с темой данного раздела, служат прежде всего для развития умения ознакомительного, поискового и синтетического чтения. Их включение было вызвано необходимостью систематически обучать пониманию текста.

Тексты для самостоятельного чтения умеренно расширяют лексический минимум. Задания, в том числе и предтекстовые, ориентированы на развитие умения извлекать из текста максимум информации и на разные способы преодоления трудностей, связанных с незнакомой лексикой. Учащимся предлагаются варианты работы над текстом, например: тихое чтение с последующей работой по группам, тихое чтение с последующим самостоятельным индивидуальным выполнением заданий, ознакомление с заданиями, последующее тихое чтение текста и совместное или индивидуальное выполнение заданий.

Очень важное и, пожалуй, самое трудное речевое умение, нужное в процессе коммуникации, которому необходимо уделять особое внимание, – это прослушивание текста с установкой на понимание. Помимо вводных текстов, начиная с 5-го раздела 1-й части учебного комплекса «Радуга», аудированию служат специальные оригинальные, минимально адаптированные **тексты для аудирования**, тематически связанные с данным разделом. Они записаны на компакт-диске и в графическом виде предоставлены учителю в методическом пособии. В нем помещены также рекомендации, касающиеся разных вариантов методических приемов при работе над конкретным текстом, далее задания, ориентированные на проверку понимания, решения заданий и их оценка. Решение заданий может учитель после их выполнения, конечно, дать ученикам для самостоятельного контроля.

Оригинальные неадаптированные **дополнительные (расширяющие) тексты,** тематика которых также связана с отдельными разделами, помещаются в расширяющей линии учебника (на желтом фоне). Они содержат факультативную

лексику по теме, новые реалии и предоставляют импульсы для дискуссии. Вместе с другими материалами, помещенными на желтом фоне, они дают возможность индивидуального обучения. Учащиеся и учителя могут пользоваться ими в любой форме по собственному решению. Другие расширяющие тексты помещены также в методическом пособии, их использование зависит от учителя.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ирена Данецка
Польша, Ополе

КАКОЙ СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ НАМ НУЖЕН (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКОВ РКИ ДЛЯ ПОЛЬСКИХ УЧАЩИХСЯ)

Abstract:
My article deals with an important problem of the quality and usefulness of the lexical material placed in the Russian textbooks for the Poles. The author presents the results of the traditional introduction of the letters of the Russian alphabet in small parts by the Polish textbooks.

Key words:
Lexical material, Russian textbooks, selection, learning, teaching, letters of the Russian alphabet.

Лексический материал представлен в учебнике лексическим минимумом, который вводится тематически с учётом сферы общения. К самым важным проблемам, касающимся лексического материала национально ориентированных учебников, в данном случае русского языка для поляков, следует отнести такие явления как: многозначность слов, межъязыковые омонимы и паронимы, лексические лакуны, употребительность и пригодность слов.

Безусловно, самой важной и актуальной в польских учебниках считаем проблему употребительности слов, содержащихся в них. На вопрос, каким словам иностранного языка следует обучать, ответ может показаться однозначным: самым употребительным. Задача в настоящее время облегчается тем, что в распоряжении авторов учебных книг имеется *Система лексических минимумов современного русского языка* под ред. В.В. Морковкина [Морковкин 2003], в которой собрана коллекция из 10 алфавитных лексических списков-минимумов нарастающего объёма (по 500 слов в каждом списке), охватывающая лексическое ядро русского языка начала XXI века. Это важнейшее руководство для авторов учебников русского языка, однако не следует считать, что, работая над учебником, можно пользоваться готовыми списками слов из названного словаря. Здесь необходимо учитывать адресата учебника, в нашем случае – польского школьника, в круг интересов которого входят предметы и явления, не указанные (по понятным причинам) в началь-

ных списках, такие как *мобильник*, *компакт-диск*, *кроссовки*, без которых трудно себе представить речь юного поляка даже на начальном этапе обучения.

В своём выступлении хотим обратить внимание на один важный аспект проблемы употребительности слов, вызванный традицией вводить русский алфавит поэтапно. Ученики, изучающие русский и западный языки, сравнивают результат процессов обучения и приходят к неутешительным выводам: спустя 2 месяца обучения западному языку они могут представиться, рассказать о себе, вести общение пусть и на элементарном уровне, а, изучая русский, за этот же период знают лишь половину алфавита, пишут и читают отдельные слова и не могут вступить в общение с носителем языка. Под этим углом зрения мы проанализировали вводные части действующих учебников русского языка для польских гимназистов разных издательств: *В Москву!*, *Русский язык по-новому, Прогулка* и сравнили их с учебником *Кл@ссно!*, которого являюсь соавтором. В польской (и не только в польской) методике преподавания РКИ до сих принято вводить буквы «порциями», как правило, по 4-5 букв на одном уроке. Это приводит к тому, что в качестве образца ученику предлагают слова, словосочетания и конструкции малопригодные, а порой совсем непригодные для общения. От своих «соперников» *Кл@ссно*! отличается некоторыми новаторскими решениями, в том числе введением всех букв русского алфавита уже на первом уроке с помощью нашей авторской методики. Подчеркнём, что учебник прошёл апробацию и по мнению учителей и методистов принятое авторами решение оправдало себя. С первых уроков ученики могут принимать участие в полноценном общении на русском языке, что отвечает требованиям таких важных дидактических принципов, как принцип синтаксической основы, суть которого заключается в том, что с первых уроков иностранного языка учащийся должен уметь конструировать минимальную функционирующую единицу речи, т.е. предложение, и принцип коммуникативности, т.е. уподобление процесса обучения процессу реальной коммуникации, и тем самым овладение языком как средством общения. Известно, что если учащиеся не видят прямой связи между изучаемым материалом и тем, что, по их представлениям, должны знать и уметь говорить, слушать, читать и писать на иностранном языке люди в реальном процессе коммуникации, то, естественно, резко снижается их мотивация. Поэтому, в нашем учебнике начиная с третьего-четвёртого урока, ученики общаются полноценными фразами, и что важно – это общение проходит с учётом возрастных особенностей и круга интересов учащихся гимназии.

В настоящее время все изданные в Польше учебники русского языка называют себя современными, коммуникативно направленными, относят себя к учебникам нового поколения. Так ли это? Используя примеры, почерпнутые из учебников, хотим задать вопрос: нужен ли нам и нашим ученикам такой русский язык? Вот основные наши замечания:

Во-первых, авторам и редакторам трудно проследить, чтобы в тексты учебника не попадали слова, в которых есть ещё неизвестные ученикам буквы. Эта проблема касается всех польских учебников. Итак, в учебнике *Прогулка* в главе 2 [стр. 15] ученики должны подписать слова с новыми буквами Т, К, Б, Р, Э, Ы. Однако в словах *книга, банан, цветы, ролики, экран* ученики не знают ещё букв Г, Н, Е, Ц, Л. То же самое наблюдаем и в учебнике *В Москву!*, где буква Б вводится в разделе 5 [стр. 31], а сама буква появляется раньше, в словах *работа, работать, брат*

[стр. 29]. В учебнике *Русский язык по-новому* буква В вводится в разделе 4 [стр. 17], а в разделе 3 можно прочитать: *На стене в комнате Анны карта*. Таких примеров больше, вопрос в том, как учителю найти методически правильный выход из этой ситуации.

Во-вторых, на начальном этапе обучения, который длится два-три месяца,[1] ученики изучают русский алфавит на материале таких слов, как *ад*, *рама, ара, рак, рыба, краб, мотор, трактор, бак, сено*, *трубка, компот, яма*. Авторы учебников якобы помнят, что обучать лексике и морфологии надо на синтаксической основе, однако вряд ли ученикам покажутся интересными и пригодными для общения следующие тексты: *Это кот Амор, а это рак Арон. Это торт Анны, Камы, Наты. Это трактор, а это экран.* [*В Москву*! ст. 17] или же *Это мы: я, мама, папа, брат, дядя. Это Катя. Это кот. Там ара, рак, рыбы, крабы. Это карта? Да, это карта. Трактор? Да, трактор. Это моя мама* [*Прогулка,* стр. 17] *Это наш класс. Тут карта, окна, шкаф. В шкафу конверты, мел. У стола стул. У окна полка. На столе лампа. В нашем классе весело.* [*Русский язык по-новому*, стр. 19]. Прискорбно, что такими словами и текстами ученики оперируют продолжительное время.

В-третьих, авторы учебников искусственно избегают слов, логически связанных с темой или ситуацией, поскольку ученики не знают всех букв, составляющих данные слова. Итак, в учебнике *Прогулка* в главе I, говорящей о доме и семье, нельзя употребить само слово *семья*, поскольку буква Ь вводится только в VII главе. В связи с этим невозможно выполнить часть упражнения 2 на стр. 13, в котором надо подписать иллюстрации. Одна из них представляет группу людей, состоящую из мамы, папы, сына и дочки, следовательно, естественной была бы подпись *семья*. Кстати, невозможно также просто перечислить лиц на фотографии, опять-таки из-за нехватки букв Ч, Ы, С, Н, К (дочка, сын). Подобная ситуация имеет место в главе V *В школе*, когда на иллюстрации, представляющей компьютерный класс, на партах вместо компьютеров находятся ноутбуки (ученики всё ещё не знают мягкого знака).

В-четвёртых, трудно понять, почему авторы учебников заставляют учеников продуцировать бессмысленные, вызывающие недоумение предложения. Итак, закрепляя конструкцию *у меня…*, *у тебя…* авторы учебника *Прогулка* предлагают строить следующие фразы на материале иллюстраций: *У мамы подарок, машина и почтовая карточка. У Бори кубики, карта и принтер. У Кати яблоко, торт и ракетка. У папы рыба, трактор и кредитная карточка*. [стр. 24-25]. В учебнике *Русский язык по-новому* авторы предлагают разыгрывать самостоятельно диалоги со словами: *парта, карта, дом, комната, трактор* [стр. 16], заведомо зная, что ученики могут составить только диалоги типа: *–Это парта? –Да, это парта. –Это трактор папы? Нет, это трактор дяди.*

Из сказанного можно сделать вывод, что выбор слов для учебника зачастую носит случайный характер и не оправдан ни тематикой, ни целями обучения. Бывает и так, что со словами, введёнными на первых уроках русского языка, ученики не столкнутся больше в процессе обучения. Данный способ работы над алфавитом можно считать шагом назад по сравнению с изданным в 1995 г. учебником *Как дела?*, где авторы, вводя сразу на первом уроке 12 букв, предоставили ученикам реальную возможность общаться, задавать друг другу вопросы, типа *Как тебя зовут?* и отвечать на них.

Перечисленных нами ловушек удалось, на наш взгляд, избежать в учебнике *Кл@ссно*! и поэтому именно по нему обучались 1500 учеников 50 гимназий г. Познань, участвующие в проекте *Русский язык – язык будущего*. Преподавание вели студенты-волонтёры Познанского университета, и их мнение об учебнике утвердило нас в правильности принятого решения. А благодаря очередному новаторскому решению, а именно выбору героями учебника реально существующих учеников московской гимназии, которые стали авторами части текстов учебника, он стал аутентичным и увлекательным рассказом о жизни российских ровесников наших гимназистов. Тот же принцип работы над алфавитом предложила Наталия Вешнёва, автор учебника русского языка для англичан *По России... с любовью*. Опыт введения алфавита «оптом» был проведён во время открытого урока 11 октября 2003 г. в павильоне *Форум* Франкфуртской выставки. Ученики – это немецкие школьники, а учитель – Анна Голубева из издательства *Златоуст*. Первый урок начался с рассказа о России. Потом – русский алфавит: его особенности и то, чем он похож на латиницу. После этого все вместе учатся читать. В конце урока каждый ученик написал о себе несколько слов по-русски: *Меня зовут Астрид. Я люблю Россия*, или же: *Ульрих Вегнер. Я могу учить русский язык для идти на Петербурге и видеть музей*. Все ученики получили поощрительные призы. Было за что поощрять: выучить 33 буквы русского алфавита за один урок – это нелегко, но, как оказывается, возможно.

Примечания:

[1] Исключением является учебник *Прогулка*, в котором работе над русским алфавитом посвящены 8 из 9 глав, т.е. практически весь учебник для I класса.

Использованная литература:

Морковкин, В.В.: *Система лексических минимумов современного русского языка*. Москва 2003.

Danecka, I., Chlebda, B.: *Кл@ссно! Język rosyjski dla gimnazjum. Podręcznik dla początkujących*. Warszawa 2004.

Figarski, W.: *В Москву! Gimnazjum. Podręcznik*. Warszawa 1999.

Gorczyca, W., Lipska-Gorczyca B.: *Русский язык по-новому. Podręcznik dla rozpoczynających naukę w I klasie gimnazjum*. Warszawa 2000.

Granatowska, H., Danecka, I.: *Как дела?* Warszawa 1995.

Chmielewska, J., Grabarczyk, K., Szacherska, M.: *Прогулка. Podręcznik z ćwiczeniami dla początkujących*. Warszawa 2003.

Veshneva, N.: *По России... с любовью*. London 2002.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Тадеуш Домбровский
Польша, Лодзь

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСАМИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДЕЛОВОМУ РУССКОМУ СО СТУДЕНТАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Abstract:
Nowadays internet means and resources are widely used in international business, marketing of goods & services as well as in arranging of common activities among business partners and communication among companies. Owing to effective use of internet materials (Runet) students of economics may obtain current information regarding principles of handling business in Russia and other countries of CIC, especially concerning issues of production & sales, management & consulting. It also offers the opportunity to get acquainted with documentation, rules, regulations and instructions as well as with opinions/comments of notorious businessmen. The materials serve as a model for preparing to business Russian classes concerning questions of presentation of a company, economic & financial indexes, foreign trade etc.

Key words:
Banking, business, commercial, company, delivery, documents, exchange, exhibition, fair, goods, insurance, Internet resources, marketing, tests.

Средства и ресурсы Интернета в настоящее время активно используются в международной деловой практике.

Благодаря эффективному использованию материалов Интернета (Рунета) студенты экономического вуза получают актуальную информацию о правилах ведения бизнеса в России и других странах СНГ.

Для подготовки к занятиям мы используем сами и рекомендуем учащимся наиболее популярные российские и польские информационно-поисковые системы.

Заходя на страницы российской прессы для бизнесменов, учащиеся могут познакомиться не только со спецификой печати, ее жанрами, но также с особенностями языка СМИ нынешней России.

К тому же студенты получают фактическую информацию о позитивных и негативных сторонах функционирования фирм в СНГ, о проблемах производства

и сбыта продукции, вопросах менеджмента и консалтинга, знакомятся с документами, законами, распоряжениями, а также с комментариями к ним.

Данный материал в дальнейшем служит образцом для подготовки к занятиям по русскому языку специальности, например, по таким вопросам как презентация фирмы, финансово-экономические показатели деятельности фирмы, внешнеэкономическая деятельность.

Практическое владение языком складывается из умений воспринимать речь на слух, читать, говорить и писать на изучаемом языке. Поэтому каждая как аудиторная, так и домашняя работа должна включать в себя материалы по проверке 4-х основных аспектов речевой деятельности.

На занятиях мы часто прибегаем также к симуляции, которая позволяет не только усвоить теорию, но и на практике отработать возможности ее применения, разобраться в факторах, влияющих на развитие бизнеса.

Пользуясь интернет-ресурсами, мы находим различные фирмы, выпускающие тот или иной товар или оказывающие определенный вид услуг.

На основании найденного материала учащиеся прослеживают все этапы деятельности фирм. Таким образом, учащимися тренируется понимание основного содержания, полное понимание текста и понимание выборочной информации. Студенты определяют, например, условия заключения коммерческих сделок, описывают и анализируют проведенные маркетинговые исследования, оценивают эффективность использованных видов рекламы и т.д.

Данная информация находит затем свое отражение как в устной речи, так и в письменных работах репродуктивного и продуктивного характера, т.е. в заполнении формул бизнес-плана, в коммерческой корреспонденции, а также в банковской, транспортной, таможенной, страховой документации.

Для заданий по аудированию, во избежание интонационных и артикуляционных погрешностей используются нами лишь аутентичные записи (из радио- и телепередач) и тексты, начитанные носителями русского языка.

После прослушивания студенты на контрольных листах выбирают правильный ответ из предложенных. Формула заданий требует от учащихся определения, какой из ответов соответствует, а какой не соответствует прослушанной информации. Контрольные задания содержат как элементы репродуктивного характера (заполнение таблиц недостающей информацией – даты, цифры, факты, ассортимент и т.п.), так и продуктивного характера – открытые вопросы.

Общеизвестно, что на рынке ценится лишь та компания, которая поместила информацию о себе в Интернете.

Кроме информации о фирме, на веб-странице размещаются типовые документы, а также портфолио продукции, ее технические характеристики.

Для получения фактических знаний из области формальностей, которые необходимо выполнить начинающему предпринимателю при регистрации своей фирмы в налоговой инспекции, мы поручаем студентам обратиться к веб-страницам Московской налоговой инспекции. Там мы находим информацию не только о пакете документов, которые необходимо представить в учреждение, но также имеем возможность ознакомиться с подлинными бланками – картами постановки на учет налогоплательщика-организации и приложениями к ним.

С огромным интересом воспринимаются учащимися посещения сайтов рекламных агентств. На основании собранного материала мы проводим на занятиях дискуссию о наиболее привлекательных и эффективных видах рекламы, сувенирной продукции и рекламных кампаниях.

Немаловажным элементом успешного функционирования компании на отечественном и внешнем рынках является ее участие в выставках и ярмарках, как в стране, так и за рубежом.

Заходя на сайты ВВЦ, ЦМТ и МВЦ «Крокус-Экспо», мы получаем информацию об условиях участия экспонентов в данных мероприятиях, об аренде выставочных стендов, необходимой документации и расценках за оборудование выставочной площади. Данный материал является стимулирующим для проведения разных видов бесед и монологов и симуляции участия в сопутствующих мероприятиях.

В силу того, что любая поставка товара сопровождается конкретными отгрузочными, транспортными, страховыми и таможенными документами нам кажется необходимым ознакомить студентов с такого рода документацией в форме типовых бланков.

На занятиях учащиеся анализируют и изучают спецификацию, упаковочный лист, счет-фактуру/инвойс, все типы накладных, сертификатов, страховой полис и грузовую таможенную декларацию.

Для реализации этой цели мы часто прибегаем к информации, помещенной на веб-страницах отдельных предприятий, а также юридических и консалтинговых фирм.

О механизмах ценообразования, а также о калькуляции экспортных цен на товары и услуги в свете базисных условий поставок «ИНКОТЕРМС 2000» можно узнать, знакомясь с положениями рефератов, курсовых работ и диссертаций, помещенных на многочисленных веб-сайтах в помощь студентам.

Ценностью таких материалов является то, что представленные там рефераты написаны довольно простым языком, а рассматриваемые в них вопросы зачастую иллюстрируются таблицами, графиками, схемами, рисунками и бытовыми примерами.

Все сложности деятельности банков и проведения банковских операций помогает нам выяснить Википедия. Полезность данного сайта заключается в том, что на странице помещена информация об условиях образования банков, видах банков, банковских операциях, о правовом регулировании, а также ссылки на федеральные законы, нормативные документы и др.

Для того, чтобы более подробно разобраться в вопросах обслуживания счета клиентов, перечисления денежных средств, произведения безналичных платежей, проведения валютных операций, кредитования и т.д. мы часто заходим на веб-страницы отдельных российских банков и там черпаем необходимую информацию, которую затем подробно обсуждаем на занятиях.

В процессе функционирования предприятие, с одной стороны испытывает потребность в дополнительных денежных средствах, а с другой – имеет денежные средства, которые могут быть, например, размещены на финансовых рынках.

Чтобы более глубоко вникнуть в механизмы работы бирж, заключения сделок, установления котировок, курсов, а также для ознакомления с биржевой документацией и работой брокерских контор мы обращаемся к соответствующим веб-сайтам, где мы находим ссылки на действующие в России биржи и получаем информацию о видах услуг, оказываемых брокерскими конторами.

На основании пресс-релизов и других данных российских бирж мы изготовляем учебный материал в форме текстов для перевода и пересказа, а также лексических тестов и другого вида заданий.

Страхование рисков для предприятия уже давно стало необходимостью.

Перевозка груза – мероприятие, сопряженное с высоким риском. В пути может случиться все что угодно: ДТП, грабежи, кражи, техногенные аварии. Все это ведет к большим финансовым потерям.

На интернет-страницах страховых компаний мы находим подробную информацию обо всех видах рисков и страховых полисов, а также о широкой гамме услуг, которые страховщики предлагают страхователям.

Сама работа с интернет-текстом, однако, не лишена и недостатков.

Дело в том, что в настоящее время средства изложения информации в российских и русскоязычных Интернет-ресурсах далеко не всегда соответствуют нормам общелитературного русского языка.

Однако ценность интернет-текстов из сферы деловой практики предприятий для пополнения как словарного запаса студентов, так и расширения их знаний в области русского языка специальности, а также о ведении бизнеса в России и странах СНГ кажется нам несомненной.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Катерина Климова
Украина, Киев

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ УКРАИНСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Abstract:
The article analyses sociolinguistic and linguodidactic view upon Ukrainian – Russian bilinguism problem, as well as, highlights its importance in forming professional language competence among students – non – philologists. Studying theoretical legacy of linguists and pedagogues, the author lime lights that the Ukrainian language is the basis for science consolidation.

Key words:
Communicative linguistics, Ukrainian – Russian bilinguism problem, forming professional language competence among students-non-philologists.

По данным переписи населения (2001 г.), на территории Украины проживает около 22,2 % неукраинцев, среди которых самыми численными являются русские (17,3 %). В целом 29,6 % населения страны считает родным русский язык (из них – 17,3 % русских по национальности). Эти цифри достаточно убедительно иллюстрируют наличие украинско-русского двуязычия. Имея богатые фольклорные традиции, превосходные образцы классической литератури, своих гениев – светочей национального духа, Украина и Россия по-разному решали исторические судьбы своих языков. Периоды лингвоцида чередовались с годами «оттепели», давая возможность исследователям через призму времени оценить лингвистическое наследие прошлого.

В учебнике «Загальне мовознавство» М.П. Кочерган детально анализирует историю языкознания. Перед студентами предстают, в частности, монументальные фигуры основателей лингвистических школ России и Украины XIX – XX вв.:

А. Потебни (Харьковская лингвистическая школа), И. Бодуена де Куртене (Казанская лингвистическая школа), Л. Щербы (Санкт-Петербургская лингвистиче-

ская школа), выдающихся ученых – А. Пешковского, Ф. Фортунатова, А. Крымского, Е. Поливанова, В. Виноградова, Ф. Филина, Л. Булаховского, А. Шахматова, Е. Тимченко, Ю. Жлуктенко, В. Акуленко, В. Семчинского, О. Мельничука, В. Русановского и др. Многие из них отстаивали право языков на самостоятельное существование и развитие, изучали вопросы двуязычия с прогрессивных позиций. Так, И. Бодуэна де Куртенэ, который был дружен с И. Франко и В. Гнатюком, арестовали в 1914 году за слово в защиту малых народов России: *«Не тот или иной язык мне дорог, а дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не поддаваться отчуждению от всестороннего использования своего языка»* [Кочерган 2006: 79, перевод авт.]. Яркий представитель Московской лингвистической школы (конец XIX в. – первая треть XX в.) А.Н. Пешковский отстаивал мысль о значении целостности литературного языка для консолидации нации, отводя определяющую в этом роль школьному учителю.

На современном этапе развития коммуникативной лингвистики особый интерес представляют работы В. Костомарова, В. Гольдина, Е. Кубряковой и других исследователей, которые, следуя традициям прошлого, видят в государственном языке основу консолидации и самоутверждения нации. В лингвистических и лингводидактических исследованиях последних лет проблема украинско-русского двуязычия приобретает все большую актуальность; многие статьи посвящены анализу языковой ситуации на Украине, вопросам отношения молодежи (особенно студенчества) к украинскому и русскому языкам, объектом для изучения стал языковой феномен, именуемый суржиком. Приведем несколько цитат, в которых дается наиболее точная и полная оценка происходящего: *«На Украине вопрос культуры украинского языка стоял и стоит принципиально иначе, чем в национально «благополучных» обществах, поскольку его драматическим фоном является многострадальная история нашего языка вообще. Потеря естественности и красоты, засилье калек с русского и суржика лишают язык уникальности, опасно уменьшают «конкуренноспособность» украинского языка в публичной и приватной речи, компрометируют его, дают дополнительные аргументы его «доброжелателям»* [Дзюба 2001: 3 – 4, перевод наш]. Отсутствие синхронности языкового развития на западе и востоке Украины Л. Масенко объясняет политикой русификации, *«лингвоэтнической миксации, реализацию которой на Украине и в Белоруси упрощала близкородственность их языков с русским»*. Появление суржика на Украине автор связывает с русскоязычием в городской среде: *«Специфика украинской ситуации состоит в том, что в советскую эпоху явление спонтанной гибридизации украинского и русского языков в среде урбанизованного крестьянства сопровождалось официальной практикой нивеляции самобытных особенностей украинского языка с целью искусственного стимулирования процессов его сближения с русским языком»* [Масенко 2005: 3, перевод наш]. Наблюдая в среде украинского студенчества т.н. «языковой нигилизм», отсутствие стремления к языковому совершенствованию, Л.И. Мацько мотивирует это явление тем, что *«часть украинской молодежи никак не может избавиться от синдромов превосходства русского языка и незначительности украинского, порожденных столетним лингвоцидом. Как упрек украинскому языку приписывают суржик, хотя в действительности суржик возникает везде на стыке близких разговорных стихий и исчезает с усвоением норм литературного языка*

и осознанием говорящими своего языкового поведения» [Мацько 2006: 3, перевод наш]. Характеризуя масштабность распространения суржика на Украине, В. Радчук подчеркивает: *«Речь идет не только об украинско-русской смеси – оба языка представляют собой синтез десятков других, который продолжается»* [Радчук 2005: 37, перевод наш].

В дополнение к вышеизложенному заметим: от вузовских преподавателей зависит то, какое отношение к украинскому, русскому языкам, к проблеме двуязычия и многоязычия сформируется у завтрашних педагогов-негуманитариев. Если будущий учитель-филолог заведома настроен на практическое использование полученных лингвистических знаний в своей практической деятельности, то студенты нефилологических факультетов педагогических университетов ограничиваются в лучшем случае знаниями по деловодству и умением написать тот или иной документ в рамках небольшого курса «Украинский деловой язык». Очевидно, выходом из этой ситуации является разработка и введение в учебные планы спецкурсов и факультативов по украинскому языку, где вся система аудиторной и самостоятельной работы со студентами будет спроектирована на формирование языковой коммуникативной компетенции студента. Так, приемлемым нам кажется определение последней в диссертационном исследовании Ю. Тельпуховской: *«Языковая компетенция учителя в условиях билингвизма – владение системой двух языков, умение оформлять речь, соблюдая все языковые нормы; свободное владение двуязычной профессиональной лексикой и особенностями научного стиля; способность осуществлять речевое обеспечение ситуаций, в которых оказывается учитель в своей профессиональной деятельности; способность на одинаковом уровне пользоваться языками, функционирующими на территории проживания»* [Тельпуховская 2005: 6, перевод наш].

Какой же язык взять за образец литературного украинского, какие информационные источники рекомендовать студентам для изучения? Тут уместно использовать совет С. Караванского – выборочно ориентироваться на живую речь и брать за основу народное творчество в оригинальных записях, язык классиков, лексикографические источники [Караванский 1994:]. Пытаясь разрешить проблему языковой компетентности студентов в условиях билингвизма, педагоги предлагают различные подходы, среди которых интерес привлекают, например, рекомендации П. Куляса [Куляс 2005]: а) выработать в себе сознательно аналитическое (и критическое) восприятие словарей украинского языка; б) быть сведующим в исторических особенностях судьбы украинского языка; в) знать тенденции развития научного стиля на современном этапе, привести в четкое соответствие с нормами украинского языка общенаучные, педагогические, специальные термины, которые изучают студенты по учебникам, пособиям; крайне важно передать такой подход к языку науки студентам – как методологическую установку, путеводитель в их будущей научной и педагогической деятельности.

В работе «Наука про рідномовні обов'язки» Иван Огиенко призывал учительство бережно относиться к родному языку, передавая это чувство уважения школьникам: *«Каждый учитель – какой бы специальности он ни был – обязан в совершенстве знать свой соборный литературный язык, и произношение, и соборное правописание. Не годиться учителю оправдывать свое незнание родного языка профильной некомпетентностью»* (при переводе пунктуация изменена – авт.).

Более 70 лет прошло с тех пор, как прозвучали эти слова. Как видим, проблема языковой компетенции украинского учительства до сих пор актуальна и соответственно находиться в центре внимания лингводидактов: «Желательно, чтобы все педагоги Украины способствовали утверждению престижа украинского литературного языка, высокоразвитого, стилистически дифференцированного, способного удовлетворять все потребности государственной, экономической, общественной, культурной жизни украинской нации» [Семеног 2006: 17, перевод наш].

Подводя итоги вышеизложенному, следует подчеркнуть, что многочисленные научные исследования – прежде всего докторские диссертации, – целью которых является создание моделей формирования языковой профессиональной компетенции современного учителя (в том числе в условиях билингвизма), свидетельствуют о том, что украинская прикладная лингвистика последовательно и уверенно отстаивает право на существование и процветание украинского языка в толерантном и взаимообогащающем соседстве с языком братского (волею истории) русского народа.

Использованная литература:

Дзюба, І.: *Порадник на щодень*. Вступне слово. In: Пономарів О.Д. Культура слова: мовностилістичні поради: Навч. посібник, 2-ге вид. Либідь, Київ 2001.

Караванський, С.: *Секрети української мови: науково-популярна розвідка з додатком словників репресованої та забутої лексики*. Київ 1994, с. 7 – 8.

Кочерган, М.П.: *Загальне мовознавство: Підручник. Вид. 2-ге, виправлене і доповнене*. Видавничий центр «Академія», Київ 2006.

Куляс, П.: *Лінгвістична компетентність науковця і педагога: знати тенденції в житті мови*. In: Вища освіта України 1/2005, с.85 – 91.

Масенко, Л.Т.: *Українська мова в соціолінгвістичному аспекті*. Автореф. дис. ...докт. філолог. наук: 10.02.01. Київ 2005. – 40 с.

Мацько, Л.І.: *Аспекти мовної особистості у проспекції педагогічного дискурсу*. In: Дивослово 7/2006, с.2 – 4.

Радчук, В.Д.: *Параметри і взаємодія мов*. In: Дивослово 6/2005, с.37 – 44.

Семеног, О.: *Система професійної підготовки майбутніх учителів української мови і літератури*. Київ 2006.

Тельпуховська, Ю.М.: *Навчальний переклад як засіб формування мовної компетенції майбутніх учителів початкових класів (в умовах російсько-української двомовності)*. Автореф. дис. ...канд. педнаук: 13.00.02. Київ 2005.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Яна Козилкова
Чехия, Брно

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УНИВЕРСИТЕТЕ ОБОРОНЫ

Abstract:
The article deals with the current position of the Russian language at the University of Defence in Brno, its development and teaching. In connection with the module system of languages at the Faculty of Economics and Management it follows the issues of the departmental language training focused on examinations based on NATO STANAG 6001 and the academic language training aimed at special language. It presents examples of general language modules – A, B and C levels – as well as those of special language modules – military and economic terminology. In conclusion the module system, the Common European Framework of Reference and the examinations based on NATO STANAG 6001 are compared. UNIcert© is also mentioned in the article.

Key words:
Graduate's profile, module system, STANAG 6001, general and special language, CEFR, UNIcert©.

Языковому обучению в высших военных учебных заведениях уделялось и уделяется в настоящее время большое внимание. Языки были обязательными предметами изучения, и их знание являлось показателем качества образования выпускника. Содержание обучения иностранному языку отражало потребности его практического применения. Оно определено также местом армии в обществе и вхождением государства в международные сообщества, в военные пакты, альянсы.

До 1989 года в военных вузах студенты изучали главным образом русский язык. Так как до учебы в вузе они изучали его на протяжении 8 – 10 лет, многие сдавали экзамен на аттестат зрелости по русскому языку, предпочтение отдавалось, прежде всего, профессионально-ориентированному языку. В центре внимания стоял т. наз. тактический русский язык, используемый, напр., при общении во время военных учений. Студенту необходимо было уметь отдавать команды и приказы в наступлении и в обороне, он должен был управлять подразделениями и вести бой. Уровень обучения другим языкам был разным в зависимости от первоначального уровня знаний студентов. В начале 90 годов в связи с общественными изменениями происходит уравнивание всех языков, затем постепенно возрастает количество часов на изучение иностранного языка, вводится вступительный экзамен по иностранному языку, обязательным является обучение двум иностранным языкам, особое

внимание уделяется как специальному, так и языку повседневного общения. В середине 90-х годов министерством обороны было принято новое постановление, которое определило критерии требований по языковой подготовке в военных вузах. Данные требования ориентированы на экзамены по норме НАТО – STANAG 6001, которые определены четырьмя уровнями по отдельным видам речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение и письмо. Различаются уровни (SLP – Standardised Language Profile) с 0-го до 5-го, с начального уровня до уровня носителя языка. Эти экзамены действительны не только в странах НАТО. В Чешской Республике они признаны Министерством образования, молодежи и спорта для определения уровня владения иностранным языком работников государственной администрации. В связи с необходимостью сдачи данных экзаменов возникает потребность в коммуникативной компетенции, также изменяются содержание, формы и методы обучения иностранным языкам, в том числе русскому языку.

На Факультете экономики и менеджмента (ФЭМ) Университета обороны в г. Брно (до 2004 г. в Высшем военном учебном заведении Сухопутных войск в г. Вышков) изучение иностранных языков осуществляется с 2000/2001 учебного года в рамках т.н. модульной системы, которая связана с аккредитированной учебной программой «Экономика и менеджмент». (На этом факультете студенты изучают обязательно два языка, на других факультетах второй иностранный язык только вводится, либо он является факультативным.) Подход к изучению иностранных языков стандартен, в том числе и в отношении русского языка. Современная система включает следующие модули:

Общий/разговорный язык: A – модуль для начинающих изучение, B – модуль для продолжающих, C – модуль для продолжающих – продвинутый уровень.

Специальный язык (язык профессии, специальности): V – военная терминология, E – экономическая терминология, M – терминология военного менеджмента, S – терминология специальности.

Перечисленные выше модули, как и языковая подготовка в Университете обороны вообще учитывают требования двух направлений языкового обучения будущих кадровых офицеров. Во-первых, это – направленность на ведомственную подготовку к сдаче экзамена в соответствии с требованиями STANAG 6001, во-вторых, это – вузовская подготовка, ориентированная на терминологию по специальности.

В рамкаях модулей A, B, C, посвященных повседневному общению, студенты изучают следующие основные разговорные темы, модифицированные по уровням: семья, анкетно-биографические данные; школа, образование, профессия; покупки, магазины, услуги; еда, продукты питания; жилье, гостиница; транспорт, путешествие; свободное время и развлечения; окружающая среда; здоровье; основные данные о России и Чехии. В модуль C включены кроме того следующие темы: профессия и специальность – образование, повышение квалификации, администрация, практика, заявление о трудоустройстве; система образования, равноправие; здравоохранение; культура и общество; охрана окружающей среды; средства массовой информации и общество; проблемы национальных меньшинств; современные общественные вопросы – права человека, безработица, преступность, любительские общества.

С научным стилем, с деловым общением, с терминологией студенты знакомятся не раньше, чем на втором курсе, после того, как они достигли определенного

уровня по общей тематике и приобрели необходимые, хотя бы основные знания по военным и экономическим вопросам и по проблематике менеджмента. Однако обучение специальному языку не ограничивается только изучением терминологии, переводами и работой с научными статьями. Оно направлено на приобретение коммуникативной компетенции по языку специальности. Большое внимание уделяется развитию рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности путем выполнения разнообразных упражнений из доступных учебников и пособий. Таким образом, терминология специальности закрепляется на актуальном аутентичном и адаптированном материале, взятом, прежде всего, из Интернета. При преподавании и изучении учитываются не только специфические академические (вузовские) потребности – изучение научной литературы на русском языке, написание эссе, резюме, аннотаций, решерше, подготовка и выступление с презентацией, а также профессиональные потребности, связанные с поиском источников, обработкой результатов, управлением дисскусией и т.п.

В качестве примера тематики модулей, которые связаны с изучением терминологии по специальности, можно привести темы модулей E1 и M1. Данные модули изучают все студенты Факультета экономики и менеджмента.

E1: экономическая система (рыночная экономика), конъюнктура рынка, производство, юридические формы предприятий, потребление.

M1: основная характеристика менеджмента, вопросы планирования, проблематика организации и управления, оперативное управление, контрольная деятельность.

В летнем семестре 2006/2007 г. отдельные модули русского языка были представлены следующим образом: модуль A – 12 групп, модуль B – 1 группа, модуль C – 2 группы, модуль V – 2 группы, модуль E – 2 группы, модуль V – 1 группа, всего 20 групп, количество студентов – 135, причем из общего числа студентов дневного обучения бакалаврской учебной программы (251 студент) – 97 изучали русский язык как второй язык, это значит, 38,6 %.

Перечисленные выше модули разделены в т.н.блоки. Обучение по каждому из них продолжается один семестр. Выделяются следующие блоки: A1 – A5, B1 – B3, C1 – C4, V1 – V4, E1 – E4, M1 – M2, S1 – S2.

Мы попытались сравнить отдельные блоки нашей модульной системы с выделямыми уровнями по норме НАТО STANAG 6001 и с уже общеизвестной и принятой глобальной шкалой (A1, A2, B1, B2, C1, C2) Системы уровней владения иностранными языками Совета Европы (СУВИЯ). В настоящее время студенты первого курса чаще всего начинают изучение русского языка с модуля A, меньше B или C.

Модули STANAG 6001 СУВИЯ (=С.)

Сравнение:

Курс/сем.	Модуль	Уровень	STANAG	Название	Название	С.	Уровень
1 ЗС	A1	нулевой	Научная				
1 ЛС	A2					A1	Breakthrough
2 ЗС	A3						
2 ЛС	A4						
3 ЗС	A5						
3 ЛС	V1	базовый	SLP1111	Elementary	Survival	A2	Waystage

Курс/сем.	Модуль	Уровень	STANAG	Название	Название	С.	Уровень
1 ЗС	B1	базовый	SLP1111	Elementary	Survival	A2	Waystage
1 ЛС	B2						
2 ЗС	B3					B1	Threshold
2 ЛС	V1						
3 ЗС	C1						
3 ЛС	V2	пост-пороговый	SLP2222	Limited Working	Functional	B2	Vantage

Курс/сем.	Модуль	Уровень	STANAG	Название	Название	С.	Уровень
1 ЗС	C1	пост-пороговый	SLP2222	Limited Working	Functional	B2	Vantage
1 ЛС	V2						
2 ЗС	C3						
2 ЛС	V3						
3 ЗС	E3						
3 ЛС	M1	профес-сионального владения	SLP3333	Minimum Professional	Professional	C1	Effective Operational Profieciency

В настоящее время преподаватели иностранных языков в Университете обороны работают над разработкой материалов для прохождения аккредитации и получения свидетельства UNIcert© (УНИцерт©). На Факультете военных технологий уже существует данная возможность получения свидетельства по английскому языку, но мы хотели бы получить аккредитацию также по другим языкам.(Речь идет об университетском свидетельстве, которое признано во многих европейских вузах и технических университетах и которое обеспечивает стандартизацию, транспаретность и сравнительность языковых программ для студентов вузов нефилологического профиля.)

Языковое обучение в Университете обороны опирается также на коммуникационные и информационные технологии. Опыт преподавателей английского языка при применении методов *e-learning*, *i-teaching* и *blended learning* стараются использовать тоже преподаватели русского языка для повышения интереса студентов к изучению языка. Современные формы преподавания, новые дидактические пособия, аудиовизуальные средства, компъютерные программы, которые поддерживают новые методы, интересное содержание, вместе с незаменимой ролью преподавателя, позволяют создать интересное обучение.

Использованная литература:

http://www.msmt.cz/mezinarodni-vztahy/spolecny-evropsky-referencni-ramec http://www.revd-army.cz
http://www.casajc.sk/unicert.htm

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Иржи Коростенски
Чехия, Ческе Будеёвице

ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЦЕПТА КОНТЕЙНЕРА

Abstract:
This article is an attempt to underline the importance of cognitive linguistics, and applying its methods for the exploration and clarification of the container concept to demonstrate how they work. Draught of the container is made up of partial concepts. The prototype of the container is receptacle's concept. The concept was experimentally authenticated.

Key words:
Draught, container, concept, cognitive linguistics, prototype, authenticated, method, demonstrate.

Вопросы категоризации в языке

Роль дискретных единиц в процессе языкового мышления настолько важна, что ими отмечаются не только существующие границы, а выстраиваются даже те, которых в реальности нет.

Данное явление получает в языке с одной стороны своеобразное преломление в разных формах относительно сложных категорий частеречной классификации, с другой получает выражение в семантике отдельных лексем.

Новая парадигма науки часто связывается с именем американского ученого Куна [1975]. В языке такой подход стал воплощаться поздно. Первоначально проводились психологические исследования, строились теории искусственного интеллекта и теории, основанные на компьютерных технологиях [Fillmore 1981]. Только позже осуществилось объединение данных подходов в одно русло научных исследований, причем во главу была поставлена идея антропоцентризма, а стал распространяться когнитивный метод.

Что такое прототипизация?

Своеобразие классификации окружения человека напрямую связано с его мышлением и психикой. Данные факты подтверждаются многочисленными исследованиями, в ходе которых были установлены классификационные схемы, принцип которых далек от традиционных способов, не считающихся со своеобразием человеческой психики.

Было установлено, что склонность человека к членению своего окружения на дискретные категории зависит прежде всего от способа его восприятия, т. е. визуального, реже слухового и тактильного. Но одновременно не следует забывать о том, что процесс происходит в конкретных культурно-исторических условиях.

Одним из аспектов процесса выделения категорий разного порядка является способность **прототипического** выделения в рамках процесса категоризации. Систематической разработкой вопроса долгое время занималась американский психолог Э. Рош [Rosch 1977]. Не вступая в полемику с противниками ее взглядов, замечу лишь, что на основе проводимых ею психологических эспериментов было установлено, что выделяемые в массе лексического состава группы на основе отклонения от основных понятийных категорий в конкретных культурах являются иерархизованным образованием. В центре такого образования находится прототип, выступающий в качестве ядра данной категории (группы).

Концепт контейнера

Не приводя подробный перечень достижений в этой области, остановлюсь кратко на вопросе, связанном с выделением категории **концепта**. Концепт выступает в известной степени достаточно автономным понятием, которое включает образования разного порядка. В «пределах» своего назначения концепты «вбирают» в себя не только весь коллективный опыт «простых» данных об окружающих нас объектах, а также пополняются при активном участии каждого индивида его конкретными соображениями, предположениями, образами и опытом. Поэтому концепт включает понятия разного порядка: помимо разных картин и образов, коллективного и индивидуального опыта в форме знаний и умений охватывает также общие понятия в смысле основных строительных элементов смысла.

Все выше названные понятия активизируются в определенных условиях, образуя временно состав концепта.

Оставляя в стороне отдельные виды концептов, к упоминаемым часто в литературе следует отнести именно концепт контейнера.

Задачей нашего эксперимента являлось выявление его **прототипического ядра**. Исходя из положений специальной литературы [Кубрякова 1999], можно предположить, что полифункциональный характер находит на языковом уровне поверхностное проявление в форме упорядоченных систем разного порядка. Конкретные субсистемы предлогов, наречий, глагольных префиксов и других грамматических средств соответствуют разностороннему и широко заложенному функционированию концепта в языке. Последние в состоянии ответить на вопросы способов «восприятия» концепта контейнера, как **нахождение вне**, **внутри**, **на поверхности внешней**, **внутренней**, **способы перемещения** из его **пространства** или наоборот **попадание вовнутрь**. Их связи с другими «сопутствующими» и «составными» элементами являются частью структуры контейнера на разных правах.

Вся сложная структура концепта основана на соответствующей **активизации** частных и более простых понятий, одним из которых является понятие **емкости**. Оно и является отправной точкой и одновременно фундаментом построения всего концепта контейнера, ибо именно в нем кроются зародыши возможной **концептуальной метафоризации**.

Описание эксперимента

Исходя из тезиса Лакоффа и Джонсона [2002: 74 – 78] о характере построения человеческой системы понятий, исключительную роль в которой играют **пространственные понятия**, базирующиеся на личном опыте человека, т.е. на его визуальной (тактильной) перцепции, все в рамках его физической деятельности в пространстве, я ограничил выбор существительных определенными критериями.

Поэтому в группу названий попали исключительно конкретные существительные, соответсвующие сложившимся представлениям о функционировании понятия контейнера в узком смысле, т.е. **емкости** как таковой. Помимо названных существительных преднамеренно включены и существивтельные, характеристика которых явно не соответствует типичным **емкостям**, но тем не менее «пространство» в их «профиле» просматривается потенциально. Первичной функции **емкости** в них изначально не наблюдается, но в процессе складывания «полнокровного» концепта они могут способствовать приобретению статуса **концептуальной метафоры**. Имена данного типа, независимо от своего естественного или искусственного происхождения, предположительно составляют «пограничную» зону. Существительные, обозначающие физические объекты и находящиеся за пределами названной зоны, можно считать неядерными и они не составляют **прототипическое ядро** концепта. Уровень «включенности» исследуемых лексем мы рассматривали для начала лишь на уровне понятия, являющегося лишь одной из многих составляющих целого концепта.

Условия проведения эксперимента. Информантам с неполным высшим образованием, носителям русского языка, средний возраст которых 18 – 19 лет, был предложен набор 133 лексем с заданием произвести их распределение по группам, учитывая «близость» отдельных членов группы. В задании не указывались принципы построения такой классификации, т.е. «разбиение» по группам могло руководствоваться любыми соображениями информантов.

Если сначала рассмотреть группы с точки зрения их репрезентативности, то можно из этого корпуса лексем выделить две наиболее частотные и с точки зрения объема многочисленные группы, связанные общими понятиями «природа» и «кухня». Они появляются почти у ста процентов опрошенных. Лишь в 5 случаях данное классификационное понятие отсутствует полностью. В 10 случаях не упоминаются указанные гиперонимические понятия эксплицитно, а информанты предпочли представить их в более дробной классификации: **вода, болото, горы, лес** или **географические объекты**. Дальше последовали элементы связанные с **водой, лесом, степью, камнем** и некоторые другие.

Из полученных 60 ответов я для конечной обработки исключил 8 ответов, классификационные принципы которых полностью выходили за рамки смыслового и семантического критериев, поставленных в центр нашего внимания. Если бегло охарактеризовать некоторые «неправильные» ответы, то информанты обращались в основном к грамматическому способу построения классификационных рядов, напр. группа имен существительных мужского, женского и среднего родов или применяли аспект грамматического числа и в зависимости от этого выделяли с одной стороны группы существительных, не имеющих множественного числа – singularia tantum, с другой стороны противопоставляли существительные pluralia tantum.

Понятие **природа** А, которое появлялось очень часто в классификационных характеристиках информантов (49) представляет само по себе концепт и включает несколько других концептов, которые могут выступать самостоятельно или принимают роль подчиненных понятий в рамках вышеназванного концепта. Поэтому мы с ним не работали.

В группе Б **кухня** + **кухоннные принадлежности** и **посуда** максимальный охват количества включенных лексем составил 80 единиц. Если 52 ответа будем считать основой в сто процентов, то слова *миска* и *поднос* с 44 ответами дали показатель 84,5 процента в исследуемой группе. Следующую по частотности позицию с 42 и следовательно 80,7 процентами ответов заняли *дуршлаг, ложка* и *подстаканник*. 40 ответов или 76,4 процента представила только *бутылка*. Затем последовали в блоках *бидон, блюдце, соусник*; *графин, кастрюля, кружка, сахарница, сито*; *банка, кофейник, решето, стакан, супница, термос*; *блюдце, бокал, горшок, кувшин, солонка, чашка*; *фужер*. Противоположный полюс частотности заняли слова *лафитник*, *судок*, *ключ*, *дом*, *колодец*, *мяч*, *лунка*, *котловина*, *морена*. Но встретились и такие как *балка*, *брусничник*, *черничник*, *шар*, *ямка*, *гуща*, *пруд*, *поле* и *покров*.

С точки зрения нашего предмета исследования особый интерес представляла самостоятельно выделяемая группа **емкостей**, охватывающая в целом 75 лексических единиц. Применяя стандартный методический подход и абстрагируя в абсолютных количественных показателях от групп Б и В, то самыми частотными употреблениями оказываются*: банка, бидон, ваза, ведро, горшок, фляга*; *бочка, ковш, корыто*; *бутылка, графин, кувшин, супница, термос*; *кастрюля, кружка, фужер, ванна*; *компотница, кофейник, котелок, поднос, стакан, стопка, ушат, чайник, чашка*; *блюдо, блюдце, ложка, салатница, сотейник, хлебница, чугунок*, а в противоположной шкале отметок числятся лексемы как *половик, розетка, колодец*; *подстаканник, ступка, яма, ямка*; *котловина, впадина, ущелье*; *ключ, шар, шахта*; *мяч, вулкан, болото, брусничник, черничник, источник, лужа, аэростат*.

На стыке групп Б и В; т. е. **кухня, кухонная утварь** и **емкости** так образуется широкая полоса пересечения обеих исследуемых групп и можно их, с определенной оговоркой, считать прототипическим ядром понятия **емкость**. Члены, число которых в подобранном нами корпусе составило 47 единиц, отграничены от реального окружения в виде стен, дна и заданной (канонической) ветрикально-горизонтальной ориентации, причем существует возможность их визуального восприятия.

1) Выделение **прототипического ядра** оправдано, на наш взгляд, потому, что информанты выделили его **спонтанно**, без «наводки» в виде каких-либо сопроводительных рекомендаций.
2) Весь эксперимент осуществился на материале «чистых» лексем, сила связей для объединения которых в некое понятие проявилась помимо другого в довольно широкой полосе пересечения выделяемых групп.
3) **Емкость**, конечно, не имеет точных очертаний. Ее, в известной степени, расплывчатую структуру можно выделить прежде всего тематическими группами **посуда**, **кухня**, но и с помощью некоторых понятий **природы**.
4) Наиболее тесно понятие **емкость** перекрещивается с понятиями **посуда** и **кухня, кухонные принадлежности, утварь**.

5) В результате выделения наиболее частотных словоупотреблений в полосе пересечения удалось частично определить не только ядро понятия **емкость**, а также отчасти наметить его роль в структуре самого концепта **контейнер**.

Использованная литература:

Кубрякова, Е.С.: *Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера)*. Известия АН. Серия литературы и языка. 1999, том 58, № 5 – 6, с. 3 – 12.

Кун, Т.: *Структура научных революций*. Москва 1975.

Fillmore, Ch.J.: *Frame semantics*. In: Linguitics in the morning calm: Selectd papers from the SICOL. Seoul 1981, s.111–137.

Lakoff, G., Johnson, M.: *Metafory, kterými žijeme*. Brno 2002.

Rosch, E: *Human categorization* In: N. Warren (ed.), Studies in cross-cultural psychology, Academic press, vol. 1, N.Y. 1977, s. 1 – 49.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Тамара Куприна
Россия, Екатеринбург

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ КРОССКУЛЬТУРНОЙ ДИДАКТИКИ

Abstract:
The Development of Intercultural Communication Competence as a Problem of Crosscultural Didactics The article is devoted to the problem of the development of intercultural communication competence (ICC) and emotional intelligence connected to it. The author offers a new tactic "coaching" in the "cooperative action learning" style to develop ICC of the students specialized in the sphere of management. They need ICC for the realization of their cluster of professional competences on the base of which they form their portfolio. Thus, the teacher-coach delegates the authorities to his/her students and engages them into active learning.

Key words:
Case study, cluster, coaching, cooperative action learning, emotional intelligence, EQ, intercultural communication competence, management, portfolio, style.

Современный мир, когда усиливаются и ускоряются процессы глобализации и межкультурных отношений, может рассматриваться как единое пространство, в котором межкультурные проблемы становятся жизненно значимыми, т.к. для установления гармоничных отношений все большее значение приобретает распространение межкультурной грамотности, коммуникативной компетентности.

Существует множество определений межкультурной коммуникативной компетентности, зависящих от контекста исследования. Следовательно, учитывая нашу специфику обучения студентов-менеджеров, мы можем дать следующее определение.

Межкультурная коммуникативная компетентность (МКК) – это интегрированная категория профессиональных качеств личности менеджера, обеспечивающая эффективность реализации профессиональных компетенций при взаимодействии с бизнес-представителями различных культур с учетом их традиций, обычаев, верований (убеждений), стилей ведения бизнеса, обусловливающих толерантность, сотрудничество и творческий продуктивный взаимообмен по законам синархии и комплементарности.

Исследования [Zimmerman, 1995; Carell, 1997] показывают, что многие составляющие межкультурной коммуникативной компетентности имеют большое значение для межкультурной адаптации студентов, участвующих в программах межкультурного обмена, а также их умения справляться со стрессом. Студенты, которые прошли курс межкультурной коммуникации с учетом ее многообразия, продемонстрировали значительные успехи в эмпатии, установке, поведении [1].

Таким образом, в связи с расширяющимися процессами глобализации и интеграции во всех сферах деятельности, необходимость развития межкультурной коммуникативной компетентности у студентов очевидна и для Российских университетов.

Под *развитием* мы понимаем процесс количественных и качественных изменений личности студента-менеджера, способствующий преодолению стереотипного мышления и творческой грамотной реализации профессиональных компетенций на основе межкультурной коммуникативной компетентности в процессе субъектно-субъектного сотрудничества.

В связи с этим необходимо учитывать составляющие процесса развития: биологические (возрастные), личностные, социальные. Американские исследователи [Саловей, Майер 1990; Гоулман 1995] отдельно выделяют эмоциональную составляющую, подчеркивая, что особое внимание следует уделять развитию эмоционального интеллекта (EQ), связанного с образностью мышления и гибкостью поведения, так как именно он во многом обеспечивает жизненный успех человека [2]. Это означает развитие специфических качеств личности: умение разбираться в собственных чувствах и регулировать собственные эмоции, понимать настроение других людей, т.е. обладать эмпатией.

Следовательно, задача преподавателя, учитывая все структурные элементы процесса развития, предложить кластер профессиональных компетенций и методы его реализации с учетом развития межкультурной коммуникативной компетентности, и, значит, эмоционального интеллекта, у студентов-менеджеров, в том числе и на занятиях по иностранному (английскому) языку.

Термин *кластер* (англ. – cluster) означает группу предметов, людей или событий, которые находятся очень близко друг к другу в данное время и в данном месте.

Чешский исследователь И. Ванек (2004) отмечает, что кластеры (скопления, группировки) современных производств возникают в настоящее время в разных местах нашей планеты. Понятие «промышленный кластер» ввел М. Портер (1990), определяя его как географическое скопление взаимно прикрепленных фирм или институтов, таких как университеты, которые соревнуются и сотрудничают. Далее И. Ванек выделяет десять преимуществ кластеров: информированность (информационная платформа), коммуникация (снятие коммуникационных барьеров), сотрудничество (общие проекты с целью достижения синергетических эффектов), образование (потребности участников), консультационная деятельность (использование контактов и возможностей), маркетинг и внешние связи (установление доверия и позитивных отношений), производительность (совместная деятельность, создающая простор для реализации возможностей каждого участника), инновации (полученные знания, стимулирующие рост инноваций), интернализация (способствует международному сотрудничеству), конкурентоспособность (обеспечивается возможностью реализации идей, способностью к внедрению инноваций) [3].

Термин «кластер» в тех же значениях можно встретить и в отечественных исследованиях [Дулин 2004; Петровская 2004; Косырев, Кузнецов 2005; Куприна 2006], касающихся проблем компетентностного подхода и обучения менеджеров.

В нашем исследовании мы взяли за основу общеевропейскую классификацию владения иностранным языком, предусматривающую развитие общих и коммуникативных компетенций. Однако, термин «декларативные знания» мы заменили термином «декларативно-витагенная компетенция», чтобы подчеркнуть значение витагенного (жизненного) опыта в процессе развития МКК, со специфическим дополнением литературно-аналитической и познавательно-исследовательской компетенций в целях развития познавательной, научной и аналитической деятельности.

Следует отметить, что методы и предметное содержание при развитии МКК в данном контексте выстраиваются с учетом личностных особенностей обучаемых (экзистенциальная компетенция). Во время нашего исследования был составлен лингво-психологический портрет студента-менеджера, что способствовало успешной реализации программы обучения, т.к. она соответствовала профессиональным интересам обучаемых и их психологическому типу.

Кроме того, меняется и тактика обучения. Наиболее приемлемой для обучения студентов-менеджеров, на наш взгляд, является инновационная тактика *коучинг*.

Как отмечает Е.В. Ибрагимова [4], понятие «*коучинг*» пока звучит *непривычно(!)*. Термин «coaching», был введен в бизнес-терминологию в начале 90-х годов XX века Дж. Уитмором, английским бизнесменом и консультантом. Он означает нечто большее, чем простой перевод – наставлять, тренировать, подготавливать. В тактике коучинг реализуется индивидуальная стратегия успеха, достигается результат в той области, в которой человек наиболее успешен и эффективен. Это позволяет объединить как цели фирмы (университета), так и профессиональные цели сотрудников (студентов, преподавателей).

Коучинг – это взаимодействие партнеров (студент(ы)-преподаватель), несущих равную ответственность за этот процесс. Это совместное движение к результатам, выбор эффективных путей решения проблем, принятие ответственности за выполнение намеченных целей.

В связи с тем, что тактика коучинга сложена и состоит из нескольких комплементарных стилей, мы также использовали несколько стилей обучения. Доминантным в нашей тактике является эмоционально-ценностный стиль обучения (И.Ю. Калугина, А.К. Маркова, А.Я. Никонова, Л.М. Фридман), который предполагает сотрудничество (cooperative learning) и совместную деятельность в процессе обучения (action learning). Мы объединили их в эмоционально-ценностный стиль «обучение действием в сотрудничестве» (cooperative action learning), подразумевающий следующие формы совместной деятельности: наставничество, партнерство, сотрудничество, содружество.

Учитывая выше сказанное, нами был составлен учебно – методический комплекс, состоящий из нескольких портфолио, наилучшим образом учитывающих современные тенденции обучения студентов – менеджеров.

Портфолио (англ. – portfolio) – это намеренное избрание направления студенческой работы, обычно определяемое самими студентами [Polari 1999]. Тематическая область портфолио – разнообразные сферы бизнеса и связанные с ними меж-

культурные коммуникации, требующие определенного типа поведения и контроля эмоций.

Портфолио оформляется в виде обучающих разделов. Для каждого раздела выбирается тема и планируется занятие, интегрирующее практику навыков слушания, говорения, чтение и письма, а также грамматические и лексические аспекты в контексте темы. Все эти аспекты вводятся через коммуникативный подход, с ориентацией на личную деятельность студентов. Кроме того, преподаватель должен быть уверен, что декларативно-витагенные, познавательно-исследовательские, литературно-аналитические и экзистенциальные элементы интегрально внедряются в каждом обучающем разделе, через подходящую (адекватную) деятельность и материал.

Так как ключевым понятием исследования является центрирование обучения на профессиональных интересах обучаемых и самоуправлении, был избран учебно – методический комплекс, содержащий case – study (аутентичные случаи из практики менеджмента).

Данная тематическая область является интересной и продуктивной основой, соответствующей знаниям и пониманию студентов-менеджеров, а также достаточно высокому уровню владения английским языком. Таким образом, обучение относительно легко сосредоточить на использовании иностранного языка в профессиональных целях и требованиях коммуникативных заданий. Кроме того, студенты этого уровня уже могут выстроить предыдущие умения, опыт и готовы к такой работе.

Таким образом, обучение должно быть гибким, а студенты должны быть активными субъектами процесса обучения, а не пассивными получателями готовой информации. В данном контексте обучение – это продукт собственных действий обучаемых и основывается на их витагенном опыте и интересах.

При этом преподаватель – коуч выполняет много других функций: помогает студентам развить осведомленность о целях, выборе материала, анализирует потребности обучаемых, делегируя ответственность за принятие решений и вовлекая в образовательный процесс.

Использованная литература:

1. Мацумото, Д.: *Психология и культура*. СПб. 2002.
2. Дэвис, М.: *Проверь свой EQ. Test your EQ*. М. 2006.
3. Ванек, И.: *Кластеры – новый способ сосуществования мелких, средних и крупных фирм*. In: Менеджмент XXI века: проблемы качества. СПб. 2004, с. 41 – 43.
4. Ибрагимова, Е.В.: *Коучинг как стиль менеджмента*. In: Менеджмент XXI века: проблемы качества. СПб. 2004, с. 52 – 54.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Константин Левитан
Россия, Екатеринбург

ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ И ФАКУЛЬТЕТОВ

Abstract:
The article considers the pedagogical framework of the efficient LSP teaching of law students, namely: linguo-didactic competence of a teacher, communicativity as the basis of the educational process organization, law discourse, communicative competence of students, elaboration of learner's Russian- English-German-French dictionary of law.

Key words:
Teaching, language for specific purposes, professional communication, communicative and cross-cultural competence, language for law, vocabulary of the speciality, learner's Russian-English-German-French dictionary of law.

Становление и развитие личности специалиста не может происходить иначе как в процессе усвоения им соответствующего языка профессиональной коммуникации. Язык выступает посредником между субъектом и объектом познания и обусловливает саму возможность познания. Язык рассматривается герменевтикой как фундаментальный слой конструирования мира, как предваряющая схема всех познавательных возможностей человека.

Сегодня приходится с сожалением констатировать, что русский и иностранные языки остаются в печальном списке учебных дисциплин российской средней и высшей школы, уровень обученности которым у большинства выпускников отстает от требований учебных программ и социальных ожиданий. Такая ситуация обусловлена двумя главными субъектами образовательного процесса: обучающим и учащимся, первый из которых нередко обнаруживает недостаточный уровень лингводидактической компетенции, а второй довольно часто демонстрирует несформированность ключевых общеобразовательных и учебно-предметных компетенций.

Компетенция понимается как совокупность знаний, навыков и умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также способность и готовность к выполнению определенной деятельности на основе полученных

знаний, умений и навыков. Лингводидактика как наука об общих закономерностях усвоения языка в условиях организованного обучения исследует функционирование механизмов способности/готовности обучающегося к иноязычному общению и способы их формирования, взаимодействие систем родного и иностранного языка в этом процессе, особенности партнерского взаимодействия преподавателя и учащегося в образовательной деятельности.

Основной путь совершенствования лингводидактической компетенции – это, видимо, личностное присвоение преподавателем определенной научно-методической концепции обучения русскому и иностранным языкам, отвечающей современным требованиям. В связи с этим кафедра русского, иностранных языков и культуры речи Уральской государственной юридической академии (УрГЮА) на протяжении последних лет целенаправленно занимается изучением языка права и вопросов, связанных с развитием коммуникативной компетенции студентов в процессе обучения русскому и иностранным языкам.

Анализируя профессиональную коммуникацию в широком смысле, мы придерживаемся следующих принципов. Противопоставление языка и речи приводит к тому, что профессиональный язык рассматривается как система языковых единиц (терминов, профессионализмов), а профессиональная коммуникация – как процесс их функционирования в ситуации общения. Профессиональная коммуникация по множеству параметров соотносится с институциональным дискурсом (напр., юридическим), что позволяет отнести к анализируемой сфере достаточно обширный круг ситуаций реального общения.

Язык профессиональной коммуникации (специальный язык или подъязык) понимается как совокупность фонетических, грамматических и лексических средств национального языка, обслуживающих речевое общение определенного социума, характеризующегося единством профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой специальных понятий.

Принадлежность текста к профессиональной коммуникации определяется по сфере использования, по автору как эксперту в данной области, по цели коммуникации. К ситуациям, участниками которых выступают субъекты профессиональной деятельности, примыкают случаи общения специалиста и человека, обратившегося к нему за помощью. В качестве периферийных рассматриваются коммуникативные ситуации, когда ни один из участников не является представителем данной профессиональной сферы (напр., обсуждение гражданами-неюристами деятельности правоохранительных органов).

Коммуникативность как основа формирования коммуникативной компетенции – это инструментальное, данное в категориях деятельности, выражение педагогической концепции, которая является методическим отражением познанных законов и закономерностей, совокупностью знаний о целях, сущности, содержании, структуре образовательного процесса, выступающих в качестве регулятивных норм практики.

Профессиональная коммуникация как обмен специальной информацией, порождение мыслей, идей, знаний, социальных чувств является причиной и основой формирования новых понятий, а, следовательно, новых знаний, расширения сознания и профессиональной культуры человека. Успех любой человеческой деятельности зависит от того, в какой степени обладает ее субъект коммуникативной компетенцией, которая включает в себя способность слушать и услышать, смотреть и увидеть,

читать и вычитывать и во всех случаях уметь порождать и адекватно понимать воспринимаемый устный и письменный текст на родном и иностранном языках.

Как отмечал М. Хайдеггер, мир – это своеобразный онтологизированный текст. Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее. Язык навязывает человеку нормы познания, мышления и социального поведения: мы можем познать, понять и совершить только то, что заложено в языке. Функция языка заключается не только в информировании, но, главным образом, в побуждении. Только общение, выражающее смыслообразующие мотивы и служащее основой для идентификации с другим, может изменить смыслы партнера по коммуникации.

Язык права представляет собой социально-исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях правового регулирования поведения субъектов общественных отношений. Именно от степени владения языком права зависят правильность, глубина и полнота понимания юридических текстов реципиентами. Специфика языка профессиональной коммуникации в сфере права определяется использованием юридической терминологии, оценочных понятий, юридических дефиниций.

Для успешной профессиональной коммуникации юристу необходимо сочетать языковую компетенцию, профессиональные знания (тезаурус специальности) и представления об особенностях интерактивного поведения в юридически значимых ситуациях конкретного социума.

Поскольку становление и развитие профессионально компетентной личности юриста невозможно без усвоения обучающимся тезауруса специальности, на кафедре было принято решение о создании учебного словаря юридических терминов на русском, английском, немецком и французском языках. Учебный юридический словарь выступает важным дидактическим средством, обеспечивающим управление процессом развития профессионально-коммуникативной компетентности будущих юристов.

По нашей просьбе юридические кафедры академии определили необходимый минимум базисных терминов – понятий по соответствующим предметным областям права. Построение тезаурусов дисциплин и специальностей – это весьма трудоемкий процесс, к которому должны привлекаться все заинтересованные компетентные преподаватели. В тезаурус отбирается достаточное и необходимое количество базовых терминов – понятий, которые образуют «ядро» специальности, учебной дисциплины.

Выделение в конкретном учебном предмете базисной инвариантной части его содержания усиливает фундаментальную подготовку юристов. После самостоятельного осмысления и реконструирования этих базисных знаний студенты могут использовать их на новом уровне, при изучении других дисциплин, при самообразовании. Расположение и систематизация основных смысловых единиц по элементам научного знания способствуют усилению межпредметных связей, системного и междисциплинарного подходов к обучению.

Тезаурус как способ описания конкретной юридической дисциплины обладает рядом преимуществ. Во-первых, метод его построения, основанный на объективном анализе научно-правовых и нормативных текстов, позволяет считать тезаурус объективно отражающим сущность и перспективы специальности. Во-вторых, те-

заурус содержит понятия всех уровней конкретной области знания. В-третьих, тезаурус может служить в качестве основы базы данных автоматизированной системы научно-правовой информации для информационного обеспечения профессиональной подготовки специалистов и построения автоматизированных обучающих систем. Таким образом, тезаурус представляет собой ядро специальных знаний, концентрированное выражение учебной дисциплины в свернутом виде.

Главная функция учебного словаря – способствовать усвоению студентами базиса понятийно-терминологической системы права, т.е. основной юридической лексики на русском, английском, немецком и французском языках, развитию их профессионального мышления. Кроме того, проведенные в ходе подготовки словаря систематизация юридической терминологии различных правовых систем, подбор соответствующих эквивалентов на изучаемых языках, уточнение дефиниций призваны содействовать развитию коммуникативной и межкультурной компетенции студентов, аспирантов и преподавателей юридических дисциплин. Наличие такой понятийно-терминологической базы упрощает также составление единых требований к содержанию и всем формам педагогического контроля знаний студентов, включая компьютерное тестирование по отдельным предметам и междисциплинарные экзамены.

Словарь состоит из 11 разделов, посвященных основным отраслям права, и содержит более 700 понятий-терминов с дефинициями на русском языке и их иноязычными эквивалентами. Количественный и качественный состав словника, как уже указывалось, определяли преподаватели специальных кафедр. Опираясь на собственный научно-педагогический опыт, они предлагали именно тот набор терминов, который необходим студентам в процессе обучения, и давали те определения, которые соответствуют принятой на той или иной кафедре научной концепции.

Соблюдение языковых норм является важнейшим требованием к профессиональной коммуникации в сфере права, поскольку юриспруденция относится к профессиям повышенной речевой ответственности. В связи с этим русскоязычная часть словаря решает задачу комплексного характера, сочетая представления толкований слов (задача толковых словарей) с отражением норм современного русского литературного языка (задача орфоэпических словарей) и указанием в ряде случаев на происхождение слов (задача этимологических словарей). Кроме того, данный словарь следует действующим орфографическим правилам и в пределах включенной в него терминологии может использоваться как орфографический справочник.

Успешное усвоение языка профессиональной коммуникации студентами-юристами обеспечивают следующие дидактические условия: необходимый и достаточный уровень сформированности лингводидактической компетенции преподавателя; коммуникативность как основа организации образовательного процесса и формирования коммуникативной компетенции студентов, включающей в себя знание языковых систем, способность соотносить их и находить соответствия; знание различных типов текстов юридического дискурса; знание правовых систем, умение находить общее и различия; профессионально ориентированные учебные пособия и материалы в качестве дидактических средств овладения специальными знаниями и развития потребности в усвоении национальной и иноязычной культуры с целью гармонизации правовых смыслов и самосовершенствования своей профессиональной деятельности и личности.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Светлана Митина
Россия, Нижний Новгород

ДИАЛОГ КАК МЕТОД РАЗВИТИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДВУЗА

Abstract:
This article discusses dialogue as an effective technology for individual development and as a communicatively oriented approach to teaching the students of a pedagogical college the practice of speech, focused on the creation and comprehension of original texts. The article elucidates the developmental logic of dialogue situations, in the process of which the students acquire the expressive and impressive components of the practice of speech. Teaching through dialogue stimulates the self-development of future teachers, fostering their skills and creativity.

Key words:
Dialogue, teaching through dialogue, speech practice, speech formation, speech comprehension, text, communicative interaction, individual self-development.

Эффективность обучения речевой деятельности (РД) студентов педвуза во многом зависит от методов, приемов и средств обучения в их взаимосвязи и единстве. Личностные и профессиональные качества, индивидуальный социально-коммуникативный (в т.ч. речевой) опыт будущего педагога могут формироваться только в атмосфере познавательного поиска, а также в процессе смыслового обмена посредством коммуникативно-диалогической деятельности.

Диалог – специфическая социокультурная среда, в которой создаются благоприятные условия для принятия студентом нового опыта, изменения ряда утвердившихся смыслов. В процессе межличностного диалога осуществляется «*свободное самооткровение личности*»,[1] побуждающее будущих педагогов искать различные способы для выражения своих мыслей, отстаивать и осваивать новые ценности. Коммуникативная направленность придает изучаемому материалу личностно-значимый смысл.

Диалог как метод получения знаний знаком человечеству благодаря Сократу, использовавшему открытые вопросы как средство развития мысли собеседника. Основа сократовского метода – переход от обыденных представлений к уровню философского осмысления проблемы в последовательных обобщениях. В XX веке диалог как метод обучения был «переоткрыт», модифицирован бразильским педа-

гогом-гуманистом П. Фрейером. Диалог П. Фрейера содержит две составляющие: философию и технологию. Философия диалога – отношение к человеку как самоценности, подлинный интерес и уважение к нему, его уникальному жизненному опыту. Эта позиция предполагает установление личного контакта с каждым участником диалога и его открытость.

Технология диалога включает:

– проблемное содержание материала;
– использование открытых вопросов с целью разрешения изучаемых проблем и поиска личностного смысла, содержащихся в обсуждаемом материале;
– закрытые вопросы для усиления позиции или ситуации;
– позитивную обратную связь;
– исследование с помощью открытых вопросов интересов, потребностей, личного опыта партнера, противоречия в его представлениях и позиции;
– обобщение опыта и знания коммуникантов.

Идеи П. Фрейера, касающиеся диалогизации обучения, активно внедряются в образовательный процесс высшей школы. Современный учебный диалог совершенствуется, впитывая новое в исследованиях по философии, психологии, лингводидактике и других науках.

Рассматривая учебный диалог как личностно-развивающую технологию (А.А. Вербицкий, И.А. Колесникова, В.В. Николина, Ю.В. Сенько), мы опираемся на него как на коммуникативно ориентированный метод обучения РД студентов педвуза, реализуемый на основе учебно-речевой ситуации. РД – процессы говорения, слушания, чтения и письма. Позиция «Я»-говорящего и «Ты»-слушающего обусловливает выделение диалога как универсального явления, пронизывающего, по выражению М.М. Бахтина, «*всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни*».[2] Согласно его концепции, о диалогическом общении можно говорить, если имеется:

– внимание к человеку «в его человеческой специфике». Человек всегда выражает себя, говорит о себе, т.е. создает текст;
– текст, который, с одной стороны, является действительностью мысли и переживания, с другой стороны, за каждым текстом (высказыванием) стоит система языка. Личность проявляет себя в творческом тексте, через систему индивидуальных знаков;
– понимание текста как продукта РД, в отличие от объяснения, предполагает диалог;
– доверие к чужому слову, поиски глубинного смысла, наслаивание смысла на смысл, усиление «другого» путем слияния;
– наличие общности проблемы.

Учебный диалог выступает в качестве методологической основы знаниевого обмена (его содержания, форм и методов реализации), когда коммуникативное взаимодействие заключается в единстве, направленности его участников, что создает предпосылки для саморазвития личности.

Следует подчеркнуть, что необходимо учитывать взаимосвязь учебного диалога с природой диалога как явления речи (РД). Основная единица диалога – «*диалогическое единство, связанное с его тематической цельностью, характером раз-*

вития содержания, с движением мысли».[3] Структуру любого диалога составляют вербальные реакции как выражение мыслей коммуникантов на предмет обсуждения в виде взаимосвязанных реплик.

Диалог преподавателя и студента является полипозиционным смысловым обменом, что подтверждается практикой проведения лекции-диалога на занятиях речеведческих дисциплин («Русский язык и культура речи», «Психолингвистика», «Основы теории речи», «Основы теории коммуникации», «Риторика»), когда содержание изучаемых тем подается через серию открытых вопросов, на которые студенты отвечают в процессе занятия. Материал лекции-диалога включает обсуждение разных точек зрения на решение актуальных проблем, воспроизводит логику развития отдельных научных концепций, показывает способы разрешения объективных противоречий. По ходу лекции преподаватель стимулирует самостоятельный поиск ответов на предлагаемые вопросы, добиваясь поставленной цели – совместной речемыслительной деятельности. В дидактике подобный прием, используемый на лекции, называют «*общением диалогического типа*»,[4] который стимулирует развитие РД, включающей процессы порождения, восприятия речи *в* полном их цикле и результат деятельности (высказывания, дискурс, текст). Посредством слова и предложения в РД студента осуществляется анализ и обобщение учебной информации, на основании которой формулируются суждения и выводы.

Как показывает наше исследование, в ходе диалога студенты овладевают способностью вести его на разных уровнях: на личностном уровне осуществляется общение с собственным «Я»; на межличностном – происходит процесс взаимодействия качественно различных позиций «Я» и «другой»; на уровне мультидиалога, представляющего множественный одновременный диалог, который возникает в малых группах.

Совершенствование РД студентов педвуза лежит в плоскости специфического образования, ориентированного на становление профессиональной личности, показателями которого являются закрепленные устойчивые навыки функционально-правильной устной и письменной речи, умение управлять собой, решать профессиональные задачи. Это предполагает также формирование у студентов особого типа мышления – диалогического, умения пребывать «*в со-бытийной общности*»[5], которую отечественный психолог В.И. Слободчиков представляет как опыт взаимодействия для совместного решения проблемы.

Данная задача может быть реализована в процессе учебной дидактической игры, позволяющей создать среду, которая способствует накоплению диалогического опыта у будущих педагогов, а также раскрытию их личностного потенциала. На занятиях по риторике мы практикуем проведение дидактических игр («*Мы слушаем не речь, а человека, который говорит», «Особенности речи перед микрофоном и телевизионной камерой», «Конференция специалистов» и др.*), что позволяет избежать дублирования материала, служит достижению цели развития исследовательских и речевых умений и навыков студентов. Задача студентов заключается в перевоплощении в профессионалов (психологов, логопедов, учителей), представлении своих текстов в устной форме и участии в дискуссии. На основе сопоставления услышанного в аудитории и сформировавшейся собственной точки зрения они должны подготовить на выбор письменную творческую работу – эссе («Я как языковая личность», «Речевой портрет моего собеседника»), интервью с ученым

или педагогом – практиком, выступление, что стимулирует развитие не только устной, но и письменной речи.

Нами использовалась также в процессе проведения диалоговых занятий «работа в круге». Данная форма обеспечивает контакт с каждым участником общения, устанавливает равенство позиций, снимает противостояние «преподаватель-студент». Говорящего хорошо видно и слышно, что способствует увеличению концентрации внимания группы, с одной стороны. С другой, – растет ответственность каждого участника за его личный вклад в учебный процесс. Создается ситуация желания вступить в диалог, что предполагает «*сформированную установку на встречу со смыслом другого; умение услышать, увидеть партнера в диалоге; войти с ним в информационный и эмоциональный резонанс*».[6] Темой обсуждения для таких занятий являются вопросы, которые актуальны и лично значимы для будущих педагогов («Культура речи, культура общения, культура поведения как важные профессиональные качества учителя», «Язык средств массовой информации», «Новояз: реалии и проблемы», «Молодежный сленг»), затрагивают их нравственные, идеологические, профессиональные взгляды, допускают различные толкования и оценки. Как показало анкетирование, у студентов формируются умения трактовать вопросы неоднозначно, многосторонне. Преподаватель подводит студентов к осознанию того, что «истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе диалогического общения».[7] Роль преподавателя, организующего диалог, не только в отборе содержания и характера осуществляемых воздействий, но и в выявлении суждений, точек зрения, личностных позиций студентов, отражающих понимание, эмоциональное отношение к изучаемому материалу. В соединении этих высказываний, обобщении, синтезе обсуждаемая проблема приобретает целостность.

Наш опыт работы в педвузе свидетельствует, что использование метода диалога со студентами помогает им работать в команде. Согласованно распределяя в ней роли, они учатся быть коммуникабельными, конструктивными, толерантными, что находит отражение в их речемыслительной деятельности.

Использованная литература:

1. Бахтин, М.М.: *Эстетика современного творчества*. М. 1979.С. 403.
2. Бахтин, М.М.: *Проблемы поэтики Достоевского*. М. 1976. С. 69.
3. Словарь – справочник. *Эффективная коммуникация: история, теория, практика*. М. 2005. С. 533.
4. Вербицкий, А.А.: *Активное обучение в высшей школе: когнитивный подход*. М. 1991. С. 109.
5. Слободчиков, В.И., Исаев, Е.И.*: Психология развития человека*. М. 2000. С. 169.
6. Колесникова, И.А.: *Педагогическая реальность в зеркале межпарадигмальной рефлексии*. СПб. 1999. С. 226.
7. Бахтин, М.М.: *Проблемы поэтики Достоевского*. М. 1976. С. 126.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Люба Мровецова
Чехия, Карвина

НОВОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «OBCHODNÍ RUŠTINA» (РУССКИЙ ЯЗЫК В ТОРГОВЛЕ)

Abstract:
This paper informs about the present state and perspectives of teaching Business Russian courses at universities in the Czech Republic. We will present a new educational material developed for those who currently have relationship or are seeking to establish business contacts with the Russian Federation or other Russian speaking countries. The textbook covers the most important thematic and linguistic areas (vocabulary, grammar and stylistics) and is arranged as a series of consecutive blocks following the natural process of business development, i.e., from searching a Russian partner and making business appointments through conducting negotiations up to a succesfull completion and signature of contract. The book contains examples and templates of documents used in the international trade, information about social and cultural problematics, and modern communication resources for specific business terms, which all help to clarify and better understand the differences originating in diverse business habits and national traditions. Several exercises at the end of each lesson allow students to test the acquired language skills. The textbook is composed of thirteen lessons, which all have the same structure and are divided into five sections as follows:
1. Definition of topic
2. Model cases, practical suggestions and explanation of dissimilarities
3. Vocabulary and idiomatic expressions
4. Grammar commentary
5. Excercises and tests

Key words:
New educational material, relationship, business contacts, thematic and linguistic areas, process of business development, topic, examples, vocabulary, idiomatic expressions, grammar commentary, excercises, tests, documents, habits and national traditions.

В настоящее время в Чешской Республике издают различные учебники и учебные пособия для обучения иностранным языкам с применением наряду с традиционными методологическими подходами новых технологий обучения и обучения при помощи компьютерной техники. Существует такой факт, что число и тематическое разнообразие учебников для обучения английскому и немецкому языкам гораздо превышает число пособий для обучения другим иностранным языкам, в том числе русскому. Благодаря усилиям некоторых чешских русистов, были созданы качественные и с большим объемом новой, обширной и полезной терминологии

русско-чешские и чешско-русские словари для разных профессиональных сфер. Также учебники для начального этапа обучения русскому, разнообразные пособия, пособия по русской деловой корреспонденции и переговорам. Однако учебных пособий для экономистов на более продвинутом этапе с актуальной информацией в необходимом и качественном объеме для специалистов и лиц, заинтересованных в деловом общении и построении бизнеса с РФ и странами СНГ, мало.

Преподаватели русского языка в экономических вузах решают эту проблему путем разработки и выпуска своих учебных материалов и пособий в зависимости от профиля и обучающих целей данных вузов. На данный момент такие пособия почти не распространяются вне вузов, из-за их небольшого тиража, хотя, наверно, многие из них были бы полезными на других факультетах подобного профиля.

Явно то, что интерес к русскому языку растет, в ЧР приезжает все больше русскоговорящих туристов, бизнесменов, развивается экономическое сотрудничество в новых рыночных условиях. Все это вызывает со стороны преподавателей русского языка необходимость реагировать на эту ситуацию, начать систематически грамотно готовить чехов для деловых контактов в сфере коммерции, бизнеса и экономики с русскоговорящими. Именно знание родного языка, культуры и национальных особенностей характера партнера по бизнесу – это одни из важнейших критериев в успешном ведении деловых переговоров и достижения намеченных целей.

Необходимые учебные и методические пособия по русскому деловому языку для осуществления своей практической педагогической деятельности, конкретно связанные с целями и задачами преподавания на факультете экономических дисциплин в Силезском университете я приобретала в других странах мира. Мне удалось собрать довольно большое число разнообразных учебников нужного содержания, однако мне не удалось найти ни одного для чешских студентов-экономистов.

Год тому назад от издательства **«Computer Press»** поступило мне предложение написать учебник **«Obchodní ruština» (Русский язык в торговле)** и в результате проведенной мной работы в июле 2007 г. появилось на прилавках книжных магазинов вышеприведенное учебное пособие, объемом 463 стр. с 4 CD (1MP3).

Данное пособие предназначено для работы с чешскими учащимися продвинутого этапа обучения. Книга может быть также использована деловыми людьми, которым по роду их деятельности необходим русский язык как средство профессионального общения с партнерами в РФ и СНГ.

Основная цель обучения по данному учебному пособию – предоставить полную необходимую информацию в нужном объеме экономического, коммерческого, социально-культурного и лексико-грамматического содержания в одной книге.
Книга построена по тематическому принципу и состоит из 13 последовательных и логически выстроенных тем-уроков в следующем следу:

1. Чешско-российские коммерческие контакты – взаимный интерес
2. Практический минимум по социокультурной адаптации в русской среде
3. Средства быстрого общения в сфере коммерции
4. Деловая переписка и коммерческая корреспонденция
5. Основные виды и образцы коммерческих писем
6. Выставки, ярмарки, аукционы
7. Презентация фирмы
8. Деловые переговоры

9. Международный контракт (договор, сделка)
10. Финансовые и банковские операции во внешней торговле
11. Международное страхование и страховые компании в РФ
12. Другие коммерческие и официальные сообщения
13. Заявление, резюме, объявление, конкурсное интервью

Все уроки имеют одинаковую структуру и каждый содержит два раздела.

Первый раздел несет теоретическо-практический характер и содержит освещение конкретной определенной темы с применением текстов информационного характера. Тексты для чтения взяты из аутентичных источников таких, как газетные и журнальные статьи, рекламные проспекты, ситуации из деятельности реально существующих компаний. Задания за текстами служат развитию всесторонних языковых навыков и предусматривют активизацию самостоятельной деятельности студентов. Для лучшего усвоения предлагаемого материала к тексту приведены наводящие вопросы.

Второй раздел носит только практический характер и содержит пять подразделов:

Образцы диалогов
Фразеологизмы
Слова и словосочетания
Грамматический комментарий
Отдел «Проверьте себя» – задания, упражнения, тесты

Урок 1

Чешско-российские коммерческие контакты – взаимный интерес

Česko-ruské obchodní kontakty jsou v zájmu obou zemí

Урок содержит

В первом разделе информацию о том,

– какой характер имеют сегодняшние чешско-российские коммерческие контакты,
– какие торгово-экономические отрасли являются важными для обеих стран с точки зрения экспорта и импорта,
– какие регионы в РФ становятся приоритетными для чешских бизнесменов.

Во втором разделе

– образцы диалогов,
– фразеологизмы,
– слова и словосочетания,
– грамматический комментарий,
– отдел «Проверьте себя» – задания, упражнения, тесты.

Книга заканчивается Приложениями, которые включают в себя:

Ситуационную задачу (Кейз)
Ключи к упражнениям
Краткие чешско-русский и русско-чешский словари
Аббревиатуры

Информационные контакты для чешских бизнесменов и список используемой литературы.

Работая над этой книгой, я надеялась, что смогу, в силу приобретенного мною опыта и общения с коллегами русистами как чешскими, так русскими и со студентами, обобщить, изложить необходимую информацию, актуальные данные, а также ознакомить с необходимыми новейшими образцами документов, деловых писем, договоров, контрактов, методами построения деловых переговоров и презентаций.

А так же мною преследовалась важная и актуальная цель: наряду с подачей бизнес информации – ознакомить заинтересованную аудиторию с социально-культурной, бытовой средой России и спецификой национальных черт русского характера.

Пособие не содержит подробной информации по грамматике, поскольку предполагается, что те, кто изучает русский язык в сфере коммерции и бизнеса, уже знакомы с основными грамматическими формами русского языка. Поэтому в книге дается только грамматический комментарий к некоторым явлениям,

Неотъемлемой и важной частью данной работы является использование большого объема экономической терминологии, доступным и понятным языком и фразеологическими оборотами.

Использованная литература:

Mrověcová, L.: *Obchodní ruština*, Computer Press, a.s., Brno 2007, ISBN 978-80-251-1598-5, 463 str.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Вера Николина

Россия, Нижний Новгород

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Abstract:
This article deals with a theoretical and methodological foundation of interactive pedagogical technologies aimed at preparing teachers and ensuring their professional competency. The article discusses the types of interactive technologies and the peculiar features of their implementation.

Key words:
Interactive pedagogical technologies, professional competency of a teacher, types of interactive pedagogical technologies.

В современном постинформационном обществе образование является важнейшим фактором, обеспечивающим экономический рост, социальную стабильность, развитие гражданского общества, повышение качества жизни общества в целом и каждого человека в отдельности. Проводимая в России модернизация образования затрагивает цели, содержание образования, педагогические технологии, обеспечивая повышение его качества, интенсивное непрерывное опережающее развитие образования как молодежи, так и взрослого населения. Процесс подготовки учителя филолога претерпевает сегодня в связи с новыми требованиями общества существенные изменения в контексте его инновационных преобразований. Новые все более растущие требования предъявляются как к общей, так и профессиональной культуре учителя русского языка и литературы, его индивидуально-личностному развитию, компетентности, позволяющим осуществлять процесс созидания личности, учащихся *«сообразно целостной человечности»* (Н.А. Бердяев). Педагогическое образование как одна из существенных сфер культуры постоянно самоорганизуется в соответствии с изменениями жизни, новых культурных явлений и тенденций глобального развития.

В этой связи процесс подготовки учителя невозможен без разработки, применения инновационных педагогических технологий, обеспечивающих необходимые условия для развития профессиональной компетентности будущего педагога, развития и реализации его индивидуальных способностей. Становление профессиональной компетентности как определенной целостности, как интегративной личностной характеристики осуществляется в деятельностной форме в процессе решения профессиональных проблем и профессиональных задач разного уровня в разных контекстах в образовательном пространстве, реальном или созданном в различных ситуациях, имитирующих профессиональные педагогические ситуации. Формирование профессиональной компетентности у будущих учителей словесности во многом связано с применением педагогических технологий стимулирующих активность, самообразование обучаемых, основанных на их взаимодействии, погружении в реальную профессиональную атмосферу сотрудничества по решению педагогических проблем. Считаем, что такими педагогическими технологиями являются интерактивные технологии, основанные на созидании человеком своего «Я» в ситуациях взаимодействия.

Теоретико-методологическими основами интерактивных педагогических технологий являются:

– идеи символического интеракционизма (Дж. Мид), связанные со взаимодействием человека с чем-либо или с кем-либо, со всем многообразии коммуникаций (*«я для себя», «я для другого», «другой для себя», «другой для меня» и т. д.*), которые выводят личность на новые ценностные установки на понимание и овладение новым социальным и духовным опытом. Любое взаимодействие как *«смыслопорождающим устройством»* (Ю.М. Лотман) требует диалога, направленное на поиск, понимание, продуцирование личностного смысла;
– идеи гуманистической педагогики (Ш.А. Амонашвили, Р. Бернс, Е.В. Бондаревская, О.С. Газман, А. Маслоу, К. Роджерс, Д. Брунер), признающей неприходящую ценность каждого человека, его уникальный и неповторимый внутренний мир, в соответствии с этим развитие человека в согласии с природой;
– идеи личностно ориентированного образования направленные на максимальное раскрытие и выращивание личностных качеств каждого обучающегося (Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, И.С. Якиманская);
– идеи деятельностного подхода, направленные на включение будущего педагога в личностную, интеллектуальную, практическую активность, обеспечивающую овладение разнообразными способами самостоятельной деятельности, учете прошлого опыта обучаемого, его самообразование и саморазвитие (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский);
– идеи непрестанного развития личности будущего учителя в динамично изменяющемся современном мире, направленные на расширение сферы осознания мотивов собственной будущей педагогической деятельности, развитие творческой активности, выбора альтернативных способов решения педагогических проблем, рефлексии собственной деятельности.

Интерактивные педагогические технологии имеют ряд особенностей, которые следует учитывать в реальном педагогическом процессе (В.Б. Гаргай, М.В. Кларин, Е.С. Полат). Во-первых, интерактивное обучение предполагает логику образовательного процесса в следующей последовательности: мотивация – формирование

нового опыта – его теоретическое осмысление через применение – рефлексия. Причем формирование нового опыта, новых компетентностей осуществляется с учетом имеющегося опыта, создания проблемных диалогических ситуаций образующихся на основе возникающих противоречий, рождения новых познавательных мотивов и интересов. Будущие учителя в данной технологии могут выступать как носители нового содержания педагогического образования. Во-вторых, интерактивные педагогические технологии основаны на межличностном диалогическом обучении в системе *«преподаватель – студент», «студент – студент», «студент – учебник», «студент-компьютер»*, обеспечивающих сотрудничество в процессе разного рода познавательной и творческой активности. «Встреча» различных точек зрения в ходе коллективного взаимодействия рождает потребность в более глубоком осмыслении обсуждаемых проблем, способствует открытию возможностей для самосовершенствования, актуализации своих профессиональных, ценностно-смысловых позиций, развитие речи, коммуникативных навыков всех участников образовательного процесса. В-третьих, интерактивные педагогические технологии характеризует обязательная работа в малых группах (командах) на основе кооперации и сотрудничества, взаимной заинтересованности и доверии друг другу. При этом активность педагога уступает место активности обучающихся. Работа в малых группах и на основе кооперации, сотрудничества подчинена групповым (командным) целям. Результат деятельности при этом зависит от самостоятельной работы каждого члена группы (команды) при постоянном взаимодействии с другими членами группы.

В-четвертых, интерактивные педагогические технологии основаны на активно-ролевой и тренинговой организации обучения, при которых осуществляется аккумуляция и передача социального опыта, ознакомление с нормами и правилами поведения в различных педагогических ситуациях, осуществляется развитие профессионального мышления, познавательного интереса студентов-филологов, формируется профессиональная компетентность будущих педагогов.

В-пятых, в интерактивных педагогических технологиях в комплексном виде включены различные формы интерактивных технологий. Например, в методе проектов могут быть представлены дискуссия, игра, применение информационных технологий, работа в малых группах и др. Поэтому преподавателю необходимо владеть всем комплексом интерактивных педагогических технологий для получения оптимального результата.

Интерактивные педагогические технологии в подготовке будущих учителей-филологов изменяют требование к работе преподавателей вузов. Они все более становятся фасилитаторами, способствующими и побуждающими к успеху студентов, учитывающими индивидуальный маршрут студентов. Фасилитаторская деятельность преподавателей вуза основана на педагогической поддержке будущих учителей. Любая *«инновация многомерна»* (М. Фуллан). Инновационные интерактивные педагогические технологии многомерны и многообразны. Существуют различные попытки их классификации (Л.Н. Вавилова, И.А. Зимняя, М.В. Кларин, Т.С. Панина, Е.С. Полат). Нами предпринята попытка систематизировать интерактивные педагогические технологии на основе преобладающих видов деятельности студентов в процессе взаимодействия. В этом случае мы выделяем следующие

формы организации учебной деятельности, объединяющиеся в интерактивные педагогические технологии.

Педагогические технологии, связанные с умением работать с информацией: научным, художественным текстом, позволяющими анализировать, понимать текст, создавать условия для выстраивания дискурсов на основе актуализации собственного субъективного опыта, ретроспективной рефлексии, что способствует индивидуализации «вхождения» в содержание текста, выбору личностных позиций, самопознанию будущего учителя филолога. Наиболее важной в данном случае является технология критического мышления посредством чтения и письма (К. Мередит, Д. Стил, Ч. Темпл, С. Уолтер). Инновационными в современном образовании являются информационные педагогические технологии. Они представляют собой сложное, многоаспектное направление педагогической деятельности, охватывающие различные вопросы разработки и создания фондов компьютерных обучающих программ, электронных учебников, справочников, словарей, ридеров, а также средств компьютерной коммуникации, информационных банков и т.д.

Другую группу представляют педагогические технологии, обеспечивающие обмен мнениями, отстаивание своих позиций, выбор методически верного решения будущим учителем в процессе группового диалогического взаимодействия. К ним относят различные виды дискуссионных обсуждений (дебаты, диспуты, круглые столы, форумы и др.).

Следующую группу образуют интерактивные педагогические технологии стимулирующие моделирование различных ситуаций, форм взаимодействия учителя и учащихся в игровой форме. Игра базируется на привнесении в учебный процесс познавательной активности, эмоциональной насыщенности, профессионального контекста. Среди интерактивных педагогических технологий выделяют технологии, влияющие на формирование профессиональных умений и навыков, обеспечивающих «погружение» будущих специалистов в профессиональную среду. К ним мы относим тренинги и кейс-методы, позволяющие анализировать и погружаться в различные педагогические ситуации, развивая у будущих учителей профессиональную компетентность. Формирование профессиональной компетентности будущих педагогов основано на использовании проектов обучения как одной из интерактивных педагогических технологий. Проектное обучение обеспечивает умение самостоятельно решать проблемы, разрабатывая конкретный «продукт» в форме проекта.

Технология аутентичного оценивания достижений студентов с помощью портфолио позволяет фиксировать различные оценки индивидуальных достижений будущих учителей, повышая их собственную самооценку, позволяя учитывать достижения студентов в учебной, творческой, коммуникативной, производственной, социальной деятельности.

Применение интерактивных педагогических технологий при подготовке учителя способствует развитию их профессиональной компетентности, значительно повышает качество обучения и является важной «движущей силой» развития системы высшего профессионального образования.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Наталья Смирнова
Россия, Екатеринбург

«ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ» А.И. КУПРИНА: «ЭЙФОРИЯ» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

Abstract:
It is attempted to reinterprete the novel "Garnet braselet" by Kuprin A., the article contains the exercises to organise the analysis of the novel.

Key words:
Kuprin, "Garnet braselet", the teach of literature, composition, the plot, the sistem of characters, metaphors.

Художественные достоинства повести А. Куприна всегда получали самую высокую оценку. А вот сама история, рассказанная писателем, до сих пор вызывает горячие споры. Последнее недостаточно учитывается в практике литературного образования. Даже если преподаватель выносит в название урока проблемный вопрос «И что это было: любовь или сумасшествие?» [1], он может строить занятие таким образом, что обсуждение становится невозможным: звучат стихи, близкие по настроению повести, цитируется Библия, наконец, под «Лунную сонату» перечитывается финал. Эмоциональное воздействие такого урока велико и всех лишает холодной рассудочности.

Однако в позициях спорящих стоит разобраться и дополнить пафосно-музыкальный подход анализом художественной формы. Ряд методистов предлагает вопросы аналитического характера: *Верите ли вы в возможность такой любви, которая изображена в повести? Считаете ли ее несуществующей? Если это так, то прочитайте книгу Л. Любимова «На чужбине» (М., 1963), где говорится о прототипах произведений Куприна, о реальности переданного факта. Вдумайтесь в семантику имен и фамилий персонажей повести. Случайны ли они?* [2]. Е.С. Роговер в данном случае исходит из того, что хозяйка зовет Желткова «пан Ежий», т.е. Георгий, – а он из Победоносцев. Очевидно, что обращение к семейной хронике Любимовых, анализ семантики имен и дат (День именин – 17 сентября), анализ пейзажа и цветовой символики также должны настроить учеников на романтический лад.

Предлагаем две серии вопросов для учебного анализа. Они касаются главных героев повести, которых, тем не менее, мы не вырываем из системы персонажей и сюжета.

Первое впечатление о Желткове мы получаем по его письму к Вере Николаевне. Какова интонация письма? Как она создается? Какое впечатление оставляет адресант, почему? Как оценивают поступок Желткова близкие Веры и почему? А Вы? В вежливых и умоляющих интонациях влюбленный автор разъясняет в письме достоинства своего подарка. Самоуничижение в конце письма служит еще большему возвышению героини и отчасти извиняет столь дерзкий и неслыханный поступок дарителя.

Первая встреча читателя и других персонажей с Желтковым состоится в его квартире. Как жил Желтков? Какова его внешность? Как ведет себя Желтков в начале встречи и ближе к ее концу? Чем вызваны перемены в поведении и речи героя? Какое впечатление произвел Желтков на мужа и брата Веры? А на вас? Чем мотивировано поведение князя Василия и Николая? Заплеванная лестница, низкая темная комната, бедность. Бледное нежное девичье лицо, упрямый детский подбородок, дрожащие руки теребят пуговицы, щиплют светлые рыжеватые усы, трогают без нужды лицо. Это не временное волнение: слова и поступки героя свидетельствуют о серьезном душевном расстройстве. Состояние Желткова с первых же минут встречи совершенно безошибочно, в отличие от Тугановского, почувствовал князь Шеин. В начале встречи Желтков извиняется и краснеет, благоговейно опускает ресницы при упоминании имени Веры Николаевны. Но, когда речь заходит об обуздании его силами властей, буквально переходит в наступление: начинает смеяться над своими гостями, кладет руки в карманы, удобно устраивается на диване, закуривает. И вот уже он задает вопросы, разражается монологом о своей «безнадежной и вежливой любви», угрожает, что в его силах напомнить о себе Вере Николаевне из ссылки и даже из тюрьмы. Заканчивается монолог героя почти обвинением в адрес пришедших: «Вы хотите, я приму ее (смерть – Н.С.) в какой угодно форме». Наконец, Желтков объявляет Шеину, что идет звонить его жене, и действительно осмеливается на этот поступок ...

Какую роль в истории играет мимоходом брошенная фраза о растраченных казенных деньгах? Попытайтесь восстановить образ жизни Желткова. Каково его отношение к своему положению? Как вы думаете, почему Желтков совершил самоубийство? Как вы оцениваете тот факт, что Желтков обращает к Вере слова из главной молитвы христиан? Мимоходом брошенная фраза о растраченных казенных деньгах и последнее письмо Вере Николаевне позволяют читателю вполне восстановить картину трагедии, разыгравшейся в жизни Желткова. Перед нами романтик, может быть, в плохом смысле этого слова. Судя по тому образу жизни, что вел герой последние 7 лет, мир реальный его совершенно не волновал. Отсюда та убогость в обстановке и внешнем облике. Безответственное отношение к реальности и мирским обязанностям, возможно, и привело к растрате казенных средств. Желтков полностью поглощен миром своей мечты, миром, созданным его воображением.

Поначалу создается впечатление, что во главе его мира Вера Николаевна, недосягаемость которой только распаляет чувства. Вот он поклоняется ей, как божеству: свято хранит вещи, к которым Она прикасалась, обращает к Ней молитвенные сло-

ва: «Да святится имя твое». Но при внимательном взгляде становится очевидно, что во главу мироздания Желтков поставил даже не Веру Николаевну, а себя. Он оценил свое душевное состояние сам («Я проверял себя – это не болезнь...»), дал ему высокое имя Любовь, присвоил себе право вмешиваться в жизнь других людей, наконец, распоряжаться жизнью и смертью. Довольно театрально и немало не сомневаясь в праве на такие поступки Желтков, убивает себя. Это рассказ о трагедии, которая может случиться с человеком, у которого сдвинуты духовные ориентиры.

Цель учебного анализа состоит не в том, чтобы раскритиковать чувство Желткова. Задача беседы – понаблюдать за портретом, словом и действиями героя и попытаться понять, почему и как герой пришел к непоправимой беде. В одной из студенческих работ прозвучала мысль о том, что, «совершив самоубийство, Желтков заставил, пусть совсем ненадолго, Веру думать о нем, а мир вращаться вокруг себя». Информация о прототипах повести может прозвучать не для того, чтобы убедить учащихся в правдивости рассказанной истории, а чтобы закрепить у них представление о несовпадении и взаимовлиянии жизни и искусства (знания, необходимые культурному читателю).

Следующий модуль учебного анализа связан с объектом любви Желткова. Для понимания характера княгини Шеиной очень важен эпизод, когда Вера и Анна оказываются над обрывом. *Как ведет себя Анна на краю обрыва? Что чувствует Вера? Каков метафорический смысл «обрыва» в повести? Каким эпизодам повести можно дать условное название «над обрывом»?* Анна быстро и со смехом «подошла к самому краю обрыва, отвесной стеной падавшего глубоко в море, заглянула вниз и вдруг вскрикнула в ужасе и отшатнулась назад с побледневшим лицом (...) «Когда я гляжу с такой высоты, у меня всегда как-то сладко и противно щекочет в груди ... и пальцы на ногах щемит ... И все-таки тянет, тянет...»

Обрыв, помимо основного, предметного значения, приобретает в повести дополнительный смысл. Это метафора острых ощущений, экстрима. Не случайно в домах Веры и Анны для обуздания азарта сестер были заведены особые правила игры в покер: удовольствие от игры никогда не переходило той границы, за которой начинаются скандалы и трагедии. «Обрыв» – это и метафора рискованных любовных похождений и трагических отношений. «Тянет» в пропасть практически всех героев повести, и срывается в нее не только Желтков. По самому краю проходят многочисленные персонажи рассказываемых на вечере историй (о жене полкового командира и новоиспеченного прапорщика, история поручика Вишнякова). Не всем удается сохранять «равновесие», избегая гибельного «головокружения». Великолепно чувствует грань, за которой начинается опасность, Анна: она «охотно предавалась самому раскованному флирту во всех столицах и на всех курортах Европы, но никогда не изменяла мужу».

Спокойному и размеренному течению жизни Шеиных письма Желткова тоже добавляли остроты. Конечно, нельзя обвинить героев в сознательном и бездушном цинизме: Вера Николаевна с неудовольствием приняла очередное письмо Желткова. Но по большому счету эти признания Шеиным не мешали. И если бы не тот роковой подарок, безобидным посланиям Желткова, возможно, и далее никто бы не препятствовал. Но почему же Желтков позволил себе такую дерзость? Одна из студенток сравнила письма Желткова с наркотиком, однако следующая инициатива Желткова натолкнулась на активное препятствие со стороны семейства Шеиных.

Таким образом, эпизод «над обрывом» можно считать одним из ключевых в композиции повести: скрепляя частные истории в единую сюжетную структуру, он позволяет выделить одну из ключевых идей повести, помогает постичь характер персонажей и определенные закономерности в их системе: Вера, оказывается, не так уж непохожа на свою сестру Анну и в какой-то момент становится немножко Желтковым (эпизоды у гроба, слезы в финале повести).

Отдельное замечание касается такого популярного методического приема, как обращение к Библии. Все-таки не стоит на основании 13 главы 1-го Послания к Коринфянам Апостола Павла делать вывод о том, что «только влюбленный имеет право на звание человека» и что все персонажи, кроме Желткова и Аносова, оказываются звенящей медью, а также ставить Желткова в один ряд с Христом, «страдания, кровь и смерть» которого – искупительная жертва, воззвавшая Веру к новой жизни [3]. И уж коли речь зашла о Библии, то уместно было бы вспомнить о том, что самоубийство – тягчайший грех, непоправимое деяние, лишающее человека возможности покаяния.

Вряд ли можно согласиться с утверждением, что концепция любви Куприна озвучена генералом Аносовым: «Любовь должна быть трагедией». Уже в следующем абзаце генерал говорит о том, что такой любви не встречал, и высказывает мнение, противоречащее заявленному им же: «Я, правда, знаю два случая похожих. Но один был продиктован глупостью, а другой ... так... какая-то кислота... одна жалость...»

Таким образом, неумеренное восхищение чувством Желткова не совсем соответствует сказанному Куприным и не полезно в той аудитории, с которой мы работаем (возраст изучающих Куприна такой, что больная любовь может случиться!). Разумеется, нет необходимости превращать литературу в иллюстрацию морально-нравственных истин. Однако, учитывая актуальность темы, имеет смысл внимательно проанализировать структуру повести и, может быть, соотнести историю, рассказанную в ней, с киноповествованием Ивана Вырыпаева «Эйфория».

О форме занятия. Это может быть традиционная беседа на основе анализа – устного или письменного, фронтального или дифференцированного. Можно превратить занятие в игру в духе современной коммуникации: моделировать общение в чате, на форуме, ток-шоу. Письменная работа позволит учащимся осознать собственное непростое отношение к прочитанному. Отрывки из сочинений тоже стоит включить в общий контекст интерактивности: использовать их в качестве материалов для создания литературных форумов.

Использованная литература:

1. Мосунова, Л.А.: *Условия саморазвития личности на уроке литературы*. In: Русская словесность 2004, №3, с. 17 – 26.
2. Роговер, Е.С.: *Русская литература XX в. В помощь выпускнику школы и абитуриенту*. СПб., 1999.
3. Чалова, А. «Гранатовый браслет» Куприна: некоторые замечания к проблеме формы и содержания. In: Литература 2005, №36, с.4.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Екатерина Василевна Солнцева-Накова
Болгария, София

О ПРОБЛЕМЕ АДАПТАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА К НОВЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Abstract:
Observation on the problem of adaptation of Russian language teaching to new informational technologies allows us to make the following conclusions:
– now-a-days informatization of education enters on a qualitative new stage.
– Actual problems of Methodics of Russian language teaching connected with informational technologies are quite perspective and undeveloped branch of science.

Key words:
New information technologies, computer lingvodidactics, information, information society, education, multimedia products.

Научно-образовательный процесс по своей сущности является информационным, а информация представляет собой неисчерпаемый ресурс не только на Земле, но и во всей Вселене. При обработке информации она, в отличие от всех других ресурсов, не исчерпывается, а обогащается. Работа с информацией сопровождает и пронизывает каждую индивидуальную и общественную деятельность, весь процесс принятий решений, управления и контроля, а следовательно, имеет место и в образовательном процессе.

Роль информации в сфере образования обусловлена следующими факторами:

Во-первых, в настоящий момент наступило время так называемой *второй технологической волны*, которая характеризуется електронными и компьютерными сетями, а также утверждением виртуальной реальности и виртуальными отношениями.

Во-вторых, *информационное общество*, в котором мы живем, характеризуется быстрыми изменениями, в результате чего, традиционные представления о времени и пространстве перетерпели значительные метаморфозы.

В-третьих, появилась необходимость в том, чтобы *каждый молодой человек овладел новыми информационными технологиями с тем, чтобы он умел обраба-*

тывать все больше информации и смог легче адаптироваться к новым условиям труда.

В-четвертых, електронно-образовательные ресурсы не должны дублировать книгу, а наоборот, они должны быть направлены к таким учебным задачам, решение которых невозможно при полиграфических изданиях.

В-пятых, компьютер нам дает в руки пять новых педагогических инструментов – интерактив, мультимедию, моделинг, коммуникативность, производительность, от еффективного использования которых зависят образовательные качества электронно-образовательных ресурсов.

Вот почему новые информационные технологии стали *приоритетом в образовании, в результате чего изменяется вся парадигма образования*. Учитель потерял свой статус основного источника знаний для ученика, но он остается руководителем в процессе их усвоения или приобретения новой квалификации.

По мнению футурологов в ближайшие два десятилетия 60 – 90% рабочего населения будет иметь высшее образование, а согласно прогнозу Евросоюза к 2020 году 60% работоспособного населения будет состоять из обучающих и обучающихся. Само образование выйдет за пределы зданий учебных заведений. Будет обеспечен свободный доступ каждого человека к образованию согласно двум принципам: «Свобода во времени», т.е. каждый может учиться, когда захочет и «свобода в пространстве» – каждый может учиться, где захочет. С другой стороны, защита так называемых даже «классических» авторских прав» является трудной и проблематичной, особенно при отсутствии юридической и институциональной инфраструктуры. [Кабаков: 2004]

В настоящий момент многие исследователи рассматривают Интернет как уникальную коммуникативную среду, выполняющую такие функции, как:

1) воспитательную,
2) культурную,
3) лингвистическую,
4) когнитивную,
5) коммуникативную,
6) обучающую.

Главная задача, которая стоит перед преподавателями русского языка – это разработка и методическое описание обучающей функции Интернет-среды. На смену традиционной передаче и приобретению знаний приходят инновационные технологии, инновационная практика обучения.

Под технологией мы понимаем совокупность операций, осуществляемых определенным способом и в определенной последовательности в учебном процессе. Инновационная технология – это технология, опирающаяся на науку инноватику, которая рассматривает любой вопрос повышения уровня образования.

Наблюдаются новые тенденции в области филологического образования:

С одной стороны, «филология как наука о человеческом творчестве» – дефиниция с 1914 г., [Перетц 1970: 29] переносится в сеть Интернета, так как действует процесс дигитализации.

С другой стороны, заметно непрерывное увеличение роли невербальных средств – информация почти во всех сферах подается уже в новой упаковке: поскольку внимание молодежи нельзя долго удержать над толстыми книгами, а только при

помощи DVD – коротких клиппов, которые сочетают в себе цвет, образ и звук в виде мультимедийных программ. В этом отношении даже предлагается рассматривать право на информацию как неотъемлемой части культурного многообразия, что обезпечивает индивиду свободу слова в информационном обществе. [Кабаков 2007: 112 – 115].

В последнее время появился ряд публикаций, в которых описывается и анализируется работа в этом направлении. Так, например, в юне 2004 г. на заседании трех кафедр русского языка МГУ была дана высокая оценка дидактическому комплексу «Кл@ссно!», написанному польскими русистами И. Данецкой и Б. Хлебдой, в котором предлагается новаторское изучение русского алфавита и знакомство с компьютером, общение в компьютере, которые отличают новые уроки от традиционных.

На международном симпозиуме МАПРЯЛ, проведенном в апреле 2006 г. при Великотырновском университете, Барбара Хлебда из г. Ополе ознакомила участников со своим инновационным проектом, который, как подчеркивает автор в своем предисловии «вероятно является первым изданием такого рода в Польше» [Chlebda 2004: 3]. Этот путеводитель предназначен для всех желающих изучать русский язык и ознакомиться с русским Интернетом, как и для учителей – русистов с целью облегчить их работу при подборке материала.

По утверждению Барбары Хлебды, все описанные в ее публикации адреса проверены ее собственным опытом, а все предложенные ей материалы подобраны в результате многократного посещения предоставленных страниц в *Рунете,* который является делом русских информатиков и их гениальных компьютерных программистов. В пространстве русского Интернета в настоящий момент отражаются самые важные и представляющие интерес научные и культурные события, связанные с русской действительностью. Но для того, чтобы облегчить работу польским потребителям, Хлебда подобрала самые важные адреса, которые разделила на 12 тематических разделов, сообразно их информационному содержанию как библиотеки, культура, газеты, радио, телевидение, словари, энциклопедии и т.д.

В настоящий момент во всех языках создается компьютерная терминология. Поэтому Б. Хлебда приложила в конце этого издания русско-польский словарь наиболее часто встречаемых компьютерных слов и выражений с целью облегчить их понимание.

В конце этого издания указаны все фамилии в азбучном порядке, а на приклеенном к обложке конверте приложен диск с електронной версией всего издания. Публикации подобного рода безусловно являются новой страницей в сфере филологических исследований.

В подтверждение второй наблюдаемой нами тенденции была проделана на этой же конференции демонстрация проф. М.Р. Кондубаевой, заведующей кафедрой общего и сопоставительного языкознания при Казахском университете международных отношений г. Алматы. Проф. Кондубаева продемонстрировала всем участникам конференции мультимедийную программу на тему:”Музеи мира и Казахстана” для учеников 5 – 6 класса по русскому языку, выработанной Центром информации при Министерстве образования, совместный проект с Сингапуром /ноу-хау засекречено/. Программа содержит 6 модулей для гуманитарных классов: как чтение, грамматика, лексика, общие тексты и упражнения для индивидуальной работы. Судя по всему этим программам принадлежит будущее.

Современные информационные технологии находят все более широкое применение при преподавании русского языка, кардинально его обновляя не только новыми способами и формами, но и новыми достижениями целей обучения.

Появился ряд новых работ, в которых рассматривается процесс создания программы «непрограммированным способом» (Барышникова Е.Н, Ельникова С.И., Беленчикова Р., Беленчиков В., Бовтенко М.А, Гарцов А.Д., Богомолов А.Н., Ускова О.А., Брехт Р. Ван лоо Эстер, Брон Жанет Тея, Янсен Юдин, Великосельсий О.А., Марусенко Н.М., Власенко А.И., Падо А., Годенко А.Е, Еремина В.В., Филимонова Н.Ю., Чугунов А.Л., Голубева А.В., Лукина Я.В., Дедова О.В., Капитонова Т.И, Озерова Н.И., Касьянова В.М., Кортава Т.В., Летягова Т.Е., Лекич М. /www.russnet.org/, Литвинко О.А., Новиков С.Г., Чеченева С.Б., Монкоша-Богдан Я., Пурисман А., Малер К., Ремнева М.Л., Кедрова Г.Е., Потапов В.В., Омельянова Е.Б., Смоленский А., Соболева О., Троненко Н. и др.).[1] Это связано с существованием двух подходов в реализации НИТ /новых информационных технологий/ в практике преподавания русского языка иностранцам: репродуктивного и креативного.

Кроме этого при Токийском университете иностранных языков Г. Никипорец-Тагинава изучает лексические процессы, происходящие в русском языке в конце XX – начале XXI века, а также решения ряда важнейших лексикографических задач при помощи современных компьютерных ресурсов и технологий. Это дает лингвисту уникальную возможность изучать лексику современного русского языка в динамике развития. При помощи компьютерных технологий могут решаться сложные лексикографические задачи, на которые раньше уходили долгие годы.

Мы являемся свидетелями появления компьютерной лингводидактики /КЛД/, как раздела методической науки. Сущность КЛД в ее междисциплинарности, поскольку она связана с другими областями знаний как прикладная лингвистика, математическая лингвистика, системы искусственного интеллекта и т.д.

Дидактика (от греч. didaktikos – поучающий, относящийся к обучению), определяется как теория обучения, которая исследует содержание, методы и формы организации обучения [Рыжов 2004: 318]. Лингводидактика или дидактика языка исследует законы овладения любым языком независимо от того, выступает ли он в качестве первого или второго. Процесс овладения языком в учебных условиях является предметом исследования психологов, психолингнистов, лингвистов и методистов. Осмысление этого процесса с позиций той или иной отдельной дисциплины значит не получить полной картины усвоения языка в учебных целях. Сделать это, по мнению ученых, в состоянии только лингводидактика, так как она является интегративной наукой.

Следовательно КЛД – это такая область лингводидактики, которая изучает теорию и практику использования компьютерных и сетевых технологий в обучении языку. КЛД отвечает на вопрос «Как решать проблемы лингводидактики и методики преподавания языка?» в условиях глобально меняющихся технологий информационного общества. Сегодня перед преподавателями русского языка остро стоит проблема творческого использования информационных технологий в профессиональной сфере. К настоящему времени информация образования выходит на качественно новый уровень: решается задача массового использования компьютерных и сетевых технологий в профессиональном образовании и в частности, при преподавании русского языка.

За последние десятилетия наблюдается многочисленное использование компьютера в практике преподавания русского языка, но к сожалению в сравнении с другими языками, например английским языком, в области русского языка появилось сравнительно небольшое количество программных продуктов. В качестве основных причин такого положения является высокая технологичность исполнения программы, требующая труда высококвалифицированных программистов, недостаточная готовность большинства опытных методистов принимать участие в коллективной работе по созданию програмных продуктов учебного содержания.

В конце прошлого и начале этого веков стремительный прогресс новых информационных технологий (НИТ) создал условия для преподавания языка в Интернете. Исследователи сразу же обратили внимание на изучение дидактического потенциала компьютерного обучения за счет использования новых возможностей, которые приобрел компьютер с развитием глобальных сетей.

КЛД продолжает развиваться очень динамично и сейчас она стоит на пороге нового этапа, а именно перехода от описательно-теоретического характера возможностей информационных технологий к практике преподавания языка, так как на программно-техническом уровне уже созданы все предпосылки для творческой деятельности педагога в учебном процессе.

В современной системе средств обучения появились новые компьютерные средства обучения (КСО). Настоящий момент характеризуется наличием КСО, педагогический потенциал которых не востребован в силу чрезвычайной новизны и технологической сложности этого явления.

История развития информационных технологий свидетельствует о том, что программисты высокого порядка создают и постоянно совершенствуют программные оболочки, а педагог может производить обучающие материалы непрограммируемым способом. При этом данные программные продукты постоянно наполняются разными дизайнерскими решениями (шаблонами, фонами, флажками, тематическими рисунками и фотографиями). Например, если сравнить современные компьютерные технологии с аналогичными десятилетней давности, то можно сделать вывод о том, какие возможности предоставят нам технологии в следующие 10 лет.

Следовательно, чем выше будет средний уровень специальной подготовки преподавателей русского языка в области информационных технологий, тем более совершенные програмные оболочки будут создавать софтверные компании. Поэтому к числу первостепенных задач следует отнести создание профессионально-ориентированной программы квалификации преподавателей русского языка в области использования информационных технологий и приобретения навыков производства мультимедийных обучающих материалов в среде специализированных стандартных программных приложений.

Наблюдение над проблемой адаптации преподавания русского языка к новым информационным технологиям позволяет прийти к следующим выводам:

– в настоящий момент информатизация образования вступает в качественно новый уровень;
– актуальные проблемы методики преподавания русского языка, связанные с компьютерными средствами обучения, являются самым перспективным и самым неразработанным направлением науки;

Примечания:

[1] См. Круглый стол: Дистанционные формы обучения русскому языку как иностранному – In: Сб. докладов и сообщений X Конгрес МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре», 30 июня – 5 июля 2003, Санкт-Петербург.

Использованная литература:

Кабаков, И.: *Мениджмънт и правна инфраструктура на културата С: Критика*, Сиела, 2004.
Кабаков, И.: *Право на културно многообразие*, С., УИ «Св. Климент Охридски», 2007.
Перетц, В.Н.: Из *лекций по методологии русской литературы*, Киев, 1914. Slavic printings and reprintings. Paris, 1970.
Рыжов, В.Н.: *Дидактика*, М., 2004, с.318.
Chlebda, B.: *Przewodnik po stron@h Runetu*. Opole, 2004, 95 str.5

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Яна Фольпрехтова
Чехия, Прага

ДРАМАПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Abstract:
This contribution contains some ideas about the dramapedagogical approach to the foreign language teaching. There are some examples of dramapedagogical language schools and theatres in the european countries and in the Czech Republic. Author is thinking about dramapedagogical activities in the contemporary Russian language textbooks and about the dramapedagogical methods in the Russian language teachers preparation. She puts forward to elaborate a special textbook of dramapedagogical education for the Russian language teachers in the Czech Republic. In the last part of this paper she discrabes her own experience with the dramapedagogical activities in the English language learning at the language school Jevishte ("The Stage") in Prague.

Key words:
Dramapedagogical approach to the foreign language teaching, dramapedagogical language schools and theatres in the european countries and in the Czech Republic, special literature about the dramapedagogical methods of the foreign language teaching, some examples of the dramapedagogical activities in the english as a foreign language teaching (author's own learnerexperience), unity of music, moving and speak act in the dramapedagogical activities for the foreign language teaching.

Обучение иностранным языкам посредством театральных приёмов – идея, конечно, вовсе не новая, её начало можно найти ещё в трудах Я.А. Коменского. В современном обществе интерес к усвоению языка посредством театра резко возрастает приблизительно с 80-ых годов 20-ого века, особенно в Германии, Австрии, Франции, Швейцарии и Великобритании [2, 3, 5]. В разных странах Европы возникают специальные театры и языковые школы, разрабатывающие учебные спектакли, способствующие более совершенному усвоению того или другого иностранного языка. В качестве примера можно привести т.н. *Прикладной театр (Das angewandte Theater) в* австрийском городе Грац. В последние годы учреждения того же типа начинают действовать в Чешской Республике. В Праге существует *языковая школа «Сцена» (Jeviště)* во главе с директором Б. Дочкаловой [12]. В Интернете можно найти сайты *Bear Educational Theatre,* труппа которого сотрудничает с некоторыми основными школами в ЧР при обучении английскому языку [13]. Личный контакт с приведёнными учреждениями а также участие в трёхлетнем семинаре по

драмапедагогическим (ДП) приёмам обучения иностранным языкам вдохновили автора на тему этой статьи.

Если посмотреть, как часто появляются ДП приёмы в современных чешских учебниках русского языка и появляются ли они вообще в официальных учебных материалах, нужно сказать, что до сих пор очень многое зависит скорее от самого преподавателя, чем от учебников. В некоторой степени ДП приёмами можно считать более менее *традиционные ролевые игры, направленные на решение стандартных коммуникативных задач*. Наличие таких игр в современных учебниках весьма важно, так как решение стандартных коммуникативных задач способствует формированию коммуникативной компетенции. Однако с другой стороны, если в учебниках довольно односторонне преобладают одни только стандартные коммуникативные задачи, то главное внимание уделяется в первую очередь чисто прагматическим аспектам коммуникации, тогда как юмористические, эстетические, эмоциональные и глубинно-личностные аспекты остаются как будто в стороне. Для стандартных коммуникативных задач типично, что эмоции участников коммуникации остаются скрытыми, невыраженными. В большинстве стандартных коммуникативных ситуаций заренее известно, что кому и при каких обстоятельствах надо сказать, так что в них, как правило, отсутствует элемент неожиданности и непредсказуемости. Такие задания довольно часто встречаются прежде всего в учебниках для средней школы или для взрослых. ДП приёмы в учебниках для детей школьного возраста, особенно в учебном комплексе *«Поехали 1 – 5»,* предназначенном для обучения русскому языку в основной школе, отличаются гораздо более выразительной эмоциональной окраской. В этом учебнике элементы драматизации представляют собой составную часть работы над вводными текстами, и даже над художественными текстами, предназначенными для синтетического чтения. Некоторые конкретные рекомендации по употреблению ДП приёмов преподаватели русского языка могут найти в Методических руководствах к отдельным томам учебника *«Поехали 1 – 5»,* но в общем можно сказать, что подготовка к практической реализации ДП приёмов при обучении русскому языку в чешской среде до сих пор носит скорее случайный и не очень систематичный характер. На наш взгляд, в том плане очень много можно было бы сделать прежде всего в рамках вузовской учебной дисциплины, по традиции называемой *Практические занятия по русскому языку,* тем более что, например, по учебной программе Педагогического факультета Карлова университета в Праге эта дисциплина длится целые 10 семестров в обучении магистров, а минимум 6 семестров в обучении бакалавров.

Некоторые попытки практического применения ДП приёмов при обучении русскому языку были сделаны в чешском учебном тексте «Практические занятия по русскому языку – учитель в классе» [4]. На современном этапе развития дидактики русского языка следовало бы разработать более детальное и, может быть, одновременно и более объёмное пособие по практическому применению ДП приёмов в разных типах школ. В качестве теоретических источников можно опереться на ряд работ не только зарубежных, но и чешских специалистов [6, 7, 8, 9]. Немецкие и англоязычные источники позволят увидеть данную проблему в контексте дидактики других иностранных языков [2, 3, 5]. Работы русских авторов помогут уловить связь дидактики русского языка как иностранного с обучением русскому языку как родному, особенно ценными в этом плане можно считать русские работы о дет-

ском и молодёжном театре [1]. Работы чешских авторов могут показать связь современных лингводидактических стремлений с лучшими отечественными педагогическими традициями, так как мысль о применении театра для более прочного усвоения иностранного языка можно найти ещё в трудах Я.А. Коменского, как уже упоминалось выше.

Весьма важным источником конкретных идей при практическом применении ДП приёмов на уроках русского языка может стать личный опыт преподавателя, изучающего при помощи ДП приёмов какой-нибудь другой иностранный язык. Во второй части настоящей статьи автор предлагает краткую характеристику личного опыта, полученного на курсах английского языка среднепродвинутого этапа. Курсы организовались пражской языковой школой *Jeviště*. Занятия проходили с начала февраля почти до конца июня 2007-ого г. по два часа в неделю (120 минут + 15 минут для отдыха). В группе занималось семеро человек, двое мужчин и пять женщин. Младшему члену группы было около 30, старшему около 55. Интересны были тоже профессии: профессиональный пианист, программист, две служащие в банке, одна сотрудница рекламного агенства, одна преподавательница английского языка, одна преподавательница русского и немецкого. Работой группы заведовало двое преподавателей: Мелани Рада, девушка из Канады, носитель английского языка как родного и одновременно специалист по драматическому искусству. Барбора Дочкалова, преподавательница английского и одновременно директор языковой школы *Jeviště*.

Занятия на этих курсах проходят чаще всего следующим образом: Первые 15 минут группа стоит в кругу, кто-нибудь из участников произносит любую английскую фразу, сопровождая её любым выразительным жестом или движением, каждый по очереди должен реагировать какой-нибудь другой фразой и жестом, вся группа постепенно подражает всем участникам, все реплики вместе должны образовать диалог.

После вводной деятельности для хорошего старта группа переходит, например, к следующим видам ДП приёмов усвоения языка:

№ 1: Преподаватель включает инструментальную музыку по собственному выбору. Задача для студентов: Каждый может двигаться, как хочет, каждый может воображать, что хочет. Условие только одно: Студенты должны любым образом выразить эмоцию, заданную преподавателем (радость, страх, счастье, неожиданность, испуг, ненависть, поражение, разочарование и т.д.). Когда музыка замолчит, каждый должен как будто «замёрзнуть» в своём движении и по возможности подробно описать образ, который он только что создал. Благодаря этому приёму можно, между прочим, пережить очень интересный личный опыт: Дело в том, что приятная, мелодичная и гармоничная музыка медленного темпа у большинства психически здоровых людей значительно ограничивает возможность выражать, или даже только воображать чувство ненависти.

№ 2: Индивидуальное домашнее задание: Каждый член группы должен составить диалог, в котором все реплики будут начинаться по очереди с соответствующей буквы алфавита. Обязательно нужно употребить все буквы. Первое предложение можно начать с любой буквы, но все остальные реплики опять должны продолжаться по алфавиту. На следующем уроке диалоги читаются вслух, преподаватель следит за исправлением ошибок. Группа разбивается на пары или на маленькие группы по 2 – 3 человека. Каждая группа выбирает один диалог для постановки на

сцене, тренирует запоминание реплик и актёрскую реализацию. Запоминание реплик всегда сочетается с энергией конкретного движения. Тренировку заучивания наизусть можно организовать так, что собеседники с каждой репликой бросают друг другу мягкую подушку. Энергия движения должна соответствовать энергии реплики, а также энергии выражаемой эмоции, т.е. например радости, злобе, удивлению и т. д.

№ 3: Каждый член группы получит листочек с одним очень странным предложением, например: *Почему у тебя на голове змея? Я только что выиграл миллион долларов. Я опоздала на свою свадьбу. Мой дом горит* и т. д. Группа разбивается на пары, каждая пара должна составить короткий диалогический текст, соблюдая одно важное условие: Вопросительные предложения должны выразительно преобладать над повествовательными. В диалог необходимо включить написанные на листочках предложения. Время для подготовки минут 15, потом все группы инсценируют и показывают свои выступления. В последней фазе работы преподаватель исправляет ошибки, предупреждает о правильных решениях, студенты записывают правильные варианты, которые в следующий раз включаются в дальнейшую практическую тренировку.

Главная цель каждой учебной группы на курсах в языковой школе «Сцена» – не составление и заучивание отдельных диалогов, а постановка публичного спектакля как единого общего целого в конце семестра или учебного года. У описанной выше группы такая цель вызывала очень сильную мотивацию в работе над усвоением соответствующего лексического и грамматического языкового материала.

По мнению автора статьи, при обучении в основной и средней школе государственного сектора можно применять ДП приёмы обучения языкам не только на уровне отдельных ДП элементов, а также на уровне целых учебных спектаклей, но для такой работы необходимы два важных условия: 1. регулярное сочетание школьного обучения с внеклассной деятельностью учащихся, например, в кружках иностранных языков; 2. присутствие в составе преподавателей в данной школе нескольких настоящих энтузиастов, которые готовы вложить в дело языкового образования и воспитания свою энергию и творческие идеи.

Использованная литература:

1. Аксёнова, Г., Кирш, Т.: *Учебный театр*. Москва, Русский язык 1989.
2. Fleming, M., Byram, M.: *Language Learning in Intercukltural Perspective. Approaches through Drama and Etnography*. Cambridge University Press 1998.
3. Holden, S.: *Drama in Language Teaching*. London, Longman 1981.
4. Mrhačová, E.: *Praktická cvičení z ruského jazyka. IV. díl. Učitel ve třídě*. Pedagogická fakulta v Ostravě, Praha, SPN 1991.
5. Tselikas, E.: *Dramapädagogik im Sprachunterricht*. Zürich, Orell Füssli Verlag AG 1999.
6. Valenta, J.: *Metody a techniky dramatické výchovy*. 2. vyd. Praha, Agentura STROM 1998.
7. Valenta, J.: *Drama ve výchově a vzdělávání*. In: Děti a my. 2002, roč. 32, č. 3, s. 22.
8. Valenta, J.: *Divadlo ve výchově*. In: Tvořivá dramatika. 2005, č. 2, s. 1 – 2.
9. Valenta, J.: *O scéničnosti učitelské profese*. In: Disk, 2006, č. 1á, s. 20 – 29.
10. Jelínek, S., Folprechtová, J., Hříbková, R., Žofková, H.: *Raduga 1 – 3. Učebnice ruského jazyka pro střední a jazykové školy*. Učebnice. Pracovní sešity. Metodické příručky. Audiokazety. Plzeň, Fraus 1996; 1997; 1999.
11. Žofková, H., Eibenová, K., Liptáková, L., Šaroch, J.: *Pojechali 1 – 5. Učebnice ruského jazyka pro základní školy a víceletá gymnázia*. Učebnice. Pracovní sešity. Metodické příručky. Zvukové nahrávky. Praha, Albra – SPL Práce 2003; 2004; 2005; 2006; (2007 – v tisku).
12. www.jeviste.cz
13. www.bearproject.cz

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Барбара Хлебда

Польша, Ополе

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ РУНЕТА В РАЗВИТИИ РЕЧИ СТУДЕНТОВ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Abstract:
Teaching Russian language assisted with resources of Russian internet (Runet) accounts for a downright new aspect of didactics. Coursework materials developed on the basis of Runet resources enable students to immerse in authentic linguistic and cultural environment. In addition, extensive use of audio and video materials make the didactic process not only more attractive, but also more efective.

Key words:
Resources of Russian internet, didactics. Coursework materials, authentic linguistic and cultural environment.

Русскоязычный Интернет, существующий параллельно реальному языковому пространству, в настоящее время даёт не только возможность мгновенно обмениваться информацией, но также применять немыслимые прежде приёмы и методы в процессе усвоения русского языка. Развитие речи при поддержке виртуальных материалов Рунета является новым аспектом в обучении языку студентов-русистов. Занятия по развитию речи, устной и письменной (аудирование, говорение, чтение и письмо) проводятся в соответствии с принципом взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности.

Подготовка хорошего специалиста в настоящее время без ознакомления с новыми возможностями, связанными с информационными технологиями, просто не выдерживает конкуренции. Владение компьютерными технологиями является одним из требований на рынке труда, предъявляемых специалисту любого профиля. Не являются исключением и филологи-русисты, будущие преподаватели русского языка и переводчики.

Применение новых компьютерных технологий в практике обучения русскому языку предполагает обращение к такому источнику межкультурной коммуникации, как русскоязычная зона Интернета – Рунет. Назовём три наиболее значимые для студентов русской филологии функции Рунета: информационную (умение приоб-

ретать информацию с помощью поисковых систем), коммуникативную (широко понимаемое общение на русском языке), методическую (умение использовать ресурсы Рунета в процессе обучения русскому языку).

Активно пользуясь ресурсами польско- и англоязычного Интернета, наши студенты, как правило, не готовы к работе в русскоязычной виртуальной среде. Выход в эту новую для них виртуальную среду требует приобретения определённых навыков, достижения определённого уровня мультимедиакомпетенции. Под мультимедиакомпетенцией в условиях подготовки филологов-русистов мы понимаем 1) способность пользоваться в процессе овладения иностранным языком мультимедиаматериалами, источником которых являются прежде всего ресурсы русскоязычного Интернета, 2) умение обучаться и обучать языку в мультимедийной, интерактивной и гипертекстуальной среде.

Ставя своей целью развитие мультимедиакомпетенции, выделяем следующие параметры: 1) Знакомство с содержанием и структурой русскоязычного киберпространства; 2) Навигация в сети www, особенности поиска; 3) Интеракция в сети (чаты, телемосты, конференции, форумы; особенности Интернет-общения: виды речевой деятельности, в которых оно состоится, и специфика языка общения); 4) Поиск и отбор материалов сайтов русскоязычного киберпространства, связанных с обучением разным аспектам языка, формированием коммуникативных умений, развитием культурологической компетенции; 5) самостоятельные учебные и дидактические проекты (творческие работы студентов).

Как мы много раз убедились, практически все студенты имеют навыки работы на компьютере, однако с русской клавиатурой не работает почти никто. В сязи с этим на начальном этапе освоения Рунета в качестве учебного пособия целесообразно использовать тренажёры клавиатуры, например, компьютерную игру *Клавиатура для чайников*. Чтобы найти игру, достаточно вписать её название, например, в поле поиска системы www.yandex.ru. В образовании медиакомпетенции учащихся этот пропедевтический этап важен, поскольку в этот период закладываются не только умения работы с русской клавиатурой, но и первичные навыки и умения быстрого и эффективного взаимодействия с русскоязычным Интернетом, позволяющие вести активную работу с его ресурсами.

Обучение работе со словарными источниками является важным компонентом урока иностранного языка. В русскоязычном пространстве Интернета в бесплатном доступе содержится большое количество словарей, справочников и энциклопедий, которые используются как на аудиторном занятии, так и в автономной самостоятельной работе учащихся. Для польских студентов филологического профиля был отобран нами ряд словарей, представленных на авторитетных русскоязычных сайтах. В частности, в начале каждого урока студенты «кладут» на свою виртуальную полку необходимые для занятий словари и справочники, среди которых назовём словари, помещённые на портале www.gramota.ru, а также другие, в зависимости от выполняемых заданий.

Часто в начале занятий в компьютерной аудитории, студенты в качестве своего рода «языковой зарядки» просматривают газеты и журналы. Готовя мини-обзор важных или интересных событий, учащиеся «листают» российские электронные газеты и журналы или переведённые на русский язык материалы иностранных печатных изданий, в том числе и польских. Бывает так (особенно, если занятия проходят

рано утром), что студенты читают о каком-то событии на русском языке раньше, чем на родном. Довольно часто во время этого электронного обзора печати учащиеся обнаруживают в текстах слова и выражения, не зарегистрированные ни одним из словарей, в том числе и электронными. Если первичный контекст не позволяет установить значение единицы, ищем вторичные контексты, например, в корпусе русского языка или в текстах, проиндексированных поисковыми системами.

Остановимся ещё на одной очень важной проблеме. Каждый преподаватель в своей практике сталкивался с большими затруднениями при объяснении на словах некоторых страноведческих реалий, поскольку культурологический комментарий в словарях (если таковой имеется) не в полной мере даёт представление о них. Благодаря Рунету преподаватель может дать студентам более полное представление о таких сферах жизнедеятельности носителей языка, которые недоступны при традиционном способе обучения. В этой связи трудно переоценить возможности Рунета, позволяющего осуществить погружение учащегося в аутентичную языковую и культурную среду. Благодаря воздействию аудио- и видеостимуляторов, предлагаемый студентам дидактический материал становится очень богатым, а, значит, легко осваиваемым и запоминающимся.

Большим преимуществом использования ресурсов Интернета является развитие межкультурной компетенции, содействующей формированию культурных универсалий, необходимых для кросскультурного общения в атмосфере взаимопонимания, толерантности и сотрудничества.

В качестве примера приводим некоторые виды заданий, используемые нами при работе над 3 темами, и остановимся только на двух аспектах обучения русскому языку с помощью ресурсов Рунета – лексическом и культурологическом, показав лишь небольшой срез работы, проводимой на практических занятиях. Следует заметить, что студентам, начинающим изучать русский язык, все рекомендации к заданиям даются на родном языке.

1. Путешествие по Транссибирской железной дороге.

1.1. Определите расстояние между Варшавой и Владивостоком. Сколько часов придётся провести в пути, пользуясь на этом расстоянии автотранспортом. Объясните с помощью словарей на сайте www.gramota.ru значение слова «зимник»

Адреса для поиска:
Система АвтоТрансИнфо http://www.autotransinfo.ru/
Портал gramota.ru. Проверка слова. www.gramota.ru

1.2. Эта страница в иллюстрированной форме фиксирует рекорды Транссибирской магистрали, отвечая на вопрос: где находится самое-самое? Самая высокая точка и самая западная, самый большой тоннель и самый скоростной участок, самый крутой подъём, самый длинный мост, самая протяжённая железная дорога на планете. Выберите интересующий вас рекорд и расскажите коротко о нём.

Адрес страницы рекордов:
Рекорды Транссиба зарегистрированы в 22 номинациях.
http://transsib.ru/cat-records.htm

1.3. Сколько часовых поясов проезжают поезда Транссиба? Посмотрите карту часовых поясов Росси. Какова разница по времени между Москвой и Владивостоком?

Адрес карты:
Часовые пояса относительно московского времени:
http://transsib.ru/Map/transsib-clock.gif

1.4. Скажите, какая погода стоит в Москве, на Байкале, во Владивостоке. Обратите внимание, что погода в Москве и крупных городах Транссиба определяется на сайте в режиме реального времени. Информация о погоде обновляется дважды в сутки – утром и вечером. При нажатии на информер выводится прогноз погоды по этому городу на предстоящие трое суток.

Адрес для поиска
Транссибирская погода http://transsib.ru/cat-meteo.htm

1.5. На форумах можете прочитать вопросы и ответы на разные темы. Можете также задать свой вопрос и получить ответ, для этого лучше зарегистрироваться. Выберите нужный форум и прочитайте ответы на интересующие вас вопросы.

Адрес форумов:
Список форумов Транссиба http://www.dzd-ussr.ru/forum/index.php

2. ГУМ – самый известный магазин Москвы

2.1. Приведите старую и новую расшифровку сокращения ГУМ (*Государственный универсальный магазин – с 2005 г. Главный универсальный магазин*)

Адрес словаря:
Словарь сокращений русского языка http://sokr.ru

2.2. Посмотрите на карту проезда и определите, где находится ГУМ. Можете также воспользоваться интерактивной картой

Адрес карты проезда:
Карта проезда и парковки http://www.gum.ru/scheme/

2.3. Выберите по списку нужный магазин, посмотрите фотографии, передайте информацию о магазине, его торговом предложении. На плане магазина на каждом этаже можно увидеть дополнительную информацию (туалеты, банкоматы, Fast Food, телефоны)

Адрес сайта:
Список магазинов по алфавиту или по категории http://www.gum.ru/shopmap

2.4. Соберите краткую информацию об истории ГУМ-а. Что обозначают даты: 1890 год, 1953 год, начало 90-х годов?

Адрес сайта:
История ГУМ-а http://www.gum.ru/history/

3. По Москве на метро

3.1. Используя интерактивную схему метро, определите маршрут от станции Чистые Пруды до станции Третьяковская (Укажите начало маршрута на схеме,

подведя курсор к нужной станции и нажав левую кнопку мыши, или выберите станцию отправления из списка вверху. Начало маршрута будет помечено мигающим символом)

Адрес сайта:
Интерактивная схема московского метро
http://www.fido-online.com/snn/metro/main_ie.htm

3.2. Стоимость проезда менялась от 30 копеек до 17 рублей. Менялись также способы оплаты проезда — от картонных билетов до транспортных карт с микросхемой. Познакомьтесь с этой историей.

Адрес сайта:
История стоимости проезда в метро с 1935 года http://metro.ru/fare/history/

3.3. Послушайте голоса московской подземки, записи конкретных сообщений, звучащих в вагонах московской подземки. Какие объявления услышит пассажир в поезде?

Адрес сайта:
Голоса подземелья (внизу страницы) http://voices.metro.ru/msk2.html

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Мария Чирикова
Чехия, Прага

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ИХ МЕСТО В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Abstract:
Translatological issues and their role in methodology of Russian language instruction at faculties of philology. The paper focuses on systematic solutions of translation-related problems at the level of interlingual mass communication.

Key words:
Russian language, faculties of philology, methodology translation.

В центре нашего внимания – переводческие проблемы в процессе обучения русскому языку на филологических факультетах. Для судентов старших курсов данной специальности все еще окончательно не решено создание учебной программы по практике перевода, которая бы систематизировала формы практического перевода и методику преподавания перевода, как самостоятельной дисциплины. Чтобы совершенствовать переводческие компетенции филологов, необходимо составить пособия по письменному и устному переводу обобщенного вида. Систематический подход к данной проблематике поможет выпускнику ориентироваться на практике в различных сферах быта и воспринимать различного типа текст на основе доминирующих эквивалентов и по контекстным условиям не только в разговорной, но и в массовой и в деловой межъязыковой коммуникации. Изучая закономерности, путем систематизации отдельных переводческих приемов, можно в общем понимании решить проблему переводческой эквивалентности оригинала и перевода.

Если говорить об уровне грамотности филолога по практике перевода в профессиональной сфере, то до сих пор нет единых требований к его компетенции. Выпускник, по нашему мнению, должен овладеть общими методами и моделями переводческой практики на уровне не только живой разговорной речи, но и на уровне разговорно-деловых высказываний. Изучая межъязыковую коммуникацию, мы должны работать прежде всего с коммуникативными единицами перево-

да, которые имеют в конструкциях разной степени сложности обобщенный смысл. В результате проделанной нами работы филолог должен обладать определенными навыками не только для восприятия специального русского текста, но и для достижения его адекватности на языке перевода.

Речь идет о таких приоритетах, как например, способность трансформировать текст, членить текст, определять единицы перевода, выбирать соответствующий переводческий прием, решать проблематику перевода на основе более широкого контекста и т.п.

Необходимо уделять внимание не только узко специализированным вопросам филологического характера, но и более широким вопросам обобщенного переводческого характера, которые связаны с восприятием и передачей лингвистической и внелингвистической действительности на уровне устно-деловой речи, а именно в таких областях, которые нас окружают и становятся составной частью нашей ежедневной жизни (экономика, финансы, торговля, услуги и т.п.).

Несмотря на то, что некоторые вопросы решаются по пути обучения языку, общий уровень знаний филолога во многом зависит от работы преподователя, т.е. от того, как он подходит к переводу, как он стимулирует и мотивирует студентов через работу с разговорным, специальным или другим текстом.

У студента необходимо систематически развивать не только коммуникативную, но и переводчекие компетенции с целью научить его умению достичь максимальной адекватности текста на языке перевода и ориентироваться, таким образом, на практике в зависимости от избранной специализации или избранного рабочего места.

Для умения работать с текстами мы выбираем научно-популярные тексты и устно-деловые высказывания, которые совмещают признак информационный с признаком функциональным. Чтобы адекватно перевести текст с русского языка на чешский язык и с чешского на русский, необходимо дать студенту основные сведения, как понимать переводческие проблемы, дать рекомендации относительно техники перевода и его интерпретирования и принимать во внимание лексико-грамматическое единство в многообразии текстов данного типа.

Для адекватного перевода текста необходимо строго отличить отдельные языковые стили и понять семантический смысловой объем доминантных понятий конструкций определенного типа в зависимости от того, идет ли речь о разговорном или специаьном текстах.

1. Разговорный текст

В случае разговорного текста мы имеем в виду

а) разговорно-бытовую проблематику,
б) проблематику делового общения.

а) Изучая разговорно-бытовую проблематику конструкций, мы исходим из нормативной в этом смысле идиоматичности сочетаний, выявление функциоирования которых, как правило, не действуют по определенным синтаксическим правилам, так как доминантой высказывания становятся частицы, междометия, наречия и местоименные слова. Синтаксическая членимость данных оборотов настолько неоднородна, что очень сложно определить какую-то схему для достижения адекватного текста на языке перевода. Речь идет, как правило, о фразеологизированных конструкциях непредикативного характера. Непредикатив-

ные сочетания слов, которые являются прежде всего реакцией на внелингвистическую действительность, рассматриваются только в последнее время, когда особое внимание уделяется изучению коммуникативного перевода.

Речь идет прежде всего о тех пресупозиционных знаниях, которые позволяют актуализировать, по определенным правилам, основную базу предложения. Для адекватного перевода конструкций данного типа необходимо прежде всего понять их функциональную семантику и структуру. Коммуникативно-прагматический способ заключается в выборе такой формы передачи информации исходного языка, которая адекватно воздействует на получателя, учитывая его прагматику. Основная цель – овладеть коммуникационными конвенциями, которые являются не только предпосылкой для правильного фиксирования отношений в конкретной ситуации и обеспечения успешной межъязыковой коммуникации, но и для правильной эквивалентной реализации того или иного значения на языке перевода. Наличие прагматики сигнализируется такими средствами, как, например, местоимения, наречия, связки, частицы, порядок слов.

Чтобы достичь адекватного оригиналу текста на русском языке, необходимо уделять последовательное внимание вопросам структуры социальной коммуникации и ее включению в базовое предложение.

В данном случае студент сосредотачивается не на адекватном семантическом содержании текста на языке перевода, а на значениях сигнификативном и прагматическом.

Это касается прежде всего прагматических пресупозиций, устанавливающих контакт между отправителем и получателем.

Ср. *Co nevidět přijde. Вот-вот придет. Mohu se u tebe na chvilku zastavit? Можно к тебе на минутку?*
Jak jste přišel k těmto penězům ? Откуда у вас эти деньги? To je mi ale případ! Вот это номер!

Для разговорного русского языка типична максимальная компрессия лексико-семантических и грамматических составляющих и употребление супрасегментальных элементов, при помощи которых говорящий воздействует на современного получателя.

б) Изучая разговорную коммуникацию на уровне делового общения, необходимо прежде всего понять его функциональную семантику и структуру. В отличие от первого типа на данном уровне общения в процессе межъязыковой коммуникации первостепенное место занимает не паралингвистическая информация, а функционально-семантическая. Речь идет об определенных механических заменах доминирующих лексических единиц на уровне фразы, когда, как правило, основные денотативные значения в сопоставляемых языках совпадают. На основе адекватного употребления взаимодействующих морфологических и функционально семантических признаков единиц перевода, студент, как правило, воспроизводит речевые навыки чисто механически.

Ср.: употребление реплик из Петербургского экономического форума:

– *Господин Масопуст, скажите, пожалуйста, что повлияло на решение вашей Торгово-промышленной палаты по странам СНГ принять участие в петербургском форуме?*

– *Как будет представлена Торгово-промышленная палата по странам СНГ в Санкт-Петербурге?*

2. Специальные тексты

Выявляя типы приемов перевода письменного научно-популярного текста и разговорно-деловой письменной формы речи, необходимо выделить доминанты отдельных специализаций на языке оригинала, которые с точки зрения перевода представляют ряд до сих пор нерешенных проблем, и подходить к данной проблематике комплексно. Для этой цели мы разработали 3 учебника. Рассмотренные в данных пособиях переводческие проблемы отражают наиболее типичную разговорно-бытовую проблематику, проблематику устно-деловых высказываний и специальных текстов обобщенного характера, которая предлагается в определенном наборе упражнений.

Первый учебник под названием Практический курс русского языка, Praha 2002 (Marie Csiriková, Eva Vysloužilová) может быть использован студентами и всеми, кто интересуется вопросами письменного и устного перевода и сопоставительного анализа, для самостоятельной работы, так как по ключу можно проверять правильность перевода, знание минимальных коммуникативных переводческих единиц и их употребление в связном тексте. Речь идет прежде всего о знаниях межъязыковых трансформационных моделей на уровне формальных преобразований.

Второй учебник под названием Odborný překlad v praxi, Plzeň 2005 (Marie Csiriková, Libuše Urieová) большее внимание уделяет применению в процессе перевода доминирующих единиц текста на уровне речи на основе сопоставления объема смысловой информации коммуникативных единиц в обоих языках.

В третьем учебнике под названием Cvičné texty pro rusisty, Plzeň 2006 (Marie Csiriková, Vlasta Klausová) мы составили упражнения по письменному и устному переводу фрагментов чешского и русского текста, применяя закрепленные шаблоны коммуникативных единиц. Умение работать с комплексом взаимодействующих языковых явлений и их обобщениями способствует достижению адекватности полисемичных языковых средств и разностильного текста на языке перевода.

Первая компетенция умения работы с текстом и его коммуникативными единицами проверяется в данном учебнике в обобщенном виде в более широком контексте ЕС. Вступление в ЕС несет собой до определенной степени переориентацию языковедов на новую обстановку. Исходя из современной социально-экономической ситуации в контексте ЕС, мы формируем общие знания филологов по переводу и развиваем их компетентности коммуникативно-профессиональной подготовки в конкретных областях деятельности. Упражнения направлены, с одной стороны, на работу с небольшими объемами текста, выявлением его смысла, опираясь на его доминанты, а с другой стороны, на воспитание культуры устной и письменной речи, на развитие интерпретирования различных точек зрения. Студент учится умению отвечать на заданные вопросы по тексту, составлять план текста, резюме на чешском или русском языках, редактировать текст и т.п.

Нашей целью является подготовка специалистов, владеющих общими практическими знаниями перевода, его стратегиями и моделями и активно применяющих полученные знания в области межъязыковой и межкультурной коммуникации.

ДОКЛАДЫ
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Пит Ван Пук
Бельгия, Гент

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ WEB-САЙТ «ИНОСМИ» КАК РУССКОЯЗЫЧНОЕ ЗЕРКАЛО ЗАПАДНОЙ ПРЕССЫ

Abstract:
The paper deals with the Russian internet translation project "InoSMI". A team of translators gives a daily survey (in Russian translation) of the most significant press articles about Russia in the world leading journals. The translation of these articles is made available to the Russian reader on the same day as the original article. The translations are brought to the reader without any kind of censorship. Moreover, most of the translations are presented as a result of a "foreignizing" translation strategy in order to preserve the original style and way of thinking of the source text. By reading the articles in this form the Russian internet user not only gets acquainted with the tenor of the press articles, but he also gets an adequate mirror of the original "discourse" of the foreign press.

Key words:
Journalistic texts, communication, translation of press articles, InoSMI, image of Russia.

Одним из самых заметных и часто посещаемых новостных вебсайтов на русском языке безусловно является *ИноСМИ*. Весьма успешный и престижный *ИноСМИ.ru* – это результат интернет-проекта Российского Агентства Международной Информации РИА *Новости*, который *специализируется на трансляции наиболее ярких и примечательных материалов зарубежных СМИ на русский язык* [1]. Редакционная команда под управлением Ярослава Огнева ежедневно просматривает более 250 изданий зарубежной прессы и тут же переводит наиболее репрезентативные статьи о России и предлагает переводы читателям.

Данный проект не уникален – в Польше и США, по крайней мере, также существуют подобные специализированные вебсайты, которые занимаются переводами статей из зарубежной прессы. Тем не менее, русский эксперимент *ИноСМИ*, который был задуман и реализован в 2000 г., является очень интересным на фоне традиционно сложившихся отношений между СМИ в России и Западной Европе. Несмотря на давнее окончание *Холодной войны* образ России и россиян в западной прессе остается прежде всего критическим и отрицательным, а иногда и откровенно враждебным.

Этот факт подтверждается результатами исследований, опубликованными в феврале 2007 г. русской компанией *E-generator.ru* на основе переводных материалов, распространенных на *ИноСМИ*. *E-generator.ru* разработала *систему оценок отношения иностранных средств массовой информации к России, в результате чего появилась возможность составления рейтинга русофобии анализируемых СМИ* [2]. Исследование показало широкую шкалу степеней *русофобии*, идущую от оценки +27 (очень положительная настроенность по отношению к России) до -43 (для самой *русофобной* газеты – американской *Newsday*), но общая картина оказалась отрицательной.

Именно в таких условиях и при нынешнем уровне *глобализации* существование такого вебсайта как *ИноСМИ* является крайне важным. С помощью данного сайта *западный голос* непосредственно присутствует в средствах массовой информации в России. Но читает ли на самом деле российский пользователь интернета материалы *ИноСМИ*? Ответ положителен: в 2007 г. статьи *ИноСМИ* постоянно занимают примерно 20-е место в списке самых читаемых сайтов *Рамблера* в категории *СМИ и периодика* [3], что в среднем соответствует примерно 30.000 пользователям в день.

Существование такого сайта как *ИноСМИ*, естественно, имеет смысл лишь тогда, когда он по выбору приведенных материалов на самом деле является *адекватным зеркалом* (слова главного редактора сайта Ярослава Огнева) российской действительности через западную призму. Никакая цензура при этом не должна существовать, чтобы зеркало не стало кривым, и чтобы ничего в общей картине не было искажено. Поэтому важно, чтобы переводы были взяты не только из публикаций, которые расположены на положительной части списка *русофобии E-generator*, но и на отрицательной части. А вообще-то, следует прежде всего найти *золотую середину*, избегая всяких полярных взглядов.

В качестве примера для исследования сайта и материалов на сайте был выбран один из так называемых *актуальных сюжетов*. Речь идет о *деле Литвиненко* и еще более конкретно о сюжете, который редакторы назвали *А не из двора ли князя Путина отравитель?* Интересно рассмотреть, во-первых, какие источники были использованы в рамках данного сюжета и, во-вторых, как были переведены выбранные статьи.

В период с ноября 2006 г. (момент убийства Литвиненко) по июль 2007 г. на *ИноСМИ* было собрано 266 переводов из 62 различных газет и журналов. По понятным причинам большее внимание этому вопросу уделялось в британской публицистике: 126 из приведенных переводов взяты из британских изданий. Кроме того 86 текстов имеют американское происхождение, 21 перевод сделан из итальянских, и 13 из французских СМИ. Примечательно, что германские газеты и журналы за весь период были использованы лишь 4 раза. Тем не менее, редакционной команде *ИноСМИ* удалось добиться максимальной нейтральности и объективности в выборе статей: наиболее цитируемыми изданиями являются *The Guardian* (рейтинг *русофобии* +5, 22 статьи) и *The Financial Times* (-34, 19 ст.). Другие часто используемые газеты, как *The Times* (38 ст.) и *The Independent* (19 ст.) не были включены в список *русофобии*, но по сложившейся репутации их можно скорее считать относительно нейтральными источниками.

Адекватность зеркала, однако, зависит не только от выбора материалов. Есть еще и второй, не менее важный фактор, который оставляет свой отпечаток на текстах *ИноСМИ* – выбор переводческой стратегии сайта. При этом следует отметить, что переводы *ИноСМИ* делаются как профессиональными переводчиками, сотрудниками проекта, так и **добровольцами**, чаще всего знающими более редкие и экзотические языки. Общее у этих переводов одно – сильная направленность на исходную культуру (ИК), что является намеренным выбором редакции. Зарубежные СМИ, по словам главного редактора, подаются к столу читателя *исключительно в их собственном соку* [4]. Переводная политика *ИноСМИ* соблюдает **чужой** характер текстов, и таким образом русский читатель переводов иностранной прессы знакомится не только с содержанием дискурса в странах ИК, но и с национальной спецификой этого дискурса.

Проиллюстрировать направленность переводов на ИК можно лучше всего через обсуждение передачи иноязычных реалий в статьях *ИноСМИ*, так как, переводя их, переводчики (по словам С. Влахова и С. Флорина) *стараются передать своеобразие стиля автора, но средствами «своего» языка* [5, 101]. Типичными примерами такого сохранения своеобразия в выбранных переводах являются следующие:

– употребление выражения *Палата общин* (англ. *House of Commons*) без объяснения термина, несмотря на возможность перевести выражение как *нижняя палата парламента* или даже вообще как *парламент*. Переводчик в данном предложении явно отказался от такого решения переводческих проблем [6, 1-й абзац];
– переведя *the same honour <...> as that awarded to the **fictional** master-spy James Bond* через *такой же награды Ян Флеминг удостоил своего Джеймса Бонда*, переводчик требует от своего русского читателя еще больше эрудиции, чем британский журналист от своего читателя. Он предполагает не только, что его читатель знает, кто такой Ян Флеминг, но он даже упускает слово *вымышленный* (*fictional*), которое было использовано в оригинале [7, 6-й абзац].

Таких примеров в переводах *ИноСМИ* можно найти множество. Тем не менее, переводческая стратегия, обращенная к максимальному сохранению чужого элемента, знает свои ограничения, даже в контексте *ИноСМИ*. Когда британский журналист, например, ссылается на *special relationship*, то переводчик вынужден добавить пояснение *особые отношения* с ***США***. Без этого добавление иностранец мог бы только догадываться, что речь идет именно об отношениях с заокеанскими англоязычными братьями [7, 1-й абзац].

Интересно также посмотреть, как трансформируется в результате перевода традиционная британская формула обращения. В английском тексте фамилия не употребляется просто так. Она сопровождается всегда либо именем, либо названием профессии или функции, либо словом *мистер*, *мисс* или *миссис*. Несмотря на факт, что эти слова-реалии достаточно широко вошли в русский язык, лишь один переводчик прибегает к этим формулам вежливости, употребляя перевод *господин*. По-моему, переводчики решили здесь, что чрезмерное употребление слова *мистер* может помешать свободному и быстрому чтению статей русским читателем, который привык в русских СМИ к таким **более усеченным** фразам, как *пригрозил Милибэнд*, *суд над Луговым*, *Браун и его команда полагают*, и так далее (все примеры из газеты *Известия*).

Тем не менее, в большинстве случаев переводчики стараются создать атмосферу *чужого* и в тех местах, где они вынуждены прибегать к толкованию определенной *реалии*. Удачным примером такого приема можно считать место, где переводчик решает заменить слово *Europe* переводом *ЕС*, что на самом деле имел в виду британский автор. Переводчик в данном случае даже очень удачно передает типичный британский *дискурс*, добавляя выражение *на континенте* [7, 1-й абзац].

Об удаче проекта *ИноСМИ* можно говорить лишь тогда, когда переводы данного вебсайта не только делаются, но также читаются и широко используются для цитирования. На данный момент вебсайт принимает ежедневно около 30 тысяч посетителей, столько же, сколько и, например, вебсайт *Независимой газеты*. Кроме того, различные информационные вебсайты в России (http://news.rin.ru/, http://www.regnum.ru, ...) используют на своих страницах материалы *ИноСМИ*. Другие сайты ссылаются на *ИноСМИ в* качестве важного источника информации о международной прессе (http://news.yandex.ru/, http://www.krugozorsmi.ru/, http://www.rambler.ru, http://www.smi.ru), и даже рекламируют вебсайт: *Читатели имеют возможность начинать утро с чтения материалов тех же СМИ, с которых начинает день элита Европы и США* [8].

Читая переводы *ИноСМИ*, русский читатель не только знакомится со взглядами, которые царят на другом конце Европы, но порой и с другой ментальностью и построением рассуждений. Такого рода межкультурное столкновение на уровне СМИ может заставить глубоко задуматься читателей разных национальностей. Таким образом вебсайт *ИноСМИ* сможет окончательно и по-настоящему осуществить мечту главного редактора, то есть послужить *адекватным зеркалом* и стать *службой профессионального знакомства с западной прессой* [4].

Использованная литература:

1. ИноСМИ – http://www.inosmi.ru/services/
2. E-generator – http://www.e-generator.ru/news/?print=8255
3. Рамблер – http://www.rambler.ru/
4. СМИ –http://www.smi.ru/text/interviews/87/
5. Влахов, С.И., Флорин, С.П.: *Непереводимое в переводе*. М. 2006.
6. *Удержать равновесие между справедливостью и дипломатией* (Редакционная статья, The Independent, 17/07/2007) – http://www.inosmi.ru/translation/235585.html
7. Дежевски, М. (Dejevsky, M.): *Конфликт с Россией, в котором нам не победить* (The Independent, 17/07/2007) – http://www.inosmi.ru/translation/235583.html
8. СМИ – http://www.smi.ru/sources/343/

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Зденька Выходилова
Чехия, Оломоуц

ПЕРЕВОДЫ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Abstract:
The paper disputes some extreme opinions saying that in today's Russia the Czech fiction has nearly not been translated, and that Czech writers' works have almost not been published at Russian publishing houses.
As the author has found out, in Russia about ten book titles of translated Czech literature on average are published annually (most of them at publishing houses in Moscow and St. Petersburg), and moreover, the number of translated journal or online essays amounts to several dozens every year.
On the base of evaluating translators' and publishers' interest the author classifies translated works into several categories defining these further by various criteria:
a) interest in the sixties' fiction of the 20th century still survives (M. Kundera, B. Hrabal, O. Pavel...)
b) interest in "classic" authors of the 19th and early 20th century is on the decline (B. Němcová, K. Čapek, J. Hašek, etc.)
c) "dissident" works are newly translated (V. Havel, L. Vaculík, etc.)
d) actual hot Czech bestsellers are promptly translated and published (M. Viewegh, M. Ajvaz, etc.)
e) even writer "discoveries" like J. Váchal či R. Weinera are in choice.
Furthermore, the author briefly presents some of the most significant Czech to Russian translators, attempting to evaluate quality of several translated works. She also pays attention to other sources of information and ways of dissemination the Czech literature may be transferred to Russian speaking readers (internet, radio broadcasting, author's readings, etc.)

Key words:
Translation, Czech to Russian translations, contemporary Czech literature, Russian books of translation.

Хотя ситуация в области перевода и издания на русском языке чешской литературы далеко не удовлетворительна, крайне пессимистические слова бывшего директора Чешского центра в Москве Томаша Гланца о том, что «чешская литература, в отличие, например, от польской, в настоящее время в России практически не переводится и не издается», прозвучавшие на прошлогодней литературной ярмарке в Москве, по-моему, несправедливы.

На основании доступных источников можно полагать, что в России выходит в свет ежегодно около десяти книжных изданий переводов чешской художественной литературы и несколько больше переводов появляется на страницах журналов, в том числе в Интернете. Много ли это или мало – ответ на этот вопрос относи-

телен и зависит от точки зрения и контекста обсуждения. Кажется, что российские издатели в настоящее время уже поняли, что чешская литература – это не только Чапек, Гашек и Кундера.

Следует констатировать, что «чешская продукция» сосредотачивается лишь в нескольких издательствах Москвы и Санкт-Петербурга: это в особенности московские «Аграф», «МИК», «ТЕКСТ», «Иностранка», «ОЛМА-ПРЕСС», петербургские «Азбука», «Амфора», «Алетейя», «Глобус» и некоторые другие; среди журналов это главным образом «Иностранная литература». Вне Москвы и Петербурга книги чешских авторов издаются лишь в редких случаях (примером может служить «Кровавый роман» Йозефа Вахала в переводе Александра Бобракова-Тимошкина, изданный в книжной серии журнала «Митин журнал» в сотрудничестве с издательством «Kolonna publications» в Твери в 2005 году).

Современные переводчики чешской литературы – это в основном богемисты, «рекрутирующиеся» из преподавателей и выпускников славянских отделений филологических факультетов Санкт-Петербургского и Московского государственных университетов – они отличаются высоким профессиональным уровнем. Виднейшими представителями Ленинградской или Санкт-Петербургской переводческой богемистики можно считать Олега Малевича и его покойную супругу Викторию Каменскую, а также Игоря Инова (умер в 2003 г.) и Н. Савицкого, в Москве держат первенство Сергей Скорвид и Инна Безрукова – если называть лишь самых активных в настоящее время переводчиков.

Естественно, что в столь ограниченном пространстве, какое представляет собой десяток книжных изданий в год, возникли свои «придворные переводчики» – они есть у Милана Кундеры (Нина Шульгина), у Богумила Грабала (супруги Сергей Скорвид и Инна Безрукова), Павла Когоута переводит чаще всех Олег Малевич и так далее.

Распространению современной чешской литературы среди российских читателей в последние годы все в большей степени способствует Интернет, помогают этому также литературные чтения, в том числе международный литературный марафон под названием «Нон-стоп чешской и словацкой литературы в мире», на протяжении ряда лет проводившийся в сотрудничестве с Чешскими центрами в столицах разных стран. Далее это литературные ярмарки и выставки книг чешских авторов, регулярно устраиваемые в крупных российских городах. Некоторые книги издаются при финансовой поддержке Министерства культуры Чешской Республики, ранее также фонда Сороса.

Свой вклад в популяризацию чешской литературы и культуры среди русскоговорящих вносят и русские редакции Радио Прага и Радио Свобода. Просветительскую работу в области популяризации качественных произведений чешских авторов в России выполняют также молодые переводчики, проживающие в Чешской Республике, напр., упомянутая уже супружеская пара Александр Бобраков-Тимошкин и Екатерина Бобракова-Тимошкина.

Что издается:

а) Гораздо реже, чем в советские времена, выходят в свет «настоящие» классики – напр., по инициативе Общества братьев Чапеков вышли малоизвестные произведения Карла Чапека;

б) напротив, сохраняется интерес к «классикам» шестидесятых годов XX столетия – это Милан Кундера, Богумил Грабал, реже Ота Павел (заметим между прочим, что на русский язык были переведены практически все книги Кундеры, написанные по-чешски, и вышли некоторые его переводы с французского);

в) в произведения пресследуемых прежним режимом авторов-диссидентов, участников «Хартии 77» или эмигрантов – Вацлава Гавела, Людвика Вацулика, Иржи Кратохвила (Бессмертная история – изд. МИК, Сиамская история), Й. Топола, Павла Когоута, Йозефа Шкворецкого (роман «Львенок», 2006), роман Патрика Оуржедника («Европеана», 2006) и др. Заметим, что Павла Когоута можно считать первым современным чешским драматургом, чьи пьесы завоевали популярность у русского зрителя еще в 1950-е – начале 1960-х гг., когда он считался представителем официальной культуры («Хорошая песня», «Такая любовь», «Третья сестра», «Двенадцать»). С начала девяностых годов его пьесы опять ставят на сценах знаменитых российских театров (напр., премьера его пьесы «Нули» прошла в этом году в МХАТе).

Отрывки из творчества входящих в последние две группы авторов содержит сборник «Черный Петр» (название по известному фильму Милоша Формана, который был снят по сценарию Ярослава Папоушека), составленный и переведенный Викторией Александровной Каменской – изд-во «Академический проект», Санкт-Петербург 2001. В сборник вошли повести и рассказы десяти ярчайших авторов второй половины двадцатого века, с которыми русский читатель в период так наз. нормализации в Чехословакии не имел возможности познакомиться. Кроме одноименной киноповести Милоша Формана, это повести Людвига Вацулика «Морские свинки» и Иржи Странского «Счастье», рассказы Оты Павела, Богумила Грабала, Йозефа Шкворецкого, Александра Климента, Даниелы Фишеровой, Яна Бенеша и Ивана Климы.

г) следующую группу составляют переводы бестселлеров типа произведений Михала Вивега (последний из них на настоящий момент – роман «Игра на вылет», пер. Нины Шульгиной – «Гелеос» 2007; до этого, напр., «Лучшие годы – псу под хвост», «Летописцы отцовской любви» – «Иностранка» 2003, тираж 5000 экз.). Своего рода бестселлером, но совсем другого характера, можно считать роман Милоша Урбана «Семь храмов. Пражский готический роман», пер. И. Безруковой и С. Скорвида, изд-во Ольги Морозовой, 2005.

д) Читая список издаваемых в России чешских авторов, мы замечаем также тенденцию удивить новыми открытиями. К ним можно, бесспорно, отнести сборник рассказов экспрессиониста (модерниста) Рихарда Вайнера «Банщик» (перевод Инны Г. Безруковой и Н.Я. Фальковской, изд-во «Аграф», серия Speculum Mundi – Зеркало мира, 2003, тираж 1500), вышеупомянутый «Кровавый роман» Йозефа Вахала. Из современных писателей это, конечно, Михал Айваз, большая часть произведений которого уже была переведена на русский язык (роман – «Другой город» – пер. Екатерина Бобракова-Тимошкина, 2004, сб. «Возвращение старого варана» и многие другие).

Отдельно в этом ряду стоит автор-мистификация Иржи Грошек, романы которого «Легкий завтрак в тени некрополя» и «Реставрация обеда» (перевод с чеш-

ского А. Владимировой, изд-во «Азбука-классика», Санкт-Петербург 2002) вызвали оживленный интерес читателей, причем личность писателя остается тайной.

При всем том остается еще множество писателей, которые практически неизвестны российскому читателю, хотя они переведены на множество языков и любимы читателями во всем мире. Однако тенденции развития в области перевода с чешского на русский язык внушают нам определенный оптимизм в отношении будущего, по крайней мере в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге, хотя, естественно, «чешские книги» никогда не будут выходить массовыми тиражами и всегда будут объектом интереса узкого круга читателей.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Йиржи Газда
Чехия, Брно

ЧЕШСКИЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В РУССКИХ ИНТЕРНЕТОВСКИХ ТЕКСТАХ КАК ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Abstract:
The article analyzes certain questions of transferring of Czech proper nouns, in particular anthroponyms and toponyms, into Russian texts as a translational and linguoculturological problem (on the example of texts from the Internet). Some concrete problems of transferring of Czech proper nouns on a graphical, grammatical, semantic and linguoculturological level are shown and finally the basic solutions of this translational problem are summarized.

Key words:
Czech, Russian, proper nouns, orthography, transcription, transliteration, translation, intercultural communication.

В современной переводческой практике приходится постоянно решать проблемы, связанные с передачей иноязычных собственных имен на русском языке. В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу решить все спорные вопросы передачи чешских ИС на русский язык, а указываем только на некоторые основные моменты данной проблематики, исходя в основном из теоретических положений, изложенных в книге Дмитрия Ермоловича *Имена собственные на стыке языков и культур* [Ермолович 2001], и иллюстрируя их на собственном материале, почерпнутом из современных интернетовских текстов, которые ярко показывают, какой разнобой господствует в исследуемой области в современных текстах весьма разнообразного характера, уровня и назначения.

Явлению заимствования (передачи) имени из одного языка в другой свойственна некоторая диалектическая противоречивость, так как стремление сохранить за объектом уникальное имя подразумевает целый ряд задач, которые не могут быть реализованы во всей полноте в силу ряда объективных ограничений, а также потому, что некоторые из этих задач в конкретных ситуациях заимствования противоречат другим.

Рассмотрим на примерах из русских интернетовских текстов подробнее эти задачи и связанные с ними проблемы, что позволит нам сформулировать некоторые общие подходы к их разрешению, которые актуальны, прежде всего, для переводчиков.

1.1. Принцип полного сохранения графического облика ИС (графическая «трансплантация»)

Обычно лингвисты рекомендуют ориентироваться на фонетику имени при межъязыковой передаче ИС, однако при заимствовании ИС их передача может ориентироваться и на письменную (графическую) форму. Возможен простой **перенос графической формы** имени без изменений из текста на одном языке в текст на другом языке, который чаще всего практикуется, когда языки пользуются общей графической основой письменности (напр. латиницей в случае большинства европейских языков). Однако, практика прямого переноса ИС, то есть написания его латинскими буквами (**графическая «трансплантация»**), допустима и реально имеет место также при переводе текстов, написанных латиницей, на русский язык: *Скандальная история (...) всплыла вчера в Чехии благодаря публикации в газете* ***Mlada fronta Dnes****. – Компания* ***Škoda Auto*** *собирается отметить мировую премьеру новой Fabia Hatchback на Женевском Автосалоне.*

1.2. Принцип графикофонетического подобия (транскрипция, транслитерация)

При передаче ИС ставится задача как можно точнее передать средствами принимающего языка (то есть языка перевода) звучание исходного имени. Этот принцип получил название **транскрипции**, и он является главным современным принципом передачи ИС на русском языке.

При этом цель, к которой должна стремиться система транскрипции, состоит не столько в том, чтобы как можно ближе передать звучание иноязычного имени буквами принимающего языка, сколько в том, чтобы соблюсти принцип взаимно однозначного соответствия между фонемами оригинала и их графическими соответствиями в принимающем языке: *Интервью Ягра чешским СМИ, взятое с сайта популярной газеты «****Млада фронта ДНЕС****», мы предлагаем вашему вниманию.*

Однако эта цель далеко не всегда достижима. Фонологические системы различных языков, как правило, настолько специфичны, что их звуки невозможно поставить во взаимно однозначное соответствие: *В лесу* ***Ржаголец*** *также можно встретить маленькую фею Амалку, ... – (...) тот (...) счел за лучшее похоронить Голема в детском гробу в чумной могиле на Виселичном верхе (ныне – пражский район* ***Грдлоржезы*** *к востоку от Жижкова).*

1.3. Учёт национально-языковой принадлежности ИС

Хотя имя собственное призвано идентифицировать предмет в любой ситуации и любом языковом коллективе, оно, в подавляющем большинстве случаев обладает национально-языковой принадлежностью.

Современная переводческая практика выработала принцип **практической транскрипции,** который нацелен на передачу звучания ИС, но в то же время включает в себя некоторые элементы транслитерации, благодаря

которым легче бывает восстановить исходную форму ИС на языке оригинала, а это подчас очень важно для переводчика: *Примером в этом отношении может послужить чешская гонщица* ***Катерина Нейманова***. [Kateřina Neumannová] – *Чешская лыжница* ***Катерина Нойманова*** *могла не выйти на старт 30-километровой гонки в Турине. – Олимпийская чемпионка* ***Катержина Нойманова*** *ныне четвертая, но от первого места ее отделяет пропасть в четыреста очков.*

1.4. Принцип этимологического соответствия (транспозиция)

Кроме транскрипции и транслитерации, в практике заимствования и передачи имён наблюдается ещё один довольно слабо изученный принцип – принцип этимологического соответствия, или **транспозиции**. Транспозиция заключается в том, что ИС в разных языках, которые различаются по форме, но имеют общее лингвистическое происхождение, используются для передачи друг друга. В одних случаях транспозиция применяется регулярно, в других – эпизодически: *Когда в 1419 г. умер* ***богемский*** [český] *король* ***Венцеслав*** [Václav], *то* ***богемцы*** [Češi] *отказали в присяге его наследнику, императору* ***Сигизмунду*** [Zikmund], *предавшему Гуса. – Над жилыми кварталами и бизнес-центрами Брно возвышается игла костела* ***св. Якова*** [sv. Jakuba] – *вечное стремление к свету. – Архитектура собора* ***св. Варвары*** [sv. Barbory] *представляет собой замечательный учебник развития готического зодчества в Чехии.*

1.5. Адаптация ИС к грамматической системе принимающего языка

Звуковой облик слова ИС тесно связан с его грамматической категоризацией. В русском языке заимствованному имени или названию обязательно присваивается значение грамматического рода, которое диктуется нормами русского языка, а не исходного: ***Телч*** [Telč – *в чеш. ж.р.*] ***известен*** *как место съемок многих чешских сказок (...). – С* ***Оломоуцем*** [Olomouc – *в чеш. ж.р.*] *связана судьба многих исторических личностей. – При строительстве автомагистрали D1 у Правчич недалеко от* ***Кромержижа*** [Kroměříž – *в чеш. ж.р.*] *чешские археологи сделали ценную находку.*

1.6. Способность ИС к словообразованию

Попав в новую языковую среду, имя собственное должно обрести способность образовывать производные слова. Эта способность во многом зависит от того, насколько органично войдёт в принимающий язык заимствованный вариант собственного имени: *С ним связана средневековая история о драконе, который обитал в симпатичной* ***брненской*** [← *Брно*] *речке Свратке (...). – Министр внутренних дел что угодно готов отдать за* ***оломоуцкие*** [← *Оломоуц*] *тваружки, (...) – (...) на воскресном обеде в придорожном ресторане с неудовольствием запивает свинину с кнедликами и капустой минеральной водой, а не* ***пльзенским*** [← *Пльзень*] *пивом.*

1.7. Учёт исторической традиции передачи ИС

Межкультурные и межъязыковые контакты имеют многовековую историю. Имена и названия давно заимствуются из одного языка в другой, претерпевая самые разнообразные искажения или меняя свой облик в ходе развития

и трансформации языков. Многие ИС пришли в русский язык давно и не всегда из первоисточника. Это особенно касается исторических, религиозных, фольклорно-мифологических и литературных имён и названий. Не все из них читаются и пишутся так, как предполагают современные нормы и рекомендации в области практической транскрипции: *Именно чехи развалили* ***Австро-Венгрию*** [Rakousko-Uhersko] *и СССР по методу Лема (...) – В четверг в Брненском областном музее Могила мира состоялось торжественное открытие 2-ой части выставки, посвященной сражению* ***под Аустерлицем*** *(по-чешски, у* ***Славкова****)...*

1.8. Учёт характеризующих компонентов значения ИС

Имя собственное фиксирует ещё и некоторые характеристики объекта – как классифицирующие, так и во многих случаях индивидуальные. Во фразе *Nejsem žádný Smotlacha, ale jedlou houbu ještě poznám* речь идёт не столько о конкретном человеке (известном чешском миколог), сколько о характеристике его деятельности. Но степень известности данного имени настолько различна в чешском и русском языках, что передача формальной стороны ИС *(Я никакой не Смотлаха...)* недостаточна для адекватного понимания этой фразы на русском языке.

Другой тип характеризующих элементов в значении ИС может быть связан с его производностью от нарицательньих слов. Тогда переводчик встаёт перед дилеммой: чему отдать предпочтение – передаче формы всего имени или смысла составляющих его элементов. Выбор, который здесь приходится делать, есть выбор между фонетической передачей и дословным переводом: *Один из них находится в Пршерове (...), другой –* ***Веселы Копец*** [Veselý Kopec] *на Высочине, (...). – Вид на Седлчанско открывается с верхушек четырёх смотровых башен Куничека у Петровиц, (...) и* ***Весёлого холма*** *у Мокрско.*

Что же собой представляет ***Пороховая Башня*** [Prašná brána] *и какова ее история? –* ***Прашна брана*** *первоначально называлась* ***Нова веж*** [Nová věž] *(что значит* ***Новая Башня****) была построена в 1475 году Матеем Рейсеком...*

1.9. Учёт конкретной прагматической задачи

Практические решения по передаче ИС в огромной степени зависят и от конкретной задачи, которая стоит перед участниками межъязыкового взаимодействия. Ясно, что различные задачи будут стоять перед художественными переводчиками и картографами, авторами субтитров на иностранных фильмах, спортивными журналистами и отделами регистрации иностранных граждан.

2. Виды соответствий

Как мы убедились, для эквивалентного перевода текста, содержащего чешское имя собственное, бывает недостаточно механической передачи по-русски его фонографической оболочки. Проанализировав смысловые и культурно-прагматические аспекты такого текста, переводчик должен сделать выбор в пользу варианта соответствия, оптимального для каждого случая. Резюмируем различные виды соответствий и приёмы перевода таких текстов, выработанные переводческой практикой.

2.1. Прямой перенос имени в исходной форме в текст перевода. Речь идёт, в частности, о включении ИС в латинской графике в русский текст. В настоящее время это широко практикуется в отношении названий компаний, прежде всего в деловых и газетных текстах.

2.2. Ономастическое соответствие, то есть соответствие, воссоздающее фонографическую оболочку слова с той или иной степенью близости к оригиналу. Сюда относятся различные варианты транскрипционных, транслитерационных и традиционных соответствий.

2.3. Комментирующий перевод, то есть использование ономастического соответствия, дополненного комментарием в примечании или приложении. *V roce 1939 představil Lhoták svá díla ve spolku Umělecká beseda a byl přijat mezi výtvarníky jako byl* ***Josef Čapek*** *nebo Jan Zrzavý. – В 1939 году Льготак представил свои произведения в художественном обществе «Умелецка беседа» и был принят в круг его членов, какими были* ***Йосеф Чапек (брат известного чешского писателя Карела Чапека)*** *или Ян Зрзави.*

2.4. Уточняющий перевод, то есть ономастическое соответствие, дополненное одним или несколькими поясняющими словами непосредственно в тексте: *Hospodářské usedlosti, salašnické stavby, mlýn i kovárna jsou umístěny v krajině, která (...) připomíná vesnice na úbočích* ***Beskyd****. – Крестьянские дворы, хижины пастухов, мельница и кузница размещены на местности, которая (...) напоминает деревни на склонах* ***северноморавских Бескидов.***

2.5. Описательный перевод, то есть передача значения имени собственного нарицательным словом или словосочетанием: *Nejsem žádný* ***Smotlacha****, ale jedlou houbu ještě poznám. – Я никакой не* ***специалист-миколог****, но съедобен ли гриб, я еще узнаю.*

2.6. Преобразующий перевод, то есть использование в качестве соответствия имени собственного, отличного от исходного. Обычно такой приём уместен для передачи ИС, обладающих яркими коннотациями в оригинале, но малоизвестных на языке перевода, особенно если переводчик считает, что комментирующий, уточняющий или описательный перевод неоправданно усложнят восприятие текста.

3. Заключение

Переводчик не в силах устранить объективные диалектические противоречия, связанные с функционированием имени в иной языковой среде, но он может и обязан знать о них и в максимальной степени учитывать их в своей работе. Благодаря этому, мы вполне можем избежать субъективных ошибок и неточностей. При этом, конечно, необходимо опираться на тот богатый опыт, который накоплен предшествующими поколениями переводчиков и лингвистов.

Использованная литература:

Андреева, Е.С.: *К вопросу о транскрипции чешских имен собственных*. In: Теория и критика перевода. Л., 1962.

Гиляревский, Р.С., Старостин, Б.А.: *Иностранные имена и названия в русском тексте*. М., 1985.

Дмитриев, П.А., Сафронов, Г.И.: *Передача славянских имен при переводах*. In: Теория и критика перевода. Л., 1962.

Ермолович, Д.И.: *Имена собственные на стыке языков и культур*. М., 2001.

Калакуцкая, Л.П., Сталтмане, В. Э.: *Некоторые вопросы морфологического оформления польских и*

чешских фамилий в русском языке. In: Ономастика. М., 1969.
Мельников, Е.И.: *Заметки о морфологии и правописании чешских собственных имен*. In: Топономастика и транскрипция. М., 1964.
Суперанская, А.В.: *Имена собственные в чужой языковой среде*. In: Топономастика и транскрипция. М., 1964.
Суперанская, А.В.: *Спорные вопросы русской транскрипции болгарских, польских, сербохорватских, чешских и словацких имен собственных*. In: КСИС АН СССР, Вып. 28. М., 1960.

Příspěvek vznikl v rámci řešení grantového projektu GAČR 405070652 „Jazyk v integraci - Integrace v jazycích“ na Filozofické fakultě Masarykovy univerzity.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ян Галло; Евгений Владимирович Евпак
Словакия, Нитра; Россия, Кемерово

ФЕНОМЕН РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В АСПЕКТЕ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Abstract:
This article deals with significance of Russian in 2007, which is proclaimed as "The year of Russian". Developed need of Russian as a mean of international communication is connected with the strengthening the authority of Russian. In accordance with this, the significance of Russian will grow in connection with the world integration, including economical and cultural sphere. The author of article also takes into account the preparation of future translators and interpreters at some Slovak universities as well as the interest of students especially connected with knowledge of business Russian. The interest among students to be interpreters or translators from Russian to Slovak and back has the growing tendency, but on the other hand, there is a lack of professional literature dealing with the problems of professional translation.

Key words:
Russian, The Year of Russian, significance of Russian, business Russian, contacts, business correspondence, translation, speciality, preparation.

2007 год указом президента России Владимира Путина объявлен Годом русского языка в России и за рубежом. Впервые о том, что 2007 год станет годом русского языка, Путин сказал на торжественном приёме в честь Дня народного единства 4 ноября. *«2007 год мы проведём как Год русского языка и в России, и в мире, где знают, ценят и любят русский язык»,* – заявил тогда глава Российской Федерации. *«Очевидно значение русского языка и для развития мировой цивилизации, ведь на нём написано множество книг, в том числе и об истории, культуре, научных открытиях не только русского, но и других народов – и не только народов России, а практически всех народов в мире»,* – отметил Путин. По его мнению, мероприятия, связанные с Годом русского языка, *«вызовут большой интерес, принесут пользу и укрепят международные гуманитарные контакты.»*

Год русского языка совпал с Годом чтения и, наверное, не случайно. Поскольку именно русской литературе принадлежит честь открытия вселенной

изумительной красоты – Вселенной русского языка. На открытии памятника Пушкину в 1880 году И.С. Тургенев сказал: *«…нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остаётся только идти по пути, проложенному гением.»* Слова И.С. Тургенева пророчески подчёркивают значение русского языка для мировой цивилизации, и слово *«наш литературный язык»* принадлежит всем ревнителям мировой словесности, выступает проводником культуры во всех её проявлениях.

Сегодня русский язык является родным для 288 миллионов человек, он стал четвёртым в мире по частоте употребления и одним из рабочих языков ООН. В этом контексте русский язык является большой коммуникативной ценностью. Русский язык – это феномен, который постоянно привлекает внимание исследователей в самых различных аспектах.

Видный российский учёный-филолог Игорь Милославский называет русский язык культурной и интеллектуальной ценностью: *«Русский язык – это богатая, структурированная, развитая система именований окружающей нас действительности. Владение этой системой именований-обозначений окружающей нас действительности позволяет выделять соответствующие феномены и аспекты действительности и, таким образом, осмысливать их. Русский язык позволяет и иерархизировать эти феномены и аспекты по степени абстрактности, и выражать своё субъективное, оценочное (нравится – не нравится) отношение к ним …. Русский язык выступает не только как средство познания и отражения окружающей действительности, но как некоторое сложное и иррациональное устройство, формирующее культурную общность людей. Это «устройство» позволяет обладателям этой культурной ценности успешно взаимодействовать между собой, адекватно понимая друг друга.»* [Милославский 2006: с. 151 – 165]

Примечательна также совместная статья Ф. Богомолова и Ю. Маршака *«Язык мировой научной элиты ….»* Позволим себе привести некоторые её абзацы в качестве наглядного примера – важного в ходе нашей полемики. *«Русский язык развивался не в направлении увеличения строгости, как языки европейские, а руководствуясь возможностью максимальной гибкости, стремлением не ограничить эмоциональность в грамматически правильно структурированных предложениях, а наоборот – всячески поощрить её.»* Дихотомию *«Точность против Широты»* Алексей Паршин предложил рассматривать как параллель с принципом дополнительности в квантовой механике: увеличение однако может происходить только за счёт уменьшения другого. И сегодня, в 21 веке, вдруг оказалось, что присущие русскому языку качества уникальны и чрезвычайно ценны! Более того, в сочетании с европейским стремлением к точности они порождают своего рода механику познания и созидания. Сегодня большинство конференций и семинаров в Европе проводится по-английски. Но что характерно: многие наиболее эмоциональные дискуссии, которые затрагивают terra incognita, идут на русском языке. Характерный пример: один из аспирантов MIT, эмигрировавший из Венгрии, жаловался, что он страдает от того, что не может полноценно участвовать в дискуссиях на русском языке, насильственному обучению которому он сопротивлялся 15 лет своего обучения в Венгрии. Это отнюдь не случайно. Европейские языки сегодня повязаны полит- и прочими корректно-

стями, отражаемыми и в структуре предложений, и в речи, и – что ещё более важно – в организации мышления. Русский язык более универсален. Россия, *«страна с изумительно гибким языком, способным передать тончайшие движения человеческой души, с невероятной этической чувствительностью, обладала всеми задатками культурного, духовного рая, подлинного сосуда цивилизации»* – писал Иосиф Бродский. Отметим, что для полиглота 18 – 19 веков разделение языков по специальностям было естественным: один язык для одного, другой для другого – мысль, которую ярко (и несколько грубовато) сформулировал Фридрих Великий. В наше время культурной, полит- и прочей корректности никто не решится сделать подобное заявление. Однако с появлением целого поколения образованных людей, свободно говорящих на многих языках (в том числе и на русском), вопрос о месте русского языка в общемировой культуре приобретает исключительную остроту. Один доминирующий (в настоящее время английский) язык способствует однобокости развития цивилизации. И далее: *«Русский язык может стать научным языком 21 века. А может быть, и языком интеллектуальной элиты мира вообще. Уважение к русскому языку, основанное на великой литературе прошлого, по-прежнему огромно. К этому следует присовокупить тот факт, что далеко не все (например, не Германия, не Испания, не Италия и не Франция) в восторге от доминирования английского языка. В русском языке есть изначально присущие ему качества, которые в других языках отсутствуют и которые сегодня востребованы на интеллектуальном рынке.»* [Богомолов, Маршак 2004: с. 11 – 17]

Возросшая востребованность русского языка в качестве средства международного общения связана также с укреплением авторитета России как одного из политических, экономических и культурных полюсов современного мира. Повышение роли русского языка в современном коммуникационном пространстве объективно способствует развитию широкого взаимодействия с Россией – инвестиционного, торгового, образовательного, научного. Можно говорить о том, что значение русского языка будет возрастать в связи с общемировой интеграцией, в том числе в экономической сфере, а также в сфере культуры. Сегодня русский язык изучают для того, чтобы состояться в жизни. Молодёжь идёт в бизнес и учит русский, чтобы работать в России, потому что в России для высококвалифицированных людей больше рабочих мест, чем в некоторых странах. Многие приезжают в Россию, понимая, что сейчас прибыльный бизнес делается в России. С каждым годом в мире увеличивается поток российских туристов, и, следовательно, появляется большой интерес к русскому языку среди обслуживающего персонала. И, наконец, через русский язык, как было уже сказано выше, можно приблизиться к богатейшей русской культуре.

Страны бывшего социалистического лагеря с течением времени по-разному реагируют на ситуацию с изучением и использованием на практике русского языка. Сегодня русский язык становится востребованным. В Словакии вот уже на протяжении многих лет, правда, с разным темпом, наблюдается интерес к русскому языку, русской культуре. Сегодня, глядя на близкую Чехию, русский язык возрождается, занимает одно из ведущих мест среди других европейских языков.

В настоящее время, когда наступил сдвиг в понимании профессиональной направленности и переподготовки, или когда обучение всей жизни является общест-

венной и научной необходимостью, мы всё более настоятельно осознаём потребность владения научным языком в иноязычной интерпретации. Чтобы носителю языка стать активным переводчиком в этом аспекте, он должен целенаправленно и активно заниматься научным языком. Таким программам уделяют внимание не только в Словакии, но и за рубежом. В рамках русского языка особенно актуальна тематика экономики, торговли, рынка, налоговой политики и банковского дела.

Вузовская подготовка профессиональных переводчиков в Словакии начинается в 1969 году. Вплоть до начала 90-х годов будущие переводчики готовились только на Философском факультете Университета им. Коменского в г. Братислава. С 90-х годов и в других словацких вузах включают в учебную программу специальность переводоведение: на Философском факультете Прешовского университета, на Филологическом факультете Университета им. Матея Бела в г. Банска Быстрица и на Философском факультете Университета им. Константина Философа в г. Нитра. В рамках подготовки специалистов по устному и письменному переводу особенно активным в Словакии является отделение переводоведения на Философском факультете в г. Нитра, где была издана монография германиста Даниэлы Мюгловой *«Теоретические, процессуальные и прагматические аспекты последовательного перевода»* (2005) (Teoretické, procesuálne a pragmatické aspekty konzekutívneho tlmočenia), а также монография специалиста по английской филологии Эдиты Громовой *«Теория и дидактика перевода»* (2003) (Teória a didaktika prekladu).

У нас на кафедре русистики также готовят студентов по специальности переводоведение, сосредоточивая внимание на переводы научных текстов, включая (на пятом курсе), и переводы художественных текстов. На третьем и четвёртом курсах у нас учебная программа содержит и предмет *«Деловой русский язык»,* который играет важную роль в изучении русского языка при подготовке будущих переводчиков. Среди студентов предмет пользуется большой популярностью.

На прилавках книжных магазинов в Словацкой и Чешской Республиках появились новые пособия, напр.: учебник Моймира Вавречки и Елены Купцевич *«Деловая переписка в русском языке»* (2005) (Obchodní korespondence v ruštině), Любы Мровецовой *«Русский язык в торговле»* (2007) (Obchodní ruština), Яны Соколовой *«Деловой русский в системе лексико-грамматических упражнений»* (2006) (Obchodná ruština v systéme lexikálno-gramatických cvičení) и др., касающиеся проблематики русского языка в торговле и деловой переписке.

Выводы:

1. Русский язык постоянно привлекает внимание исследователей в самых различных аспектах. Он стал четвёртым в мире по частоте употребления и одним из рабочих языков ООН. Хотя в настоящее время большинство конференций и семинаров в Европе проводится по-английски, многие наиболее эмоциональные дискуссии идут на русском языке. Значение русского языка возрастает в связи с общемировой интеграцией, в том числе в экономической сфере, а также в сфере культуры. В бывших социалистических странах, в том числе и в Словакии, сегодня опять начинет проявляться интерес к русскому языку, прежде всего потребность владения научного русского языка в рамках специальности переводоведение.

2. Вопреки тому, что в настоящее время преобладает перевод научных текстов, постоянно обнаруживается недостаток научных работ по проблематике научного

перевода. В Словакии до сих пор не была издана монография или другое книжное издание, которые бы уделяли внимание специально научному переводу. Этот недостаток мы всё более ощущаем в связи с подготовкой переводчиков в вузах. Кроме теоретических публикаций по этой теме отсутствуют и качественные словари. Переводческие компьютерные программы тоже отстают по своему качеству и возможностям использования от потребностей практики. По практическим дидактическим причинам необходимо составление типологии научных текстов.

Использованная литература:

Богомолов, Ф., Маршак, Ю.: *Язык мировой научной элиты 21 века – русский?* In: Знание-сила 2004, N 7, c. 11 – 17.

Милославский, И.: *Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность*. In: Знамя 2006, N 3, c. 151 – 156.

Csiriková, M., Urieová, L.: *Odborný překlad v praxi. (na rusko-českém materiále)*. Plzeň: Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, s. r. o., 2005. 165 s.

Csiriková, M., Klausová, V.: *Odborný překlad v praxi: cvičné texty pro rusisty*. Plzeň: Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, s. r. o., 2006. 157 s.

Dekanová, E.: *Špecifika prekladu odborného textu*. In: Preklad a tlmočenie. Banská Bystrica: FF UMB, 2003, s. 156 – 161.

Gromová, E.: *Teória a didaktika prekladu*. Nitra: FF UKF, 2003, 190 s.

Kiseľová, N.: *K metodike zostavovania odborných prekladových slovníkov*. In: Preklad a tlmočenie VI. Banská Bystrica 2004, s. 345 – 355.

Kiseľová, N.: *Sociokultúrny aspekt profesionálneho tréningu tlmočníka*. In: Preklad a tlmočenie 7. Sociokultúrne aspekty prekladu a tlmočenia: prítomnosť a budúcnosť. Zborník prednášok. Banská Bystrica, FiF UMB, 2006, s. 481 – 489.

Kozlova, T. a kol: *Dogovorilis! Obchodujeme, podnikáme a komunikujeme v ruštině*. Plzeň: Fraus, 2004. 474 s.

Mrověcová, L.: *Obchodní ruština*. Brno: Computer Press, a. s., 2007. 464 s.

Rusko-český slovník. Praha: Leda, 2002, 1335 s.

Sokolová, J.: *Obchodná ruština v systéme lexikálno-gramatických cvičení*. Nitra: Garmond, 2006. 115 s.

Šebestová, V., Šebesta, J.: *Komerčná ruština v praxi*. Bratislava: Elita, 1999. 340 s.

Vavrečka, M., Kupcevičová, J.: *Obchodní korespondence v ruštině*. Brno: Computer Press, a. s., 2005. 275 s.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Лидия Мазур-Межва
Польша, Кельце

БУЛАТ ОКУДЖАВА В ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДАХ З. ФЕДЕЦКОГО

Abstract:
The article attempts to answer the question how the translation modifies under the influence of different factors which expression depends on the peculiarities of translator's understanding and who being culturally determined also influences the translation. Translation transformations in Z. Fedecki's creation tend to be of two types: replacement and addition. Elimination is less significant. Transormations of meaning in translations are less or more determined by the translator's cultural peculiarities of a certain national cognitive space.

Key words:
Artistic translation, transformations of meaning, individual cognitive space, receivaing and providing culture.

В настоящей статье рассматривается специфика польских переводов стихотворений и песен Б. Окуджавы, выполненных Земовитом Федецким. З. Федецкий является известным в Польше переводчиком русской литературы. Переводил тоже польскую литературу на итальянский и французский языки, делал обратный перевод – с итальянского и французского на польский язык.

Внимания заслуживают его переводы многих песен В. Высоцкого, в которых он отказался от дословного перевода и слепого подражания Высоцкому и попытался приблизить его полякам. А. Беднарчик в своей работе, посвященной польским переводам поэзии В. Высоцкого, отмечает, что в целом ему удалось сохранить сатирический характер многих песен Высоцкого, хотя он не избежал и некоторых неудач в переводе на польский [1: 17]. Главное, как нам кажется, по словам С. Баранчака, «спасти» в переводе смысл и содержание оригинального текста [2: 86].

Переводы Федецкого отличаются высоким мастерством и характерными для переводчика трансформациями текста, вызванными, на наш взгляд, стремлением приспособить текст к горизонту понимания польских читателей, принадлежащих иной культуре. Здесь, в этих переводах, прослеживается специфика взаимоотношений между передающей и принимающей культурами. В этом можно убедиться, проанализировав несколько переведенных им поэтических произведений Окуджавы.

З. Федецкий перевел пять известных песен Окуджавы (*Песенка о короле и солдатах, Песенка о ночной Москве, Песенка о московском муравье, Горит пламя, не чадит..., Всю ночь кричали петухи...*). Наш анализ попытаемся начать с перевода *Песенки о ночной Москве*, в котором уже в самом заглавии отмечаем отличие, так как польский переводчик озаглавил ее: *Песенка о надежде* (*Piosenka o nadziei*). Выбор *надежды* Федецким мотивирован – ведь это ключевое слово в художественном мире Окуджавы, в то время как название песни у Окуджавы – *Песенка о ночной Москве* – не представляется мотивированным даже носителям русской культуры: попытка интерпретации названия ведет к интертекстуальным связям стихотворения – другим песням Окуджавы о Москве и Арбате, в которых город наделяется особой аурой, пропитанной любовью и чувством доверия к людям, чувством надежды.

В польской культурной традиции слово *надежда* выступает во многих значениях, например, в выражении: *być przy nadziei* – давным давно о беременных женщинах, в поговорке: *Nadzieja matką głupich* (надежда – мать глупцов), осмысляющем надежду принципиально иным образом, нежели это принято в христианской культуре.

В стихотворении Ю. Словацкого *Мое завещание* появляется афоризм: *Niech żywi nie tracą nadziei* или же в песне Я. Кохановского: *Nie porzucaj nadzieje/Jakoć się kolwiek dzieje*.

В польском сознании *надеяться* обозначает: верить и хотеть, чтобы что-то сбылось, думать, что это может быть. Очевидно, следует говорить, что слова *надежда* и *вера* осознаются поляками как называющие близкие понятия и находящиеся в текстах в синтагматической близости.

Сопоставим фрагменты оригинального текста *Песенки о ночной Москве* и его польский перевод, выполненный З. Федецким [3]:

Когда внезапно возникает	*Wesołych trąbek słychać granie –*
еще неясный голос труб,	*Natężasz ucha, równasz krok,*
слова, как ястребы ночные,	*A słowa same jak motyle*
срываются с горячих губ,	*Sfruwają z warg i lecą w mrok.*
мелодия, как дождь случайный,	*Któż nam gorącą piosnkę przysłał,*
гремит; и бродит меж людьми	*Choć ziąb i rzeką płynie kra?*
надежды маленький оркестрик	*Nadziei amatorski zespół,*
под управлением любви.	*Co pod batutą serca gra!*
...	
Кларнет пробит, труба помята,	*Pogięte trąby i puzony,*
фагот как старый посох стерт,	*Pękł doboszowi w bębnie szew,*
на барабане швы разлезлись...	*Flecista drutem flet obwiązał,*
Но кларнетист красив как черт!	*Lecz każdy pręży się jak lew!*
Флейтист, как юный князь изящен...	*Łatany strój, instrument kiepski,*
И вечно в сговоре с людьми	*Lecz kto najwięcej zbiera braw?*
надежды маленький оркестрик	*Nadziei amatorski zespół,*
под управлением любви.	*Co pod batutą serca gra!*

Слова *надежда* и *любовь* создают в этом тексте символический сюжет, вполне переданный в польской версии, однако есть и некоторые замены в польском текс-

те. Прежде всего надо обратить внимание на повторяющуюся строку: *надежды маленький оркестрик под управлением любви // Nadziei amatorski zespół, co pod batutą serca gra*. Вместо слова *любовь* Федецкий вводит слово *сердце* (под управлением сердца), а сердце и любовь осознаются как феномены (явления), находящиеся в состоянии логической смежности: сердце рассматривается как орган – вместилище любви: в сердце пылает огонь любви. Представляется, что в польской культуре сердце – слово значимое, культурный концепт. Поляки говорят: у *кого-то сердце на ладони* (ktoś ma serce na dłoni) – эквивалент русского *душа нараспашку*, у поэта – Словацкого: *Jeżeli gryzę co – to sercem gryzę* (поэма «Беневский»), *Serce nienasycone* у Стефана Жеромского – данное определение впервые употребил С. Адамчевский в монографии Жеромского под таким же заглавием. Надпись на могиле известного польского писателя – Болеслава Пруса на варшавском кладбище «Повонски»: *Serce serc*, являющаяся переводом с латинского надписи *Cor cordium* на могиле английского поэта П.Б. Шеллея – на протестантском кладбище в Риме. Другой пример и значение со словом *сердце* в польском языке это: *Zatwardzić serce* – сделать его нечутким и глухим на объяснения (напр., в Библии Ex., 7,3 – *Bóg zatwardza serce faraona)* или же *z ręką na sercu* – в значении: откровенно, искренно. Многочисленные примеры приведенные здесь, хотя и далеко не все, свидетельствуют о большой значимости этого понятия в польском сознании.

Надо отметить дополнение, произведенное Федецким уже в самом начале песни, которое привело к изменению оттенка целого высказывания, сопоставим, у Окуджавы: *неясный голос труб, слова как ястребы ночные, срываются с горячих губ*, тогда как в польском переводе: *веселый голос труб*, вместо *ночных ястребов – słowa jak motyle – бабочки улетают с губ* (пропущено слово *горячие*). Противопоставляя: *ястребы – бабочкам, неясный голос труб – веселым голосам труб, срываются – улетают*, легко заметить отличия в употреблении переводчиком слов, придающих совершенно иной оттенок тексту, т. е., облегчающих, смягчающих оригинальный образ, лишающий его атмосферы тревоги.

Возможно, эпитет Окуджавы обусловлен атмосферой ночного города (отсылка к названию): в ночи возникает звук, источник которого поначалу трудно различим. Тема ночи, активизированная в названии индуцируется и в сравнении «ястребы ночные» – с другой стороны, выражение отсылает и к когнитивной структуре *войне*: ночные ястребы – ночные бомбардировщики.

В последней строке Федецкий заменил *черта – львом*, сопоставим: *Но кларнетист красив как черт*. В польском переводе: *Lecz każdy pręży się jak lew*.

В польском языковом сознании слово *лев* вызывает положительные коннотации в данном контексте, т. е. лев – сила, что-то хорошее, красивое. В русском языке вполне допустимо употребление слова *черт* для выражения одобрения, восхищения (напр., вот черти!) – в польском наоборот, это слово ассоциируется с чем-то отрицательным, плохим.

Из польского текста уходит требующее достаточно изощренной интерпретации метафорическое выражение: *вечно в сговоре с людьми*. Переводчик упрощает текст для понимания, используя уже неметафорическое выражение: *Kto najwięcej zbiera braw – nadziei amatorski zespół* (надежды любительский ансамбль, под управлением любви – дословный перевод автора работы).

Следует сказать, что выражение: *надежды маленький оркестрик под управлением любви* – факт русского языка [4: 44]. Этот прецедентный текст перестал быть просто авторской метафорой и стал регулярно воспроизводимой единицей, то есть единицей языка. Данное выражение, хотя и несколько измененное переводчиком, тоже вошло в сознание поляков и до сих пор нередко цитируется польскими литературными критиками [5: 104].

Введение Федецким вопросительных предложений динамизирует текст, делая его несколько риторичным, дидактическим: задающий вопрос знает ответ и потому находится в более сильной, эпистемической позиции, нежели адресат. Для польской риторики в целом тоже характерен дидактический способ передачи смыслов, что и можно заметить сегодня в польской политике, где речь выступающего – говорящего отличается попыткой убедить слушающих в своей правоте и одновременно поучить их, как думать и поступать.

В связи с тем, что рамки данной статьи ограничены, мы представили здесь анализ перевода только одного произведения, однако нами были проведены исследования многих польских переводов текстов Б. Окуджавы, которые позволили нам выявить некоторые тенденции и стратегии польских переводов, выполненных Федецким. Это: изменения заглавия с целью создания соответствующих ожиданий у польского читателя: устранение из заглавий названия русских реалий, диалогизация текста, проявляющаяся в использовании обращений к адресату в тех местах текста, где у Окуджавы используются безличные предложения или предложения с непроясненным субъектом (она), включение второстепенных и побудительных предложений (последние окрашены восклицательной интонацией), что связано, по-видимому, с влиянием определенных риторических практик, и наконец, интенсификация признака ситуации, обозначенной в оригинальном тексте.

Использованная литература:

1. Bednarczyk, A.: *Wysocki po polsku. Problematyka przekładu poezji śpiewanej*. Łódź 1995.
2. Barańczak, S.: *Ocalone w tłumaczeniu. Szkice o warsztacie tłumacza poezji z dodatkiem małej antologii przekładów-problemów*. Kraków 2004.
3. Все примеры почерпнуты из книги: *Bułat Okudżawa. Pieśni. Ballady. Wiersze*. Kraków 1996.
4. Новиков, В.И.: *Булат Окуджава*. In: *Авторская песня*. M. 1997.
5. Szymak-Reifferowa, J.: *Bułat Okudżawa wczoraj i dziś*. In: *Sylwetki współczesnych pisarzy rosyjskich*, red. P. Fasta i L. Rożek. Katowice 1994.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

MARGARITA MLADENOVA
Bulharsko, Sofia

SÉMANTICKÝ A VYJADŘOVACÍ POTENCIÁL SLOVESA *MÍT* A JEHO UŽITÍ V PŘEKLADECH VE SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH (RUŠTINĚ, ČEŠTINĚ A BULHARŠTINĚ)

ABSTRACT:
The paper analyzes the usage of the Czech verb *mít* in vol. 1 of J. Hašek´s novel *The adventures of the brave soldier Švejk in the World War* and its translations into Bulgarian and Russian. In the text the analyzed verb *mít* participates in two basic semantic groups of predicates – possessive and modal – and also in a big group of phraseological units. It is very interesting that among the Bulgarian translations of the Czech modal predicates similar modal usages of the Bulgarian verb *имам* are attested as well as modal usages of the *да* particle construction which may be considered a proof of a tendecy towards its specialization to express a weakened obligation. In the case of phraseological units their translational equivalents may be used as a criterion for the degree of their idiomatization.

РЕЗЮМЕ:
Наш доклад показывает результаты исследования употребления чешского глагола *mít* в первом томе романа Я. Гашека «Приключения бравого солдата Швейка во время мировой войны» и его переводах на болгарский и русский языки. Наши наблюдения показывают, что в анализированном языковом материале глагол *mít* формирует две основные группы предикатов – поссессивные и модальные – а также большое количество фразеологических единиц. Интересно, что среди переводов чешских модальных употреблений глагола *mít* на болгарский язык встречаются и предикаты, образованные от болгарского глагола *имам*, а также и модальные употребления *да*-конструкции. Мы можем рассматривать этот факт как доказательство тенденции к специализированному употреблению *да*-конструкции к выражении ослабленной облигаторности. Что касается фразеологических сочетаний, мы можем считать их переводы критерием степени их фразеологизированности.

KEY WORDS:
Semantics, modal verbs, possession, phrazeology.

Cílem této práce je **ověřit si** fungování sloves s významem ‘mít’ ve třech slovanských jazycích **na základě výpovědí**, realizovaných ve světoznámém díle české literatury: J. Hašek: *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*. sv. 1. a jeho překladech do bulharštiny a ruštiny.

V textech analyzovaného díla se vyskytují všechny případy možného užití slovesa *mít/иметь/имам*, které můžeme očekávat na základě slovníkových zpracování [srov. např. Svozilová, Prouzová, Jirsová 2005: s. 135]:

1. První skupinu tvoří funkční okruh vyjadřování **posesivity**, který bezpochyby patří k sémantické struktuře těchto sloves od nejstarších dob. Z hlediska genetického bylo sloveso *mít v* zásadě jádrem vyjadřování posesivity ještě ve staroslověnštině jakožto nejstaršího slovanského spisovného jazyka, a také v historických fázích vývoje všech tří zmíněných jazyků [srov. např. Kvítková 2001: 19], kde je sloveso *jmieti/mieti* co do frekvence na 11. místě s 226 posesivními výskyty v textu Dalimilovy kroniky proti 4 modálním.

1.1. V případě vyjadřování **věcné posesivity** projevují čeština a bulharština zásadní shodu při užití slovesa *mít/имам* na rozdíl od ruštiny, kde je užití slovesa *иметь* mnohem omezenější. V ruštině se vyvinul syntakticky odlišný způsob vyjadřování posesivity – pomocí slovesa *быть*, anebo (častěji) jako synonymický prostředek v rámci všeobecně známé ruské tendence k elizi slovesného přísudku – vůbec bez slovesného přísudku [srov. např. Flídrová, Žaža 2005: 14 – 15]. Tato zvláštnost ruštinu sbližuje typologicky (a možná i areálově) s ugrofinskými jazyky [srov. Adamec 1994: 55, Horálek 1953: 167 – 168]. Tak ruské *У меня есть книга. / У меня книга.* (1) se výrazně liší od bulharského a českého *Имам книга.* (2) *Mám knihu.* (3) Tím je vymezeno specifické postavení ruštiny mezi slovanskými jazyky v oblasti vyjadřování posesivity dokonce ve srovnání se strukturně nejbližšími východoslovanskými jazyky [srov. Běličová, Uhlířová 1996: 80 – 81]. Tyto případy jsou v analyzovaném díle a jeho překladech bohatě zastoupeny:

Já mám papírnický obchod.
У меня писчебумажный магазин.
Имам книжарски магазин.

Pokud budeme vycházet z členění ekvivalentů, klasického pro teorii překladu, na úplné ekvivalenty, částečné ekvivalenty a parafráze, můžeme shrnout, že sem patří 20 výskytů v Haškově románu, které můžeme považovat za plné sémantické ekvivalenty, i když po stránce struktury si ruština zachovává své specifické postavení. Tento počet vzrůstá o 10 případů, kde je v ruštině nebo v bulharštině docela dobře možná základní posesivní konstrukce, ale překladatel zvolil synonymické řešení: č. *že kdybych měl psa…* r. *что если б у меня была собака…* b. *че ако <u>притежавах</u> куче…* . Zvláštní postavení má specifická situace v restauraci, kdy host žádá o účet a vyjmenovává, co dostal – v češtině a bulharštině se znovu vyskytuje sloveso *mít/имам*, ale v ruštině je konstrukce odlišná: č. *Já mám pět piv…* r. *– Я <u>выпил</u> пять кружек пива…* b. *– Имам пет бири…*
Interpretačně problematický je český způsob vyjadřování typu: č. *Pak neměl na útratu.* r. *Потом оказалось, что <u>этому типу нечем расплатиться</u> за пиво…* b. *После същият господин <u>не можа да си плати</u> консумацията.* Specifický význam tohoto typu českých výrazů vzniká přítomností předložky *na*, která řídí substantivum s významem cíle a v roli často eliptického objektu může vystupovat nejen konkrétní předmět (peníze), ale i další vlastnosti, které by umožňovaly nějaký výkon: *Já na to nemám (nervy, nadání).* Někdy se podobný výraz dá přeložit vel-

mi shodným způsobem ve třech jazycích: č. *Na kavárnu má, ale dluhy…* r. *На кафе у него есть, а…* b. *За кафе пари има, но да си плати дълговете…*

1.2. Kvalifikační posesivitu [srov. Начева 1988: 63 – 64] nacházíme ve zkoumaných dílech také, především v podobě neodcizitelné posesivity (6 případů typu č. *Má takové ošklivé jméno*. r. *У него такое отвратительное имя*, ale b. *Името му е едно грозно такова*.), kde se v bulharštině projevuje sklon k užití slovesa *съм* 'být' k vyjadřování tohoto typu posesivity.

1.3. Příbuzenské a mezilidské vztahy vyjadřuje 8 výrazů typu: č. *Já mám dětičky…* r. *У меня детки…* b. – *Аз имам дечица…*, kde je shoda překladů skoro plná, výjimku tvoří pouze úryvek verše č. „*Měl jsem holku namluvenou…*" r. *Обзавелся я девчонкой…* b. «*Аз приятелка си имах…*», kde potřeba napodobit rytmicky vázanou řeč zřejmě způsobila použití synonymického slovesa. K této skupině patří i ojedinělý případ, kde se v ruském překladu objevuje sloveso *иметь* ve výrazně stylisticky příznakové výpovědi – části kázání: č. *dobrota boží má také své meze*, r. *ибо милосердие божье имеет свои пределы*, b. *тъй като и божията добрина има свои граници*.

Při vyjadřování vzdálenějších mezilidských vztahů nelze vždy sledovat takovou shodu jako u právě popsané skupiny. Ze sedmi případů vyjadřování volnějších vztahů podřízenosti x nadřízenosti jsou 4 shodné ve všech třech jazycích, podobně jako u věcné posesivity: č. *že již Alexandr Macedonský měl svého pucfleka*. r. *еще у Александра Македонского был денщик*. b. *че още Александър Македонски е имал свръзка*. U ostatních 3 máme značné rozdíly při překladu: č. *a ten měl… posluhovačku*. r. *он нанял себе новую служанку*. b. *той си взе прислужница*. Zde vidíme, že v ruštině a v bulharštině snaha po dynamismu výpovědi vedla překladatelovu volbu k užití synonymického slovesa s významem 'nabýt'. Tyto příklady jsou na přechodu k rozšíření užití slovesa *mít* v češtině, které vede k jeho jisté desémantizaci.

Svéráznou skupinku tvoří další 3 výpovědi, u nichž desémantizace slovesa *mít* je patrna teprve z překladů. Zde ve funkci cizojazyčných ekvivalentů vystupují potenciální ekvivalenty sloves *vzít* nebo *vést*: č. *mají s sebou psy*, r. *взял с собой на фронт собаку*. b. *взеха със себе си и кучетата си*; č. *na vojně musí mít vzápětí trest*. r. *Но на военой службе подобная небрежность… влечет за собой взыскание*. b. *във войската влече след себе си наказание*. Sem patří i v Haškově románu dobře prezentovaná skupina onemocnění (16 případů typu: č. *Mám revma*., která se překládají především základní posesivní konstrukcí: r. *У меня ревматизм*. b. *Имам ревматизъм*.). Zde se také vyskytuje 5 případů, kdy překladatel zvolil jiné řešení s ohledem na širší literární kontext: č. *Měl váš pes psinku*? r. *Была ли у вашей собаки чумка*?, ale b. *Кучето ви да не би да е болно*? Bylo nalezeno celkem 25 případů kvalifikační posesivity.

2. Poměrně nejčetnější skupinu (39 výskytů) tvoří užití slovesa *mít* v českém textu k **vyjadřování obligatornosti**, čili ve funkci modální [srov. o tom Adamec 1974]. Nedostatek této funkce u sloves *иметь* a *имам* v ruštině a bulharštině má za následek, že se výpovědi, které je obsahují, v zásadě překládají za pomoci jiných modálních sloves, anebo celých modálních výrazů: č. „*Do salutování má voják vkládat duši*", r. «*Отдавая честь, солдат должен вкладывать всю свою душу*» b. «*В козируването войникът*

трябва да влага душата си». Samostatnou problematiku tvoří negativní výpovědi tohoto typu [srov. Adamec 1974: 150 – 152], ale v našem materiálu se takový případ vyskytl jen jednou: č. „*Taková blbá monarchie nemá ani na světě bejt*“, r. *что такой идиотской монархии не место на белом свете*. b. – *Такава идиотска монархия не бива и да съществува на земята*. Z celkového počtu je 19 případů, kdy byl predikát od slovesa *mít* přeložen do ruštiny a do bulharštiny predikátem od modálního slovesa, z toho 16 případů s bulharským *трябва*, 2 *мога/може*, 1 – *да*; 11 případů ruského *должен*, 1 – *обязан*, 1 – *подобало бы*, 1 – *полагается*, 1 – v indikativu prézenta s významem všeobecné platnosti a 4 případy můžeme chápat jako částečně frazeologizované, např.: č. *Měl by zažádat o změnu*. r. – Да, *ему бы не мешало похлопотать о перемене имени*. b. *Той трябва да подаде заявление да му го сменят*. Opisem nebo ustáleným slovním spojením jsou překládány do ruštiny a do bulharštiny také české výrazy: *Co jsem si měl počít; Voni neměli dát nic na anděly*. Zbývajících 17 českých modálních výskytů *mít* se překládá do ruštiny a do bulharštiny převážně pomocí gramatických prostředků vyjadřujících **oslabenou obligatornost**: č. *Nemám, milostpane, doběhnout pro doktora*? r. – *Не сбегать ли мне, сударь, за доктором*? b. – *Да изтичам ли да извикам лекар, ваша милост*? Celkem 16 podobných případů se překládá do bulharštiny za pomoci tzv. да-konstrukce, což můžeme chápat jako jasný důkaz vyjadřovacího potenciálu да-konstrukce k explikaci obligatornosti. Jen v jednom případě použil překladatel parafrázi s ohledem na širší kontext. U jednoho případu v bulharštině se projevuje vyjadřovací potenciál bulharského slovesa *имам* v oblasti obligatornosti: č. *že máme platit alimenty*... r. *что нам необходимо платить алименты*... b. *че имаме да плащаме алименти*. V překladu do ruštiny je celkem 9 takových případů, kde spojení *mít + inf.* se překládá za pomoci ruského infinitivu (*Перестрелять их всех*!), u zbývajících 8 se znovu objevuje *должен* (2), *велеть* (1), *было бы* (1), *просить* (1) a ještě 3 parafráze s ohledem na širší kontext.

3. Velké množství výskytů slovesa *mít* v českém originále tvoří výrazy různého stupně ustálenosti, jejichž množství je v češtině všeobecně uznávané. Právě zde by materiál, který poskytují překlady, pomohl stanovit kritéria hodnocení jenotlivých výrazů jako **frazémy** (v rámci známých rozdílů mezi bulharskou a českou vědeckou tradicí v oblasti hodnocení frazémů). Jako frazémy náleží bezpochyby hodnotit výrazy jako *mít rád* (18), který se zásadně překládá do ruštiny prostřednictvím slovesa *любить* a do bulharštiny *обичам*. Na rozdíl od výrazu *mít rád*, skupiny, obsahující abstraktní substantivum typu č. *mít na zřeteli* (18 výsk.) projevují do větší míry shodu ve třech jazycích: r. *иметь в виду* b. *да имаме предвид*, kde ale dochází u jednotlivých konkrétních abstrakt k specifickým odchylkám [srov. Gregor, 2006: 11], kterými se zde nebudeme jednotlivě zabývat. Na opačném konci shod a rozdílů jsou frazémy typu. č. ... *s Francií, která má od... spadeno na Německo*, kdy strukturně shodný překlad ve třech jazycích je naprosto vyloučen (53): r. ... с *Францией, которая с... точит зубы на Германию*, b. ... с *Франция, която има зъб на Германия още от*...

4. Můžeme shrnout, že kromě nejpopulárnějších shod a rozdílů mezi třemi jazyky, které známe z gramatických a slovníkových zpracování této látky, je v ohledu kvantitativním užití slovesa *mít* v češtině J. Haška k vyjadřování obligatornosti velmi výrazné. V bulharštině, kde příručky běžně neuvádějí podobný význam, se také vyskytují vypovědi se slovesem *имам*, vyjadřující obligatornost, i když v mnohem menším počtu

a, zdá se, i v oslabenější míře než v češtině. Na prvním místě co do počtu stojí vlastně frazeologizované české výrazy, u nichž bychom mohli chápat překladatelské varianty u cizích jazyků jako kritérium toho, jestli máme určitý frekventovaný výraz interpretovat jako frazém, anebo ne.

Literatura:

Adamec, P.: *Čeština a ruština v konfrontačně-typologickém pohledu*. In: Přednášky z XXXVI. běhu LŠSS. Praha, UK, 1994, 51 – 59.

Adamec, P.: *Muset nebo mít? (K vyjadřování kategorie obligatornosti v současné češtině na pozadí ruštiny)*. In: Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha, 1974, 133 – 152.

Běličová, H., Uhlířová, L.: *Slovanská věta*. Praha, 1996. 277 s.

Flídrová, H., Žaža, S.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Оломоуц, 2005. 163 с.

Gregor, J.: *Verbonominální spojení mít + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině*. In: Opera slavica XVI, 2006, č. 4, 11 – 26.

Horálek, K.: *K charakteristice ruštiny*. In: Kniha o překládání. Příspěvky k otázkám překladů z ruštiny. Praha, 1953, 148 – 174.

Kvitková, N.: *Staročeský text z kvantitativního hlediska*. Praha, 2001.

Svozilová, N., Prouzová, H., Jirsová, A.: *Slovník slovesných, substantivních a adjektivních vazeb a spojení*. Praha, 2005. 579 s.

Младенова, М.: *Изразяване на екзистенциално значение в чешкия и в българския език*. Доклад пред Чешко-български колоквиум Прага 2005. Под печат в Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Научни трудове.

Начева, М.: Семантично-*функционална характеристика на глагола имам 'habere' (върху материал от българския и чешкия език)*. In: «Съпоставително езикознание» XIII, 1988, № 4 – 5.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Елена Павловна Панова
Россия, Волгоград

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СОБСТВЕННЫХ ИМЕН (АНТРОПОНИМОВ) В ВОЛШЕБНОЙ ПОВЕСТИ М. ТРЕВЕРС «МЕРИ ПОППИНС»

Abstract:
The article is devoted to the problems of translating antroponims from "Mary Poppins" by M. Trevers into Russian language. In Russian variant of translation B. Zahoder uses the homofonical, transliterationan methods and semantical method. The associative experiment that was held among Russian and English students, discovered both similarity and difference of understanding the onomastic fields of proper names. The experiment showed that Russian students are not acquainted with the ethymology of English names, with the historical-cultural aspect. In Russian text the translater managed to pass the denotative aspect of proper names, though the significative meaning in some certain aspect was lost.

Key words:
Proper names, homofonical, transliterationan, semantical method.

Проблема перевода собственных имен как носителя художественного смысла весьма распространена в современном научном мире и является одной из сложнейших задач. Ономастические приемы являются часто художественными знаками, которые не просто играют стилистическую роль, но участвуют в формировании общих смыслов произведения. Рассмотрим некоторые особенности перевода на русский язык собственных имен в волшебно-сказочной повести Маргарет Треверс «Мери Поппинс».

Традиционно Л. Сальман выделяет в технике перевода два метода: 1) метод гомофонический, поддерживаемый словарной традицией; 2) метод транслитерации (см. об этом: Лаура Сальман, 2006: 399).

В повести «Мери Поппинс» представлена разнообразная палитра имен собственных, соответствующих реальному ономастикону: ALBERT, ALFRED, HERBERT, BERT, JOHN, MICHAEL ROBERT, MARY, ELIZABETH, ELLEN, KATIE, JANE, BARBARA, ANNIE, FANNY и т. д. Сказочные очеловеченные герои в повести, но, тем не менее, принадлежащие не к реальному, внешнему миру, а волшебно-ска-

зочной действительности имеют вымышленные имена: Mr. Wigg, Match-Man, Corry, Persimmon.

Б. Заходер при переводе антропонимов в основном обращается к **гомофоническому способу перевода** имен на русский язык: ALBERT – Альберт, ALFRED – Альфред, JOHN – Джон, MICHAEL – Майкл, ROBERT – Роберт, MARY – Мари, ELIZABETH – Элизабет, ELLEN – Эллин, KATIE – Кэти, JANE – Джейн, BARBARA – Барбара, ANNIE – Анни, FANNY – Фани. Все эти имена используются автором ИТ по отношению к человеческим типам, героям, связанных с реальным миром людей. Возможно, именно поэтому переводчик пользуется словарем, в котором зафиксирована произносительная норма имен с учетом их фонетических и историко-культурологических особенностей (см.: Рыбак 1989: 23 – 113). Так как русский читатель привык именно к такому общепринятому переводу английских собственных имен, это помогает переводчику стремиться к критерию правдоподобности. **Метод транслитерации** используется Б. Заходером при переводе вымышленных имен героев, принадлежащих сказочному волшебному миру (Corry – Корри, Ay – Эй), а также **семантический метод, при переводе** зоонимов и некоторых антропонимов (Admiral Boom – Адмирал Бум, mr. Wigg – Мистер Паррик)**.**

Интересно, что в науке неоднократно предпринималась попытка исследования ономастического поля имени собственного. Так, определение семантического вектора ономастического поля описал В.И. Супрун в книге «Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал». В книге приводились результаты анкетирования среди чешских и русских студентов в области русской ономастики. При помощи методики В.И. Супруна нами был проведен аналогичный ассоциативный эксперимент в англоязычной и русской аудиториях, но вниманию студентов в анкете для ассоциативной оценки предлагались антропонимы из повести-сказки «Мери Поппинс». В анкету были включены вопросы, разработанные В.И. Супруном и помогающие определить: социальную характеристику имени, а также вопросы, помогающие выявить сакральный и этимологический аспекты ономастической семантики. Направленное анкетирование было проведено среди студентов Лондонского, Шефилдского, Ноттенгемского и Бермингемского университетов.

С точки зрения социальной характеристики самое популярное /типичное/модное/известное мужское имя – Michael, John (анг. студ.), Майкл, Джон (рус. студ.); женское имя – Mary, Ellen, Katie, Elizabeth, Annie, Jane (анг. студ.), Мари, Джейн, Элизабет, Кети, Барбара (рус. студ.). Самое непопулярное / нетипичное / немодное / неизвестное мужское имя – Match-Man, Mr. Wigg, Admiral Boom, Ay, Bert (анг. студ.), Эй, Парик, Бэнкс, Адмирал Бум (рус. студ.); женское имя – Lark, Corry, Fannie, Persimmon, Nonnies, Barbara (анг. студ), Ларк, Кори, Пермисимон (рус. студ.). Заметим, что мнение русских и английских студентов практически совпало, несмотря на разность культур и менталитета. Интересен тот факт, что английские студенты определили имя Поппинс как нетипичное и непопулярное, а имя Барбара как устаревшее. Русские студенты выделяют имена Поппинс и Барбара как популярные, модные, известные, что объяснимо влиянием художественного текста.

Анализ анкетирования выявил, что фантастические имена меньше всего получили характеристик, так как не типичны для английской ономастики. Тот минимум, который был представлен в ответах студентов имеет, в основном, с точки зрения

социальной характеристики негативные оценки (нетипичное/ непопулярное имя), так как имена выдуманы и не функционируют в английском социуме, следовательно, не несут никакой информационной нагрузки. Что же касается невымышленных имен собственных, то заметим, что в повести для детей выбраны имена, которые в английском обществе наиболее распространены и популярны (исключая имя Барбара, чья оценка может быть не совсем объективна в связи с тем, что оно практически исключено из оборота в современном английском языке как устаревшее). Таким образом, автор создает типичный реалистичный образ ребенка (функция идентификации имени собственного), который попадает в волшебный сказочный мир. Благодаря популярности и распространенности имени, создается ощущение близости персонажей мировоззрению обычного реального ребенка, так как каждый маленький читатель, в той или иной степени, может соотнести себя с JOHN, MICHAEL или JANE и пережить вместе с ними все их приключения.

Этико-эстетические положительные характеристики: самое благозвучное имя – Michael, Ratie, Elizabeth, Persimmon (анг.), Майкл, Джон, Бенкс, Мери, Ларк; самое звонкое имя – Michael, Admiral Boom, John, Mary, Jane (анг. студ.); Джон, Эй, Бэнкс, Робертсон, Элизабет, Брилл, Джейн (рус. студ.); хорошее имя – Michael, John, Mary, Elizabeth, Persimmon (анг. студ.), Майкл, Альберт, Бэнкс, Мари, Эллин Ларк, Врилл (рус. студ.); доброе – Alfred, Robertson, Mr. Wigg, Mary, Katie, Annie, Poppins (анг. студ.), Майкл, Джон, Эй, Бэнкс, Мари, Катти, Поппинс (рус. студ.); радостное – Admiral Boom, Albert, Bert, Mary, Jain, Barbara, Poppins, Mr. Wigg (анг. студ.), Майкл, Джон, Эй, Паррик, Барби, Ларк, Корри (рус. студ.); ласковое – Michael, Robertson, Alfred, Mary, Ratie, Barbara (анг. студ.), Майкл, Паррик, Эй, Альберт, Мари, Эллин, Брилл, Ларк, Мари (рус. студ.).

Этико-эстетические негативные характеристики: самое некрасивое имя – Lark, Corry, Fannie, Barbara, Admiral Boom, Match-Man, Ay, Mr. Wigg, Albert (анг. студ.), Фани, Брил, Брил, Адмирал Бум, Эй, Робертсон (рус. студ.); смешное имя – Nonnies, Persimmmon, Fannie, Nanna, Admiral Boom, Mr. Wigg (анг. студ.), Бэнкс, Кори, Джейн, Робертсок, Адмирал Бум, Эй, Паррик (рус. студ.).

Заметим, что при этико-эстетической характеристике студенты в равной степени отметили как вымышленные имена, так и реальные. Однако, характеристики русских и английских студентов значительно отличаются, что связано с фонетической оболочкой собственного имени и различием в восприятии данного звукового ряда английскими и русскими, с культурно-историческими традициями, со знанием английскими студентами этимологии многих имен. Например, имя Mary дает широкие ответы-ассоциации культурно-исторического характера: Mary – королева Англии, Mary – библейское имя, восходящее к библейскому образу Деве Марии. Следовательно, имя главной героини обладает некоторыми этимологическими, а также сакральными оттенками значений, связанных со Священным Писанием: *«MARY — Мари, тадиц. Мария, библ. Мариам /ср.-англ. Maria <лат. Maria/. В библии Мариам – пророчица, сестра Аарона и Моисея, которая, согласно Второй книге Пятикнижия Моисея «Исход», с тимпаном в руке воспела хвалу богу за покровительство израильтянам, благополучно выведенным из Египта Моисеем. Мария – дева из Назарета, обрученная с Иосифом, мать Иисуса Христа »*[Рыбак 1989: 139].

Данное имя не получило ни одной негативной характеристики. Возможно, поэтому имя Мери выбрано автором для главной героини (информационно-стилистическая функция), являющейся не только талантливым и мудрым воспитателем, но и волшебницей, связанной со сказочным миром. Архетипические корни имени Мери восходят к христианской мифологии и прочно связано с образом Девы Марии. Не исключено, что именно поэтому положительное восприятие имени Мери хранится в коллективнои бессознательном. Таким образом, благодаря библейскому контексту имя Мери наделяется не только положительными, но и мистическими коннотациями в коллективном бессознательном. Мери, подобно Деве Марии, становится неким женским идеалом. Она добродетельна, целомудренна, добра, кротка, в ней много достоинства, помимо хороших качеств воспитателя, она наделена мудрым и любящим сердцем, ей подвластно творить чудеса. Прилетает она к детям вместе с восточным ветром, что, возможно, реально интерпретировать на уровне неких символических смыслов: христианство продвигалось в Европу с Востока. Заметим, что в советском фильме «Мери Поппинс» по-другому расставляются акценты, в характере главной героини заострены таланты воспитателя, хорошей гувернантки. Режиссер размывает вертикальные смыслы английской волшебной сказки, возможно потому, что советская детская литература требовала воспитать нового советского человек вне всякой религиозной морали.

Этико-эстетическая оценка вымышленных имен в анкетах для английских студентов сведена к минимуму и сводится, как правило, к нескольким характеристикам: смешное/некрасивое/ласковое/радостное (Mr. Wigg). Герой обладает добрым, радостным, ласковым и смешным характером, с его появлением в повесть врываются шутка, смех, веселье, жизнелюбие. Положительное восприятие английскими студентами неизвестных им имен, видимо, вызвано тем, что подобные коннотации в той или иной степени закреплены в фонетическом и морфологическом облике имени, а также – в их этимологии, выдуманной самим автором, то Mr. Wigg переводится как парик. Русские студенты (мистер Паррик – метод транслитерации) проассоциировали имя почти аналогично: ласковое/радостное/доброе/смешное. Б. Заходер удваивает согласную «р», что позволяет несколько ослабить семантическое значение русского слова парик и воспринимать данное слово на русском языке как иностранную фамилию. Данный метод перевода несколько ослабевает разницу в восприятии русскими и английскими студентами этико-эстетического вектора данного имени.

Итак, русским студентам преодолеть экстралингвистический барьер помогают знания, которые они приобретают из СМИ, из английского и американского кино, литературы, а также изучение английского языка в школе. Использование традиционного гомофонного метода перевода, при переводе реального ономастикона, а также методов транслитерации и семантического метода при переводе вымышленных имен помогают Б. Заходеру решить многие проблемы межкультурной коммуникации. Однако, русские студенты не знакомы с этимологией английских имен, с историко-культурным аспектом, незнание данных преинформационных знаков носителей ИЯ приводит к некоторым нарушениям восприятия ЛИ, поэтому наблюдается частичное непонимание содержания высказывания с соответствующей адекватностью эмоционально-эстетического эффекта. Б. Заходеру максимально удалось передать денотативное содержание ЛИ, тогда как сигнификатив-

ное значение, которое обусловлено знанием культурно-исторических традиций, в некотором смысле было утеряно.

Использованная литература

Рыбак, А.И.: *Словарь английских личных имен*. Русский язык. Москва 1989.

Супрун, В.И.: *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал*. Перемена. Волгоград 2000.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ольджих Рихтерек
Чехия, Градец-Кралове

К ЧЕШСКОМУ ПЕРЕВОДУ ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Abstract:
This paper deals with the early works of the Russian poet Marina Tsvetaeva. It concentrates on two issues: demonstrating the continuity of the author's artistic worldview (this means finding connections between the author's early and later works), and evaluating the contribution of the Czech translator Hana Vrbova who succeeded in placing Tsvetaeva's poetry within the context of modern literature in Czech translation.

Key words:
Marina Tsvetaeva, early works, Czech perception.

1. Проблематикой чешского перевода поэзии выдающейся русской поэтессы Марины Цветаевой (1892 – 1941), отличающейся тесными связями с чешской культурой, я интересуюсь не в первый раз [6]. Она вызывает внимание читателей, литературоведов, критиков и переводчиков, благодаря глубине своего человеческого высказывания, в которой почти шокирующую роль играют взгляды, взаимоотношения и состояние души [3: 325], обнаруженные, по словам оломоуцкого исследователя и поэта Д. Жвачека, нередко при помощи *«поэтики предельности»*, близкой почти *«к абсолюту»* [6: 660]. Огорчающий и неадекватно слабый чешский интерес к художественному завещанию поэтессы еще в начале 90-ых гг. прошедшего века (он был вызван, прежде всего, нерешительностью предыдущей политической доктрины) постепенно уходит в прошлое. В течение последних пятнадцати лет появилось уже семь новых томов чешских переводов ее стихов (благодаря таким знатокам русской литературы и мастерам перевода, как Я. Забрана, Я. Штроблова, Г. Врбова, И. Гонзик и др.). Появились также первые монографические работы, анализирующие и подытоживающие чешские взгляды и интерпретации поэзии этой, по моему мнению, «поэтессы-солитера» в русской и мировой литературе [7]. Настоящая краткая статья ставит себе целью, с одной стороны, напомнить и отметить вклад знаменитой чешской переводчицы Ганы Врбовой (1929 – 1995), которая имела заслуги перед первым чешским изданием репрезентативного сборника поэзии Цветаевой [1], с другой стороны, подчеркнуть стилистическую и семантическую

связь между ранним и зрелым творчеством русской писательницы. Именно поэтому я сосредоточился только на избранных примерах переводов ранней поэзии М. Цветаевой (т.е. стихов, появившихся приблизительно до начала 20-ых гг. XX в.). Несмотря на преобладающий в них интимный характер поэтического высказывания, они вызывают собой убеждение о целостности поэтического мира поэтессы и представляют, таким образом, важную составную часть любого аналитического подхода к нему.

Опираясь на выводы известного чешского литературоведа и теоретика З. Матхаусера (к сожалению, недавно ушедшего из жизни), выдвигающего среди отличительных знаков поэтики Цветаевой *«воплощение множества методов»*, подсказывающих удивительную связь не только с художественнными креативными приемами всего русского авангарда, но даже – в фиктивном смысле слова – и с некоторыми художественными подходами современного постмодернизма [5: 339], мы можем относительно легко увидеть явно заметную и одновременно продолжительную жизнеспособность человеческого и художественного завещания поэтессы среди современных читателей и реципиентов.

2. Уже в ранних стихах Марины Цветаевой симптоматично вызывает внимание почти вся палитра отличительных знаков ее поэзии, например, предельный лаконизм, семантический простор которого поражающим образом расширяется почти магической символикой. Перед читателем нередко выступает мнимо шуточная шаловливость поэтессы, в которой, как правило, нетрудно определить элементы характера неразлучных спутников души до самого трагического конца ее жизни – трагические предчувствия, предостережения и опасения. И естественным фоном им нередко становится почти лихорадочная погоня за удивительно оригинальными деталями и решающими мгновениями, представляющими собой фиктивно второстепенные, однако, на самом деле, роковые составные части судьбы автора. Сравним, например, отрывки из стихотворения семнадцатилетней Цветаевой *«Молитва»* (от 1909 г.): *«Всего хочу: с душой цыгана/ Идти под песни на разбой,/ За всех страдать под звук органа/ И амазонкой мчаться в бой;/... ... Люблю и крест и шелк, и каски,/ Моя душа мгновений след.../ Ты дал мне детство — лучше сказки/ И дай мне смерть — в семнадцать лет!»* [2] *В* этих словах будто пророчески намечается и «развеянность» и трагизм души поэтессы, вся ее предстоящая несчастная судьба. В приведенных стихах удивительна зрелость высказывания, в которой к реципиенту обращается заметная доля русской идентичности: бесконечность пространства, головокружительная глубина чувств, своеобразная тоска, нередко подчеркиваемая метафорическим восприятием окружающего нас мира.

Именно поэтому я считаю вполне естественным, что переводчице Врбовой пришлось в чешской интерпретации приведенных стихов применить субституционную форму перевода, чтобы, хотя бы частично, однако, все-таки адекватно охватить все намеченное в подлиннике семантическое пространство: *„Chci mnoho: Na zboj nezaváhám/ cikánskou duši s písní hnát,/ za všechny strádat v hřmění varhan,/ jak amazonka bojovat./... ... Mám ráda přilby, kříž i pentle,/ má duše, to vteřin dech,/ kdyžs mi dal dětství jak zpěv světlé –/ v sedmnácti mě zemřít nech!“* [1: 13]

2.1. Симптоматичным подтверждением эволюционной связи раннего и зрелого творчества Цветаевой может быть, например, мотив «разлуки», повто-

ряющийся несколько раз, между прочим, в ее кульминационном произведении *«Поэма конца»* (от 1924 г.) и привлекающий естественно интерес исследователей: *«Я, без звука:/ Любовь – это значит лук/ Натянутый: лук: разлука...»* [6: 660] З. Матхаусер считает упомянутый мотив даже существенной составной частью выделяемого им *«созвучия значений»* [4: 21], представляющего собой один из доминантных знаков художественного стиля поэтессы (в приведенном случае он имел в виду взаимосвязь *«разлуки»* со словом *«лук»*). Очевидно, что этот мотив «преследовал» Цветаеву уже гораздо раньше. В качестве примера можем привести отрывки из стихотворения *«Я вижу тебя черноокой, — разлука»* от 1920 г. Сравним: *«Я вижу тебя черноокой, — разлука!/ Высокой, — разлука! — Одинокой, — разлука!/ С улыбкой, сверкнувшей, как ножик, — разлука!/ Совсем на меня не похожей — разлука!/... ... И жжешь, и звенишь, и топочешь, и свищешь,/ И ревешь, и рокочешь — и — разорванным шелком —/ Серым волком, — разлука! —/ Не жалея ни деда,/ ни внука, —/ разлука!/ Филином — птицей — разлука!/ Степной кобылицей, —/ разлука!/ Не потомком ли Разина — широкоплечим, рыжим,/ рыжим/ Я погромщиком тебя увидала, — разлука?/ —Погромщиком, выпускающим кишки и перины?/ Ты нынче зовешься Мариной, — разлука!»* [2].

2.2. Перевод подобного семантически амбивалентного и ассоциативно изобильного текста на любой иностранный язык не может обойтись без адекватных субституционных компромиссов, так как простая лингвистическая замена отдельных русских образных конструкций соответствующими лексическими конструкциями в языке перевода просто неосуществима. Видимо, такие возможности учитывала Врбова: *„S černýma očima vidím tě, rozluko,/ vysoká rozluko, siroto rozluko,/ s úsměvem blýskavým jako nůž, rozluko,/ tak málo podobná mně, sestro rozluko./... ... Pálí a dupá a zvoní a řinčí,/ praská jak hedvábí, svští a řičí,/ v převleku za vlka na dědu, na vnuka vrhá se rozluka./ Huká jak noční výr, pádí jak kobyla na luka rozluka./ Široká ramena, ryšavé vlasy má potomek Razina,/ nájezdník rozluka./ Já ji znám. Zabiják popadne do ruky,/ střeva se vyvalí, peřina popuká.../ Já ji znám. Marina je jméno rozluky.“* [1: 54] Очевидно, что субституционные приемы в переводе вызваны не только компромиссами из-за ритма и рифмы, но тоже из-за более адекватной эмпатии и полноценной рецепции при коммуникации переводного текста с читателем. Сравним, например: «*одинокой, – разлука*» – *«siroto rozluko»*, или очень удачное метафорическое сравнение «*в дом забредешь желтоглазой цыганкой*» – *„cikánka, pohled jak z jantaru“*, полностью соответствующее поэтическим подходам Цветаевой. Благодаря намеченной переводческой стратегии Врбовой удалось сохранить в чешском метатексте стихотворения симптоматическое звукоподражание, особенный внутренний ритм отдельных стихов, представляющий собой какой-то своеобразный пандан внутреннего, амбивалентного подтекстового напряжения, известного нам из кульминационных поэм Цветаевой. Сравним: *«без стука, – разлука! – Как вихрь заразный/ к нам в жилы врываешься – лихорадкой, – разлука!» – „rozluka neťuká, jak vichr nákazy/ v žilách krev přimrazí horečka rozluka“*. Или: *«И ревешь, и рокочешь – и – разорванным шелком – / – Серым вол-*

ком, – разлука! – Не жалея ни деда, /ни внука, –/ разлука! Филином – птицей/ разлука! Степной кобылицей, –/ разлука!»… … „praská jak hedvábí, svištĺ a řičí,/ v převleku za vlka, na dědu, na vnuka vrhá se rozluka./ Huká jak noční výr, pádí jak kobyla na luka rozluka“. Аналогично можем сравнивать кульминационную строфу с основной идеей *«Марины»*, являющейся в данном стихотворении синонимом *«разлуки»*. Избранный переводчицей Врбовой интерпретационный подход способствовал, на мой взгляд, адекватному сохранению преемственности во всем творчестве Цветаевой, преемственности, континуума ее художественного мировоззрения болезненно несчастного человека с болезненно замученной судьбой этой поэтессы «par excelence» и трагическим характером эпохи.

3. Только опытному переводчику удается соблюдать «чувство меры» субституционной креативности, сохраняющей в условиях принимающей инокультурной рецепции хрустально чистый и семантически чрезмерно насыщенный мир поэзии Цветаевой. Сравним еще несколько отрывков из трех стихотворений, посвященных поэтессой еще в феврале 1916 г. близкому ей поэту О. Мандельштаму. Г. Врбова (необходимо подчеркнуть, что она была не только выдающимся переводчиком, но одновременно тоже поэтом!) тщательно стремится сохранить общее настроение переводимых стихотворений и, одновременно, легкость и естественность последних. *«Никто ничего не отнял!/ Мне сладостно, что мы врозь.»* [2] *„Nás dva nikdo neokrádá,/ že jsme sami, není trest.“* [1: 35] Или: *«Ты запрокидываешь голову/ Затем, что ты гордец и враль./ Какого спутника веселого/ Привел мне нынешний февраль!»* [2] *„Nosíš teď hlavu stále výš,/ jsi výřečný, pyšný, drsný…/ Únore, veselý přespříliš/ je ten, koho přivedls mi.“* [1: 36] Или: *«Ты солнце стерпел, не щурясь, — / Юный ли взгляд мой тяжел?» „Když slunce vás neoslepí,/ proč z mých očí máte strach?“* Nebo: *«Нежней и бесповоротной/ Никто не глядел Вам вслед…» „Za vámi tak něžně, plaše/ nikdy nikdo nepohléd.“*

3.1. Определенные семантические и стилистические сдвиги, вызываемые намеченной стратегией переводческой интерпретации, естественно, появляются. Как правило, в них отражается вынужденная лексическая конкретизация, возникающая на фоне взаимного межкультурного диалога русской и чешской языковых систем и различных культурных традиций и опытов обоих этнических обществ.

3.2. Однако сдвиги типа *«мой невоспитанный стих» – „pár mých veršů nezdárných“* или многословная субституция лаконического обращения *«лети, молодой орел!»* чешской извилистой конструкцией *„váš let velkolepý/ v strmých orlích výšinách“* или, например, интерпретация кульминационного акцента поэтессы в диалоге, посвященном Мандельштаму, *«Откуда такая нежность,/ И что с нею делать,* ***отрок/ Лукавый, певец захожий, С ресницами — нет длинней?»*** [2] – *„Kde se vzalo tolik něhy?/* ***Co si počneme s tím darem,/ písničkáři, pokušení/ s péry cizokrajných řas?“*** [1; 37] (сравниваемые выражения отмечены жирным шрифтом мною – О.Р.) в чешском переводном варианте считаются мною нерелевантными. Несмотря на то, что они частично меняют меру, интенсивность чувств и настроения женской души, основная семантическая и стилистическая суть по-

этики и художественной информации Цветаевой в них адекватно сохраняется, и поэзия последней – эта *«священная держава духа»* [5: 339] – способна, таким образом, почти эквивалентно обращаться к чешскому читателю.

Использованная литература:

1. Cvětajevová, M.: *Lichý střevíc*. Melantrich, Praha 1996.
2. Примеры ранней поэзии М. Цветаевой избраны из текстов интернетного сайта http://crea.ru/cvetaeva/main.html.
3. Honzík, J.: *Dvě století ruské literatury*. Torst, Praha 2000.
4. Mathauser, Z.: *Metodologické meditace aneb Tajemství symbolu*. Blok, Brno 1988.
5. Mathauser, Z.: *Marina Cvetajevová a vznešenost poezie*. В кн.: **Cvetajevová, M.:** *Lichý střevíc*. Melantrich, Praha 1996, с. 333 – 343.
6. Рихтерек, О.: *К проблематике чешского перевода метафоры в поэзии Марины Цветаевой*. В сб.: *Русское слово в мировой культуре. Русский текст и русский дискурс сегодня*. X конгресс МАПРЯЛ, СПб., 2003, с. 658 – 663.
7. Uličná, O.: *Pražské poémy Mariny Cvětajevové (a jejich překlady do češtiny)*. Karolinum, Praha 1991.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ядвига Тарса
Польша, Ополе

«ПЛОСКИЙ МИР» ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА – ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ СКАЗОК, МИФОВ, ЦИТАТ И АЛЛЮЗИЙ

Abstract:
The World of the Disc a cycle by an English fantasty writer Terry Pratchett contains numerous quotations and allusions. The reader must know the Bible, mythology, fairy tales, various nations' beliefs, works of the world literature, film quotations and important political events. Pratchett's novels are also popular in Russia, because, as he says, he uses "«white knowledge», the sort of staff that fills up your brain without you really knowing where it came from". It turns out that the "white knowledge" is very wide and at the same time, in spite of its richness is very familiar for the representatives of various nations. It can be claimed that the Disc is a global village for those who possess the "white knowledge".

Key words:
Quotation, allusion, text reminiscence, fairy tale, myth, language game.

По словам Ролана Барта: «*каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат*» [Черняева]. Хорошим примером текстов, сотканных из цитат, аллюзий и реминисценций является *Плоский мир* Терри Пратчетта.

Терри Пратчетт – это английский писатель, пишущий в жанре фэнтези. Его произведения были переведены на многие языки, а суммарный их тираж составляет около 50 миллионов экземпляров. «*Цикл Плоский мир (к настоящему времени насчитывающий уже 40 романов, 4 рассказа, 3 справочника и одну поваренную книгу) – это талантливая сатира, начинавшаяся как пародия фэнтези и превратившаяся в совершенно независимое от жанра произведение. Тут можно найти шутки на практически любую тему от истории пирамид Египта до голливуда и классической философии. Яркие, запоминающиеся (с хорошо узнаваемыми прототипами) герои и талант автора обеспечили серии популярность*» [http://ru.wikipedia.org/wiki].

Действие всех романов происходит на диске Плоского мира, который находится на спинах четырех слонов, стоящих на плывущем в космосе Великом А'Туине, черепахе. На Диске дружно живут люди, гномы, эльфы, тролли, зомби, вампиры, оборотни и все они борются за свои права и равенство при приеме на работу, у радуги восемь цветов, всюду царствует магия, смерть является мужчиной, а боги, вопреки словам Эйнштейна, играют в кости. Автор цикла наполнил этот мир героями мифов и произведений мировой литературы. На страницах каждого из романов читатель заметит текстовые реминисценции, т.е. по словам А.Е. Супруна, «*точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), «крылатые слова», отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуации*» [Супрун 1995: 17]. Причем Пратчетт старается подобрать такие цитаты и ассоциации, которые будут знакомы если не всем, то большинству читателей. «*Когда я использую в книге ассоциацию, я стараюсь взять такую, которая может быть легко схвачена обычным хорошо начитанным (насмотренным, наслушанным) человеком. Я называю это «белым знанием». Это то, что наполняет ваш мозг, а вы даже не знаете точно, откуда оно пришло*» [Канчура 2005: 15]. Текстовые реализации этих ассоциаций можно разделить на три группы.

Во-первых, это имена собственные. Они преобразованы так, чтобы их мог легко расшифровать читатель. В романах появляются, напр.: величайший воин Диска Коэн-Варвар, гном Казанунда (как гласит его визитка: второй в мире величайший любовник), очень богатый сериф Аль-Хали Креозот, в городе Анк-Морпорк находится Гад-Парк. Иногда эти имена не называются, но благодаря аллюзиям читатель их вспоминает, напр.: когда герои книги *Безумная звезда* попадают в пряничный домик и несколько стесняются его есть, гном их успокаивает: «*Старую ведьму не видели здесь уже много лет. Говорят, ее окончательно доконала парочка каких-то юных сорванцов*» (*Безумная звезда*). Хотя имена не появляются в тексте, читатель сразу вспоминает героев сказки братьев Гримм *Гензель и Гретель*. Или: «*– Слушай, – выпалил Ринсвинд, рассыпая изо рта крошки пирожного, – говорят, ну, ходят слухи, что все, к чему ты прикасаешься, превращается в золото*» (*Посох и шляпа*). Прочитав эти слова сразу вспоминаем мифологического царя Мидаса.

Во-вторых, Пратчетт использует точные или трансформированные цитаты:

– «*В начале было слово, – сообщил сухой голос прямо у него за спиной*» (*Безумная звезда*) – точная цитата из *Библии*;
– «*Весь мир – театр, в нем женщины, мужчины – все актеры. […] Иногда они приходят, иногда уходят*» (*Вещие сестрички*) – цитата из драмы *Как вам это понравится* Шекспира;
– «*На тебя смотрят, малышка, – произнес он*» (*Стража! Стража*!) – цитата из фильма *Касабланка*;
– «*Можно сказать, «когито эргот шляппо». Лузган изучал древние языки и теперь постарался показать себя с наилучшей стороны. – «Я мыслю, сле-*

довательно, я шляпа»? – догадался он» (*Посох и шляпа*) – модифицированные слова Рене Декарта;

– «*Твои волосы, – изрек сериф и медленно качнулся вперед, – подобны... подобны стаду коз, что пасутся на склонах Гебры. [...] – Твои груди подобны... подобны, – сериф отклонился вбок и бросил короткий, горестный взгляд на опустевшую бутылку, – подобны покрытым самоцветами дыням в прославленных садах рассвета*» (*Посох и шляпа*) – преобразованная цитата из *Песни песней Соломона*.

В-третьих, и это чаще всего употребляемый Пратчеттом прием – аллюзии. Источники аллюзиий очень разнообразные. Пратчетт отсылает читателя к фильму: «*Вот, к примеру, не далее как прошлой ночью я видел во сне какого-то кривоногого человечка в черной шляпе. Он очень смешно ковылял по дороге – переставлял ноги так, будто в башмаках у него целое море воды. (...) Еще у него была тросточка, которой он крайне забавно помахивал*» (*Вещие сестрички*); произведениям фэнтези: *«– Рассьте, – сказала тварь. – У мммммня дддднь рожжжженья»* (*Ведьмы за границей*) – это подражание способу высказывания Горлума и отсылка к Толкину; детской литературе: «*Ухмылка Грибо постепенно исчезала, пока не испарилась вовсе и не остался один лишь кот. Это было почти так же жутко, как если бы кот исчез, а ухмылка осталась*» (*Вещие сестрички*) – отсылка к Чеширскому Коту из книги *Алиса в Стране Чудес*. Он исчезал постепенно, пока в воздухе не оставалась висеть одна улыбка. В *Плоском мире* можно тоже найти отсылки к творчеству Шекспира: *«– Деревья обсуждают меня, – пробормотал герцог Флем. – Когда я еду по лесу, то слышу, как они перешептываются. Сеют обо мне грязную ложь!»* (*Вещие сестрички*) – намек на *Макбета*; «*Маграт собирала цветочки и о чем-то с ними разговаривала*» (*Вещие сестрички*) – намек на сошедшую с ума Офелию, героиню *Гамлета*; мифологии: «*Некоторые полагают, что светило катит перед собой огромный навозный жук*» (*Пирамиды*) – так верили древние египтяне; «*Молва утверждала, что один из богов, преследуя объект своей страсти, даже превратился в золотой дождь*» (*Пирамиды*) – отсылка к греческому мифу о Зевсе и Данае; в заглавии книги «*Абокралипсис, лигенда о Лидяных Виликанах и Тайная Чаевня Багов*» (*Посох и шляпа*) – появляются отсылки к Библии и инеистым великанам из германо-скандинавской мифологии; к архитектурным памятникам: «*Ринсвинд считал себя знатоком храмовой архитектуры, но местные фрески на огромных и действительно внушительных стенах совершенно не походили на религиозные. Во-первых, участники изображённых сцен получали удовольствие. Они почти наверняка получали удовольствие. Да, точно. Было бы удивительно, если бы они не получали удовольствия. – Они ведь не танцуют? – спросил Ринсвинд в отчаянной попытке не поверить собственным глазам. – Или, может, это какая-то акробатика?*» (*Посох и шляпа*) – это отсылка к фризу фасада одного из храмов в индийском городе Каджурахо, украшенному сценами из *Камасутры*.

Это только несколько примеров. Во всем цикле реминисценций на много больше. Автор использует цитаты и мотивы из *Божественной комедии*, *Илиады*, *Унесенных ветром*, *Отверженных*, *Удивительного волшебника страны Оз*, *Криминального чтива*, *Грязного Гарри*, немого кино, уотергейтского дела, оперной музыки, творчества Элвиса Пресли и Бадди Холли и т.д. Пратчетт использует «белое

знание», т.е. то, что хранится в памяти большинства людей. Можно сказать, что это базовое ядро знаний, которое свидетельствует о принадлежности к определенной культуре (в этом случае – к мировой культуре). Оказывается, что «белое знание» с одной стороны, является очень широким, а с другой стороны – близким представителям разнообразных национально-лингво-культурных сообществ. Книги Пратчетта, кроме европейских языков, были переведены на иврит, турецкий, корейский и тайский языки. Некоторые считают, что глобальная деревня становится возможной благодаря распространению универсальных культурных образцов. Книги Пратчетта показывают, что так действительно может быть – начитанный человек в глобальной деревне *Плоского мира* чувствует себя как дома. Английский писатель ставит читателя в центре перекрестка культур и играет с ним цитатами, аллюзиями, реминисценциями. И только от знаний читателя зависит результат этой игры. А роль переводчика сводится к такому переводу точных и модифицированных цитат, чтобы читатель смог их заметить в тексте, расшифровать и легко вспомнить их источник.

Использованная литература

Канчура, Е.О.: *Особенности отображения влияния «Властелина колец» Дж. Толкина на мировоззрение на примере творчества Терри Пратчетта*. In: Палантир 2005, N 46, с. 13 – 19.
Пратчетт, Т.: *Безумная звезда*. Москва 1997.
Пратчетт, Т.: *Ведьмы за границей*. In: http://lavka.lib.ru/lavka/terry.htm
Пратчетт, Т.: *Вещие сестрички*. In: http://lavka.lib.ru/lavka/terry.htm
Пратчетт, Т.: *Пирамиды*. In: http://lavka.lib.ru/lavka/terry.htm
Пратчетт, Т.: *Посох и шляпа*. In: http://lavka.lib.ru/lavka/terry.htm
Супрун, А.Е.: *Текстовые реминисценции как языковое явление*. In: Вопросы языкознания 1995, № 6.
Черняева, А.С.: *Интертекстуальность и аллюзия: проблемы соотношения*. In: www.lib.sibstu.kts.ru/paradigma/1/12.htm

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ивана Ченькова
Чехия, Прага

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ГЛАЗАМИ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Abstract:
The paper deals with conference interpreting in European institutions and the problems of interpreters working in this multilingual and multicultural context also with third countries, e.g. Russian Federation.

Key words:
Conference interpreting in EU institutions, retour, relay, Eurospeak, multilingualism, multiculturalism, cooperation with Russia.

Европейский Союз говорит сегодня на 23 языках, учитывая при этом 27 разных культур своих стран-членов. Однако ЕС сотрудничает и с третьими странами, общается в том числе и с Российской Федерацией.

2007 год был объявлен в России и в мире годом русского языка. Оломоуцкие дни русистов таким образом присоединяются к многочисленным мероприятиям, которые проводятся в рамках Года русского языка по всей планете. Русский язык является четвертым самым распространенным языком в мире.

Семнадцать лет тому назад, летом 1990 года, никто еще не знал, как будет развиваться сотрудничество России и других пост-советских стран с Евросоюзом и какими будут их взаимоотношения. Нужно отметить, что в СССР долгое время резко негативно относились к европейской интеграции, рассматривая ЕС как платформу военно-политической борьбы между Западом и Востоком. Официальные отношения между СССР и Европейскими сообществами были установлены лишь в 1988 г. Взаимное признание открыло путь для подписания 18 декабря 1989 г. Соглашения о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве между ЕЭС, ЕОУС и Евратомом, с одной стороны, и СССР – с другой, правопреемником которого стала Российская Федерация. В конце декабря 1991 г. Европейские Сообщества заявили о признании России и других новых независимых государств, возникших после распада СССР. В мае 1992 г. в Москве состоялась первая встреча Россия – ЕС на высшем уровне. Ее главным результатом явилась договоренность о подготовке нового

соглашения. Таким документом стало Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС (СПС), подписанное на острове Корфу 24 июня 1994 г. на срок 10 лет с последующим автоматическим продлением. СПС охватывает 4 важнейшие сферы взаимоотношений – политику, экономику, социальную сферу и культуру. Принцип равноправного партнерства, заложенный в Соглашении, предопределил создание *системы институтов*, призванных контролировать процесс осуществления СПС, разрабатывать новые рекомендации, улаживать споры и конфликты, обмениваться взглядами по широкому кругу вопросов. Этот институциональный механизм включает в себя саммиты Россия – ЕС, которые проводятся дважды в год на высшем уровне: от России – президент Российской Федерации, от Европейского Союза – председатель Совета Европейского Союза и председатель Комиссии (по формуле «1+2»). Были предусмотрены и созданы совместные органы: *Совет сотрудничества, Комитет сотрудничества* и *Комитет парламентского сотрудничества*. В рамках этих органов переводчики переводят с русского языка, однако только в Европейском парламенте при переговорах с российской делегацией синхронный перевод обеспечивается на всех официальных языках ЕС. При других встречах с Россией рабочими языками являются (за исключением саммита ЕС, если на него приглашены ведущие представители РФ) почти всегда только русский, английский и французский языки.

Римский учредительный договор ЕС (1953 г.) гарантирует всем своим гражданам право при общении с органами ЕС выступать на родном языке и пользоваться переводом на свой родной язык. Этот принцип многоязычности и языковой диверсификации является основополагающим фундаментом всего существования Европейского Союза. Для того чтобы это право граждан могло осуществляться и на практике, Европейскому Союзу нужны переводчики, как устные, так и письменные.

Переводческая практика в институтах и органах ЕС, так же как и в других международных организациях и структурах, такова, что переводчики переводят с нескольких своих пассивных иностранных языков на свой родной язык. В состав каждой кабины переводчики (их всегда трое) подбираются так, чтобы они понимали все рабочие языки заседания и могли переводить выступления всех ораторов только на свой родной язык.

Когда членом ЕС в 1995 году стала Финляндия, оказалось, что финские переводчики владеют только ограниченным количеством иностранных языков и на своем отечественном рынке привыкли переводить не только на родной язык, но и на свой активный иностранный язык (главным образом английский, немецкий или французский языки). А среди «европейских» переводчиков, наоборот, было очень мало таких, которые бы понимали финский и могли переводить с него на свой родной язык.

Итак, пришлось менять опробированную европейскую систему синхронного перевода. Финны начали переводить финских ораторов на свои активные иностранные языки, стали пилотами для остальных «старых» кабин. И наоборот, «старые» кабины, прежде всего английская, немецкая и французская, стали ведущими для финских переводчиков.

В настоящей статье не буду заниматься больным и неоднозначным вопросом качества устного перевода на родной язык и на активный иностранный язык. Скажу только, что каждая концепция имеет своих сторонников и противников.

Пилот должен быть ясным, однозначным, соблюдать и передавать смысл выступления оратора, заканчивать предложения, правильно использовать интонацию, четко выговаривать имена, названия, цифры и не стремиться к слишком высокой идиоматичности. Будучи пилотом, переводчик испытывает бóльшую ответственность, давление и огромный стресс, так как он должен сделать максимум для обеспечения высококачественного многоязычного и мультикультурного общения в залах заседаний для всех 27 стран-членов.

Именно так сегодня чувствуют себя в органах ЕС и чешские устные переводчики. Переводчики из «новых» стран-членов тоже переводят не только на свой родной язык, но и на иностранный язык, становясь часто ведущей кабиной для остальных.

По мере того как культуры европейских стран интегрируются в единую общеевропейскую культуру, становится все более необходимым по-новому осознавать технические и культурные достижения Европы в целом. Сейчас уже совершенно недостаточно знать культурную, политическую и экономическую ситуацию какой-либо одной страны. Одним из понятий, выражающих настоящие цивилизационно-культурные процессы, является понятие *мультикультуральность*, которое мы понимаем как сосуществование нескольких культур в рамках одного общества [Gromová, Müglová 2005: 70 – 71]. Мультикультуральность – это поиски и нахождение шансов на достижение толерантности, терпимости, понимания, восприятия других культур, улаживание и предотвращение межкультурных конфликтов, стремление к их урегулированию. Следующим понятием, которое отражает в себе настоящие цивилизационно-культурные процессы, является *транскультуральность*. Данное явление возникает в связи с миграционными процессами, с развитием современных коммуникационных и информационных систем и технологий, взаимопереплетенных и взаимоувязанных экономических отношений [Gromová, Müglová ibid: 74].

Нам кажется, что именно *транскультуральность* свойственна Европейскому Союзу и его органам, где в ходе заседаний переводчики должны учитывать этот аспект, не только при переводе на языки ЕС, но и при переговорах с третьими странами, в том числе с Россией. Многие европейские реалии и понятия *транспонируются* почти во все языки, включая и русский.

Приведем самые яркие примеры транскультуральности в переводе.

Примеры европейских сокращений в русских документах, текстах и выступлениях:

1) сокращение используется в русской азбучной транскрипции:

   ERASMUS / ЭРАЗМУС – European Community Action Scheme for the Mobility of University Students
   TEMPUS / ТЕМПУС – Trans-European Mobility Scheme for University Studies

2) сокращение в русском тексте используется в латинице:

   SAPARD – Special Accession Programme for Agriculture and Rural Development / Европейская программа помощи мелкому и среднему сельскому предпринимательству
   JASPERS – Joint Assistance in Supporting Projects in European Regions

JEREMIE – Joint European Resources for Micro and Medium Entreprises
JESSICA – Joint European Support for Sustainable Investment in City Area
Такие аббревиатуры не переводятся, все их используют в данной форме и иногда даже не подозревают, как они возникли и как образованы.

3) Примеры так называемых международных и «европейских» сокращений, у которых переводчик должен знать несколько языковых версий, потому что отдельные ораторы, в зависимости от того, откуда они происходят, используют или английский вариант, или французский вариант аббревиатуры, а ваш клиент при переводе хочет услышать ему известный и им употребляемый вариант.

   ARYM / FYROM (Ancienne République Yougoslave de Macédoine/ Former Yugoslav Republic of Macedonia) – Bývalá republika Jugoslávie Makedonie – Бывшая югославская республика Македония
   CAGRE / GAERC (Conseil affaires générales et relations extérieures / General Affairs and External Relations Council) – Rada pro všeobecné záležitosti a vnější vztahy – Совет по общим вопросам и внешним связям
   CEF /EFC (Comité économique et financier / Economic and Financial Committee – Hospodářský a finanční výbor – Экономический и финансовый комитет
   TSA / EBA (Tout sauf armes / Everything but Arms) – vše kromě zbraní – все кроме оружия
   GOPE /BEPGs (Grandes orientations de politique économique / Broad Economic Policy Guidelines and Employement) – hlavní směry hospodářské politiky – основные направления экономической политики
   TIC / ICT (Technologies de l´information et de la communication / Information and Communications Technology) – informační a komunikační technologie – информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)
   MDGs (Millenium Development Goals) – rozvojové cíle milénia // tisíciletí – цели в области развития на пороге тысячелетия
   PME / SME (Petites et moyennes entreprises / Small and Medium Entreprise) – malé a střední podniky (MSP) – малое и среднее предпринимательство (МСП)

4) Примеры «европейских» сокращений, у которых всеми участниками заседаний ЕС используется только одна языковая версия, главным образом английская или французская. В документах РФ также оставляют оригинальную версию и приводят русскую «расшифровку»:

   SCIFA (Strategic Committee on Immigration, Frontiers and Asylum) – Strategický výbor pro imigraci, hranice a azyl – Стратегический комитет по вопросам иммиграции, границ и предоставления убежища
   COREPER (Comité des représentants permanents) – Výbor stálých zástupců – Комитет постоянных представителей при Европейском Союзе – (КОРЕПЕР)
   CATS (Comité Article 36) – Výbor podle článku 36 – Комитет по статье 36
   CSA (Comité spécial agriculture) – Zvláštní výbor pro zemědělství – Специальный комитет по сельскому хозяйству
   NUTS (La Nomenclature des unités territoriales statistiques) – tzv. územně statistické jednotky neboli regiony soudržnosti – территориальные статистические единицы

OPOCE – Office des publications officielles de la CE – Úřad pro úřední tisky ES – Бюро публикаций ЕС

5) Примеры понятий, где российская делегация также предпочитает работать с английским / французским термином, транскрибированным кириллицей, который используется без перевода также почти во всех остальных языках ЕС.

Health check /хелс-чек
Benchmarking / бенчмаркинг
Ranking / ренкинг
Mainstreaming /мейнстриминг
Acquis communautaire /Аки Коммюнотэр
Peer Review /пир-ривью.

Использованная литература:

Алексеева, И.С.: *Профессиональный тренинг переводчика*. Союз, Санкт-Петербург, 2005.
Мухаева, Н.Р.: *Право Европейского Союза*. ЮНИТИ, Москва, 2006.
Семенов, А.Л.: *Основные положения общей теории перевода*. Издательство Российского университета дружбы народов, Москва, 2005.
Чужакин, А.: *Мир перевода – 7. Прикладная теория устного перевода и переводческой скорописи*. Р. Валент, Москва, 2003.
Čeňková, I.: *Tlumočení do cizího jazyka aneb tzv. «retour»*. In: Plutko, Pavol (ed.). Preklad a tlmočenie. Filologická fakulta Univerzity Mateja Bela, Banská Bystrica, 1999, s. 237 – 242.
Čeňková, I.: *Синхронный перевод в учреждениях Европейского Союза и на чешском рынке*. In: Kultur, Interpretation, Translation. Ausgewählte Beiträge aus 15 Jahren Forschungsseminar. H. Salevsky (ed.). Sonderdruck, Peter Lang, 2005, s. 105 – 112.
Čeňková, I.: *Eurožargon z pohledu českého tlumočníka v Bruselu*. In: Translatologica Ostraviensia II, Den s překladem. 2007, OU FF Ostrava 2007, s. 37 – 42.
Gromová, E., Müglová, D.: *Kultúra-Interkulturalita-Translácia*. Nitra 2005.
www.emcinterpreting.org, www.tacisinfo.ru, http://utrl.ff.cuni.cz, http://iate.europa.eu, www.rambler.ru, http://www.carnegie.ru/ru/print/47976-print.htm, http://www.mid.ru, http://www.krugosvet.ru, http://www.rusintercenter.ru, http://www.translators-union.ru

Статья возникла в рамках исследовательского проекта MSM 0021620825 «Язык как человеческая деятельность, ее продукт и фактор».

ДОКЛАДЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Николай Федорович Алефиренко
Россия, Белгород

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РУССКИХ ПОСЛОВИЦ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Abstract:
The cognitive model of proverb contains two discursive-cognitive levels: its content and its inner form: concept and frame. It is substantiated cognitive-pragmatic basis of proverbs: (a) frame focuses on last object-sensory experience of people, (b) script realizes some pragmatic attributes of proverb as acceological, emotive, cultural-connotative, illocutive and so on. Frame projects the intentional of semantic structure of proverb. Script projects the implicational of semantic structure of proverb. The national-cultural specificity of paremiis exposes by means of their comparison to proverbal formations at the another Slavic languages.

Key words:
Discourse, paremis, proverbal semantics.

Актуальность проблемы когнитивно-прагматического исследования пословиц обусловлена тем, что на фоне бурного развития когнитивистики практически отсутствуют фундаментальные исследования паремиологического фонда русского языка в аспекте когнитивной культурологии, принципиально отличающейся от страноведения. Традиционно паремии рассматривались в системно-структурном (Г.Л. Пермяков) или культурологическом ракурсах [Савенкова 2007, Семененко 2004]. Кроме этого, появление такого рода исследования объясняется необходимостью конкретизации и совершенствования основополагающих положений когнитивной лингвистики, их адаптации к анализу паремиологического фонда языка.

Методологической основой когнитивного подхода к паремиологии служат работы Ф. Джонсон-Лэрда, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье и др. Особенно ожидаемой в науке является разработка методики осуществления дискурсивно-когнитивного моделирования пословично-поговорочных речений. Когнитивная модель пословицы (когнитема) представлена дискурсивно-когнитивными уровнями её значения и внутренней формой. Обосновывается когнитивно-прагматический базис пословиц: (а) фрейм фокусирует прошлый предметно-чувственный опыт народа, (б) сценарий воплощает прагматические свойства пословицы: аксиологические, эмотивные, культурно-коннотативные, ил-

локутивные и др. Первый проецирует интенсионал семантической структуры пословицы, а второй – её импликационал.

Теоретическая платформа такого рода исследования опирается на исходные принципы когнитивно-дискурсивной парадигмы, заложенные в работах Ф. Джонсон-Лэрда, Д. Герартса, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье. В русистике эти идеи обогащаются в трудах В.З. Демьянкова, В.Б. Касевича, Е.С. Кубряковой, Р.М. Фрумкиной и др. При этом следует признать, что их работы представляют собой моделирование лексико-семантической подсистемы языка и не учитывают специфики идиоматических образований, в том числе и паремиологических. Устранение столь очевидного белого пятна требует прежде всего разработки методики лингвокогнитивного анализа на фоне сопоставительного анализа когнитивно-прагматических свойств пословиц близкородственных языков. Это, в свою очередь, требует не только уточнения базовых понятий когнитивной лингвистики с целью их применения к паремиологическому фонду русского языка, но и обоснования новых когнитивно-прагматических категорий. Это позволит открыть путь к лингвокогни-тивному моделированию паремиологических единиц, являющихся, наряду с фраземами, основным средством репрезентации косвенно-производной языковой картины мира. В русле такого исследования приобретают новое осмысление метафорические механизмы конституирования паремий. Это важно прежде всего потому, что в традиционной паремиологии, обращая внимание на метафоричность пословицы, не раскрывается специфика пословичной метафоры, которая может быть вскрыта с помощью таких категорий, как «фреймовая модель пословицы», «провербиальный код», «паремиологический прототип», «когнитема» и др.

Введение первого понятия позволяет выделить в когнитивной структуре паремий разные ее уровни и подуровни, описать динамику их взаимодействия как на этапе формирования пословиц, так и в коммуникативно-прагматической реализации их когнитивно-дискурсивного потенциала. Специфика пословичной метафоры обусловливается особенностями когнитивной структуры паремии. Для её описания вводятся понятия *когнитемы* и *провербиального кода*, синергетически объединяющие в себе лингвокреативные смыслы когнитивной и культурологической природы. Такой подход позволяет увидеть этнокультурную специфику паремий даже в тех случаях, когда пословично-поговорочные речения близкородственных языков кажутся идентичными. При тождественности их когнитивной структуры открываются их скрытые лингвокультурологические особенности и, наоборот, культурологическая идентичность может порождаться разными когнитивными процессами. Благодаря такому подходу становится понятной специфика паремий аллегорического типа – одного из самых распространённых в русском провербиальном пространстве.

Векторы исследования когнитивной структуры паремий – схемы репрезентации предметно-чувственного опыта в их смысловом содержании – могут быть двунаправленными. В центре внимания ***первого направления*** находится индивид, постигающий мир, или языковая личность. В таком случае моделирование когнитивной структуры не может не использовать теорию языковой личности, что позволяет уяснить работу механизмов усвоения говорящими паремиологического фонда, продуцирования и восприятия ими пословиц, а также раскрыть роль ког-

нитивных структур в процессе порождения, переработки информации и хранения её в языковом сознании в виде смыслового содержания паремий. В связи с тем, что когнитивные структуры паремий – образования идеальные, средством объективации служит анализ их лингвокогнитивные аналоги, такие как (а) когнитивная модель понимания связного текста Т.А. ван Дейка и В. Кинча, (б) пропозициональная структура строения памяти Дж. Андерсона и Дж. Бауера, (в) ментальная модель Ф. Джонсона-Лэрда. На основе этих лингвокогнитивных образований осуществляется понимание, умозаключение и принятие решений при употреблении и восприятии паремий. Ментальная модель Ф. Джонсона-Лэрда напоминает ментальное пространство Ж. Фоконье. Обе категории явно взаимодействуют в процессе возникновения паремий. Поэтому понять сущность такого взаимодействия – значит получить доступ к скрытым механизмам концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения паремий, представляющих различные типы этнокультурного знания. Важным подспорьем для такого рода исследований могут служить экспериментальные приёмы. Более того, экспериментальное подтверждение правильности моделирования когнитивной структуры паремии, отражающей специфику провербиального смыслового содержания, является важным условием создания когнитивно-прагматической теории современной паремиологии, направленной на осмысление того, что происходит в языковом сознании говорящего в момент возникновения паремий. Проведённые исследования убеждают, что когнитивные механизмы универсальны, поэтому осуществляемое в них моделирование этих механизмов даже не предполагает учёта этнокультурных особенностей близкородственных языков.

В фокусе исследований, осуществляемых в рамках ***второго направления***, находятся когнитивные структуры, ретроспективно восстанавливаемые на основе анализа дискурса, в рамках которого они вербализуются. При этом становится более доступной национально-культурная специфика репрезентации действительности провербиальными единицами того или иного языка. Обнаруживается общее и особенное в способах и средствах провербиальной концептуализации в разных языках, моделируются отдельные фрагменты языковой картины мира. Такого рода подходы реализуются в работах Н.Н. Кирилловой, Т.В. Топоровой, Е.С. Яковлевой, Н.Н. Семененко и др. В данном направлении органично сопряжены собственно семасиологический анализ и лингвокультурологические и этнолингвистические изыскания. При этом не стоит резко противопоставлять первое и второе направления: они не только не противоречат, но и предполагают друг друга.

В процессе совмещения двух подходов новым содержанием наполняются основные понятия когнитивной паремиологии: «категория», «мыслительная категория», «когнитивная структура», «когнитивная модель», «ментальная модель», «концептуальная схема», «фрейм», «сценарий», «пропозициональная сеть» и др. Несмотря на специфику каждого из названных понятий, их объединяет понятие категоризации, без которого невозможно восприятие, понимание и упорядочение действительности, образующей концептосферу того или иного языка. Именно в ходе категоризации новый опыт сопоставляется с уже зафиксированным этноязыковым сознанием и включается в соответствующий когнитивный блок, или категорию. При этом, как отмечает Э. Рош, границы между когнитивными категориями размыты, сами категории неоднородны. В центре категории находятся ее типич-

ные представители, позволяющие достаточно легко отличить одну категорию от другой. Категориальные признаки периферийных единиц могут существенно видоизменяться [Rosh 1978: 36]. Понятие «категория», понимаемое в общем плане, можно применить как родовое ко всем остальным вышеперечисленным единицам представления знаний. В целом указанные выше понятия, отражающие структуры представления знания, в значительной степени используются как синонимы, хотя и могут отличаться по степени сложности своей внутренней организации или степени обобщенности. Воспользуемся в качестве рабочего понятием «когнитивная структура», которое в современной когнитивной лингвистике используется достаточно часто и широко как при анализе крупных информационных блоков, так и при рассмотрении информации, заключенной в одном предложении. Это понятие можно определить как некую схему представления знания, соотносящуюся с языковыми категориями, хотя с точки зрения Н. Хомского противопоставление когнитивных и языковых структур некорректно, так как язык представляет собой одну из когнитивных структур [Chomsky 1983: 33-35]. Эту точку зрения поддерживают В.Б. Касевич [Касевич 1989: 10-11], Р. Лангакер [Langacker 1987: 12-13] и др. Согласно нашей концепции ближе к истине те исследователи (С.Д. Кацнельсон, Р. Джекендофф, Ч. Филлмор), которые полагают, что языковые и когнитивные структуры представляют собой две отдельные, хотя и взаимосвязанные формы репрезентации знаний. Их нельзя отождествлять уже хотя бы потому, что, как в своё время доказывал Л.С. Выготский, часть процессов мышления и речи совпадает, образуя сферу речевого мышления, но речевое мышление всё же не исчерпывает ни всех форм мысли, ни всех форм речи.

При таком подходе вербализованные, языковые, знания делятся на (а) собственно *языковые*, ограниченные рамками соответствующей языковой системы, и (б) *дискурсивные*, представляющие собой открытый формат, по информационному объёму значительно превосходящий собственно языковые. Открытость дискурсивных знаний предполагает сопряжение в семантике паремий языковых и экстралингвистических знаний, которые в когнитивно-семантической теории провербальных образований (пословиц, поговорок, загадок) не только не противопоставляются, но и являются прямым объектом исследования, отличающимся высоким уровнем этноязыковой синергетики. Синергетика провербиальных единиц создаётся слиянием двух предполагающих друг друга энергетических потоков: (а) семантического (энергетики языковой семантики) и (б) смыслового (энергетики когнитивной семантики). В её эпицентре обычно находятся те провербиальные компоненты-когнитемы, которые обозначают бытовые реалии (одежда, украшения, денежные единицы, музыкальные инструменты и т.д.), (б) компоненты-онимы (антропонимы, топонимы): рус. *наварила, напекла Акулина на Петра*; *наготовить, как на Маланьину свадьбу;* укр. *вискочити як Пилип з конопель*; *за царя Панька, як земля була тонка*; *Химині кури* (*розводити*) ‘говорить несуразности’; (в) названия явлений и предметов духовной культуры, ритуалы, традиции: *пустить козла в огород*, укр. *наче кобила в спасівку* ‘кивать головой’; (в) слова коннотативно-номинативного характера, характеризующиеся этнокультурной обусловленностью интенсионала своих лексических значений. Такие слова отражают специфический этнокультурный вектор закреплять за анималистическими названиями разные когнитемы (*свинья* – амер. ‘грубиян’, ‘жадина’; русск. – ‘неряха, грязну-

ля'). Ср.: рус. *кому свинья (прибыль), а нам семья; свинья в ермолке*; *не свиным рылом лимоны нюхать*, *свинью подсунуть* (*подложить, подпустить*) *кому*; укр. *свині не до поросят, коли її смалять* (*патрають*); *коли б свині роги* 'опасно давать власть деспоту'; *у свинячий голос* 'несвоевременно'.

Изучение когнитивно-прагматического дискурса порождения и функционирования провербальных образований, отражающих менталитет народов с разными национально-культурными традициями, позволит выявить особенности их дискурсивной природы, связанной со спецификой восприятия, познания и интерпретации действительности, характером её отображения и членения мира в той или иной языковой картине мира.

Использованная литература:

Савенкова, Л.Б.: *Взаимосвязь фразеологического и паремиологического уровней языковой системы: деривационный и функциональный аспекты*. In: Мир русского слова и русское слово в мире. Т. 2. София 2007, с. 268-272.

Семененко, Н.Н.: *Языковой и когнитивный аспекты механизма формирования обобщённого значения пословицы*. In: Языки и транснациональные проблемы : материалы 1 Междунар. научн. конф. (22-24 апреля 2004 г.). Москва-Тамбов 2004, с. 279-284.

Rosh, E.H.: *Principles of Categorization*. In: Rosh E. H., Lloyd, B.B.: Cognition and categorization. Hillsdale 1978. P. 27-48.

Langacker, R.W.: *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press 1987.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Харри Вальтер
Германия, Грайфсвальд

О РУССКО-НЕМЕЦКОМ СЛОВАРЕ ПОСЛОВИЦ

Motto:
Баран не околица, а глупая речь не пословица.
[Снегирев 1848: 477]
Добрая пословица не в бровь, а прямо в глаз.
[Разумов 1957: 121]

Abstract:
This paper concerns the problem of making the Russian-German dictionary of proverbs. The dictionary is based on the material of the group of researchers in St.-Petersburg, who are working on a Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs. The Russian-German dictionary will have etymologies of the Russian Proverbs and the parallel idioms from the Slavonic and West-European languages.

Key words:
Proverb, Russian-German, dictionary, equivalents, problems, etymology, word-list, the history of the term Proverb, sources.

Пословицы и поговорки издревле интересуют всех, кто неравнодушен к живому народному Слову. В них отразился опыт, граненый веками и передаваемый из уст в уста, из поколения в поколение. И в русской, и в немецкой книжной и литературной традиции пословицы пользуются особым авторитетом.

Популярность этого малого жанра фольклора не случайна: ссылка на пословицу подытоживает смысл сказанного, придает ему особую доказательную силу, заставляет запомнить особо важную мысль. Именно поэтому пословицы во всем мире любовно собирались и собираются любителями «красного слова», книжниками, филологами, ораторами, фольклористами.

Немало занимались пословицами и ученые-фольклористы, этнографы, литературоведы, лингвисты. Если в прошлом веке основной целью изучения пословиц и поговорок было познание «духа народа», то теперь многих интересуют и чисто языковые особенности этих единиц, их употребление в художественной речи, взаимодействие с фольклорным фондом других народов, проблемы перевода на другие языки.

С течением времени менялась и точка зрения на термины *пословица* и *поговорка*. И число терминов для обозначения соответствующих фольклорных единиц уже в конце XVII — первой половине XVIII вв. превышало несколько десятков. Терминологические разночтения вызывало смешение понятий «пословица» и «поговорка». Прежде (как, впрочем, и в современном обиходном употреблении) их не различали. Конечно, и сейчас не все ученые и собиратели пословиц и поговорок используют эти термины традиционно [Ďurčo 2005: 20-32].

В составляемом нами русско-немецком словаре пословиц описываются как образные, так и безобразные пословицы. Последние именуются не поговорками, а пословицами. Включение их в словарь оправдано той дидактической ролью, которую они издревле играют наравне с пословицами образными. Ср. нравственную ценность таких безобразных пословичных рекомендаций, как *Учиться — всегда пригодиться*; *Труд кормит, а лень портит*; *Ученье лучше богатства*. Несмотря на то, что образа в них нет, их афористичность, ритмичность и смысловая ёмкость делает их пословицами, вполне адекватными образным — типа *Ученья корень горек, да плод сладок*; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* или *Ученье — свет, а неученье тьма*.

Авторы настоящего словаря, следовательно, термин пословица понимают традиционно – как законченное образное или безобразное изречение, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией.[1] Поговорки же, понимаемые авторами как фразеологизмы в узком смысле слова, из корпуса словаря исключаются.

Корпус составляемого «Русско-немецкого словаря» складывался постепенно, с ориентацией на интерес немецких студентов, гимназистов, преподавателей русского языка и переводчиков к русской паремиологии. Основным критерием отбора материала служило употребление пословиц в произведениях русских писателей XIX-XXI вв., подкрепленное регулярной употребительностью в художественной литературе и публицистике. Частотность пословиц экспериментально корректировалась опросом учащихся и студентов. Основу словаря составляет сводная паремиологическая картотека Санкт-Петербургского университета, составленная членами Фразеологического семинара при Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина и насчитывающая свыше 500 тысяч карточек. В наш словарь вошло около 500 пословиц.

Цель «Русско-немецкого словаря пословиц» – последовательно отразить основные характеристики избранных русских пословиц в зеркале немецких паремиологических эквивалентов. Инструментом предлагаемого описания стала дифференциация пословичного корпуса по двум основным параметрам: 1) параметру употребительности (или частотности) и 2) параметру эквивалентности (или соотносимости немецкой пословицы с описываемой русской).

Первое отличие представлено 3 группами пословиц, маркируемых в словаре соответствующими условными обозначениями:

★ – актуальные
🗣 – понятные, но не очень употребительные
🕮 – понятные, но малоупотребительные.

Второе отличие представлено 3 другими группами пословиц, маркируемых в словаре соответствующими условными обозначениями:

= тождества
≈ эквиваленты с близким образом
≠ эквиваленты с не близким образом.

Ср. лексикографическое воплощение такой группировки в конкретных словарных статьях:

БОГ
★ **Бережёного [и] Бог бережёт**. *Жуков 1966, 43-44.* С
≈ ★ **Vorsicht ist besser als Nachsicht.** Kožemjako *1997, 3; Zwilling 2001, 20; Anutei 1978, 164.*
≈ ★ **Vorsicht ist die Mutter der Weisheit** (scherzh. **der Porzellankiste).** *Frey 1988, 67; Zwilling 2001, 20; Anutei 1978, 164.*
≈ 🗣 **Vorsorge verhütet Nachsorge.** *Anutei 1978, 164; Simrock, 11064.* Dän.: *Forvidenhed spør tidinger.* Frz.: *Qui de loin se pourvoit, de près jouit.* Holl.: *Voorzorg komt achterzorg vóór. It.: Colpi proveduti, fan no manco male. Wander 4, 1703.*
≈ 🕮 **Wenig Vorsorge, viel Nachsorge.** *Mhd.: Je minner sorge, ie groezer vâr. Wander 4, 1703.*
≈ 🕮 **Besser Vorsorge als Nachsorge.** Dän.: *Bedre at have forsorge end eftersorge. Wander 4, 1702.*
≈ 🗣 **Der bessere Teil der Tapferkeit ist Vorsicht.** *Zitate 2003, 463.* (nach W. Shakespeare).

Одно из основных отличий нашего Словаря от словарей предшественников – стремление по возможности полно представить в нем культурологическую и историко-этимологическую информацию о русских (и частично немецких) пословицах. Нужно сказать, что условия для реализации этого параметра были созданы в русской паремиографии относительно недавно. Такая работа во многом стимулировалась составлением справочников «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» [БМС 2005], и «Большой словарь крылатых слов русского языка» [БМШ 2000], а в эквивалентной части – составлением справочника «Почему немцы так говорят?» [Вальтер, Мокиенко 2007]. Благодаря самостоятельным разысканиям и обращению к имеющемуся опыту историко-этимологического анализа русских и европейских паремий составители предлагают читателю немало справок о происхождении и культурологическом фоне русских и пословиц.

Историки культуры справедливо видят в пословицах один из ценных источников изучения нашего прошлого. Одна из первых книг о русских пословицах – книга И. Снегирева «Русские в своих пословицах», изданная более чем полтора века назад [Снегирев 1848] – ставила перед собой именно такую цель. До сих пор еще идет поиск объективной методики этимологического анализа пословиц: зачастую погоня за историческими и этнографическими фактами препятствует строго языковой аргументации достоверности той или иной гипотезы. И тем не менее многие пословицы уже расшифрованы достаточно достоверно, чтобы служить надежным путеводителем по лабиринтам русской национальной культуры.

Для большинства русских пословиц в Словаре приводятся ряды иноязычных параллелей, демонстрирующих европейскую основу и межъязыковой универсализм исходных паремиологических образов и структур. Ср. славянские и другие пословичные параллели к пословице *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*:

★ **Лучше синица в руках, чем журавль в небе.** *Жуков 1966, 214, 301-303; Мелерович, Мокиенко 1997, 653-656; ШСП 2002, 222-224.*
= ★ J **Lieber (besser) ein Spatz (den Sperling) in der Hand als die Taube auf dem Dach.** *Frey 1988, 13; Fritz 2003, 39.* Engl.: *A bird in [the] hand is worth two in the bush.* Lat.: *Plus valet in manibus passer quam sub dubio grus.* Poln.: *Lepszy wróbel v ręku niź sokół (cietrzew, bażant) na sęku. // Lepszy grosz dany niż złoty obiecany.* Tschech.: *Lepší vrabec v hrsti, nežli holub na střeše. Schmelz 1990, 55.* In einer Berliner Zeitung las man 1864: Besser ein Commissionsrath in der Hand, als ein rother Adler auf dem Dache. Frz.: *Il ne faut jamais quitter le certain pour l'incertain.* It.: *E meglio un fanello in gabbia che un falcone in campagna.* Lat.: *Capta avis est melior, quam mille in gramine ruris.* Ung.: *Jobb ma egy veréb mint sem holnap egy túzok. Wander 4, 669.*
= 🕮 **Besser ein Spatz in der Hand, als ein Kranich, der fliegt, über Land.** *Wander 1, 330.*
= 🕮 **Besser ein Sperling in der Hand, als ein Rebhuhn im Strauche.** *Wander 1, 330.*
≈ 🕮 **Besser ein Vogel im Bauer als [denn] Tausend in der Luft.** *Kožemjako 1997, 19.*
≈ 🗣 **Ein Vogel in der Schüssel ist besser als zehn in der Luft.** *Fink-Henseler 1996, 576.*
≈ 🕮 **Besser eine Grundel auf dem Tisch als im Teich ein großer Fisch.** *Fink-Henseler 1996, 262.*
≈ 🕮 **Lieber eine Laus im Kraut als gar kein Fleisch.** *Kožemjako 1997, 19.*
≈ 🕮 **Haben ist gewiss, Kriegen ist miss.** *Kožemjako 1997, 19.*

Эквивалентная и сопоставительная часть словаря служат также и более углубленной семантизации описываемой русской пословицы, расширяют ее ассоциативные рамки. Таким образом, вся структура словаря подчинена задаче комплексного описания русских пословиц в зеркале немецких и европейских паремиологических параллелей. Читатель, осознающий и любящий русское образное Слово, сможет тем самым не только просветить его рентгеновским лучом своего родного языка, но и убедиться, что «загадочная русская душа» широко открыта не менее загадочным душам других народов Европы.

Примечания:

[1] Ср. принятое нами толкование пословицы и поговорки в кн.: Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А.: Словарь-справочник лингвистических терминов. М. 1985, с. 222, с. 211; Словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М. 1974, с. 276-277, с. 272-273.

Использованная литература:

Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова, С.Г.: *Большой словарь крылатых слов русского языка.* Около 4000 единиц. Русские словари, Астрель, АСТ. Москва 2000. (БМШ)

Бинович, Л.Э., Гришин, Н.Н.: *Немецко-русский фразеологический словарь.* Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. второе, испр. и доп. «Русский язык». Москва 1975.

Бирих, А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.: *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник.* Издание 3-е, исправленное и дополненное. Около 6000 фразеологизмов. Под ред. доктора филол. наук, проф. В.М. Мокиенко. М.: «Астрель», «АСТ», «Люкс» 2005. (БМС)

Вальтер, Х., Мокиенко, В.М.: *Почему немцы так говорят? (Загадки немецкой фразеологии).* Greifswald 2007.

Даль, В.И.: *Пословицы русского народа.* Т. I-II. Москва 1984.

Разумов, А.А.: *Мудрое слово: русские пословицы и поговорки.* Государственное издательство детской литературы. Москва 1957.

Снегирев, И.М.: *Русские народные пословицы и притчи, изданные И.М. Снегиревым с предисловием и дополнениями*. Москва 1848.
Ďurčo, P.: *Sprichwörter in der Gegenwartssprache*. Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Trnava 2005.
Walter, H: *Sprichwörter sind die Münze der Nation. Oder: Sprichwörter breiten sich überall aus*. // Die Ukraine zwischen Ost und West. Rolf Göbner zum 65. Geburtstag. Greifswalder Ukrainistische Hefte. Heft 4. Hrsg. v. U. Jekutsch und A. Kratochvil. Shaker Verlag. Aachen 2007, 220-245.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ренее Гренарова
Чехия, Брно

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ С ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ И С СОЮЗОМ *КАК* В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Abstract:
The article analyses some Russian and Czech fixed comparisons with the conjunction as and with adjectives. The author also analyses and researches into classifications of the components of the comparisons. The analysis considers the evaluation of a functionally-stylistic and emotionally-expressive distinction, i.e. connotative elements of phraseological meaning.

Key words:
Russian and Czech languages, phraseology, idioms, comparisons, conjuction as, adjectives, classifications.

Фразеология представляет собой раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему в ее современности и историческом развитии. Фразеологические обороты русского языка привлекали внимание его исследователей давно и под различными названиями (речения, крылатые слова, афоризмы, пословицы и поговорки, выражения, обороты речи, идиомы, идиоматизмы и т. д.). Они объяснялись как в специальных сборниках, так и в толковых словарях начиная с конца 18 века.

Фразеологические обороты – это устойчивые сочетания, состоящие из двух или больше слов. Возникновение фразеологизмов относится к далекому прошлому. Они дошли до нас, хотя их мотивация с течением времени стала неясной. Фразеологизмы отличаются устойчивостью и их смысловая и формальная связь настолько тесна, что отдельные слова теряют самостоятельное значение и их надо понимать как одно неделимое целое. Й.В. Бечка [Bečka 1979: 322] отмечает три типа фразеологических оборотов:

1) Интенсификационые фразеологические обороты;
2) Глагольные фразеологические обороты;
3) Конкретизационные фразеологические обороты.

Они отличаются содержанием, формой, объемом употребления и эффективностью. Устная и письменная речь часто требует усиления или ослабления значения

слов. Этого можно достигнуть употреблением интенсификационных фразеологических оборотов, например, словного сравнения (*белый как мел, сильный как бык, volný jako pták, silný jako tambor*), устойчивого сравнения с именем прилагательным или с наречием (*драная кошка, воронено-черный, mravenčí píle, slepě důvěřovat*), сравнения с именем существительным (*талия в рюмочку, po zuby ozbrojený, bačkoru tomu rozumí*).

Наше внимание направлено на первый тип фразеологических оборотов, компонентами которых является имя прилагательное, союз *как* и имя существительное, например: *круглый как арбуз, пугливый как заяц, zelenej jak sedma, zmrzlý jako preclík*. Таким образом мы называем качества или свойства на основе общего признака, характерного для человека, животного, предмета, явлений природы и т. п. Доклад рассматривает проблематику интенсификации сравнительных оборотов с именами прилагательными и с союзом *как* в русском и чешском языках.

Компоненты сравнительной конструкции в чешском и русском языках можно выразить следующим образом: Cd – R – Tc – C – Ct (Cd – comparandum, R – relator, Tc – tertium comparationis, C – comparator, Ct – comparatum). Правая сторона сравнительной конструкции не ограничена, встречаются здесь имена существительные, имена прилагательные, числительные и глаголы. Например: *тихий как мышка, ходить как потерянный, быть на седьмом небе, стоять как громом пораженный, zkroucenej jako paragraf, chodit jako svázaný, cpát se jako čtyři, lže jako když tiskne*. Из вышеприведенного вытекает, что нами рассматриваемые обороты возникли трансформацией из более полных и общих структур глагольных (в чешском языке, напр., *ten sládek je tlustý jako sud*). Общий признак – имя прилагательное – относится к существительному, дополняемому контекстом, и к существительному, являющемуся основой конструкции, на правой стороне оборота.

Сравнительные обороты можно рассматривать самостоятельно или в контексте. Тогда мы говорим о «внутреннем» или «внешнем» контексте. С этим связана проблематика синонимичных оборотов. Сравнительные конструкции можно разделить на несколько групп по существительному на правой стороне оборота:

1) Сравнительные зоосемантические конструкции, напр.: *упрямый как баран/ осел/ козел – tvrdohlavý jako beran/ osel/ mezek; живучий/ влюблена как кошка – odolný (životaschopný)/ nezmar jako kočka, 'po uši zamilovaná', hluchý jako tetřev*.

2) Сравнительные обороты с названиями предметов анорганической природы, напр.: *тонкий как паутина – tenký jako pavučina, сладкий как патока/ мед – sladký jako cumel/ cecek/ med, красный как медный самовар, vožralej/ namazanej jako kára*.

3) Обороты с названиями растений, напр.: *стройный как береза/ кипарис – urostlý jako jedle, скромная как лилия – skromná jako fialka/ chudobka, крепкий как орех, красный как свекла, kyselý jako šťovík, opilej/ nalitej jako slíva*.

4) Обороты с именами людей и топонимами, напр.: *пьяный как сапожник – opilý jako Dán, толстый как боров/ бочка – tlustý jako bača/ sud (soudek), черный как трубочист, длинный как коломенская верста, chytrý jako žid, černý jako mouřenín, velký jako Brno*.

5) Обороты с абстрактными и архаическими названиями, напр.: *страшен/ дурен как смертный грех – ošklivý/ šeredný jako noc, худой как щепка/ нитка – hubený jako lunt, (комната) большая как сарай – (místnost) velká jako ratejna, dlouhej jako pracovní den/ týden/ týden před výplatou, protivnej jako činže.*

В сравнительных оборотах чаще всего встречаются названия тех животных, которых человек очень хорошо знает, напр., собака, свинья. Конструкции с названиями животных часто включаются во внешний контекст с лексемой «человек». Они называют физические, нравственные и психические свойства человека.

Некоторые фразеологизированные компоненты – существительные на правой стороне оборотов – сочетаются во внутреннем контексте с большим количеством имен прилагательных. Когда они называют свойства из одного семантического поля физических, психических или нравственных свойств, можно говорить об однородных членах – о членах с одним (общим) значением, напр.: *кроткий как овечка, тихий как овечка.* Многозначные члены вступают в связь с прилагательными из разных семантических рядов, напр.: *ленив как сивый мерин, глуп как сивый мерин.*

Зоосемантические фразеологизированные компоненты мотивированы свойством, которым животные отличаются, напр.: *ловкий как обезьяна/ кошка/ вьюн/ пантера* – ловкость, юркость. Приведенные конструкции являются синоминичными, во внешнем контексте могут свободно заменять друг друга. Сравнительный оборот *гол как сокол* является типично русской конструкцией, возникшей на русской почве из сравнения со старинным стенобитным орудием «сокол», представлявшим собой совершенно гладкую чугунную болванку, закрепленную на цепях.

В большом количестве сравнительных оборотов мы встречаем названия предметов из области анорганической природы. Это, например, названия *алебастр, башня, мед, стелька* и т.п. Когда сравнивается типично человеческое свойство с выше описанными предметами, мы говорим о немотивированных фразеологизированных компонентах, напр.: *глупой как пень, пьяный как стелька, трезвый как стеклышко* и т.п. Конструкции *глупой как пробка* и *глупой как дерево* являются синонимичными. Существует синонимичность между мотивированными и немотивированными членами.

Колокабильность, т.е. способность связываться с внешним контекстом, у разных оборотов не всегда одинакова. Например, имя прилагательное «длинный», описывает размер и вступает в связь с разными существительными. Возникают конструкции: *длинный как кишка/ кедр/ телеграфный столб/ коломенская верста* и т.п. Во внешнем контексте первый сравнительный оборот относится к комнате, к коридору, к большому предмету, но никогда не может относиться к человеку. Констркуция *высокий как башня* может относиться к человеку, дому, дереву, т.е. к именам существительным из разных семантических рядов. Типично русскими конструкциями являются обороты *красный как медный самовар, плоский как блин*, чешский язык эти конструкции не употребляет.

Значение фразеологии в русском и чешском языках большое, особенно в последнее время фразеология получает новый аспект. Сравнительные обороты – яркое стилистическое средство, они могут сделать речь сильной и красочной, образной и убедительной. Сравнения оживляют язык, при их помощи он становится более сочным и эмоциональным.

Использованная литература:

Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И.: *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Ростов-н/Д. 1996.
Горбачевич, К.С.: *Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке*. М. 2004.
Даль, В.И.: *Пословицы русского народа I, II*. М. 1989.
Зимин, В.И., Ашурова, С.Д. и др.: *Русские пословицы и поговорки. Учебный словарь*. М. 1994.
Ковалева, С.: *7 000 золотых пословиц и поговорок*. М. 1999.
Михельсон, М.И.: *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. В 2 т. М. 1994.
Мокиенко, В.М., Николаева, Е. К.: *Структурно-семантическая и стилистическая систематизация польских и русских сравнений*. In: Synteza w stylistyce slowiańskiej. Opole 1991, s. 149-156.
Молотков, А.И.: *Фразеологический словарь русского языка*. М. 1986.
Огольцев, В.М.: *Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии*. Ленинград 1978.
Орлова, В.И.: *Фразеологические обороты со сравнительными союзами*. In: Русский язык в школе, 1966, № 3, с. 83-90.
Снегирев, И.М.: *Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах*. Н. Новгород 1996.
Телия, В.Н.: *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. М. 2006.
Bečka, J.V.: *Slovník synonym a frazeologismů*. Praha 1979.
Čermák, F. a kol.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání*. Praha 1983.
Fink, Ž.: *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb 2006.
Mokienko, V., Wurm, A.: *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc 2002.
Mrhačová, E.: *Názvy zvířat v české frazeologii a idiomatice (Tematický frazeologický slovník I)*. Ostrava 1999.
corpora.yandex.ru – корпус Центра лингвистической документации
heckel.sfb.uni-tuebingen.de/cgi-bin/korkoi8.pl – Корпусы русских текстов в Тюбингене
www.inforeg.ru/concord/index.htm – Словарь языка Грибоедова
www.karelia.ru/~Dostoevsky/main.htm – Весь Достоевский
www.sfb441.uni-tuebingen.de/bl/rus/korpora.html – Тюбинг. корпусы русских текстов
www.slovari.ru/lang/ru/ – Русские словари

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Катаржина Дембска
Польша, Торунь

ЖЕНЩИНА В ОБЩЕМ ЖАРГОНЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (ПОПЫТКА СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОПРОСА)

Abstract:
This paper presents names of women in Russian slang in sociolinguistic perspective. The author discusses the relationship between language and reality and tries to analyse these names in connection with situation of women in Russia today. In this article the author proposes to research into discussed problems in the other slavonic languages in order to compare them with Russian language.

Key words:
Women in Russia, Russian slang, language and reality, sociolinguistic, situation of women, names of women.

В последние годы в русских средствах массовой информации всё чаще появляется тема положения женщины в постперестроечном русском обществе. Все эти материалы посвящаются проблеме дискриминации женщин на работе, их зарплаты, составляющей 64 % заработка мужчины в такой же должности [см.: Bielecki 2006], или безработицы женщин с высшим образованием. Однако множество публикованных информаций затрагивает также тему унизительного отношения и домашнего насилия против женщины. Проблема становилась настолько серьёзной, что интерес к ситуации женщин в России проявила правозащитная организация Международная Амнистия (дальше МА).

Отношение к женщине у каждой нации обусловлено традицией и культурой. Известно, что в России издавна патриархальный строй и «мужская» культура. Включение России в разряд стран с мужской культурой объясняется хотя бы тем, что в культурах этого типа – как подчёркивают социологи – у мужчин сильнее позиция в обществе, больший доступ к структурам власти и возможность контролировать поведение женщин [см.: Chybicka, Kaźmierczak 2006: 135]. Все эти элементы наблюдаются и в российском обществе, но следует добавить – как и в других обществах, поскольку матриархальный строй и культура сегодня в мире не встречаются.

Часто, однако, забывается, что важным компонентом культуры каждого народа является язык. Настоящие рассуждения касаются именно современного русского

языка и встречаемых в нём названий женщин. Материалом для исследований послужил общий жаргон (сленг) русского языка, поскольку именно здесь наиболее ярко отражаются языковые изменения. Жаргон даёт огромные описательные возможности, а его часто метафорический характер позволяет соединять или смешивать разные образные прототипы, передавать информацию не только о языке, но также о культуре. Конечно, надо помнить, что многие лингвисты относятся к жаргону как к узкой, специализированной, часто нежеланной отрасли языка. Учитывая этот подход, можно сомневаться, является ли жаргон представительным материалом для такого рода исследований. Надо, однако, помнить о немалом количестве работ по влиянию жаргона на литературный язык и доказательствах, что он – в особых моментах общественно-политической ситуации – потоком проникает в официальный язык.[1]

Стоит подчеркнуть, что в настоящей статье имеется в виду и более существенный вопрос, а именно проблема воздействия языка данного общества на восприятие и оценку этим обществом окружающего мира. Придерживаясь точки зрения Яна Бодуэна де Куртенэ, что не только наше мышление формирует язык, но противоположное направление также допустимо [цит. по: Karwatowska, Szpyra-Kozłowska 2005: 254], можно принять тезис, что язык в какой-то степени формирует культуру и – по словам Э. Сапира – реальный мир в значительной мере бессознательно построен на языковых обычаях (навыках) данной группы носителей языка [см.: Hawkes 1998: 36].

Исследуя названия женщин в русском общем жаргоне,[2] стоит подчеркнуть интересную многозачность этих выражений. Оказывается, что их можно разместить по следующим группам:

1. Выражения с одновременным значением «женщина» и «проститутка», например: *бороха, калле, киса, кобра, кожа, кобыла, красючка, лялька, мара, марьяна, маруха, метла, млёха.*[3]
2. Выражения со значениями: «женщина», «женский половой орган» или «задница», например: *балалайка, булка, Вагина Клиторовна, колода, котлета, кошёлка.*
3. Выражения со значениями: «женщина», «гомосексуалист» или «лесбиянка», например: *двустволка.*
4. Выражения со смешанными перечисленными выше значениями, например: *маруся* (женщина/ лесбиянка, гомосексуалист/ женский половой орган), *жучка* (женщина/ проститутка/ женский половой орган), *машка* (женщина/ проститутка/ женский половой орган/ менструация).

Рассмотрев вышеуказанные примеры, можем прийти к выводу, что женщина всё чаще ассоциируется с проституткой, органами телесного низа, физиологическими процессами или сексуальным меньшинством. Так что не будет преувеличением тезис о пейоративизации русским сленгом названий женщин,[4] а вслед за тем – о его возможности передавать унизительное отношение к женщине.

Среди жаргонных выражений появляются и такие, которые ставят женщину в один ряд с предметом, подарком, игрушкой, например: *канашка* – положительное определение симпатичной девушки, но также название предмета и подарка. Девушку или сожительницу в жаргоне называют также *забавой* или *игрушкой*, так

что по жаргонной лексике функция современной женщины в обществе имеет скорее всего развлекательный характер.

Интересным может оказаться замечание по поводу слова *кадр* и образованного от него существительного женского рода *кадра*: первое из них несёт значение «человек», «мужчина» – второе же: «девушка», «любовница», «подруга», но значение «человек» при нём уже не перечисляется.

Подчинённость женщины по отношению к мужчине видна и по выражениям, называющим половой акт. Как пример следует проанализировать ряд предикатов, называющих совокупление, совершаемое мужчиной. Рядом с этими предикатами стоят названия женщин, выполняющие роль аргументов – объектов, на которые направлено действие (конечно, предикаты являются по крайней мере двухаргументными), например: *Брать/взять кого-л., вдуть кому-л., вставить пистон кому-л., завафлить кого-л., качать кого-л., пилить кого-л., пихать кого-л., пульнуть кого-л., пырнуть кого-л., сунуть кому-л., тараканить кого-л.*

Названия же полового акта, совершаемого женщиной, также подчёркивают её подчинённость, поскольку женщина или *кому-л. даёт* или *кому-л. отдаётся*. Из вышеуказанного вытекает, что названия полового акта часто представляют женщину в качестве предмета мужской деятельности.

Встречаются, конечно, в русском языке (в его литературном варианте и жаргоне) названия полового акта, где роль объекта, на который направляется акт, могут выполнять названия обоих полов, например: *быть с кем-л., встречаться с кем-л., выспаться с кем-л., пихаться с кем-л., пилиться с кем-л., почикаться с кем-л., слипаться с кем-л., спать с кем-л.* Кроме двух выражений, остальные из перечисленных выше представляют собой возвратные глаголы. Это замечание является настолько важным, что отсутствие постфикса *-ся* может вести к переходу выражения в разряд предикатов, обозначающих половой акт, совершаемый мужчиной. Такое происходит в случае слов: *пилить(ся), пихать(ся), пульнуть(ся), пырнуть(ся).*

Несомненно, выражения, принадлежащие русскому сленгу, в большинстве представляют женщину в невыгодном свете, прежде всего отождествляя её с объектом сексуальных утех. Следует, однако, чётко подчеркнуть, что такое наблюдается и в других славянских языках (хотя б в польском и чешском). Сравнительный анализ (на который, к сожалению, на страницах настоящей статьи – по техническим требованиям – нет места) кажется здесь обязательным, чтобы уйти от тенденциозной оценки проблемы. Однако остаётся фактом, что МА почему-то занялась женской проблемой именно в России. На страницах опубликованных этой организацией материалов можем между прочим прочитать, что *каждый день 36 тысяч женщин в Российской Федерации избиваются мужьями или партнёрами. Каждые 40 минут женщина погибает в результате домашнего насилия* [www.amnesty.org.ru/pages/ruseur460192003]. Российские социологи, которые пытаются найти причину этой трудной ситуации, подчёркивают влияние вооружённых конфликтов на психику сегодняшнего российского мужчины (за последние годы ассоциация семей солдатов, возвращающих из Чечни, всё чаще просит помощи у психологов и совета, как справиться с агрессией дома).[5] Это, конечно, только один элемент этой сложной, актуальной и тонкой российской проблемы.

В жаргонных выражениях, несомненно, трудно найти положительные[6] характеристики женщин, хотя к таким можно отнести существительное *бабочка*, которое передаёт образ женщины, как нежной, мягкой, эфирной. Таких названий однако минимальное количество. Красивая женщина, например, определяется как *красючка*, но трудно это название отнести к одобрительной характеристике (см. элемент *сючка*).

Подытоживая эти рассуждения, ещё раз стоит напомнить о сходствах русского языка с другими языками мира в этой области. Поэтому интересным могла бы оказаться попытка сравнительного анализа концепта женщины, передаваемого избранными языками.

Примечания:

[1] См., например: Крысин, Л.П.: *Взаимодействие литературного языка и некодифицированных подсистем*. In: Ширяев, Е.: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. *Русский язык*. Opole 1997, s. 29-43; Колесов, В.В.: *Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра*. Москва 1998; Елистратов, В.С.: *Арго и культура*. In: *Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.)*. Москва 2000, с. 574-683.

[2] Термин *общий жаргон* я употребляю за: Ермакова, О.П., Земская, У.А., Розина, Р.И.: *Слова с которыми мы все встречались: толковый словарь общего жаргона*. Москва 1999. Однако, не вступая в чисто терминологические дискуссии, употребляю и термин *сленг*.

[3] Все примеры жаргонных выражений по: Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г.: *Толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург 2000.

[4] Такое явление замечается и в польском. См.: Karwatowska, M., Szpyra-Kozłowska, J. 2005: 22.

[5] См.: T. Bielecki, Gazeta Wyborcza. In: ww.neww.org.pl./pl.php/news/news/1.html?&nw=1932&re=1.

[6] Конечно, можно разделять точку зрения, что жаргон вообще не даёт никаких положительных характеристик. Однако можно в нём найти и немало примеров с пометой «*одобр.*». Она часто встречается при названиях алкогольных напитков, состояний после употребления наркотиков или при названиях человека или животного, доставляющих приятные эмоции.

Использованная литература:

Bielecki, T.: *Kobiety w Rosji nie chcą bronić swoich praw*. In: Gazeta Wyborcza 07-03-2006 (www.oska.org.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=151&Itemid=154).

Chybicka, A., Kaźmierczak, M.: *Kobieta w kulturze – kultura w kobiecie*. Kraków 2006.

Hawkes, T.: *Strukturalizm i semiotyka*. Warszawa 1998.

Karwatowska, M., Szpyra-Kozłowska, J.: *Lingwistyka płci. Ona i on w języku polskim*. Lublin 2005.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Кира Дубровина
Россия, Москва

СЛОВАРЬ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ЕГО СОСТАВЛЕНИЯ)

Abstract:
The article introduces the idea of compiling a dictionary of Russian Bible's phraseology. The criteria for selection of the material are determined, the content and the structure of the dictionary entry are examined. The selection of entries is given as examples, including header Bible phraseological units, stylistic notes, illustrations, as well as etymological and linguo-cultural commentaries.

Key words:
Dictionary of Russian Bible's phraseology; dictionary content; dictionary entry; the structure of a dictionary entry; etymological and linguo-cultural commentaries.

Судьба библейской фразеологии русского языка (фразеологических единиц, восходящих по своему происхождению к Библии и связанных с её образами, сюжетами, текстами) весьма необычна и даже драматична.

Будучи широко распространённой во всех сферах языка до 1917 г., библейская фразеология значительно сократилась в объёме и утратила былую употребительность за годы советской власти, во времена атеистической пропаганды и запрета Библии и других религиозных книг. В результате многие библейские фразеологизмы (БФ) утратили свою мотивированность, так как потеряли связь с хорошо известными прежде библейскими сюжетами и образами, а потому стали забываться и исчезать из языка.

Однако с началом перестройки, когда были сняты все запреты и ограничения, в обществе вновь возник интерес к книгам Священного Писания и к библейской фразеологии, причём не только среди специалистов-филологов, писателей, журналистов, книгоиздателей и других деятелей культуры, но и среди широкого круга россиян. Поэтому сейчас назрела настоятельная необходимость создания наиболее полного словаря библейской фразеологии.

Конечно, русская библейская фразеология была отражена в лексикографических трудах как дореволюционного, так и советского периода (см., например, сло-

вари М.И. Михельсона, В.И. Даля, Н.С. и М.Г. Ашукиных, В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой и др.), но в них библейские обороты разбросаны по разным словарям, построенным по весьма отличным друг от друга принципам, а потому в них представлена очень разнородная информация.

За последние 5 – 10 лет стало выходить довольно много словарей библеизмов. См., например, словари Н.Г. Николаюк, Л.М. Грановской, М.А. Загота, Л.А. Ракова, Л.Г. Кочедыкова и др. Каждый из этих словарей имеет много несомненных достоинств, но они не лишены и существенных недостатков, как, например, отсутствие стилистических помет, примеров на употребление БФ, дифференциации фразеосемантических вариантов многозначных БФ и др.

Наиболее интересным и информативно насыщенным является словарь Н.Г. Николаюк «Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник». СПб. 1998. Однако, наряду с указанными выше недостатками, в нём можно отметить ещё и следующее: в него не включены многие из широко известных и употребительных библеизмов (например, *беден как Лазарь, петь Лазаря, добрый самаритянин, каменное сердце, скрежет зубовный, со страхом и трепетом* и др.), а кроме того, этот словарь выполнен с уклоном в богословие, а не в лингвистику и культурологию, как хотелось бы.

Исходя из сказанного, представим свою концепцию словаря библейской фразеологии.

I. Этот словарь включает в себя устойчивые, воспроизводимые и, как правило, наделённые экспрессивностью и эмоционально-оценочными характеристиками библейские обороты. По структуре они делятся на непредикативные сочетания, т.е. собственно фразеологизмы, и предикативные единицы (пословицы, афоризмы, крылатые изречения и т.п.). В состав словаря не входят библеизмы-слова, т.е. лексические единицы, представляющие собой в основном имена собственные – антропонимы, топонимы и т.п.: Адам, Ева, Каин, Ной, Соломон, Ирод, Хам, Иуда; Вавилон, Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Иерихон, Иордан и т.д.

II. В словарь включены не только активно употребляемые в современном русском языке обороты, но и устаревшие (*взыскующие града, гробы повапленные, вопиять гласом велиим, купель Силоамская* и др.), так как в XIXв. и даже в начале XXв. они были востребованы и встречались в разных стилях литературного языка и использовались в разных жанрах художественной литературы.

III. Словарная статья, как и положено, начинается с заголовочного БФ, который представлен в его различных узуальных вариантах (если таковые имеются) – лексических (в круглых скобках), формальных (в квадратных скобках), факультативных (в угловых скобках). Например: **Заснуть (почить, уснуть) вечным (мёртвым, могильным, непробудным, последним, смертным) сном; Сложа [сложив, сложивши] руки; Добрый (милосердный) самаритянин [самарянин]; Десять <библейских> заповедей** и т.п.

IV. После заголовочного БФ даются стилистические пометы: сначала указывается общестилевая принадлежность БФ (например, *книжн., разг.*), затем более

конкретная характеристика книжного стиля (например, *публ.*), и, наконец, следует указание на эмоционально-экспрессивную окраску данного оборота (например, *высок., одобр., неодобр., ирон., шутл.*).

V. Далее следует толкование данного выражения, а затем – иллюстративный материал (примеры на употребление). При этом сначала приводятся примеры из художественной литературы, публицистики, научных и эпистолярных произведений XIX – XXвв., а затем – из современных СМИ. Если БФ многозначный, то примеры даются к каждому значению, т.е. после каждой дефиниции. Например:

Дар Божий. *Книжн.*
1. Нечто самое дорогое, ценное, необходимое, дарованное Богом.
♦ В тюрьме и в путешествиях всякая книга есть *Божий дар*... и покажется вам занимательна, как арабская сказка. *А.С. Пушкин*. Путешествие из Москвы в Петербург.
2. Выдающиеся способности, талант, дарование.
♦ Ему был дан ... *дар Божий* – сильный, красивый голос. *В.А. Солоухин*. Капля росы.
3. *Устар.* Хлеб.
♦ Он [Овсянников] почитал за грех продавать хлеб – *Божий дар*. *И.С. Тургенев*. Однодворец Овсянников.

В иллюстративном материале отражаются не только общеупотребительные, но и индивидуально-авторские варианты БФ. Например:

Превратиться в соляной столп [столб].
♦ ... Поручаешь исследовать прекрасную женщину, как будто б она была *соляной обломок* Лотовой жены... *А.А. Марлинский*. Испытание.

VI. Следующая часть словарной статьи – этимологический комментарий, в котором указывается, к какому библейскому тексту или сюжету восходит данный БФ, приводятся соответствующие цитаты, даются необходимые пояснения (исторические, географические, этнографические и др.). Так, например, историко-географический комментарий к статье *Содом и Гоморра* выглядит следующим образом:

- Выражение восходит к библейскому преданию о двух городах, погрязших в распутстве и уничтоженных за это огнём и серным дождём, посланными с неба Господом. *Содом* (‘горящий’) и *Гоморра* (‘погружение, потопление’), входившие вместе с городами Адма, Севоим и Сигор в пятиградье земли Ханаанской, были расположены «в долине Сиддим, где ныне море Солёное» (Быт. 14:3). Сиддимская долина некогда была цветущей, хорошо орошаемой равниной, «как сад Господень» (Быт. 13:10). Солёное море греки и римляне называли Асфальтовым по обилию находящейся в нём горной смолы, или асфальта, а арабы – морем Лота. Это самое большое озеро западной Азии длиной почти 11 км, шириной около 3 км и глубиной около 400 м. В настоящее время оно известно под именем Мёртвого моря, так как из-за огромной концентрации соли в нём почти полностью отсутствует органическая жизнь. С севера в Мёртвое море впадает река Иордан, а

в юго-восточной части в него вдаётся низменный мыс, к югу от которого озеро резко мельчает, достигая глубины не более 4-5м. Некоторые географические и исторические источники указывают на то, что эта мелкая южная часть озера покрывает уничтоженные небесным огнём города Содом, Гоморру, Адму и Севоим.

Рассказ о гибели Содома и Гоморры, по-видимому, имеет под собой исторически достоверные корни, так как вполне соответствует природным особенностям южной части Мёртвого моря. Местность эта, хранящая следы вулканической деятельности, изобилует месторождениями серы, нефти и газа, а также вся изрыта «смоляными ямами» (Быт. 14:10) для добывания асфальта. При землетрясении в результате воспламенения нефтяных и газовых источников вполне могла произойти описанная в Библии катастрофа.

VII. В ряде словарных статей приводятся лингвистические комментарии, в которых говорится об особенностях формы, семантики, употребления БФ, об изменении их в русском языке и т.д. Например:

Под спуд (класть, прятать). *Книжн.*
В скрытое, потаённое место, куда-либо подальше.

- Выражение восходит к высказыванию Иисуса, в котором Он призывает Своих учеников служить обществу и людям, неся им свет истины. Нельзя *зарывать свой талант в землю, класть, прятать его под спуд,* но следует использовать все свои духовные силы и знания во благо людям: «Вы – свет истины. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, *не ставят её под сосудом,* но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца нашего Небесного» (Мат. 5:14-16). См. также притчу о зажжённой свече: «Никто, зажегши свечу, *не покрывает её сосудом,* или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет» (Лук. 8:16; см. также Лук. 11:33; Мар. 4:21).

  В др.-рус. языке и церк.-слав. варианте Библии *спуд* означал '**сосуд**, который использовали для тушения пламени свечи, светильника'. В переносном, метафорическом значении, которое зафиксировано в 1794 г. в «Словаре Академии Российской», *спуд* – 'скрытое место, тайник'. В «Толковом словаре» В.И. Даля *спуд* – '**сосуд**, кадочка или ведёрко как мера сыпучих тел'.

  В современном русском языке слово *спуд* является устаревшим, но широко используются производные от него: прилагательное *подспудный* ('скрытый, спрятанный, потаённый'), наречие *подспудно* ('внутренне, в глубине души, сознания') и фразеологические обороты: *под спуд* (класть, прятать); *под спудом* (держать, оставлять, хранить; оставаться, лежать); *из-под спуда* (вынимать, доставать, извлекать).

VIII. В некоторых словарных статьях приводятся сведения о произведениях изобразительного искусства, сюжеты и названия которых связаны с соответствующими БФ. Например, «Блудный сын», «Возвращение блудного сына», «Кающаяся Магдалина», «Что есть истина?», «Явление Христа народу» и др. Так, в основе известного автопортрета Рембрандта с Саскией (1835 г.) лежит притча о блудном сыне, который «... расточил имение своё, живя распутно»

(Лук. 15:13). Живописец изобразил себя с бокалом в руке и свою жену Саскию, сидящую обнажённой у него на коленях (Майкапар 1998, 180-181).

IX. В ряде словарных статей указаны синонимы или антонимы заголовочных БФ, а также делаются отсылки к тематически близким словарным статьям.

Таким образом, основная задача данного словаря – представить наиболее полную этимологическую и лингвокультурологическую информацию по каждому включённому в него библейскому фразеологизму.

Использованная литература:

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Перепечатано с Синодального издания. Изд. 2-е. М. 1988.

Майкапар, А.Е.: *Новый Завет в искусстве*. М. 1998, с. 180-181.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Йоланта Игнатович-Сковроньска, Йоланта Митурска-Бояновска
Польша, Щецин

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСЛОВИЦ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Abstract :
The object of description are proverbs functioning in contemporary Polish literature. According to research they undergo various formal transformations. Some of the transformations produce a modification of the proverbs' semantics.

Key words:
Phraseology, proverb, innovation.

Объектом наших исследований являются пословицы, функционирующие в прозаических произведениях польских писателей конца XX века. Мы учитывали лишь тексты тех авторов, творческая деятельность которых начинается не раньше 1989 года. Общественно-политические изменения, которые произошли в то время в Польше, оставили свой отпечаток также в истории литературы. В конце 80-х гг. исчерпались темы и художественные приемы, характерные для литературы предыдущего периода (1977-1989 гг.). В конце 80-х гг. в творчестве многих писателей появляются новые мотивы, темы, техники, которые стали началом т.н. молодой польской прозы [Czapliński 1997: 112].

Центральное место в наших наблюдениях отведено анализу трансформаций пословиц, обнаруженных в текстах художественной литературы указанного периода. С целью их характеристики мы использовали широко распространенную в польском языкознании типологию фразеологических инноваций, автором которой является С. Бомба. Следует подчеркнуть, что польский языковед фразеологической инновацией считает любое отклонение ФЕ от фразеологической нормы, которая, в свою очередь, находит фиксацию в нормативных словарях. В зависимости от того, какой характер имеют изменения во ФЕ, С. Бомба выделяет соответственно несколько типов инноваций: пополняющие, модифицирующие и расширяющие.

Пополняющими инновациями считаются ФЕ, которые функционировали до сих пор за пределами языковой нормы. К ним относятся внешние и внутренние заимствования, а также неологизмы.

Модифицирующие инновации, в свою очередь, возникают в результате преобразования нормативных ФЕ на уровне лексики или/и морфологии. Обновление фразеологизма происходит путем чередования, расширения, сокращения компонентного состава ФЕ, в результате объединения двух или более фразем, а также путем модификации их грамматической категории, например, категории числа, вида, залога или в результате словообразовательных процессов.

Расширяющие инновации, как их называет С. Бомба, возникают в результате изменения, расширения лексико-семантической сочетаемости фразеологизма с ненормативными компонентами [Bąba 1989: 46].

С грамматической точки зрения пословица имеет структуру предложения (простого или сложного) и в связи с этим не подвергается таким изменениям, в результате которых появляются расширяющие инновации [Lewicki 2003: 156]. За пределами нашего внимания остаются также пополняющие инновации. Следовательно, анализу подверглись лишь модифицирующие и семантические инновации.

Пословицы вводятся в тексты современной художественной литературы относительно часто. На страницах свыше 200 произведений мы нашли около 230 единиц. Паремии в художественных текстах служат типичным средством стилизации произведения под разговорную речь, индивидуализации языка героев. Несомненно, такую функцию выполняют инновации. Наш иллюстративный материал насчитывает 90 паремий – модификационных инноваций. В единицах такого типа преобразования происходят на уровне лексики и связаны с заменой, пополнением или сокращением их компонентного состава. В нашем материале в количественном отношении преобладают инновации, в которых происходит замена одного компонента пословицы другой лексемой, напр.: *Nauka nie poszła w las* > *Muzyka nie poszła w las* [Filipiak 1995: 239]. Реже встречаемся с одновременной заменой двух или более компонентов: *Nie od razu Kraków zbudowano* > *Nie od razu kość wykopano* [Kreutzinger 2003: 71].

Применение актуализаторов возможно или в определенном контексте или с целью повышения экспрессивности. Наглядным примером является инновация *Nadzieja matką wariatek* [Grochola 1997: 5], прототипом которой является пословица *Nadzieja matka (matką) głupich*. Замена нейтральной лексемы *głupi* стилистически окрашенным существительным *wariatka* усиливает экспрессивный характер преобразованной единицы и придает высказыванию разговорный оттенок.

В некоторых случаях именно контекст, конкретная обстановка способствует замене компонентов. В результате трансформации канонической пословицы *Robota nie zając, nie ucieknie* появляется инновация *Listy nie zając, nie uciekną* [Grochola 2001: 68]. В данном случае замена компонента *robota* словом *listy* связана с конкретной работой, которую выполняет Юдифь – героиня рассматриваемого произведения К. Грохоли. Она работает редактором в одном из журналов и занимается перепиской с читателями. Иногда у Юдифи нет соответствующего настроения, чтобы этим заниматься, откладывает дела в долгий ящик. Тогда она оправдывает себя подходящими для этой ситуации словами *Listy nie zając, nie uciekną*.

Следующий тип преобразований, заключающийся в сокращении компонентного состава, так же как и упомянутый выше тип инноваций, не меняет коренным образом смыслового содержания пословицы. Он служит средством стилизации

под разговорную речь, для которой характерна экономия средств языкового выражения [Wilkoń 2000: 43].

Во многих случаях в пословицах со структурой сложного предложения сокращение компонентного состава связано с устранением одного из простых предложений: *O wilku mowa, a wilk pode drzwiami* > *O wilku mowa* [Szolc 2004: 12]; *Kiedy wejdziesz między wrony, musisz krakać jak i one* > *Kiedy wejdziesz między wrony* [Pisarzewska 2004: 18]; *Przyganiał kocioł garnkowi, a sam smoli (a obydwa smolą)* > *Przyganiał kocioł garnkowi* [Głębski 1998: 81]; *Czym chata bogata, tym rada* > *Czym chata bogata* [Tokarczuk 1998: 142-143]. Реже сокращение компонентного состава сводится к сохранению лишь осколка пословицы: *Strzeżonego Pan Bóg strzeże* > *Strzeżonego* [Bogusławski 2004: 118].

В художественной литературе широко распространены пословицы, в которых обнаруживаются и структурно-семантические преобразования, т.е. когда расширение компонентного состава паремии связано с одновременным преобразованием ее семантики. Таким образом обновляется не только ее экспрессивный характер, но также конкретизируется, уточняется или интенсифицируется ее смысловое содержание. Иннновация *Ściany mają uszy, a dzieci oczy* [Kosmowska 2002: 70] является результатом расширения компонентного состава канонической фразы *Ściany mają uszy* простым предложением *a dzieci oczy*. Преобразование структуры привело к уточнению, конкретизации значения пословицы (‘дети могут увидеть и услышать нежелательное’).

В некоторых паремиях расширение компонентного состава происходит путем распространения отдельных компонентов словами свободного употребления. Такой процесс способствует интенсификации канонического значения. Эффектом таких преобразований являются инновации: *Strach ma zbyt wielkie oczy* [Głębski 2000: 96] < *Strach ma wielkie oczy* и *Miarka się całkiem przebrała* [Zaremba 2004: 105] < *Miarka się przebrała*.

В наших материалах обнаруживаем единичный пример контаминации: *Pierwsze koty zawsze robaczywe* [Kreutzinger 2003: 22], которая является результатом объединения двух пословиц *Pierwsze koty za płoty* и *Pierwsze śliwki robaczywki*.

Согласно нашим наблюдениям, видно, что относительно часто преобразования происходят также на уровне морфологии и связаны со словообразовательными процессами, видовыми изменениями, а также с изменением внутренней структуры предложения. Структурные модификации произошли в инновациях: *Wyszło szydło z wora* [Blaut 2004: 17] < *Wyszło szydło z worka* (*wór* аугментатив лексемы *worek*); *Jak się mówi „a”, to trzeba powiedzieć „b”* [Zielonka 1998: 301] < *Jak się powiedziało „A”, to trzeba powiedzieć „B”* (замена глагола совершенного вида формой несовершенного вида); *Cierp ciało, jak się chciało* [Lachowicz 2000: 168] < *Cierp ciało, kiedy ci się chciało* (замена относительного слова *kiedy* компонентом *jak*).

Последний тип преобразований пословиц – полное изменение ее смыслового содержания – явление крайне редкое не только в кругу паремии, но также и среди фразеологизмов. В нашем материале переосмыслению подверглась фраза *Pierwsze koty za płoty*. Согласно традиции она имеет значение ‘pierwsza próba zwykle nie udaje się, początki są zawsze trudne’. В произведении В. Ляхович она появляется в следующем окружении: *Pokazuję maleńką zgrzewkę z białym proszkiem. Biorą cztery porcje, nie targują się o cenę, widocznie jest stała. Po chwili ławeczka pustoszeje.*

No, pierwsze koty za płoty! [Lachowicz 2000: 110]. Приводимый контекст показывает, что конструкция *Pierwsze koty za płoty* приобрела новое значение, а именно 'pierwszy krok mamy już za sobą'. Значение это, возможно, появилось под влиянием свободной синтаксической конструкции *zrobić pierwszy krok*.

В нашем выступлении мы пытались обратить внимание на трансформации пословиц в современной польской художественной литературе. Проведенный анализ подтверждает, что в текстах они подвергаются разного типа преобразованиям. Однако наиболее типичными являются модифицирующие инновации, окказионально преобразования связаны с полным изменением семантики пословицы. Все эти преобразования подчинены одной цели – стилизации под разговорную речь, индивидуализации языка героев а также изменениям в области экспрессивности единиц. Некоторые трансформации, как показывают примеры, связаны с модификациями в плане семантики пословиц.

Источники:
Blaut, M.: *Dolina-4*. Wydawca Blaut Marek, Katowice 2004.
Bogusławski, R.: *Modlitwa za skazańca*. Philip Wilson, Warszawa 2004.
Filipiak, I.: *Absolutna amnezja*. Wydawnictwo Obserwator, Poznań 1995.
Głębski, J.: *Kryminalista*. Wydawnictwo L&L, Gdańsk 2000.
Głębski, J.: *Kuracja*.. Wydawnictwo Znak, Kraków 1998.
Grochola, K.: *Nigdy w życiu!* Wydawnictwo W. A. B., Warszawa 2001.
Grochola, K.: *Przegryźć dżdżownicę*. Wydawnictwo W. A. B., Warszawa 1997.
Kosmowska, B.: *Teren prywatny*. Zysk i S-ka, Poznań 2002.
Kreutzinger, K.: *Ja, Puchacz*. Agencja Wydawnictw i Reklamy, EWO, Warszawa 2003.
Lachowicz , W.: *Przeklinam cię, ciało*. Wydawnictwo Dolnośląskie, Katowice 2000.
Pisarzewska, K.: *Wikta, ratuj!* Świat Książki, Warszawa 2004.
Szolc, I.: *Lęk wysokości*. Zysk i S-ka, Poznań 2004.
Tokarczuk, O.: *Podróż ludzi Księgi*. Wydawnictwo W.A.B., Warszawa 1998.
Zaremba, P.: *Plama na suficie*. Wydawnictwo W. A.B., Warszawa 2004.
Zielonka, J.: *Antypody*. Wydawnictwo Muza, Kraków 1998.

Использованная литература:
Бирих, А.К., Волков, С.С., Никитина, Т.Г.: *Словарь русской фразеологической терминологии*. Verlag Otto Wagner, München 1993.
Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М.: *Фразеологизмы в русской речи*. «Русские словари», М. 1997.
Bąba, S.: *Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny*. Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 1989.
Czapliński, P.: *Ślady przełomu. O prozie polskiej 1976-1996*. Wydawnictwo Literackie, Kraków 1997.
Lewicki, A.M.: *Studia z teorii frazeologii*. Oficyna Wydawnicza LEKSEM, Łask 2003.
Wilkoń, A.: *Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny*. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2000.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Руфия Мидхатовна Козлова
Россия, Москва

СЕМАНТИКА И МОДЕЛИРОВАНИЕ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО СЛОВОМ-КОНЦЕПТОМ «ГЛАЗА»

Abstract:
In the report the comparative analysis of Russian and Polish phrases with concept word "eyes" is submitted. The special attention is given to semantics, the internal form of phrases. The role of the concept word "eyes" in structure of phraseological value is examined. Productive structural-semantic models of phrasiologisms and types of interlanguage conformity are analyzed.

Key words:
Phraseologism, phrase-semantic groups, structural-semantic modelling of phraseologisms, concept, eyes, semantic, comparative analysis.

Соматическая фразеология широко представлена в любом семантическом поле, которое вербализирует базисный концепт «Человек»: состояние человека, способности человека, внешность, возраст человека, отношения между людьми, физическая и речевая деятельность. «*Знания, получаемые через тело и фиксируемые соматической фразеологией, обнаруживают единство психической, душевной и телесной конституции человека*» [Горды 2002: 118]. Этнопсихологи и лингвокультурологи утверждают, что соматический код является базовым, основным, который стоит на первом месте среди кодов культуры, так как он наиболее древний из существующих.

Соматическая фразеология занимает особое место в системе фразеологии любого языка. Многие подобные единицы возникли в глубокой древности, так как человек начал изучать окружающий мир с познания своего тела.

Компоненты-соматизмы обладают большой фразообразовательной активностью, так как обозначают концептуально важные понятия для носителей языка. Соматизмы являются своеобразными общечеловеческими концептами, которые реализуют себя в составе ФЕ, в их образной основе. Концепт всегда соотнесен с определенной областью человеческого опыта. Такие слова отражают символическое осмысление реалий мира, могут закрепить общечеловеческое восприятие

предметов и событий, тогда возникает ФЕ с общим значением во многих языках. По нашим наблюдениям, ФЕ, в составе которых есть соматизмы, являются самыми моделируемыми и имеют разветвленную систему межъязыковых соответствий.

Во фразеологии чаще всего встречаются компоненты *голова, сердце, душа, глаза, уши, рука, нога, язык*. Общее количество фразеологизмов с этими компонентами пропорционально и сопоставимо во многих славянских языках.

Рассмотрим подробнее польские и русские фразеологизмы с продуктивным компонентом *глаз*. В русской и польской фразеологии компонент «глаз» имеет множество разновидностей: *глаза разбегаются, одним глазком, запускать глазенапы (прост.), проглядеть все глазоньки, продавать глазы (диал.), вращать белками (прост.), пялить зенки, чичи протаранить (жарг.), вылупить шары (прост.), в мгновение ока и др.; oczy wypłakać, być solą w oku, leżć w ślepia komuś, przewracać ślepiami, świdrować oczkami, wytrzeszczyć gały*. Естественно, что просторечные, жаргонные, диалектные варианты компонента *глаз* маркируют весь фразеологизм стилистически, делают его сниженным, грубым.

Слово *глаз* в значении «орган зрения» фиксируется в памятниках русской письменности с конца 16 – начала 17 веков. М. Фасмер отмечает, что русское *глаз «связано, очевидно, с польск. głaz «камень, скала», głaźny «гладкий, ловкий»* [Фасмер 1986: 409]. Древнерусское слово *глазъкъ* образовано от корня *-глад- (гладкий, гладить) с* помощью суффикса -зъ- и имело первоначальное значение «шарик, кругляш». На основе этого позднее образовалось диалектное слово «шары» в значении «глаза», польское gały. Это нашло свое отражение во фразеологии русского языка: *сорочьи шарики, вылупить шары, шары под лоб, wytrzeszczyć gały*.

В польском языке слово *głaz* имеет значение «скала, валун, камень», а в значении «орган зрения» закрепилось общеславянское слово *oko*. В современном русском языке это слово является устаревшим и чаще становится компонентом устаревших и книжных фразеологизмов (*недреманное око, в мгновение ока, беречь как зеницу ока)*.

Семантика фразеологизмов с компонентом-соматизмом непосредственно связана с функцией органа или части тела человека или животного, обозначаемого данным соматизмом. Так, фразеологизмы с компонентом *глаз* называют человека по его зрительным особенностям, т.е. по его способности правильно оценивать, распознавать кого-либо или что-либо, по его проницательности: *меткий глаз, наметанный глаз, ненаметанный глаз, опытный глаз, doświadczone oko, wprawne oko, niezawodne oko, mieć dobre oko*. В подобных фразеологизмах у соматизма *глаз* развивается новое значение, а именно, название части тела переносится на целый предмет, т.е. на человека. Таким образом, в семантической структуре фразообразующего соматизма содержится сема «человек»: *опытный глаз* или *глаз наметан* – так говорят об опытном человеке. Глаза могут заменять человека или восприниматься как живое существо. Глаз (глаза) подобно человеку может отдыхать, радоваться, обманывать, говорить, забегать, загореться (*глаз отдыхает, глаз радуется, глаза забегали, глаза говорят, глаза загорелись, глаза обманывают, глаза потухли, oczy świecą się, oczy kleją się)*. Большинство фразеологизмов с компонентом *глаз* связаны как с самим органом зрения, так и со способностью человека видеть и воспринимать окружающую действительность. Так, во фразеосемантической группе (ФСГ) «Обман» ярко проявляет себя концепт «глаза». Чтобы обмануть

человека, нужно воздействовать на глаза, т.е. лишить способности хорошо видеть, мешать адекватно воспринимать мир. Поэтому продуктивной фразеологической (или структурно-семантической – ССМ) моделью является «ослеплять + глаза = обмануть»: *затемнять глаза кому, закрывать глаза кому, ослеплять глаза кому чем, втирать глаза кому, замазывать (замазать) глаза кому, заливать глаза кому, заслепить (заслеплять) глаза кому, темнить глаза кому; tydlić (zatydlić) oczy komuś, zaślepić oczy komuś, sypnąć w oczy komuś*.

По ССМ «бросать (ставить) + что + в глаза = обмануть» построены ФЕ: *туман в глаза напустить кому, подпустить туману в глаза кому, надевать (надеть) шоры на глаза кого, пускать (пустить) пыль в глаза кому, подпускать пыли кому; puszczać komu tumany w oczy, w oczy puszczyć mydło, zasypać oczy komu piaskiem, rzucać piaskiem w oczy, stawiać komu ambalki na oczy, dym w oczy puścić, puszczać blichtry w oczy*.

В качестве ослепления, затемнения обманщик использует пыль, туман, шоры, piasek, tuman, mydło.

Семантическую модель «мешать зрительному восприятию» наблюдаем и во ФСГ «нервировать кого-либо»: *как (будто, словно, точно) бельмо в глазу, как (будто) спица в глаз, być solą w oku*. Во ФСГ «Надоедать кому-либо» также выявлена модель: «находясь очень близко, мешать зрительному восприятию = надоедать, постоянно находясь рядом, стараясь быть замеченным»: *вертеться на глазах (перед глазами); настрять в глазах (диал.); мозолить (намозолить) глаза кому-либо, лезть в глаза, вертеться перед глазами, sterczeć komu przed oczyma, leżć w oczy, leżć w ślepia komuś*. Когда человек постоянно находится перед глазами, это в конце концов надоедает, утомляет. Вариантом этой модели является модель «быть + чем-то мешающим + в глазах = надоедать»: *быть бельмом в глазах, być solą w oku*. Во ФСГ «злиться, показывать свой гнев» выделяется ССМ «смотреть зло + глазами = злиться»: *колоть глазами кого-либо, сверкать глазами на кого-либо, полоснуть глазами (взглядом) кого-либо (прост.), łypać (łypnąć) na kogo oczami, łypać (łypnąć) na kogo ślepiami (прост.)*. В польском и в русском языках есть фразеологизмы с этим же значением, но без компонента *глаза*, хотя указывается на функции органа зрения: *смотреть косо, чертом глядеть, смотреть зверем (волком), смотреть как удав на кролика, patrzeć na kogo wilkiem, poglądać na kogo jak wilk na owce* и др.

Глаза – это орган зрения, «смотрения», именно поэтому во фразеологии отражена способность глаз (зрачков) к движению: *обвести глазами, смерить глазами, таращить глаза, отводить глаза* и т.д. Глаза можно закрывать, открывать, смыкать, таращить, выпучить, zamknąć, otworzyć; ими можно моргать, хлопать, вращать, обводить, стрелять, пожирать, pożerać, strzelać, zerkać, zawracać, latać, wybałuszyć, mrygać. Неслучайно большинство русских и польских фразеологизмов с компонентом *глаза* входят во ФСП «Действия человека». Например, продуктивна ФСГ «смотреть внимательно, неотрывно»: *не сводить глаз, пялить глаза, вылупить шары (груб.-прост.), mieć oczy otwarte, wytrzeszczyć ślepia, wpierać się ślepiami*.

Внутренняя форма подобных фразеологизмов прозрачна. Мы их часто используем в речи, в художественной литературе можно встретить приемы трансформации, обыгрывания внутренней формы ФЕ, например: в юмористическом рассказе Теффи «Два Вилли» ярко обыгрывается ФЕ *играть глазами*:

«... та села с ним рядом и, не имея возможности играть в рулетку, играла глазами, плечами и фальшивыми бриллиантами».

А в рассказе Теффи «Свой человек» талантливо обыгран фразеологизм *видеть невооруженным глазом:*

«В прошлом году, говорят, расстреляли одного учителя за то, что он очки носил...
– Ему говорят: «Снимите очки». А он говорит: «Я, мол, ничего не могу невооруженным глазом». Вот его за вооружение глаз и расстреляли».

Концепт *глаза* реализует в составе фразеологии еще несколько своих сем. Так, В.А. Маслова отмечает: *«Солнце и луна в мифологиях многих народов считались глазами могущественного божества. С этой мифологемой связаны фразеологизмы хозяйский глаз (надежный присмотр за чем-либо), без глаза (без присмотра)»* [Маслова 2001: 133]. Трудно сказать, насколько тесно связаны эти ФЕ с солнцем и луной, но очевидно, что в подобных фразеологизмах (*не сводить глаз, на глазах* и др.) реализуется еще одно языковое значение слова *глаза* «надзор, присмотр». В польском языке это значение слова отражается во ФЕ *pod czyimś okiem, mieć oczy otwarte, mieć oczko, nie spuszczać z oka*. Кроме того, глазам *«приписывается таинственная магическая сила»* [Маслова 2001: 133]. Действительно, третье значение слова *глаза* словарь Д.Н. Ушакова толкует так: *«Только со словом дурной или без него. В суеверных представлениях – таинственная магическая сила зрения, взгляда, являющаяся источником зла»* [Ушаков 1935: 566]. Это значение концепта реализуется во ФЕ *дурной глаз, недобрый глаз поглядел, глаз нечист (диал.), с глаза пропадающий (диал.)*.

Итак, концепт *глаз-око* широко отражен в русской и польской фразеологии, имеет большое количество разновидностей, обладает богатой выразительностью, играет важную роль в формировании фразеологического значения. Рассматриваемые фразеологизмы входят в несколько продуктивных фразеосемантических полей: действия человека и их характеристика, отношения между людьми, состояние человека, качественная оценка лица, характеристика ситуации. Большинство русских и польских фразеологизмов со словом *глаза* эквивалентны между собой (полностью или частично), построены по одинаковым продуктивным структурно-семантическим моделям.

Использованная литература:

Горды, М.: *Человеческое тело: окультуренная телесность во фразеологии современного русского и польского языков*. В: Слово. Фраза. Текст. М. 2002. С. 115-125.

Маслова, В.А.: *Лингвокультурология*. М. 2001.

Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. М. 1935.

Тэффи, Н.А.: *Юмористические рассказы*. М. 1990.

Фасмер, М.: *Этимологический словарь русского* языка. Под ред. и с предисловием проф. Б.А. Ларина. В 4-х т. Т.1. М. 1986. С. 409.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Елена Королёва
Латвия, Даугавпилс

ЛАТЫШСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ИХ РУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Abstract:
The article examines proverbs from Latgale Old Believers' language and their analogues in Latvian. The idioms are supplied with necessary cultural commentary and context. The Russian material is recorded by author from present-day Latgale Old Believers and orthodox family natives of Pytalovo (Pscov region). The Latvian proverbs are quoted from dictionaries. In some cases the proverbs are completely identical because of close contacts between Russian and Latvian. In other cases only form of proverbs coincides but meaning is different. The divergence of form may be explained by compression and ellipse of Russian proverbs.

Key words:
Russian, Latvian, dialects, proverbs, comparison, variants, specific character, key words, word *life*.

В эпоху приоритета антропологических исследований интерес к пословицам вполне закономерен, поскольку *«пословица – это изречение, которое в сжатой форме излагает народные верования и воззрения как плод интуитивной философии народа и его многовекового житейского опыта»* [Фтичев: 169, цитир. по: Занглигер 2007: 14]. Интересен сам этот опыт с точки зрения универсальности и самобытности, мало изучены языковые способы его представления, образность и поэтика, этимология. Сравнительное изучение пословиц, к которому с полным правом можно было бы отнести и лингвогеографическое описание диалектных пословиц одного языка и близкородственных языков, открывает новые перспективы для дальнейших научных поисков. Так, важным аспектом паремиологических штудий при сравнительном анализе близкородственных языков являются поиски инвариантов, или «универсальных атомов смысла» (А. Вежбицкая).

Изучая взаимодействие русских и латышей в процессе их длительного совместного проживания на одной территории на материале диалектного языка русских, появившихся в Латгалии по официальной версии с 18 века, а реально еще раньше, мы пришли к выводу, что взаимодействие языков и культур наиболее ярко отразилось в сфере фразеологии [Королёва 2005]. Предметом нашего изучения является анализ соотносительных латышско-русских пословиц. Неразработанность вопроса

отграничения пословиц от фразеологизмов приводит к тому, что в лексикографической практике одни и те же единицы оказываются включенными как во фразеологические словари, так и в сборники пословиц. Латышская лексикография в этом отношении не является исключением. Мы не берем на себя решение этого сложного вопроса, а пользуемся материалом, представленным в сборниках латышских пословиц [LS], [LSP] и фразеологическом словаре [LKFL]. Русский материал собран нами на территории современной Латгалии (юго-восточная часть Латвии) и в Пыталово Псковской области (эта территория входила в состав Латвии до 40-ого года).

Б.Н. Путилов пишет о диалектной специфике фольклора: *«Она есть не наличие редких (или даже уникальных) форм, но скорее специфическая интерпретация общего, что в свою очередь представляет собой частный случай более общей вариативности народной культуры как ее неотторжимого качества»* [Путилов 1994: 145]. Русские и латышские пословицы могут не совпадать по образности, являясь носителями общего универсального смысла, они взаимодополняют друг друга, могут быть и полностью идентичными в случае калькирования, а могут совпадать по смысловому наполнению, имея расхождения в структуре и наборе лексем.

Все пословицы можно считать своеобразным кодексом народной жизни. Они *«не сочиняются, а вынуждаются силою обстоятельств»* [Даль 1999: 11]. Черпая образы из повседневной обыденной жизни, пословицы наполнены «реальными подробностями и деталями». Нерешенным является вопрос о том, почему, говоря о вполне конкретных вещах, пословица является отражением всеобщего знания, актуального для всех членов человеческого общества. Понятно, что пословицы – это суждения, поэтому они должны быть представлены в форме предложений. А вот подняться над действительностью им позволяют синтаксические структуры обобщенно-личных предложений с обобщенным субъектом и всевременными или вневременными глагольными формами. *«От конкретных деталей народного быта, в номинативном значении этих предложений, фольклорная традиция и речевая функция поднимают их на высокий уровень обобщения и дают основание видеть в этом типе пословиц регистровый вариант, совмещающий черты генеритивного и волюнтивного регистров»* [Золотова 2004: 448].

«*Категориальность культуры обнаруживается в словах, ставших ключевыми для языкового сознания той или иной эпохи* [Вендина 2004: 352]. Ключевые слова пословиц нагружены культурными коннотациями. В рамках статьи рассмотрим пословицы с ключевыми словами *жизнь, каша, цыган*. Наиболее философский взгляд на жизнь представлен в пословицах с ключевым словом *жизнь*. Жизнь отличается разнообразием, в речевом узусе русских, принято выражение *жизнь в полоску*. В латышском языке этот смысл заключен в пословицах с ключевым словом *raibs* ‘пестрый’: *cilvēka mužs raibs kā pupas zieds* <жизнь человека пестра, как цветок фасоли>, *cilvēka mužs raibs kā dzeņa vēders* <жизнь человека пестра, как живот дятла>, *cilvēka mūžs tik raibs kā dzenis* <жизнь человека пестрая, как дятел> [LS: 45], *dzenis raibs, bet cilveka mūžs vēl raibāks* [LSP: 282] <дятел пестрый, но жизнь человека еще более пестрая>, *mūsu dzīvība raibāka nekā puku ziedi* [LS: 64] <наша жизнь более пестрая, чем букет цветов>, *dzīve raiba kā cimds* [LSP: 282] <жизнь пестрая как варежка>, *nekur neiet tik raibi kā pasaulē* [LSP: 282] <нигде не получается так пестро, как в мире>. Национальную специфику отражает послови-

ца *dzīve raiba kā cimds* ‘жизнь пестрая как варежка’, поскольку варежки у латышей вяжут с национальным орнаментом из разноцветных ниток. Слово *raibs* ‘пестрый’ в русских говорах Латгалии употребляется очень активно: *Рябые такие* (олени). Зуи.

Mūžu nodzīvot ne lauku pāriet [LSP: 281] <жизнь прожить не поле перейти> – калька с русского языка. В говорах Латгалии и псковского пограничья, входившего до 40-ого года в Латгалию (Пыталовский район), широко распространена пословица *mūžu dzīvot ne maisu šūt* [LSP: 281] <жизнь прожить не мешок сшить> – *жизнь прожить – не мех сшить*. У старообрядцев *мех* ‘мешок’. Зафиксирован и более поздний вариант, возникший под влиянием литературного языка: *жизнь прожить – не мешок сшить*. Фольклорные записи более ранних экспедиций в Латгалию фиксируют пословицу *жизнь прожить – не мутовку облизать*, совершенно вышедшую, по нашим наблюдениям, из употребления в настоящее время. Сравним эти пословицы с архангельскими аналогами.

В архангельских говорах, судя по данным Архангельского областного словаря [АОС-13], представлены четыре варианта этой пословицы:

1. *Жизнь прожить – не ниткой шить./ Жизнь прожить – не нитка исшить*. Эти варианты наиболее близки латгальскому варианту *жизнь прожить – не мех сшить*, отличаясь от латгальского аналога актантами. Их образность основана на сопоставлении жизни с простейшими операциями и результатами шитья.
2. Варианты общенародной пословицы *жизнь прожить – не поле перейти* в архангельских говорах возникают вследствие варьирования глагола, существительного и управляемой падежной формы: *жизнь прожить – не поле переехать, жизнь пройти – не поле перебежать, век – не поле бежать, век жить – не в поле ехать*. Образность этих пословиц связана с локусом – местом, где трудится крестьянин.
3. Варианты связаны с преодолением водного пространства, являющегося во многих культурах символический границей между жизнью и смертью. *Жись-то жить – не река брести/ жись прожить – не реку брести*.
4. *Век прожить – не волок перейти. Жись-ту жить – не волок переехать* [АОС-5: 45]. *Волок* ‘место между водоемами, по которому перетаскивают по земле лодки и груз’, ‘отрезок пути, расстояние между двумя населенными пунктами’ [АОС-5: 45, 43]. Условно можно считать волок промежуточным локусом между полем и водой.

Таким образом, сфера жизни – это пространственная область между домом, полем и путем к воде, переход через которую и знаменует завершение жизненного цикла. Четыре локуса соответствуют четырем возрастным периодам жизни человека: детство (1), зрелый возраст (2), пожилой возраст (3), старость и смерть (4).

Ko pats vārīsi, to pats ēdīsi <что сам сваришь, то сам и будешь есть> [LKFV: 498], *kādu putru ievārīsi, tādu izstrēbsi* <какую кашу заварил, такую и выхлебаешь> ‘как замешал, так и выхлебаешь’ [LKFV: 389], *kādu putru vārīsi, tādu izēdīsi* < какую кашу сваришь, такую и съешь> [LSR: 191] – *хоть пересолить, но выхлебать* ‘совершить решительный поступок и пережить последствия’: *Бабушка говорила: «Хоть*

пересолила, но выхлебала» – про эту Дуньку-то! (едва не убила из-за ревности соперницу, но в результате вернула мужа). Пыт. [ДСОС,1: 50].

Как видим, в данном случае не наблюдается полного соответствия сопоставляемых пословиц. Во-первых, латышские пословицы имеют более широкое значение. Правда, в латышском языке отмечается пословица *kur nu putra bez sāls!* <какая каша без соли!>. Во-вторых, используются разные синтаксические структуры. В латышском языке местоименно-соотносительное придаточное предложение, в русском – противительно-уступительная конструкция. Значения 'сварить' и 'каша' в русском фразеологизме уходят в пресуппозицию, зато в структуру вводится глагол-конкретизатор с отрицательным значением *пересолить*. В говорах, кроме прямого значения, этот глагол имеет еще и переносное: 'совершить решительный поступок, противоречащий общественной морали'. Соль в народной культуре может не только использоваться как оберег, но и связываться с негативными коннотациями. «*Во время обеда на крестинах отцу ребенка давали ложку сильно подсоленной каши, чтобы он знал, как 'солоно и горько рожать'*» [Топорков 1995].

Maina kā čigāns zirgus [LS: 51] <меняет как цыган лошадей> *maina kā čigāns zirgus* 'меняет как перчатки; меняет как цыган лошадей' [LKFV: 113] – *менять как цыганы коней* 'очень часто менять': *Не ровные бабы, так и меняет как цыганы коней*. Згм. Эту же ситуацию отражает Архангельский областной словарь [АОС-13]: *Да вот живут, как цыган конями, всё меняют, мужиков всё меняют*. Пин. Квр. Это очень показательный контекст. Архангельские говоры находятся в значительном отдалении от говоров латгальских староверов, однако взгляд на цыган полностью совпадает и отражается в пословицах. Второй вариант этой пословицы зафиксирован у русских староверов в таком виде: – *как у цыгана лошадей* <много>. В этих пословицах отражается представление о цыганах как людях, любящих лошадей, имеющих много лошадей, ворующих лошадей и продающих лошадей, т.е. постоянно сменяющих их на новые.

Источники:

АОС – *Архангельский областной словарь*. Вып. 5. Москва 1987, вып. 13 (в печати).

ДСОС – Королева, Е.Е.: *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*. Часть 1, 2. Даугавпилс 2002.

LKFV – Caubuliņa D., Ozoliņa Ņ., Plēsuma A.: *Latviešu-krievu frazeologiskā vārdnīca*. Rīga 1965.

LS – Niedre, J. , Ozols, J.: *Latviešu sakāmvārdi un parunas*. Rīga 1955.

LSP – Kokare, E.: *Latviešu sakāmvārdi un parunas*. Rīga 1957.

Список мест записи диалектной речи: Зигманы (Згм.); Зуи; Псковская область: Пыталово (Пыт.); Архангельская область Пинежский район: Кеврола (Квр).

Использованная литература:

Вендина, Т.И.: *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. Москва 2002.

Даль, В.И.: *Пословицы русского народа*. Москва 1999.

Занглигер, В.: *Определение пословицы как перемиологическая проблема*. In: Болгарская русистика 2007, N 1-2. с. 5-30.

Золотова, Г.А.: *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва 2004.

Королева, Е.: *Фразеологические сравнительные конструкции в латышском языке и русских говорах Латгалии*. In: Valoda dažādu kultūru kontekstā. Valoda-2005. Zinātnisko rakstu krājums, XV . Daugavpils 2005.

Путилов, Б.Н.: *Фольклор и народная культура*. СПб. 1994.

Топорков, А.Л.: *Соль*. In: Славянская мифология. «Эллис лак» Москва 1995, с. 364-365.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ирина Кузнецова
Россия, Чебоксары

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПАРЕМИЙ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

Abstract:
Interlingual paremiological equivalents of varions types are considered in the article from the point of view of their usage in translation and paremiography, as well as in the comparative typological research and in teaching the second language.

Key words:
Paremie, identity, typology of paremiological equivalents, paremiography.

Единой дефиниции паремии (ПЕ) нет. Это и синоним термина *пословица* [Назарян 1987: 20], и «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, пригодное для употребления в дидактических целях», выступающее как родовой термин к терминам *пословица* и *поговорка* [Савенкова 2002: 67], но и присловья, загадки, афоризмы [Воркачев 1996: 17]; сентенции, крылатые выражения, прибаутки, выражения народного предсказания [Mlacek 1984: 125-134] – «малые фольклорные жанры, которые с точки зрения языка принадлежат к фразеологии, т.е. имеют характерные признаки фразеологических единиц (ФЕ)» [Mlacek, Ďurčo 1995: 97]. ПЕ могут быть национальными и интернациональными; идиоэтничное проявляется на фоне универсального. Установление межъязыковых ПЕ-эквивалентов разных типов важно в практике перевода и при изучении неродных языков.

Общепринятых терминов у ФЕ-эквивалентов нет. Выделяют эквиваленты – ФЕ, равноценные переводимым по смыслу, эмоционально-экспрессивной и стилистической окраске, с тождественными и приблизительно одинаковыми компонентами: рус. *Хороший товар сам себя хвалит*, укр. *Хороший товар сам себе хвалить*, бел. *Добры тавар сам сябе хваліць*, болг. *Добрата стока сама се хвали*, нем. *Gute Ware lobt sich selbst*; аналоги – ФЕ с полной или частичной заменой образа [Влахов 1986: 235]: рус. *Каждый повар (кухарка) свою стряпню хвалит*, бел. *Кожны старац сваю торбу хваліць*, *Кожны стралец сваю стрэльбу хваліць*; рус. *Всякая лисица свой хвост хвалит*, польск. *Każda pliszka* /трясогузка/ *swój ogon*

chwali, *Każdy ptak swe piórka chwali* и контекстуальную замену – применение при переводе ФЕ с иным составом лексем, но точно передающей смысл и стилистическую окраску переводимой ФЕ: рус. *выйти сухим из воды* и фин. *pasta kuin koira veräjästä* /выбраться как собака через калитку/. Есть и другие термины: моноэквиваленты (полные ФЕ-эквиваленты: рус. *Всякая птица свое гнездо любит*, болг. *Всяко птиче свойто гнездо обича*, англ. *Every bird likes its own nest*; рус. *Каждый повар свой бульон хвалит*, англ. *Every cook praises his own broth* и частичные – грамматические, лексические, ФЕ с разной образностью при тождестве смысла и стилистической окраски) и выборочные – ряд ФЕ-синонимов к переводимой ФЕ [Кунин 1967: 8–10]. Частичные ФЕ-эквиваленты определяют как отношения неполного (частичного) тождества – промежуточные ступени, существующие наряду с отношениями полного тождества и полного различия ФЕ [Райхштейн 1980: 24]. ФЕ-эквиваленты фиксируются в дву- и многоязычных словарях (общих, фразеологических, паремиологических).

Полные ПЕ-эквиваленты имеют тождество смысла, лексем и структуры: рус. *Всякая птица свое гнездо хвалит*; укр. *Кожда птиця своє гніздо хвалит*; болг. *Всяко птиче свойто гнездо хвали (гнездото си хвали)*; слвц. *Každý vták svoje hniezdo si chváli*. Гнездо – символ дома, семьи, поэтому так говорят о человеке, который доволен своим домом, независимо от того, хорош он или плох. Неполные грамматические ПЕ-эквиваленты обнаруживают полное тождество лексем при неполном структурном: нем. *Jeder Vogel lobt sein Nest*, что обусловлено особенностями синтаксиса (в немецком языке в повествовательном предложении глагол стоит на втором месте). Неполные лексические эквиваленты обнаруживают тождество структуры при частичном тождестве компонентов: ср. рус. *Всякая птица свое гнездо любит* с болг. *Всяко птиче свойто гнездо харесва* и нем. *Jedem (einem jemanden) Vogel gefällt sein Nest* (любить ≠ нравиться). Они часто относятся к одной тематической группе (в нашем случае – представитель фауны и место его обитания): нем. *Jedem Fuchs gefällt sein Bau* (птица ≠ лиса, гнездо ≠ нора) или варьируются по родо-видовому принципу – ср. приведенные выше ПЕ с рус. *Всякий кулик (всякая кукушка) свое гнездо хвалит*; укр. *Кожда сорока своє гніздо фалит*; болг. *Всякоя (всяка) лястовица* /ласточка/ *своето (свойто) гнездо хвали*.

Тождеством аспектной организацией обладают рус. *Каждый (всяк, всякий) кулик свое болото хвалит*; укр. *Кожний (усяк) кулик своє болото хвалить*; бел. *[И] кожны кулік сваё балота хваліць* – ‘каждый хвалит то, что ему хорошо знакомо, близко и дорого, является родным’. При тождестве конструкции образы могут различаться: укр. *Кожна жаба своє болото хвалить* и полным: рус. *Каждая курица свой насест хвалит*; при этом может быть и неполное тождество структуры: нем. *Jeder Fuchs lobt seinen Bau* /Каждая лисица хвалит свою нору/. На ПЕ как единицы вторичного образования влияют первичные системы (лексическая и грамматическая) => для отдаленно родственных и неродственных языков полные эквиваленты не совсем типичны. Поэтому при описании ПЕ-универсалий можно пренебречь их чисто грамматической спецификой, мало значимой прагматически и семантически. Важно, что ПЕ имеют общую относительно устойчивую структурно-семантическую модель с квалитативным или квантитативным варьированием компонентов, не влияющим на их семантику. Эти ПЕ объединяет образная модель «каждый представитель фауны свое жилище хвалит», в которой не всегда струк-

турно соотнесенные компоненты семантически эквивалентны, но все относятся к одной тематической группе. Но объем значения ПЕ может меняться: рус. *Всяк кулик свое болото хвалит* прежде связывали с местом, где живет человек, поэтому В.И. Даль в своем собрании пословиц поместил ее в рубрику «Родина – чужбина»; в XX в. ПЕ употребляют и в том случае, когда кто-нибудь расхваливает дело, которым занимается [Фелицына, Прохоров 1980: 36]. У белорусской ПЕ, судя по контекстам [Лепешаў, Якалцэвіч 1996: 107], этого значения нет => здесь неполное тождество совокупного сигнификативного значения за счет развития у русской ПЕ дополнительного признака.

Межъязыковая эквивалентность высока в ПЕ, близких в разных языках по функциям, типовой семантике, механизму образования, компонентной и структурной организации, стилистической принадлежности: рус. *Всяк (всякий) цыган свою кобылу (своего коня) хвалит*; укр. *Кожний циган свою кобилу хвалить*; бел. *Кожны (усякі) цыган сваю кабылу хваліць*; *Каждый цыган сваю кабылку хваліць*; болг. *Всеки циганин своя кон хвали*; серб. *Сваки циго свога коња хвали*; хорв. *Svaki Ciga svoga konja hvali*; польск. *Każdy Cygan swego konia chwali*; слвц. *Každý Cigán svojho koňa chváli*; венг. *Minden cigány a maga lovát dicséri*; эст. *Iga mustlane kiidab oma hobust*. Полные эквиваленты часто интернациональны: рус. *Всякий купец свой товар хвалит (расхваливает)*; укр. *Усяк купець свій товар хвалить*; бел. *Кожны купец свой тавар хваліць*; слвц. *Každý kupec svoj towar (svoju partieku) chváli*; польск. *Każdy kupiec swój towar chwali*; нем. *Jeder Kaufmann (Krämer) lobt seine Ware (seinen Kram)*. Семантические аналоги отличаются образами: укр. *Кожний Циган свої діти хвалить*; болг. *Всеки мечкар своята (свойта) мечка хвали* /Всякий вожак медведя своего медведя хвалит/. Среди них очень много ПЕ, не имеющих параллелей: бел. *Кожная курыца свайго пеўня хваліць*; болг. *Всяка циганка своите вретена хвали (решета си хвали)*; нем. *Jeder Gärtner lobt seinen Kohl*; *Jeder Töpfer lobt sein Geschirr*; *Jeder Schäfer lobt seine Keule* /Каждый огородник хвалит свою капусту; Каждый горшечник хвалит свою посуду; Каждый пастух хвалит свой кострец/.

ПЕ *Всякая лисица свой хвост хвалит* зафиксирована в сборнике «Пословицы и присловицы, каковы в народе издавна словом употреблялися...» – рукописи, написанной скорописью н. XVIII в., но восходящей, по мнению исследователей, к более ранним собраниям; есть она и в «Пословицах русского народа» В. Даля. Естественно, что она возглавляет ряд синонимов к *Każda liszka swój ogon chwali* в польско-русском словаре XIX в. [Словарь польско-россійскій 1841: 353]. Но в современном языке эта ПЕ, в отличие от славянских тождеств, почти не употребляется и фиксируется отдельными сборниками [РНПП 1986: 188; СППП 2001: 133]. Межъязыковая эквивалентность предполагает приблизительно одинаковую степень речевой употребительности => основной функциональный эквивалент. укр. *Кожда (кожна) лисиця свій хвіст (хвостик) хвалить*; *Кожна (кожда) лисичка свій хвостик хвалить*; чеш. *Každá liška svůj ocas chválí*; слвц. *Každá líška svoj chvost chváli* – не тождественная структурно-семантически, но устаревшая русская ПЕ, а *Всякий кулик свое болото хвалит* (ее и приводят в дву- и полиязычных словарях).

Описание ПЕ – одна из сложных задач, что отражается на практике составления словарей, где толкования ПЕ вообще нет или оно дано непоследовательно. В паремиографии три основных подхода: дается значение ПЕ; даются ситуации, ког-

да ПЕ употребляют; объяснения нет – все это может быть в одном словаре. При отсутствии толкований ПЕ распределяют по рубрикам или главному слову, часто бессистемно. Так, ПЕ *Всяк кулик свое болото хвалит* дана под словом «Кулик», *Всякая лиса свой хвост хвалит* – под «Лиса», *Всякая птица свое гнездо хвалит* – в рубрике «Самохвальство» [РНПП 1986: 179; 188; 359]. В тематическом указателе к разделу «Пословицы» *Всяк кулик свое болото хвалит* и *Всякая лисица свой хвост хвалит* даны в рубрике «Хвастовство», а *Всякая каша сама себя хвалит* – в «Еда, питье, продукты питания» [СППП 2001: 173; 164] (у Даля ПЕ *Ржаная (ячная, гречная) каша сама себя хвалит* дана в рубрике «Похвала – похвальба» с указанием, что прежде ПЕ имела значение 'что хорошо, не нуждается в похвале', а теперь 'самохвальство'). Паремиологи, занимающиеся функционированием ПЕ, считают, что дать ее толкование можно лишь при наличии контекстов.

Адекватная интерпретация пословичного значения особенно необходима для переводных словарей ПЕ. Ряд ПЕ-синонимов и вариантов с указанием на актуальность употребления и некоторая информация о мере эквивалентности и характере расхождений между ними позволит выбрать наиболее подходящий вариант. Разделение функциональных и структурно-семантических (полных и неполных) ПЕ-эквивалентов и вариантов требует введения дополнительных символов. При таком подходе учитываются мало- и высокочастотный обороты. Подход актуален для практики перевода и разноаспектных сопоставительно-типологических исследований.

Использованная литература:

Влахов, С.: *Непереводимое в переводе*. М. 1986.

Воркачев, С.Г.: *Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках*. In: Языковая личность: культурные концепты. Волгоград 1996.

Кунин, А.В.: *Англо-русский фразеологический словарь*. М. 1967.

Лепешаў, І.Я.; Якалцэвіч, М.А.: *Слоўнік беларускіх прыказак*. Мінск 1996.

Назарян, А.Г.: *Фразеология современного французского языка*. М. 1987.

Райхштейн, А.Д.: *Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии*. М. 1980.

РНПП: *Русские народные пословицы и поговорки*. Составитель А.М. Жигулев. Устинов 1986.

Савенкова, Л.Б.: *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону 2002.

Словарь польско-россійскій (по словарю польско-немецкому І.К. Троянскаго). Составленный Домиником Бартошевичем. Т. 1 (А – О). Варшава 1841.

СППП: *Словарь псковских пословиц и поговорок*. Составители В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб. 2001.

Фелицына, В.П.; Прохоров, Ю.Е.: *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь*. М. 1980.

Mlacek, J.: *Slovenská frazeológia*. Bratislava 1984.

Mlacek, J.; Ďurčo, P.: *Frazeologická terminológia*. Bratislava 1995.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Чеслав Ляхур
Польша, Ополе

НА РУБЕЖЕ ФРАЗЕОЛОГИИ И СИНТАКСИСА: ВЕРТИКАЛЬНАЯ ВРЕМЕННАЯ ОСЬ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Abstract:
Axis of time is perceived in the consciousness of users of Slavonic languages of today as horizontal line oriented from the future (what is ahead of us) towards the past (what is behind us). Linguistic facts, however, prove that the axis of time used to be perceived as vertical line. Thus, this article presents an attempt of philosophical interpretation of the category of time and characteristics of selected means which account for determinants of vertical axis of time in Slavonic languages. These determinants are mainly constructions with prepositions, which for many reasons should be treated as periphery of phraseology.

Key words:
Category of time, axis of time, phraseologism, syntax, construction with preposition, linguistic worldview, Polish language, Russian language.

Категория времени является одной из наиболее интересных лингвистических категорий. Время выступает во всем своем значении лишь тогда, когда речь идет о предметах, взятых в процессе их движения. Познание временных свойств мира человеческим мышлением нашло закрепление в языке (глагольные времена, наречия, беспредложные и предложные формы существительных, фразеология, деепричастия, система лексики и др.).

Различные языковые формы могут довольно сильно влиять на содержание понятия времени. Данное понятие соотносительно с системой любого языка. Одновременно оно не свободно от некоторых ограничений, налагаемых системой описания, то есть языком. Это связано с тем, что языки различаются между собой не только лексикой и грамматикой, но и набором и системами тех значений, которые при помощи лексики и грамматических правил каждого языка могут (или не могут) быть выражены. Такое своеобразие семантического пространства (иначе: содержательного аспекта языка, понимаемого как способность отражать в языковом сознании его носителей внеязыковую объективную действительность) создает языковую картину мира носителей данного языка.

В современной науке принято считать, что время и пространство имеют объективный характер, они неотделимы от материи, неразрывно связаны с ее движением и друг с другом, обладают количественной и качественной бесконечностью. Пространство трехмерно, время имеет одно, и только одно, измерение. Пространство выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов, время же – последовательность существования сменяющих друг друга явлений. Время необратимо, то есть всякий материальный процесс развивается в одном направлении – от прошлого к будущему. Кроме необратимости (однонаправленности), к универсальным свойствам времени принадлежат следующие: размерность, непрерывность, связность, длительность, неповторяемость, упорядоченность [Аскин 1966: 70 и след.; 124 и след.; 147 и след.]. Необходимым условием восприятия и осознания человеком всеобщей временной связи, существующей в объективной действительности, и своего места в ней, является понятие оси временной ориентации (временной оси, точки отсчета). Временная ось – одно из важнейших в системе понятий времени. С ним связано понятие момента речи. Момент речи определяется как минимальное расстояние на оси времени, существующее между результатами наших действий в прошлом и ожидаемыми результатами в будущем, которые релевантны для данного акта коммуникации. Современным носителям славянских языков временная ось символически представляется как горизонтальная прямая линия, направленная от прошлого – через настоящее – к будущему. Прошлое мыслительно воображаем себе как нечто, находящееся за нами, за нашей спиной, позади. Будущее, наоборот, как нечто, стоящее перед нами, к чему мы стремимся, продвигаемся. Настоящее – это то, что находится где-то рядом с нами, которое окружает, охватывает нас. Это видно из высказываний типа *Все трудности и все лишения остались позади* (Арсеньев), то есть ‘в прошлом’. *Об этом речь впереди* ‘в будущем’.

Но не всегда так было. Например, наиболее древние представления о времени, которые были засвидетельствованы русским языком, не были в той мере эгоцентричны, как современные представления. Тогда время казалось существующим независимо от человека. Как пишет Д.С. Лихачев, «*Летописцы говорили о ‘передних’ князьях – о князьях далекого прошлого. Прошлое было где-то впереди, в начале событий, ряд которых не соотносился с воспринимающим его субъектом. ‘Задние’ события были событиями настоящего или будущего. ‘Заднее’ – это наследство, остающееся от умершего, это то ‘последнее’, что связывало его с нами. ‘Передняя слава’ – это слава отдаленного прошлого, ‘первых’ времен; ‘задняя же слава’ – это слава последних деяний*» [Лихачев 1979: 254–255].

Данную ориентацию оси времени мы видим и в польском слове *przodek* ‘лицо, являющееся предшественником в семье, племени’ или русском *предок* ‘древний предшественник по роду, а также соотечественник из прежних поколений’ и *предки* ‘поколения, жившие задолго до настоящего времени’.

Из этого вытекает, что еще несколько сот лет назад русские (и вероятно, славяне вообще) в отличие от их современного языкового состояния были «обращены» в прошлое. Оказывается, что такая же обращенность свойственна и современному армянскому языку. Например, в письме немолодой армянки встретилось выражение: «*А обвинять себя уже поздно, когда* ***за плечами*** *осталось так мало времени*» [Всеволодова 2000: 137]. У современного носителя польского (и русско-

го) языка «за плечами» вся прожитая жизнь, перед ним остается еще неизвестная пока часть этой жизни. Ср. также высказывания: *За плечами – годы странствий. За спиной – целая жизнь*.

В свою очередь, данные многих языков доказывают, что временная ось может быть вертикальной. В латинском языке, например, *superior* – это 'предшествующий, идущий впереди' (буквально: 'более высокий, высший'), *inferior* – 'более поздний' (буквально: 'более низкий') [Мурьянов 1978: 54]. Ср. также *infernus* 'ад' ('закрытая пропасть, подземное царство').

Воображение о вертикальной ориентации временной оси возникло, по всей вероятности, из наблюдений небесных светил. Круговая модель движения времени соответствует характеру видимого движения солнца: клонящееся к закату солнце спускается все ниже. Это может обусловливать выражения типа древнерусского *нижним временем* (графика современная). Вертикальная ориентация времени известна и из греческой философии.

В славянских языках вертикальная ось времени подразумевается также в выражениях типа *оутроу глоубокоу*, *глубокою старостью* (в польском языке: *głęboką nocą*, *głęboką jesienią*). Такое же восприятие временной оси подтверждается наличием в современных славянских языках конструкций типа польских *nad wieczorem* (и *nad wieczór*), *nad ranem*, *nade dniem*, *pod wiosnę*, *pod północ*, *pod południe*, *pod rano*, *pod świt*, *pod noc*, *pod dzień* и т.д. или русских *под ночь*, *под полночь*, *под зиму*, *под весну* и т.д. Более подробно об этих группах см. [Lachur 1993] и [Lachur 1994].

Если принять, что фразеологизм – это семантически связанное сочетание слов, которое, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производится в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов, а воспроизводится в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава (ср. [ЛЭС 1990: 559]), то как современные конструкции с определенным кругом существительных типа *głęboką jesienę* (*наступила глубокая зима*), так и предложно-падежные формы существительных типа *nad wieczorem*, *pod wieczór*, *pod jesień*, (*под утро*, *под полночь*, *под осень*) можно включить в состав фразеологии. По крайней мере, последний тип предложно-падежных конструкций окажется не в ядре, а на периферии фразеологии, на рубеже фразеологии и синтаксиса. Данное положение подтверждают специфические свойства этих групп, ограниченное количество лексем, которые образуют данные конструкции, а также (частично) их семантика.

К средствам синтаксического времени, выражающим идею вертикальной временной оси, принадлежат предложно-падежные конструкции с предлогами *под* и *над*. В польском языке они функционируют в группах *pod* + винит., *nad* + творит. и *nad* + творит.: *pod dzień*, *nad wieczorem*, *nad ranem*, *nade dniem*, *nad wieczór*. В русском языке встречается лишь одна синтаксическая схема, а именно *под* + винит.: *под утро*, *под вечер*, *под ночь*, *под зиму* и др. Говоря об этом, Л.С. Малаховская в работе «*Творительный падеж в славанских языках*» пишет следующее: «Временное значение не утвердилось за конструкцией *над* + твор. В отдельных языках оно сохранилось в виде выражений *над утром*, *над вечером*» [Творительный 1958: 286].

Данное значение в русском языке, как правило, выражают другие группы типа *перед* + творит., *к* + дат., *около* + родит. и другие: *перед тремя часами*, *перед войной*, *к вечеру*, *к утру*, *около трех часов* и т.д.

Названные синтаксические схемы являются показателями следующей семантики ‘приближенный к прямому времени (то есть определенному временному локализатору) с собственно-временным значением’ (или иначе: непосредственное предшествование во времени момента действия и временного локализатора). И вместе с тем их следует считать специфическим проявлением существующего в славянском языковом сознании определенной модели времени.

Использованная литература:

Аскин, Я.Ф.: *Проблема времени. Ее философское истолкование*. Москва 1966.

Всеволодова, М.В.: [рецензия на кн.:] Cz. Lachur, *Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim*, In: Przegląd Rusycystyczny, 2000, № 1 (89).

Лихачев, Д.С.: *Поэтика древнерусской литературы*. Изд. третье, дополненное, Москва 1979.

Лингвистический энциклопедический словарь. Главный ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990 (ЛЭС).

Мурьянов, М.Ф.: *Время* (*понятие и слово*).В: «Вопросы языкознания», 1978, № 2.

Творительный падеж в славянских языках. Под ред. С.Б. Бернштейна, Москва 1958.

Lachur, Cz.: *Relikty pionowej osi czasu w językach słowiańskich* (*na materiale języka polskiego i rosyjskiego*). *Model dobowy*. In: Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia Rosyjska, XXXI, Opole 1993.

Lachur, Cz.: *Pionowa orientacja osi czasowej i jej ślady w polszczyźnie i języku rosyjskim. Model roczny i inne środki językowe*. In: Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia Rosyjska, XXXII, Opole 1994.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Мирослава Малоха
Польша, Кельце

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ САД – ЛЕС В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Abstract:
The paper presented shows Russian, Byelorussian, and Ukrainian idioms and idiomatic expressions connected ethnoculturally with forest and garden, which are illustrated with folkloristic texts of different genres. The forest is considered an element settled by forces feud with humans and their activity, the garden is regarded as symbolical embodiment of paradise so very positively. At the same time, forest and garden are seen as bright images to describe a wide range of metaphorically connected with humans' qualities, actions and states, so reality.

Key words:
Phraseology, idioms and idiomatic expressions, folklore, metaphor, picture of the world, cultural apposition, forest, garden

Пословицы с компонентами *лес* и *сад*, демонстрируя собой яркий пример корреспонденции языка и культуры, выявляют довольно широкий спектр значений, основанных на восприятии совокупности деревьев как определенного места – денотата, способного быть носителем знаковости. В народном сознании лес представлялся как место, не созданное человеком, как стихия необъятная и человеком не контролируемая. Лес – дар и творение природы, где растения и животные неподвластны человеку. Одновременно лес – одна из основных обителей враждебных человеку сил. В устно-поэтических произведениях лес представлялся как место, находящееся за пределами «своего», человеческого мира, населенное хищными животными и птицами, змеями и разными мифическими существами.

Ритуально маркированным становилось уже само вхождение в лес, которое предусматривало установление договорных отношений с его обитателями. При входе в лес славяне читали предупредительный заговор от змеи: «*Шкуляпея, гарапея, ня кусай мойго грешного тила, бяжи за билый город, лизни билаго камня, а тогды раба Божаго*», опоясывались, соблюдали молчание как способ уклонения от контакта со злыми силами (на вербальном уровне). В народной традиции подробно регламентированы отношения с лесными духами и животными. В славянской традиции существует запрет называть демона или другой источник опас-

ности «настоящим» именем, при встрече с волками здоровались, употребляляя своеобразные формулы вежливости: «*Здравствуйте, молодцы! Вы идите своей дорогой, а я пойду своей*»; здоровались и при входе в лес, чтобы не заблудиться: «*Дзень добрый тому, хто у етым дому*!».

Результат похода человека в лес часто бывал непредсказуемым: человек мог заблудиться, попасть в лапы диким животным, столкнуться с какой-либо опасностью. Народная мудрость замечает, что не человек в лесу хозяин и для достижения положительного результата человеку нужно везение и удача: *Без счастья в лес по грибы не ходи!*; *Счастливому по грибы ходить; с долею в лес по грибы*. На основе представления о лесе как о стихии опасной для человека, иногда даже враждебной, возникло сопоставление его с чужбиной: В *чужом месте что в лесу; Чужая сторона – дремуч бор*.

С функционированием древней метафоры «дерево – человек» соотносится представление о лесе как совокупности деревьев и соотнесение его с обществом как совокупностью людей: В *лесу лес не ровен, в миру – люди*; В *лесу Бог лесу не уравнял, в народстве – людей*; *Чем верить люду мирскому, верить темному лесу*, а также с индивидуальностью каждого человека: *Чужая душа – темный лес; Чужая душа – потемки*; *Чужая душа – дремучий бор*. Одно дерево или группа деревьев воспринимаются как составная леса, лес им как бы родня и вышестоящий: *Всякая сосна своему бору шумит (своему лесу весть подает*); *Далеко сосна стоит, а своему лесу веет (шумит, говорит)*; *Где сосна взросла, там она и красна*; *Слушай, дубрава, что лес говорит*.

Компонент *лес* появляется в многочисленных пословицах, характеризующих поведение человека и разные черты его характера, например, смелость – отвага – трусость: *Волка бояться, так в лес не ходить*, оплошность: *Лесом шел, а дров не видал*; в *лесу дров не нашел; Из-за лесу дерева не видит*, бестолковость: в *лес дров не возят, в колодезь воды не льют*; *Воров в лесу сторожили, а они из дому выносили*, неблагодарность: *Сколько волка ни корми, он все в лес глядит*, ненадежность: *Он волком глядит, в лес глядит*, оправдание безделья: *Дело не медведь, в лес не уйдет*, критику: *В лес не съездили, так и на полатях замерзнем*.

Более метафорические контексты прослеживаются в пословицах типа *Недорубленный лес опять подрастает* – о необходимости основательного искоренения чего-нибудь нежелательного, замечания в адрес завистливого или оплошного человека: *Под лесом соломинку видишь, а под носом бревна не видишь*; *Под лесом видишь, а под носом нет*, предупреждения: *Каково в лесу кликнется, таково и откликнется*.

Привлекает внимание использование образа леса для создания неожиданных, ярких, порой комических образных выражений: *Взглянет, так и лес вянет*; В *лес идут, а на троих один топор берут; Сыр бор загорелся* (беда, шум из пустяков), формул отказа: *Пошла было баба в лес за грибами, да навстречу ей медведь с зубами*. Безрезультативность и бессмысленность такого действия как боронование леса прослеживается в пословице, характеризующей упорство человека: *Его учить, что по лесу с бороной ездить*. Ироническое белорусское сравнение *З жонкай як з бараной у лесе* намекает на трудности жизни женатого мужчины.

Отгон опасности в никуда, за пределы «своего», человеческого мира на акциональном уровне выражен рядом действий, символизирующих удаление опасно-

сти на межу, в лес, в болото, на перекресток, на воду, вывешивание ее на дерево и вообще помещение ее в другие места, ассоциирующиеся в народной традиции с «иным» миром. В пословицах *Беда не по лесу ходит, а по людям*; *Болезнь не по лесу ходит, а по людям* оба явления персонифицируются, а сам лес является местом, куда человек охотно выселил бы их. В контексте изгнания болезней в нежилые места или передачи их дереву интересны также выражения: *На сухой лес, на большую (полную) воду* (заклинание от порчи), бел. *няхай ідзе на сухі лес*.

Иногда в художественной системе фольклорных текстов образ леса десакрализуется, лес представлен как угодье: *На лес и поп вор* (т.е. всякий дрова ворует), *Леса на земли – как корову дой*; *Степь лесу не лучше. В степи простор, в лесу угодье*; *В лесу дуб – рубль; в столице по рублю спица*; место бегства: *Обманет – в лес уйдет*. Представление о лесе как масштабном органическом единстве прослеживается в поговорке *Лес по дереву не плачет*.

На основе представления о лесе как чем-то высоком, живучем, густом, обильном, темном возникли выражения: *Лес – в небо дыра*; *Такой лес, что в небо дыра*, бел. *жыта як лес* – про густую, высокую рожь; *зарасці як лес* – пренебрежительно про огород, заросший травой; *Дальше в лес – больше дров*. Как насмешка над необразованными или недалекими людьми употреблялись обороты: в *лесу живут, пенью богу молятся* (намек на языческих идолов), *В лесу живем, в кулак жнем, пенью кланяемся, лопате молимся*; бел. *як у лесе гадаваны (гадованы, гадаваўся)*; *як у лесе вырас* – характеристика плохо воспитанного человека, а также несмелого, необщительного. В языке запечатлено также поверье о происхождении этнических групп: *Первого черемиса леший родил, оттого они в лесу сидят*.

В паремиях сохранились некоторые рекомендации-суеверия**:** *В новолуние дерева не валяют (не рубят); Строевой лес руби в новолуние: вырубленный на ущербе сгнивает*; *Дрова, лес, хворост рубить в полнолуние – сгниет, червь поточит*, приметы: *Когда собака перебежит дорогу, то беды нет, но и большого успеха в лесу не будет*; *Кто в лесу поет и увидит ворона, тому наткнуться на волка* и поверья: *Столяры и плотники от Бога прокляты; за то их прокляли, что много лесу перевели*.

В отличие от леса, стихии, чужой человеку, образ сада в народном сознании имеет исключительно положительную оценку. Все произрастающие в саду растения посажены человеком, нужны и хорошо ему известны. Они являются ценностью, добром, богатством: укр. *Купи сад, вернеш гроші назад*. Растения, которые вместе образуют сад, в мифопоэтических воззрениях могут пониматься как рай. В славянской мифологической традиции символика рая, через образ которого представляется идея вечной жизни и плодородия, связана также с райским деревом и с растительной силой, урожаем. Сад закономерно начинает ассоциироваться с достатком и выступать как зона контактов человека с богом. В пословицах, почти идентичных в восточнославянских языках, утверждается подчеркнуто позитивное восприятие сада: бел. *Не глядзі мяжы ды сад садзі*; укр. *Не гляди межі, та сад сади*; укр. *Садок літом – як кожух зимою*; бел. *Садок летам, што кажух зімою; Быў бы сад, а салаўі прыляцяць*, укр. *Був би сад, а солов'ї прилетять*; бел. *Не лажыся рана спаць, а старайся сад саджаць*, в толкованиях снов: *Обмеривать землю под новое здание – плохой знак, под сад или огород – счастье*. Сад является одним из важнейших составляющих благосостояния семьи, вместе с домом пред-

ставляется своеобразным продолжением хозяина. Семиотически важными выступают разные состояния сада, когда актуализируется то или иное его состояние: сад растет, расцветает/не цветет, осыпается, красуется, зеленеет, радуется, сохнет.

Сад является одним из устойчивых маркеров в ряду метеорологических предсказаний: бел. *Сей смела, калі ў саду бела* (то есть когда сад цветет); *Калі ў марцы сад пакрываецца інеем, то будзе вялікі зраджай ігруш і яблык, але прападуць арэхі*; *Калі вясною сады добра цвітуць, то ў летку будзе шмат грыбоў*. В песнях и толкованиях снов цветение сада обычно интерпретируется как знак счастливой жизни, женитьбы/ замужества. Посадить и вырастить сад в жизни и в фольклорном мире – одна из тяжелейших задач. Чтобы получить хороший урожай, за садом ухаживали, не только поливая его, защищая от разного рода вредителей, но и совершая ряд ритуальных действий: на Новый год деревья обвязывали соломой, осыпали кутьей, пеплом, подливали под корень кровь жертвенной рождественской свиньи.

В фольклорных произведениях сад предстает не только как сакральный объект, но и как мера красоты, величия, благосостояния и безопасности, упорядоченности, совершенства. По саду гуляют, собирают росу, сажают растения, ожидают возлюбленного /возлюбленной, гадают. Наконец, сад является местом любовных встреч. В песнях нередко состояние сада соответствует настроению героя или изменению его статуса. Таким образом, сад в большинстве фольклорных текстов – один из устойчивых символов-маркеров культурного пространства, плодородия, благосостояния, любви, сакральный статус сада усиливается за счет соотнесения его с раем.

Оппозиция сад – лес является реализацией одного из основных культурологических противопоставлений своего и чужого, упорядоченного и неупорядоченного, культуры и природы.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Валерий Михайлович Мокиенко
Россия, Санкт-Петербург

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ «ПОСЛОВИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

Abstract:
This paper concerns the problem of making a Russian dictionary of proverbs. The dictionary is based on the material of the group of St.-Petersburg researchers, who are working on Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs. The Russian dictionary of proverbs will provide etymologies of Russian proverbs and parallel idioms from Slavonic and West-European languages.

Key words:
Proverb, Russian, dictionary, problems, etymology, word-list, the history of the term Proverb, sources.

В Санкт-Петербургском университете по инициативе ректора Л.А. Вербицкой издаётся серия словарей «Давайте говорить правильно» [Вербицкая, Богданова, Скляревская 2002; Зыкова, Мокиенко 2005 и др.]. Частью этой серии является и наш краткий словарь-справочник «Давайте говорить правильно. Пословицы в современном русском языке». Предназначен он для широкого читателя и его целью – как и в других справочниках этой серии – остается компактная информация о трудных для понимания и употребления языковых единиц случаях. В настоящем словаре такими единицами являются русские *пословицы*.

Термин *пословица* здесь понимается традиционно – как меткое (как правило образное) изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющее назидательный смысл, напр.: *Кто сказал «А», должен сказать и «Б»; Авось да небось до добра не доведут; Волков бояться – в лес не ходить; Москва слезам не верит; Язык до Киева доведёт*. Пословица, в отличие от других языковых единиц, которые уже стали предметом описания петербургской словарной серии для широкого читателя, не является столь целостной в формальном и семантическом отношении единицей, как слово или фразеологизм. Она имеет замкнутую синтаксическую структуру – структуру законченного предложения, что во многом определяет ее языковые и смысловые качества.

Отбор **словника** для данного Словаря так же, как и в нашем фразеологическом словаре и словаре русских крылатых слов, подчинён принципу расшифровки не-

понятного для среднего русскоговорящего читателя образа пословицы. Как показывает опыт, «правильность» её употребления обычно предстаёт именно как проблема исходной мотивации и того исторического и культурологического содержания, которое в пословице заложено при её возникновении.

Информации такого рода, к сожалению, ни в общих толковых словарях русского языка, ни в большинстве фольклорных собраний русских пословиц и поговорок, ни в специальных словарях пословиц Читатель практически не находит. В истории русской *паремиографии,* т.е. словарного описания пословиц, исключениями, пожалуй, являются монументальный двухтомный труд «Опыт русской фразеологии» М.И. Михельсона [Михельсон 1902-1903], а в новейшее время – собрание пословиц В.И. Зимина и А.С. Спирина «Пословицы и поговорки русского народа» [Зимин, Спирин 2006], где даются краткие этимологические объяснения к некоторым пословицам. Разумеется, в богатейшем наследии русского фольклора малого жанра немало ценного материала для таких комментариев. Так в классическом, постоянно переиздаваемом «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова [Жуков 1966, 1991] немало важных данных для подобного комментирования фактов: относительно точная хронологизация, регистрации вариантов, имплицитный учет степени употребительности и т.д. Однако, задачи последовательного анализа внутренней формы русских пословиц до сих пор, к сожалению, ни один источник не ставил, несмотря на неизменный интерес читателей к этой ипостаси нашего малого фольклора.

Попытка целенаправленного историко-этимологического комментирования русских пословиц на широком фоне европейской паремиологии была предпринята в «Школьном словаре живых русских пословиц», составленном членами Петербургского фразеологического семинара Ю.А. Ермолаевой, А.А. Зайнульдиновым, Т.В. Кормилицыной, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстовой, Н.Я. Якименко [Школьный словарь 2002]. В качестве главного редактора этого словаря такую задачу выполнял именно автор этих строк. В издаваемом ныне словаре серии «Правильно» поэтому обобщен и усовершенствован этот опыт историко-этимологического комментирования русских пословиц, уточнены некоторые параметры их лексикографирования, значительно расширен словник и европейские проекции сопоставления. Главное же – основной упор сделан не на презентации пословиц в современных текстах (что было главной целью Школьного словаря пословиц), а на расшифровке неизвестной (или недостаточно известной) Читателю мотивировки пословиц.

Объектом описания в этом словаре становится поэтому корпус русских пословиц, исходный образ который требует комментария. Хорошо известные, актуальные и часто воспроизводимые в литературном языке и живой речи пословицы с прозрачным образом и ясным происхождением (напр., *Без труда не вынешь и рыбку из пруда, Простота хуже воровства, Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше, Сердце не камень, Ум хорошо, а два лучше*) в словник поэтому не включены.

Взаимодействие «корректная этимологическая расшифровка» ⇔ «правильность» в паремиологии, как и при описании фразеологии и крылатых слов, разумеется, не всегда столь однозначно, прямолинейно и категорично, как этого бы хотелось нормализаторам. Хотя и для пословичного материала, как для фонетики,

морфологии и лексики, «правильность» написания в целом действительно определяется этимологически корректной формой, соотносимой с другими формами языковой единицы, один лишь этимологический критерий здесь не всегда является самодостаточным для корректных рекомендаций в русле прямолинейной «культуры речи».

Разумеется, и здесь имеются случаи прямого искажения формы и содержания языковой единицы. Так, незнание происхождения и исходной формы пословицы *Не так страшен чёрт, как его малюют* приводит к «смешной» ошибке (как в детской речи, так и в речи мало осведомленных русских и русскоязычных) – *Не так страшен чёрт, как его малютка*. Ещё более казусным является искажённое употребление пословицы *Терпи казак – атаманом будешь: Терпи коза, а то мамой будешь*. Такого рода употребления кажутся анекдотичными, – да и нередко подаются в речи как пословичные анекдоты – однако, они зафиксированы и на улице, и в средствах массовой информации, и в современной литературе именно как факт языковой безграмотности. Так, один из патриархов отечественной фразеологии профессор Л.И. Ройзензон в начале 70-х годов XX в. экспериментально выявил в речи русскоговорящих узбеков весьма «осовремененное» понимание старой русской пословицы *Назвался груздем – полезай в кузов*. Оказалось, что слово *кузов* у большинства говорящих уже не связывается с народным бытовым значением – ‘короб, корзина для грибов, ягод и т. п. из лыка, прутьев или березовой коры’, а воспринимается как актуальное ныне обозначение части грузовой автомашины, служащей для размещения людей или грузов.

В таких случаях панацеей от возможных ошибок и является последовательный комментарий пословицы, причем комментарий не только «вещественный», но и лингвистический. Так, для последней пословицы в нашем словаре предлагается целый комплекс сведений, которые, как кажется, заинтересованному читателю помогут воссоздать всю лингво-культурологическую ауру пословицы о любимых русскими и многими славянами грибах:

«Пословица в народной речи имеет варианты *Назвався груздем, лезь в кузов; Назвавшись груздем, полезай в кузов; Назвался грибом, полезай в кузов; олон. Ялся быть грибком, полезай в бурачок* (где *бурачок* – небольшой берестяной кузовок и др. Известна она и другим восточным славянам: бел. *Назваўся груздок, лезь у кош*; *Назваўся груздом – хутчэй у кошык; Падняўся грыбком – лезь у каробку; Калі назваўся грыбам, то лезь у каробку; Абазваўся грыбам, то лезь у борщ*; (полесск.) *Калі не грыб, не лезь у каробку*; укр. *Коли назвався грибом, то лізь у кузов; Коли ся обрав грибом, то лізь у кошіль*; *Коли обрався грибом, то лізь у коробку*; *Набрався грибом – лізь у кіш; Коли-сь не гриб, не лізь у ківш; Обібрався грибом –лізь же в ківш; Коли обібрався грибом, то лізь у борщ*. Польские параллели тождественны по образу, но имеют несколько иную синтаксическую структуру: *Jeśliś grzyb, leź w kosz* (букв. Если ты гриб, – лезь в кузов)*; Taki to na świecze tryb: masz do kosza, kiedyś grzyb* (букв. На свете так заведено: тебе нужно полезать в корзину, если ты – гриб). Варианты показывают возможность широкой замены областного слова *кузов* – ‘короб, корзина для грибов, ягод и т.п. из лыка, прутьев или березовой коры’. В русской пословице более общее название гриба заменено конкретным, которое, видимо, произошло от сочетания *груздь гриб* – букв.

ломкий гриб (ср. рус. *груда* и лит. *gruzdůs* ‘ломкий’, объясняющие мотивировку прилагательного). Замена слова *гриб* именно *груздем* вызвана созвучием ритмического характера: *груздем – кузов*. Немаловажно, однако, и то, что *грузди* считались и считаются у русских одним из ценных видов грибов: уже в памятнике литературы XVI в., «Домострое» рекомендуется «грузди и рыжики соли» [гл. 45].

Разумеется, каждая из выбираемых для такого рода комментариев пословица требует специального подхода, что определило как количество, так и качество излагаемых Читателю информаций. В случае с заимствованной пословицей *Не так страшен чёрт, как его малюют,* напр., центр тяжести сделан на собственно языковой ее характеристике:

«Пословица – не исконно русская, о чем свидетельствует глагол немецкого происхождения *малевать* ‘рисовать, изображать’ (ср. нем. *malen* – ‘рисовать, красить’). Не исконна она и в других славянских языках, например, в польск.: *Nie taki diabei straszny, jak go malują*. Широко распространена пословица в европейских языках – ср. нем.: *Der Teufel ist nicht so schwarz, wie man ihm malet*; англ. *The devil is not so black as he is painted* и др. В русский язык она попала в XVIII веке и активно распространилась в городском просторечии. Пословица отражает здоровый народный скептицизм и неверие в демонологические вымыслы».

Для пословицы же *Терпи, казак – атаманом будешь* историко-культурологическая информация выдвигается на передний план, хотя языковые детали – в первую очередь взаимодействие близкородственных языков и влияние украинского и русского фольклора на соседние славянские – конечно же, не упускается из виду:

«Пословица в русском языке – заимствование из украинского, где есть множество её вариантов, уточняющих исходный образ: *Терпи, козак, отоманом будеш; Терпи, хлопче, козаком будеш; Терпи, козаче, отоманом будеш; Терпи, козак, будеш їсти мед; Терпи, козак, будеш пити мед; Терпи козаче, горе, мед будеш пити.* Она восходит к XIV-XVII вв., когда крепостные крестьяне, холопы, обнищавшие горожане убегали и селились на окраинах (*украинах*) Русского государства. Этих людей, не признающих никакой зависимости, и называли *казаками* или *вольными казаками*. Позднее вольные казаки стали особой сословной группой со своим самоуправлением из выборных лиц. *Атаман (отоман)* – выборный начальник казачьего войска и военно-административной казачьей области в старину. Слово *казак* (как и *атаман*) – тюркского происхождения, буквально значащее «вольный, свободный человек».

На Украине вольный казак был одним из самых популярных героев фольклора. В трёхтомном собрании пословиц М.М. Пазяка зафиксировано 97 пословиц и поговорок о казаке с массой вариантов: *Де козак, там і слава; Життя собаче, зате слава козача; Козак без біди не заплаче; Коли козак у полі, то він на волі; Степ та воля – козацька доля* и др. В русском языке также издавна были известны пословицы о казаках: *Купленный холоп, а не купленный – вольный козак; Бог не без милости, казак не без счастья; Лакома овца к соли, а казак (коза) – к воле* и т.п.

В русском языке пословица стала популярной благодаря повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», где её употребляет главный герой: «Терпи, казак, атаманом бу-

дешь! Не тот еще добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, ... кто всё вытерпит». О популярности пословицы свидетельствуют как постоянное употребление в современной литературе и публицистике, так и её шутливые переделки типа *Терпи, коза, а то – мамой будешь*.

Пословица, кроме русского, попала и в другие славянские языки: бел. *Цярпі, казак, атаманам будзеш; Цярпі казак а то будзець мак*; польск. *Cierp, Kozacze, atamanem będziesz*; чеш. *Trp, kozáče, budeš atamanem*. Близки по смыслу и собственно русские пословицы, напр.: *Терпение и труд все перетрут; Бей галку и ворону, руку набьешь, сокола убьешь*».

Как видим, именно «дозированная» и соизмеримая с внутренним содержанием пословицы информация и оказывается доминантным признаком «правильности» для пословиц, совмещающих в себе собственно языковые и самодовлеющие текстовые свойства.

Комбинация толкования, стилистических помет и синонимов, как кажется, создает относительно полную картину реального функционирования пословиц в современном русском языке.

Таким образом, предлагаемый словарь ориентирован на такие параметры описания русских пословиц, которые позволяют не только обратить внимание на случаи ошибочного употребления, но и демонстрируют мощный культурологический потенциал малого жанра русского фольклора. Малого, но весьма весомого и ценного. Поскольку, как гласит одна из старых русских пословиц – *Мал золотник, да дорог*.

Использованная литература:

Вальтер, Х., Мокиенко, В.М.: *Русско-немецкий словарь пословиц с европейскими соответствиями. Карикатуры Регина Вальтер. Экспериментальный выпуск*. Griefswald 2006. 176 с.

Вербицкая, Л.А., Богданова, Н.В., Скляревская, Г.Н.: *Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения. Краткий словарь-справочник*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ 2002. 160 с.

Жуков, В.П.: *Словарь русских пословиц и поговорок*. М.: Сов. энциклопедия 1966. 535 с.; 2-е и 3-е изд. (стереотип.) М. 1967; 4-е изд., испр. и доп. М.: «Русский язык» 1991. 534 с.

Зимин, В.И., Спирин, А.С.: *Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь*. Изд. 3-2, стереотипное. Ростов н/Дону: Феникс, Москва: Цитадель-трейд 2006. 544 с.

Зыкова, Е.И., Мокиенко, В.М.: *Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке. Краткий словарь-справочник*. СПБ.: Филологический факультет СПбГУ 2005. 352 с.

Иллюстров, И.И.: *Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках*. СПб 1915. 480 с.

Котова, М.Ю.: *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*. Под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: изд-во СПбГУ 2000. 360 с.

Михельсон, М.И.: *Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Предисловие и комментарии В.М. Мокиенко. М.: «Русские словари» 1994. Т. 1 779 с. Т. 2. 580 + 250 с.

Мокиенко, В.М.: *Давайте говорить правильно! Трудности современной русской фразеологии. Краткий словарь-справочник*. СПБ.: Филологический факультет СПбГУ 2003. 286 с.

Скляревская, Г.Н., Ваулина, Е.Ю.: *Давайте говорить правильно! Трудности грамматического управления в современном русском языке. Краткий словарь-справочник*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ 2002. 176 с.

Школьный словарь живых русских пословиц. Сост.: Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов, Т.В. Кормилицына, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстова, Н.Я. Якименко. Гл. ред. В.М. Мокиенко, редакторы: Е.К. Николаева, Е.И. Селиверстова. СПб.: «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС» 2002. 352 с.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Елена Николаева
Россия, Санкт-Петербург

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ: ЗАДАЧИ, СТРУКТУРА, ИТОГИ РАБОТЫ

Abstract:
This paper concerns the problem of making a dictionary of proverbs. Currently a group of researchers in St.-Petersburg is working on a Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs that will include over 47000 proverbs with their variants. The paper lists the primary sources used for the Dictionary and discusses the principles of writing the dictionary entries.

Key words:
Proverb, Russian, dictionary, structure, problems, variants, word-list, dictionary entry, sources.

История русской паремиографии достаточно хорошо известна и неоднократно описывалась учеными-паремиографами, несмотря на это современные исследователи не предпринимали попыток свести все сборники воедино и создать обобщенный свод русских пословиц XVII-XX вв. (а теперь уже и начала XXI в.). Составители сборников пословиц второй половины XX в., как правило, использовали предшествующие словари выборочно, в зависимости от своих целей, а также пристрастий и возможностей либо/и представляли собственный, собранный ими материал. Алфавитная или тематическая систематизация материала в существующих русских словарях пословиц весьма затрудняет пользование ими, учитывая особенности этих единиц, в частности, их широкую варьируемость в живой речи и сложности отнесения их к определенным рубрикам (не говоря уже о сложностях выделения самих рубрик). Более 10 лет назад в Санкт-Петербурге по инициативе В.М. Мокиенко был создан творческий коллектив (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева), задачей которого была подготовка насколько возможно полного свода русских пословиц XVII – начала XXI вв. и обработка и систематизация его по новым параметрам, наиболее приемлемым для этих языковых единиц и облегчающим читателям пользование словарем, т.е. – составление Нового большого словаря русских пословиц (название условно).

К моменту начала работы над словарем членами фразеологического семинара при Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина филологического факуль-

тета СПбГУ были полностью расписаны около 40 фразеологических и паремиологических словарей (изданных до 1986 г.). Работа над обсуждаемым Словарем началась с подготовки электронной картотеки пословиц, которая в дальнейшем расширялась и дополнялась авторами-составителями. С тех пор список источников увеличился в 2,5 раза, главным образом за счет диалектных и новых словарей, а также дополнительных источников, которые не подвергались методу сплошной выборки.

Источниками словаря являются только печатные издания. Самые ранние опубликованные собрания пословиц – это два списка XVII в.: 1) «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту», вошедшие в сборник П.К. Симони (1899 г.); 2) Отрывок из сборника пословиц XVII в. (буквы Н-Ч), опубликованный Л.А. Дмитриевым в 1972 г. Этот список был известен П.К. Симони и И.М. Снегиреву, однако 50 пословиц (из 727), по наблюдениям Л.А. Дмитриева, не вошли ни в один из опубликованных сборников пословиц XVII – нач. XVIII вв., напр.: *Ты барин, а и я не татарин* [Сб. посл. XVII в.: 48]; *Уплыли муде по вешней воде* [Сб. посл. XVII в.: 49].

Примечательно, что одна из подобных пословиц, которая позволяет проследить истоки образования всем известного фразеологизма, и во всех последующих сборниках эта пословица уже трансформировалась в ФЕ: *Как от козла, ни шерсти, ни молока – Татищ. 54; Д 2, 131.* О тунеядцах – Д 2, 131;* встречается в словаре А.М. Жигулева [Жигулев 1969] в форме, зафиксированной в XVII в.: *От козла ни молока, ни шерсти* [Сб. посл. XVII в.: 55]. Ср.: *От козла ни шерсти, ни молока* [Жигулев 1969: 53]. Значит, пословица все еще жива? Вряд ли Жигулеву была доступна рукопись, а опубликован список был после выхода словаря. Некоторые из этих 50 пословиц позволяют наблюдать самый ранний (и более полный) вариант известных пословиц: *Ум говорит: пора идти с двора, хмель говорит: дождемся побой да вместе домой – Сим. XVII-XIX вв., 147; Ум говорит – посидим! а хмель говорит – попьем да пойдем, а безумье говорит – дождемся побой, да вместе пойдем домой! – Сб. посл. XVII в., 50; Ум говорит: посидим! а хмель говорит: пойдем попьем! а безумье говорит: дождемся побой, да вместе пойдем домой! – Снег. 1848, 418*. Таким образом, даже незначительные на первый взгляд дополнения по рукописным сборникам XVII в. (а такие ранние списки на вес золота) расширяют наши знания о составе русских пословиц и представляют особый интерес для фольклористов, историков паремиологии и культуры в целом. В настоящее время корпус словаря насчитывает более 47000 единиц и продолжает увеличиваться.

Под пословицей в Словаре понимается логически законченное суждение афористического характера, основанное как на образном, так и безобразном представлении. Такое достаточно широкое определение оставляет место и для единиц типа: *Гостья Федосья! Сиди на печи да жуй калачи*. При отборе материала мы старались охватить максимально возможное число пословиц и при сомнениях предпочитали оставлять спорную паремию в корпусе Словаря. Поэтому в Словарь попали развернутые сравнения (особенно, если они зафиксированы в ранних источниках): *Сон в кручине, что корабль в пучине – Сим. 141; Все беды пропали, что в воду упали – Снег. 1999, 67;* некоторые переходные случаи фразеологизмов*: Шкуру на сапожки, язык на подошву – ДП 1, 319; Слегка, да досыта – ДП 2, 63*. Стремясь к полноте представления материала, авторы включили в словарь и самые разнообразные в стилистическом отношении пословицы, зафиксированные в различных сборниках и словарях: от книжных до бранных, даже обсценных единиц.

При подготовке словаря пословиц неизбежно встает проблема, проблема систематизации материала. В русской паремиографической практике обычно используется алфавитный или тематический принцип систематизации и отсутствует гнездовой. По мнению составителей, именно этот принцип является оптимальным для пословиц, т.к. перед пользователем возникают целые гнезда пословиц, построенных по единому принципу, связанных общностью основных образов, предметной близостью. В такой словарной статье четко высвечивается концептосфера паремийных образов, сохраняются вариантные ряды, которые неизбежно будут распадаться при алфавитном расположении материала. Кроме того, гнездовой способ систематизации облегчает пользование словарем, ведь в сознании пользователя чаще сохраняется образ, стержневое слово, а не форма пословичного выражения.

В основной корпус на настоящем этапе включаются лишь пословицы – носители стержневого слова. Отсылочные статьи с другими компонентами пока не обрабатываются – это задача следующего этапа. Внутри корпуса будут лишь отсылки, отражающие такие вариантные компоненты, которые заменяют стержневое слово: *МЕЧ* ◆ **Вот *меч*, вот голова моя –** *ДП 1, 167. Ср.* **Вот *топор*, вот голова моя (ТОПОР**).

Стержневым словом в Словаре считается первое существительное, в случае его отсутствия – прилагательное, далее – глагол, местоимение, числительное, наречие.

Все стержневые компоненты располагаются по алфавиту. Внутри гнездовой вокабулы пословицы даются по алфавиту стержневого компонента во всех его грамматических формах. Для чёткого и наглядного распределения субвокабул вводится специальный знак (◆), а первый в ряду субвокабульный компонент дается перед этим знаком курсивом, например: *ГУЗНЕ* ◆ **Счастливому и в *гузне* вязнет –** *Петр. галер. нач. XVIII в., 35; Галиуллин, Мартьянов (XVII –XVIII вв.) 2006, 42; Богд. 1741, 117;* **Таланному и в *гузне* вязнет –** *Богд. 1741, 112.*

Субвокабула не выводится и знак ◆ не ставится, когда словоформа в гнезде одна. За текстом пословицы следуют указания на районы употребления пословиц (если в источнике указана диалектная паспортизация): **Хоть грузно, да про своё *гузно.*** *Новг. – НОС 2, 64,* а далее – ссылки на источники в хронологическом порядке: ***Бережливость* лучше прибытка –** *Тат. нач. XVIII в., 47; Богд. 1741, 66; Снег. 1848, 12; ДП 2, 76; Ил. 1915, 359; Раз. 1957, 170; Соб.1961, 83; Спир. 1985, 36.*

За указанием источников следуют комментарии, предваряемые астериксом – *. В комментариях сохраняется информация, которая содержится в использованных источниках: историко-этимологические справки; толкования редких слов, диалектизмов, архаизмов и др.; примечания составителей источников; стилистическая маркировка пословицы или ее компонента: **«*Абие*, абие!...», – а на уме бабие –** *Рыбн. 1961, 153; Танч. 1986, 15.* *Абие – церк.-слав. – отец, Бог – *Рыбн. 1961, 153.*

Первоначальной установкой было то, что своих дефиниций и пояснений в Словаре составители не дают, но если в источнике она приводится, то в раздел «Комментарии» после знака * ее следует включить: **Кто украл – у того (на том) один *грех*; у кого украли – у того (на том) десять (семь, сто) –** *Снег., 1848, 196; ДП 1, 121; Д 1, 433; Д 3, 174; Ил. 1915, 288.* * Т.е. он всех подозревает – *Д 3, 174.* Объем этой информации значительно возрастет после вливания в Словарь информации «Краткого словаря-справочника пословиц». Кроме того, начав редактировать первые словарные статьи, В.М. Мокиенко начал добавлять много информации в ка-

честве «Примечаний редактора». Так что, похоже, что первоначальная установка авторов может измениться к моменту подготовки Словаря к печати.

Контекстные иллюстрации в Словарь не включаются.

Много трудностей возникало и возникает до сих пор при обработке вариантов пословиц: что объединять, а что дифференцировать. Тотальное объединение вариантов (особенно лексических) может, по мнению авторов Словаря, привести к а) излишне усложненной, «многоярусной» структуре словарной статьи и б) неразграничению важных компонентных, региональных, хронологических, стилистических, культурологических и других различий, которые отражены в конкретных источниках. Поэтому в тексте словаря лексические и структурные варианты подаются раздельно, с указанием конкретных источников. Однако объединение некоторых вариантов прагматически необходимо. Не подрывая принципа дифференциации, авторы объединяют следующие типы вариантов: а) морфологические и словообразовательные: **Муженин (мужнин) *грех* за порогом останется (остается), а жена все домой несет; Чьи *грехи* закрыты, а наши все наружу (наружи);** б) фонетические и орфографические: ***Грамоте* не знает, а (да) цифирь (цыфирь) твердит; Вовремя *грозой* да лозой, а не в пору (невпору) колом да дубиной;** в) объединяются и такие лексические и структурные варианты пословицы, которые зафиксированы одним источником, где варианты объединены его составителем, напр.: ***Государь* – батюшка, надежда – православный (белый) царь –** *ДП 1, 190*.

Пословицы, извлеченные из дореволюционных изданий, даются в Словаре по правилам современной орфографии и пунктуации. В ряде случаев (обычно спорных, когда речь идёт о редких словах-компонентах, раздельном или слитном написании и др.) сохраняется орфографический вариант первоисточника. В диалектных пословицах сохранялись написания, в которых отражались особенности народной речи: **Ноня *атаман*, взатра яман.** *Сев.-Кавк.* (1908) – *СРНГ 4, 237*.

Использованная литература:

Дмитриев, Л.А.: *Отрывок сборника пословиц XVII в.* In: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома / Отв. редактор А.М. Панченко. Л.: Наука 1972. С. 28-56.

Жигулев, А.М.: *Русские пословицы и поговорки*. М. 1969.

Мокиенко, В.М.: *Давайте говорить правильно! Словарь пословиц: Краткий словарь-справочник*. СПб. 2006.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Барбара Перчиньска
Польша, Люблин

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОГОДЫ В РУССКИХ, ПОЛЬСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Abstract:
The author of the article describes Russian, Polish and German proverbs forecasting the weather. Polish and German proverbs have been extracted from the bilingual dictionary and Russian proverbs mainly from the collection of the proverbs and from the folk calendar. The analysis has shown similarities in structure of the group of proverbs as well as in the ways of forecasting the weather they have described.

Key words:
Paremiology, proverb, the weather forecasting.

В данной статье приводятся результаты анализа пословиц, прогнозирующих погоду. Выделить их сравнительно легко, так как и ситуации, в которых они применяются, и выполняемые ими функции точно определены. Пословицы – прогнозы погоды лишены, как правило, дидактической функции [Bartmiński 2001: 324]. Анализу поддаются русские, польские и немецкие пословицы, т.е. употребляемые жителями территорий с умеренным климатом с четырьмя основными временами года.

По первичному замыслу автора статьи источником языкового материала должны были послужить двуязычные словари пословиц: русско-польский, польско-русский: R. Szypuła: Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. Warszawa 2003 (дальше: РППР) и немецко-польский, польско-немецкий: A.Wójcik, H. Ziebart: Słownik przysłów niemiecko-polski, polsko-niemiecki. Warszawa 2001 (дальше: НППН). Первый словарь содержит в обеих частях свыше 7 тысяч пословиц, второй – свыше 6 тысяч, что, казалось бы, обеспечивает объективный характер исследований. Собранный материал доказал, что количество пословиц, прогнозирующих погоду, в русско-польском, польско-русском словаре оказалось очень скромным; в нем нашлось лишь 17 русских и 29 польских пословиц. В немецко-польском, польско-немецком данная группа представлена 109 немецкими и 148 польскими пословицами. Это и вызвало потребность пополнить русский языковой материал, используя сборник пословиц: Русские пословицы и поговорки, под ред. В.П. Аникина. Москва 1988 (дальше: Рпп) и Народный календарь на 2007 год. http://www.

hmn.ru/index1.php?code=48 (дальше: Нар.кал.). Исследованию подверглась 91 русская пословица, прогнозирующая погоду.

Большинство пословиц – прогнозов погоды построено по модели*: Если А, то В*, где и член А, и член В содержат название отрезка времени (дня, нескольких дней, месяца, времени года, года) и , чаще всего, характеристику погоды в данное время. Характеристику, данную в члене В, обуславливает характеристика, помещенная в члене А. Большую часть пословиц можно сопоставить с долговременными метеорологическими прогнозами. Классификация языкового материала опирается на характер отрезка времени, на который определяется погода в члене В, что и позволяет раскрыть богатство и многосторонность справок, скрывающихся под формой самых кратких произведений народного творчества.

1. Прогноз погоды на весь год дается, главным образом, в немецких пословицах, причем в члене А выступает или название определенного дня, напр.: *Morgenrot an Neujahr, viel Unwetter das ganze Jahr* [НППН: 142]; *Wie das Wetter um Vinzenz* (т.е. 22.01) *war, wird es sein das ganze Jahr* [НППН: 193], или месяца, нем.: *Donnert's im Dezember gar, bringt viel Wind das nächste Jahr* [НППН: 43]; *Viel Regen im Februar, viel Sonnenschein das ganze Jahr* [НППН: 56]; польск.: *W grudniu grzmot i burze, wietrzny rok nam wróżą* [НППН: 263].
2. Погода на время года определяется на основании погоды, которая может характеризовать следующие отрезки времен (член А):
   а) время года, напр., русск. *По холодной весне градобойное лето* [Рпп: 384]; польск.*: Ciepła jesień – długa zima* [НППН: 90]; *Słaba zima, kiepskie lato* [НППН: 448]; нем.: *Warmer Herbst – langer Winter* [НППН: 90];
   б) месяц, напр., польск.*: Gdy październik ciepło trzyma, zwykle mroźna bywa zima* [НППН: 352]; *Zimny grudzień, wczesna wiosna* [НППН: 263]; нем.: *Im Februar Schnee und Eis, macht den Sommer lang und heiß* [НППН: 56]; в) один день, чаще всего, праздник в честь святого, напр., русск.: *Евдокия* (т.е. 14.03/01.03) *красна – и весна красна* [Рпп: 346]; *Каков Платон и Роман* (т.е. 01.12/17.11), *такова и зима* [Рпп: 369]; польск.: *Gdy wietrzno na Michała* (т.е. 29.09), *będzie mroźna zima cała* [НППН: 314]; *Święty Gaweł* (т.е. 16.10) *ręczy za to, jakie będzie przyszłe lato* [НППН: 256]; нем.: *Sankt Elisabeth* (т.е. 08.07) *sagt es an, was der Winter für ein Mann* [НППН: 51]; *Gießt St. Gallus* (т.е. 16.10) *wie ein Fass, ist der nächste Sommer nass* [НППН: 70].
3. Прогноз погоды на месяц опирается или на характеристику
   а) другого месяца, напр., польск.: *Jaki wrzesień taki marzec* [НППН: 441]; нем.: *Warmer Oktober bringt kalten Februar* [НППН: 145]
   б) одного дня – праздника, чаще всего, в честь святых, напр., русск.: *Какой второй Спас* (т.е. 19.08/6.08), *такой и январь* [Нар.кал.]; польск.: *Adam i Ewa* (т.е. 24.12) *pokazują, jaki styczeń i luty następują* [НППН: 219]; нем.*: Wie das Wetter um Kathrein* (т.е. 25.11), *wird auch der nächste Hornung sein* [НППН: 104] (древненем. Hornung – Februar).

В данном месте следует подчеркнуть, что в Польше и в Германии праздники в честь святых опираются на общий католичекий календарь (грегорианский); в России же в связи с поздним введением грегорианского календаря даты празд-

ников по старому и новому стилю не совпадают. Поэтому в статье время определяется и по новому, и по старому стилю.

Отдельную группу образуют пословицы, которые представляют собой долговременные прогнозы погоды на время, определяемое точно, или без указания на предел. Пунктом отсчета является день – праздник. Чаще всего, если называется срок, погода характеризуется на несколько недель или месяцев, напр., русск.: *Сорок мучеников* (т.е. 22.03/9.03) – *сорок утренников* [Нар.кал.]; польск.: *Kiedy z Janem* (т.е. 24.06) *przyjdą deszcze, to sześć niedziel kropi jeszcze* [НППН: 269]; нем. *Wie's wittert an Medardi Tag* (т.е. 8.06), *so bleibt's sechs Monat' lang danach* [НППН: 130]. Однако в большинстве случаев время, кроме общего значения 'с, после данного дня' не уточняется, напр., русск.: *Как придет Петро* (т.е. 12.07/27.06), *так будет и тепло* [Нар.кал.]; *С первого Спаса* (т.е. 14.08/1.08) – *холодные росы* [Нар. кал.]; польск. *Po świętej Dorocie* (т.е. 6.02) *schną chusty na płocie* [НППН: 247]; *Po świętym Mateuszu* (т.е. 21.09) *zimno chodzi w kapeluszu* [НППН: 310]; *Regnet's am Magdalenentag* (т.е. 29.05), *folgt gewiss mehr Regen nach* [НППН, 126]; *Scheint zu Lichtmess* (т.е. 2.02) *die Sonne heiß, gibt's noch sehr viel Schnee und Eis* [НППН: 127].

К данной группе примыкают пословицы, указывающие на границу между временами года, напр., русск. *Иван-постный* (т.е. 11.09) – *осени отец крестный* [Нар. кал.]; *Введенье пришло* (т.е. 4.12) – *зиму привело* [Рпп: 369]; польск.: *Od świętego Marcina* (т.е. 11.11) *zima się poczyna* [НППН: 308]; *Na świętego Grzegorza* (т.е. 12.03) *idzie zima do morza*; нем.: *Nach Martini* (т.е. 11.11) *scherzt der Winter nicht* [НППН: 129]; *Joseph* (т.е. 19.03) *macht dem Winter ein Ende* [НППН: 100].

Предсказание погоды на определенный день, как правило, выражено с помощью параллельных конструкций, напр., русск.: *Вознесение* (т.е. 40 дней после Пасхи) *с дождем, Илья* (т.е. 2.08) *с грозой* [Рпп: 360]; *Какова погода 1 апреля, такова и 1 октября и наоборот* [Нар.кал.]; польск.: *Boże Narodzenie po wodzie, Wielkanoc po lodzie* [НППН: 227]; *Gdy na święty Antoni* (т.е. 13.06) *pogoda, to na Piotra* (т.е. 29.06) *poleje* woda [НППН: 220]; нем.: *Nasse Pfingsten, fette Weihnachten* [НППН: 148]; *Wie Sankt Kathrein* (т.е. 25.11) *wird's Neujahr sein* [НППН: 104].

Группа пословиц, в которых прогноз погоды выражен непосредственно, невелика, это, главным образом, характеристики месяцев, отличающихся в умеренном климате сравнительно высокой неустойчивостью атмосферных явлений – марта и апреля, напр., русск. *И март на нос садится* [Рпп: 345]; *В апреле зима сзади и спереди* [РППР: 49] польск.: *W marcu jak w garncu* [РППР: 826]; *Kwiecień – plecień, bo przeplata, trochę zimy, trochę lata* [НППН: 295]; нем.: *April, April, er weiß nicht, was er will* [НППН: 23].

Пословицы, прогнозирующие погоду, и русские, и польские, и немецкие содержат результаты наблюдений над теми же самыми явлениями природы, и поэтому по содержанию они близки друг другу. Как правило, они указывают на один, реже два, признака погоды, который следует считать самым важным для человека. Данная группа пословиц обладает чаще всего лишь буквальным смыслом, что и мотивировано выполняемыми ими функциями. Надо помнить о том, что пословицы-прогнозы почти каждый день подвергались и все еще подвергаются проверке, и поэтому сравнительно часто применяются в наше время [Masiowscy 2003: 5].

Вместо итогов приведем две пословицы: русскую – *Год на год не приходится* [РППР: 81] и польскую – *Rok do roku niepodobny* [РППР: 776], которые, казалось

бы, противоречат всему сказанному выше. По-настоящему же они указывают на один, едва ли не важнейший признак пословиц, охарактеризованный в одной из статей В. Хлебды словами Станислава Ежи Леца: «*пословицы противоречат друг другу. И в этом именно народная мудрость*».[Хлебда 1994].

Источники:
Аникин, В.П.: *Русские пословицы и поговорки*. Москва 1988.
Stypuła, R.: *Słownik przysłów rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*. Warszawa 2003.
Wójcik, A., Ziebart H.: *Słownik przysłów niemiecko-polski, polsko-niemiecki*. Warszawa 2001.
Народный календарь на 2007 год. http://www.hmn.ru/index1.php?code=48. 2007-06-25 – 2007-08-10

Использованная литература:
Bartmiński, J. (red.): *Współczesny język polski*. Lublin 2001.
Krzyżanowski, J.: *Mądrej głowie dość dwie słowie. Pięć centuryj przysłów polskich i diabelski tuzin z hakiem*. T.1, 2. Warszawa 1994.
Masłowscy, D. i W.: *Przysłowia polskie i obce*. Wstęp K. Musiołek-Kłosińska. Warszawa 2003.
Świerczyńscy, D.A.: *Przysłowia w sześciu językach*. Warszawa 1996.
Православный календарь 2007. www.days.pravoslavie.ru/-. 2007-07 – 2007-08-15.
Хлебда, В.: *Пословицы советского народа. Наброски к будущему анализу*. In: Русистика. Берлин, 1994, № 1/2, с. 74-84. http:// www.philology.ru/linguistics2/chlebda-94.htm. 2007-08-06

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ольга Николаевна Прохорова, Игорь Владимировоч Чекулай
Россия, Белгород

ПОСЛОВИЦЫ С КОМПАРАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ В СЛАВЯНСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУРАХ

Abstract:
This article deals with the problem of the semantic structuring of proverbs in Slavonic and Germanic languages. The main idea is that both the semantic and syntactic structure of the proverb is of complex nature presupposed by the axiological character of the proverb itself based on comparison as the main logical tool of any evaluation in the mind and in the language. Concepts in the form of the lexical units, being the components of the proverb, are value concepts combining all possible evaluative interpretations of the facts of the outer world, and the proverbs are one of the main forms of evaluating different persons, things and facts as variable representations of the invariant value concepts. The phenomenon seems to be common in the Russian, Ukrainian and English languages.

Key words:
Proverbs, semantic structure, comparative component, value concepts, evaluative sense, value-semantic and structural-logical basis.

В контексте лингвосемантических исследований пословицы принято ассоциировать скорее с планом языка, нежели культуры. Это, несомненно, верно, поскольку фразеологическая единица, к которым относятся и пословицы, и поговорки – это единица, ассоциирующаяся, в первую очередь, с планом языка и речи, а уж затем рассматриваемая как языковая экспликация данных о культуре того социума, в языке которого присутствует данная пословица. Но нельзя забывать, что наряду с коммуникативной функцией для нормального функционирования языковой системы имеет и функция аккумуляции знаний, а пословицы как раз и аккумулируют знания о культурных ценностях данного социума. В них отражается отношение народа к различным фактам современной жизни и истории, различных сфер бытия.

Затронув проблему культурных ценностей, следует сказать и о ценностях в целом. В аксиологии ценность и оценка различаются, в то время как в большинстве исследований явления языковой оценочности данное различие редко принимается во внимание. Тем не менее, оно представляется достаточно серьезным основанием, задающим семантическую структуру пословицы. Данное различие, на наш взгляд,

состоит в том, что оценка – это внешнее выражение ценности [Анисимов 2001: 67]. Ценность концентрирует в себе всю совокупность аксиологических знаний – утилитарных, эстетических, морально-этических и проч. – о лице, предмете или событии того или иного семантического класса (т.е. относящимся к определенной семантической категории), а оценка эксплицирует определенную часть этих знаний применительно к типовой или конкретной ситуации квалификации качеств и свойств данного лица, предмета или события. Ценность и оценка свойственны всем значимым единицам языка, а тем самым и пословицам как определенному классу фразеологических единиц языка. Проблема того, насколько общекультурные и национальные ценности совпадают и различаются в языковом структурировании таких единиц, представляет, на наш взгляд, значительную актуальность, поскольку ее решение вносит существенный вклад в ответ на одну из центральных проблем сегодняшней семантики: в чем состоят особенности языковой картины мира для носителей различных языков?

Данная статья не претендует на всесторонний ответ в решении данной проблемы, но, как представляется, в ней предпринимается попытка найти более или менее адекватные пути такого решения.

За начальную посылку настоящего исследования мы принимаем следующее. Поскольку ценность является общим аккумулятором квалификативных знаний, независимо от их аксиологического «заряда», то она концентрируется в виде особых мыслительных структур, или, точнее говоря, структур знаний о внешнем мире, известных в когнитивной лингвистике как концепты. Концепты являются не составной частью фразеологических единиц в целом и пословиц в частности, а задают их ценностно-семантические основания. При этом в основе такого «фундаментирования» могут лежать ценности, с логической точки зрения рассматриваемые как контрарные, взаимно исключающие друг друга, но тем не менее имеющие общие понятийные основания [Асмус 1947: 48-49], например, *ВОЙНА* и *МИР*. Если одна из таких семантических составляющих тесно ассоциируется с положительной оценочной квалификацией, а другая с отрицательной, то они чаще всего встречаются в пословицах с синтаксической структурой антитезы, например: *Ломать – не строить, Худой мир лучше доброй ссоры, Дорого, да мило, дешево, да гнило, The spirit is willing but the flesh is weak* и т.п.

Контрарная семантическая составляющая пословицы является основанием наиболее эксплицитной структуры пословиц, но далеко не единственной. Кроме контрарной и близкой ей контрадикторной семантической структур, соответствующих антонимическим семантическим отношениям, в пословицах часто заложены как синонимическая основа, так и гиперо-гипонимическая или диспаратная, когда несвязанные эквонимическими отношениями понятия имеют общее родовое понятие, которому они подчиняются в качестве гипонимов. Такие ценностные основания представлены в большинстве пословиц русского, украинского и английского языков. Например: 1. при семантической общности понятий они обладают различным понятийным объемом (в русском языке: *Ум хорошо, а два – лучше, Двум смертям не бывать, а одной – не миновать, Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*; в украинском языке: *Тікав від вовка, а впав на ведмедя, Малі дітки – малі бідки, а великі діти – великі біди*; В английском языке: *A bird in the hand is worth two in the bush, Little pitchers have big ears* и т.п.); 2. при общих пара-

метрических показателях объекты, сопоставляемые в пословице, относятся к разным концептуальным классам (в русском языке: *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней, Ты ему про Фому, а он – про Ерему, Жизнь прожить – не поле перейти*; в украинском языке: В *огороді бузина, а в Києві – дядько, Куди серце лежить, туди і око біжить*; в английском языке: *So many people, so many minds, Better feet slip than the tongue* и т.п.).

Если сопоставить пословицы этих языков, то нетрудно заметить, что в целом они не только оперируют общими ценностными концептами, такими как *БОГАТСТВО* и *БЕДНОСТЬ*, *КРУПНОЕ* и *МЕЛКОЕ*, *ДОСТУПНОЕ* и *НЕДОСТУПНОЕ*, *СЕРЬЕЗНОЕ* и *ПОВЕРХНОСТНОЕ* и т.п., но и при передаче того или иного ценностного отношения зачастую оперируют общими лексемами в составе пословицы, ср. например:

По одежке протягивай ножки :: *Put your hand no further than your sleeve will reach*
(общая семантическая основа – *ОДЕЖДА*);
Лучше синица в руке, чем журавль в небе :: *A bird in the hand is worth two in the bush*
(общая семантическая основа – *ПТИЦА*) и др.

О том, что семантическую основу пословицы составляет ценность как сумма объективных и субъективных взглядов на определенное лицо, предмет или явление, свидетельствует и тот факт, что в различных пословицах могут отражаться и диаметрально противоположные оценочные квалификации одного и того же объекта реальности, представляющего определенную понятийную категорию. Если подходить к данному явлению с позиций парадигматики и синтагматики языковых единиц, можно с достаточной долей основательности утверждать, что ценность представляет собой семантический инвариант суждения об определенном предмете, представляющем объект квалификации в составе пословицы, в то время как эксплицированное в виде пословицы оценочное суждение представляет вариант реализации данной ценности. Можно смело утверждать, что это явление носит если не универсальный для паремий характер, то, по крайней мере, свойственно германским и славянским языкам, материал которых рассматривается в настоящем исследовании. В этой связи наглядным примером является известная сцена из фильма Л. Гайдая «Операция Ы», когда прораб объясняет пятнадцатисуточнику необходимость трудиться на благо общества и при этом перечисляет русские пословицы о труде. Мимо воли, следуя парадигме мышления, среди пословиц, прославляющих труд, он приводит и явно относящуюся к данной ценностно-концептуальной парадигме пословицу, имеющую совершенно противоположный оценочный смысл *Работа не волк, в лес не убежит*. В украинском языке к одной парадигме относятся также если не противоположные, то, по крайней мере, передающие различные оценочные отношения к концепту *ЗРЕНИЕ* пословицы *Поки на власні очі не побачу – не повірю* и *Бачили очі, що купували – їжте, хоч повилазьте*.

В английском языке полную оценочно-семантическую противоположность демонстрируют следующие пословицы, характеризующие такие концепты, как *НАЧАЛО* и *КОНЕЦ*: *A bad beginning makes a bad ending* и *A good beginning makes a good ending*. Наиболее ближе всего к ценностному инварианту, на наш взгляд, является пословица *In every beginning think of the end*.

В результате данного анализа неизбежен и следующий вопрос: а имеют ли пословицы только ценностно-семантическую основу структурирования, или же, говоря о пословицах, как и о фразеологических единицах в целом, исходить надо из их собственно языковой структуры речевой модели? Имеет ли значение для структурирования пословицы то, по какой модели она строится с позиций языковых, а не семантико-аксиологических?

На наш взгляд, на эти вопросы следует отвечать однозначно утвердительно, но со следующей оговоркой: в семантическом структурировании пословицы равноправно взаимодействуют и ценностно-семантические, и структурно-логические основания. Несомненно, в настоящем исследовании взяты далеко не все пословицы исследуемых языков, но лишь те, в которых содержатся эксплицитные показатели сравнения. Именно сравнение как комплексная логическая и семантическая операция сознания и определяет такое взаимодействие. Это выражается, с одной стороны, в том, что большая часть пословиц, предполагающих оценочную квалификацию на основе сравнения, имеет в определенных языках достаточно обозримое количество основных моделей, которые, если и способны варьироваться, то варьируются в незначительном количестве случаев. В русском языке это, например, модели *Лучше/ хуже X, чем Y, X, а/ но , Скорее X, чем Y* и тому подобные. Но эти же компаративные структуры мы наблюдаем и в английском, и в украинском языках. Выше мы уже показывали, что в пословицах этих различных языков для передачи одной и той же оценочной информации используются одинаковые или близкие по своим онтологическим параметрам концепты, но при этом вместе с концептами часты случаи и совпадения синтаксического структурирования пословицы, например *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать – Краще раз побачити, аніж стократ почути – One eyewitness is better than two hear-so's*.

Несомненно, языковая специфика, как и специфика определенной культуры, накладывает свой отпечаток на особенности формирования структуры пословицы в отдельном языке. Так, в английском языке в пословицах с компаративной комплексной (синтаксической и семантической) структурой часто встречаются сравнения по эквиваленту, передаваемые предикативом *to be worth smth*. Но и этому есть объяснение. Мы полагаем, что ценностные концепты релятивны по своей природе, и потому могут часто заменяться иными экспликатами отношений, передающими разные стороны ценностно-оценочных отношений [Чекулай 2006]. Так, английской пословице *Hear twice before you speak* в украинском языке соответствует *Перше ніж сказати, краще подумай*. В английской пословице отсутствует эксплицитно выраженный оценочный компонент, соответствующий лексеме *краще*, но ценностное содержание компенсируется прескрипционной формой высказывания (глагол в императиве). Кроме того, в таком семантическом контексте нейтрализуются семантические различия между концептами действий *ДУМАТЬ* и *СЛУШАТЬ*.

Таким образом, сравнение как логическая и структурная основа оценки задает достаточно близкие структурные и семантические параметры пословиц как максим, носящих ярко выраженный аксиологический характер, в различных языках, являющихся родными для представителей разных европейских культур.

Использованная литература:

Анисимов, С.Ф.: *Введение в аксиологию*. «Современные тетради», М. 2001.

Асмус, В.Ф.: *Логика*. Госполитиздат, М. 1947.
Чекулай, И.В.: *Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке*. Изд-во БелГУ, Белгород 2006.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Елена Пупынина, Наталья Пупынина
Россия, Белгород

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Abstract:
The paper presents comparative study of Russian and English proverbs and sayings verbalizing positive emotions. Two kinds of proverbs and sayings are analyzed: those ones that express emotions and those ones that represent knowledge about emotional states. This knowledge is considered culturally dependent.

Key words:
Positive emotions, concept, culture, Russian, English, proverbs, sayings.

Проблема «язык и культура» в несколько измененном вследствие новых достижений виде снова приобрела актуальность. В результате появился целый ряд терминов, среди которых, как отмечает С.Г. Воркачев, «*концепт*», «*лингвокультурема*», «*мифологема*», «*логоэпистема*». Автор предлагает считать концепт «*зонтиковым*» термином, покрывающим предметные области нескольких научных направлений [Воркачев 2003: 6]. Конечно, существуют различные точки зрения на соотношение упомянутых терминов. Например, по замечанию Н.Ф. Алефиренко, лингвокультурема является более сложным образованием, ядро которого составляет концепт [Алефиренко 2007: 4]. Несмотря на возможные расхождения во взглядах ученых, нужно признать, что концепт не теряет статус одного из стержневых терминов, применяемых для экспликации соотношения языка и культуры, языка и сознания.

В данной статье ставится цель рассмотреть в контексте упомянутой проблемы концепты положительных эмоций, которые нашли свою объективацию в пословично-поговорочном фонде русского и английского языков.

Прежде чем излагать результаты исследования, следует сделать несколько замечаний о возможности рассмотрения эмоций в контексте культуры. Считается, что универсальная основа психики человека дает повод относить эмоциональные состояния к универсальным феноменам, свойственным любому индивиду незави-

симо от того, представителем какой культуры он является. Выделяются шесть первичных или базовых эмоций, которые испытывают представители разных культур [Ekman; 1992, Jzard 1993]. Тем не менее, «*распределение этих универсальных эмоций, их интенсивность и способы их выражения специфичны для носителей разных языков*» [Мягкова 2000: 22]. Иначе говоря, с точки зрения единой природы человека, эмоции как врожденные биологические явления присущи всем людям. Для человека также характерны рефлексия, в определенной мере осознание своих переживаний и стремление их объяснить. В этом случае культура может играть детерминирующую роль. Кроме того, отношение к эмоциональным состояниям, их оценка могут быть культурно обусловленными, национально специфичными, что также может фиксировать язык. Как известно, в языке находит отражение то, что коммуникативно, социально значимо для определенного лингвокультурного сообщества. При таком понимании проблемы возможно проводить сопоставительное изучение эмоциональных концептов.

Наиболее очевидно национально-культурная информация проявляется в пословицах и поговорках. Ведь именно они выступают способом хранения жизненного опыта, наблюдений и мыслей, которые разделяются множеством представителей того или иного лингвокультурного сообщества. «*Такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших*» [Жуков 1966: 3]. Не менее значимым паремиологический фонд может оказаться для исследования эмоциональных концептов. «*Пословицы редко бывают спокойными. Они, как и люди их создавшие, гневаются, печалятся, смеются, трунят, веселятся, плачут, охают, стонут, кричат, озорничают, балагурят, пугают, предостерегают, учат, негодуют* [...] *Поговорка в еще большей степени, чем пословица, передает эмоционально-экспрессивную оценку разных жизненных явлений. Поговорка и существует в речи ради того, чтобы выражать именно и прежде всего чувства говорящего*» [Жуков 1966: 4-5].

В настоящей статье сравнение вербализации эмоциональных концептов проводится по трем параметрам, которые определяются наличием в концепте трех составляющих. Концепт имеет ценностную, образную и понятийную стороны [Карасик 2002: 129], в том числе эмоциональный концепт включает в себя, помимо понятия, образ и оценку [Красавский 2001: 29]. Описать понятийную, ценностную и образную составляющие концепта можно, ответив на три вопроса: О чем говорится в пословице? Что в ней об этом говорится? Как говорится?

Как русские, так и английские пословицы и поговорки можно разделить на два вида:

– Пословицы и поговорки, которые непосредственно выражают эмоциональное состояние. В этом случае информация о состоянии говорящего входит и в прагматический компонент плана содержания. Например: *Не было ни гроша, да и вдруг алтын*. В данном случае говорящий испытывает радость от неожиданной удачи, появления чего-либо.

– Пословицы и поговорки, которые передают знание о переживаниях, эмоциональных состояниях. Это утверждения, сообщения, содержащие широкие жизненные обобщения и носящие назидательный или дескриптивный характер. Например: *Не родись красивым, а родись счастливым. Не в деньгах счастье. A full cup must be carried steadily* («полную чашу нужно нести осто-

рожно», то есть счастье нужно беречь). *After rain comes sunshine/ fair weather* («после ненастья – солнышко», то есть после горя – радость).

В ходе данного исследования нас интересовали оба вида пословиц, но не с точки зрения их экспрессивности, а с точки зрения передаваемого ими знания. Именно в этом плане нам кажется допустимым говорить о концептах положительных эмоций, так как концепт – это «квант знания».

Большинство пословиц и поговорок, выражающих информацию о положительном эмоциональном состоянии, содержат слова-номинанты эмоций. Доминирующим словом в русском пословично-поговорочном корпусе является *счастье* и его дериваты, затем следуют *хороший* и *радость*. В английских пословицах и поговорках примерно равно в количественном отношении употребляются *pleasure, good, fortune, joy*. Английское *happiness* обнаружилось в одной пословице. Кроме того, при различных видах перевода английских пословиц и поговорок на русский язык (аналоги, эквиваленты, описательный перевод) то содержание, которое передается в английском языке разными словами, может покрываться русским словом *счастье*. Приведем примеры: *Fools have fortune. – Дуракам счастье. He dances well to whom fortune pipes. – «Кому счастье служит, тот ни о чем не тужит». Unlucky in love, lucky at play. – Несчастлив в любви – счастлив в игре. Better be born lucky than rich. – Не родись богатым, а родись счастливым*. Возможно, это позволяет сделать вывод о том, что в русском языковом сознании *счастье* приобретает некий глобальный, обобщенный смысл, которым наделяется множество ситуаций и в котором определенным является только то, что это состояние со знаком «плюс».

Поскольку пословицы и поговорки характеризуются образностью, то можно проследить, с какими образами связаны положительные состояния в сознании носителей русского и английского языков. Следует отметить, что в этом отношении большого отличия не наблюдается. Так, и в русских, и в английских пословицах и поговорках обнаруживается ассоциация психологических состояний с вкусовыми ощущениями: положительное состояние связывается со вкусом сладкого, отрицательное – со вкусом горького. Например: *Ложка дегтю в бочку меда. Who has never tasted bitter, knows not what is sweet* (Не отведав горького, не узнаешь и сладкого). *Honey is sweet, but the bee stings* («Мед сладок, да пчелка жалит»). *No sweet without some sweat* (Не вкусив горького, не видать и сладкого).

Приведем примеры, иллюстрирующие связь с другими образами. См. выше *A full cup ...* В русском языке также существует выражение *полная чаша*. *Drunken days have all their tomorrows* («после пира наступает похмелье», ср.: *пьяный скачет, а проспался, плачет*).

Ассоциирование эмоционального состояния с погодными условиями характеризует языковое сознание англичан. Нельзя отрицать, что эта характеристика присуща и русским. Однако это не находит такого яркого отражения в русских пословицах, как в английских. Например, для следующей английской пословицы трудно подобрать русскую пословицу, в которой бы полностью или хотя бы частично сохранялась образная основа: *If there were no clouds, we should not enjoy the sun* («если бы не было туч, то мы не ценили бы солнце»).

Можно отметить и другие расхождения в образной основе пословиц. Так, аналогом английской пословицы *Every day is not Sunday* («воскресенье – раз в неделю, а не семь», то есть не всегда бывает только приятное, радостное) является русская

Не все коту масленица, <бывает и великий пост>. Как можно заметить для передачи одной и той же мысли в двух языках задействованы разные образы.

Рассмотрим еще одну составляющую эмоциональных концептов – оценку. В английских и русских пословицах и поговорках находит отражение информация об отношении носителей языка и культуры к эмоциональным состояниям, о фактах действительности, которые вызывают положительные эмоциональные состояния, о субъекте-носителе эмоции. В целом, передача этой информации характерна как для русских, так и для английских паремий. Отличия заключаются в том, какие идеи представлены репрезентативно. Так, в русских пословицах не единожды представлена идея о большей значимости духовного по сравнению с материальным: *Не в деньгах счастье. Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив. Не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив*. Счастье оценивается даже выше правды, о чем говорится в пословице: *Правда хорошо, а счастье лучше*. Такая оценка определяет социально приемлемые эмоции и, соответственно, поведение в определенных ситуациях: *Не будь гостю запасен, а будь ему рад*. Причем ценится определенное отношение в нужный момент или то, что сделано вовремя: *Дорого яичко к великому дню*.

Среди английских пословиц и поговорок количественно наиболее представлены те, в которых положительные и отрицательные состояния оцениваются как временные, неизбежно сменяющие друг друга; чтобы испытать одно, нужно пережить другое. См. выше: *Who has never tasted bitter ... If there were no clouds ... Every day ... Drunken days ... After rain ...* Кроме того, иллюстративными являются следующие пословицы: *Life is not a bed of roses* (в жизни не одни только радости). *There is no pleasure without pain* (нет розы без шипов). *Pleasure has a sting in its tail* (нет розы без шипов). *After a storm comes a calm* (после бури наступает затишье). Отсюда, идея о том, что радость, счастье нужно ценить, беречь, другое отношение есть признак глупости, заслуживающий сочувствия: *It is a poor heart that never rejoices* (жалок тот, кто никогда не знает радости). *Fools never know when they are well* (дураки своего счастья не понимают).

Таким образом, эмоциональные концепты могут получать языковую репрезентацию с помощью пословиц и поговорок. Сопоставительный анализ репрезентации концептов положительных эмоциональных состояний в русских и английских пословицах и поговорках показывает культурологическую общность передаваемой информации. Национальная специфика проявляется в расстановке акцентов, то есть в том, какая информация обладает большей коммуникативной значимостью.

Использованная литература:

Алефиренко, Н.Ф.: *Когнитивно-семиологическая лингвокультурология: истоки и методологические основы*. In: Знание. Язык. Культура. Тула 2007. С. 3-8.

Воркачев, С.Г.: *Концепт как «зонтиковый» термин*. In: Язык, сознание, коммуникация. М. 2003. Вып. 24. С. 5-12.

Жуков, В.П.: *Словарь русских пословиц и поговорок*. М. 1966.

Карасик, В.И.: *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград 2002.

Красавский, Н.А.: *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград 2001.

Мягкова, Е.Ю.: *Проблемы и перспективы исследования эмоционального значения*. In: Язык, сознание, коммуникация. М. 2000. Вып. 11. С. 20-23.

Ekman, P.: *Are there basic emotions?* In: Psychological review 1992, V. 99, № 3, pp. 550-553.

Jzard, C.: *Four systems for emotion activation: cognitive and noncognitive processes*. In: Psychological review 1993, V. 100, pp. 68-90.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Алиция Пшишляк
Польша, Ополе

ПОСЛОВИЦЫ В «ПАНЕ ТАДЕУШЕ» А. МИЦКЕВИЧА И В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ЭПОПЕИ

Abstract:
The article analyses chosen proverbs, coming from the Polish national epic poem *Pan Tadeusz*. The conducted analysis is aimed at:
1. characterisation of the ways of the proverbs equivalency in two Russian translations of Mickiewicz's epic poem (the first translation from 1956, the second one from 2000),
2. presentation of the semantic changes appearing in Russian equivalents.

Key words:
Translation paremiography, Russian equivalents of the Polish proverbs, Adam Mickiewicz's *Pan Tadeusz*, Russian tranlations of Mickiewicz's epic poem.

Предметом анализа в настоящем тексте являются пословицы из польской национальной эпопеи «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича. Главной задачей считается:

1. характеристика способов эквивалентизации этих пословиц в двух русских переводах эпопеи: 1956 и 2000 гг.;
2. анализ возможных переосмыслений, появляющихся в русских эквивалентах.

Вначале отметим, что для настоящего текста принципиально важным является факт, что пословицы обладают совокупностью свойств, которые позволяют относить их к сфере *langue*. Статус пословиц как единиц языка требует соответствующей лексикографической трактовки. Они должны фиксироваться в словарях – как в одноязычных, так и переводных – как полноценные заглавные единицы. Самой важной задачей лексикографов является установление их инвариантной формы. Оказывается, однако, что это одна из нерешённых ещё задач переводной паремиографии. В переводных словарях часто сталкиваемся с ситуацией, когда к данной заглавной единице (системной единице исходного языка) приводится какой-то мнимый иноязычный эквивалент, являющийся скорее всего элементом *parole*, несмотря на то, что язык перевода имеет своё устойчивое соответствие – бесспорный полный эквивалент данной исходной пословицы. Поэтому словарь, который, по-моему, должен быть для пользователя «высшей инстанцией», во многих случаях

не только не даёт ему объективной информации, но даже вводит его в заблуждение. Где, в таком случае, паремиографы могут найти материалы, которые помогут им восполнить пробелы, имеющиеся в современной переводной паремиографии? Одним из возможных источников являются переводы литературных произведений, в которых содержатся иноязычные эквиваленты имеющихся в подлиннике пословиц. Такого мнения придерживается, например, польский лексикограф Ян Вавжинчик, который считает, что переводчик должен быть наравне с лексикографом-создателем переводного словаря [Wawrzyńczyk 1991].

Под таким именно углом зрения я пыталась рассматривать польские пословицы, зафиксированные на страницах эпопеи Мицкевича. Я поставила перед собой задачи:

1) найти эквиваленты пословиц из «Пана Тадеуша» в русских переводах этой эпопеи и
2) найти ответ на вопрос: Насколько оправдан постулат Вавжинчика?

Надо, однако, уточнить, что анализ, ограниченный рамками настоящего текста, является, в силу обстоятельств, фрагментарным по двум причинам:

1) я не имею возможности подвергнуть анализу всё многообразие пословиц из «Пана Тадеуша», и поэтому объектом изучения стала избранная группа пословиц – «чистые» пословицы, т.е. такие, которые «являются результатом народного творчества и определение авторства которых невозможно» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 5]. Эти пословицы, как правило, отражают наднациональные, общечеловеческие ценности, и я рассчитывала на то, что они будут иметь эквиваленты в славянских языках, в том числе в русском;
2) анализ относится к двум русским переводам эпопеи, а оптимальной задачей на будущее считаю сопоставление пословиц из всех 5-ти русских переводов «Пана Тадеуша».

Нижеуказанная таблица представляет в самом сокращённом виде применённый мной метод исследования:

№	Пословица в тексте эпопеи Мицкевича (выделенная жирным шрифтом)	Словарная форма польской пословицы (NKPP)[1]	Русский эквивалент в переводе I (1956 г.)[2]	Русский эквивалент в переводе II (2000 г.)[3]	Словарная форма русской пословицы (если такая имеется)[4]
1.	Mówiłem: Ej, Dobrzyński! ej, **przyjdzie do woza koza** – a co? Dobrzyński, widzisz! będzie łoza. (IX, 149-150)	**Przyjdzie koza do woza.** (nr 61, str. 177)	А что, Добжинские? Мы не играем в жмурки, Наплачетесь ещё из-за моей мазурки! **Попомните меня!** Ручаюсь головою. (с. 213)	В мазурке я иду, а он мне в спину «Вор!» И шляхта вся «Ату, ату его! Позор!» Унизить вздумали, прохвосты, подголоски... **Но отливаются волкам овечьи слезки»** (с. 459)	I: Ан.=0, yan.(370) II: Ан.= **Отольются волку овечьи слезы**[5] (с. 249), yan. (80) – в словарной форме из Ан.

По очевидным причинам составление русской стороны таблицы вызвало гораздо больше затруднений, чем польской. Самой сложной задачей было: 1) ответить на вопрос: является ли выделенная из перевода фраза реальной пословицей, то есть единицей системы русского языка, или это лжепословица? 2) установить инвариантную форму русского эквивалента в том случае, когда она имелась. Чтобы установить инвариант, необходима определённая точка отсчёта: надо знать все-

возможные варианты и синонимы пословицы. Вся сложность вопроса заключается в том, что пословицы живут в памяти носителя языка, у которого есть т.н. языковое чутьё, благодаря которому он умеет отделять настоящие пословицы от выражений паремиевидных. У иностранца чаще всего такая языковая интуиция отсутствует, и поэтому я, как иностранец-русист, могу опираться лишь на собственный языковой опыт, а также на словари и Интернет. Хотя словари и Интернет оказались, конечно, в некоторой степени пригодными в работе, следует подчеркнуть также факт, что расхождения в данных из этих источников значительны.

Проведённый анализ показывает, что имеющиеся в исследованных переводах русские эквиваленты польских пословиц можно разделить на четыре группы:

1. точные эквиваленты: в качестве эквивалента польской пословицы (польской единицы языка) даётся русская пословица (русская единица языка); они совпадают по форме (образности) и используются в том же значении, ср.: *I wilk syty, i owca cała. – И овцы целые, и волки будут сыты!* [перевод I] – *И овцы целы ведь и волки тоже сыты.* [перевод II] – *Овцы целы, и волки сыты.* или *И овцы целы, и волки сыты.* (русский инвариант);
2. неполные эквиваленты: в качестве эквивалента польской пословицы (польской единицы языка) даётся русская пословица (русская единица языка); хотя они совпадают в логико-семиотическом аспекте, то не совпадают по форме и отличаются своей образностью. Сначала я отнесла к этой группе такую пару: *Przyjdzie koza do woza. – Но отливаются волкам овечьи слезки.* [перевод II] – *Отольются волку овечьи слезы.* (русский инвариант), потому что по своей принадлежности к коду языка эти пословицы симметричны. Польская пословица *Przyjdzie koza do woza* является реальной единицей польского языка, а русская пословица *Отольются волку овечьи слезы* – реальной единицей русского языка. Однако, если присмотреться ближе, видно, что они не совпадают в логико-семиотическом аспекте. Это скорее всего спорный, «промежуточный» пример.
3. «лжепословицы»: в качестве эквивалента польской пословицы (польской единицы языка) приводится мнимый иноязычный эквивалент, являющийся элементом *parole* (напр., калька или подделка под исходную пословицу) – также в тех случаях, когда язык перевода имеет своё устойчивое соответствие, ср.: *Wart Pac pałaca, a pałac Paca. – Достоин Пац дворца, дворец достоин Паца.* [перевод I] + [перевод II].
4. описательные эквиваленты: польская пословица (единица польского языка) передаётся посредством описания собственными словами переводчика; они не совпадают ни по своему составу, ни по образности, иногда также и в логико-семиотическом аспекте, ср.: *Łaska pańska, na pstrym koniu jeździ. – Что милость барская? Поможет ли в беде?* [перевод II].

Наблюдения над проанализированным материалом позволяют сделать несколько выводов: 1) в русских переводах преобладают эквиваленты типа «лжепословиц», а самый редкий тип составляют неполные эквиваленты. Показательно, что нередки случаи, когда данная польская пословица передаётся посредством «лжепословицы» или описательного эквивалента, хотя русский язык имеет своё устойчивое соответствие. Приведём список польских пословиц вместе с их точ-

ными русскими эквивалентами, которых переводчики не использовали в текстах перевода: *Mądrej głowie dość dwie słowie. – Умный слышит в полслова*. [yan. :336]; *Przyjdzie koza do woza. – Захочет коза сена – будет у воза*. [yan. :85]; *Nosił wilk razy kilka, poniosą wilka. – Таскал волк – потащили и волка*. [yan. :151]; *Szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie. – Шляхтич на загроде/на огороде/в огороде равен/равный воеводе*. [yan.: 55]; *Kto się lubi, ten się czubi. – Милые бранятся – только тешатся*. [yan.: 35 604]; 2) по-моему, использование «описательных» переводов, неполных эквивалентов и т.п. при переводе польских пословиц, найденных в художественном тексте, на русский язык нельзя поставить переводчикам в особенную вину. Переводчик старается приспособить пословицы к контексту и к потребностям поэтического текста. И поэтому в переводе пословицы подвергаются усечениям и другим модификациям, вплоть до «растворения» в нём. Принимая во внимание известное правило сопоставительной паремиографии, которое относится прежде всего к генетически родственным языкам: «Każda jednostka paremiologiczna w języku wyjściowym ma swój adekwatny odpowiednik w języku docelowym» [Zmarzer 200: 260], можно констатировать, что барьер, который переводчик чаще всего не в силах преодолеть, воздвигают перед ним в большей степени требования поэтического текста, чем языковые различия; 3) если вернуться к поставленному в начале текста вопросу, то окажется, что переводы – если судить по проанализированным переводам Мицкевича – не являются авторитетными источниками для переводных словарей пословиц. Паремиограф, составляя переводной словарь, часто не находит в тексте-переводе надёжного языкового материала, который он мог бы использовать в словаре безоговорочно.

Однако всякого рода «лжепословицы» могут оказаться в переводной паремиографии полезным источником информации другого типа: они могут быть использованы в качестве подстрочников, пояснений, толкований, если только они достаточно точно передают смысл оригинала.

Примечания:

[1] NKPP – *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, red. Julian Krzyżanowski, t. I, II, III, Warszawa 1969

[2] I. *Пан Тадеуш (или последний наезд на Литве)*, перевод – С. Мар (Аксенова), редакция и предисловие – Максим Рыльский, Москва 1956

[3] II. *Пан Тадеуш (или последний наезд на Литве)*, [в:] Мицкевич Адам, Избранная поэзия, перевод – С. Свяцкий, Москва 2000.

[4] В тексте используются условные сокращения: 1956 = русский эквивалент из перевода 1956 года; 2000 = русский эквивалент из перевода 2000 года; Ан. = Аникин Владимир П., ред., Русские пословицы и поговорки, Москва 1988; если этот словарь фиксирует данную пословицу, то после знака равенства (=) даётся словарная форма пословицы. Ан.= 0 означает, что данная пословица не фиксируется словарём; yan. = браузер портала www. yandex.ru; в круглых скобках указано число страниц, к которым отсылает браузер этого портала.

[5] В словаре (Ан.) наряду с приведённой пословицей фиксируются синонимические: *Отольются кошке мышкины слезки, Отольются медведю коровьи слезы;* yan= *Отольются волку овечьи слезки* (75), *Отольются кошке мышкины слезки* (0), *Отольются кошке мышкины слезы* (15), *Отольются медведю коровьи слезы* (125).

Использованная литература:

Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова, С.Г.: *Большой словарь крылатых слов русского языка,* Москва 2000.

Wawrzyńczyk, J.: *Tłumacz współtwórcą słownika przekładowego*. „Literatura na świecie" N 5, Warszawa 1991, s. 291-296.

Zmarzer, W.: *Systematyzacja paremii w słowniku dwujęzycznym*. In: Frazeografia słowiańska, Opole 2001, s. 257-263.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Наталия Николаевна Семененко
Россия, Старый Оскол

БАЗОВЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКИХ ПАРЕМИЙ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

Abstract:
The actual problem of the research is the necessity to think over the essence of the general meaning of the proverb, representing cognitive structures of special kind. Basic semantic characteristics of proverbs are analyzed in the light of cognitive approach: a) the ability to represent frames as well as concepts, b) polyconceptuality is the consequence of the lack of topic meaning, c) the ability of proverbs to represent conclusions, characteristics that determine compositional semantics in proverbs. The semantic characteristics are usually vividly depicted in comparison with semantic peculiarities of proverbs as idiomatic structures with metaphorical meaning that can specify evaluative and expressive sections of the concept. The cognitive base of the proverb denotes not only different parts of the concept, but the whole cognitive units, that stipulate effective realization of communicative-pragmatic potential in speech.

Key words:
Proverbs, frame, concept, semantics, polyconceptuality, cognitive, conclusion, representation, reference, topic meaning.

Устное народное творчество традиционно является наиболее авторитетным источником для реконструкции национальной языковой картины мира в ее наивно-обыденном аспекте существования, что способствовало выделению паремий в качестве наиболее показательного материала лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа. Со становлением и развитием когнитивно-дискурсивного подхода к изучению культурно значимых текстов наиболее актуальными для изучения становятся те свойства паремий, которые позволяют им объективировать не только отдельные фрагменты концептосферы, но и целые когнитивно-дискурсивные пространства. Эта способность паремий и придает им статус «правды жизни», воплощенной в языке.

Пословица как одна из самых употребительных в речи разновидностей паремий интересна для исследователя национальных ментальных и культурных стереотипов сразу в нескольких ракурсах: (а) в плане установления средств языковой выразительности, формирующих национальный идеал красноречия; (б) с точки зрения

особенностей семантической структуры пословиц, способствующей аккумуляции, хранению и трансляции культурно значимой информации, а также (в) для рассмотрения основных прагматических установок, действующих практически независимо от конкретных социально-исторических условий и не теряющих своей актуальности на протяжении сотен лет.

Для подтверждения последней мысли наиболее показательны примеры функционирования пословиц религиозного содержания в период тотального атеизма и тот факт, что псевдопословицы, целенаправленно создаваемые в 30-40-е годы для популяризации новой идеологии, так большей частью и не прижились в народе, оставшись просто пустыми лозунгами. Ср.: *Чтобы армия сильнее стала – больше давай металла; Тому бог не нужен, кто с наукой дружен; Ни межи, ни краю колхозному урожаю*.

Пословица же, в отличие от лозунга, актуальна при любой смене политического курса, поскольку говорит не о ситуациях сиюминутных, конкретных и подверженных однозначной оценке, а указывает на типическое, избегая сколько-нибудь конкретных деталей – и субъект, и действие, и время, и пространство в ней предельно типизированы. Это свойство может быть охарактеризовано как особенность текстового хронотопа, обусловливающегося сниженным предметным значением денотатов, образующих смысловую структуру пословицы.

Для «свернутого» текста пословицы неактуальна сама реализация денотативного компонента значения входящих в нее лексем. Так, при указании на субъект действия: *Охала Маланья, что уехал Ананья*; *Фетинья стара, да Федоту мила*; *Невесту доставай собой, а не Федорой да Фомой* личное имя не выполняет собственно референтной функции – в большинстве паремий, использующих личные имена, важно не референциальное значение, этими именами выражаемое, а значение типичного лица, наделенного теми или иными, чаще нелицеприятными, качествами, при этом наделение имени ярко выраженной оценкой – вопрос случая и следование ритму и рифме, образующим форму пословицы. При этом в ряде пословиц личное имя может играть существенную роль в создании культурного «фона» высказывания.

Кроме того, пословица, как правило, «не любит» конкретизации субъекта, места и времени. Этому способствует и ее синтаксическая структура, избегающая использования указательных, лично-указательных, за редким исключением притяжательных местоимений, вообще слов, обозначающих конкретные имена, принадлежность, количество. Количественные числительные (за исключением таких, как *один, двое, семеро, сто* и некоторых аналогичных) в пословицах не встречаются. Наречия с временными, пространственными, причинными и близкими к ним функциями, а также функционально близкие к наречиям падежные и предложно-падежные формы существительных в пословицах крайне редки, на что указывает, в частности, и З.К. Тарланов [Тарланов 1999: 48-49].

Способствует относительному выражению субъекта в пословице и использование так называемого «обобщенного единственного числа» (Д.И. Руденко), под которым понимается употребление имени в форме единственного числа, не имеющего явной оппозиции со множественным. Лицо, «преподносимое» в пословице в форме обобщенного единственного числа, предельно типизировано и воспринимается отвлеченно от большинства антропометрических характеристик, за исключением одной,

лежащей в основе номинации, выраженной существительным или субстантивированным прилагательным: *Брат он мой, а ум у него свой*; *Знайка по дорожке бежит, а незнайка на печи лежит*; *Человек не орех, сразу не раскусишь*.

Особенности хронотопа пословицы, на наш взгляд, во многом объясняют природу поликонцептуальности пословиц как способности репрезентировать несколько различных когнитивных единиц с помощью одного умозаключения. Например, *Ворон ворону глаза не выклюнет* – текстом пословицы вербализована концептуальная антитеза «Свой – Чужой» и гештальт «Сообщники»; пословица *Ремесло не коромысло – плеч не оттянет* репрезентирует концепты «Труд», «Учеба», концептуальную антитезу «Труд – Лень», гештальт «Свое всегда при себе» и фрагмент фрейма «Работа».

Таким образом, долгий век истинно народных афоризмов объясняется, на наш взгляд, рядом причин, среди которых, в первую очередь, не насыщенность пословицы этнически специфической лексикой, а уникальность ее синтаксических и семантических свойств, которые позволяют этому виду паремий функционировать в качестве «свернутого» текста. Пословицы не просто содержат умозаключения житейского или философского плана, они несут в себе объемную информацию, соотносимую с целым комплексом когнитивных единиц (концептов, фреймов, гештальтов).

Для современной лингвистики остается чрезвычайно актуальным вопрос о способах и механизмах вербальной репрезентации когнитивных единиц различного уровня. При этом синкретичный статус пословицы (с одной стороны – текстовая единица, с другой стороны – устойчивое выражение) позволяет рассмотреть ее как эквивалентное (с помощью ключевых лексем-репрезентаторов) и как безэквивалентное (посредством всего текста пословицы) средство репрезентации когнитивных единиц. А жанровая специфика пословиц позволяет наблюдать не только собственно когнитивный аспект вербализации концептов и фреймов, но и аспект прагматический (собственно культурный), связанный с фоновыми знаниями, необходимыми для адекватного прочтения пословиц.

Зачастую, при ближайшем рассмотрении пословица выступает в роли своеобразного «кодификатора» ментальных особенностей народа и нуждается в серьезной расшифровке, несмотря на кажущуюся очевидность умозаключения. Пословица, как правило, не терпит в своей структуре архаичных элементов, но со временем смысл некоторых высказываний может измениться, мобильно приспосабливаясь к тому комплексу жизненных ситуаций, которые наблюдаются в данный исторический момент. Например: *Не конь везет, а дорога, Всяк спляшет, да не так, как скоморох* – применение этих пословиц к ситуациям, давно уже не связанным ни с конем, ни со скоморохом вполне оправдано, поскольку смысловое ядро пословицы не зависит непосредственно от номинированного денотата – в этом и заключается феномен ее обобщенного значения, определяемый З.К. Тарлановым как *«разрыв действия-состояния предложения с вполне определенным лицом-деятелем и ... грамматическим временем»* [Тарланов 1999: 44].

Еще одна уникальная способность пословицы заключается в ее внутренней компромиссности, допускающей двоякое прочтение. Например, пословица *Работа не волк – в лес не убежит* может восприниматься в равной степени как утверждение о необходимости делать все вовремя, так и в качестве оправдания лени. Природа этих и многих других уникальных семантических свойств пословиц становится бо-

лее понятной при использовании когнитивно-дискурсивного подхода к изучению ее семантической структуры.

В свете когнитивно-дискурсивного подхода анализируются базовые семантические свойства пословицы, которые позволяют рассмотреть языковой механизм репрезентации когнитивных единиц и структур. Одной из таких особенностей является способность пословиц наряду с концептами репрезентировать фреймы. Фрейм как «*мыслительный образ стереотипной ситуации*» [Алефиренко 2005: 187] может репрезентироваться группой пословиц, характеризующих эту стереотипную ситуацию по различным «векторам» смысловой структуры фрейма. Например, при рассмотрении области вербализации фрейма «Дело» посредством пословиц обнаруживается смысловой вектор оппозиции «Слово – Дело», реализующий большей частью содержание концепта «Пустословие»: *Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается; Криком изба не рубится <дело не спорится>; Дела словом не заменишь; Не спеши языком, спеши делом; Больше дела, меньше слов!; Кто словом скор, тот на деле не спор; Кто много говорит, тот мало делает; Кто мало говорит, тот больше делает; Брехать не цепом мотать; Учи указом, а не рассказом; Без лишних слов, Языком масла не собьешь; Работа с зубами, а леность с языком*. С другой стороны, слово может и не расходиться с делом: *Сказано – сделано*. В этом и в других случаях способность пословиц выражать умозаключения, имеющие поликонцептуальную соотнесенность, во многом определяются наличием у них композиционной семантики как феномена семантического взаимодействия лексем под влиянием внутренней организации текста.

Данные семантические свойства особенно ярко проявляются при сопоставлении их с семантическими особенностями поговорок как идиоматизированных оборотов с нерасчлененной метафорической семантикой, способных объективировать, главным, образом оценочный и экспрессивный слои концепта. Придерживаясь той точки зрения, что поговорки, в отличие от пословиц, относятся к фразеологии, поскольку обладают устойчивостью, смысловым единством, синтаксической неделимостью, воспроизводимостью и функциональной близостью к слову (А.Н. Тихонов, З.К. Тарланов), мы отмечаем, что их функционирование во многом обусловлено способностью украшать и разнообразить речь; при этом поговорка не выражает какое-либо умозаключение, а, как правило, дает экспрессивную характеристику: *Кучерявый, без волос, тоненький, как бочка*; *Волос осталось на одну драку*; *Просит покорно, наступивши на горло*; *Выпьем за мой счет, за твои деньги*.

Таким образом, актуальность проблемы когнитивно-дискурсивного исследования паремий обусловлена назревшей необходимостью осмыслить природу обобщенного значения пословицы, репрезентирущего когнитивные структуры особого рода. При этом на первый план выдвигаются такие базовые семантические свойства пословицы, как способность наряду с концептами репрезентировать фреймы; поликонцептуальность, являющаяся следствием сниженной референции денотатов и способность пословиц выражать умозаключения. Когнитивная основа пословицы позволяет ей обозначать не только отдельные фрагменты концептосферы, но и целые когнитивно-дискурсивные пространства, что обуславливает эффективное воплощение в речи ее коммуникативно-прагматического потенциала.

В целом, когнитивно-дискурсивный подход к изучению паремий как культурно значимых текстов позволяет не только детально описать их семантические осо-

бенности и приблизиться к пониманию механизма репрезентации когнитивных структур посредством сложных текстовых знаков, но и сделать шаг в направлении исследования языка как «не только и не столько статической системы, сколько системы функционально-коммуникативной» [Алефиренко 2006: 40], демонстрирующей органическую связь с феноменом человеческой культуры.

Использованная литература:

Алефиренко, Н.Ф.: *Современные проблемы науки о языке*. Москва 2005.

Алефиренко, Н.Ф.: *Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка*. In: Слово – сознание – культура. Москва 2006.

Тарланов, З.К.: *Русские пословицы: синтаксис и поэтика*. Петрозаводск 1999.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Анджей Ситарски
Польша, Познань

К ВОПРОСУ ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТАМИ: *ЗОЛОТО, ЗОЛОТОЙ*

Abstract:
The results of the observation of the semantics of Russian phraseologisms and proverbs with the lexical components "gold" and "golden" enables one tu conclude that the units create a clear element of valuation through the conventionalised and symbolic meaning of the mentioned words. It is created by means of axiological metaphorisation of the words "gold" and "golden", as well as their new function of defining other meanings, such as value , perfection and vice.

Key words:
Phraseologism, proverbs, lexical component, symbolic meaning, axiological metaphorisation, anthropocentric category, evaluating connotation.

Дихотомия хорошо/плохо является одним из основных критериев осмысления окружающей действительности, формирования системы ценностей, что обеспечивает ей ядерное положение в структурах национальных оценочных картин мира. Согласно мнению Л.А. Сергеевой, оценочные слова соотносятся с объектом оценки через понятие ценности, ориентированное на определенный оценочный масштаб – нравственный или эстетический идеал, социальную норму качеств, психофизиологические или интеллектуальные возможности и потребности индивида и т.п. [Сергеева 2003: 48].

Оценка является наиболее антропоцентричной категорией. Ее наиболее продуктивная языковая реализация получается, как нам кажется, в концептуальном пространстве, создаваемом с ориентацией на человека, на его нужды, стремления, нравственность. Объективный мир членится человеком с точки зрения его ценностного характера – нормами представления о хорошем и плохом.

Сферой реализации аксиологического членения объективного мира является речь, поэтому оценочность является фактом языка. Н.Д. Арутюнова обращает внимание, что на формирование и интерпретацию оценочного значения данной языковой единицы влияют нормы, принятые в том или другом обществе, миро-

воззрение и мироощущение, социальные интересы, а также мода и престижность [Арутюнова 1988: 6].

Следует подчеркнуть, что в оценочной картине мира, содержащейся в русском языке, так как и в любом другом языке, имеются как универсальные элементы, так и те, которые являются культурологически специфическими. Поэтому, разделяя точку зрения Е. Бартминьского, в аксиологическом видении мира необходимо учитывать субъективно-культурологический фактор, который решает о способе суждения об объекте, его категоризации, о выборе признаков, характеризующих объект в конкретных высказываниях и запечатленных в них значениях [Bartmiński 2006: 78]. Лингвокультурным выражением этнического самосознания являются в частности фразеологизмы и пословицы. Их семантический анализ позволяет понять национально-культурную специфику данного этноса, узнать его систему ценностей посредством определения оценочных коннотаций, содержащихся в значении фразеологизмов и паремий.

Целью настоящей статьи является попытка исследования реализации дихотомии хорошо/плохо в русских фразеологизмах и паремиях и других устойчивых словосочетаниях, содержащих в своей лексической структуре компоненты *золото* и *золотой*. С точки зрения целостного значения фразеологизмов и пословиц лексемы *золото* и *золотой* представляют интерес потому, что им свойственно конвенциональное, символическое значение. Интересным, на наш взгляд, является ответ на вопрос, в какой степени конвенциональное и символическое значение лексем *золото* и *золотой* повлияло на определение оценочной коннотации русских фразеологизмов и паремий, содержащих в своей лексической структуре указанные лексические единицы. Рассмотрение фразеологизмов и паремий в аксиологическом аспекте позволит узнать, что русские в оценочных рамках слов *золото* и *золотой* считают ценным для себя и окружающих их людей, что непосредственно связано с универсальными вопросами о полезном и вредном, добре и зле, должном и недопустимом, прекрасном и безобразном.

Фактографический материал для анализа (60 примеров) был почерпнут из следующих лексикорафических источников: *Фразеологический словарь русского литературного языка* А.И. Федорова; *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*, под ред. А.Н. Тихонова; *Русский семантический словарь*, под ред. Н.Ю. Шведовой; *Толковый словарь живого великорусского языка* В.И. Даля; *Словарь современного русского литературного языка*, под ред. В.В. Виноградова; *Большой толковый словарь русского языка*, под ред. С.А. Кузнецова; *Пословицы русского народа* В.И. Даля и *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski* R Stybuły.

В интерпретации *Словаря символов* В. Копалинского *золото* – это символ божественности, божественной интеллигенции, всего, что важно и ценностно, это символ чистоты, гордости, молчания, богатства и изобилия, но также жадности, деградации, зависти и измены [Kopaliński 1990: 495-496].

Точку зрения человека на золото как на драгоценный металл и на все то, что золотое, т.е. сделанное из золота, как на мерило ценностей следует понимать прежде всего ментально, по принципу метафорического расширения значения этих слов. Можно сказать, что в этом случае семантическая интерпретация лексем *золото* и *золотой* переходит в общественную сферу, в сферу психологии и аксиологии.

Семантическое многообразие единиц *золото* и *золотой*, их функция и символика связана с различными сферами деятельности человека и его системой ценностей. Его отношение к *золоту*, ко всему, что *золотое,* реализует определенный сценарий ментального поведения, направленного на познание правды о себе, об окружающем мире, закрепленного во фразеологических единицах и паремиях.

Разнообразное содержание единиц *золото* и *золотой* в семантической структуре русских фразеологизмов и паремий обосновано тем, что люди по-разному воспринимают тот же самый объект действительности, интерпретируют его по-другому, выявляя его различные аспекты или те же самые сущности оценивают иначе, что в результате создает эффект неоднозначности и сложности.

Анализ собранного материала позволяет отметить, что фразеологизмы и пословицы с опорными словами *золото* и *золотой* наделены оценочными коннотациями, направленными на человека, с точки зрения его умственных и практических способностей, напр.: *золотая голова* ‘о светлом, ясном уме’; *золотые руки* ‘об умелом человеке’; *золотые слова* ‘об умных, дельных словах, советах’; *Кто умеет золотом шить, не пойдет молотом бить; Не то дорого, что красного золота, а то дорого, что доброго мастерства.*

В содержании русских фразеологизмов и пословиц с компонентами *золото* и *золотой* находим оценочную характеристику нравственного облика человека, напр.: *Человек дороже золота, человек золото* ‘о неоцененном человеке’; *золотое сердце; золотая душа* ‘о добром, мягком характере’; *золотая рыбка* ‘о том, кто исполняет чьи-л. желания’; *золотая молодежь* ‘презрительная оценка бездельничающей богатой молодежи’; *Были встарь сосуды деревянны, попы золотые, ныне сосуды золотые, попы деревянны* ‘отрицательная характеристика современного поколения’.

В содержании многих паремий, в составе которых находим слова *золото* и *золотой,* запечатлены сведения русского народа о системе ценностей и оценок, связанных с моральной характеристикой человека. Они дают понятие о нравственных категориях русского человека, чему в жизни он отдает предпочтение, напр.: *Правда тяжелее золота, но почему-то не тонет; Золотая клетка соловью не потеха* ‘свобода’ ; *Свинья в золотом ошейнике все свинья* ‘подлость’; *Пора да время дороже золота; Больному и золотая кровать не поможет; Что мне золото, светило бы солнышко.*

Золото в языковом сознании русского человека сопоставляется также с той значительной ролью и ответственностью слова, которое оно несет за собой в жизни человека, напр.: *золотые слова у кого-н.*‘ умные’, *вписать золотыми буквами* ‘высоко отметить чьи-л. достижения’, *Слово – серебро, молчание – золото.; Под добрым словом лежит золото; С твоего слова, что с золотого блюда – язык золота – это единственное эсперанто.*

Содержание многих пословиц подтверждет, что *золото* для русского человека, также как и для всего человечества, символизирует совершенство, несокрушимость и силу, напр.: *Одно золото не стареет; Золото и в грязи блестит; Золотой молоток и железные ворота отпирает; Золото и на воде плавает; Золото не говорит, да много творит.* В оценочной коннотации русских паремий присутствуют и такие, которые противоречат идее совершенства, напр.: *Не все то золото, что блестит; И через золото слезы льются.* Интересна в этом смысле употребляемая

в политической риторике известная фраза : *Ржавеет золото и истлевает сталь; Крошится мрамор. К смерти все готово.*

Среди собранного нами материала можно отметить идиоматическую связь слова *золото* с определением высокой ценности, напр.: *зеленое золото* ‘лес’, *мягкое золото* ‘ценная пушнина’, *черное золото* ‘нефть’, *белое золото* ‘хлопок’.

Подытоживая наши наблюдения над семантической характеристикой фразеологизмов и паремий с лексическими компонентами *золото* и *золотой* следует подчеркнуть, что они заключают в себе отчетливый оценочный компонент значения, который образуется в результате аксиологической метафоризации слов *золото* и *золотой*, а также функциональной, описывая их в категории других смыслов (высокой ценности, совершенства или недостатка). Опорные слова *золото* и *золотой* в структуре фразеологизмов и пословиц дают возможность увидеть их «жизнь и работу», показать, как они связаны с народной мудростью, какие за ними закреплены смыслы.

Использованная литература:

Арутюнова, Н.А.: *Типы языковых явлений. Оценка. Событие. Факт*. Москва 1988.
Большой толковый словарь современного русского литературного языка. Под ред. В.В Кузнецова. Санкт-Петербург 1998.
Даль, В.И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва 1978.
Даль, В.И.: *Пословицы русского народа*. Москва 1984.
Русский семантический словарь. Под ред. Н.Ю Шведовой. Москва 2003.
Сергеева, Л.А.: *Проблемы оценочной лингвистики*. Москва 2003.
Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Под ред В.В. Виноградова. Москва 1950-1965.
Федоров, А.И.: *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Новосибирск 1995.
Фразеологический словаврь современного русского литературного языка. Под ред. Тихонова А.Н. Москва 2004.
Bartmiński, J.: *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin 2006.
Kopaliński, W.: *Słownik symboli*. Warszawa 1999.
Stybuła, R: *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*. Warszawa 1974.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Мадина Фокина
Россия, Кострома

ПАРЕМИИ В РУССКОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ПРОЗЕ XIX – XX ВЕКОВ

Abstract:
The article discloses the role of paremies in the formation of the narrative structure of a text, investigates the peculiarities of their use in the author's and the characters' speech. Proverbs and sayings promote the generalization of the author's ideas, make fiction dialogues, form up the text modality, specify the idiostyle of a writer. The use of paremies in the speech of a foreigner vividly reflects their cultural and national specificity, creates situations of intercultural communication.

Key words:
Discourse, narrative, paremy, semantics, the author's vision, speech characteristics, dialogue, intercultural communication, national and cultural specificity.

Пословицы и поговорки активно участвуют в формировании повествовательной структуры художественного текста (ХТ): являются ярким средством выражения авторской позиции и создания речевой характеристики персонажей, объединяют субъектно-речевые сферы, пространственно-временные планы и сюжетные линии произведения в единое смысловое целое, в общий литературно-художественный дискурс. Особенности использования паремий отражают специфику нарративной техники писателя, транслируют самобытные черты его языковой личности, репрезентируют национально-культурные и индивидуально-авторские ментальные представления о мире.

В художественных диалогах пословицы и поговорки часто представляют собой колоритные самохарактеристики или взаимохарактеристики персонажей:

– *Экая баба умница! – говорил один.*
– *Продувная шельма! – всмешался другой, менее деликатный владелец, – мягко стелет, да жестко спать!*
– *Да и скряга же! – прибавил третий.*
(И.С. Тургенев. Степной король Лир)

Диалогическое единство содержит амбивалентные оценки одного персонажа: *умница – продувная шельма, скряга.* Паремия *Мягко стелет, да жестко спать*

усиливает негативную семантику высказывания в результате контекстуального взаимодействия с фразеологической единицей (ФЕ) *продувная шельма* (узуальная ФЕ *продувная бестия* разг. ‘плут, хитрец, пройдоха’). Интерпозиция паремии, построенной на антитезе (*мягко – жестко)*, обусловливает динамику текстовых смыслов: позитивная поверхностная оценка (*умница*) сменяется серией более точных и глубоких отрицательных характеристик (*продувная шельма, скряга*).

Пословицы и поговорки связывают отдельные реплики героев в диалогическое единство, обеспечивают структурно-смысловую целостность субъектно-речевого плана персонажей:

1) *– А потому, что есть пословица: «С сильным не борись»...*
   – А с «богатым не судись»? – перебил его Орешкин. – Знаю я, да не то, братец, нынче время;
2) *<...> – Только вот что, любезный друг, – добавил он, грозя пальцем, – кто старое помянет, тому знаешь что?*
   – Глаз выколоть! Знаем, штука не новая!
   (И. Салов. Паук)

Паремии *С сильным не борись, а с богатым не судись; Кто старое помянет, тому глаз выколоть* (*глаз вон*) членятся на две смысловые части: начало произносит один персонаж, а завершает устойчивую фразу другой герой. Так создаются своеобразные речевые подхваты, являющиеся скрепами контактно расположенных реплик.

Особый интерес представляет использование русских паремий в речи героев-иностранцев. В романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (1933) автор изображает американца мистера Кука и поляка пана Парчевского. Они оба погружены в русскую культурно-языковую среду. Различия национального менталитета русских и иностранцев создают определенные психологические сложности во взаимопонимании с окружающими людьми. Инженер-американец мистер Кук любит употреблять русские пословицы и поговорки, но, не всегда понимая истинный смысл народной мудрости, искажает их в своей речи: *На чужую кровать рта не разевать* (Ср.: *На чужой каравай рта не разевай*); *Хлеб ешь с солью, а правду режь ножичком* (Ср.: *Хлеб-соль ешь, а правду-матку режь*) и др. Семантически сближенные компоненты пословиц *каравай* и *хлеб-соль* связаны с национальным обычаем встречать почетных гостей хлебом (караваем) с солью, что символизирует русское гостеприимство. Смысловые искажения мистера Кука приводят к коммуникативным неудачам, которые вызваны, вероятно, фонетическим созвучием лексем *каравай – кровать* и непониманием метафорической семантики глагола *резать* (‘говорить прямо, открыто’) и ФЕ *хлеб-соль* (‘традиционное народное название любого угощения’). В высказываниях иностранца наблюдаем буквализацию значений языковых средств *соль* (‘приправа к пище’) и *резать* (‘действуя ножом, разделять на части’), что создает комизм речи персонажа.

Паремии обобщают фрагменты авторского повествования, обычно располагаясь в постпозиции относительно завершенных смысловых отрезков речи:

Пылинин пел и рисовал: пел всегда под кого-нибудь, а рисовал с той слащавостью, которая прельщает безглазье, ну а на безглазье мир стоит!
(А. Ремизов. Канава)

Похвалил его редкости, удивился его познаниям и начитанности, вкусу и соображению и расположил таким образом. Похвалой и города берут.
(А. Ремизов. Неуемный бубен)

Трансформированные паремии *На безглазье мир стоит; Похвалой и города берут* приобретают индивидуально-авторский символический смысл (Ср. с узуальными устойчивыми фразами: *Дураками свет стоит; Вот на чём (на ком) мир стоит (держится); Смелость города берет*). Создание окказионализма *безглазье* позволяет повествователю добиться социально-философских обобщений, имплицитно выразить осуждение человеческого равнодушия, невнимания, безразличия, царящих в мире жестокости и зла.

Русские паремии, являясь устойчивыми фразами, обладают процессуальной семантикой, способствуют продвижению действия, организуют повествование, обеспечивают структурно-смысловую целостность ХТ, выполняют ряд взаимообусловленных функций. Пословицы и поговорки репрезентируют концептуальное содержание произведения, являются ярким средством создания идиостиля писателя, участвуют в формировании текстовой модальности, обладают выраженной национально-культурной маркированностью.

Использованная литература:

Жуков, В.П.: *Словарь русских пословиц и поговорок.* М. 1991.
Николина, Н.А.: *Филологический анализ текста.* М. 2003.
Ремизов, А. М.: *Избранное.* Л. 1991.
Салов, И.А.: *Грачевский крокодил: повести и рассказы.* М. 1984.
Тургенев, И.С. *Избранное.* М. 1981.
Шишков, В.Я.: *Собрание сочинений в 8 тт.* М. 1983.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Войцех Хлебда
Польша, Ополе

ПОЛЬСКИЙ ПАРЕМИЧЕСКИЙ МИНИМУМ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Abstract:
The author has treated the Polish paremiological minimum as a framework of the section "Proverbs" in a Polish-Russian thematic dictionary of phraseological units. In this context the main problem concerns the issue of determination of equivalents of proverbs in the target language. In the case of non-equivalent proverbs, lexicographers tend to create somewhat artificial constructions which do not constitute proverbs in the target language and thus lead dictionary users astray. Therefore, the author of this article puts forward certain solutions which may lead to the creation of symmetry between Polish and Russian frameworks in translation dictionary of proverbs.

Key words:
Proverb, linguistic unit, paremiological minimum, translation equivalent, bilingual dictionary.

Составление паремических минимумов (ПМ), начавшееся в США, стало европейской практикой в 60-е гг.; сегодня мы располагаем ПМ нескольких европейских языков. Трудно, однако, говорить о полной сопоставимости этих минимумов, поэтому в интересах сопоставительной паремиологии и фразеологии важно провести паремиологический эксперимент в нескольких странах одновременно, точно по той же методике, с одними и теми же исходными положениями и конечными целями, в одинаковых группах людей. Только такие условия обеспечат выделение общего ядра таких минимумов (напр., славянского или европейского) и определение зоны расхождений (т.е. их собственно национальных составляющих).

Паремические минимумы и в самом деле минимальны: в то время, как национальные паремиотиконы насчитывают по нескольку тысяч единиц, ПМ, как правило, не превышают 100-150 единиц. Польский ПМ, охватывающий 72 пословицы [см. Szpila 2002], стал исходным пунктом в разработке раздела «Пословицы» для 3-его выпуска словаря «Настольный польско-русский идиоматикон» [Chlebda 2006]. Однако попытка использовать для русской стороны «Идиоматикона» готовые эквиваленты, установленные специальными переводными словарями пословиц Стыпулы [1974] и Сверчинских [2004], показала несостоятельность такого пути.

Проблема состоит в недооценке или непонимании лексикографами того, что пословицы, хотя и представляют собой микротексты, относятся к воспроизводимым единицам языка, представляя собой составляющие данного национального семиотического кода. Наличие в национальных паремиотиконах общих зон (славянской, европейской) ни в малейшей степени не противоречит факту, что составляющие *данный* национальный фонд паремии – единицы *данного* национального языка. Поэтому пословичные единицы польского языка на входе словаря должны быть уравновешены пословичными единицами русского языка на выходе, поскольку принцип симметричности – важнейший принцип переводной лексикографии. В то же время эквиваленты в словаре Стыпулы можно разделить на три группы: 1. полные (когда по правую сторону польской пословицы ставится русская пословица, адекватная польской как по смыслу и функции, так и по форме или образности, напр.: **Baba z wozu – koniom lżej**. • *Баба с возу – кобыле легче*, **Pokorne cielę dwie matki ssie**. • *Ласковое теля двух маток сосет*); 2. неполные (когда рядом с польской пословицей ставится русская пословица, адекватная польской по смыслу и функции, нередко и по синтаксическому строению, но с другим лексическим наполнением, т.е. отличающаяся своей образностью, напр.: **Każda pliszka swój ogonek chwali**. • *Каждая курица свой насест хвалит*; **Gdzie kucharek sześć, tam nie ma co jeść**. • *У семи нянек дитя без глазу*); 3. мнимые (когда рядом с польской пословицей ставится некий конструкт, придуманный, по всей вероятности, самим лексикографом, являющийся то подделкой под образец русской пословицы, то калькой исходной польской пословицы, но так или иначе не являющийся единицей русского языка, напр.: **Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli.** • *Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсекли*; **Żeby kózka nie skakała, to by nóżki nie złamała**. • *Не прыгала б коза, ножка была б цела*; **Za mundurem panny sznurem.** • *На военных девушки заглядываются*).

С точки зрения иностранного наблюдателя выделяется еще и промежуточная группа «сомнительных эквивалентов», т.е. таких, которые не обнаруживаются в больших словарях русских пословиц и к которым иностранец вправе отнестись с подозрением. Обычно при встрече с пословицами у носителя данного языка просыпается *nervus paremiologicus* [С. Адальберг], «паремическое чувство», или «пословичное чутье», позволяющее отделить родную пшеницу от неродных плевел. У иностранца *nervus paremiologicus* намного слабее, поэтому целый ряд эквивалентов Стыпулы было решено вынести на проверку с помощью браузеров Рунета (в квадратных скобках указано число страниц, к которым отсылает браузер портала yandex.ru; [0] означает: «Искомая комбинация слов нигде не встречается»): **Co się odwlecze, to nie uciecze.** • *Отложено – не уничтожено*. [0]; *Отложить не значит отменить*. [71]; *Что отложено, то еще не пропало*. [0]; **Czym skorupka za młodu nasiąknie, tym na starość trąci.** • *К чему смалу привык, тому под старость не учиться* .[58]; *Бочка пахнет тем, что в ней раньше было*. [0]; **Dzieci i ryby głosu nie mają**. • *Дети, как рыбы – молчок (цыц)*. [0].

Словарь Стыпулы, калькируя польскую пословицу, нередко создает средствами русского языка мнимый эквивалент и выдает его притом за единицу русского языка (т.е. за русскую народную мудрость); иными словами, навязывет русскому языку нечто ему не свойственное. Такие лжепословицы никак не оговариваются, не снабжаются комментариями или графическими символами, печатаются таким же

шрифтом, как и подлинные русские паремии, более того: бывает, что лжепословица ставится на первое место, а подлинная – на второе, ср.: **Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli.** • *Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсекли. Думы за горами, а смерть за плечами.* Такие искусственные «русские пословицы», как, напр., *Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсекли* или *На военных девушки заглядываются*, могли бы сыграть свою роль как подстрочник, помогающий русскому пользователю понять, как построена и о чем говорит соответствующая польская пословица, но для любого (польского) исследователя, пишущего о русских народных пословицах, они не только непригодны, но и вводят его в заблуждение.

В опольском «Идиоматиконе» рядом с безэквивалентной единицей польского языка ставится знак ноля: ø (символ отсутствия аналогичной единицы в коде русского языка), после которого в квадратных скобках дается калька польской единицы и, если есть, ее ближайший функциональный эквивалент. Например, имея в виду факт, что выражение *Двое дерутся – третий пользуется*, которое Р. Стыпула поставил в качестве русского эквивалента рядом с польской пословицей *Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta*, – не является единицей русского языка, предлагаем следующее решение: **Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta**. • ø [Где двое дерутся, третий пользуется] ø *Дураки о добыче спорят, а умные разделили ее*.

Но ведь *Дураки о добыче спорят, а умные разделили ее* – не что иное, как неполный (в смысле упомянутой раньше 2-ой группы) эквивалент польской пословицы *Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta*: смысл один и тот же, различия в форме (в образности). Встает вопрос не только о том, является ли пословица *Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta* эквивалентной или безэквивалентной, а о том, следует ли вообще говорить о безэквивалентности пословиц (а если да, то в каком смысле и в каком масштабе). Ведь фундамент «Грамматики пословичной мудрости» Г. Пермякова [Пермяков 1979] – положение о том, что единицы национальных паремиотиконов различаются «в плане реалий» (как образные тексты), но сходны в логико-семиотическом плане, независимо от языка реализуя (вербализуя) одни и те же, общие для разных народов, инвариантные типы отношений. Если исходить из такого положения, то теоретически, или потенциально, любая пословица любого языка должна иметь в любом языке свой эквивалент – необязательно образный, разумеется (хотя и такие нередко встречаются), а смысловой (логический). И, может быть, т. наз. безэквивалентные пословицы – просто пословицы с еще не найденными, но имеющимися в разных источниках эквивалентами? Стоило, например, обратиться не к словарям и не к сборникам пословиц, а к «Календарю русской природы» [Стрижев 1973], как тут же нашлись весьма близкие эквиваленты «календарных» польских пословиц: **W marcu jak w garncu** • *Мартушка закрутит вертушку* и *март морозом на нас садится*; *Март неверен: то плачет, то смеется* (у Стыпулы – *В марте погода изменчива*), **Kwiecień-plecień, bo przeplata trochę zimy, trochę lata** • *Ни в марте воды, ни в апреле травы*; *Апрель обманет, под май подведет*; *Не ломай печи – еще апрель на дворе* (у Стыпулы – *В апреле зима сзади и спереди*; В *апреле зима и лето бывает*, т.е. выражения, отсутствующие как в словарях и сборниках русских пословиц и поговорок, так и в ресурсах Рунета и, по всей видимости, не являющиеся единицами русского языка).

Этот подготовительный этап работы над учебным польско-русским словариком пословиц хочется заключить следующими выводами: 1. эквивалентами исходных польских пословиц должны быть р е а л ь н ы е русские пословицы, единицы русского культурно-языкового кода, соответствующие польским по смыслу (функции) и по форме (образности) или только по смыслу и функции. 2. на месте эквивалентов нельзя без комментария ставить искусственные вербальные образования, не принадлежащие к коду русского языка, хотя и выдаваемые лексикографами за единицы русского кода. 3. Кальки исходных пословиц, которые чаще всего и являются в словарях такими мнимыми эквивалентами, могут сыграть в двуязычном словаре положительную роль как вспомогательное средство, помогающее иностранцу осознать образное строение исходной пословицы, и как предложение по адресу того же иностранца, который подобной калькой может воспользоваться в тексте. Обзор публицистики показывает, что такие экзотические вкрапления используются регулярно, но почти всегда с каким-то метаязыковым оператором типа *как говорят поляки* (с «коннотатором чуждости»). Поэтому если паремическая калька предлагается в словаре в качестве текстового эквивалента, ей обязательно должен предшествовать коннотатор чуждости в такой или иной условной форме (ср. графический символ «говорящей головки» 🗣 в «Русско-польском словаре крылатых слов»; Chlebda, Mokijenko, Szuleżkowa 2003). В результате пословица типа *Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli* может иметь в словаре два эквивалента: системный (кодовый) на первом месте (*Думы за морями, а смерть за плечами*) и, на втором, текстовый с графическим коннотатором чуждости (🗣 *Думала индейка о воскресенье, а в субботу ей головку отсекли*), который обязывает говорящего ввести в текст соответствующий оператор (напр., *как говорят поляки*). Если же действительно исходная пословица является безэквивалетной (*Za mundurem panny sznurem*), на месте эквивалента должен быть поставлен знак ноля ø (он и есть в данном случае коннотатор чуждости, заменяемый в тексте оператором *как говорят поляки*), а в (квадратных) скобках и/или другим шрифтом может предлагаться паремическая калька. Так как именно она будет, по всей вероятности, использована в качестве текстового эквивалента, лексикограф должен позаботиться о том, чтобы придать этой кальке формальное подобие пословицы (напр., вместо описательного *На военных девушки оглядываются* нечто вроде *За погонами барышни стаями*). 4. Ввиду ненадежности переводных и недостаточности одноязычных словарей и сборников встает вопрос о дополнительных источниках пословичных эквивалентов для двуязычного словаря. Поиск эквивалентов должен учитывать наличие тех источников, которые по тем или иным причинам не попали в поле зрения составителей словарей и сборников; в их числе – записи живой устной речи, фольклорные тексты, календари и народные прогнозы погоды, публицистика и художественная литература (в данном случае – переводы произведений польских писателей на русский язык, особенно тех, которые насыщены пословицами, как, напр., «Мужики» В. Реймонта или «Пан Тадеуш» А. Мицкевича с его пятью переводами на русский язык). Неоценимую помощь могут принести лексикографу браузеры Интернета и электронных корпусов.

Только когда эта предварительная работа по разделению реальных и мнимых пословиц русского языка будет завершена, мы сможем выйти на второй этап ис-

следования и поискать ответа на вопрос о наличии в польском и русском паремических минимумах зоны общего и зон специфически национального.

Использованная литература:

Chlebda, W., red.: *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. z. 1 próbny. Opole 2006.

Chlebda, W., Mokijenko, W., Szuleżkowa, S.: *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Łask 2003.

Пермяков, Г.Л.: *Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов*. Москва 1979.

Стрижев, А.: *Календарь русской природы*. Москва 1973.

Stypuła, R.: *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*. Warszawa 1974.

Szpila, G.: *Minimum paremiologiczne języka polskiego – badanie pilotażowe*. In: Język Polski 2002, N 1, c. 36-42.

Świerczyńscy, D.A.: *Słownik przysłów w ośmiu językach*. Warszawa 2004.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Татьяна Шевякова
Республика Казахстан, Алматы

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Abstract:
Proverbs by virtue of the basic purpose – to express judgements and conclusions on various vital problems – have huge cultural-historical and aesthetic value, are one of the basic components of a modern publicistic discourse of Russian-speaking mass-media of the Republic Kazakhstan and realizations of the major function of journalism – influencing promote. Proverbs carry out emotional-estimated, describing function, function of a substantiation, the argument and a final conclusion, are quite often used as heading (as in original, and the transformed kind) and act in a role of the basic idea of the article.

Key words:
Proverbs, semantics, publicistic style, stylistic function, emotional estimation, component of style, efficiency, influencing function.

После обретения независимости Казахстан переживает сложный период коренных преобразований в экономике, политике, общественной и культурной жизни, что не могло не отразиться на развитии и функционировании средств массовой информации как одного из важнейших социальных институтов современного общества. Наряду со многими преобразованиями идеологического плана, произошли сдвиги в типологии прессы, а также в языке и стиле публицистических текстов. В настоящее время СМИ выполняют многообразные функции: информируют, просвещают, рекламируют, развлекают. Неоднородность задач и условий общения, особенности экстралингвистической базы приводят к единству двух функций публицистики – информационной и воздействующей. Поэтому основные средства публицистического стиля рассчитаны не только на сообщение, информацию, логическое доказательство, но и эмоциональное воздействие. В русскоязычной прессе РК последних десятилетий наблюдается отчетливо выраженная тенденция к синтезу собственно-публицистического стиля, элементов коммуникативно-классической прозы и разговорного стиля. Особенно ярко эта тенденция проявляется в неофициальных негосударственных изданиях, в таблоидной прессе и изданиях

гедонистического направления, которые для привлечения читательской аудитории и увеличения эффективности воздействия активно используют разнообразные стилистические разновидности русского языка, в том числе разговорную речь, способствующую непринужденному общению и усилению эмоциональности и оценочности газетных текстов. Именно оценочность является *«доминантой публицистического стиля»,* – отмечает В.И. Новикова [Новикова 2004: 102]. В современном газетном тексте русскоязычных СМИ РК немаловажную роль играют пословицы. Включенные в публицистические тексты, они, несомненно, повышают экспрессивность и образность речи. Будучи продуктом народного творчества, пословицы несут в себе философскую мысль, являются, в сущности, средоточием мудрости, практического опыта и художественного творчества народа.

Широкое использование пословиц в публицистике, на наш взгляд, во многом объясняется тем, что они, *«получив коннотативный статус, являются знаками ситуаций, а не понятий; поэтому и их толкование состоит в описании ситуации, в которой употребление данной фразы является коннотативным знаком понятий или эмоций»* [Копыленко 1978: 98]. То есть пословицы как бы совмещают в своем значении два плана: денотативный (прямое значение) и коннотативный (ситуативный). При этом они, как правило, имеют обобщенную семантику, распространяющуюся на целый класс ситуаций. Пословичное высказывание применяется не только к конкретному факту, событию действительности, что отражается в прямых значениях его слов, но и ко множеству аналогичных ситуаций. Данная особенность пословиц немаловажна для повышения эффективности публицистических текстов, которая, как известно, *«обеспечивается ситуативностью повествования, когда обсуждение проблем, ход аргументации, представление выводов и предложений «вращаются» вокруг конкретных жизненных ситуаций»* [Ворошилов 2004: 68]. Нетрудно заметить, что пословицы в полной мере отвечают всем перечисленным выше требованиям.

Наблюдения над функционированием пословиц в русскоязычной прессе РК показали, что пословицы в подавляющем большинстве случаев репрезентируют авторскую позицию, при этом выполняют следующие стилистические функции: а) экспрессивную: *«Господа оппозиционеры, как говорится, ради красного словца не пожалеют и отца. Невыполнимые обещания, черный пиар – все идет в ход ради привлечения к себе внимания»*[1] [газета «Огни Алатау»]; б) оценочно-характеризующую: удивление и, пожалуй, недоумение высказывает о традициях виноделия в Бургундии автор статьи, получивший приглашение на дегустацию вин, на котором значилось: «По традиции каждый приходит со своими бутылками» – *«В Тулу со своим самоваром, – думал я, – чем тут их удивить? Цинандали или Флагманом?»* [журнал «Континент»]. Негативная оценка действий оппозиции во время предвыборной кампании, несогласие журналиста с подобными формами и методами политической борьбы выражается с помощью части пословичного выражения *«На войне все средства (меры) хороши»: «Главное, чтобы власть и люди на Западе не забыли, что есть такая оппозиция, чтобы после выборов не оказаться на обочине политической жизни. Поэтому тактика мелкого фола – самая лучшая в данной ситуации. Оппозиции нужно вязать власть по рукам и ногам, использовать малейшую возможность для дискредитации власти… По большому счету, в такой ситуации любые меры, несмотря на всю их сомнительность,*

могут быть хороши, особенно когда не надо отвечать за результат» [журнал «Континент»]; в) функцию обоснования: *«... оппозиционные деятели не акцентируют внимания на факте коррумпированности чиновной среды в целом. Естественно, так как это может привести общество к вполне логичному выводу, что яблоко от яблони недалеко падает»* [журнал «Континент»]. Пословица *«Яблоко от яблони недалеко падает»* позволила автору обосновать свое мнение о том, что сами оппозиционеры – преимущественно бывшие или действующие чиновники и вряд ли смогут изменить, как они обещают, положение дел с коррупцией в стране в случае прихода оппозиции к власти; г) функцию аргументации: высказывание *«Всё познается в сравнении»* стало основой анализа Казахстанского рынка алкогольных напитков, аргументом в пользу позиции журналиста, выступающего в поддержку высококачественных алкогольных напитков и против распространения контрафактной продукции: *«Российская история с массовым потреблением жидкостей для ванн, стеклоочистителя и технического спирта заставляет вспомнить старую истину, что все познается в сравнении. Казахстанский рынок алкоголя сегодня выгодно отличается от рынка соседей по целому ряду аспектов»* [журнал «Континент»]. Аналогичное назначение и пословицы *«У победы много отцов, а поражение всегда сирота»*, использованной журналистом газеты «Караван» в материале об изменениях в составе правительства после Президентских выборов, когда различные политические силы и лица, поддерживавшие кандидатуру действующего Президента на выборах, хотели бы получить «свой маленький приз», изменив расстановку сил на политическом пространстве Казахстана; д) функцию заключительного вывода: материал газеты «Караван», посвященный проблеме взаимоотношений супругов в семье, завершается пословицей *«Не родись красивой, а родись счастливой»*, тем самым автор подводит итог своим рассуждениям о необходимости не только следить за своим внешним видом, но и постоянно работать над выстраиванием отношений, совершенствовать свои внутренние духовные качества.

Нередко пословицы в газетных публикациях выступают в роли лида, уже первыми своими словами привлекая внимание читателей к рассматриваемой проблеме. Это приводит к концентрации информационного содержания публикации в художественном произведении малой формы, каковым является пословица. В таком случае возникает эффект «текста в тексте», многократно увеличивающий смысловую и эмоциональную насыщенность публицистических произведений разных жанров. Так, в аналитическом материале журнала «Континент», посвященном Президентским выборам в РК 2005 г., обнаруживаем подзаголовок, предваряющий колонку об изменении позиции Запада по отношению к выборам Президента в Казахстане, – пословицу «*Лучшее – враг хорошего»*, которая представляет собой перевод с английского языка *«The best – the enemy good»*. Более того, уже в первом абзаце данная пословица используется еще раз вместе со своим русским аналогом «*От добра добра не ищут»: «С началом лета политика Соединенных Штатов и Запада в целом в отношении Казахстана начала постепенно, но вполне осязаемо эволюционировать в сторону смягчения оценок и критики существующего режима. В этот период ее можно охарактеризовать по принципу «лучшее – враг хорошего» (русский аналог: от добра добра не ищут)»* [«*Континент*»].

Таким образом автор обозначает главную тему – противостояние Запада и России в своих политических симпатиях и оценке предстоящих выборов.

Следует отметить, что зачастую пословицы в русскоязычной прессе употребляются в трансформированном или усеченном виде, что требует от читателя широких фоновых знаний. Автор в таком случае уверен, что подавляющее большинство аудитории знакомо с первоначальным вариантом цитируемой пословицы и прекрасно понимает ее значение. Такое использование пословиц не только оживляет повествование, формирует эмоциональную оценку, но и привносит элемент юмора и иронии. *«Не откладывай на завтра то, что можешь сделать ночью»,* – советует автор статьи «Ночной дозор» [журнал «Континент»], выяснявший, какие же услуги и товары доступны жителям Алматы ночью. В данном случае неизбежно возникает параллель с пословицей *«Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня»*. Автор явно с сочувствием и доброй иронией относится к тем людям, которым не хватает дня, чтобы решить свои бытовые и иные проблемы днем, и в столь необычной форме предлагает воспользоваться имеющимися предложениями «ночного сервиса».

Наиболее часто в печатных СМИ РК пословицы (как в оригинальном, так и трансформированном виде) используются в качестве заголовка, который имеет первостепенное значение не только для привлечения внимания читателя, но и для понимания содержания текста и адекватного восприятия авторской позиции журналиста. Например, заголовок *«Пока гром не грянет…»* [журнал «Континент»] представляет собой усеченный вариант известной пословицы *«Пока гром не грянет, мужик не перекрестится»*, употребляющейся в ситуации, когда человек не желает предпринимать никаких мер для предотвращения каких-либо нежелательных событий, сразу же указывает на актуальность темы, поднимаемой в публикации. В данном случае речь идет о рынке охранных услуг в Казахстане, о проблемах и перспективах безопасности. Готово ли профессиональное сообщество секьюрити соответствовать требованиям и ожиданиям современного общества? К сожалению, как отмечает автор материала, не вполне. Скорее, как в известной пословице, вынесенной в заголовок, которая вместе со второй, недосказанной, частью и является неутешительным ответом на этот вопрос. Прямое и коннотативное значение пословицы *«Два сапога пара»* реализуется в заголовке материала о Международной специализированной выставке обуви, состоявшейся в Алматы [журнал «Континент»]. Заголовок статьи, с одной стороны, указывает на тематику публикации (прямое значение), с другой – наводит на размышления о сходной ситуации в обувной промышленности Казахстана, России и других стран СНГ, что в дальнейшем подтверждается в ходе изложения материала.

Многие заголовки представляют собой пословицы в их инвариантном значении, несут в себе тот *«смысл, который остается неизменным во всех случаях ее употребления, те характеристики пословичной ситуации, которые не зависят от контекста»* [Гвоздев 1982: 45]. Таковы заголовки: *«Век живи – век учись», «Долг платежом красен», «Родителей не выбирают», «Хлеб – всему голова», «Делу время – потехе час»* и др.

Пословицы в силу своего основного назначения – выражать суждения и умозаключения по разнообразным жизненным проблемам – имеют огромную культурно-историческую и эстетическую ценность, являются одним из основных стиле-

образующих компонентов современного публицистического дискурса русскоязычных СМИ Республики Казахстан и способствуют реализации важнейшей функции журналистики – воздействующей.

Примечания:

[1] Все примеры извлечены из русскоязычных СМИ РК 2003-2007 гг.

Использованная литература:

Ворошилов, В.В.: *Журналистика*. С-Пб. 2004.

Гвоздев, В.В.: *Парадигматические отношения в пословичном фонде*. In: Филологические науки 1982, № 4, с. 44-52.

Копыленко, М.М., Попова, З.Д.: *Очерки по общей фразеологии. Проблемы, методы, опыты*. Воронеж 1978.

Новикова, В.И.: *Стилистика и культура речи в эфире*. In: Гаймакова, Б.Д., Макарова, С.К., Новикова, В.И., Оссовская, М.П.: Мастерство эфирного выступления. Москва 2004.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Милада Янковичова
Словакия, Нитра

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ VS. ИДИОМАТИЧНОСТЬ РУССКИХ И СЛОВАЦКИХ ПОСЛОВИЦ

Abstract:
In the study we ask how to explain the low degree of interlingual idiomaticy of the syntactic structure (structure models) of Russian proverbs in relation to semantically equivalent Slovak proverbs on one side and the high degree of interlingual idiomaticy of their component structure on the other side. We find the answer to this question in the perception of proverbs as signs of situations and also judgments generalizing life situations, i.e. in the logical and semiotic character of proverbs. Structural models of proverbial sentences express logical relations which are universal with rather logical than lingual structure; by this it is possible to explain the lower degree of interlingual idiomaticy of the syntactic structure of Russian proverbs in relation to Slovak proverbs. Equal situations may be represented by means of different things and relations between them, while as a rule Russians and Slovaks choose different things and relations and this explains the high degree of interlingual idiomaticy of component structure of Russian proverbs in relation to Slovak proverbs and is also a demonstration of national specificity of their visual thinking.

Key words:
Russian and Slovak proverbs, interlingual equivalence and idiomaticy, component structure of proverbs, syntactic structure of proverbs, proverbs as signs of situations, logical and semiotic character of proverbs

Русские пословицы часто сопоставляются с пословицами других языков, славянских и неславянских. Исключение представляет собой словацкий язык, пословицы которого не были еще предметом подобного сопоставительного исследования. Предлагаемая статья является первой попыткой сопоставления русских и словацких пословиц.

Материалом сопоставительного исследования послужили русские пословицы и их словацкие эквиваленты, содержащиеся в Приложении к русско-словацкому фразеологическому словарю [Dorotjaková, Ďurčo, Filkusová, Petrufová, Malíková 1998]. Несмотря на то, что в указанном словаре приводится лишь около 750 русских пословиц и их словацких эквивалентов, нам представляется, что и на этом основании можно будет указать на некоторые главные признаки эквивалентности и идиоматичности русских и словацких пословиц.

Факт, что русские и словацкие пословицы приводятся в переводном словаре, дает основание считать их семантически эквивалентными. Поэтому при сопоставлении обращаем внимание на их формальную эквивалентность и идиоматичность, причем – так как за основу берем русские пословицы – на межъязыковую эквивалентность и идиоматичность русских пословиц по отношению к словацким пословицам.

При сопоставлении русских и словацких пословиц первое, что сразу бросается в глаза, это их полное или, если не совсем полное, то яркое отличие формы. Оно проявляется прежде всего в том, что подавляющее большинство русских и словацких пословиц различаются по своему компонентному составу. При этом степень межъязыковой идиоматичности русских пословиц (приблизительно 60 процентов) является максимальной, т.е. в сопоставляемых пословицах нет ни одного общего компонента: *Гусь свинье не товарищ. – Somára (vola) s koňom nespriahneš.; Дорога ложка к обеду. – Kto včas dáva, dvakrát dáva.; Либо пан, либо пропал. – Hop alebo trop.; Брат братом, а деньги на кон. – Priatelia buďme, dlhy si plaťme.; Быть бычку на веревочке. – Príde na psa mráz.; В семье не без урода. – V každom stáde sa nájde prašivá (čierna) ovca.; Придорожная пыль неба не коптит. – Psí hlas do neba nedôjde.; Рубаха черна, да совесть бела. – Chudobný, ale statočný.; С миру по нитке, голому рубаха (рубашка). – Babka k babce, budú kapce.*

Случаи же нулевой межъязыковой идиоматичности русских пословиц встречаются намного реже (около 20 процентов): *Ворон ворону глаза не выклюет. – Vrana vrane oko nevykole.; Нет дыму без огня. – Niet dymu bez ohňa.; Золото и в грязи блестит. – Zlato sa aj v blate blyští.; Куй железо, пока горячо. – Kuj železo, kým je horúce.; Лучше поздно, чем никогда. – Lepšie neskoro, ako nikdy.; Не все золото, что блестит. – Nie je všetko zlato, čo sa blyští.; Сколько голов, столько [и] умов. – Koľko hláv, toľko rozumov.; Правда глаза колет. – Pravda oči kole.*

Между этими двумя группами находятся остальные пословицы (около 20 процентов), отличающиеся разной степенью межъязыковой идиоматичности: *Видна птица по полету. – Vtáka poznáš po perí [a človeka po reči].; Как волка ни корми, он все в лес смотрит. – Nebude zo psa slanina, ani z vlka baranina.; От малой искры сыр-бор загорелся. – Od malej iskry veľký oheň býva.; Тише едешь – дальше будешь. – Pomaly ďalej zájdeš.; С глаз долой, из сердца вон. – Zíde z očú, zíde z mysle.*

Различия в компонентном составе русских и словацких пословиц влекут за собой и различия в их образности. Таким образом, подавляющее большинство семантически эквивалентных русских и словацких пословиц основаны на различных образах.

Однако формальные различия русских и словацких пословиц компонентным составом не исчерпываются. Различия наблюдаются и в их синтаксической структуре.

Пословицы – устойчивые словосочетания, имеющие форму предложений. Они приобретают форму всех структурных типов предложений, встречающихся в русском и словацком языках в их свободном, актуальном употреблении, причем как простых предложений (двусоставных и односоставных), так и сложных предложений (сложносочиненных и сложноподчиненных). Единственное, что их отличает, – это изменяемость первых и устойчивость вторых. Таким образом, сходства и различия в синтаксической структуре русских и словацких пословиц – это сходства и различия, установленные для актуальных предложений сопоставительным русско-словацким синтаксисом.

Так, например, пословицы часто имеют форму обобщенно-личных предложений. Словацкий синтаксист Я. Светлик пишет, что «большая группа обобщенно-личных предложений имеет сентенциональный характер. В них высказываются общеизвестные и общепринятые правила поведения. В словацком языке им соответствуют подобные изречения по смыслу, но по структуре иногда очень отличающиеся от них» [Светлик 1979: 149]. Проиллюстрируем это следующими примерами:

а) Предикат и субъект выражен формой 2-го лица ед. числа настоящего (будущего) времени: *Суженого конем не объедешь. – Čo komu súdené, to ho neminie.; Без труда не вынешь и рыбку из пруда. – Bez práce nie sú koláče.*

б) В роли предиката выступает форма 2-го лица ед. числа императива: *Век живи, век учись. – Človek sa učí do smrti.; Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит [да хвостом виляет]. – Pes, ktorý breše, nehryzie.*

в) Обобщение выражает форма 1-го лица множ. числа настоящего (будущего) времени: *Поживем – увидим. – To sa ešte uvidí.; Все [мы] под Богом ходим. – Všetci sme v rukách Božích.*

г) Обобщение, вернее, обобщающее значение имеют и некоторые предложения с формами 3-его лица множ. числа настоящего времени глагола: *Цыплят по осени считают. – Nechváľ dňa pred večerom.; В Тулу со своим самоваром не ездят. – Načo nosiť drevo do hory.*

Некоторые русские синтаксические конструкции в словацком языке вообще отсутствуют. Поэтому русским пословицам, имеющим отсутствующую в словацком языке структуру инфинитивного односоставного предложения, соответствуют в большинстве случаев словацкие пословицы со структурой двусоставного предложения с личной финитной формой глагола или сочетания инфинитива с модальными модификаторами (nedá sa, majú sa, musia a pod.), а также с модальными частицами и наречиями (veru, nech), например: *Не петь курице петухом. – Nebude zo psa slanina, ani z vlka baranina.; Из поклонов шубы не шить. – Za ďakujem si nič nekúpim (sa nič nedá kúpiť).*

С другой стороны, во многих пословицах обнаруживается параллелизм синтаксических конструкций. Так, в пословицах со структурой сложноподчиненных предложений, в которых отношение между главным и придаточным предложениями выражается корелляционными парами *кто – тот, что – то, где – там, как – так, каков – таков* и т.п., обнаруживаем сходства, ср.: *kto – ten, čo – to, kde – tam, ako – tak, aký – taký* (отметим, что в словацком языке второй член пары – так называемый т-член – иногда отсутствует): *Кто другому яму роет, тот сам в нее попадет. – Kto druhému jamu kope, sám do nej padá.; Что у трезвого на уме, [то] у пьяного на языке. – Čo triezvy myslí, to opitý povie.; Где кто родился, там и пригодился. – Kde sa kto narodí, tam sa i urodí.; Как аукнется, так и откликнется. – Ako sa do hory volá, tak sa z hory ozýva.*

Сопоставление русских и словацких пословиц показывает, что вопреки различиям, наблюдаемым в их синтаксической структуре, общая межъязыковая идиоматичность русских пословиц по отношению к словацким пословицам с точки зрения их синтаксической структуры намного ниже, чем идиоматичность их компонентного состава.

Возникает вопрос: чем это можно объяснить?

Представляется, что все случаи формальной межъязыковой идиоматичности семантически эквивалентных русских и словацких пословиц – это внешнее проявление каких-то внутренних, глубинных свойств пословиц.

Пословицы, подобно словам и фраземам, являются языковыми знаками. Но в отличие от всех слов и от большинства фразем, пословицы – знаки ситуаций. Кроме того, пословицы – это и суждения, т.е. явления логические. Следовательно, пословицы – логико-семиотические явления.

Как знаки каких-то жизненных ситуаций сами эти ситуации относятся ко всем обозначающим их пословицам как инварианты к своим вариантам. Иначе говоря, все пословицы с одним смыслом (выражающие одну ситуацию) являются вариантами, а сама эта ситуация – их инвариантом.

На понимании пословиц как знаков ситуаций (причем эти ситуации передаются посредством отношений между вещами), построена логико-семиотическая классификация пословиц Г.Л. Пермякова [Пермяков 1979].

Автор выделяет четыре логико-семиотических инварианта, моделирующих четыре основных типа ситуаций, и на их основе устанавливает четыре класса пословиц. Первый класс объединяет пословицы с инвариантной структурной формулой «Если вещь обладает каким-то свойством, то она обладает и другим свойством»; второй – с инвариантной формулой «Если есть одна вещь, то есть и другая»; третий – с инвариантной формулой «Если одна вещь связана с другой вещью и при этом обладает каким-то свойством, то и другая вещь обладает таким же свойством»; четвертый – с инвариантной формулой «Если одна вещь обладает каким-то (положительным) свойством, а вторая не обладает им, то первая вещь предпочтительнее второй» [Пермяков 1979: 19].

При сопоставлении русских и словацких пословиц на уровне указанных четырех классов логико-семиотических инвариантов трудно определить их сходства или различия. Но на более конкретном уровне, т.е. на уровне групп (у Пермякова их 28), выделяемых в рамках отдельных классов, уже можно установить, что многие формальные сходства и различия вызваны принадлежностью или непринадлежностью семантически эквивалентных русских и словацких пословиц к одной и той же группе, выделяемой в рамках четырех крупных классов.

Так, например, формальное сходство пословиц со структурой сложноподчиненных предложений можно объяснить принадлежностью русских и словацких пословиц к одной (19-ой) группе Актантные соответствия – несоответствия, выделяемой в рамках третьего класса логико-семиотических инвариантов, ср.: *Кто поздно приходит, тот ничего не находит. – Kto neskoro chodí, sám sebe škodí.; Что посеешь, то и пожнешь. – Čo zaseješ, to budeš žať.*, к 15-ой группе Качественные соответствия – несоответствия: *Каков поп, таков и приход. – Aký pán, taký krám (takého ja koňa tám).; Каково семя, таков и плод. – Aké semeno (semiačko), také plemeno (plemiačko).*, к 17-ой группе Количественные соответствия – несоответствия: *Сколько голов, столько (и) умов. – Koľko hláv, toľko rozumov.*, или к 22-ой группе Качественное превосходство – непревосходство вещей, выделяемой в рамках четвертого класса: *Лучше горькая правда, чем красивая ложь. – Lepšia trpká pravda, ako pekná lož.;Лучше поздно, чем никогда. – Lepšie neskoro, ako nikdy.; Лучше синица в руки, чем журавль в небе. – Lepší vrabec v hrsti, ako zajac v chrasti.*

На вопрос, чем можно объяснить относительно низкую степень межъязыковой идиоматичности синтаксических структур (структурных моделей) русских пословиц по отношению к семантически эквивалентным словацким пословицам, с одной стороны, и высокую (в большинстве случаев даже максимальную) степень межъязыковой идиоматичности их компонентного состава (и образности), можно, как представляется, ответить следующим образом.

Логико-семиотические инварианты, моделирующие ситуации, являются универсальными, общечеловеческими. С этой точки зрения между языками нет никаких различий. Но при конкретном обозначении этих ситуаций пословицами, являющимися знаками ситуаций, т.е. когда эти абстрактные модели наполняются конкретным языковым материалом, наблюдаются между языками как сходства, так и различия, так как логико-семиотический инвариант, моделирующий одну и ту же ситуацию, находит свое выражение в разных структурных моделях, являющихся с точки зрения сопоставляемых языков как сходными, так и различными.

В синтаксической структуре русских и словацких пословиц наблюдается больше сходств, чем различий не только потому, что русский и словацкий являются генетически родственными языками, а прежде всего потому, что структурные модели предложений (а пословицы – это предложения) являются выражением логических связей; их природа больше логическая, чем языковая. Этим можно объяснить и низкую степень межъязыковой идиоматичности структурных моделей русских пословиц по отношению к словацким пословицам.

Одни и те же ситуации могут обозначаться при помощи разных вещей и отношений между ними. Высокая степень межъязыковой идиоматичности компонентного состава русских пословиц по отношению к семантически эквивалентным словацким пословицам вызвана тем, что русские и словаки выбирают, как правило, несовпадающие вещи и отношения, в чем проявляется специфика образного мышления каждого из этих народов.

Использованная литература:

Dorotjaková, V., Ďurčo, P., Filkusová, M., Petrufová, M., Malíková, M.O.: *Rusko-slovenský frazeologický slovník*. SPN, Bratislava 1998.

Пермяков, Г.Л.: *Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов*. Наука, Москва 1979.

Светлик, Я.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким*. SPN, Bratislava 1979.

ДОКЛАДЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Катажина Артишевска
Польша, Гданьск

КРОВЬ, ЖЕРТВА, ПРЕОБРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИМЕНА КАРПОВА

Abstract:
This article presents the works of one of those forgotten Russian writers who continued the Symbolist literary tradition. It analyzes a motif of blood, the main motif of Pimen Karpov's creative possessions. The blood motif is connected to related motifs as sacrifice and spiritual transformation as well as fire, flame, redness. The meaning of them is ambivalent, includes destruction and hope of rebirth. The blood motif helps the author to present the revolution and underline its apocalyptic meaning.

Key words:
Pimen Karpov, Russian literature, Silver Age, blood, sacrifice, transformation, religious sect, sacrum, transformation, revolution, fire, flame, red.

Пимен Карпов (1887-1963), писатель давно забытый, эпигон Серебряного века, автор среди прочих романа *Пламень,* драмы *Три зари,* сборника рассказов *Русский ковчег*, был назван певцом кровавой крестьянской революции, а также выразителем и знатоком истинного крестьянского духа и мистицизма. Несмотря на бесспорно противоинтеллигентское значение своих сочинений, Карпов поддерживал связи с представителями тогдашней художественной и интеллектуальной элиты, а его литературное искусство формировалось под значительным влиянием стилистики русского символизма. Однако как его писательский талант, так и характер вызывали двойственные чувства в литературных кругах, а появлению его сочинений сопутствовали скандалы и бурные дискуссии.

Одним из лейтмотивов в творчестве Карпова является мотив крови, представленный писателем в разных аспектах и конфигурациях со сходными сюжетами, такими как огонь, пламень, пожар, красный цвет. Каждый из них характерен двойственным значением, соединяет деструктивную силу с предсказанием новой жизни после этапа уничтожения всего того, что старое, использованное и нехорошее. Общей чертой всех названных сюжетов является также их связь со сферой сакрум, с религиозными культами и обрядами, как в языческом, так и в христианском мире. Язык сочинений Карпова богат эпитетами: кровавый, красный, красный

как кровь. Изобилие таких определений тесно связано с актуальными писателю революционными событиями, которые составляют канву всех произведений автора, синтетически представленными им в виде кровавого ада: *Сатана, багряные раскрыв крылья, правил над Русью кровавый свой шабаш*. Автор романа *Пламень* приписывает крови значение философского камня, обращает внимание на ее способность преображать, очищать, давать жизнь. Парафразируя библейскую цитату: *душа всякого тела есть кровь его*, писатель воспринимает кровь как универсальный очаг души и жизни, не только человека, но и мира: *кровью опаленная [...] душа земли*. Важную роль русского крестьянства подчеркивал Карпов, приписывая крови русского мужика функцию носителя истинной веры и духа, противопоставленных правилам церкви как учреждения: *Когда-то еще будет изжито то, что ныне в плоти и крови мужика [...] изживать же, вытравливать веру насильно – опасно и грозит бедами*.

Приведенные свойства крови заключаются в семантическом кругу, часто вспоминаемого Карповым мотива жертвы, который непосредственно связан с мотивом духовного преображения. Писатель пользуется двумя источниками топоса жертвы, характерными для литературы перелома XIX и XX веков: мифами и Библией, причем значительно ближе писателю обращение к распятью Христа как символу смерти, несущей спасение и являющейся одновременно обещанием новой жизни, нового порядка мира. Мотив жертвы Христа находит отражение среди прочих в драме *Три зари*, главный герой которой, предводитель секты светозарцев, создан по образу Спасителя и его популярных изображений, что вызывает ассоциации с Библией и с явлением, характерным для русских религиозных сект, пророков которых звали *живыми Иисусами*. Смерть Иоиля от рук неверной толпы, момент сомнения перед кончиной (*...нет истины, которая не омывалась бы неповинной кровью... Но столько крови!.. Столько ужасов!.. Клятва нарушена... Погибель!.. Погибель духа!.. Проклинаю все истины мира!..*) и заключительная сцена усыпения отчетливо доказывают связь между обоими Мессиями: библейским и сектантским.

В романе *Пламень* автор многократно использует мотив жертвенных мистерий. Они напоминают древние вакханалии, учитывая один из их обязательных пунктов – оргии, понимаемые сектантами как путь к мистическому преображению. Участники радений – члены религиозной секты, которые повторяют ритуалы, связанные со смертью Иисуса. Мистерия происходит в пятницу, день страдания Христа. Сектанты предаются самобичеванию и другим кровавым пыткам, полагая, что телесное страдание очищает душу. Кульминационным моментом является распятие женщин из группы приверженцев и наступающая после этого ритуальная оргия. Святое безумие, которое охватывает толпу сектантов, их неконтролируемая реакция, свирепый вой, эпилептические движения и многократно сопутствующие обряду бури, молнии, огонь создают картину, напоминающую средневековое представление ада. Карпов, описывая эти религиозные встречи, использует название шабаш, уменьшая значение сектантских обрядов и нарушая веру в возможность полной духовой трансформации их участников.

Писатель критически оценивает возможность русского общества использовать особый исторический момент и преобразить духовную и мировоззренческую сферу. Убедительно выражает это мнение, представляя профанацию жертвенных сим-

волов: крови и креста в сцене совместного изнасилования распятой сектантской духини. В этом контексте важно имя женщины – Мария и сходство с Богоматерью, что относит упомянутую сцену к категории нарушения сакрум. В другом фрагменте романа автор описывает антимистерию, черную мессу, посвященную сатане. Интересно, что эта особая литургия происходит в монастыре среди монахов и является средством обесценивания православного духовенства. Сцена напоминает древние обряды, завершавшиеся ритуальным убийством. На жертвеннике сатаны происходит символический сексуальный акт, а после него невеста убивает жениха – мистического ягненка, кровь которого пили монахи-сатанаилы, насмехаясь над причастием крови и тела Христа: *Перед поруганным, опрокинутым распятием, на жертвеннике сатаны, под лютый вой, шепот и маету сатанаилов, огненно-бледные слились отрок и духиня, в предсмертном трепете страсти закрывшие глаза. Неонила, кривой держа в правой руке нож, смертельно жгла кровавыми своими ласками, объятьями и поцелуями замученного отрока… В хаосе огня и крови корчилась… […] сатанаилы, подставив низкую, железную чашу под хлещущий из-под отрока кровавый поток, собирали кровь […] припав с оскаленными зубами и сухими высунутыми языками остервенело к чаше, пили горько-соленую кровь сатанаилы…*

Стоит обратить внимание на мотив крови в творчестве Карпова, отраженный в обращении к вампиризму. Учитывая мировоззрение писателя, не удивляет, что чаще всего вампирические склонности свойственны помещикам, которых Карпов воспринимает как тиранов, угнетателей народа. Вампирические сюжеты появляются в рассказах (*кровопивец антихрист Вильгельм в* рассказе *В свете бурь,* дочь помещицы в рассказе *Бесенок: Губить нас пришла, стерва? Кровь нашу пить?*) и в драме *Три зари* (богач и кровопийца Шейн). Писатель развивает их в романе *Пламень*. Его герой, помещик, соответствует феодально-капиталистическому течению вампиризма, а его склонность к пыткам и причинению боли ставит Гедеонова в один ряд с известными аристократическими вампирами: графом Тепешом (Дракулой) и графиней Баторы. Вид (трупное лицо, желтые, гнилые зубы, голова змея, демонические, острые, как иглы, глаза) и пристрастия: избегание солнечного света, а особенно зависимость от крови, сближают карпововского героя с классическими вампирическими персонажами. Кровь для Гедеонова – пища и одновременно единственное спасение от безумия: *Кровушка-матушка!.. Только она спасает меня… Как напьюсь кровушки… теплой, живой… липкой…Так душенька и отойдет… Не будь кровушки-матушки – можно было б с ума сойти!..* Прием крови ведет к преображению героя, которое однако является преобразованием человеческих чувств в звериные инстинкты и порывы. Упоенный кровью Гедеонов совершает зверские убийства, чтобы получить живительный напиток. Он не останавливается даже перед убийством матери, потому что *своя кровь – горячей*.

Карпов очень часто упоминает о необходимости духовного преображения, но очень редко дает своим героям надежду на возможность пережить его. Стремление к трансформации духа писатель представляет образно при помощи символа Светлого града и символического процесса поиска этого святого места. Достичь земного рая могут лишь избранные, идущие по пути страдания, переживая жизнь как мистерию жертвы. Для остальных, лишенных духовой глубины и чувствительности, Светлый град оставался недостижимым миражом в мире крови, огня и хаоса.

В творчестве Карпова ключевую позицию занимает мотив крови. Она является призмой, через которую писатель фильтрует остальные сюжеты. Автор пользуется двойственным значением крови, чтобы представить революционную действительность, а в ней сосуществование надежды на новый порядок и апокалиптического хаоса, при чем делает упор на описание антибуржуазного, кровового облика событий. Отличаясь от представителей Серебряного века, Карпов противопоставляет кровопролитие революции духа.

Использованная литература:

Азадовский, К.: *Блок и П.И. Карпов*. In: Александр Блок. Исследования и материалы. Ленинград 1991, с. 237-39.

Карпов, П.: *Пламень. Русский ковчег. Из глубины*. Москва 1991.

Карпов, П.: *Три зари*. Москва 1933.

Карпов, П.: *Трубный голос*. Москва 1920.

Куняев, С.: *Певец Светлого града*. In: П. Карпов, Пламень. Русский ковчег. Из глубины. Москва 1991, с. 5-18.

Меньшиков, П. (А. Печерский): *Тайные секты*. In: Idem. Собрание сочинений в восьми томах. т. 8. Москва 1976.

Третья книга Моисеева. In: Библия. Издание Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. Москва 1968. с. 105-139.

Хиколаев, П. и др. (ред.): *Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь*. Москва 1993.

Biernat, E.: *Motyw ofiary w prozie powieściowej rosyjskich symbolistów*. In: Zeszyty Naukowe UG. Filologia Rosyjska 1987, N 16, s. 5-14.

Eliade, M.: *Sacrum, mit, historia*. Warszawa 1974.

Janion, M.: *Wampir. Biografia symboliczna*. Gdańsk 2002.

Kopaliński, W.: *Słownik symboli*. Warszawa 1990.

Kowalski, P.: *Leksykon. Znaki świata*. Wrocław 1998.

Roux, J.-P.: *Krew. Mity, symbole, rzeczywistość*. Kraków 1994.

Rzeczycka, M.: *Dwie wizje sekciarskiej Rosji: «Серебряный голубь» Andrieja Biełego i «Пламень» Pimiena Karpowa*. In: J. Sałajczykowa - L. Kalita (eds.), Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku. Gdańsk 2005.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Нина Владимировна Барковская
Россия, Екатеринбург

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ РИМЕЙКИ КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Abstract:
One of the appreciable tendencies in post-modern literature is a travestying of the image of literary-historical plots relating to writers' destinies. The stageplay of Presniakov Brothers "A captive spirits" plays farce variant of the relations between A. Blok, A. Bely, and L.D. Mendeleeva. V. Durnenkov stageplay "A light-blue wagon" deconstructs a history of Soviet children's literature, from K. Chukovsky to E. Uspensky. In the report, the receptions and functions of demythologization of literary-historical stereotypes as well as designing ways of "new" intrigue atop of old one become known.

Key words:
Post-modern, drama, cultural layers, Silver age, symbolism, children's literature, primary texts, prototype, farce, demythologisation, remark, deconstruction.

Пьеса братьев Пресняковых «Пленные духи» представляет собой фарсовый римейк биографии А. Блока. Жанр римейка предполагает деконструкцию текста-«первоисточника», конструирование нового сюжета на основе текста-«донора», выражение ценностно-смысловой позиции сегодняшнего дня, ради которой и предпринимается «переписывание» первотекста.

Братья Пресняковы выбрали самый яркий эпизод символистского жизнетворчества – историю отношений А. Блока, Л. Менделеевой и А. Белого. Что именно следует считать текстом-первоисточником в данном случае? Очевидно, не реальные биографии А. Блока и А. Белого и не их художественные произведения. Иронически остраняются, прежде всего, те образы поэтов-символистов, которые стали «хрестоматийными» для читателей.

Суть интриги заключается в том, что, по наущению В. Брюсова, в Шахматово является А. Белый с целью разузнать все о прототипе Прекрасной Дамы. Мать Блока, хотя у нее есть белое платье и она «все же дама», таковым прототипом не является; дворовый парень Сеня, блуждающий по просьбе Блока в белом платье ночью по саду, играет роль катализатора творчества. Чтобы спасти ситуацию, мать Блока решает «подсунуть» А. Белому в качестве прототипа дочь Д.И. Менделеева.

Сохранены заметные реалии и биографические факты: топонимы, имена героев, черты внешности. В начале обстановочной ремарки стилизован голос экскурсовода: «*Шахматово. Главное усадебное строение. Веранда*». Расстановка персонажей отражает реальные коллизии. В сюжете разыгрывается ситуация несостоявшейся дуэли и примирения поэтов. Текст пересыпан аллюзиями к произведениям символистов. Так, Блок говорит, что его стихи «*в шорохах белого платья… в закоулках… в полутьме*»,[1] он слышит «голоса какие-то, всхлипы» [175], упоминаются Незнакомка и страусовые перья. Андрей в пьесе полон фантазий о кентаврах и аргонавтах. Он одет в узкий костюмчик в крупную клетку, Дмитрий Иванович спрашивает: «*А что же ваш костюм, в принципе, означает – Арлекина?*», на что А. Белый восклицает: «*Ну, какая же я вам Арлекина?! Я – Красное Домино!*» [200]. Сон, зеркало, танец, взрыв – все это знаковые для символизма мифологемы.

Итак, представлены вполне узнаваемые «прототипы». Вместе с тем, авторы подчеркивают «фикциональность» нарисованных «сцен»: допускают фактические неточности, ахронологию, создают ощущение зыбкости ландшафта. Характерно, что фамилия «Блок» так и не появляется в тексте. Узнаваемые черты героев утрированы, доведены до гротеска. Так, центральный для «младших» символистов мотив огня снижается в реплике Любови Дмитриевны. Блок говорит: «*Вы из космоса, вы Вселенная, к вам нельзя прикасаться… вы свет*», на что Любовь Дмитриевна отвечает: «*А к свету, что ж, нельзя и прикоснуться? […] Ведь даже свечу можно потрогать – на пальцы поплевать и потрогать… пламя!*» [211].

Шаржированность персонажей и ситуаций подчеркивает одну из центральных идей пьесы: поэзия и жизнь не имеют ничего общего, литература не референциональна. Интрига завязана на вопросе о прототипе Прекрасной Дамы. Но герои со всей определенностью заявляют, что никаких прототипов вообще нет. Как говорит Блок, «*в общем, нет тут никакой Дамы!*» [180]. Таким образом, пьесу можно трактовать как пародию на научные биографические изыскания.

Однако римейк не только разрушает прежние стереотипы, но и конструирует свой сюжет, свое представление о героях. Психологический сюжет в пьесе, выраженный в изменении самочувствия и взаимоотношений героев, представляет их как «*пленных духов*» (вслед за эссе М.И. Цветаевой), разворачивает инициацию «Юноши» в поэта-мистика.

В начале пьесы герои испытывают ощущение нетождественности самим себе. В первой и второй сценах у героев преобладает желание «вочеловечиться», укрепиться в своей земной природе, таинственный «Другой» – пугает. Блок заявляет матери: «*Вы, мама, нужны для порядка, для правдоподобия, а то ведь я так и забуду, кто я и где я… Шахматово, завтраки, булочки, вы… – без этого всего мне никак нельзя*» [169]. Постепенно по ходу пьесы усиливается мотив страдания, обреченности творческой личности, что осложняет господствующую комедийную тональность. Блок: «*Почему я не мог стать кем-то другим, почему обязательно этим… Этим, а не другим! Вот мне даже иногда и снится, что я – не я, то есть не тот, кто сейчас, кем есть […]. Но нет какого-то чувства, которое, наверное, есть у всех, счастья какого-то, покоя… мне единственно, что пишу, так легче становится*» [228]. Ему вторит А. Белый: «*страшно, очень страшно*» быть поэтом, «*такое не все выдерживают*» [230].

В финале пьесы резко усиливается мотив игры со смертью и в смерть. После восторженного примирения дуэлянтов Блок (неожиданно для себя) стреляет в Андрея Белого («русская рулетка» – в барабане револьвера был один патрон из пяти). Тот падает, как убитый, а затем он вскакивает, говоря, что притворялся – но идет, шатаясь и снова падает. А затем, по наущению Белого, падать замертво и вскакивать с криком «А!» начинают все, испытывая экстаз и освобождение из «плена». В смерти (пусть «понарошку») герои начинают «*хорошо чувствовать другого*», без слов и без жестов, т.е. между ними устанавливается непосредственно духовное взаимопонимание.

«Голос» постмодернистского «сегодня» примешивается к слову героев пьесы, слову, и без того «двуголосому», расщепленному на сниженно-мещанский и высокий романтический полюса. Этот «голос» начала нового столетия также неоднороден, сочетает ерническое и вполне серьезное, реализуется через реплики персонажей и авторские ремарки. Приметами нашего времени являются словечки уличного жаргона: «*легко*», «*дурак без башни*», «*Арлекина*», «*ролевые игры*», напоминающие разговоры современных подростков. Сознание «героя нашего времени» выражают также авторские ремарки, «вненаходимые» героям пьесы, на сцене не звучащие. Вопреки законам драматургии, прямое авторское слово звучит в финальной ремарке: «*Долго лежат, почему-то не вскакивают. Каждый настолько хорошо чувствует другого, что понимает – еще не время вскакивать, стоит еще немного полежать, чтобы вскочить всем вместе…*» [236]. Сама идея обретения Другого была не столь уж актуальной для поэтов начала XX в., им важнее было обрести свое «я». Именно в конце XX в., в постсоветском обществе, обострилась проблема поиска Другого как опоры и поддержки, как ближайшего социального круга. Опыт символистского жизнетворчества начала XX в., уже тогда сплетавший игру и трагедию, становится материалом для «ролевой игры» в начале XXI столетия.

Пьеса Вячеслава Дурненкова деконструирует филологический сюжет – «Историю детской советской литературы». Основные действующие лица – К. Чуковский, А. Барто, С. Маршак, потом к ним присоединяется Б. Заходер; упоминаются С. Михалков, Б. Житков, А. Гайдар, К. Паустовский, В. Бианки, Эд. Успенский. Представлена «первая десятка» из антологии детской литературы XX в.

Действие пьесы разворачивается не позднее 1964 г. Началась «брежневская» эпоха, впереди – 70-е гг., время «застоя» и «застолья». В пьесе Чуковский жалуется, что в жизни нет смысла: «*И главное, что ладно бы какое-нибудь противодействие, чтобы напрягаться – так нет, все тупое, покорное*».[2] Ключевой для пьесы текст Эд. Успенского «Чебурашка и его друзья» будет написан в 1970 г.

Герои пьесы не «напрягаются», а «расслабляются»: они сидят в «небольшой тускло освещенной комнате», за столом, заставленном бутылками [331]. Основное действие пьесы составляют разговоры героев, пересыпанные прямыми и скрытыми цитатами из произведений этих детских писателей. Авторы показаны отнюдь не с парадной стороны, а в богемном быту, в рассуждениях об авансах, гонорарах и премиях, а также – о творчестве. Манеры самые непринужденные. В репликах много просторечий и вульгаризмов: *блин, щас, харя, ты че, типа, ведусь на твои приколы, все достало уже*. Итак, в пьесе травестируется «школьное» представление об этически-возвышенном облике советского детского писателя.

Какой новый сюжет конструируется поверх деконструированного сюжета из официальной истории детской литературы? В отличие от пьесы «Пленные духи», в «Голубом вагоне» новый сюжет имеет отчетливую политическую окраску, предполагает знание воспринимающим состояния российского общества в прошлом (1920 – 1950-е гг.) и настоящем (1970 – 1990-е гг.).

В сталинскую эпоху уход писателя в область творчества для детей нередко был вынужденным шагом. Как говорит в пьесе Маршак, спрос с детского писателя – «нулевой». О репрессиях напоминает шутка Маршака, обращенная к мрачному Чуковскому: «*Знаешь, сколько невеселым дают? От двух до пяти…*» [334]. Достаточно определенно говорится в пьесе и об антисемитизме. Богемность героев пьесы также можно рассматривать как позицию, противопоставленную литературному «истеблишменту». Людьми «по духу неблизкими» оказываются для героев пьесы Гайдар («*Гайдар – это мрачно*»), С. Михалков с его «Дядей Степой-милиционером», Б. Житков с неправдоподобными историями о детях.

Герои пьесы артистичны, легко рифмуют, на ходу импровизируют, рассуждают о «тайнах творчества». Вместе с тем, они чувствуют (особенно – Чуковский), что живут и пишут как-то не так. Недовольство собой, чувство вины, готовность принести в жертву искусству житейское благополучие (по словам Маршака, литература – это саморазрушение) сближают героев «Голубого вагона» с поэтами-символистами из пьесы Пресняковых. Перспектива в будущее эпохи перестройки открывается, например, в рассказе Барто о том, что до войны она часто бывала в доме Гайдара: «*Внук у него, Егорка, ржачный такой карапуз. Интересно, что вырастет?*» [340]. Чебурашка, пробегающий с рюкзаком бутылок, напоминает бомжа. Звучащая под завес песня «Голубой вагон» актуализирует не просто хронотоп дороги, «*упирающейся прямо в небосклон*», но мотив именно железной дороги, имеющий в русской литературе богатую традицию, в том числе, некрасовскую и блоковскую («*тоска дорожная, железная*»).

История русской культуры в XX в. катится с непреложностью по накатанным рельсам, помимо воли тех, кого везут к конечной станции.

Но, как и в «Пленных духах», в пьесе «Голубой вагон» есть текст, внеположенный героям, собственно авторский текст. Обстановочные ремарки характеризуют то, что происходит на сцене в отсутствие героев. В конце второго действия герои уходят, выпив на посошок, на десятой секунде после их ухода «*внезапно в комнате обрушивается стеллаж с книгами*» [345]. В финале пьесы Прохожий (В. Шаинский) поет песню, затем, как указывает ремарка, «*на десять секунд все заглушает шум дождя*» (прием «затемнения»), а затем припев песни подхватывает Сводный хор Вооруженных сил, параллельно – Чебурашка звенит бутылками. Этот «апофеоз» воспринимается иронически: «*когда поют солдаты, спокойно дети спят*», государственная забота о детях – забота о будущих солдатах, социалистический гуманизм обеспечен мощью вооруженных сил, гонка вооружений разворачивается на фоне деградации и обнищания народа и т.п.

Подведем итоги.

1. Обе пьесы отличаются малым объемом текста. Действие охватывает один день, разворачивается на малом пространстве, отсутствуют побочные сюжетные линии. Обилие неожиданностей, шаржированность ситуаций, речевой гротеск, на фоне краткости текста, делают пьесы похожими на миниатюры

в духе КВН. Пьесы доставляют удовольствие артистизмом и непринужденностью, ярким комизмом. Представленные в пьесах образы знаменитых писателей отнюдь не претендуют на достоверность.

2. Помимо лаконичного текстового «ядра» в пьесы входит обширная за-текстовая часть. Средствами продуцирования контекстного «поля» являются, прежде всего, аллюзии и реминисценции, включенные в реплики героев. Кроме того, в ремарках звучит авторский «голос за кадром», выходящий за рамки сознания героев. Возможно, авторы и являются главными героями в рассмотренных пьесах, т.к. все, представленное на сцене, это объективация их субъективного взгляда на историко-литературные сюжеты.
3. Как и полагается в драматическом произведении, герои вынуждены сделать выбор, определить стратегию жизненного поведения. Герои «Пленных духов» выбирают между искусством и обычной человеческой жизнью, герои «Голубого вагона» – между благополучием верноподданного литератора и «саморазрушением». Авторы же этих историко-литературных римейков выбирают между официальной историей литературы и своей забавной «историей», полагая, что литература не отражает никакую объективную реальность и не является учебником жизни. Они выбирают розыгрыш, мистификацию – и не только ради деконструкции прежних «сюжетов», но и ради конструирования своих, позитивных, смыслов.

Примечания:

[1] Братья Пресняковы: *The Best: Пьесы*. М., 2005. с. 169. Далее страница указывается в тексте статьи.

[2] Дурненков, В.Е., Дурненков, М.Е.: *Культурный слой: Пьесы*. М., 2005. с. 337. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

Использованная литература:

Братья Пресняковы: *The Best: Пьесы*. Москва 2005.
Дурненков, В.Е., Дурненков, М.Е.: *Культурный слой: Пьесы*. Москва 2005.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Инна Вячеславовна Васильева
Россия, Москва

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕЙ РОМАНТИЗМА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Abstract:
Neoromanticism in Russian literature is a special phenomenon related primarily to a number of complex processes that took place in Russia in the early 20th century. One of the writers who played a most significant role in this literary movement was Alexander S. Grin, whose work remains until now a subject of much controversy among scholars and critics.

Key words:
Romanticism, literature, phenomenon, writers, controversy, interpretation, sense, significant, subject, personality.

Романтизм – крупнейшее художественное явление, оказавшее значительное воздействие на русскую духовную культуру своими открытиями в сфере творческого освоения человеческого характера и его связей с миром. В течение достаточно длительного периода романтизм как литературное направление был ограничен хронологическими рамками XIX века. Это связано, прежде всего, с тем методологическим тезисом, согласно которому каждое литературное направление обусловлено конкретной социальной обстановкой и потому обладает качеством исторической неповторимости. Следствием данной «зависимости» литературы от социальной действительности явилось устойчивое положение, по которому литературный процесс может развиваться лишь в одном направлении: от романтизма к реализму. Таким образом, самостоятельность романтизма как «живого» литературного направления, способного к самовозрождению, явно принижается. Подчинение же всего историко-литературного процесса теории последовательной смены одного литературного направления другим является необоснованным, так как с полной уверенностью можно сказать, что мощным импульсом возрождающим интерес к возвышенной поэтической мечте, событийной исключительности и необычной личности, т.е. фактически романтических принципов, явился рубеж XIX – XX веков. Следовательно, можно говорить о двух периодах в истории русского романтизма: классическом, который активно развивали в литературе В.А. Жуковский,

А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и другие авторы 30-х годов XIX века, и новом, заявившем о себе уже в творчестве А.П. Чехова, В.Г. Короленко, И. Бунина, раннего М. Горького. Именно этот возродившийся романтический взгляд на мир, однако, интерпретированный согласно новой эпохе, принято называть термином неоромантизм.

Неоромантизм в русской литературе первой трети XX века самобытное, но недостаточно изученное явление, основными причинами существования которого можно, прежде всего, назвать непостижимую, роковую страсть в постижении неизведанных сторон бытия, а также сложных противоречивых процессов, происходивших в жизни России. Переосмысляются отношения искусства и действительности, личности и общества. В. Короленко возрождает героический пафос в литературе. Особым настроением и психологизмом проникнута поэзия и проза раннего И. Бунина. А творчество молодого М. Горького, и особенно его рассказы, вообще преисполнены революционной романтики.

В целом, так или иначе, абсолютное большинство представителей творческих профессий этого времени испытало влияние романтического направления в начале своего пути. Но далеко не многие смогли осмыслить, интерпретировать и воплотить в своем творчестве традиции классического романтизма, согласуя их с новыми нравственно-этическими представлениями времени. Так, возникшее в первые годы прошлого века литературное течение, получившее название «символизм» в основе своей заключает типичный для романтизма принцип двоемирия. Основой творческой мысли А. Блока, К. Бальмонта, М. Цветаевой, становится символика всевозможных стихий, осложненная при этом еще и эстетическими, философскими, нравственными и социальными изысканиями. Очевидно, что перед нами уже не просто классический вариант романтизма XIX века, предвестника реалистического мировосприятия, а нечто совершенно иное, уже постигшее и вобравшее всю многосложность, социальность, конкретику литературного процесса последующих эпох.

Особую и по-своему оригинальную трактовку формирования идей неоромантизма представляет собой поэзия Пролеткульта, расцвет которой падает на первое послеоктябрьское пятилетие. Представители этого течения А. Гастев, В. Кириллов, М. Герасимов и другие создали свою оригинальную образно-стилевую систему, воплощающую особое мироощущение, при котором традиционное романтическое субъективное «я» было заменено на новое обобщенно-коллективное «мы». Поэтической доминантой творчества пролеткультовцев выступает *романтизм, который роднит революционных поэтов... не столько по стилю,... сколько по духу, по мироощущению*. Важнейшим звеном неоромантической тенденции в русской литературе XX века является драматургия Е. Шварца. Уже первая его пьеса «Ундервуд», написанная в конце 20-годов, привлекает к себе внимание с точки зрения оригинальности трактовки жанра сказки, предназначавшейся для постановки на сцене и имевшей одновременно черты социально-нравственной притчи и романтической повести, в которой добро противостоит злу.

Новые выразительные формы, основанные на классическом романтическом идеале, но в тоже самое время соответствующие духу современной эпохи и самое главное собственному мировосприятию – вот то, что объединяет все эти самобытные творческие натуры. Однако список этот был бы не полным, не назови

мы имя Александра Степановича Гриневского (Александра Грина). Именно в его творчестве неоромантические идеи приобрели наиболее глубокую разработку. Он появился в литературе с сугубо реалистическими произведениями («Заслуга рядового Пантелеева», «На досуге», «Ерошка» и др.), которые при всей пестроте и разнообразии тем воссоздают, прежде всего, близкую писателю действительность, базируются на его личных представлениях о жизни. Проблемы и образы, появляющиеся в его рассказах, взяты писателем из реального мира. Его герои принадлежат к разным социальным группам (эсеры, обыватели, крестьяне, интеллигенция, солдаты), но всех их объединяет одна важная черта – *они страдающие жертвы*. «Маленькие люди» по сути, обречены, так как *бунт... бессилен перед аппаратом насилия..., не добившись желанной свободы,* они погибают.

Возможной причиной появления романтических тенденций в творчестве писателя является изменение в отношении к миру как динамичному, многообразному, неисчерпаемому, непознанному явлению бытия. Поэтому Грин, как бы продолжая традиции романтиков конца XVIII – начала XIX веков, стремится изобразить действительность через динамику и движение, совершая путь от описания внешних сторон жизни к внутреннему миру героя. Все чаще появляются в его произведениях реально-романтические герои, которые способны воплотить идею писателя, передать эстетические идеалы определенной эпохи.

Переход от реалистического мироощущения к романтическому занял в творчестве писателя почти 15 лет и был обусловлен, прежде всего, особым творческим видением А.С. Грина. Романтизм писателя – биографичен: грубость жизни породила стремление к красоте и толчок к преображению действительности. *Грин покинул реализм* сознательно*, потому что его романтизм по сравнению с его реализмом, открывал несравненно более широкие художественные перспективы*. Романтизм позволил писателю *прямо выразить свой взгляд на нормы общественного поведения и этические потенции людей. Он нарисовал своего героя таким, каким всегда хотел бы видеть человека*. Следовательно, произведения писателя антропоцентричны, то есть, написаны о человеке и для человека. А. Грин решает сложнейшую из всех творческих задач, максимально полно и глубоко исследовать человеческую душу во всем многообразии её оттенков и переливов, то есть, по сути, то, что называется в русской реалистической литературе диалектикой души. При этом *социальные мотивировки, среда обозначены художником очень бегло, приблизительно, словно по необходимости, тогда как в изображении психологических состояний господствует крупный план...* Поэтому и герои его произведений делятся не только на бедных и богатых, но и на честных и бесчестных, подлецов и героев, причем определяющей является романтическая мечта, противопоставленная обывательщине и мещанству, вера и желание в человеке оказываются самыми значимыми источниками преобразования мира, его своеобразного романтического обоснования.

В процессе творчества постепенно организуется некий синтез сразу нескольких разнородных, а порой и совершенно противоречивых художественных традиций органично сочетающихся в творчестве А. Грина. Он по-своему усваивает идеи реализма, символизма и акмеизма и при этом ищет свой особый творческий путь, свое место в литературном процессе эпохи. Особенно ярко эти поиски нового стиля

воплотились в рассказах «Крысолов», «Серый автомобиль», «Корабли в Лиссе» и в романах писателя.

В рассказе «Крысолов», написанном в 1924 году под впечатлением истории о событии, произошедшем в Петрограде с одним из знакомых писателя, сквозь реалии времени проступает классическая романтическая легенда о Дудочнике из Гамельна не раз привлекавшая к себе внимание писателей и поэтов различных эпох. Крысолов А. Грина одновременно абсолютно реальный человек, который, по воспоминаниям, был знаком писателю. *К нашей компании изредка присоединялся один случайный знакомый. Он был частным предпринимателем*, владельцем *предприятия по борьбе с грызунами*. Вообще, на первый взгляд этот человек совсем не вяжется с гриновским произведением. Но видимо это мнение ошибочно, т.к. Грин воспроизводит все основные элементы старинной легенды, и переносит их полностью в современную плоскость. Гриновское видение темы Крысолова – одновременно традиционно и необычно. К концу рассказа создается впечатление, что крысы-оборотни живут в человеческом обществе и делают все, что им вздумается. Для того чтобы разглядеть их подлинную крысиную сущность необходимо понять их психологию. Перед нами, с одной стороны, общепринятая идея двоемирия как существенного признака романтизма, с другой – совершенно особенный психологический романтизм, тяготеющий к философской реалистической мотивировке. Сложность же метода писателя заключается в том, что мир, создаваемый им в произведениях, насыщен реальной действительностью в сочетании с особой романтической поэтичностью. Таким образом, перед нами не что иное, как интерпретация идей классического романтизма, а, по сути, неоромантизм, не просто классический пример романтического героя из произведений XIX века, не только исключительная личность, показанная в необычной ситуации, а герой нового типа, имеющий как романтические, так и реалистические черты, которые позволили писателю прийти к созданию совершенно особого, нового стиля при написании произведений, иного подхода к образной системе. *В его движении к романтическому методу была логика художественного развития, чуждого поверхностности и экзальтации*.

Следовательно, можно с уверенностью констатировать, романтизм как литературное направление есть сложное многогранное весьма противоречивое культурное образование, основанное, прежде всего на исследовании концепции самоценной личности, стремящейся к познанию нового, ещё никем не изведанного, имеет право на существование и абсолютно не зависим от конкретной исторической эпохи.

Использованная литература:

Борисов, Л.И.: *Александр Грин*. In: Воспоминания об Александре Грине. Ленинград 1972.
Грин, А.С.: *Собрание сочинений в 6-ти томах*. Москва 1980.
Ковский, В.Е.: *Романтический мир Александра Грина*. Москва 1969.
Меньшутин, А., Синявский, А.: *Поэзия первых лет революции*. Москва 1964.
Хрулев, В.И.: *Романтизм А.С. Грина и его развитие*. Москва 1970.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Мария Гей
Польша, Ополе

ИНТУИТИВНЫЙ СПОСОБ ПОЗНАНИЯ КАК ОППОЗИЦИЯ К НАУЧНОМУ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Г. ГАЗДАНОВА)

Мотто:
Чувства – это единственная область, которую вы немного знаете, в остальном вы слепы и глухи [1: 607].

Abstract:
Being a non-rationalist, Gazdanov, rejected all theories and systems and juxtaposed scientific knowledge to intuitive knowledge. According to him, only in human mood, experience and emotions, we can find a common bond to be shared among all humans. This bond expresses the very essence of human place in the universe. Gazdanov's theory has a lot in common with Bergson and the existentialists.

Key words:
Gazdanov, existentialism, intuitive knowledge.

К середине XIX века начала утверждаться мысль о безосновательности и тщетности научного знания и теорий, о том, что познание закономерностей не может дать человеку надёжной ориентации в действительности и не позволяет её познать. Постепенно ведущей признаётся роль инстинкта, интуиции, чувства, а в человеческом бытии появляется иррациональное. Влияние на такое положение оказали А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше и другие философы, отрицавшие теоретическое знание и обращавшие внимание на неподдельную полноту непосредственного переживания, становясь на сторону чувства и инстинкта и выступая против интеллекта. Появилась также теория интуитивизма Анри Бергсона, в которой интуиция признаётся основным, ничем не ограниченным и ничем не определённым путём к проникновению в тайны бытия и постижению истины.

Философы-экзистенциалисты отрицали рациональное познание, поскольку логика неподвижна, а существование, по их мнению, есть движение. Кроме того, по словам Бердяева, *объективное мышление не имеет тайны, субъективное же имеет* [Бердяев 2000: 225], а личность *нельзя превратить в объект научного исследования* (цит. по [Жихарёва]). Лев Шестов утверждал, что философия должна

базироваться на интуиции и вере, так как *она пытается дать человеку ощущение подлинного целостного бытия* (цит. по [Жихарёва]).

Взгляды Н. Бердяева и Л. Шестова оказали сильное влияние на молодое поколение первой волны русской эмиграции, которое в силу сложившихся обстоятельств очень близко восприняло и теорию интуитивизма А. Бергсона, и моду на индийскую философию, и сюрреалистический манифест А. Бретона, и беспредельный субъективизм М. Пруста. Такое мироощущение разделял также и Газданов. Он не был рационалистом; он не верил в теории и системы, считая, что ни одно умопостороение не может охватить всеобщность действительности и потому ошибочно в силу своей ограниченности. Газдановский герой Аркадий Александрович в *Полёте* утверждает, что *лучше не вдаваться иногда в анализ положительных событий. Анализ – как щёлочи: ядовитые, разъедающие пятна на чудесной ткани бытия. […] очевидные положения не выдерживают испытания практикой* [1: 361]. Взгляд Газданова созвучен мнению экзистенциалистов, считавших, что сущность предметов рационально не постижима и наука не в состоянии решать мировоззренческие, гуманистические проблемы.

Как и экзистенциалисты, Газданов убеждён, что только в настроениях, переживаниях, эмоциях личности есть нечто общее всем людям и выражающее самую суть положения человека в мире, и рациональному познанию противопоставляет интуитивное познание. Такой же взгляд у русского философа Н. Бердяева, утверждавшего, что *Человек понимает что-нибудь тогда, когда мысль проникается чувством и приходит в движение всё существо человека* [Бердяев 1993: 254].

Один из главных героев романа *История одного путешествия* Володя Рогачёв говорит: *Проблем не существует, есть только чувства. […] Надо отказаться раз навсегда от иллюзии понять и привести хоть в какой-нибудь порядок все эти несовместимые и невероятно соединяющиеся вещи* [1: 242], из которых состоит жизнь. Поэтому в вышеупомянутом романе Газданов показывает текучесть жизни, предполагающую взаимосвязь между всеми вещами, из-за чего невозможно определить что-либо без определения всего остального, что в свою очередь доказывает, что каждое определение всегда будет ограниченным и искажённым. Сидя на лекции по социологии в Сорбоне, Володя Рогачёв приходит к выводу, что ни одно описание, определение не в состоянии достоверно передать действительность. Так, например, *революция в России представлялась ему как тяжёлый полёт громадной страны сквозь ледяной холод, и тьму, и огонь. Но ни девушка, ни профессор ничего не знали об этом: они знали только искусственные и игрушечные изображения войн и революций, которые изготовили в спокойных кабинетах смешные и немного сумасшедшие учёные люди; изображения состояли из аналогий и параллелей, сравнений, сопоставлений и диаграмм, в то время как на самом деле не было ни аналогий, ни диаграмм, а была смерть, и печаль, и последнее человеческое – отчаянное или радостное – исступление* [1: 245]. О неправдоподобном несоответствии содержания книг, например, по социологии, тому, о чём в них шла речь, говорит также герой-повествователь *Ночных дорог* [см. 1: 518].

В произведениях Газданова идеи и теории рассматриваются как текущие, меняющиеся чувства, происходящие из царства инстинктов и переживаний, а интеллектуальные дискуссии становятся чувственным удовольствием для их участников (например, для художника Александра Александровича из *Истории одного пу-*

тешествия). Газданов описывает не сами события, а сопутствующие им чувства, переживания героев, писатель «видит» только посредством чувств. Володя Рогачёв (*История одного путешествия*) утверждает, что люди, лишённые чувств, живут беднее, *существуют наполовину, частично. [...] Они чего-то лишены* [1: 193]. Поэтому часто у Газданова именно чувство, последовательность эмоциональных событий, «лирическое путешествие» в психологическую жизнь человека становится главной идеей. По словам Л. Диенеша, «*чувствительность, чувственное перевоплощение и постижение жизни и мира – [...] «жизнь чувств» является его Главной Темой, обрамляющей все другие и обеспечивающей им контекст и среду обитания*» [Диенеш 1995: 146]. Так, например, роман *История одного путешествия* полностью посвящён чувствам, переживаниям, «эволюции» эмоций, а все события, весь совокупный опыт жизни видятся через чувства и посредством их. Герой романа Володя Рогачёв оценивает восприятие одного из своих знакомых, следующими словами: *Для тебя ничего не существует кроме чувственного очарования жизни* [1: 270].

Вслед за Хайдеггером Газданов критикует научный метод познания и предлагает в качестве альтернативы созерцательное мышление, которое *не активно и не целенаправленно. [...] Человек при этом не противостоит сущему как субъект – объекту: он не командует, он пассивен, он полностью зависит от сущего. Сущее само открывается созерцательному мышлению человека* [Слинин 1990: 21]. Как и Шопенгауэр, писатель считает, что истинно совершенным познанием и блаженным существованием может быть только созерцание, свободное от всякого отношения к практике и к интересам воли.. В романе *Полёт* Газданов напишет: *[...] всякую человеческую жизнь и всякое изложение событий мы стремимся рассматривать как некую законченную схему, и это тем более удивительно, что самый поверхностный анализ убеждает нас в явной бесплодности этих усилий. И так же, как за видимым полукругом неба скрывается недоступная нашему пониманию бесконечность, так за внешними фактами любого человеческого существования скрывается бесконечная сложность вещей, совокупность которых необъятна для нашей памяти и непостижима для нашего понимания. Мы обречены на роль бессильных созерцателей, и те минуты, когда нам кажется, что мы вдруг постигаем сущность мира, могут быть прекрасны сами по себе* [1: 458]. Эту же мысль повторит в романе *Эвелина и её друзья*, герой-повествователь, который, пытаясь избавиться от множественности сознания, погружается в пустоту, где ничего нет, пребывает в состоянии, *которое не требует от тебя никаких усилий, в котором вообще нет таких понятий, как необходимость, желание, стремление, действие. Это уход от всего, что обычно наполняет твою жизнь. Но это в то же время не похоже на погружение в небытие. У тебя в этом состоянии остаётся ценная [...] возможность, которая дана человеку, – созерцание. Ты видишь жизнь, которая проходит перед тобой, но не принимаешь в ней участия. Перед тобой начинается беззвучное движение, за которым ты следишь и смысл которого тебе становится яснее и понятнее, чем когда бы то ни было* [2: 616].

Зрительное или созерцательное восприятие мира характерно также героям Набокова. Тоже только смотрит на мир «абсурдный человек» Мёрсо из *Постороннего* Камю. По мнению этого писателя и философа, созерцание и зрительное познание действительности возвращают миру его естественно данное разнообразие, отказы-

ваясь толковать его и подводить под рациональные схемы, зрительное восприятие делает каждый элемент действительности равноценным.

Интуитивно-созерцательное восприятие жизни наметилось уже в первом романе Газданова *Вечер у Клэр*, в котором Николай, вслед за мыслью Хайдеггера, и также как и герой романа Владимира Набокова *Соглядатай*, приходит к выводу, что *единственное счастье в этом мире – это наблюдать, соглядатайствовать, во все глаза смотреть на себя, на других, — не делать никаких выводов, — просто глазеть* [Набоков 1990: 345], поэтому газдановские герои живут в своём мире, не делая выводов, не оценивая, просто глазея на людей, на вещи, на природу, они стремятся переживать экзистенциальный миг настоящего как единственно доступную им вечность. Герои понимают, что человек – это проходящее, и единственное, что он может, так это созерцать всё вокруг, например, наслаждаться созерцанием природы.

На основании вышесказанного можно с уверенностью утверждать, что вгляд Газданова на человека и его мировосприятие и познание действительности созвучен экзистенциалистскому, а также соответствует тенденциям развития литературы.

Использованная литература:

Бердяев, Н.: *Экзистенциальой диалектике божественного и человеческого*. In: Бердяев, Н.: *О назначении человека*. Москва 1993.

Бердяев, Н.: *Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения*. In: Бердяев, Н.: *Творчество и объективация*. Минск 2000.

Газданов, Г.: *Собрание сочинений в 3-х томах*, Москва 1996. Все цитаты из произведений Г. Газданова приводятся по этому изданию, в тексте в скобках указывается том и номер страницы.

Диенеш, Л.: *Гайто Газданов. Жизнь и творчество*. Владикавказ 1995.

Жихарёва, Т.Ю.: *Иррационализм как мировоззренческая основа творчества*, http://utmn.ru/frgf/N03/text13.htm.

Набоков, В.: *Соглядатай*. In: Набоков В.: *Собрание сочинений в 4-х томах*, т. 2. Москва 1990.

Слинин, Я.: *От Платона к Хайдеггеру*. In: *Наука и ценности. Философские и социологические исследования*, выпуск XXVI. Ленинград 1990.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Йозеф Догнал
Чехия, Брно

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ЦЕННОСТИ

Abstract:
The article deals with the theme of values and their identification in a literary text. It is shown how the notion of *value* can be defined in the sphere of culture ("the secondary nature"). The literary text is considered to be a synthesis of ethic and aesthetic values, both of which have their own development in the history of literature. The ethic values have been stressed in the 17th-19th century but since the end of the 19th century the aesthetic values are taken more into account because of the change in the way in which the model of the world appears in the literary works.

Key words:
Interpretation of the literary text, values, aesthetic values, model of the world, ethic values.

Когда мы станем говорить о ценностях и их роли в интерпретации литературного (или иного рода искусства) произведения, мы натыкаемся на много вопросов, напр., о том, что такое ценность, как она «вносится» в мир, как она «переходит» в литературное произведение, что именно является ценностями в разных моделях мира, которые отражаются в изучаемых или интерпретируемых произведениях, по каким признакам можно ценности распознавать, где, в каком месте эти ценности, так сказать, индуцируются в течение интерпретации литературного текста.

Вопросов много, ответов, кажется, меньше. Для определения не сложно использовать интернетовскую энциклопедию Wikipedie. В ней мы найдем, что под ценностью можно понимать *«...убеждение или веру в то, что данная вещь плоха, хороша или важна для жизни»*.[1] По этому определению понятно, что ценность, определяемая человеком, входит в круг антропоцентристических данных. Первичная же природа ничего подобного, наверно, не знает – в ней таким же способом ценно или бесценно всё существующее – ничто не отличается большей или меньшей ценностью по сравнению с другими. Ценность – это представление сознающего субъекта, не что-то объективно существующее в мире. Чтобы понять функцию ценностей для человечества, надо обратиться к тому, как, наверное, ценности стали формироваться в общественном и индивидуальном сознании.

В сфере антропологизированной природы, в которой человек определяет значение вещей и явлений т. наз. первичной природы по отношению к себе, к своим

интересам и своей жизни, по отношению к исполненной им умственной или физической работе, разумеется, обстоят дела по-другому. Там под понятием ценность подразумевают *«представления одиночек или группировок о том, что является желаемым, правильным или неправильным»*.[2] Если мы будем исходить из убеждения, что человек является частью природы, то, понятно, что человек предопределен к ценностной установке, исходящей отчасти из его агрессивно-адаптивной стратегии, как о ней говорит, напр., чешский философ Йозеф Шмайс, понимая под этим то, что человек приспосабливает все в «первичной природе» самому себе, использует и переделывает «первичную природу», – количество усилий и польза, извлекаемая из приложения усилия, определяют ценностное восприятие результата. Кроме этого, он дает таким способом толчок к возникновению «вторичной природы», в которую входит вся широко понимаемая культура, которая немыслима без человека – ее носителя и творца одновременно.

Понятно также, что ценности в таком случае не могут оставаться по своему характеру на одном уровне: они начинают распадаться в две основные группы – ценности *экзистенциальные*, связанные с отношением человека к «первичной природе» и его месту в ее рамках, и ценности *социальные*, связанные с человеком и его существованием среди других людей, т.е. в рамках социального организма, в который он включен.

В течение развития социума именно группа социальных ценностей стала медленно распадаться в самостоятельные подгруппы. Сначала она включала ценности, направленные на сосуществование людей в рамках данного общества, т. е. ценности *этические*. Они-то и обладали способностью регулировать поведение людей друг к другу, индивида к социуму и, наконец, индивида к самому себе, к своему усовершенствованию для жизни среди других. Социальные ценности формировались как система более-менее рационально формулируемых постулатов, входящих в жизнь в форме желаемого поведения; соблюдение норм санкционировалось, несоблюдение наказывалось. С ними связывались желаемые типы поведения, идеалы, понятие совершенства. Все это стало составной частью модели мира, включающей представления, нормы, ценности..., их сплав, принятием которого в течение воспитания человек-одиночка становился членом данного общества. Ценности представляли в такой модели мира какой-то аксиом – идеал, к которому человек мог стремиться.

Трудно установить когда, но на наш взгляд параллельно с этим шло и развитие ценностей другого характера – ценностей, основывающихся не на рациональном восприятии человеком мира и самого себя, а на *эмоциональном*. Понять это позволяют нам в последнее десятилетие проведенные исследования и обобщающие работы по теме эмоциональной интеллигенции, как, напр., книга Даниэля Гоульмана (Daniel Goleman) «Эмоциональная интеллигенция».[3] В ней наглядно показано, наколько сильным является эмоциональное восприятие мира человеком, показываются в ней и примеры того, как не-рационально действует человеческий мозг, и проходящие в нем психические процессы. Большую роль не-рационального в человеческом восприятии мира и в транспозиции ощущаемого в представления заметил раньше и Эрнст Кассирер (Ernst Cassierer).[4] Его же концепция возникновения образа «моментального божества» в человеческом восприятии демонстрирует

факт, что первично человек *воспринимает*, а только потом *называет*, причем *не всегда понимает*.[5]

Тут и происходит исконное раздвоение антропологических социальных ценностей в два ряда ценностей: этические и эстетические. В то время, как этические ценности по сути дела различают две крайности «правильно/прилично» или «неправильно/неприлично», эстетические ценности находят сначала другие два крайних полюса: «гармонично/красиво» и «дисгармонично/некрасиво». По-нашему, именно тут заложены так часто трактуемые противоречия-непротиворечия формы и содержания.

Этические ценности долгое время доминировали в интерпретации литературных произведений; мы можем предполагать, что именно передача «нормированных» этических ценностей (таких как мужество, мудрость...) была первичной целью литературных произведений, таких, скажем, как индийские сказки-поучения Панчатантрам. Они давали определенные примеры поведения, различая «правильное» от «неправильного», воспитывали к мужеству, к принадлежности «к своим» и т.д., значит, приурочивали отдельного человека к социуму, его истории и нормам, к его культуре в широком смысле слова, к его модели мира в целом. Эра, когда этические ценности доминировали в литературной интерпретации (и литературном творчестве), кончается, видимо, эпохой классицизма. Романтизм уже ставит упор на индивидууме – изображает его ценности, отклонившиеся от «общих» или даже противостоящие им, заложенные в его индивидуальной модели мира, противостоящей коллективной модели мира. Этические (или социокультурные) ценности играют, однако, очень важную роль и в критическом реализме, пытавшемся построить опять стройную систему ценностей, основывающуюся на принципе «одного мира» для всех – поэтому, например, острая критика социальных условий, в которых жили представители разных сословий, защита «маленьких и угнетенных». Под конец 19-ого века эта тенденция теряет жизнеспособность под давлением крушения представления об обществе как одном целом, которое, правда, на некоторое время восстанавливается в реализме т. наз. социалистическом, но опять не на долгое время.

Рука об руку идет в это время и восприятие эстетических ценностей, ушедшее после антики на долгое время со сцены. Русская литература, как и другие европейские литературы, в течение веков возобновляет многое, что известно было уже грекам: на смену литературе понимаемой скорее в качестве «ремесла», повторяющего известные уже до того времени формы, считаемые идеальными или образцовыми, приходит тенденция к индивидуальной обработке формы литературных произведений. Не случайно регулятивная, нормативизирующая тенденция приводит при классицизме к созданию первых русских нормативных поэтик (Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков). Хоть частично, но отход от них намечается уже в русле классицизма, углубляется в сентиментализме, совершается, однако, в романтизме. Подражание идеалу уходит со сцены, креативные подходы, оригинальность, все бóльший упор на «игру» с формой берут верх, так как этические ценности по сути дела распались – как и общество, которое утеряло свою целостность. Этические ценности меняются по тому, к которой группе, прослойке, части социума интерпретирующий субъект принадлежит, какая модель мира и связанные с ней ценности ему близки. Это было и раньше, но не в таком крупном масштабе. Не случайно,

по-нашему, то, что в самом конце 19-ого и начале 20-ого века формальное столь интенсивно входит в манифесты отдельных новых литературных течений. Теория реагирует на это чуть позже, но время формальной школы недалеко.

А где тут интерпретация? Каждая эпоха и существующая в ней социокультурная формация и ее культура, т.е. и литература, всегда воспитывали своих читателей так, чтобы они способны были воспринимать этические и эстетические ценности – и в процессе интерпретации именно это и случается: читатель конфронтируется или с установившимися уже, или со становившимися ценностями.

Что касается этических ценностей, их, как правило, понимают и идентифицируют довольно легко. Формальные эксперименты, новшества воспринимаются, чаще всего, «со временем» – только медленно их принимает большинство читателей.

В наше время мы становимся свидетелями специфического развития: довольно большое количество читателей почти не ознакомлено с методом формального анализа – они почти не способны внимать ценности этого характера. Они принимают форму как-то подсознательно, как элемент, который как-то или помогает или затрудняет писателю передать, читателю «изъять» из литературного произведения содержание. Формальными признаками они сознательно занимаются не очень часто, часто не замечают их – они их не удивляют, не привлекают их внимание, находятся «под порогом внимания».

А этические ценности? Они же всё время еще существуют, но они очень расшатаны. Пример: студенты на вузовских семинарах интерпретации литературного текста часто спорят о том, какие ценности в настоящее время можно назвать действительно живыми и действующими. И очень часто их решение близко констатации Ивана Карамазова – «все дозволено». Ценностная дезориентация в медленно эгоизирующемся обществе приводит к тому, что этические ценности интерпретируются по групповым интересам – по интересам иногда маленькой группировки, к который читающий принадлежит. Общих же ценностей как будто стало очень мало. В эпоху глобализации мы сталкиваемся с тем, что когда-то уже назвали по-немецки *die verspielte Totalität* – проигранная целостность.

Какой-то новой ценностью становится событийность – прагматический уровень, который не дает столько возможностей различной интерпретации, различного понимания. Многие студенты почти боятся поэзии – в ней слишком много надо следить за формой. «Не нравятся» многим из них и сложные тексты, приносящие этические дилеммы и т.п. – «слишком сложно». Многие ищут приключенческие книги, фильмы и т.д. – «экшн» (action) стоит надо всем. Однако, насколько мы можем ее провозгласить подлинной ценностью?

Действует, значит, и сегодня постулат, что для интерпретации ценностей литературного произведения необходима «включенность» в данную культуру, ознакомление с данной моделью мира. Там, где знания «идеальных» ценностей не культивируются, не являются темой литературного дискурса, не направляют поведение людей, не заставляют искать ценностный идеал, не входят в концепт целостной модели мира, туда им на смену приходит прагматика повседневной жизни.

Примечания:

[1] http://cs.wikipedia.org/wiki/Hodnota

[2] http://cs.wikipedia.org/wiki/Hodnoty

[3] Goleman, D.: Emoční inteligence. Praha 1997.

[4] Cassierer, E.: Language and Myth. New York, bez vročení. ISBN 0-486-20051-5.

[5] "*Before the intellectual work of conceiving and understanding of phenomena can set in, the work of naming must have preceded it, and have reached a certain point of elaboration. Fot it is this process which transforms the world of sense impression, which animals also possess, into a mental world, a world of ideas and meanings.*" Cassierer, E.: Language and Myth. New York, bez vročení, p. 28.

Использованная литература:

Cassierer, E.: *Language and Myth*. New York, bez vročení. ISBN 0-486-20051-5.
Goleman, D.: *Emoční inteligence*. Praha 1997.
Mathauser, Z.: *Metodologické meditace*. Brno 1988.
Miko, F.: *Hodnoty a literárny proces*. Bratislava 1982.
Otruba, M.: *Znaky a hodnoty*. Praha 1994.
Šmajs, J.: *Gnoseologické implikace evoluční ontologie*. Brno 2001.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

MIROSLAV ZAHRÁDKA
Česká republika, Olomouc

NÁZVY NAVAZUJÍCÍ

ABSTRACT:
The paper deals with Russian fiction works' titles referring directly or indirectly to a particular title of any world's or Russian fiction work released before. That is how authors express their identification or polemics or other attitude to an idea, character, historical event, myth or style.

KEY WORDS:
Russian literature – titles of works – identification or polemics with idea, typical character, historical event, myth or style of before used title.

РЕЗЮМЕ:
Статья рассматривает названия русской литературы, ссылающиеся прямо или косвенно на названия старших произведений (или их частей) мировой или русской литературы. Авторы, таким образом, проявляют свое отождествление, полемику или другого характера связь с идеей, определенным литературным типом, типом исторического события, мифом или стилевой традицией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
Русская литература, названия произведений, отождествление или полемика с идеей, литературный тип, историческое событие, миф или стиль, использованного ранее заглавия.

Stovky názvů ruské literatury zjevně navazují na názvy či látky starší. Bývá to z několika důvodů. Buď autor naznačuje jistou ideovou či uměleckou spřízněnost se starším dílem a jeho tvůrcem, a návazností svého názvu se řadí do jisté tradice, nebo prostě opakováním obecně známého názvu připoutává pozornost čtenářů. Nový název nemusí být doslovným opakováním, může být třeba citátem ze známého díla, ale autor si tímto pojišťuje hlubší myšlenkovou srozumitelnost svého textu, akcentuje jeho smysl, posouvá jeho smysl jiným směrem a tak podobně. Náhodné opakování staršího názvu, případ, že by nový autor o starém názvu neměl tušení, je možné téměř vyloučit, i když ani taková ignorance není nereálná.

Velmi často je v názvech citována bible či jiný náboženský zdroj, event. spisovatel svým názvem napodobuje styl těchto zdrojů, aniž by přímo citoval, nebo použije zastaralé slovo s nimi spjaté, jež už přešlo do kategorie poetických. Příkladem posledně uvedené možnosti je uvedení slova «ковчег» (arch.) u dvou autorů 20. století, u **Andreje Platonova** a **Vladimíra Maximova.** Platonovova nedokončená komedie *Ноев ковчег* (někdy z let

1950-51) má navíc ještě «biblický» podtitul – *Каиново отродье* (Kainovo pokolení), což akcentuje patos hry, zacílený proti imperialistům (Churchill aj.) a vysokému katolickému kléru. Vzhledem k tomu, že tu je oslaven Stalin jako zachránce lidstva před potopou, je zřejmé, že Platonov se tak pojišťoval proti eventuálnímu zatčení v době represálií, ale současně nemínil hru dokončit. Naznačil v ní různé syžetové a ideové možnosti, což je zjevné ze soupisu jednajících osob: **Ch. Chaplin, B. Shaw, A. Einstein**, ale i Ahasfer, věčný Žid, nebo Ježíšův bratr Jakub.

«Ковчег» se vyskytuje i v názvu románu **V. Maximova** *Ковчег для незваных* (1976-78). Děj se odehrává v roce 1946 na vesnici v Tulské oblasti, v Moskvě, Irkutsku a na Kurilských ostrovech, retrospektivy sahají do 30. let a do válečného období. Skoro ve všech kapitolách doprovází současný děj téma oběti Ježíše Krista, věčného pochodu Mojžíše a utrpení jeho lidí, paralela k „věčnému pochodu“ ruského člověka v kruhu. Zlověstná je tu postava Stalina a jeho biřiců. Symbolické téma tsunami pak je uzavřeno záchranou lidí na korábu „spravedlivého člověka“ Fjodora Samochina, hlavního hrdiny díla. Epigraf románu je z evangelia sv. Matouše: „Nebo mnoho jest povolaných, ale málo vyvolených.“

Vladimír Maximov se obrací k „biblickému“ názvu i v dalších románech: *Семь дней творения* (1971), *И аз воздам* (1987). A v jiných aspoň originálně stylizuje: *Прощание из ниоткуда, Заглянуть в бездну, Стань за черту, Жив человек* aj.

Román *Семь дней творения* je sestaven ze sedmi částí, pojmenovaných podle dnů v týdnu, a v každé se rozvíjí dlouhodobý životaběh jednoho z hrdinů. Jsou to vlastně samostatné romány, spojené příbuzenstvím hlavních postav a širokým panoramatem vývoje ruské společnosti od revoluce do šedesátých let. Hrdinové se vyvíjejí od revolučního nadšení k rozčarování, z něhož možná vede cesta ke štěstí mladého pokolení a k víře: «*Шел и знал. Знал и Верил.*»

Román *И аз воздам* (z V. knihy Mojžíšovy: „máť jest pomsta a odplata“) vypráví o kozácích a vině všech na neštěstí Ruska. Román téhož názvu psal i porevoluční emigrant **Sergej Makovskij**, ale dílo nedokončil. Podle publikovaného fragmentu lze soudit, že biblický název má svůj původ v religiózním pojetí skutečnosti právě tak jako **Tolstého** epigraf k románu *Anna Kareninová*. Ten ovšem vyjadřuje spíše jen původní koncepci románu, která pak prošla složitým procesem proměn.

Maximov i jiní autoři svými názvy a celými díly prokazují, jak inspirativní a tvořivý je stále potenciál bible. To ostatně poznáme i z dalších příkladů. Román **Jelizara Malceva** *Войди в каждый дом* (1961) je jedním z nich: název blízký náboženské rétorice mohl posloužit i politickým cílům. Zde konkrétně chruščovovskému uvolňování situace na vesnici a principu hovořit s lidmi, a ne jim jen přikazovat. **Baklanovův** soubor „nevymyšlených povídek“, nazvaný podle jedné z nich *Входите узкими вратами* (1992), obsahuje řadu portrétů a situací, dokládající, jak nesnadno se prosazovaly demokratičtější tendence ve společnosti i v ruské literatuře. Jedna vzpomínková povídka se jmenuje *В начале было слово* a polemizuje s antisemitskou knihou **I.R. Šafareviče** *Русофобия*. Podobně jako Baklanovova je nazvána historická povídka **Leonida Lichodějeva** – *Сначала было слово* (1987).

S biblí souvisejí především názvy doby těsně porevoluční, a pak až z 60. – 90. let. **Vasilij Rozanov** vyjádřil v roce 1918 svůj postoj k revoluci svým názvem *Апокалипсис нашего времени*. Biblický název použil **Nikolaj Šmeljov** v novele o gruzínském malíři **Niko Pirosmanašvili**, o jeho díle a záhadném osudu – *Деяния апостолов*

(1988). Tragický charakter má i povídka **Borise Vasiljeva** *Неопалимая купина* (1986 – Mojžíšův hořící keř). Dramatický až tragický děj je tedy často uváděn právě takovými názvy biblického či náboženského rázu. **Grigorij Baklanov** svou tragickou válečnou novelu pojmenoval *Мертвые сраму не имут* (1961), což zní starorusky a biblicky. Jiná jeho novela, ironicky svým názvem upomínající na nesmyslnou a krutou afgánskou válku, je též tragická, byť intimně*: В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном* (1995). Využívá citátů z církevního zpěvu. A samozřejmě biblicky mu vyznívá i povídka ze současného života, varující před degradací rodičovství – *Непорочное зачатие* (1993). A ještě další Baklanov – *И тогда приходят мародеры* (1995) – hutná novela konfrontující válku a současnost, poněkud mentorsky apelativní, s akcentovanou myšlenkou, že marodéři drancující za války nevymřeli a drancují dál.

Z náboženské oblasti čerpají tedy spisovatelé stále. **Vasilij Němirovič-Dančenko** nazval povídku z 1. světové války velikonočním *Воистину воскрес*! **Vladimír Dudincev** napsal román *Не хлебом единым* (vyšel v roce 1957) o střetu tvůrčích lidí s byrokraty a vyvolal jím ostrou reakci konzervativní kritiky, a **Grigorij Baklanov** podobné názvy používá i v 90. letech.

A mohli bychom pokračovat dál: **Felix Světov** napsal román o své cestě ke křesťanství – *Отверзи ми двери* (1978), ve stejné době emigrant **Michail Morgulis** novelu *Спаси, Господи, раба Даниила* (1979), **Grigorij Kanovič** líčí osudy svých židovských hrdinů v prózách obdobných názvů: *И нет рабам рая* (1985), *Улыбнись нам, Господи* (1989). To jsou případy, kdy název a idea díla je v souladu s náboženským zaměřením autora, avšak ani socialističtí realisté se neodříkají takových názvů: vojenský a literární funkcionář **Vladimír Karpov** psal o politické výchově vojáků v próze *Не мечом единым* (1979), **Vitalij Zakrutkin** o vzniku a mohutnění „nového světa“ – Sovětského svazu – v rozsáhlém románu *Сотворение мира* (1956-1978), který opravdu nemá nic společného s půvabným dílem **Jeana Effela**. Satiru si dovolil nazvat «biblickým» způsobem **Alexandr Zinovjev v** románu *Иди на Голгофу* (1985).

Co do frekvence na druhém místě je použití názvů ze staroruské literatury nebo ruské klasiky. Autoři přímo citují nebo využívají stará témata i postavy. Výrazně se tím zapsal do literatury **Michail Bulgakov,** který se vědomě a zcela otevřeně hlásil ke **Gogolovi** nejen tím, že dramatizoval *Mrtvé duše* a napsal podle nich filmový scénář, nýbrž i navázáním na tento román satirou na současnost 20. let *Путешествие Чичикова*. Bulgakov jakoby ve svých dílech a názvech chtěl akcentovat spjatost své tvorby s klasikou i v jiných případech: s **Goethem**, **J. Vernem, Cervantesem, Molièrem** aj.

Jiným příkladem je životnost satiry **M.J. Saltykova-Ščedrina** *История одного города* a využití jejích postupů pro zobrazení dalších dějů v Rusku po roce 1825 až do současnosti. Nepřímo cítíme přítomnost Ščedrina i Gogola ve „studii“ **Andreje Platonova** *Город Градов* (1927), kde je vysmívána sovětská byrokracie, přímo pak na Ščedrina navazuje **Vjačeslav Pjecuch** svým dílem *История города Глупова в новые и новейшие времена* (1989), kde odsoudil stalinismus i byrokracii sovětského Ruska v různých podobách.

Ještě hlouběji v historii ruské literatury hledali inspiraci **Michail Kurajev,** když jakoby na radiščevské téma napsal svou satirickou prózu *Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург* (1996), ovšem s jiným laděním než kdysi **Radiščev**, nebo **Ludmila Petruševská** v rytmizovaném „vesnickém deníku“ *Карамзин* (1994), v jehož „sekaném“, úsečném stylu je vylíčena bída ruské vesnice. Čteme tu citáty z oslavných sovět-

ských písní («*где так вольно дышит человек*»), z fantastické prózy **A. Platonova** (*Мусорный ветер*), z postmoderního románu **Saši Sokolova** (*Школа для дураков*), z protistalinského filmu *Pokání* («*дорога ведет к храму*») atd.

Lermontovovu báseň *Утес* (česky Skalní štít) připomene název románu **Anatolije Pristavkina** *Ночевала тучка золотая* (1987). První strofa – hravá a veselá – tu odpovídá první části románu o začátku nového života válečných sirotků v kavkazských horách, druhá strofa je smutná, Pristavkinova druhá část románu tragická. Jinou lermontovovskou inspiraci měl **Vladimír Makanin**, když použil jeho klasický název *Герой нашего времени* jako druhou část názvu svého románu *Андерграунд* (1998), pronásledujícího sžíravou ironií „hrdiny" ruské společnosti gorbačevsko-jelcinského období.

Na **Puškinovu** poému a **Tolstého** povídku navazuje **Vladimír Makanin** názvem své povídky *Кавказский пленный* (1995) o krutosti, nesmyslnosti a paradoxech války s Čečenci («*уже который год*», «*уже который век*»), kde autor také pracuje s puškinsko-lermontovovským motivem protikladu krásy přírody a války. Opět **Lermontov** – jeho *Парус* – inspiroval **Valentina Katajeva** k tomu, aby svůj román o revoluci roku 1905 a o dětství nazval *Белеет парус одинокий* (1936). A opět **L.N. Tolstoj** svou kavkazskou povídkou vedl **Grigorije Baklanova** k názvu povídky *Разжалованный* (1976), kde ovšem vypráví o moderním rozervanci – moskevském taxikáři. A **Vasilij Staroj** (pseudonym!) přímo dějově navazuje na **Tolstého** *Vojnu a mír*, když v románu *Пьер и Наташа* (1996) dovádí Pierra Bezuchova k děkabrismu. **Dostojevského** název použil **Michail Narica**, oběť stalinismu a sovětského režimu vůbec, k „autobiografické zprávě" *Преступление и наказание* (1971).

Také **Čechovovy** názvy se objevují v pozdější literatuře: *Вишневый сад* (1966) je umělecky slabá povídka **Alexeje Musatova,** daleká od Čechova, *Палата № 7* (1992), povídka **Vjačeslava Pjecucha,** naopak přímo navazuje na postavu Čechovova doktora Ragina a líčí osud psychiatra v sovětské současnosti. I některé názvy **Maxima Gorkého** jsou využity v literatuře dalších období, např. *Мать* (1923) **Feoktista Berezovského**, kde je hlavní hrdinkou jakoby následnice Pelageji Nilovny, tentokrát sibiřská revolucionářka. Sugestivní povídku *Мать* napsal i **Andrej Platonov** v souboru válečných próz: je to tragédie matky a jejích dětí za fašistického vraždění. Název „budovatelského" románu **Borise Pilňaka** *Волга впадает в Каспийское море* (1930) si po třiceti letech vypůjčil **Leonid Lichodějev** pro svou satiru na sovětské pořádky a lidské slabiny.

Samozřejmě najdeme mezi názvy ruských autorů 20. století i citace, jména nebo přímo názvy z literatury světové. **Andrej Platonov** napsal válečnou povídku *Афродита* o velké lásce vojáka k servírce v bufetu, kterou spojuje s bájnou hrdinkou pěna ve sklenici piva. **Ludmila Petruševská** nazvala svou antiutopickou „kroniku konce XX. století" *Новые Робинзоны* (1989), **Valerij Popov** svou knihu humoristických povídek *Новая Шехерезада* (1988). Návaznost je tu vždy s posunutým významem předchozího symbolu, tématu, typu.

K **Dickensovu** *Příběhu dvou měst* (Повесть о двух городах) se přiklonil **Konstantin Fedin** smyslem a částečně i názvem *Города и годы* (1924), jen tu váhá mezi Dickensovým humanismem a revolučním patosem. Povídka bodrého až povrchního humoristy **Leonida Lenče** *Укрощение строптивых* (1939) připomene **Shakespearovu** hru *Укрощение строптивой* (Zkrocení zlé ženy). Atd. Takových podobností můžeme najít stovky, někdy ta návaznost není příliš smysluplná. Málokdy se autor přihlásí otevřeně ke svému vzoru přímým jeho označením v pojmenování díla, jako to nejednou udělal

Vjačeslav Pjecuch. Např. jeho povídka *Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гете* (1996) je spíše řada esejů o filozofických otázkách, a Pjecuch se tu – někdy ironicky – s **Goethem** shoduje v životní či literární skepsi.

Velmi častá je návaznost názvu na známý citát. Viděli jsme to v případě bible, ale je tomu tak i u antických spisovatelů a výroků. Připomenu jen *Pantha rei* (1989 – Все течет) **Vasilije Grossmana,** známou antistalinistickou novelu. Nebo naopak: socialisticko-realistické názvy navazují na revoluční hesla: *Из искры – пламя* (1940) **Sergeje Golubova,** *Возгорится пламя* (1966) **Afanasije Koptělova,** atd. I takových případů najdeme desítky, některé mají smysl**,** některé jsou jen propagandistickým trikem. Kuriózním případem je ironizace socialisticko-realistického dramatu *Оптимистическая трагедия* (1932) **Vsevoloda Višněvského** ve hře **Vjačeslava Pjecucha** *Пессимистическая комедия* (1989): hra obsahuje tři banální a současně absurdní příběhy, protikladné patosu Višněvského, mj. díky použití postupů **F.M. Dostojevského**.

Navazující názvy, pomineme-li ty s propagandistickou funkcí nebo ty, které jsou plodem nedostatečné autorovy invence, mívají hlubší smysl, pokud se ztotožňují nebo naopak polemizují s ideou určitého literárního typu (Don Quijote, Faust apod.), určitého typu historické události (historická próza), určitého mýtu, citátu, pokud se řadí do určité myšlenkové, historické či literárně historické (např. stylové) tradice. Literární vývoj takto nachází své vlastní interní zdroje, není jen odrazem historické, společenské nebo obecně lidské reality.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Александра Зывэрт
Польша, Познань

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КЛАДБИЩЕ (О «КЛАДБИЩЕНСКИХ ИСТОРИЯХ» Б. АКУНИНА – Г. ЧХАРТАШВИЛИ)

Abstract:
The subject of death very often appears in the works of Boris Akunin – Grigory Chkartishvili. In *Stories from Cemeteries* the author proves that death can't be omitted while speaking about life. Akunin – Chkartishvili treats cemetery not so much as a cultural monument but as a testimony to the national attitude towards life and death.

Key words:
Boris Akunin, Grigory Chkartishvili, *Stories from Cemeteries*, cemetery, life, death.

Григорий Чхартишвили знаком читателям многих стран мира как эссеист, японист, переводчик, литературный критик, но прежде всего как автор около двадцати детективных романов, написанных под псевдонимом Борис Акунин.[1] Писатель многократно повторял, что нельзя отождествлять Акунина с Чхартишвили.[2] Они как «доктор Джекилл и мистер Хайд»: Акунин – это «царь миддл-литературы»,[3] беллетрист, профессионал детективного жанра,[4] зато Чхартишвили *автор неигровой, а значит, менее подверженный изменениям*.[5]

В этом контексте интересной может показаться одна из последних книг автора, появившийся в октябре 2004 года сборник *Кладбищенские истории*, авторами которого одновременно и создатель фандоринского цикла, Борис Акунин и литературовед, культуролог Григорий Чхартишвили.[6] Это неожиданное, хотя в этом случае, кажется, вполне обоснованное, соавторство объяснено уже в предисловии: *Я писал эту книгу долго, по одному-два кусочка в год. [...] Дорога эта оказалась длиной в целых пять лет. Началась от стены старого московского кладбища и увела меня очень-очень далеко. За это время многое изменилось, «и сам, подвластный общему закону, переменился я» – раздвоился на резонера Григория Чхартишвили и массовика-затейника Бориса Акунина, так что книжку дописывали уже вдвоем: первый занимался эссеистическими фрагментами, второй беллетристическими*.[7] Сознательно решаясь стать соавтором самого себя, писатель имеет возможность не только дойти до сознания широкого круга читателей, но и пред-

ставить проблему с двух точек зрения – как Акунин, человек верующий, и Чхартишвили – атеист.

В *Кладбищенских историях* автор следующий раз возвращается к теме смерти. Тема смерти не нова для автора, как замечают критики, она в каком-то смысле постоянно присутствует в его творчестве.[8] В этом контексте, что подтверждает также Акунин, *Кладбищенские истории* в большой степени являются своего рода продолжением раньше начатых размышлений. В центре внимания автора шесть знаменитых старинных кладбищ – Донское в Москве, Хайгейтское в Лондоне, Пер-Лашез в Париже, Гайдзин-боти в Иокогаме, Гринвуд в Нью-Йорке и еврейское на Масличной горе в Иерусалиме. Весь текст разделен на шесть глав, в каждой из них две части: очень эмоциональное, почти философское эссе Чхартишвили, рассказывающее о каждом из кладбищ (расположении, истории, индивидуальном характере, похороненных на них людях[9]) и детективная новелла Акунина, действие которой происходит или на упомянутых кладбищах или поблизости от них. Для Акунина-беллетриста старое, уже бездействующее кладбище – это персонаж фольклора, ужасающее и одновременно фасцинирующее место действия всяких необыкновенных историй: фантастических, детективных, ужасающих, в которых и преступление, и несчастливая любовь, и наказание, и вампиры, и призраки, и осужденные на вечные муки души грешников. Как говорит автор: *Что за рассказ о кладбище без поминания жути и нежити* [59].

Чхартишвили – турист, исследователь и тафофил – воспринимает его совсем по-другому, как не столько памятник культуры, достопримечательность, сколько репрезентацию национального восприятия смерти. Итак, Донское кладбище символизирует смерть забытую, *был да сплыл* [13], как пишет он в заглавии. Лондонский Хайгейт, элитарное, как немножко иронически добавляет автор, кладбище для богатых, «приличных» людей – это место смерти благопристойной, в *те времена, когда Pax Britannica еще не распалась* [50]. Олицетворяющий смерть эстетическую и этическую: красивую, романтическую и благородную парижский Пер-Лашез является квитэссенцией стереотипного образа Франции, страны, в которой, с *давних пор литература значила больше, чем монархия* [77]. Эссе о Гайдзин-боти в Иокогаме рассказывает о наиболее ужасающей (особенно для жителя Запада) смерти – внезапной, *которую нельзя предугадать, к которой невозможно подготовиться* [127]. Бруклинский Гринвуд идеально передает американский подход к жизни. Это – *территория запланированной смерти, первая ласточка пресловутого positive thinking, [...] американского оптимизма, который так раздражает иностранцев* [184], престижное и снобистическое место, что-то в роде посмертной «аллеи звезд». Последний, явно оптимистичный эссе, посвящен еврейскому кладбищу на Масличной горе в Иерусалиме – олицетворению смерти нестрашной. Еврейское кладбище резко выделяется на фоне остальных упомянутых некрополий прежде всего потому, что оно совсем лишено свойственных для такого типа мест сакральных элементов. Оно скорее всего напоминает своего рода «зал ожидания», в котором покойники спокойно ожидают Суда. И лишь тогда выясняется цель всего произведения, его основной «месседж» – попытка преодолеть страх смерти и показать дорогу к настоящему бессмертию – извечной мечте человечества.

В поисках ответа писатель не убегает от страха смерти, а идет ему навстречу, пытаясь его рационализировать и понять в чем его суть.[10] Он не планирует вникать

в проблему смерти как таковой (*В природе таинства разобраться нельзя, на то оно и таинство, чтобы не иметь никакой природы*. [205]), исходя из предположения, что она существует потому только, что существует жизнь, касается всех без исключения и для каждого является будущим. Несмотря на человеческие усилия, невозможно отнестись к смерти: отбросить ее, вытеснить из сознания, забыть. Жить, утверждает автор, обозначает систематически приближаться к моменту неминуемого конца. Рождение человека – это одновременно проповедь его смерти, затем бунт против смерти по сути дела автоматически оказывается бунтом против жизни. Нельзя затем говорить о жизни не говоря о смерти.[11] Поэтому *Кладбищенские истории* – это по сути дела следующая (после *Писателя и самоубийства*) попытка *понять что-то важное – может быть самое важное – про жизнь*,[12] и избавить человека *от страха смерти, а вместе с ним и от всех прочих страхов. Это означает,* уточняет писатель, *не вообще уничтожить смерть, а исключить смерть неожиданную, непредсказуемую и преждевременную […] Когда смерть перестанет внушать страх и восприниматься как зло, можно будет считать, что человечество свой путь благополучно завершило и вернулось в Эдем* [213-214].

И Акунин, и Чхартишвили, но каждый по-своему, верят в бессмертие.[13] У Акунина даже ужасная Салтычиха в конце концов найдет упокой души, а решительный материалист Маркс убедится в существовании «жизни после жизни». Чхартишвили тоже убежден, что биологическая смерть не обозначает окончательного финала человеческого существования. *Рождение и смерть – это не стены, а двери* [9] утверждает он уже в самом начале. Поэтому в центре его внимания не горе, травма и слезы (которые со смертью как таковой не имеют ничего общего[14]), а Остановившееся Время, человеческие мысли, чувства и запечатленные в эпитафиях эмоции. Согласно этому положению и вопреки сложившимся стереотипам, он воспринимает кладбища как места сна (*cemetery, cimitiere, cimitiero, от изящного греческого «койметери-он», то есть «место сна»* [172]) или как своего рода города людей, которые хотя физически исчезли, но все время существуют в каком-то другом измерении[15] (*… люди, которые жили раньше нас, никуда не делись. Они остались там же, где были, просто мы с ними существуем в разных временных измерениях. […] Всё, что когда-то было, и все, кто когда-то жил, остаются навсегда […] Мертвецы – наши соседи и сожители. Мы ходим по их костям, пользуемся выстроенными для них домами, разгуливаем под сенью посаженных ими деревьев. Мы и наши мертвые не мешаем друг другу*. [6-8])

Суть проблемы человеческого страха смерти лежит, по его мнению, в ошибочном подходе к жизни.[16] Страх смерти характерен особенно для западной культуры, основной ошибкой которой является, с одной стороны, пренебрежительное отношение к смерти (*Западный человек, дитя оптимистической цивилизации, живет на свете, делая вид, что смерти нет, а если и есть, то очень нескоро* [127]), с другой – иррациональное убеждение в том, что когда-то удастся ее понять, раскрыть ее тайну, обмануть и каким-то способом избавиться от нее. Единственный способ избавиться от страха смерти – это помириться со смертью, одобрить ее существование и подготовиться к ее приходу: *жить как можно дольше и жить по правилам (то есть правильно), чтобы потом умереть с чувством глубокого удовлетворения* [214].

В этом контексте не смерть является проклятием человечества, а бессмертие в биологическом смысле. Оно именно, не смерть лишает жизнь ее цели и смысла. Доказательством этого являются слова героини последней новеллы: *от старости никуда не денешься. [...] Всё время повторяем одно и то же, рассказываем друг другу вещи, отлично известные нам обоим. Он прав: всё уже было* [217].

Писатель убежден, что даже в случае возможности полной биологической регенерации организма человек, в конце концов, внутренне насытится жизнью и почувствует «инстинкт смерти».[17] Оказывается затем, что смерть нельзя воспринимать в категориях наказания, а естественного финала жизни, своеобразного «хэппи-энда», которого нельзя опасаться.

Кладбищенские истории не являются ни справочником, ни тем более универсальным лекарством от страха смерти, но, несомненно, заставляют задуматься о вечном и о том, что *узнав о смерти как можно больше, можно попробовать бояться ее как можно меньше...* [18]

Примечания:

[1] Ср. напр. Wołodźko-Butkiewicz, A.: *Od pierestrojki do netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej,* Warszawa 2004.

[2] В одном из интерью Акунин сказал: *Борис Акунин и Григорий Чхартишвили – это не один и тот же человек. На мне сейчас очки Акунина, а когда я Чхартишвили, я надеваю другие очки.* Вербиева, А.: *Борис Акунин: «Так веселее мне и интереснее взыскательному читателю...» Грандиозный проект новой русской беллетристики*, http://exlibris.ng.ru/person/1999-12-23/1_akunin.html.

[3] В свои произведениях Акунин использует метод «двойного кодирования». Сознательно стирая границы между «элитарной» и «массовой» литературой, он стремится создавать произведения, которые могут быть привлекательными как для массового читателя так и интеллектуала. См. Захаров, А.: *Борис Акунин: опыт культурологического анализа*, http://pushkinka.narod.ru/zaharov.htm, Циплаков, Г.: *Битва за гору Миддл*, In: «Знамя» 2006, №8, http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/cy11.html

[4] См. *Ciekawią mnie warszawscy złodzieje...*, интервью с Б. Акуниным, http://miasta.gazeta.pl/krakow/2029020,35796,3024337.html

[5] Шевелев, И.: *Соавтор самого себя*, интервью с Б. Акуниным, http://www.ogoniok.com/archive/2-004/4868/41-52-52

[6] *Кладбищенские истории*, как замечают критики, – это своего рода компромисс между Г. Чхартишвили и Б. Акуниным. Они, с одной стороны, не похожи на другие тексты автора, с другой, очень напоминают то, что пишет каждый из них., Шевелев, И.: *Соавтор самого себя*, интервью с Б. Акуниным, http://www.ogoniok.com/archive/2004/4868/41-52-52, Иванова, Н.: *Литературная резервация: рубль за вход, два за выход*, «Знамя» 2005, №1, http://magazines.russ.ru/znamia/2005/1/ivan9-pr.html. В свою очередь, сам автор говорит, что *Кладбищенские истории* позволяют понять чем отличаются эти два писателя. Чхартишвили – это не скрывающий своих взглядов эссеист, в свою очередь Акунин – это повествователь, фантаст, фиктивное дицо. См. *Adwokat diabła*, интервью с Б. Акуниным, http://tygodnik.onet.pl/1563,10952,1313946,tematy.html,

[7] Акунин, Б., Чхартишвили, Г.: *Кладбищенские истории*. М. 2006, с. 5 Все остальные цитаты по тому же изданию. Страницы указаны в скобках.

[8] Достаточно вспомнить хотя бы первый «фандоринский» роман Акунина *Азазель* (1998) или культурологическую монографию Чхартишвили *Писатель и самоубийство* (2000), в которой автор сосредоточивает свое внимание не только на биографиях конкретных писателей-самоубийц, но и пытается проанализировать явление смерти как с философской, так и психологической точки зрения. См. Разуваев, Н.: *Эссе о смерти*, http://www.expert.ru/printissues/kazakhstan/2006/45/book_pisatel_i_samoubiystvo.html; см. Также Пригодич, В.: *Светлая книга или Книжный свет*, http://www.russian-uk.com/archive/art_gallery/230_30.htm

[9] В одном из интервью автор выяснил: *меня привлекают не знаменитые покойники, а наоборот, те, про кого все давно забыли, чья могила – единственное свидетельство, подтверждающее, что некогда жил такой вот Симеонов-Пищик и ушел, и не оставил никакого ключика к своей исчезнувшей жизни кроме двух дат да какой-нибудь полустертой благочестивой сентенции.*, интервью с Б. Акуниным газете Известия, http://www.team-x.ru/xforum/topic1761.html

[10] См. Карандашев, В.: *Жить без страха смерти*, Москва – Санкт-Петербург 2005.

[11] Как утверждается в научной литературе, сознание смерти является для человека одновременно даром и проклятием, поскольку человек больше всего убегает от знания о своем неизбежном конце. Смерть внезапно прекращает жизнь и поэтому кажется ему чем-то чужим, враждебным и непредвиденным. Drogoś, S.: *Człowiek w obliczu śmierci*. Toruń 2002, c. 90, Adamkiewicz, M.: *Oblicza śmierci. Propedeutyka tanatologii*. Toruń. 2004.

[12] См. Шевелев, И.: *Соавтор самого себя*, интервью с Б. Акуниным, http://www.ogoniok.com/archive/2004/4868/4 -52-52.

[13] Подход к проблеме бессмертия непосредственно вытекает из разного отношения обоих воплощений писателя к вере. Лишь Акунин верит в Бога, Чхартишвили – нет. Он прежде всего считает себя историком, заинтересованным, однако, проблемой существования загробной жизни. См. Żebrowska, A.: *Dodatek do Fandorina*, http://akunin.republika.pl/

[14] Шире о проблеме часто сопутствующих смерти травме, страху и страданиях. См. Drogoś., S.: *Człowiek w obliczu śmierci*. Toruń 2002, c. 109.

[15] См. этимологию слова «некрополь» - Некрополь гр. nekropolis, (nekros – мертвый, polis – город. т.е. буквально «город мертвых»), *Словарь иностранных слов*. Москва 1982, с. 332.

[16] В одном из интервью писатель вспоминал: *Помню, как меня потрясли сочинения японских третьеклассников на совершенно банальную тему, на которую пишут дети во всем мире - «Мое будущее». В своей начальной части эти работы были точно такие же, как если бы они были написаны в любой совершенно стране мира, в Америке, в России, не важно. Кто-то пишет о том, что хочет стать спортсменом, кто-то политиком, кто-то киноактрисой. В общем, дети как дети. Но у каждого из этих детей сочинение кончается одинаково: «... а умру я во столько-то лет от того-то». Представить себе русских детей, пишущих об этом, я не могу. У нас жизнь воспринимается как нечто, не имеющее конца*. Куланов, А: *Взгляд без предубеждений*, интервью с Б. Акуниным, ж-л «Япония сегодня», ноябрь 2000 года, http://www.fandorin.ru/akunin/articles/japantoday.html

[17] Понятие «инстинкт смерти» введено биологом И. Мечниковым. «Инстинкт смерти» - это положительное желание старых людей умереть, похожего на желание спать, появляющееся вследствие усталости. Он считал, что почти каждая человеческая смерть является преждевременной и вызывается каким-нибудь насилием – в простом или более сложном виде, известном под именем болезни, – и что поэтому этот потенциальный инстинкт не получает возможности выражения. Его идеалом был «ортобиоз», то есть развитие человеческой жизни, при котором она проходит через долгий период активной старости с могучим здоровьем, приходя к последнему периоду, в котором будет наличествовать чувство сытости жизнью и желание смерти. См. Карандашев, В.: *Жить без страха смерти*. Москва – Санкт-Петербург 2005, с. 320.

[18] Бекасов, Ш.: *Кладбищенское соавторство*, http://www.bekasov.ru/shen/cemetery.htm

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Лилиана Калита
Польша, Гданьск

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ МАРКА АЛДАНОВА «МОГИЛА ВОИНА»

Abstract:
An article analysis various types of times: biographical, historical, calendar, twenty-four hours and even cosmical, which are expressed in live of diffrent heroes. Space is considered according to theories J. Lotman and is bases on resistance: high-low, open-close, limited-unlimited. Meanings of these notions are conected with qualities such as: valuable-unvaluable, good-bad, etc. Time and area is disclosure of author ethical concept and his philosophy of history.

Key word:
Time, space, Aldanov, historical prose.

Марк Алданов – это автор крупных исторических романов, в которых воплощена своеобразная философия истории, вытекающая из убеждения о роли случая в ходе событий. На долю писателя выпала горькая судьба вынужденной эмигрантской жизни, которая, углубленная старательным изучением процессов истории, привела его к выводу, что закон истории – это *постоянное вторжение войн и революций в мировую жизнь, а человеческие характеры во все времена остаются неизменными, хотя полностью раскрываются лишь в момент испытаний*.

Анализируемая в этой статье повесть *Могила воина* (1939) представляет собой отражение Европы в эпоху, когда *мир все не мог прийти в равновесие после французской революции и наполеоновских войн*. Героями произведения являются как реальные лица: Байрон, виконт Кестльри, лорд Веллингтон, вдова Наполеона Мария Луиза, Александр I, так и вымышленные: из них на первый план выдвинут неизвестной фамилии агент сперва австрийской, а потом английской полиции, бывший карбонарий - мастер-месяц.

Время и пространство в рассматриваемом произведении неравномерны и прерывисты, они наделены чертами многообразности и функциональности, как в плане композиционном (биография главных героев опирается на мотив дороги), так и в идеологическом, становясь изображением авторской концепции мира и человека. Восстановление художественной категории времени и пространства

должно учитывать структуру повествования в тексте. В данном случае имеем дело с повествованием от третьего лица, в котором, однако, передается психологическая точка зрения героя, в основном Байрона, мастер-месяца, лорда Кестльри и Александра I.

В повести *Могила воина* присутствуют образы времени биографического, исторического, календарного, суточного, а даже космического, реализуемые посредством сюжета, языковых средств и символов. Биографическое время героев вытекает с принятых автором временных рамок, охватывающих период с 1819 по 1824 год (повесть начинается встречей Байрона с карбонариями в Венеции и кончается его смертью в Миссолонги), при чем в жизни каждого героя эти годы считаются переломными, решающими его судьбу в будущем а даже последними годами перед смертью. Итак, Байрон показан зрелым, утомленным своим байронизмом и славой человеком ищущим новой цели, больше политическим деятелем, находящим для себя могилу воина в борьбе за освобождение Греции, чем поэтом, пытающимся изумить мир новыми стихами. Царь Александр I предстает перед нами как повелитель охваченный мистическими идеями, которому проблемы современной политики кажутся непонятными и несущественными. Правящий Англей пятидесятилетний лорд Кестльри убежден, что против него совершается заговор (в главе которого стоит гнедая лошадь) и на этой почве сходит с ума и кончает жизнь самоубийством. В свою очередь за эти пять лет судьба мастер-месяца все сильнее сплетается с судьбой Байрона, так как он назначен английской полицией наблюдать за действиями поэта.

Время отведенное повествователем каждому персонажу длится в зависимости от того какую роль играет герой в структуре произведения. Больше внимания уделяется личности Байрона, лорда Кестльри и мастер-месяца, так как царь Александр I или Мария Луиза появляются на страницах повести только на несколько часов (владыка России будет потом еще упомянут в статье, которую читает английский поэт).

Биографическое время героев является неотъемлемой частью времени исторического, запечатленного в таких событиях как конгресс в Вероне, революционное движение в Италии и Греции, годовщина смерти Наполеона и становится оно частью космического времени, вытекающего за пределы быта, что видно в постоянных ссылках на прошлое и рассуждениях об искусстве, как явлении вечном. Наглядным примером тому служит хотя бы символический визит Байрона на кладбище в Пизе, определяющий дальнейшую судьбу поэта, а потом слушаемая им на праздничной площади песня, исполняемая там уже пятьсот лет. Таким образом время представляет собой сложную, расширяющуюся и углубляющуюся структуру (напоминающую ларчик), благодаря которой Алданов подчеркивает идею «волнующей связи времен».

Кроме вышеуказанных способов представления времени писатель для его изображения пользуется также календарем, при чем даты обозначены более или менее четко. Обычно время приходится восстанавливать самому читателю на основе таких определителей, как *потом*, *через несколько дней*, *через некоторое время*, *через несколько месяцев*. Детально Алданов отражает последние дни жизни Байрона, а особенно день смерти, который восстановить можно буквально по часам. Алданов приводит точно день и время смерти поэта: *вечером 19 апреля [...] в на-*

чале седьмого часа. Значимость этой даты подчеркивается тем, что это как раз праздник Пасхи.

Надо заметить, что писателю не удалось избежать ошибок во временном плане. В одной из сцен видим герцога Веллингтона, который в *третьем часу дня [...] медленно проезжает верхом по Гайд-парку*, направляясь навестить лорда Кестльри в министерстве иностранных дел. После разговоров, касающихся победы Веллингтона над Наполеоном, политики в современном мире *герцог поговорил еще минут десять о финансовых вопросах*, а затем Кестльри провожает его до выхода, возвращается, разговаривает с иностранным послом, оставляет инструкции работникам и отправляется в палату в *три часа дня*.

Согласно типологии М. Бахтина, в произведении Алданова можно увидеть тип авантюрного времени, с присущими такому роду сюжетам препятствиями как морская буря, заговор, бунт, а также явлениями типа предсказания, предчувствия. К качествам свойственным этой категории можно причислить и наблюдаемые в *Могиле воина*, размышления на философские темы, происходящие на развернутом географическом фоне, охватывающем три страны Европы: Италию, Англию и Грецию, к которым надо добавить хотя бы упоминаемые Австрию, Россию, Францию, Турцию, а даже экзотическую Венесуэлу. Это свидетельствует об открытом характере пространства, позволяющем автору *Мыслителя* соединять события с целью выявления общих закономерностей истории.

Рассматривая схему пространства стоит обратиться к теориям Юрия Лотмана о художественной значимости пространственных границ, основанных на оппозициях: «высокий-низкий», «открытый-закрытый», «ограниченный-неограниченный» и другие. Им присущи добавочные значения: «ценный-неценный», «хороший-плохой», «свой-чужой» и т. п. Эти понятия углубляют смысл текста и связаны с авторской концепцией нравственности.

Первостепенное значение в повести Алданова имеет противоположность открытого/замкнутого типа, выражающая метафорически характер некоторых мест. Она связана с оппозицией динамичный/статичный по отношению к поведению героев. Итак, Байрон показан обычно в движении. Он либо идет, вернее бежит, так как свою хромоту поэт скрывает *особой бегущей походкой*, либо ездит по городу верхом или в линейке, либо предстает перед нами на мостике плывущего корабля. Открытость пространства усиливают явления природы: буря, сквозной ветер, дождь, которые становятся более ощутимые. Самостоятельные путешествия за город отличают от других участников конгресса в Вероне царя Александра I. Таким образом реализуется некое подобие этих героев. Другие персонажи обитают как правило в замкнутом пространстве, а их действия сводятся к разговорам и высказываниям своих мыслей. В замкнутом пространстве своего дома, министерства или дворца Веллингтона мы видим лорда Кестльри. Сцена, в которой министру кажется, что гнедая лошадь с картины показала ему язык разыгрывается в полутемной комнате лорда – ограниченность помещения в этом случае способствует усилениям психической болезни героя. Самоубийство лорда совершено тоже в стенах его личного имении.

Сидячим в ограниченных помещениях показан обычно мастер-месяц. Ресторан, кантина, кабак, кофейня – это места, в которые часто забегает любящий выпить герой, кроме того он может там подслушивать о чем разговаривают люди. Он также

проводит время дома, в котором когда-то располагался гарем, в греческом арсенале, где работает и в учреждениях, в которых шпион получает инструкции, в полицейских отделениях, и т.п.

Существенную роль в архитектонике произведения играют также представления о верхе и низе. Большинство героев двигается по горизонтальной оси, пересекая вертикальную плоскость только иногда. Исключением является Байрон, самые решительные моменты жизни которого происходят, как правило, на втором этаже. Там он проводит время обычно сам, отдыхая и читая, в очень скромной обстановке своей комнаты. Посторонним отдыхающий англичанин кажется мертвым и это впечатление свидетельствует о присущем персонажу особом измерении недоступном другим смертным. Тоже на верху происходит разговор поэта с сулиотами, во время которого Байрон не сдается шантажирующим его солдатам. В комнате на втором этаже происходит тоже смерть Байрона. Но припадок падучей, испытуемый поэтом после бунта сулиотов имеет место этажом ниже (!). Такое расположение событий позволяет говорить о сакральном смысле верха в отношении к Байрону. Кстати, сакральные черты приобретает и пространство кладбища Campo Santo в Пизе, где Байрон и Тереза Гвиччиоли наблюдают известный фресок изображающий смерть, и кладбище Campo di Fiera в Вероне, где находится посещаемая вдовой Наполеона гробница Джульетты. Сакральный характер Campo Santo подчеркивается его положением рядом с городской площадью, на которой происходит праздник (карнавал). Таким образом пространство площади связано со сферой profanum.

В реализации оппозиции важную роль играют также образы порога, которым в рассматриваемом тексте является прежде всего лестница, а рядом с ней вода.

Алданов впервые показывает нам Байрона спускающегося по лестнице вилли Ла-Мира и это пространство отделяет поэта от издевающихся над ним детей, стоящих на улице. Больного Байрона слуги не оставляют внизу, а вносят по лестнице в его комнату. Виконт Кестльри провожает лорда Веллингтона до входной двери, но иностранного посла только *до лестницы, дальше не пошли* и лестница здесь отражает степень дружбы и уважения к гостью.

Если вода, в виде моря по которому отправлялся в Грецию Байрон, помогала поэту в раздумьях о будущем, то в Миссолонги она приобретает противоположный смысл, становясь границей, отделяющей скверную и многолюдную рыбачью деревню от остального мира. Вода в Греции ограничивает пространство, в котором действует главный герой, делая его узким и, в сочетании с царствующим там холодом, вредным автору *Гяура*. Даже суша, по которой передвигаются герои в Миссолонги необыкновенно наполнена влагой, она грязная и способствует плохому настроению персонажей.

Анализ категории пространства в *Могиле воина* приводит к выводу, что произведение построено с помощью метафор и символов, при чем положительную оценку приобретает все, что существует в открытой плоскости и находится на верху вертикальной оси. Эти плоскости обычно отведены героям динамичным, развивающимся, наделенным высокими нравственными качествами и способностью существовать не столько для собственных целей, сколько для общечеловеческой пользы. Как правило, единственным героем, который вполне заслуживает бытия в таком пространстве является Байрон. Учитывая факт, что главным героем своей

повести Алданов избрал поэта, не будет преувеличением сказать, что со смыслом времени и пространства связан мотив культуры и натуры, понимаемый как долг перед миром и преодоление собственного «я». Этот вопрос встречаем во многих произведениях Алданова, так как их героями являются часто художники и творцы культуры. Приемы построения категории времени и пространства, указанные нами на примере *Могилы воина* нашли углубление в исторических романах Алданова.

Использованная литература:

Алданов, М.А.: *Могила воина*, In: Алданов М.: *Сочинения в 6 книгах*, т. 4. Москва 1995, с. 527-652.
Бахтин, М. М.: *Время и пространство в романе*, Вопросы литературы 1974, № 3, с. 133-179.
Лотман, Ю. М.: *Структура художественного произведения*. Москва 1970.
Николина, Н.А.: *Филологический анализ текста*. Москва 2003.
Чернышев, А.: *Ключи к Алданову*, In: Алданов М.: *Сочинения в 6 книгах*, т. 6. Москва 1996, с. 5-18.
Хализев, В.Е.: *Теория литературы*. Москва 2002.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ираида Кириллова
Россия, Волгоград

ПРОЗА А. ПЛАТОНОВА В ШКОЛЕ И В ВУЗЕ: НОВЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ

Abstract:
The author of this article deals with the urgent problem of "mind" and "heart" in the prose of Platonov (1920-ies). This research concerns such works by Platonov as "Chevengur", "Cotlovan", "Yuvenilnoe more", "Sokrovenniy chelovek" and other. The evolution of his world outlook allows us to speak about the evolution of his creative activity and his literary character. Since the middle of 1920-ies Platonov appears before us not as a science fiction writer but as a "poet of a man's heart" and as an artist of "psychological meditations". Later on in his works Platonov confirms that the presence of the correlative ties of "mind" and "heart" is obligatory. The new type of the literary character a "concealed man" being an artistic variant of "the concealed van's heart" appears in the creative work of Platonov. This type of the literary hero is the mystic depth of the Apostle Paul's personality.

Key words:
conception of personality, concealed; rational, emotional, the problem of "mind" and "heart", "a concealed man".

Прошедшие два десятилетия были благотворны для школьного и вузовского образования. Это время – воистину праздник литературы. Восстанавливаются в своих правах имена писателей и их произведения, от которых отечественный читатель был фактически отлучен. И А. Платонов в числе «возвращенных» писателей. Сегодня уже никого не удивляет, что именно он занимает центральное место в русской литературе XX столетия. Феномен писателя до сих пор не удалось разгадать: его творчество очень трудно поддается толкованию. Но уже тот факт, что произведения Платонова включены в школьную и вузовскую программы, дает основания для оптимизма в изучении этого сложного писателя.

Наиболее плодотворным, на наш взгляд, в современном литературоведении становится изучение поэтики А. Платонова через призму категорий «ума» и «сердца», являющихся необходимой составляющей для понимания эстетики и художественного творчества писателя. В центре решения проблемы «ума» и «сердца» – человек, его взаимоотношения с действительностью и с самим собою. Андрей Платонов

писал: *«На земле есть только одно явление, которое нас, людей, больше всего интересует: человек, человеческая жизнь*

Произведения А. Платонова невозможно понять и оценить в полной мере без внимания к их философскому контексту. Проза писателя исполнена глубокой философии, и это абсолютно русская философия, которая глубоко народна по своей сути. И как ни одна другая, она основана скорее на чувствах, нежели на разуме. Русский человек мыслит более сердцем. Поэтому, очевидно, философская мысль России всегда была более или менее, но религиозной. Православие придает большое значение эмоциям, радости в момент общения с Богом. Об этом говорится и в трудах отцов Церкви, и в философских исследованиях русских мыслителей XX века: Н. Бердяева, В. Соловьева, Б. Вышеславцева и др.

Характерной чертой русской философии является ее глубокий интерес к человеку. Ее представители рассматривали духовную жизнь человека не как область субъективного, а тем более не как сферу абстрактного субъекта. Они видели в этой жизни особый мир, своеобразную реальность, связанную в своей глубине с космическим и божественным бытием. Для русской философии характерны акцентирование способности и предназначенности человека уподобляться Богу, включенность человека в Космос.

Эти же особенности характерны и для русской литературы. Послереволюционное литературное творчество не было свободным от идеологических предписаний; по большому счету, русский писатель никогда не был вполне свободен в политическом смысле, но знал свободу Духа как высшую из свобод. Не политические, а философские взгляды личности и делают литературу художественной.

А. Платонов писал о своих современниках, живших рядом с ним на переломе эпох, и, вглядываясь в них, пытался понять истины, именуемые «вечными», что испокон веков и было смыслом философии; он смотрел на мир глазами своих героев, оценивал увиденное и размышлял о нем.

Нравственные искания Платонова и его героев отражают искания русских религиозных философов. Это совпадение ненамеренно, но неизбежно. Человек у Платонова и Человек у отцов Церкви и религиозных философов – это духовное существо.

Герои Платонова, простые люди, далекие от абстрактных размышлений о вечности, ищут почти неосознанно, инстинктивно: в чем состоит правда жизни, для чего человек рождается, страдает и почему покидает этот мир, так и не поняв своего предназначения, смысла своего существования и перехода в небытие? Но им мало этого, некоторые, еще не получив ответ на вопрос, для чего существуют жизнь и смерть, спрашивают, что надо делать для того, чтобы изменить порядок вещей (подобно персонажам «Сокровенного человека», «Усомнившегося Макара», «Котлована», «Чевенгура» и др.).

Платонов был уверен в существовании у человека некой врожденной нравственности, врожденной потребности в Добре. Физическое выживание возможно и без них, в отличие от выживания духовного, но именно последнее важнее для многих героев Платонова. Фома Пухов («Сокровенный человек») считает, что смысл должен быть и в жизни, и в смерти; именно эта уверенность и помогает ему выжить. Смысл жизни для него заключается в труде, в деятельности, в созидании, причем в созидании бескорыстном. В этом плане Пухов и ему подобные персонажи в дру-

гих произведениях Платонова являются лирическими героями, за подобным отношением к жизни стоит сам автор.

Платонова привлекает творческая жилка в человеке, и тут нельзя не вспомнить идеи Н. Бердяева о том, что Творчество – акт, приближающий человека к Богу и, одновременно, акт освобождения. Человек, по Бердяеву, творит, будучи свободным. Его тело, его дух находятся в плену у «мира», следовательно, задача состоит в том, чтобы освободиться из этого плена, выйти в мир подлинный, в мир космической божественной любви. А это возможно лишь благодаря творчеству, созидательной деятельности.

Платоновские герои живут в революции, революцией, для революции, которая воспринимается ими как кровавое искупление, после которого должен возникнуть новый светлый мир, оплаченный страданиями многих. Но уже Саша Дванов и Степан Копенкин в романе «Чевенгур», Вощев и многие другие герои в повести «Котлован» начинают сомневаться: стоит ли идея строительства Города-Коммуны или Дома Пролетарского Счастья жизни детей, не доживших до обещанного им светлого будущего?

В работах «Человек и машина», «Судьба человека в современном мире» Н. Бердяев пишет о возрастании духовного одиночества человека при его социализации, о безмерной власти общества (коллектива) над личностью, о господстве фетишей государства и нации, заместивших христианство. В контексте подобных размышлений легче понять и более позднего Платонова, его романы «Чевенгур» и «Ювенильное море», в которых он рассуждает на сходные темы. Писатель не упоминает про христианство и его роль в истории человеческой духовности, но опасность дегуманизации, подмену приоритетов в современном ему обществе Платонов видит отчетливо и предупреждает об опасности этой ситуации.

Центральной категорией платоновского художественного мира, определенной сферой психоментальной структуры человеческого «я», философско-этической концепцией жизни является «сокровенность».

«Сокровенный» человек Платонова берет свое начало в Евангелии. Вспомним Первое послание апостола Петра: *«Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но* ***сокровенный сердца человек*** (выделено нами: И.К.) *в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом»* (I Пет. 3,3-4). Вот почему для любимых платоновских героев, воспитанных православной верой, характерны такие качества народной души, как милосердие, сострадание, любовь к ближнему. Таким образом, евангельское учение о духовном человеке получает свое развитие в прозе А. Платонова.

Выражение «сокровенное сердце» обозначает религиозный, мистический смысл (связь с Богом хранится в сердце!), и то еще, что в самом человеке может быть что-то скрытое, утаенное от сознания. Как свидетельствует Вл. Даль, «сокровенный» – это *«сокрытый, скрытый, утаенный, тайный, потаенный, спрятанный или схороненный от кого-либо»,* и, добавим, хранящийся как святыня. Все это дает нам основание считать, что «сокровенность» платоновских героев – это глубоко личное «движение сердца».

Сердце – одно из ключевых понятий русской религиозно-философской мысли. Этот «световой центр души» нашел свое отражение в трудах И. Киреевского, А. Хо-

мякова, Б. Вышеславцева, С. Франка, П. Флоренского, И. Ильина и многих других религиозных философов XX века. Они теоретически осмысливали этот феномен и созидали своеобразную метафизику сердца. Б. Вышеславцев, в частности, писал, что сердце *«при всей полифонии смыслов... есть предельный таинственный центр личности, где лежит вся ее ценность и вся ее вечность»* [Вышеславцев: 1990]. Это определение как бы резюмирует то основное, в чем сходятся многие русские мыслители: в сердце заключается основа духовности человека, то есть его нравственные чувства и убеждения, ценности и идеалы. Кроме того, по убеждению религиозных мыслителей, в сердце коренится вся сила человеческого разума. Только оттуда приходят убедительные доводы, духовные мотивы внешнего поведения человека. Самое страшное для личности – утрата цельности, которая практически равносильна самоуничтожению. А цельность достигается приоритетом сердца над разумом, поскольку вера коренится именно в сердце.

В платоновской поэтике «сердцу» отводится значительная роль, оно становится своеобразным критерием цельности, ценности, полноценности человеческого бытия; именно в нем заключено все человеческое богатство, «вещество существования». Символика сердца у Платонова, таким образом, сходна с пониманием его роли у русских религиозных мыслителей и отцов Церкви.

Обращаясь к прозе А. Платонова, прежде всего следует выделить повесть «Сокровенный человек», ставшую «индикатором» (Л. Шубин) всего творчества писателя. «Сокровенное» у Платонова, как было сказано выше, перекликается и с понятием «сокровенное сердце», которое встречаем у религиозных философов и отцов Церкви, и с определением, данным в словаре Вл. Даля. Кроме этого понятие «сокровенности» здесь связано с понятием «сокровище» (в смысле ценности Человека). Для Платонова именно «человек – мера всех вещей». К тому же слово «сокровенный» по своему звучанию близко к таким словам, как «кровь», «кровное», «сокровник», то есть родственник по крови (как тут не вспомнить – «все люди – братья», «возлюби ближнего»). Все эти определения, ассоциации и помогают лучше понять как философско-этические концепции Платонова, так и суть авторского замысла.

«Совмещая» в повести «Сокровенный человек» «историческое» и «личное», «временное» и «вечное», А. Платонов отдает предпочтение изображению «движений души» (аналог толстовской «диалектики души»), что для советской литературы данного периода было несвойственно. Она стремилась освоить прежде всего сферу общественной, политической жизни человека, а не самого человека. Платонову же важно было показать самоценность личности: *«...нигде человеку конца не найдешь и масштабной карты души его составить нельзя. В каждом человеке есть обольщение собственной жизни. И поэтому каждый день для него – сотворение мира. Этим люди и держатся!»* [Платонов: 1991].

Главный герой повести, Фома Пухов, наделенный значным именем (отсылающим нас к юродствующему Фоме), фольклорной ролью «природного дурака», является своего рода Откровением Платонова. Через изображения «бушующего сердца» и «разумных размышлений» героя писатель обозначает трагические знаки разрушенной целостности жизни всего русского народа, всей страны.

Религиозная тематика занимает очень важное место в творчестве А.Платонова. Произведения писателя просто изобилуют религиозно-мифологическими сюже-

тами, мотивами и образами. Религиозную тему А.Платонов оформляет художественно-философски как ответ человеческой души на нехватку веры.

Использованная литература:

Вышеславцев, Б.: *Сердце в христианской и индийской мистике*, Вопросы философии 1990, №4, с. 76.

Платонов, А.: *Вся жизнь*. Москва 1991.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Александр Кубасов
Россия, Екатеринбург

СЛОВО В ДРАМАТУРГИИ А.П. ЧЕХОВА

Abstract:
The difficulty of the meaning of dramatic literary works by Chekhov is based on a special word's nature. In his drama works Chekhov uses not an object word, but a conditional, bi-intonational one, the word that he used in prose. The conditional meaning of the word of the main character is understood through the intertext. In the comedy «Tchaika» («Seagul») Cekhov refers to the fairy tale by Charles Perro «Cinderella». The behavior of the main characters of the comedy under the pattern of the fairy characters brings hidden irony into the text, helps to understand outhor's pozition.

Key words:
Chekhov, «Seagul», Charles Perro, «Cinderella», intertext, intension, word in drama, outhor's pozition.

Максимилиан Волошин в свое время высказал парадоксальное и вместе с тем очень глубокое мнение о драматургическом таланте Чехова: *«Чехов не был вовсе драматургом, хотя и писал прекрасные пьесы»* [Волошин М. 1911: 47].

Новаторство Чехова-драматурга во многом связано с переосмыслением им природы слова в драме. Объектное, безусловное слово героя, характерное для традиционных драматических произведений, становится у Чехова условным, но лишь в кругозоре автора. Это приводит к тому, что слово приобретает характер двуинтонационного: одна интонация исходит из уст героя, другая – скрытая, потенциальная – связана с облеченным в молчание автором. Эта вторая интонация является потаенной и потому нуждается в раскрытии. Двуинтонационность речи героя проявляется лишь в художественном тексте. На сцене двуинтонационность слова можно передать лишь косвенно: с помощью режиссерского решения, сценографии и т.п. Диалог двух интонаций, воплощенных в одном слове, и двух ценностных кругозоров – автора и героя – обусловливает сложность и неоднозначность смысловой структуры чеховской драматургии.

Бахтин писал о том, что слово в драме (и вообще в прямой речи) есть слово объектное, направленное на предмет и в то же время являющееся предметом чужой авторской направленности: *«Но эта чужая авторская направленность не проникает внутрь объектного слова, она берет его как целое и, не меняя его смысла и тона, подчиняет своим заданиям»* [Бахтин 1979: 219]. Развивая мысль о цель-

ности объектного слова, Бахтин далее пишет: *«Объектная речь героя никогда не бывает условной. Герой всегда говорит всерьез. Авторское отношение не проникает внутрь его речи, автор смотрит на нее извне»* [Бахтин 1979: 220]. Иначе говоря, классическая драма – это произведение стиля. Новаторство Чехова как раз и заключается в том, что авторское отношение проникает внутрь речи героя, его пьесы строятся не по законам стиля, а по законам стилизации. Возникает закономерный вопрос о способах и приемах проникновения авторского отношения внутрь речи героя.

Одна из форм придания прямой речи героя условности – интертекстуальность. Интертекст в драматургии можно трактовать как «контрабандный» способ населения слова героя авторской интенцией. В результате возникает двойной ракурс видения героя: с точки зрения той действительности, которая непосредственно представлена в пьесе и в которой живет герой, и с точки зрения литературной затекстной действительности, связанной с сознанием автора. Эта вторая реальность недоступна для кругозора героя, но потенциально доступна читателю / зрителю, занимающему ту же позицию вненаходимости, что и автор.

Каждая раскрытая интертекстуальная связь какой-либо пьесы Чехова с чужим произведением, если только не основана на исследовательском произволе, позволяет раскрыть новые грани в известных произведениях. Критерием адекватности выявленных связей служит художественная системность творчества Чехова, возможность проверить достоверность выдвинутых гипотез и полученных результатов на другом материале. Творчество писателя предстает в этом случае как гипертекст, то есть текстовое системное единство, скрепленное однонаправленными творческими интенциями автора, обладающее общностью поэтики, мотивов и образов.

«Чайка» признается одной из самых литературных пьес Чехова. Мало того, ее можно назвать одной из самых «французских» пьес писателя. В ней задается образ французского литературного пространства: упоминаются французские авторы или их произведения, читается отрывок из романа Мопассана «На водах», Сорин поет песню «Во Францию два гренадера…», наконец, по тексту рассеяны французские словечки и выражения, придающие определенный колорит речам героев. Кроме эксплицитных средств, Чехов использует и имплицитные, создавая с их помощью канву, по которой «вышивается» новая картина. Одна из форм работы писателя с чужими текстами – это опора на устойчивые литературные схемы, ситуации и образы.

При чтении комедии внимание привлекают фрагменты, содержание которых трудно, а то и невозможно объяснить, опираясь лишь на текст самого произведения. Остановимся на одном из таких фрагментов. Поджидая свою музу, Нину Заречную, Треплев говорит, обращаясь к Сорину:

> *Если Заречная опоздает, то, конечно, пропадет весь эффект. Пора бы уж ей быть.* ***Отец и мачеха стерегут ее, и вырваться ей из дому так же трудно, как из тюрьмы****. (Поправляет дяде галстук.) Голова и борода у тебя взлохмачены. Надо бы постричься что ли…*
> *С о р и н (расчесывая бороду).* ***Трагедия моей жизни*** *[Чехов 1986: 7].*

Отец и мачеха Нины Заречной выступают в комедии как внесценические персонажи бытового фона. Почему автор посчитал необходимым дать Заречной мачеху,

а не мать? Ведь в смысловой структуре образа Нины в случае замены слова «мачеха» выражением «злая мать» ничего не изменится. Почему мачеха и отец стерегут Нину, превращая ее жизнь в «тюрьму»? На эти вопросы можно дать лишь приблизительный ответ, если опираться на реально-бытовые мотивировки. Такого рода фрагменты с «необязательными» деталями можно многократно умножить.

Одна из особенностей художественной системы Чехова заключается в том, что реплики героев, кажущиеся «случайными», при раскрытии интертекстуальных связей, раскрываются как логически закономерные, художественно обоснованные. Сказанное, конечно, не означает того, что за всякой «необязательной» деталью скрывается интертекст. Очевидно, здесь следует каждый случай разбирать по отдельности.

Указание на то, что у Заречной мачеха, а не мать, имеет связь не только с реальной действительностью, но и с литературной. Обстоятельства жизни Заречной напоминают Золушку из известной сказки Шарля Перро. Золушка – это архетипический образ, даже образ-клише. Чехов использует его как «готовый», легко опознаваемый читателем. Сюжетно-жанровая структура литературной сказки французского писателя экстраполируется на пьесу Чехова. В этом случае находятся ответы на простые и вместе с тем сложные вопросы, почему у Нины мачеха, а не мать, и почему ее стерегут, превращая ее жизнь в тюрьму. Нина – это современный вариант сказочной Золушки, данный в чеховской трактовке. Как и всякий вариант, связанный с инвариантом, он в достаточной мере свободно толкует праобраз и прецедентный текст. Подчеркнем, что самим чеховским героям их связь с литературными предшественниками неведома. Нина не видит в себе родства с Золушкой, Треплев же если и замечает в себе сходство с принцем, то не из сказки Перро, а из «Гамлета» Шекспира.

Скрытая ирония ситуации заключается в том, что в приведенном выше фрагменте из комедии сходятся проекции не на одно, а на два произведения французского писателя. Сорин со своей взлохмаченной бородой, похожей на неудачный грим, имеет предшественника из другой сказки Перро. Его литературный праобраз – это Синяя Борода. Недоговоренная номинативная фраза Сорина («*Трагедия моей жизни*») может трактоваться двояко: в реально-бытовом плане и в литературном. В проекции на сюжет сказки Перро трагедия Сорина подсвечивается иронией, как травестия образа сказочного героя, хладнокровно уморившего своих жен. В «Душечке» Оленька Племянникова и антрепренер Кукин ставят пьесу «Фауст наизнанку». Автор «Чайки» в приведенном отрывке дает имплицитный фарсовый образ, которому подошло бы название «Синяя Борода наизнанку». Связь чеховского героя с литературным предшественником позволяет понять двойную мотивировку другого утверждения Сорина – *«Меня никогда не любили женщины»*. Легко объяснить, почему не любили – потому что «Синяя Борода».

Известно, что Чехов обращался к сказке Перро «Семь жен Синей Бороды», но не прямо, а опосредованно, через жанр-ретранслятор, в роли которого выступала оперетта Оффенбаха, виденная Чеховым в театре В. Лентовского. Впечатления от нее отразились в рассказах «Сапоги» (1885) и «Мои жены» (1885).

Возникающая в первой сцене комедии тема времени важна в качестве дополнительной скрепы пьесы со сказкой Перро, где Золушка жестко ограничена времен-

ными рамками. Точность хронологических отсчетов задается в диалоге Треплева с работником Яковом.

> *Я к о в (Треплеву). Мы, Константин Гаврилыч, купаться пойдем.*
> *Т р е п л е в. Хорошо,* ***только через десять минут будьте на местах. (Смотрит на часы.) Скоро начнется.***
> *Я к о в.* ***Слушаю****. (Уходит.)*
> *Т р е п л е в (окидывая взглядом эстраду). Вот тебе и театр. Занавес, потом первая кулиса, потом вторая и дальше пустое пространство. Декораций никаких. Открывается вид на озеро и на горизонт. Поднимем занавес* ***ровно в половине девятого, когда взойдет луна.***
> *С о р и н.* ***Великолепно*** [Чехов 1986: 7].

Счет времени идет по минутам, что и создает определенную напряженность, причем не только для Треплева, но и для Заречной. До двенадцати часов, «рокового» для Золушки-Нины мгновения, остается чуть больше 3 часов. Второй приезд Нины обусловлен тем, что мачеха и отец уехали на трое суток. *«Между третьим и четвертым действием проходит два года»*. Таким образом, время в комедии расширяется тремя импульсами: от трех часов к трем суткам, а затем примерно к двум годам.

Автор населяет слово героя своими скрытыми интенциями. Только автор вполне сознает, что «скоро начнется» одновременно несколько спектаклей: один – о Мировой душе, другой – из «Гамлета», редуцированный до обмена репликами между Аркадиной с сыном, третий, скрытый, – по мотивам «Золушки».

Интертекстуальная связь комедии с «Золушкой» создает подтекстно дополнительную роль Треплеву – сказочного «Принца». Эта роль создается с помощью жестов и аффектированной речи.

> *Т р е п л е в (прислушивается). Я слышу шаги… (Обнимает дядю.) Я без нее жить не могу… Даже звук ее шагов прекрасен… Я счастлив безумно. (Быстро идет навстречу Нине Заречной, которая входит.) Волшебница, мечта моя…*
> *Н и н а (взволнованно). Я не опоздала… Конечно, я не опоздала…*
> *Т р е п л е в (целуя ее руки). Нет, нет, нет…* [Чехов 1986: 9].

Обратим внимание на частоту авторских ремарок. Отомар Крейча заметил: *«Есть пьесы, которые вполне можно понять лишь по основному тексту. У Чехова, если отбросить ремарки, пьесу постичь невозможно. Основной текст потеряет очень многое, порой даже свой смысл. Без вспомогательного текста все становится туманным, трудно различимым в своем существе»* [Крейча 1991: 121]. Ремарки в смысловом плане равноправны с репликами героев, создают неявный диалог автора с ними. Нина и Треплев говорят языком конца 19 века и одновременно стилизованным языком Принца и Золушки.

Обратимся к самой первым двум репликам Нины. Это полувопрос, заканчивающийся многоточием, и полуответ с тем же знаком. Многоточие у Чехова – знак, наделенный своим особым смыслом. С его помощью создается ситуация многозначности, открытости, возможности разных «ключей» к одному высказыванию. Крейча обратил внимание на знак препинания в конце «Чайки»: *«Не точка, не*

восклицательный знак – многоточие. И это же не случайно, это финал. Значит, это особый финал, не такой, как если бы стояла точка» [Крейча 1991: 131]. Если Золушка опоздает на бал, то разрушится сказка. Уверенность Нины в том, что она вовремя прибыла в имение Сорина, через связь со сказкой приобретает дополнительную мотивировку, связанную с кругозором автора, который с помощью интертекста исподволь проникает в речь героев, делая ее многоплановой, населяя своими скрытыми интенциями.

Интертекстуальная связь «Чайки» с «Золушкой» определяет не только отдельные детали, реплики героев, но и сюжет комедии в целом. Он может рассматриваться как скрыто инверсивный по отношению к сюжету сказки. Счастливый сказочный финал в современной действительности уже невозможен: «Принц»-Треплев застрелился, а «Золушка»-Нина стала провинциальной актрисой средней руки.

Использованная литература:
Бахтин, М.М.: Проблемы поэтики Достоевского. Москва 1979.
Волошин, М.: Театр. In: Русская художественная летопись. 1911. №3.
Крейча, О.: Мой Чехов. In: Театр. 1991. №1.
Чехов, А.П.: Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Т.13. Москва 1986.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Мария Литовска
Россия, Екатеринбург

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РОМАН В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Abstract:
Con-text of regional mythology (mythology of the place) is actual for modern Russian literature. Wide supporting of texts founded on regional mythology in media, its existence as centers of public discussions are connected with understanding of importance of forming new state mythology, replacing soviet and last/post soviet mythologies. In the paper by analyzing novels about Urals published by Olga Slavnikova and Alexey Ivanov in 2006 two tendencies of forming regional mythology using in literature – Following and Revision – are exposed.

Key words:
sociology of literature, modern Russian prose, construction and de-construction of regional mythology.

В настоящем сообщении рассматривается тип современного литературного мифотворчества, связанный с борьбой за статус географической территории. Как известно, интерес к мифотворчеству усиливается в эпохи социальной и – как следствие – интеллектуальной нестабильности. В современной России и не только в ней, когда на разные лады муссируется проблема поиска места страны, региона, населенного пункта, человека в изменившихся социальных и геополитических условиях, актуализируется так называемая региональная мифология, являющаяся одной из основ формирования региональной идентичности. Региональная мифология становится одним из важных контекстов, влияющих на формирование содержания литературных текстов.

Пересмотр существующего пространственного положения приводит к разворачиванию борьбы за определение символического статуса территории. Эта борьба может носить неявный, но от этого не менее напряженный характер, поскольку результатом противоборства оказывается превращение определенного географического пространства в культурно значимое «место», наделение его смыслом. Остроту в формирование символического статуса территории вносит естественное для человека стремление придать значительность своему времени и месту жительства, побуждающее болезненно реагировать на их общественное непризнание в каче-

стве значимых. Символизация часто сопровождается выявлением незамеченных ранее или «перераспределением» исторических событий таким образом, чтобы представить жизнь «своего» региона более насыщенной и интересной. Но в любом случае при успехе вновь созданного образа территории происходит «перекраивание» карты места в глазах отдельного читателя и – шире – всего сообщества, отказ от прежнего или дополнение существующего видения региона.

Интерес к текстам, переосмысливающим место региона, в периоды геополитических переделов в значительной мере обусловлен содержащимся в подобных операциях манипулятивным потенциалом. Более или менее отдаленным результатом превращения территории из «доминирующей» в «маргинальную» становится отток символического капитала, неизбежно приводящий в итоге к оттоку капитала политического и экономического. Литература традиционно принимает участие в создании регионального символического капитала, аккумулируя предания, переосмысляя историко-культурную реальность предшествующих лет, создавая свою оригинальную авторскую мифологию.

Рассмотрим актуализацию и реактуализацию сформированного регионального мифологического контекста на примере двух романных текстов, написанных относительно недавно – в 2005 году – и вызвавших широкий критический и читательский резонанс. Роман Ольги Славниковой «2017» получил премию Букер (Россия) – 2006, роман Алексея Иванова «Золото бунта или Вниз по реке теснин» премию «Ясная Поляна» – 2006,[1] некоторое время эти книги числились в лидерах продаж.

Действие в обоих текстах происходит на Урале, образ которого авторитетные предшественники сформировали, превратив его в часть культурного ландшафта России. Урал – территория, имеющая в российском пространстве устойчивую символическую нагруженность. Это важнейший русский «фронтир», граница между Европой и Азией, индустриальной европейской и аграрной сибирской цивилизациями. *Урал – опорный край державы*, по словам А. Твардовского, регион с развитой металлургией, населенный государственно мыслящими людьми. Урал – *самоцветный пояс*. Эта мифологема закрепилась благодаря П.П. Бажову, усилиями которого в сознании самой широкой читательской аудитории Урал считается краем камнерезов и горных мастеров. Местным жителям ясно, что сложившиеся образы края захватывают преимущественно горный Урал, Пермский же край остается в широком читательском сознании невидимым, нуждающимся в открытии. Современные писатели, не оспаривая предшественников, занялись как спецификацией территорий внутри большого региона,[2] так и перераспределением тех значений, которые исторически были им присвоены. А. Иванов и О. Славникова представляют две стратегии изображения региона: переосмысления и поддержки региональной мифологии. При всей полярности эти стратегии сходны в одном – позиционировании своего видения как доминирующего.

Оба писателя в соответствии со сложившейся уже традицией описывают красоту и мощь уральской природы, характер уральского человека в трактовке Иванова и Славниковой также схож в своих основных чертах. Но при всей близости и традиционности изображенных характеров и обстоятельств сложно не заметить внутренней полемичности создаваемых авторами образов Урала.

Славникова обращается к готовым конструктам из текстов Бажова, свободно оперируя эссенциалистскими категориями *рифейский человек, рифейская ментальность,* рассматривая *рифейца* как некий органично цельный, внеисторичный объект, специфичность которого предопределена его природностью. Иванов подобного рода обобщения оставляет для интервью и комментариев, да и в них разделяет жителей восточного и западного Урала, а сюжет своих романов выстраивает на более актуальных идеях не эссенциальных объектов, но культурных процессов, в том числе и процесса производства и воспроизводства определенного типа характера в контексте как природы, так и властных отношений.

Для Иванова принципиально важно, что Урал – край с историей, которая нуждается в переописывании с позиции современного человека, чуткого к идеям национального, государственного, дискурсивного. И писатель выполняет эту задачу пересмотра. Для Славниковой Урал – земля с тайной, уже обозначенной и описанной ранее Бажовым, но продолжающей оставаться неразгаданной для каждого отдельного человека. Она настаивает на сохранении верности сложившейся мифологии.

Иванову дорога идея воспроизводства российской исторической реальности как неоднородного социального мира, где происходят мощные культурные столкновения русского с нерусским, ортодоксально-православного со старообрядческим, природного с культурным. Славникова делает акцент на выявлении единого центра структурного упорядочения человеком собственной жизни и своего места – литературности, проблема искусственности / естественности которой не обсуждается. Точное литературное описание, основанное на знании реалий территории, предопределяет, согласно мнению писательницы, дальнейшее существование места в культуре и формы самоиндентификации его жителей.

Менее очевидной оказывается разница в позиции писателей, определяющей интерпретативные рамки местного контекста. Иванов ведет повествование с позиции принципиального провинциала. Славникова занимает положение столичного жителя, рассказывающего о провинции, из которой он в прошлом вышел. Утверждение это основывается не только на знании биографических реалий жизни писателей, но и на имплицитно выраженной в тексте точке зрения. Иванов пишет с периферии, а не о периферии. Он – голос провинциалов, колонизованных народов, репрессированных верующих, безмолвствующих цивилизаций, забытого / искаженного прошлого. Он привносит в современный мир их язык, реконструирует их образ мысли, передает звучание их речи. Он дает периферии возможность быть увиденной, одновременно контролируя то, что должно быть увидено. Славникова пишет о периферии, изображая неизменяемую в своей целостности региональную экзотику – странность места, его нахождение вне нормативной культуры. У Иванова наличие экзотики объясняется исторической дистанцией. У Славниковой – географической: ее место на момент письма – вне описываемой территории. Провинция – ее прошлое. Рифейская принадлежность – факт ее личного мифа. Образ знатока места – гарантия ее включения в общелитературный контекст. Важна ее уникальность как носителя специфической «рифейской ментальности», обусловленная уникальностью места.

Оба автора в известной степени фантазируют по поводу истоков локальной общности, но назначение этих фантазий различное. Рассказанные А.Ивановым исто-

рии Пермского края оказываются своего рода квинтэссенцией истории российской колонизации. Он выводит регион с периферии, делая его – пусть символически – центром важнейших для России культурных столкновений. Он предлагает позитивное конструирование национальной истории, задавая идею государства, в котором периферия, оказываясь формально репрессированной, имеет право на свой голос и реализует это право. О. Славникова воссоздает более привычный колониальный дискурс с образом репрессированной вследствие своей экзотичности периферией. Провинция противостоит Центру, ее таинственность происходит от невыраженности, а описание ее мистической мощи есть символическое предупреждение, в том числе и о собственной авторской силе.

Будучи людьми весьма искушенными не только в «низании словес», но и в теоретическом осмыслении того, как искусство функционирует, какие роли в обществе может исполнять, наконец – о возможностях и ограниченности литератора как общественного деятеля, и О. Славникова, и А. Иванов настаивают: первая – на сохранении, второй – на смене устоявшихся, в том числе и локальных брендов. Они реанимируют то, что в рамках уже существующей мифологии можно актуализировать, или ищут то, что может заменить существующий образ прошлого.

И для О. Славниковой, и для А. Иванова региональная идентичность, национальный характер, история – категории идеологические, конструируемые, исходя из конкретных социальных задач. Недаром оба они встраивают свои представления в структурную оболочку приключенческих романов, легко усваиваемых читателем. Идеи должны предлагаться незаметно, формульность массовой литературы помогает сделать техники внедрения нового взгляда на реальность практически невидимыми.

Социокультурный мифологизированный контекст мог иметь сугубо локальное значение, но оба текста, получив широкую поддержку критики, оказались в центре дискуссий, перерастающих характер собственно литературный. Их позиционирование в общероссийском пространстве, очевидно, связано не столько со стремлением вникнуть в перипетии переосмысления символического значения Урала, сколько с пониманием значения формирования новой мифологии, приходящей на смену советской и перестроечной в широком смысле этого слова.

Примечания:

[1] Обе премии даются за произведения крупной эпической формы, при этом в релизах премии «Ясная Поляна» важным именуется еще и поиск национальной идеи.

[2] Характерны с этой точки зрения названия книг «Вся Пермь» Н. Горлановой, «Екатеринбург» В. Исхакова и др.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Эрик Метц
Бельгия, Гент

«МЕДЛЕННЫЕ СТРОКИ» КАК МУЗЫКАЛЬНО--ПОЭТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА (НА ПРИМЕРЕ «ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЧЕРЕ В АМСТЕРДАМЕ»)

Abstract:
The article discusses the genre of "slow lines" (*medlennye stroki*) as an index and constituent of musicality in poems by the Russian Symbolist Konstantin Balmont. Comparable to indications of musical tempo and dynamic, its meaning and function are analysed in the poem "Reminiscence of an Evening in Amsterdam", with a view on the interpretation of the poem as an iconic structure. Slow reading accentuates the pauses in the smooth unfolding of the long poem's rhytmic pattern. The "musical" character of the verses is understood with regard to acoustic as well as structural features. Closely linked to the latter is the diagrammatic iconicity, which displays itself in the ramified syntactic structure of the poem. Conspicuous forms of phonetic iconicity can, among others, be found in the insistent repetition of a strictly limited number of rimes, evoking a sound landscape of chiming bells.

Key words:
Russian poetry; Konstantin Balmont; Symbolism; poetry and music.

Константин Бальмонт известен как один из самых музыкальных поэтов в истории русской поэзии. В русском символизме он воплощал на практике верленовский принцип «de la musique avant toute chose», продолжая в то же время традицию таких отечественных поэтов, как Афанасий Фет. Если говорить о «музыкальности» символистского стихотворения вообще, то следует иметь в виду два аспекта этого понятия. В первую очередь, речь идет о мелодичности стиха, построенной, в случае Бальмонта, на аллитерациях, внутренних рифмах, варьировании рифмических и ритмических структур. Во-вторых, музыкальность выражается и в структурном плане текста. Так, в своей ранней статье «Художественные ереси» Стефан Малларме сравнивал стихи в напечатанном виде с молчаливой партитурой музыкальной пьесы [Mallarmé 1945: 257]. Музыкальную пьесу и стихотворение роднит общее от-

ношение знака к действительности, а именно отношение не столько миметического, сколько иконического характера.

Последняя характеристика осуществляется в литературном импрессионизме, образцом которого является анализируемое здесь стихотворение «Воспоминание о вечере в Амстердаме», опубликованное в 1899 г. в книге «Горящие здания» [Бальмонт: 1, 299]. Код импрессионизма подразумевает известную степень независимости отдельных обозначающих в тексте от обозначаемых в реальной действительности, подобно функционированию цветовых пятен на холсте в изобразительном искусстве. Собственно, текст как целое становится обозначающим, обозначаемое которого – настроения или некоторая «высшая» реальность [Weststeijn 1980: 283-284].

В тексте «Воспоминания о вечере в Амстердаме» бросается в глаза подзаголовок «Медленные строки». По поводу этого стихотворения Дануше Кшицова справедливо отметила, что данный подзаголовок соответствует «lento cantabile» в музыке [Kšicová 1998: 221]. В самом деле, читателю делается указание, как «исполнять» эти стихи, уподобляемые, таким образом, музыкальным нотам. Так же, как в музыкальной пьесе, существенную роль играет ритм, «преображающий время в (музыкальную/поэтическую, *Э.М.*) форму» [Kramer 1984: 10]. В одной только книге «Горящие здания» встречается пять стихотворений с указанием «медленные строки», что нам позволяет назвать их своего рода поэтическим жанром. Во всех пяти случаях, стихи имеют несколько интровертный, медитативный характер и никогда не насчитывают больше семи слогов (напомним, что в русском стихосложении короткой считается строка, состоящая из менее, чем восьми слогов). Приглашение к медленному чтению способствует соблюдению пауз после каждой из этих коротких строк: в случае «Воспоминания...», например, трехстопные ямбы не должны производить эффекта разделенных цезурой шестистопных ямбов.

Впрочем, Бальмонт не был первым русским символистом, применявшим обозначения темпа и динамики к поэзии. Музыкальные указания в прямом смысле, как «Andante con moto», «Adagio lamentoso» и т.п., служат подзаголовками ко многим стихотворениям в сборнике Александра Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata», вышедшем еще в 1895 г. [Добролюбов 1981: 79 и сл.]. В остальном, жанровые подсказки типа «Медленные строки» у Бальмонта скорее являются редкостью, хотя следует упомянуть стихотворение с подзаголовком «Прерывистые строки» в его книге «Только Любовь» (1903).

Тематическое ядро «Воспоминания...» содержится в первых пяти строках. С повторения начальной строки в ст. 6 начинается вторая часть стихотворения, развивающая это ядро. Тоска лирического героя по Амстердаму концентрируется, с одной стороны, в акустических мотивах тишины и звона колоколов, с другой, в каналах, по которым скользит вечерний свет. Обе группы обозначаемых отражаются в кольцевой структуре стихотворения: визуальная репрезентация города в стихах 7–21 окружается частями с акустическими мотивами. Формально эта кольцевая структура подтверждается повторением мотивов и рифмующихся слов из шести первых строк в шести последних.

В силу того, что лирический герой и таинственный призрак оба «невольны» что-то делать, между ними возникает параллель. Однако за этим соответствием также скрывается существенная разница: географический конфликт, испытываемый ге-

роем, который оказывается не «там», а «здесь» [с. 4], преодолевается призраком, чье тоскливое пение звучит и «здесь», и «там» [с. 24]. Призрак представляется неким демоном памяти, трансцендентный характер которого проявляется в его идентификации с «вечным перезвоном» [с. 23]. Его прототип, по всей вероятности, находится в самом известном стихотворении о колоколах в мировой литературе, «Колоколах» (*The Bells*) Эдгара А. По, где на башне появляется демонический «король демонов». Интересно, что эти стихи были переведены Бальмонтом на русский язык в 1895 г. [По: 8-10]. Рифмическая структура «Воспоминания...» в своей монотонности близка к тексту По (ср. *And the people – ah, the people –/ They that dwell up in the steeple,/ All alone,/ And who tolling, tolling, tolling,/ In that muffled monotone,/ Feel a glory in so rolling/ On the human heart a stone/ (...) And their king it is who tolls;/ And he rolls, rolls, rolls,/ Rolls/ A paean from the bells!/ And his merry bosom swells/ With the paean of the bells!*) [Poe 1887: 8-10].

В стихотворении Бальмонта можно различить два иконических приема. В первую очередь хочется указать на особенно длинную фразу, которая начинается со ст. 4 и продолжается по ст. 24. Благодаря тому что, во-первых, практически все эти строки кончаются запятой и, во-вторых, рифмы здесь почти всегда женские, получается, что паузы между трехстопными ямбами одинаковы, и переход от одной строки к следующей – не только медленный, но и весьма равномерный. Эта равномерность подкрепляется многочисленными анафорами и морфосинтаксическим параллелизмом. Она с одной стороны отсылает к потоку воспоминаний, которому отдается лирический герой, с другой (начиная со ст. 12) к вечернему свету, медленно движущемуся по воде и по зданиям. Непрерывное движение реализуется в тексте при помощи «диаграмматической» иконы, т.е. в синтаксической структуре как таковой. Конечная точка длинного предложения постоянно откладывается из-за продолжающегося разветвления фразы.

Второй иконический прием – фонетический. Во-первых, обращает на себя внимание большая концентрация сонорных носовых согласных «н» и, прежде всего, «м». Во-вторых, повторяется всего пять рифм: одна с мужским окончанием *-АМ*, четыре остальные с женским, причем женские рифмы составляют ассонансный и консонансный ряд *-оном/-онам*, *-одам*, *-олен*, *-алам/-алым*. В отличие от поэтической традиции, чередование мужских и женских рифм в этом стихотворении непредсказуемо. Эта причудливая схема иконически отсылает к лейтмотиву «перезвона» разных колоколов. Кроме того, пауза после мужской рифмы сильнее, чем после женской, что создает вторичный ритм. Единственная мужская рифма *-АМ*, встречающаяся девять раз, звучит как основной тон в этом перезвоне, тогда как женские рифмы представляют собой гамму варьирующихся тонов разных колоколов (мужские рифмы здесь представлены прописными буквами): *АМ оном олен АМ олен АМ онам алым онам алам оном алым алым АМ [...] оном оном АМ АМ АМ*.

В заключение можно утверждать, что музыкальность «Воспоминания...» основана в первую очередь на своеобразном распределении ограниченного числа определенных рифм. При этом, миметическая функция починяется фонетической и ритмической сторонам произведения, воспринимаемого в известном смысле как единый эвфонический знак. Похожая рифмическая схема, как в «Воспоминании...», впоследствии легла в основу таких стихотворений Бальмонта, как «Будем

как солнце». По аналогии с понятием перезвона, поэт позднее будет использовать термин «перепев» для обозначения музыкального соответствия между отдельными словами в поэтическом тексте.

Кроме акустического фактора, следует отметить структурное сходство поэтического текста с музыкальной пьесой, на что указывает жанровая подсказка «Медленные строки». Для интерпретации текста на первый план выдвигается иконическое образование смысла.

Что касается поэтических образцов, которые могли повлиять на такие стихотворения, как «Воспоминание...», то прежде всего приходит на ум Э.А. По, поэт, которому Бальмонт в девяностые годы XIX в. не раз подражал. Правда, современники Бальмонта подозревали другие источники, а именно бельгийского символиста Жоржа Роденбаха – ср. остроумную пародию «Из Бальмонта» И. Анненского, кончающуюся строками «О, бедный Роденбах,/ О, бедный Роденбах,/ Один ты на бобах...» (Анненский: 1959, 224). Нам кажется, однако, что это сходство скорее случайное, и что оно касается только общности мотивов, а не формальных качеств стихотворения.

Использованная литература:

Анненский, И.: *Стихотворения и трагедии*. Ленинград 1959.
Бальмонт, К.Д.: *Собрание сочинений в двух томах*. Москва 1994.
Добролюбов, А.: *Сочинения*. Slavic Specialties, Berkeley 1981.
По, Э.А.: *Баллады и фантазии. Перевод с английского К. Бальмонта*. Москва 1895.
Kramer, L.: *Music and Poetry: The Nineteenth Century and After*. Berkeley/Los Angeles 1984.
Kšicová, D.: *Secese. Slovo a tvar*. Brno 1998.
Mallarmé, S.: *Oeuvres complètes*. Paris 1945.
Poe, E.A.: *Poems and Essays*. Leipzig 1884.
Weststeijn, W.G.: *Bal'mont and Chlebnikov (A Study of Euphonic Devices)*. In: Russian Literature, 8 (1980), p. 255-296.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Инна Минеева
Россия, Петрозаводск

Н.С. ЛЕСКОВ И ЕГО НОВЫЙ ЗАВЕТ (СПБ., 1864)

Abstract:
The copy of the New Testament with Leskov's notes is kept, which he was studying how managed to establish within the period of 1870s and the beginning of 1880s. The choice of the very second edition is not casual. The great role played both linguistical and social factors (the educational role of the edition, the sources, accuracy of the translation) Studying the special examples (the image of Christ, Tim. 6:10) using textological, course and semiotic methods revealed that Leskov takes notes of the things, connected with the man's choice of his way, the human nature, moral death. One of them is the Obedience to the will of the Father became very dear to him and he tried to give his life closer ties with the conception of Christ, the other – "the root of all disasters is money-grubbing", most likely, served as the object of kindly irony, and the material for the future work.

Key words:
Russian literature, Ancient Russian literature, textology, N.S. Leskov, N.S. Leskov's library, Christianity, the Bible, the New Testament, the Gospels, the Prolog.

Новый Завет сопровождал Н.С. Лескова всю жизнь, сыграв исключительную роль в его духовном становлении и творчестве. Эта Книга осознавалась им как одна из мировоззренческих. Она, согласно его мнению, имела сильнейшее влияние на мир, историю, людские судьбы.

Какие новозаветные истины были дороги Лескову? Что именно не оставляло его равнодушным в ходе глубокого неоднократного прочтения Книги?

Сегодня у исследователей есть редкостная возможность ответить на данные вопросы. Помимо имеющегося ценного материала – писем, публицистических статей, художественных произведений, где своеобразно отражено видение Лесковым новозаветных постулатов и событий, – сохранился экземпляр «Нового Завета Господа Нашего Иисуса Христа. СПб., Синод. тип. 1864» с его многочисленными пометами, их более 450. [ОГЛМТ 610/147 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 87].

В отличие от эпистолярных и литературных текстов, помета-иной вид самовыражения и самопредставления художника, неординарный прием и средство для выражения личностных интенциональностей. Свои переживания, размышления автор «фиксировал» с помощью пометы-графического знака в виде подчеркивания какой-либо строфы (жирное/нежирное, двойное, пунктиром), «галочки», во-

просительного и восклицательного знаков, полной/сокращенной надписи на полях.

Насколько нам известно, подчеркивания и надписи Лескова в Новом Завете еще никем подробно не рассматривались. Следует констатировать и то, что в настоящее время не разработана методологическая концепция обследования помет (средства их описания и способы воспроизведения, приемы анализа и принципы составления комментариев). Предложу собственные методологические наработки в исследовании данного аспекта. Подчеркну, что работа носит постановочный характер.

В выработке методологии изучения интересующей нас проблемы учитывался опыт российских и французских текстологов литературы Нового времени (К. Баршт, Н. Великанова, Л.Д. Громова-Опульская, Н. Грякалова, Клод Леруа), посвятивших свои статьи и монографии пометам А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А. Блока, Блеза Сандрара и др. [9] Представляется целесообразным и эффективным использовать историко-литературный, текстологический, источниковедческий и семиотический подходы.

Итак, перечислю основные методологические принципы. Замечу, более развернутое их рассмотрение было осуществлено в докладе на конференции:

1. учитываются особенности природы пометы как знака;
2. пометы Лескова описываются как текст;
3. обращается внимание на некоторые законы авторской логики в работе с историческими, литературными источниками;
4. пометы рассматриваются «в перспективе», т.е. прослеживаются творческие импульсы от отмеченного фрагмента к замыслу произведения;
5. выработаны разные по характеру и структуре виды комментариев: историко-литературный, эйдологический и построфный.

На наш взгляд, подобная методологическая стратегия позволит создать целостное представление об авторском прочтении Нового Завета. Приведу примеры историко-литературного, эйдологического и построфного комментариев. Оговорюсь, что предварительные итоги полученных наблюдений были подробно изложены в ходе выступления.

Историко-литературный комментарий

В своей личной библиотеке Лесков имел Новый Завет петербургского издания 1864 г. Это вторая редакция русского перевода Нового Завета, который осуществлялся членами Российского Библейского Общества в кон. 1850-х гг. Не сохранилось никаких свидетельств о том, когда и каким образом это издание появилось у Лескова: был ли он подарен кем-то или приобретен самим писателем.

Наиболее трудным остается также вопрос о датировке помет. Между тем совокупность сделанных нами наблюдений позволяет обозначить примерное время изучения Лесковым новозаветного текста. Как показали текстологические разыскания, писатель усиленно штудировал Новый Завет в период 1870 – нач. 1880 гг. Наибольшая «плотность» отчеркнутых им новозаветных стихов обнаруживается в эпистолярных диалогах с современниками, художественных произведениях обозначенного периода (главным образом «На ножах», «Скоморох Памфалон», «Гора», «Аскалонский злодей»).

Почему Лесков выбрал именно эту вторую редакцию русского Нового Завета, нам точно неизвестно. Вероятно, писателя, ценившего прежде всего архаичность и подлинность издания, привлекло то, что в сравнении с первой русской редакцией Нового Завета 1823 г. (она была запрещена святейшим Правительствующим Синодом), вторая отличалась более точным переводом. В ходе подготовки второго издания русского Нового Завета ученые придерживались первоначальных древних еврейских и греческих текстов. Как отмечает И.А Чистович, исследовавший историю перевода Библии на русский язык, этот перевод предназначался не для церквей, а для *«одного лишь пособия к разумению Священного Писания»* [11, 27, 293-294, 314-316].

Эйдологический комментарий. Образ Иисуса Христа

Лесков называл Иисуса Христа *«гением»*, открывшим человечеству *«свет истины, просвещающий всякого, кто желает мира»* [7, л. 5] *«С умным христианским настроением,* – писал он сестре О.С. Крохиной, – *можно хорошо жить ... в самом деле «ярмо Христово» – благо и бремя легко. Испробуй!»* [8, л. 2об.] Христос для писателя – воплощение мощной духовной животворящей силы, воплощение света и добра в мире, победы жизни над смертью.

Писатель стремился понять Иисуса, разгадать Его тайну и познавал Его образ, обращаясь к различным источникам: Библии, сочинениям отцов церкви, трудам русских и европейских историков и проповедников – пастора Берсье, Ф.А. Терновского, Э. Ренана, Ф. Фаррара, Г. Буасье, религиозно-философским трактатам Л.Н. Толстого.

В Новом Завете Лескова интересует образ Христа как Сына Человеческого. Он отмечает фрагменты, повествующие в первую очередь о земном начале в образе Спасителя: Его родословной, рождении, детстве, Его братьях и сестрах, «человеческих слабостях», эмоциях, страданиях, непонимании со стороны учеников.

Особое же внимание писатель уделяет тем эпизодам, в которых варьируются идеи покорности человека Отцу Небесному, следования Христу (помечены чернилами строфы Мф. 12:50; Ион. 8:12; Ион. 14:6; Фил. 2:5 и т.д.). Покорение воле Отца – стала определяющей заповедью Лескова. Художник проецировал евангельскую модель жизни Христа на свою духовную позицию, согласовывал свою жизнь с Его учением. Покорность воле Отца он связывает с деятельным добром, претворением в жизни заповеди любви. Об этом автор всегда говорил горячо, вдохновенно, открыто, но в то же время так сокровенно: *««Быть со Христом», «причащаться Ему» – ведь это и значит: заставить себя думать, как Он думал, быть с Ним единомысленным» ... Тогда всякое место хорошо, где можно жить в миру со своей совестью»*, [6, л. 1об.] На отдельных листах он формулирует для себя пять заповедей. [1, л. 1об.] Одна из них – *«Жить – значит исполнять волю Отца, т.е. делать добро другим; не жить – значит исполнять волю свою и не делать добра другим»*. [1, л. 1об.]

Грань между жизнью и творчеством писателя хрупка. Следует сказать о таком литературном факте. Идея покорности воле Отца наиболее мощно воплощена им во 2-редакции повести «Гора». Художник наделяет образ главного героя Зеноназлатокузнеца чертами собственного духовного мироощущения. [5, 11]

***Построфный комментарий*. I Тим. (6:10)** *«корень всех зол есть сребролюбие»*.

В Новом Завете Лесков помечает изречения, отражающие проверенные временем наблюдения мудрецов над природой человеческого естества, глубинными основами взаимоотношений между людьми.

В I Тим. (6:10) он подчеркивает слова *«корень всех зол есть сребролюбие»*. Эту же строфу с незначительными сокращениями выписывает и на отдельный лист *«Корень зол – сребролюбие. I Тим. VI:10.»* [1, л.10б.] и отчеркивает жирно карандашом первые два слова. Затем в Евр. (13:5) отчеркивает слова, оберегающие человека от этого зла, – *«Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть»*. В настоящее время не удалось обнаружить каких-либо автокомментариев по поводу сделанных помет. Однако выполненное обследование сохранившихся в российских архивах творческих документов позволяет утверждать, что художник был заинтересован феноменом сребролюбия (алчности, ненасытности) как порока, человеческой слабости. Примеры интересующего типажа он нашел в переводном сборнике кратких житий вселенских и русских святых, притч, поучений – Прологе 1642-1643 гг. [5, 12] В нем Лесков настойчиво отмечал поучения, осуждающие один из главных христианских пороков – сребролюбие, и конспектировал их в записную книжку [5, 12]. Среди зафиксированных на данную тему пяти текстов особо выделяется запись поучения «Чудо святого Спиридона о житопродавце» (12 декабря) [10, л. 230]. В процессе конспектирования он подвергся у писателя значительной идейной, композиционной, образной и стилистической правке [5, 12]. Проложный текст, иллюстрирующий идею Божьего смирения уповающих на множество богатства своего, превращается под его пером в типичный житейский пример проявления человеческого порока, художественную иллюстрацию неизменности (вопреки древнерусскому памятнику!) ненасытной, алчной натуры сребролюбца. Важно отметить, что в переработанном тексте улавливается авторская ирония. В конспекте читаем:

> ***О несытом житопродавце***
> *Был голод в Кипрской стране, и «богати же радовахуся дороготе». Один же житопродавец призвал многия корабли с хлебами в град Тримифийский и не продавал или продавал за ужасную цену. Бедняки падали у его порога, но он не уступал. Полил дождь и подмыл его житницы, и весь ячмень и пшеницу понесло водою, и он давал половину беднякам, лишь бы спасти ему другую половину. «Всегда бо есть богатого гортань несыта и утроба не наполнена»*. [2, л. 14 об.]

Как видим, обнаруживается внутренняя связь между отмеченным автором фрагментом новозаветного стиха и проложным поучением о сребролюбии, прослеживается движение творческой воли. Новозаветный и проложный тексты являются родословной неизвестных нам творческих замыслов писателя.

Резюмирую сказанное. Сохранился экземпляр Нового Завета (СПб., 1864) с пометами Лескова, который он усиленно изучал, как удалось установить, в 1870 – нач.1880 гг. Выбор писателем именно этой второй русской редакции неслучаен. Значительную роль сыграли как лингвистические (источники, точность перевода), так и общекультурные (посветительская роль издания) факторы. Рассмотрение частных примеров (образ Христа, I Тим.6:10) с использованием текстологического, источниковедческого и семиотического методов выявило, что в Новом Завете Лесков отмечает истины, связанные с выбором пути человека, природой его естества,

искушением, нравственной гибелью. Одна из них – Покорность воле Отца – стала писателю очень дорога, и он стремился приблизить свое бытие к учению Христа, другая – *«корень всех зол есть сребролюбие»* – скорее, послужила объектом добродушной иронии и заделом для будущего произведения.

Использованная литература и архивные материалы:

1. РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108-а. Выписки из книг религиозного содержания.
2. РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Записная книжка с выписками из «Прологов».
5. Минеева И.Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н.С. Лескова: Автореф. дисс. ... к. ф. н. СПб., 2003.
6. РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. Хр. 44. Письмо Лескова Н.П. Крохину от 29 октября 1888 г.
7. РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. Хр. 44. Письмо Лескова Н.П. Крохину от 6 апреля 1889 г.
8. РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. Хр. 43. Письмо Лескова О.С. Крохиной от 29 апреля 1892 г.
9. Проблемы текстологии и эдиционной практики. Опыт французских и российских исследователей. М. 2003.
10. Пролог. М., 1642-1643.
11. Чистович, И.А.: История перевода Библии на русский язык. СПб. 1899.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ирина Моклецова
Россия, Москва

«ХОЖДЕНИЕ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА (К 900-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПАМЯТНИКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ)

Abstract:
The Christian tradition of Pilgrimage is presented in Russian Culture and Literature in the 1820 –1840.

Key words:
Pilgrimage pilgrim The Holy Land Russian Culture Russian Literature

Весной 2007 г. научная и культурная общественность России отметила 900-летие выдающегося памятника русской культуры и литературы «Житье и хождение Даниила, Русьскыя земли игумена» (далее «Хождение»), древнейшего дошедшего до нас описания путешествия благочестивого русского паломника на Святую землю в начале XII в. Успешно прошли научная конференция «Дабы не в забыть было то, что показал мне Бог»: хождение игумена Даниила в истории Русской Церкви и культуры (1107 – 2007 гг.)» (Москва) и выставка «И то все видел своими очами…» (Музей им. преп. Андрея Рублева, Москва), увидело свет новое академическое издание «Хождения».[1]

В современных научных справочниках и энциклопедиях список изданий интересующего нас текста обычно начинает труд И.П. Сахарова, далее следует издание, подготовленное А.П. Норовым, затем М.А Веневитиновым.[2] Может сложиться впечатление, что уникальный древнерусский памятник вошел в русскую культуру нового времени не ранее 1837 г. Это не совсем так.

«Хождение» получило широкое распространение в древнерусской письменности и культуре: известно более 150 дошедших до нас списков начиная с середины XV в., его продолжали переписывать в XVIII – XIX вв. В 1810 – 1820-х гг. XIX в. его изучали такие видные деятели русской культуры, как митрополит Евгений (Болховитинов) и Н.М. Карамзин.[3] Митрополит Евгений дает небольшую справку об

игумене Данииле в своем словаре, есть сведения, что он готовил к изданию свою редакцию «Хождения», но свет она не увидела.[4]

Именно Карамзину принадлежит честь впервые опубликовать «Хождение», в «Истории государства Российского» (далее «История»), правда фрагментарно. Историк высказывает свое мнение об авторе памятника, указывая на черниговское происхождение Даниила, кратко пересказывает его путешествие, обращает внимание на его взаимоотношения с королем крестоносцев Балдуином, определяет записки как важный источник по истории мировой культуры. Им дан довольно большой фрагмент главы *О свете небесном, как он сходит к гробу Господа*, тем самым безошибочно выбран самый главный для православного читателя эпизод, связанный с описанием схождения Благодатного огня в Страстную Субботу перед Пасхой, что имеет множество смыслов, но прежде всего являет живую связь человека с Богом. Перед читателем раскрываются оба автор – и Даниил, и Карамзин. Их связывает постижение духовного опыта и русского самосознания, глубокого и естественного усвоения русскими людьми христианских святынь, обретения святой земли, священной истории. Этот эпизод отражает встречу на святой земле разных культур и цивилизаций, является примером корректного сравнения «своего» и «чужого».

«История» Карамзина имела беспримерный успех и многочисленные переиздания, таким образом «Хождение» сразу получило многочисленную аудиторию и стало фактом общенационального достояния. Не только любители и знатоки древнерусской книжности, а любой грамотный человек получил возможность непосредственно познакомиться с выдающимся произведением. Последующие русские светские и церковные историки уже не обходят вниманием записки благочестивого паломника, к этому времени ставшие образцом древнерусского жанра «хожения / хождения».

В 1830 – 1840-е годы к «Хождению» неоднократно обращался русский поэт и писатель, историк и общественный деятель Андрей Николаевич Муравьев (1806 – 1874). Как о своем предшественнике – наряду с митр. Евгением и Карамзиными – о нем упоминает Сахаров. Веневитинов, касаясь вопроса личности автора «Хождения», также вспоминает о Муравьеве – последователе Карамзина, считавшего Даниила Юрьевским епископом.

Самым известным произведением Муравьева стало «Путешествие ко святым местам в 1830 г.» (далее «Путешествие», 1832), посвященное описанию Константинополя, Палестины и Египта. Муравьев заговорил с русским читателем на темы собственно духовные, в том числе религиозно-церковные, и заговорил художественно. Муравьеву было свойственно вдумчивое отношение к прошлому России, из которого он извлекал наиболее ценные плоды, в его произведениях утраченная образованным обществом *связь времен* восстанавливалась. Это касается его пристального внимания к русской паломнической традиции, которой он посвятил всю свою жизнь, его обращение к «Хождению» закономерно и естественно. *Большая часть его сочинений – была ответом на современные вопросы, занимавшие то общество, среди которого он обращался. Он был публицист церковный. […] Это внимание, эта отзывчивость на современные вопросы церковно-религиозной жизни и давали значение сочинениями А.Н.*[5]

В 1835 г., в третий раз переиздавая свое «Путешествие.», Муравьев в качестве предисловия включает в текст созданный им «Обзор русских путешествий в святую землю», который начинается «Хождением» игумена Даниила. У них много общего: оба – благочестивые паломники, которые посещали почти одни и те же места на святой земле; – воцерковленные люди, лишенные религиозного фанатизма, которые в вопросах конфессиональных тем не менее своего не теряют; – связаны с темой крестовых походов; – ощущают себя на святой земле как представители русского народа, выразителями его интересов, своеобразными дипломатами; – добросовестные свидетели, тщательно описывающие именно святые места; – мастера слова, способные художественно передавать возвышенные чувства и переживания, испытываемые верующими при прикосновении к святыне. Книга Муравьева является важным культурно-историческим источником, обращающим нас к столь отдаленному прошлому, не потерявшего в восприятии автора духовной ценности и духовной реальности.

Муравьев приводит шесть цитат из текста «Хождения», в том числе описание схождения Благодатного огня на Гробе Господнем. Он упоминает, что воспользовался тремя списками «Хождения», которые хранились в его время в Публичной библиотеке в Петербурге. Переводил ли он их, пересказывал, мы не знаем. Это тема будущих научных изысканий.

1830-е годы нашей культуры исследователи единодушно определяют как *пушкинские, цветение русскости*.[6] Читал ли А.С. Пушкин «Хождение»? Известно, что среди жанров древнерусской литературы его восхищали летописи и жития. В «Словаре языка Пушкина» имени Даниила нет. По описанию Б.Л. Модзалевского, в пушкинской библиотеке, наряду с томами трех изданий «Истории» Карамзина, имеется «Путешествие» Муравьева (1-е и 3-е изд.). К сожалению, том 3-го изд. не разрезан, хотя, Пушкин мог читать его в любом другом месте (частном собрании, лавке книгопродавца). Скорее всего, встреча Пушкина со Святой землей состоялась с помощью описания Муравьева, а не Даниила: *С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г. Муравьева… Он посетил святые места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах перед гробом Христа Спасителя.*[7]

Упоминание об игумене Даниеле появится также в «История святого града Иерусалима».[8] Иерусалим считают святым городом представители трех религий: иудаизма, христианства и мусульманства. Муравьев основное внимание уделяет взаимоотношениям восточного и западного христианства. Сначала следует описание схождения Благодатного огня, сделанное очевидцем XII в. – капелланом короля Балдуина Фульком, о котором Муравьев почерпнул сведения из «Истории крестоносцев» Г. Мишо. Муравьев считает полезным сравнить описания паломников-современников, представляющих две ветви христианства, и приводит в пример «Хождение» Даниила. Он выбирает форму пересказа, который получился у него точным и выразительным.

Следует отметить разницу в восприятии «Хождения» Сахаровым и Муравьевым. Книга Сахарова, включающая описание древнерусского игумена, называется «Путешествие русских людей в чужие земли».[9] Муравьева духовное притяжение Святой земли подвигло, как и Даниила, на сложное и опасное путешествие. По возвращении он признавал, что *всем обязан Иерусалиму*. Так в оценке и изуче-

нии древнерусских памятников намечается расхождение, проявляются различные подходы. В представлении Муравьева игумен Даниил стоит у истоков могучего духовного делания – паломнической традиции, выражает в своем описании чувство русского человека, обретающего свои святыни. Произведения игумена Даниила и самого Муравьева являются ярким образцом русского православного художественного сознания, позволяющего определить подлинные ценности русской культуры и цивилизации.

Использованная литература

«Хожение» игумена Даниила в Святую землю в начале XII. Санкт-Петербург 2007.
Гоголь, Н.В.: *Размышления о Божественной Литургии*. Санкт-Петербург 1857.
Евгений (Болховитинов), митр.: *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви*. Ч. 1-2. Санкт-Петербург 1818.
Житье и хожение Даниила Русьскыя земли игумена: 1106 – 1107 гг. In: Православный Палестинский сборник, 1883, т. 1, вып. 3; 1885, т. 3, вып. 3.
Ильин, И.А.: *Одинокий художник*. Москва 1993.
Казанский, П.С.: *Воспоминание об Андрее Николаевиче Муравьеве*. In: Душеполезное чтение 1877, № 3, с. 10, 12.
Карамзин, Н.М.: *История государства Российского*, т. 1-8. Санкт-Петербург 1818.
Макарий (Булгаков), митр: *История Русской Церкви*. Санкт-Петербург 1857 – 1883.
Модзалевский, Б.Л.: *Библиотека А.С. Пушкина*. Санкт-Петербург 1910.
Муравьев, А.Н.: *История Российской Церкви*, Санкт-Петербург 1838.
Муравьев, А.Н.: *История Св. града Иерусалима*. Санкт-Петербург 1844.
Муравьев, А.Н.: *Первые годы христианской церкви*. Санкт-Петербург 1839.
Муравьев, А.Н.: *Правда Вселенской Церкви о римской и прочих патриарших кафедрах*. Санкт-Петербург 1841.
Муравьев, А.Н.: *Путешествие ко святым местам в 1830 г*. Санкт-Петербург 1832.
Муравьев, А.Н.: *Священная история*. Санкт-Петербург 1842.
Норов, А.П.: *Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в. (1113 – 1114)*. Санкт-Петербург 1864.
Пушкин, А.С.: Полн. собр. соч.: в 10 т, т. 4. М., 1964, с. 262-263.
Сахаров, И.П.: *Путешествие игумена Даниила по святым местам в начале XII столетия*. In: Путешествия русских людей в чужие земли, ч. 1. Санкт-Петербург 1837.
Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – перв. пол. XIV в. Ленинград 1987, с. 109-112.

Примечания:

[1] «Хожение» игумена Даниила в Святую землю в начале XII в. СПб. 2007.

[2] См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. Л. 1987. С. 111; Сахаров И.П. Путешествие игумена Даниила по святым местам в начале XII столетия. In: Путешествия русских людей в чужие земли. СПб. 1937. Ч. 1; Норов А.П.: Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в. (1113-1114). СПб. 1864; Житье и хожение Даниила Русьскыя земли игумена: 1106-1107 гг. In: Православный Палестинский сборник, 1883, т. 1, вып. 3; 1885, т. 3, вып. 3.

[3]Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Ч. 1-2. СПб. 1818; Карамзин Н.М.: История государства Российского. 1818, т. 1-8.

[4] См. подробнее: Федорова, И.В.: Из литературной истории «Хожения» игумена Даниила. In: Хожение игумена Даниила в Святую землю в XII в. СПб. 2007. С. 396-397.

[5] Казанский П.С.: Воспоминание об Андрее Николаевиче Муравьеве. In: Душеполезное чтение. 1877. № 3. С. 10, 12.

[6] Ильин, И.А.: Пророческое призвание Пушкина. In: Одинокий художник. М., 1993. С. 49-50.

[7] Пушкин, А.С.: Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М., 1964. С.262-263. Рецензия написана в 1832 г.

[8] Муравьев, А.Н. История Св. Града Иерусалима. СПб., 1844.

[9] Сахаров потом исправит название, нейтрализует его. Окончательный вариант будет звучать как «Путешествия русских людей» (1849).

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Диана Оболеньска
Польша, Гданьск

ЭВРИТМИЧЕСКИЙ «ТАНЕЦ» В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МАСКИ». ЗАРИСОВКА ТЕМЫ

Abstract:
The article *Eurythmy dance in the Andrei Bely's novel 'Masks'. Draft* deals with anthroposophy art. Eurythmy is a dance that transforms language and music into visible movement. In the novel 'Masks' Bely bases on the teaching of Rudolf Steiner and presents a transformation of novel's characters in the context of this spiritual dance.

Key words:
Rudolf Steiner, Andrei Bely, anthroposophy, eurhythmy, initiation, esoteric, Masks, Korobkin.

В 1908 году в Гамбурге Рудольф Штейнер читал лекцию об Евангелии от Иоанна. В конце лекции Штейнер подошел к присутствующей в зале русской художнице Маргарите Сабашниковой-Волошиной и спросил можно ли станцевать услышанное. В вопросе Доктора (как называли его ученики) прозвучала первая мысль о новом искусстве, созданном в 1912 году и названном эвритмией. Сабашникова ответила: *[...] «Я думаю, что можно протанцевать все, что чувствуешь». – «Но именно о чувствах и шла сегодня речь». Эту фразу он повторил и некоторое время постоял еще, смотря на меня, как будто чего-то ожидая. Но я ничего не спросила. Осенью того же года [...] он подошел ко мне и сказал: «Танец – это самостоятельный ритм, это – движение, центр которого – вне человека [...]». [...] Чего он ждал – я поняла позднее, через четыре года, когда на вопрос одной ученицы он изложил основы эвритмии – нового искусства движения.*

Это новое искусство интенсивно развивалось с 1912 года и постепенно вбирало в себя очередные сферы деятельности: антропософскую медицину, занятия в Вальдорфских школах. Название «эвритмия» было дано женой Штейнера и впоследствии главной руководительницей эвритмического движения Марией фон Сиверс. Этимология термина уходила корнями в древнюю Грецию, где понятие это относилось к совершенству, присутствующему в ритме и проявляющемуся в человеке. Ритм являлся основой жизни земной и космической, выступал в гармонии дви-

жения планет, которая в свою очередь воздействовала на человека. Космический ритм через тело, а соотносительно и движения, походку, танец, проходил в душу слышащего.

В антропософии эвритмия стала путем проявления нового духовного человека. Опираясь на понятие физического и эфирного тела, приписывалась им соответственная роль: первое действовало в мире форм, второе – в мире движений. При помощи жестикуляций физического тела, создающих пространственные фигуры, отображалась натура эфирного тела. Воспроизведение движениями рук, ног, а также всего тела гласных и согласных основывалось на первоначальном прочувствованном осознании их истинного смысла, на отыскании основной сути, скрываемой как в буквах, так и составленных словах. Таким образом, через проникновение в глубины исторического и духовного сознания, человек вновь обретал утраченную связь с космосом. О эвритмии Штейнер говорил как о современном обновлении храмового танца.

22 августа 1913 года в Мюнхене состоялась премьера четвертой драмы-мистерии Штейнера *Пробуждение души* в эвритмической постановке. На премьере среди приглашенных присутствовали французский оккультист Эдвард Шюре, немецкий поэт Христиан Моргенштерн, польский театровед Францишек Седлецки и русский символист Андрей Белый. В то время Белый со своей будущей женой Асей Тургеневой (гражданский брак состоялся в 1914 году) уже были приверженцами антропософии и готовились к поездке в Дорнах на строительство антропософского здания Гетеанума. В своем интимном биографическом материале Белый в августе 1913 года записал: *Мы в Мюнхене. […] С середины августа начинается курс Штейнера «О мистериях» (8 лекций); происходит постановка всех 4-х мистерий Штейнера на сцене […] Мы усиленно послушаем все антропософские лекции и представления эвритмические; […] уже намечается, что мы к весне переедем в Дорнах.* В Дорнахе, работая при постройке Иоанова здания Тургенева, посещает также эвритмический кружок Сиверс, в котором участницы репетируют постановки для строителей Гетеанума. В это время, слушая лекции Штейнера и непосредственно общаясь с ним и с Сиверс, Белый переживает полное посвящение в антропософскую идею нового человека. Начиная с Дорнаха и до последних дней жизни останется писатель символистом и антропософом, о чем свидетельствуют высказывания самого автора и его произведения. В словах Штейнера Белый нашел возможность преобразования себя как духовного человека, возможность раскрытия космической сущности в земном существе и таким образом насыщении его духовным импульсом Христа. Антропософский контекст носят все романы Белого, написанные после 1912 года, в котором состоялась его первая встреча со Штейнером.

Маски, вторая часть московской дилогии, написанные в 1933 году также имеют свою антропософскую кодировку, частью которой является эвритмия. В аспекте возможной духовной трансформации строятся Белым судьбы главных героев романа. Их космическое направление определяют мифические образы и символы. В повторяющихся движениях, жестах, словах и звуках прорисовывается также антропософский «танец».

То, что эвритмия оказалась одной из расшифровок романов Белого, вытекает из близкого контакта писателя с этим искусством, из его теоретических работ, в том числе и *Глоссолалий. Поэме о звуке* (1917). Здесь Белый пишет: *Звук безобразен,*

беспонятен, но – осмыслен; если б он развил смысл безотносительно к данным смыслам понятий, – за листопадом словес мы могли б, проницая словесность, до дна проницать себя: свою скрытую суть мы могли бы увидеть [...]. Такое понятие звука, как оболочки духовного перемещения, вводит автор и в роман *Маски*. Надо сказать, что эвритмия проявляет себя в данном тексте на трех уровнях: на уровне звука, движения и цвета. Поскольку объем доклада ограничен, стараясь раскрыть главную суть мысли, обращусь лишь к трем основным героям романа, составляющим своеобразную неразрывную зависимость, к профессору Ивану Коробкину, его брату Никанору и медсестре психиатрической больницы Серафиме.

Данная зависимость является метаморфозным совокуплением трех персонажей в одном процессе становления этапа духовного существования личности. Перерождение земного героя в космический образ проходит Иван Коробкин. Процесс этот возможен благодаря космическому посланнику каким оказалась Серафима. Отображения стадий процесса носит в себе Никанор, являясь тем самым своеобразным братом-двойником профессора. Антропософская кодировка романа скрывает в себе путь адепта, идущего дорогой посвящения, что в частности обозначает духовный метаморфоз в существо нового космического порядка, наделенное импульсом Христа. Путь от темноты к свету просматривается также на уровне эвритмических звуков и жестов. Обращая внимание на произносимые героями звуки, их движения рук, ног и в целом тела, на цвет одежды и окружающих предметов, можем построить метаморфозную зависимость этапов трансформации. Итак, Коробкин, Серафима и Никанор при разных случаях повторяют звуки: А, Э, О, Ч, выполняют эвритмические движения, обозначающие звуки: Я, Р, Х, Й, Ж, Ч. О эвритмическом подтексте произносимых звуков в романе говорит сам Коробкин: *«Человек... есть... число...» – искал слов. [...] «Он – отношение числа колебаний. [...] «Скажем, – к рукам?.. Или, – скажем, – к стопе?»*. К примеру, Коробкина видим в следующей ситуации: *Ноги и руки разъехались; стал буквой «ха»; глас – с лицо; а лицо расширилось в исполненную выражения, провопиявшую плоть [...].* Никанора и Серафиму часто наблюдаем в движениях скрещивания рук и ног. Такая жестикуляция соотносится с воспроизведением буквы Х. Данный звук, или в данном случае буква, в эвритмии связана со смыслом рождения и символикой Христа. Сложный и неоднородный эвритмический код создает свою дополнительную систему знаков при которой, расшифровывая звуки и жесты в порядке появления в тексте, раскрывается система этапов пути посвящения. В эвритмии *Масок* А – начало; Э – зоркость, ведущая к мысли; Й – самосознание, дух; О – схождение мировой души; Х – рождение, Христос; Ж – жизнь. Звуки эти совокупляют в одно целое два дополнительные: Р – появляющийся в именах и фамилии героев, а соотносящийся с крыльями, то есть духовностью и Я – понимаемое как «Во мне что-то высшее». Жестикуляция названных здесь героев, их «звуковые изречения» сопряжены между собой и зависят от данной ситуации. Движение Коробкина совокупно с движениями Серафимы и Никанора. «Звуковые изречения» перекликаются между произносящими их героями и скрывают контекст данного этапа посвящения. Расшифровка трансформации земного человека в существо духовное скрыта в общей антропософской кодировке, в том числе и в эвритмии. Сюжет романа составляют следующие происшествия. Профессор Коробкин вычисляет новую формулу, становящуюся смертельным изобретением. После пыток Мандро, который стара-

ется получить данное изобретение, Иван попадает в психиатрическую больницу, где за ним ухаживает медсестра Серафима и навещает брат Никанор. В больнице профессор со временем выздоравливает. На уровне антропософского контекста представленный сюжет выглядит следующим образом. Адепт Коробкин проводит жизнь на исчислениях, становящихся поиском возможной трансформации (звук А). Осознание смертельной силы, какой наделено открытие, воздвигает на адепта бремя носимых грехов. Начинается процесс трансформации, обозначенный в романе как начало крестного пути (звук Э). Мучителем и Стражем Порога, стоящим на границе темноты и света, становится Мандро. Измученный профессор (Мандро выжигает ему глаз) попадает в другое измерение и проходит собственную духовную смерть. Первоначально пребывая в психиатрической больнице, Коробкин не реагирует на внешний мир, он полностью погружен в себя, проходит трансформацию (звук Й). Появляющийся космический посланник, на что указывает его имя – Серафима (звук О), помогает Коробкину осознать новое духовное пространство. Во время выхода из больницы профессор Коробкин становится уже воплощением космического существа Архангела Михаила (звук Х, Я, Р). Его перерождение дает возможность для последующих духовных перерождений для остальных героев (звук Ж). Таким образом произносимые звуки, производимые жесты становятся расшифровкой скрытых символов космического порядка. Углубляя назначение героев, дают систему антропософских зависимостей, столь значимую для автора романа. Белый выполняет завет Учителя – несения антропософии вовне, в культуру, раскрытие ее смысла для новых адептов, с целью уяснения им возможной духовной трансформации, возможной дороги от темноты к свету. Последний роман Белого стал посвящением для антропософского движения в России, выразил и подтвердил полное причастие к духовным смыслам, звучавшим в лекциях Штейнера.

Использованная литература:

Белый, А.: *Материал биографический (интимный)*. In: Минувшее 1992, № 6, 8, 9.
Белый, А.: *Маски*. München 1969.
Белый, А.: *Глоссолалия*. Берлин 1922.
Сабашникова-Волошина, М.: *Зеленая змея*. Москва 1993.
Kočonda, S.: *Tatiana Kisseleff, Angaben für die russische Eurythmie, Татьяна Киселева, Указания к русской эвритмии*, Mit einem Beitrag von Nicole Lubić. Dornach 2006.
Siedlecki, F.: *Misteria Rudolfa Steinera na scenie*. In: Dialog 1991, nr 11, s. 129-130.
Siedlecki, F.: *O sztuce scenicznej. Artykuły i recenzje z lat 1910-1929*. Wrocław 1991.
Steiner, R.: *O sztuce eurytmii*. Kraków 1988.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Алина Орловска
Польша, Люблин

О СВОЕОБРАЗИИ СЮЖЕТНОГО СТРОЕНИЯ РУССКОЙ КОМИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМ В. МАЙКОВА И М. ЧУЛКОВА)

Abstract:
The article analyses the specific plot structure of the Russian comic poem of 18th century, founded upon the European mock-heroic tradition. Significantly, even in early realizations of the genre there is a tendency to minimize and deprecate the fantastic plane, at the same time accentuating events which happen on the "realistic" one. Furthermore, the plot's attractiveness is augmented owing to the coalescence of traditional epic topoi with elements of the picaresque, the novel of manners, and folklore genres, as well as due to the theatralization of the represented world.

Key words:
Plot structure, Russian poem, comic poem, mock-heroic tradition, epic topoi.

Русская комическая поэма XVIII века, унаследовавшая жанровую форму от западноевропейской модели жанра, уже на начальном этапе своего формирования проявила оригинальность.

А. Сумароков в трактате *Эпистола о стихотворстве*, ссылаясь на европейскую традицию, констатировал сосуществование в рамках единой классицистической жанровой системы двух равноправных инвариантов жанра, каждый из которых по разному реализует задачу смешить читателя. В обоих случаях комическое возникало на основе несовместимости предмета и стиля высказывания, а резкость контраста усугублялась за счет обращения к народной традиции. В русской литературе не ощущалось однако так сильно противоречие между бурлеском и ироикомической поэмой. Зафиксированная в теоретических трактатах, установка на воспроизведение в рамках жанра бытовых деталей сглаживала различия между ними и сказывалась на их структуре, сюжетном строении, типологии персонажей и повествовательной стратегии.

На уровне сюжетного строения комических поэм В. Майкова и М. Чулкова, первых реализаций жанра на русской почве, складываются схемы и приемы, которые

впоследствии стали каноническими для русского комического эпоса XVIII – начала XIX века.

Простой и незамысловатый сюжет небольшой, состоящей из трех песен комической поэмы В. Майкова *Игрок ломбера* представляет похождения молодого Леандра, страстного игрока, который три дня и три ночи проводит за картами. Проигравшийся герой неожиданно переносится Морфеем в Храм ломбера и преисподнюю картежников. Мистическое странствие героя, опекаемого персонифицированными ломберными фигурами по тайнам ломбера и инфернальному пространству, дает возможность представить ряд ярких сатирических сцен из жизни игроков, а также произнести в финале поэмы поучение о пагубности карточной игры, если не сочетаются с ней разум и чувство меры.

Сосредоточенная вокруг протагониста и его похождений фабула *Игрока ломбера,* контаминирует и сатирически, изредка гротескно, обыгрывает общие места эпической поэмы. Последовательность развития хронологически упорядоченного сюжета обусловлена эпической первоосновой.[1] Перипетии героя от падения, через странствия-испытания, способствующие раскрытию его героического начала и позволяющие ему усовершенствоваться и возродиться, к постижению нового статуса, однозначно ориентированы. Фантастическое восхождение Леандра вверх, к храму, т.е. идеалу, дает герою знания и убежденность, а затем нисхождение в преисподнюю, позволяет ему опознаться и приобрести знания необходимые в реальном миру. Сюжет *Игрока ломбера*, доказывает М. Ди Сальво, складывается как цепь пародийно-дидактических встреч и испытаний, которые способствуют возрастанию самосознания героя. При том автор пародирует как приемы эпической поэмы, так и других жанров, в том числе философской повести. [Ди Сальво 1992-1993: 465]

Сюжетное строение *Игрока ломбера*, характер мотивов, прежде всего центрального, карточной партии-битвы, показывает, что Майков создает традиционное по своей структуре произведение, реализующее в рамках жанровой нормы функцию *docere*. Реально-бытовая окраска яркой сатирической картины партии ломбера в начале поэмы намекает на художественный метод зрелой поэмы В. Майкова *Елисей, или раздраженный Вакх* (1771).

В *Елисее*... проявляется генетическое родство как с ироикомической поэмой Булало, как и бурлеском Скаррона, при чем оба инварианта органически сочетаются. [Ермоленко 1991: 26] Поэма повествует о проделках молодого ямщика – пьяницы, кулачного борца, буяна и страстного любовника, который по воле Вакха опустошает погреба и винные склады петербургских откупщиков, в финале поэмы лишившись магического средства, гарантирующего ему безнаказанность, отдается в солдаты.

Тенденция к поискам новаторских решений, усиливающих занимательность сюжета, обнаруживается уже в заглавии поэмы. Введение в заглавие имен двух героев, Елисея и Вакха, намекает на равноценность обоих персонажей в структуре сюжета, что противоречит декларированной нормативной поэтикой концентрации событий вокруг протагониста. В итоге, в поэме Майкова выстраиваются две сюжетные линии – Елисея (более обширная) и Вакха.

Фантастической сюжетной линии Майков, вопреки установкам нормативной поэтики, уделяет мало внимания. Она ограничивается небольшими фрагментами первой, третьей и пятой песен. Похождения главного героя только отчасти обу-

словливаются замыслами Вакха. Бог вина своей волею не столько предопределяет судьбы героя, сколько использует его незаурядные способности, чтобы отомстить наносящим ему вред откупщикам. Гермес помогает бравому ямщику освободиться из тюрьмы и объятий сладострастной начальницы Калинкина дома, Зевес лишает героя шапки-невидимки и посылает его в рекруты. Божественные персонажи в такие моменты сохраняют свое традиционное амплуа – они повелители действий эпического героя (Вакх), чудесные помощники (Гермес), антагонисты (Зевес).

Художественная форма фантастического плана детерминируется поэтикой бурлеска. Мифологические персонажи подвергаются снижающей травестии, а тривиализация божественного плана реализуется прежде всего путем его указывания в шутовском костюме (маскарадное ряженье олимпийцев, подчеркнутая телесность их действий и эмоций). В итоге совершается депрециация функции божественной машинерии, а оба плана, реальный и фантастический, сближаются.

Сюжетная линия Елисея обильна зато неожиданными поворотами действия. Ее направленность обусловливается похождениями лихого ямщика, которые в свою очередь, проверяют и модифицируют представления о нем и его позиции в мире. По ходу сюжета он: ямщик – узник – любовник – кулачный боец – модный франт – любовник-невидимка – главарь шайки пьяниц – опять кулачный боец – солдат. На каждом этапе герой вынужден проявлять свои незаурядные способности, состязаться с противниками, которые оказываются на привилегированной позиции в общественной иерархии, побеждать их силой, смекалкой, иногда с помощью магической шапки-невидимки. Этапами странствия героя оказываются кабак, тюрьма, исправительный дом для распутных жен, который на первых парах воспринимается им как монастырь, а затем становится для него очередной тюрьмой, лес, купеческий дом в Петербурге, опять кабак на окраине города, и в конце солдатские казармы, куда не по своей воле он попадает. Обильно насыщен забавными перипетиями сюжет, сочетавший героические подвиги с эротическими приключениями, намеренное переплетение и наслаивание разных по своей природе жанровых клише (эпической поэмы, былины, плутовского романа, комической новеллы) [*История русской литературы в 10 томах* 1947: 213-215; Ермоленко 1991: 26; Николаев 1986/5: 77-78] придают сатирическо-комический оттенок изображаемому миру.

На уровне реального мира особой значимостью наделяется время [Николаев 1986/5: 77]. Временные рамки происходящего фиксируются деталями городских народных праздников. Приключения Елисея начинаются в масленицу, их финал совпадает с весенне-летним гулянием. Последовательность народного календаря обусловливает расчленение истории Елисея на цепь обособленных эпизодов. В итоге, составляющие композиционную раму кабак и праздничная рыночная площадь становятся фоном, подчеркивающим жизнерадостность и буйное веселье народных гуляний, а тюрьма, исправительный дом для проституток, купеческий дом, кирпичный завод, где оказалась жена Елисея, указывают темные стороны русской действительности. Именно они, а также два вводных рассказа (Елисея о деревенской битве и исповедь его жены) и перипетии начальницы и молодой купеческой жены, усугубляют сатирическую направленность поэмы. Таким образом, применяя возможности, созданные комической поэмой, Майков затрагивал важные для просветителей проблемы, раскрывал перед читателями мир городских низов и заодно оригинально «вписывался» в русло сатирического направления в русской

литературе XVIII века, предвещая те перемены, которые произойдут в ней в конце XVIII – начале XIX века:

Яркое и достоверное описание народной жизни говорит о новаторстве Майкова и национальной самобытности созданной им поэмы [...] Эти эпизоды свидетельствуют о том, что изображение русского простонародного быта было одной из важнейших художественных задач жанра ироикомической поэмы. [Ермоленко 1991: 26.]

Поэмы М. Чулкова *Стихи на качели, Стихи на Семик* и *Плачевное падение стихотворцев*, не представляя особой художественной ценности, являются однако интересным этапом становления жанра комической поэмы в русской литературе.

В поэме *Плачевное падение стихотворцев* действие перенесено в условное пространство. Где-то между Парнасом и Олимпом народная толпа следит за появлением чудовищного всадника, гротескно-комического представления о сущности поэтического творчества. Поднявшаяся на площади суматоха заставляет Юпитера проявить активность и включиться в действие. Он вынужден сразиться с новыми гигантами – бездарными наглыми поэтами, которые на своих «пегасах» (свиньях, коровах и волах) штурмуют Парнас. Разгневанный Юпитер, как «купец выбрасывающий гнилые огурцы», прогоняет их с Парнаса.

Связь реального и чудесного планов в поэме Чулкова мотивирована лишь фигурой поэта-повествователя. Он соучастник происходящего на площади, а затем, по приглашению музы, очевидец деяний Юпитера на Парнасе.

Предельно скудный сюжет строится на механическом сочетании традиционных жанровых клише эпической поэмы. События на уровне человеческого мира намекают на эпические схемы (топос предсказывания будущего, появление таинственного мужа, описание всадника, его доспехов и коня, штурма и битвы), зато обряженный в народные костюмы и перенесенный в условия простонародной жизни фантастический мир полностью теряет свое амплуа. Отвлеченность совершавшегося не снимает однако с образа представляемой действительности окраски актуальности, что в итоге придает ему яркую, явно выраженную сатирическую направленность против литературных антагонистов.

В *Стихах на качели* и *Стихах на Семик* сюжетная линия слабо обозначается. Композиционной доминантой в обоих поэмах является повествователь – несмышленый, но предприимчивый поэт, который открыто заявляет о своем пренебрежении к поэтическим нормам и меркантильном отношении к искусству. Он наделяется новыми функциями: он одновременно участник и свидетель народных гуляний, нацелен на описание праздника и демонстрирование своих потенциальных возможностей управлять по своей воле миром произведения. Его цель – удовлетворить вкусам необразованной спутницы «кумушки-голубушки» и добиться денег. Он и его прогулки по праздничной площади становятся опорой аморфного по своему характеру сюжета.

В названных поэмах Чулкова значение имеет не скудный событийный план (он ограничивается информацией о прогулке поэта по праздничной площади), а увиденное героем. Тем способом на первый план выдвигаются колоритные зарисовки народных обрядов, игр, драк, стола, экспонирование типичности их участников. Этим фактором обусловливается, в свою очередь, мозаичность композиционной структуры.

У Чулкова намечается изъятие из структуры поэмы фантастического плана. Олимпийские боги появляются в поэме в традиционном облике – обряженные в народные костюмы, занятые тривиальными деревенскими работами. Но они не действующие персонажи, от воли которых зависят судьбы людей, а послушные марионетки в руках поэта, управляемые его волей, вкусом и замыслами:

> *Для Сумарокова условна описываемая в шуточной поэме «низкая» действительность, для Чулкова условны герои-боги, которые вовсе и не боги, а обряженные в маскарадный костюм (иначе их не пустят в настоящее искусство) простые русские люди - нищие, ямщики, мелкие базарные торговцы, работные люди.* [Макогоненко 1969: 144]

Несмотря на это, поэмы Чулкова являются однако интересным звеном в формировании русского комического эпоса. В них ярче, чем в поэмах В. Майкова, проявляются тенденции к модификации структуры текста: минимализации или изъятию божественной машинерии, концентрация на представлении сатирического образа реальной действительности, модификация образа и функции повествователя. Именно ими в будущем определится национальное своеобразие русской комической поэмы.

Примечания:

[1] Исследователями была выявлена связь поэмы Майкова с поэмами *Похищенный локон волос* А. Попа (см.: [Левин 1990: 137]), *Налой* Булало (см.: [Николаев 1986: 22; Песков 1989]), анонимной немецкой поэмой *Das Meisterspiel im Comber* (см.: [Schruba 1997: 19]), философской повестью (см.: [Ди Сальво М. 1992-1993: 465] и сатирой XVIII века (см.: [Вачева 1999: 120]).

Использованная литература:

Вачева, А.: *Поэма-бурлеск в русской поэзии XVIII века.* София 1999.

Ди Сальво, М.: *В.И. Майков на пути к русской комической поэме.* In: Ricerche Slavische, vol. XXXIX--XL, Roma 1992-1993.

Ермоленко, Г. Н.: *Русская комическая поэма XVIII-начала XIX вв. и ее западноевропейские параллели.* Смоленск 1991

История русской литературы в 10 томах, т. 4, ч.2. *Литература XVIII века*. Под ред. Г.А. Гуковского и В.А. Десницкого. Москва-Ленинград 1947.

Левин, Ю. Д.: *Восприятие английской литературы в России XVIII –XIX вв.* Ленинград 1990.

Макогоненко, Г.П.: *От Фонвизина до Пушкина. Из истории русского реализма.* Москва 1969.

Николаев, Н.И.: *Русская литературная травестия и ее исторические разновидности (2 пол. XVIII – первая половина XIX века).* Дисс. канд., Ташкент 1986.

Николаев, Н. И.: *Смеховое начало в поэме В. И. Майкова «Елисей, или раздраженный Вакх»*. Филологические науки 1986/5.

Песков, А. М.: *Булало в русской литературе XVIII – первой половины XIX века.* Москва 1989.

Schruba, M.: *Studien zu den burlesken Dichtungen V.I. Majkovs.* Wiesbaden 1997.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Алексей Подчиненов, Татьяна Снигирева
Россия, Екатеринбург

«И ТОНЫ МУЗЫКИ ЗЕМНОЙ» (НАТУРФИЛОСОФИЯ ИТОГОВЫХ КНИГ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX-XX ВЕКОВ)

Abstract:
In the article *"And tones of music terrestrial" (natural philosophy of concluding books in Russia poetry of 19-20 centuries)* pragmatic, conceptual and formal and substantial aspects of images of the nature in final products of poets are considered by example of lyric books collected by N. Nekrasov *("Last Songs")* and A. Tvardovsky *("From Lyrics Of These Years")* themselves. Then, generally characteristic and functional similarity (psychological parallelism, refinement in a lyrical plot of memoirs, a part in creation of artistic integrity of the text) is revealed, as well as poets' specificity of natural philosophy properly contacted with philosophical system of late ("death's door") period of creativity is displayed.

Key words:
Poetry, concluding books, natural philosophy, psychological parallelism, memory, art unity.

Традиционно образ природы играет в русской лирике более концептуальную роль, нежели описание места действия или фона разворачивания лирического чувства. Константной для поэзии и XIX, и XX века становится функция психологического параллелизма, предполагающая сопоставление по принципу соотнесенности или контраста вечности природы и быстротечности человеческой жизни. Русская поэтическая натурфилософия XIX века видит ту Божественную печать, которой отмечен природный мир, и не пытается разгадать истоки абсолютной его гармонии и тайны. Поэзия XX века способна эпатажно заявить, что не ищет «*гармонии в природе*», и описать во всех физиологических подробностях «*природы вековечную давильню*», но затем вновь подойти к ее великой тайне гармоничного смыкания жизни и смерти. Совершенно особые и типологически сходные функции присущи образу природы в итоговых (последних, завещательных) поэтических книгах как XIX, так и XX столетий, ибо *«каждая из них отражает особенный этап индивидуальной творческой деятельности, когда вольно или невольно подводятся итоги, осмысляется весь путь, когда настоящее соотносится с прошлым и будущим, «злоба» прошлого и настоящего подчиняются главному потоку жизни и, не теряя своей социальной, национальной почвы, приобретают*

общечеловеческое звучание» [Краснов 1974: 268]. Выявленные концептуальный, функциональный и формально-содержательный аспекты образа природы в «пороговых текстах» русской поэзии XIX-XX веков следующие: 1) психологический параллелизм, 2) сюжет-ретроспекция, 3) образ природы как существенный фактор построения единого целостного текста *книги (цикла)*. Рассмотрим эти позиции на примере двух репрезентативных «пороговых» поэтических книг.

«Последние песни» Н. Некрасова

1. Естественно предположить, и это подтверждается текстовым материалом, что в итоговых книгах активно будут задействованы «возрастные параллели»: старость = вечеру и осени жизни, предощущение смерти = зиме как завершающем природный кругооборот времени. Для итоговых книг характерен осенне-зимний, вечерний пейзаж, чаще всего впрямую соотнесенный с комплексом чувств «осенне-зимнего», «ночного» возраста.

Для Некрасова доминирующей в описание душевного, духовного и физического состояния является, безусловно, тема болезни, но и тема старости занимает весьма существенное место, что является необходимым компонентом всех итоговых текстов. Причем мысль о возрасте всегда актуализирует трагически горькую интонацию подобных произведений: *«А может быть, мне знать себя дает, // Друзья мои, пятидесятый год. // Да, он настал – и требует отчета! // Когда зима нам кудри убелит, // Приходит к нам нежданная забота // Свести итог…»* [Некрасов 1974: 14]; *«Бог старости – неумолимый бог. // Жестокий бог! Он дал двойное зренье // Моим очам…»* [Некрасов 1974: 15].

2. Сюжет-ретроспекция, связанный с воспоминаниями о детстве, а чаще о юности, – один из сквозных сюжетов книги Некрасова, где природа играет доминирующую роль: *«Сгорело ты, гнездо моих отцов! // Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул…»* [Некрасов 1974: 13]; *«Какой восторг! За перелетной птицей // Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив // Сметает сор, навеянный столицей, // С души моей. Я духом бодр и жив, // Я телом здрав. Я думаю… мечтаю…»* [Некрасов 1974: 13].

3. Образ природы у Некрасова выполняет и роль «скрепа», поддерживающего концептуальное и структурно-формальное единство текста. Г.В. Краснов справедливо замечает: «*Личная драма обостряла видение общего. Некрасовская точка зрения выражалась в эмоциональном тоне, в пейзаже, в стихе. Пейзажные образы в лирике «Последних песен» зачастую символичны, ассоциативны»* [Краснов 1974: 248]. Так, описание пейзажа в IX строфе «Уныния» *(«… Знакомой грусти полны // Ленивые медлительные волны…»* [Некрасов 1974: 16] созвучно описанию в финале стихотворения: *«Мой стих уныл, как ропот и несчастье, // Как плеск волны в осеннее ненастье, // На северном пустынном берегу…»* [Некрасов 1974: 16]. В «Утре» исходный пейзажный образ развертывается затем в сюжетных ситуациях, связанных между собой негативной оценкой действительности. Такое обобщающее и функциональное значение имеет начало «Молебна»: *«Холодно, голодно в нашем селении. // Утро печальное – сырость, туман…»* [Некрасов 1974: 4]. Пейзажные зарисовки начинают «играть друг с другом» или рифмуясь, или контрастируя, как в стихах «Утро» и «Уныние».

«Из лирики этих лет» А. Твардовского

1. «Из лирики этих лет» – «осенняя книга» в прямом и метафорическом смысле. Природное время книги – осень, со всеми ее мельчайшими приметами и знаками: *«Еще земля с дернинкою сухой // Не отдает нимало духом тленья, // Хоть на изнанку вывернув коренья, // Ложится под лопатой на покой»* [Твардовский 1970: 231]. Личное время поэта – осень, по его горько-ироничному признанию, – «возраст пенсионный»: *«На дне моей жизни, // На самом донышке»* [Твардовский 1970: 233]. То время, когда уже признаешь близкую неизбежность своего «последнего срока»: *«Допустим, ты свое уже оттопал, // И позади – остался твой предел»,* – когда приходит пора *«Справлять дела и тем же чередом // Без паники укладывать вещички»* [Твардовский 1970: 235]. Не случайно в публикацию «Нового мира», которая является своеобразной квинтэссенцией последней книги поэта, не вошли стихотворения, написанные в шестидесятые, но не созвучные его итоговой, прощальной атмосфере. Но Твардовский не был бы Твардовским, если бы и в предощущении смерти не искал способов гармонизации мира – природного, общественного, личного. Природа, по мысли позднего Твардовского, спасает себя сама способностью вечного обновления, естественностью любой поры. Когда человек способен быть соразмерен природному миру, ему становится доступным чувство гармонии: *«Не пропускай, отмечай // Снова и снова на свете // Легкую эту печаль, // Убыли-прибыли эти. // Все их приветствуй с утра // Или под вечер с устатку…// Здравствуй, любая пора, // И проходи по порядку»* [Твардовский 1970: 230].

2. Память – одна из основных нравственных, исторических, философских категорий А. Твардовского, крепящих его художественный мир.

1) Память как преемственность поколений: *«Не хожен путь», «Горные тропы», «Космонавту», «Посаженные дедом деревца», «Многоснежная зима…», «Памяти Гагарина»*.

2) Историческая память: память войны *(«Я знаю, никакой моей вины…», «Лежат они глухие* и *немые…»),* память коллективизации (*«На новостройках в эти годы…», «А ты самих послушай хлеборобов…»),* государственная память (*«Береза», «Дробится рваный цоколь монумента…»),* память культуры *(«Есть книги – волею приличий…», «Есть имена и есть такие даты…»).*

3) Наконец, личная память: память юности (*«Мне сладок был тот шум сонливый…», «Который год мне снится, повторяясь…»*), память дома, семьи (цикл «*Памяти матери*», «*На сеновале*»), память детства («*Такою отмечен я долей бедовой…*», «*Погубленных березок вялый лист», «На сеновале*»), память прожитой жизни («*Чернил давнишний блеклый цвет*»). Сама логика движения поэтической мысли в книге «Из лирики этих лет» дает возможность говорить о ее мемуарном характере. Вся память – через меру и «тоны музыки земной». «Живая жизнь» природы, ее изменения («*вялый лист*» березок, «*шум сонливый*» ржи), ее «жесты» («*жаворонок, сверлящий небо*») становятся решающим толчком для воспоминания. Константы природы не рождают горечи у поэта XX века, но с грустью подчеркивают изменяемость и изменчивость человеческого сознания.

3. Единство итоговой книги А. Твардовского осуществляется, главным образом, за счет единства смыслопорождающего характера, ведущего за собой и единство

формально-структурного ряда. Лирический сюжет, развивающийся от лирической публицистики до философской лирики, определен в самом начале книги в стихотворении «*Жить бы мне век соловьем-одиночкой…*». Историософия позднего Твардовского много драматичнее, нежели его натурфилософия. Всю жизнь озабоченный только проблемами своей страны, в конце шестидесятых поэт решительно раздвигает рамки художественного видения, начиная трагически ощущать катастрофичность общечеловеческого бытия «*маленькой нашей планеты*» («*В случае главной утопии…*»). Лирико-философское размышление свидетельствует об ослаблении веры Твардовского в коллективный разум, способный на «главную утопию», и дальнейшей артикуляции принципа – взять чужую боль, чужую вину на себя, ощутить их как свои собственные, бывший всегда основным в этической системе поэта. Поэт считает, что человек не может переделать ни природный мир, живущий по своим законам, ни человеческий, так же живущий по своим, не всегда понятным и объяснимым правилам. Идея преобразования или построения «нового мира» решительно оставляет Твардовского и заменяется традиционным «начни с себя»: «*Сурово спрашивай с себя, с других – не столь сурово*» [Твардовский 1970: 236]. Важнейшим лирическим сюжетом последней итоговой поэтической книги стал классический сюжет «вочеловечивания человека». Твардовский находит способы примирить себя с мыслью о конечности своего личного существования. Это – ощущение себя – «малой части» – в бесконечной движущейся жизни, которая будет продолжаться вечно: «*Нет, все-таки нет, // ничего, что по случаю // Я здесь побывал и отметился галочкой*» [Твардовский 1970: 239]. Наибольший драматизм и тревога посещают поэта не при мысли о близящемся «последнем вздохе» его жизни, но при размышлении о том, как он справился со своей судьбой, как прожил свою жизнь он, «слуга народа».

Парадоксальное единство приятия красоты, гармонии природы, изначальной ценности жизни, человеческой жизни и одновременного суда над собой сказалось на лексическом пространстве последней книги А. Твардовского. В ней конфликтно сосуществуют элегическая и инвективная интонации, общеупотребительная лексика со сниженной, просторечиями и даже вульгаризмами, прямое слово с иносказательным. Гармония и драматизм сопряжены в сознании поэта. Буднично-деловая интонация и приземленная лексика, подсвеченная бытовыми поговорками и пословицами – основное лексическое поле размышления поэта о своей жизни, оценке своей судьбы. Отсутствие всякого намека на патетику характерно и для ощущения приближающейся смерти: «*Справляй дела и тем же чередом, // Без паники укладывай вещички*» [Твардовский 1970: 247] или «*Допустим, ты свое уже оттопал*».

Единство книги просматривается и на уровне тропики. Безусловно, по типу, складу таланта Твардовский – поэт, приверженный не к метафоре, но к эпитету. И если поэт обращается к метафоре, то, главным образом, к метафорам *базовым* или *ключевым* метафорам времени («*метафоры, которыми мы живем*» – Д. Лакофф, М. Джонсон), где уже стерт категориальный сдвиг и отсутствует установка на эффект «метафорического сюрприза». У Твардовского это чаще всего метафоры, легко соотносимые с устойчивыми приемами фольклорной поэтики: дорога, река – жизнь, судьба, дом, небо, земля – духовность, «лад», норма человеческого существования, кругооборот природного цикла, времена года – времена жизни че-

ловеческой. Однако в шестидесятые годы в связи с наметившейся драмой между поэтом и жизнью (и биографической – гонения на журнал, непубликация поэмы, и мировоззренческой – приверженность государственности, но оппозиция к режиму) Твардовский был вынужден обратиться к метафорической иносказательности, что является своеобразным сигналом творческого вызова поэта.

В этом контексте становится очевиднее метафорический смысл стихотворения «*Огромный, грузный, многоместный…*», которое осталось незамеченным как при жизни, так и после смерти поэта: оно просто не было понято. В этом стихотворении поэт решается на довольно редко встречающийся тип метафоры, находящейся на «перекрестке» собственно метафоры и метаморфозы – автометафоре, главной особенностью которой является *«метафорическая самоидентификация поэта, проливающая некий свет на психологию творчества»* [Арутюнова 1990: 30]. Необычен предмет уподобления, взятый Твардовским для самоидентификации. Во-первых, поэтическая природа диктует уподобления природе как таковой. Во-вторых, «самолет» – слишком чужд, на первый взгляд, поэту, принципиально равнодушному к технике, техническому прогрессу, достижениям цивилизации XX века, поэту, приверженному земле и человеку на ней. Ни разу лексически не обозначая предмет уподобления (в стихотворении нет не только слова «самолет», но, и это неслучайно, местоимения «он»), Твардовский сосредотачивается на характеристике «непосредственного самоощущения». Рядоположение четырех прилагательных, открывающих стихотворение («*Огромный, грузный, многоместный // И тесный»),* есть не что иное, как черты внутреннего и внешнего облика поэта, вернее, того, каким он себя видит, ощущает. Дважды в стихотворении дается определение «голоса» (особенности «тяжелой лиры» поэта): «Свою *тяжелую струну», «Брунжала басом та струна*». Поэт акцентирует внимание на мощь и одновременную регламентированность творческого пути: «*Тянул в пустыне поднебесной*», «*С натугой ровной делал дело, // Тянул – ни кренов, ни толчков*», тянул «*По стрелкам выверенных правил – // видна земля иль не видна*» [Твардовский 1970: 249]. Осознает он и масштаб своей творческой судьбы – «*через всю страну*». Тональность стихотворения холодно-объективированная – усиливается его жестким ритмическим рисунком: четырехстопный ямб с усеченной стопой во втором / четвертом стихе, почти лишенный пиррихиев. Стихотворение так бы и осталось жестко отчужденным, если бы не две последние строки, возвращающие читателя, с одной стороны, на «землю», с другой, – в обжитой поэтический мир Твардовского с его традиционными образами земли, переправы, с его диалектным словечком *брунжать* (плакать, издавать негромкие монотонные звуки, звуки на струнных инструментах) на фоне деловой лексики, прямо указывающим на постоянную, коренную, кровную привязанность поэта к «малой родине»: *«И, как канат на переправе, // Брунжала басом та струна»* [Твардовский 1970: 250].

Веками проверенная на истинность народная нравственность, органично и властно живущая в духовном мире А. Твардовского, выводит его из поля этических новаций советской эпохи в пространство вечных сущностных понятий, которые и крепят художественный мир его последней книги лирики.

Итоговые книги/циклы в русской поэзии естественно связаны с понятием «позднее творчество» («поздний поэт»). С этой точки зрения, творческую эволюцию многих крупных поэтов XIX-XX веков можно характеризовать как трехэтап-

ную. Первый период – «ранний» – определяется формулой «я» и осмысляется как экзистенциальный. Поскольку у поэтов «все некстати», «не так, как у людей» (А. Ахматова), то чаще всего познание мира начинается, прежде всего, с познания самого себя, своей избранности и избранничества. «Зрелый» период соотносится с гносеологической доминантой и определяется формулой «я в мире». Понятие «поздний», который можно определить формулой «я в мире», носит бытийный, онтологический характер. Поздний поэт весьма решительно смещает философско-нравственную систему координат. Его не столь активно, как в зрелости, волнует борьба Добра со Злом, борьба, провоцирующая на действенное, непосредственное участие в жизни социума, реализующиеся в ее открытой оценке. Позднее творчество поэта осуществляется скорее не в системе Добра – Зла, а в системе Справедливости – Милосердия, что ведет к существенному изменению общей интенции: не Смятение, но Мудрость. «Поздний» период – это «*тот горчайший гефсиманский вздох*», о котором писала Ахматова, это стремление «*дойти до самой сути*» (Пастернак), «*быть самим собой*» (Твардовский), при четком ощущении, что «*душно, но до смерти хочется жить*» (Мандельштам). Это умение увидеть «*двойным зрением*» (Некрасов), как «*мерцает тайна бытия*» (Заболоцкий) и мужественно сказать этому бытию – «*отказываюсь быть*» (Цветаева). Или, ощутив себя «*на дне моей жизни, на самом донышке*», «*подвести итог*» «*стариковской палочкой*»: «*нет, все-таки нет, ничего, что я здесь побывал и отметился галочкой*» (Твардовский).

Использованная литература:

Арутюнова Н.Д. *Метафора и дискурс*. In: Теория метафоры. Москва 1990.
Краснов, Г.В.: *Последняя книга поэта*. In: Некрасов, Н.А.: *Последние песни*. Москва 1974. С. 217-268.
Некрасов, Н.А.: *Последние песни*. Москва 1974.
Твардовский, А.Т.: *За далью – даль. Из лирики этих лет*. 1959 – 1968. Москва 1970.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Иво Поспишил
Чехия, Брно

ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНСТВА, РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЧЕШСКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ У Й. ЙИРАСЕКА (НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК И КОММЕНТАРИЕВ)

Abstract:
The author of the present article analyzes the activity of Czech-Moravian slavist Josef Jirásek, author of several important monographs concerning 20th-century Slovakia and Czech-Slovak relations, but mainly as the author of the opus magnum *Russia and We* about Russo-Czech cultural and literary relations and *An Outline Of the History of Russian Literature* as well as the famous first original edition (in German) of Ľudovít Štúr's work *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft* (Bratislava 1931). Josef Jirásek, though sometimes regarded more or less as a mere popularizer of Slavonic literatures, is considered here a predecessor of Slavonic area studies because of his effort to synthetize cultural, literary, historical, and political studies in a complex forming a substantial basis for a deeper understanding of the cultural and spiritual life of singular nations and nation states.

Key Words:
Methodology of literary scholarship and Central Europe, the problem of Russo-Czech relations, Josef Jirásek's editorial activity, Josef Jirásek as a predecessor of Slavonic area studies.

В одной статье, посвященной феномену Центральной (Средней) Европы, я коснулся и проблематики среднеевропейского литературоведения, связанного с деятельностью восточных славян, точнее, русских или русскоязычных исследователей.

Именно сфера литературоведения показывает, что Средняя Европа формировалась не только географическими среднеевропейцами, но и представителями восточных славян. Связь среднеевропейских университетских и научных традиций, а также восточнославянской традиции общения и научных обществ, политических и научных кружков сыграла большую роль в процессе возникновения Пражского лингвистического кружка. Как оказалось, именно межвоенная территория Чехословакии благоприятствовала слиянию и своеобразному компромиссу между технологическими и более «мягкими» методами, связанными с Geisteswissenschaft. Так, в частности, профессор Сергий Вилинский, работающий в Университете им. Масарика в Брно с середины 20-х годов XX века, как бы символически соединил

традицию филологического метода в рамках медиевистики, особый вид феноменологии (в зимнем семестре 1913 г. он преподавал молодому М. Бахтину в Новороссийском университете в Одессе) и историческую поэтику; деятельность Романа Якобсона, выпускника Московского университета, как одного из организаторов ПЛК, достаточно хорошо известна. Особые методологические сдвиги в сторону исторического компромисса между психологическими и имманентными методами наблюдаются у Рене Уэллека (его учителями были чешский германист, поэт, переводчик и литературовед психологической ориентации Отокар Фишер, а также лингвист-англист, структуралист Вилем Матхезиус).

В широком контексте чешских исследований русской литературы и русско-чешских литературных связей Й. Добровского, Й. Юнгманна, П.Й. Шафарика, К.Я. Эрбена, В. Ганки и др., специфическое значение имеет творчество Йосефа Йирасека (1884-1972), отдельных аспектов которого затронем в настоящих замечаниях. Оно по своему характеру стоит на грани научного и популярного: Йирасек зачастую ориентируется на обзорные статьи и комплексные очерки, компиляции и популярный синтез. С точки зрения методологии, Йирасек представляет собой смесь эклектизма, основанного на позитивистских подходах, архивных расследованиях и воздействии Geistesgechichte и Ideengeschichte с особым психологическим и нарративным уклоном. Йирасек, прежде всего, рассказчик историко-литературных историй, занимательных – и научных – сюжетов. Не случайно в 70-е годы XX века в бывшей Чехословакии, хотя тогда по известным объективным и субъективным, в том числе политическим причинам, был явный недостаток обзорной литературы по русской письменности, наши преподаватели не очень рекомендовали известный, но устаревший труд Й. Йирасека *Обзор истории русской литературы* (в 4 томах),[1] объясняя это, прежде всего, его излишней популяризацией и якобы ненаучностью.

Именно эта книга сыграла в свое время важную роль в формировании представлений широкой чешской общественности к русской литературе. Разумеется, что Йирасек исходит из своих предшествующих статей и книг, излагающих, прежде всего, проблемы чешско-русских культурных и, в особенности, литературных отношений. Следовательно, его концепция может казаться мало литературной, т.е. в смысле якобсоновской «литературности», литературной специфики, основанной на приемах русской формальной школы. Йирасеку близок, с другой стороны, более широкий культурный или культурно-политический круг, он исходит скорее из культурных эпох, тесно связывающихся с политико-экономическими данными и развитием общественной структуры в целом. То, что сначала казалось в сопоставлении с технологическими приемами устаревшим, исходящим из традиции немецкой *Ideengeschichte* или *Geistesgeschichte*, выглядит в настоящее время в контексте литературоведческой методологии ареальных исследований почти современно, как своего рода прогрессивная инновация. Язык автора, хотя с того времени немного устарел, принадлежит, в основном, к свежему пласту литературного эссеизма, его изложению не чужд социологизм и психологизм, обстоятельное знание культурной и общей историографии восточных славян в контекстуальном европейском понимании. Все это свидетельствует о своеобразной, хотя теперь скорее исторической ценности этого обзора русской литературы, в котором особое внимание уделяется и пространственному аспекту (Киев – Москва – Санкт-Петербург – Москва),

т.е. воздействию российского пространства как динамического, гибкого фактора формирования культурного и литературного развития и процесса в смысле известного изречения П. Я. Чаадаева в его первом *Философическом письме* (1836) и в *Апологии сумасшедшего* (1837).

Й. Йирасек, хотя в его исследовании акцентируются, прежде всего, классические и традиционные черты русской литературы, не избегает и более глубокого фактографического изложения русской литературы нового времени и русского модернизма, который к нам попадал еще до первой мировой войны, но, главным образом, после двух революций 1917 г. и в годы Советской России и СССР, зачастую в подобии авангарда и авангардизма, связанных с левой идеологией. Тем ценнее независимые интерпретации Й. Йирасека, принимающего во внимание европейский контекст русской литературы и применяющего известный «вид издали и сверху», т.е. подчеркивающего определенную аксиологическую дистанцию. Это, разумеется, тесно связано с критическим пониманием русской литературы, русской действительности, а также политических структур России до и после первой мировой войны. Именно военные годы, находящиеся в традиционных русских изложениях скорее в тени революций и событий гражданской войны, зачастую идеологически искаженные, выступают тут как важный фактор, воздействующий на развитие русской литературы. Следует отметить, что у Йирасека они прослеживаются достаточно выразительно – новая русская история литературы свидетельствует о том, что подход Й. Йирасека был в этом отношении пророческим.[2]

В заключительных главах сочинения Ф. Вольмана *Славизмы и антиславизмы в весну народов* (1968)[3] удачно представлена реалистическая, трезвая глава *Русский панславизм у «братушек»,* начинающаяся с обстоятельного анализа сочинения Людовита Штура *Славянство и мир будущего* (в немецком оригинале *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft, Botschaft eines Slowaken vom Jahre 1855 an alle slawischen Völker*; рукопись, восходит, вероятно, к 1855 г., братиславское издание Йосефа Йирасека появилось в 1931 г.) и его русского контекста; все потом кульминирует так называемым эпитафом паснлавизма А. Пыпина (см. *Обзор истории славянских литератур,* 1865 г.). Интересно, что в то время как другие сочинения Штура надолго и зачастую были и до сих пор есть центром внимания исследователей, его наиболее противоречивое произведение становится объектом серьезного исследования только недавно. Тем важнее представляется успешная попытка Й. Йирасека заново издать и прокомментировать его в 30-е годы XX века, в период возрастающего международного напряжения накануне второй мировой войны. Необходимо добавить, что Йирасек всегда тонко чувствовал порывы истории, резко меняющиеся общественные условия, модифицирующуюся политическую атмосферу.

Вернемся, однако, к братиславскому изданию Штура с чешскими аннотациями на полях. Следует, прежде всего, понять поэтику оригинального названия и подзаголовка, т. е. *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft, Botschaft eines Slowaken vom Jahre 1855 an alle slawischen Völker*. Это, следовательно, призыв к народам, послание, письмо, в котором Штур обращается ко всем славянским народам, это визия, хотя утопическая, определенная программа, хотя не осуществимая, но исходящая из конкретного, может быть, слишком эмоционального анализа условий в определенный, кризисный момент славянской и словацкой истории. Противоречивые взгляды на это ключевое произведение Л. Штура, на это «опасное» и все время

провоцирующее произведение, которое усложняет роль историков и филологов и тревожит тех, кто тяготеет к более официозному образу творца словацкого литературного языка, свидетельствуют о том, что мы до сих пор не сумели воспринять его содержание и потенциальное влияние в целом, во всей широте его семантических проявлений и комплексе всех его значений.

Стало очевидным, что именно это произведение, которое впервые было издано на русском языке (издание Ламанского 1867 г., Гротта и Флоринского 1909 г., тогда превосходно совпало с возобновлением интереса к религиозной философии и неославянофильским идеям после разгрома первой русской революции – следует заметить, что, мимоходом говоря, это, как известно, и год – 1909 – издания сборника Вехи) и только позже появилось и на своем оригинальном, т. е. немецком языке (1931) благодаря Й. Йирасеку и очень поздно в словацком переводе (1993).

Братиславское издание Й. Йирасека[4] является, во многих отношениях, интересным. С одной стороны потому, что оно напечатано как второй том серии *Источники* Ученого общества им. П. Й. Шафарика, носителя чехословакизма первой Чехословацкой Республики и чешского влияния в столице Словакии, с другой, тем, что в издании принял участие, кроме Й. Бабора и О. Соммера, также известный богемист и словакист, работающий тогда в Братиславе, Альберт Пражак.[5] Издатель благодарит за помощь, между прочим, Министерство Народного Просвещения, Министерство Иностранных Дел, выдающихся ученых и культурных деятелей Альберта Пражака, Р. Голинку и Ш. Крчмеры, а также В. А. Францева, в прошлом профессора русского Варшавского университета, позже Карлова Университета, который свою библиотеку, как известно, подарил Славянскому семинару Университета им. Масарика, Р. Голинку и Ш. Крчмеры, т. е. выдающихся ученых и культурных деятелей.

Йосеф Йирасек (1884-1972) как видный чешский русист, словакист, славист а компаративист до сих пор, к сожалению, недооценивается, подобно другим исследователям периода первой Чехословацкой Республики. Как показано выше, он обладал чутьем в изучении сравнительного фона литературных явлений, сумел рассматривать литературу в более широком культурно-политическом контексте и, следовательно, таким образом он в определенном смысле предвосхищал современные ареальные и культурологические стремления интегрировать язык и литературу в более широкие культурные комплексы. Следует отметить и то, что он оставил нам до сих пор непревзойденное произведение *Россия и мы* (1945, 1946) и другие исследования, посвященные, например, роли Словакии.[6] Необходимо добавить, что хотя его позиция по отношению к Словакии была несколько устаревшей, его критический и реалистический взгляд все-таки позволил ему увидеть тенденции развития словацкой общественной мысли, которые проявляются здесь до сих пор. Роль Йосефа Йирасека в чешской славистике ждет своей новой оценки; эти мимолетные, скорее методологические замечания можно воспринимать как попытку обратить внимание на некоторые существенные черты его исследований.

Й. Йирасек, прежде всего, сомневается в подлинности русских изданий В. Ламанского (1867) и К. Гротта и Т. Флоринского (1909): „Pokud se týče překladu a obsahu, vzbudilo dílo po vydání druhého překladu mnoho pochybností. Především byly nápadné značné rozdíly mezi oběma překlady. Druhé vydání pozměňuje totiž nejen na některých místech smysl slovný i větný, avšak doplňuje prvé vydání i řadou přidaných vět, a to někde

i takových, jimiž se Štúrova příchylnost k carismu ještě zdůrazňuje.“[7] С другой стороны, он думает, что произведение Штура не подделка, объясняя его возникновение естественно на основе местных условий, европейской ситуации и французских, австрийских, немецких, а также английских идей середины XIX века. Йирасек положительно оценивает это произведение потому, что Штур в нем, по его мнению, методологически последователен: царскую автократию, т.е. самодержавие, самовластье он предлагает как наиболее подходящий вариант государственности для всех славян без исключения: „Přiznati však nutno Štúrovi, že je v této knize důsledný, neboť navrhuje absolutismus pro všechny Slovany bez rozdílu. Kolik jich bylo u nás, kteří jej obhajovali pouze pro Rusko a doma byli zastánci parlamentarismu! Štúr činil závěr ze dvou základních předpokladů, a to 1. na Západě přivedl slovanský demokratismus Slovany k záhubě, 2. na Východě pak absolutismus slovanský národ k sjednocení a vytvoření velké slovanské říše. 3. Ergo, přidržme se principu druhého, chceme-li Slovany pro jejich nesvornost a separatistické choutky zachránit. Proti tomu lze uvésti: tzv. demokratismus slovanský nebyl demokratismem, jak jej chápeme my, ale de facto absolutismem; lid sám měl na politickém rozhodování velmi málo účasti. Pokud se týče Ruska, je sice pravda, že se národ ruský dovedl podrobiti idei státu, že panovníci dovedli šťastnou rukou vytvořiti velikou, mocnou říši, avšak poměry byly sotva tak jednoduché, aby se dějiny Slovanů daly uvésti na toto jednoduché schema. Což málo zahynulo také jiných národů, např. germánských: Gótů, Vandalů, Herulů a Langobardů? Konečně nutno míti na mysli při vzniku a vývoji státu také poměry církevně-náboženské, národní, klimatické atd. Štúr je přesvědčen, že podmínkou řádného státu je mravní kvalita občanů; Štúr klade důraz zejména na obětavost. Mám za to, že právě demokracie vyžaduje ve zvýšené míře těchto mravních kvalit a občanských ctností; rozhodně daleko více než při absolutismu. Velmi důležitou věcí pro poznání Ľ. Štúra je otázka, z jakých čerpal pramenů. Pokud jsem je poznal, uvedl jsem je v poznámkách, a to pokud možná doslovným citátem. Mám za to, že tato konfrontace je nejjistější a nejpřesvědčivější. Obtíž právě při vyhledávání pramenů však spočívá v tom, že Ľ. Štúr skoro nikde necituje, často ani tam, kde je formálně i věcně závislý. Jak velký to rozdíl od Šafaříka! Ľ. Štúr vychází při své práci ze tří základních otázek, a to: 1. Jak se nám jeví Slované v minulosti, jaké mají chyby a přednosti a možno-li z toho usuzovat, že mají ve světové historii nějaké poslání. 2. Otázka tato vede ještě k širšímu tématu: jaké základní ideje a cíl projevuje historie lidstva vůbec v řadě prvé, Západ a Východ v řadě druhé a čím je posléze odlišný svět slovanský od ostatního světa neslovanského. 3. Jak možno po vysvětlení otázek předchozích dosáhnouti politického osvobození Slovanů. To je vlastně konečný účel jeho práce. Tím kniha stává se politickou.“[8]

Между прочим, Штур в трактате, написанном на немецком языке, противопоставляет Запад Востоку и на Западе находит много всяких пороков, в том числе нестабильность, неустойчивость и насильственные изменения.[9] Напротив, у русских Штур видит любовь к царю и самодержавию.[10] Для Штура также типична концепция русского языка как будущего единственного и общего литературного языка всех славян.

Настоящим шедевром Йсефа Йирасека является, однако, его *opus magnum*, т.е. *Россия и мы*, детальный, тщательный и материалом насыщенный анализ чешско- и чехословацко-русских отношений с их начала по 1914 год.[11] Методологию анализируемого автора, как уже частично иллюстрировано выше, можно охарактеризовать как смесь позитивистской акрибии, последовательного изучения ис-

точников со способностью популяризации и функционального упрощения. То, что является, на наш взгляд, самым существенным – это критический подход Йирасека к чешско-русским отношениям, с одной стороны, а, с другой, положительная оценка культурной миссии России в Центральной Европе в общем и в чешской и словацкой среде в особенности. Кроме того, значительное внимание здесь уделяется филологической стороне этих отношений, которые были и сейчас считаются ядром чехословацко-русского общения в прошлом и настоящем. Несмотря на временное давление, связанное с возрастающим влиянием СССР и его идеологии, Йирасек даже в эйфории после второй мировой войны сумел увидеть и темные стороны этих отношений, их односторонность, не замалчивая известный русско-чешско-польский треугольник. (Книге *Россия и мы* предшествовало исследование 1933 года *Чехи, Словаки и Россия*, в котором уже намечены почти все основные методологические подходы и объем материала).[12]

Несмотря на начальные этапы отношений, связанные с Великой Моравией, пржемысловской Чехией и Киевской Русью, их исходным интенциональным пунктом Йирасек по праву считает эпоху Просветительства, причем самым блестящим их этапом является, по его мнению, деятельность Й. Добровского. Интересно, что Йирасек заметил и менее известные черты характера исследователя, что бросается в глаза именно в связи с новыми подходами к его личности в контексте спорных гипотез о его авторстве *Слова о полку Игореве*.[13] Особое внимание уделяется личным отношениям ученых, политических и культурных деятелей, а также геополитическому контексту австрийско-чешско-русских отношений. Центром его изложений, именно с середины XIX века, является русский и славянский аспект политики чешской официальной репрезентации. Идейной доминантой исследования выступает идея чешской самостоятельности, независимости по отношению к России, критическое, несентиментальное отношение, которое противопоставлено романтическому пафосу раннего этапа чешского национального возрождения. В этом смысле Йосеф Йирасек продолжает особым образом идейную линию чешского реализма типа Т.Г. Масарика, идущую по следам К. Гавличека Боровского. Он, однако, видит и противоречия или же стремления чешских деятелей связать воедино романтический пафос о славянском величии, утопическом единстве во главе с Российской Империей и критический, трезвый подход. Таким образом, например, он описывает взгляды Й. Добровского: „Dobrovského názory na Rusko po stránce politické, kulturní a náboženské aj. je pro úryvkovitost jeho poznámek dosti těžko si zkonstruovat, nechceme-li je vyplňovat vlastními dohady. Poznámky samy však jsou břitké a vyznačují se bystrým postřehem: z nich na př. vidíme, že se nedal nijak uchvátit pravoslavnými ceremoniemi a byl v tom daleko střízlivější než sám Havlíček. Jak se díval na carský absolutismus, těžko říci; dozajista však byl proti politickému panrusismu; proto byl také proti rusifikaci Polska. Chválil-li Poláky pro vřelý jejich patriotismus a přál-li si, aby měli jen více vytrvalosti a rozvahy, zrovna tak byl proti jejich poruštění. A totéž myslil si o nás. ‚Snad by se mohlo pomýšleti též na ruštinu, až bychom se stali ruskými poddanými,‘ psal Bandtkemu,a měli čísti ukazy rusky a česky, ale zatím chceme ještě česky psáti, pokud čísti a psáti česky budeme moci.‘ A to psal muž, který byl nadšen velikostí Ruska, který v době svého vzrušení (таким образом, Йосеф Йирасек элегантно называет известные припадки маниодепрессивного психоза у Й. Добровского – замечание мое – ip) věřil, že bude vzkvétat české království i Polsko a že také carství

ruské se rozmnoží a rozšíří až k hranicím Persie a Indie, t. j. plémě slovanské dotkne se zpětným pochodem zemí, jež původně obývalo.“[14] С этим связаны и интерпретации Йирасека, касающиеся русского как единственного славянского литературного языка и возможностей использовать в русском языке латинский шрифт, которые затронули существенную часть чешской общественности в XIX веке и характеризовались большим подъемом эмоций. Более геополитический аспект содержат изложения Йирасека, относящиеся к середине XIX века. Речь идет о роковом 1848 году и польских восстаниях 1831 и 1863 гг., которые разделили чешское общество на два лагеря – полонофильский и русофильский.

В своем opus magnum *Россия и мы* Йирасек стал предшественником современных тенденций изучения языка и литературы на более широком культурно-политическом фоне – однако, не подчинил филологию истории или же историографии как «королеве наук», как иногда говорят сами историки. Он сумел отделить проблемы чисто филологические от политических и общеисторических, или, с другой стороны, увидеть их как совокупность явлений, в которой каждое явление освещает внутренним, глубинным образом другое. Реалистические исследования и рациональное изложение проблем свидетельствуют о том, что наша современная славистика имеет в Й. Йирасеке своего предшественника и вдохновителя в плане комплексной, тотальной славистики, исходящей из филологии, т.е. изучения языка и литературы, но трансцендирующей в сторону историографии, политологии, социологии, психологии, изучения менталитета, религии и т.д. Известно, что русские иногда недооценивают или, скорее, надеемся, недооценивали славистические и русистические исследования нерусских славистов и русистов, ограничивая их значение лишь областью их собственного языка и культуры и сферой взаимных русско-иностранных отношений или предполагая, что эти исследования имеют значение лишь для других наций. В случае Й. Йирасека мы стоим перед исследованиями, значение которых всеобщее, универсальное, так как компаративистские работы, как известно, позволяют осветить до сих пор малоизученные стороны объекта исследования, т.е., в конкретном случае, и саму русскую литературу, русский язык, их общекультурное значение и их европейскую миссию. В этом отношении необходимо и далее заниматься разными исследователями чешского прошлого – и так называемыми периферийными – серьезно, без преувеличений и эмоций, рационально, трезво и без идеологических барьеров.

Примечания:

[1] Jirásek J.: *Přehledné dějiny literatury ruské*. Josef Stejskal v Brně, Miroslav Stejskal v Praze 1945, 2-ое издание, 1946.

[2] См. Иванов, А. И.: *Первая мировая война в русской литературе 1914-1918 гг*. Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина, Тамбов 2005.

[3] См. нашу статью *Slavismy a antislavismy za jara národů Franka Wollmana: analýzy a přesahy*. In: Slavista Frank Wollman v kontexte literatúry a folklóru. I. Eds: Hana Hlôšková – Anna Zelenková. Bratislava – Brno 2006, s. 103-112. Перепечатано in: Slavica Litteraria, X 9, 2006, s. 85-93. См. также нашу статью *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft Ľudovíta Štúra*, edice Josefa Jiráska, Wollmanovy Slavismy a antislavismy za jara národů a jejich přesahy. In: Zrkadlenie/Zrcadlení. Česko-slovenská revue 2006, 4, 34-44.

[4] Štúr Ľ.: *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti*. Bratislava 1931.

[5] Его отношение к Словакии см. Pospíšil I. – Zelenka M.: *Literární historik Albert Pražák (Paměti jako poetika povinnosti a deziluze)*. In: Albert Pražák: Politika a revoluce. Paměti. Eds: Zelenka, M.– Kokoška, S. Praha 2004, c. 163-190.

[6] См., например, *Slovensko: jeho dejiny, pomery zemepisné a hospodárske, jazykové, literárne a kultúrno-politické. Malý sprievodca po Slovensku*. Bratislava 1922. *Slovensko na rozcestí: 1918-1938*. Brno 1947.

[7] Štúr, Ľ: *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft*, с. 3-4.

[8] Там же, с. 7-8.

[9] Там же, с. 132-133.

[10] Там же, с. 149.

[11] См. Jirásek, J.: *Rusko a my: dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1914*. Praha – Brno 1945, 1946.

[12] См. Jirásek, J.: *Češi, Slováci a Rusko: studie vzájemných vztahů československo-ruských od r. 1867 do počátku světové války*. Praha 1933.

[13] См. Keenan, E. L.: *Josef Dobrovský and the Origins of the Igor's Tale*. Cambridge 2004. I. Pospíšil: *Existence, struktura, rozpětí a transcendence staroruské literatury (Poznámky k některým metodologickým problémům)*. Slavica Litteraria, X 1, 1998, c. 27-37. Тот же: *Slovo o pluku Igorově v kontextu současných významů: Keenanova hypotéza a její souvislosti (K pokusu o „nové řešení" dávného problému původu Slova o pluku Igorově)*. Památce prof. Romana Mrázka. Slavica Slovaca, 42, 2007, 1, c. 37-48.

[14] Jirásek, J.: Rusko a my: dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1914. Praha – Brno 1946, I., c. 54-55.

Избранная литература

Jirásek, J.: *Slovensko: jeho dejiny, pomery zemepisné a hospodárske, jazykové, literárne a kultúrno-politické. Malý sprievodca po Slovensku*. Bratislava 1922.

Jirásek, J.: *Slovensko na rozcestí: 1918-1938*. Brno 1947.

Jirásek, J.: *Češi, Slováci a Rusko: studie vzájemných vztahů československo-ruských od r. 1867 do počátku světové války*. Praha 1933.

Jirásek, J.: *Rusko a my: dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1914*. Praha – Brno 1945, 1946.

Jirásek, J.: *Přehledné dějiny literatury ruské*. Praha 1945, 2 изд. 1946.

Keenan, E. L.: *Josef Dobrovský and the Origins of the Igor's Tale*. Cambridge 2004.

Pospíšil, I.: *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft Ľudovíta Štúra, edice Josefa Jiráska, Wollmanovy Slavismy a antislavismy za jara národů a jejich přesahy*. In: Zrkadlenie/Zrcadlení. Česko-slovenská revue 2006, 4, c. 34-44.

Pospíšil, I.: *Existence, struktura, rozpětí a transcendence staroruské literatury (Poznámky k některým metodologickým problémům)*. In: Slavica Litteraria, X 1, 1998, c. 27-37.

Pospíšil, I.: *Slavismy a antislavismy za jara národů Franka Wollmana: analýzy a přesahy*. In: Slavista Frank Wollman v kontexte literatúry a folklóru. I. Eds: Hana Hlôšková – Anna Zelenková. Bratislava – Brno 2006, s. 103-112. Перепечатано in: Slavica Litteraria, X 9, 2006, c. 85-93.

Pospíšil, I.: *Slavistika na křižovatce*. Brno 2003.

Pospíšil, I.: *Slovo o pluku Igorově v kontextu současných významů: Keenanova hypotéza a její souvislosti (K pokusu o „nové řešení" dávného problému původu Slova o pluku Igorově)*. Památce prof. Romana Mrázka. In: Slavica Slovaca, 42, 2007, 1, c. 37-48.

Pospíšil, I.: *Средняя Европа как перекресток литературоведческой методологии*. In: Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (Проблемы теоретической и исторической поэтики). Материалы международной научной конференции, часть 1. Гродно 1997, с. 3-10.

Pospíšil, I. – Zelenka, M.: *Literární historik Albert Pražák (Paměti jako poetika povinnosti a deziluze)*. In: Albert Pražák: Politika a revoluce. Paměti. Eds: Zelenka M. – Kokoška S. Praha 2004, c. 163-190.

Štúr, Ľ.: *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti*. Na základě německého rukopisu vydal v původním znění, s kritickými poznámkami a úvodem Dr. Josef Jirásek. Bratislava 1931.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Марек Пригода
Чехия, Прага

ПЕРЕКРЕСТОК ИСТОРИИ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ: ВЗЯТИЕ ПСКОВА В 1510 Г. И ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ

Abstract:
Historians and literary scientists have traditionally paid a great attention to the annexation of Pskov by the Moscovian state in 1510, for it was one of the essential landmarks in the unification process of the Russian lands initiated by Moscow. Despite diverse interpretations of the event, all scholars have referred to a common historical resource – the annals of the fall of Pskov preserved in two editions – Moscow edition and Pskov edition. Although the annals are of a great documentary value, they offer diverse evaluations of the events. A key term present in both editions is "starina" (tradition). Whereas for the author of the Pskov narrative the symbol of the "starina" is the assembly bell and liberties earned by Pskov in the past; from the perspective of the Moscow annalist the "starina" is the sovereign rule of the Grand Duke of Moscow over Pskov.

Key words:
Russian historiography, Soviet historiography, Pskov, Muscovite Russia, Old Russian literature, Russian chronicles, Russian history, medieval town.

Падению Пскова как одному из самых значительных моментов процесса собирания русских земель вокруг Москвы традиционно уделялось большое внимание в научной литературе. В историографии царской России при оценке событий 1510-го года наблюдается определенная тенденция к персонификации истории. Присоединение Пскова к Московскому государству толкуется как во многом личный акт московского государя, как исторический факт, зависящий от воли и решения конкретного правителя – Василия III Ивановича. Несмотря на все недостатки устройства и внутренней жизни этого города, историки испытывают к Пскову с его самобытностью некоторую симпатию и сочувствие. С другой стороны, конец его самостоятельности и ликвидацию псковского вече они воспринимают как необходимые шаги на пути к единству России и русской национальности, которые оправдывают экспансию Москвы.

Для Н.М. Карамзина вольность Пскова была *«несогласной с государственным уставом России»* [Карамзин 1819: 31]. Рассказ о падении города он начинает характерными словами: *«Утвердив спокойствие России, Василий решил судь-*

бу древнего, знаменитого Пскова». [Карамзин 1819: 30] Псков, по его мнению, *«уступил необходимости, но с каким-то благородным смирением, достойным людей свободных»* [Карамзин 1819: 45]. С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» оценивает ситуацию накануне событий 1510-го года следующим образом: *«Обезопасив себя со стороны Казани, Крыма, Литвы и Ливонии, Василий задумал порешить со Псковом, к чему подавали повод постоянные столкновения власти народной с властию наместника великокняжеского»* [Соловьев 1989: 226]. В.О. Ключевский в части своего «Курса русской истории», посвященной судьбе Новгорода и Пскова, также смотрит на их завоевание Москвой как на неизбежный результат исторического процесса: *«К половине XV в. образование великорусской народности уже завершилось; ей недоставало только единства политического. Эта народность должна была бороться за свое существование на востоке, на юге и на западе. Она искала политического центра, около которого могла бы собрать свои силы для этой тяжелой и опасной борьбы»* [Ключевский 1988: 96]. *«Уничтожение особности земских частей независимо от их политической формы было жертвой, которой требовало общее благо земли, теперь становившейся строго централизованным и однообразно устроенным государством, и московский государь явился исполнителем этого требования»* [Ключевский 1988: 97].

Автор большой монографии по истории Пскова, А.И. Никитский, анализируя исторические источники, в том числе летописные известия о завоевании Пскова Москвой, пытается определить отношение самих псковичей к происходящему. Псковичи, говорит автор, *«смотрели на падение Пскова не как на акт безусловного насилия, а скорее как на следствие собственных внутренних беспорядков, как на результат кричания на вече, отсутствия всякой солидарности между согражданами и неумения управляться даже с простым домашним хозяйством, а не то что руководить строением государства»* [Никитский 1873: 307]. Но задумываясь над причинами, которые вызвали падение Пскова, Никитский-историк утверждает, что оно «*истекало не из внутреннего неустройства, а было необходимым следствием исторического хода вещей, равно независимого как от Пскова, так и от его победоносных противников, великих князей Московских; являлось естественным выводом из противоречия между стремлением к отдельному местному существованию [...] и чувством национального единства»* [Никитский 1873: 308].

Вопреки сильной критике дореволюционной историографии со стороны советских историков и литературоведов, наблюдается определенное сходство между взглядами историков царской России и их советских критиков на события 1510-го года в Пскове. В научной литературе советского времени нередко под двигателем истории понимается не потребность национального единства или укрепления самодержавия, а необходимость, в основе которой лежат экономические условия и общие тенденции развития общества, мало зависящие от отдельных исторических деятелей. Деперсонификация исторического процесса превращает элиту Пскова, с одной, и московского государя, с другой стороны, в представителей классовых интересов или абстрактных исторических сил. Концепт единого исторического пути русской истории, подкрепленный представлением о закономерности случив-

шейся ликвидации самостоятельности Пскова, ведет авторов к оценке столкновения Пскова и Москвы как победы прогрессивных исторических сил.

Примечательной в данном контексте можно считать статью В.И. Герасимовой, посвященную присоединению Пскова к Московскому государству. Описывая отношения Новгорода, Пскова и Москвы, Герасимова заключает, что *«борьба Новгорода и Пскова, с одной стороны, а Москвы – с другой, представляли собой борьбу двух начал: отживающей феодальной раздробленности и возникающей феодальной концентрации. В этой борьбе неизбежно должно было подебить второе, прогрессивное начало»* [Герасимова 1948: 113]. Москва и Псков являются представителями двух противоположных тенденций *«отживающей, тянувшей назад ко временам феодальной обособленности, и новой, успешно утверждающейся и ведущей к объединению местных областей вокруг всероссийского центра – Москвы»* [Герасимова 1948: 130]. «*Москва*, – утверждает Герасимова, – *стояла во главе того нового, что шло на смену феодальной раздробленности, она играла роль ведущей силы в процессе формирования великорусской нации. Именно поэтому перед ней не могло устоять ни одно русское княжество, в том числе и Псковская феодальная республика*» [Герасимова 1948: 131].

Н.М. Масленникова, автор работ по истории Пскова и псковской литературы, находит предпосылки присоединения Пскова к Московскому государству в экономической сфере: *«К концу XV в. в Пскове, как и во всей Русской земле, созрели экономические условия, требовавшие образования единого Русского централизованного государства»* [Масленникова 1951: 214]. События 1510-го г. были *«подготовлены всей предшествующей историей Пскова»* [Масленникова 1955: 110] и *«были завершением длительного процесса постепенного уничтожения псковского веча»* [Масленникова 1955: 111]. Результатом торжества Москвы, по мнению Масленниковой, являлось укрепление феодального порядка: *«Только вмешательство московского правительства могло помочь феодалам удержать господство»* [Масленникова 1955: 112].

Несмотря на все расхождения при попытках проследить корни событий 1510-го года и определить их место и значение в ходе русской истории, историки и литературоведы прошлого ссылаются на летописные сведения и иногда просто их пересказывают. Естественно, возникает вопрос, насколько поздние рассуждения вытекают напрямую из источников или насколько они предопределены мировоззрением самих ученых. Обращаясь к летописным текстам, мы должны отметить, что повести о падении Пскова содержат не только богатый фактографический материал, но и попытки их авторов дать свою оценку исторических событий и найти их причину.

Повесть о падении Пскова дошла до нас в двух независимых друг от друга редакциях – московской и псковской. Что касается последней, заметны определенные различия между ее ранними и поздними списками. Особняком стоит летописное известие, которое стало частью Псковской III летописи (Строевский список), предполагаемым автором которого является игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий. Московская и псковская редакции повести сохраняют основную последовательность событий, которая привела к падению Пскова (приезд великого князя в Новгород – пленение псковской делегации – приезд великокняжеского дьяка Долматова во Псков – решение псковичей подчиниться воли Василия III – снятие

вечевого колокола – торжественное прибытие Василия III во Псков). Однако, восприятие событий авторами летописных рассказов и их отношение к происходящему существенным образом отличаются.

Неизвестный автор повести псковского происхождения, которая читается в составе Псковской I летописи, несмотря на противоречивые чувства, с которыми он описывает московско-псковские отношения, считает Псков древним великокняжеским владением.[1] Псковичи называют Василия III во время его приезда в город *«государем»* и *«царем всея Руси* (*царь всеа Русии*)» [Насонов 1941: 95], то есть сами присваивают ему звание (*государь*), которое еще в 1477-ом году стало поводом для конфликта между Москвой и Новгородом. В критический момент, когда псковичи должны выбрать между сопротивлением великому князю и открытием городских ворот, проявляется трагическая безысходноть положения Пскова. Жители вольного города отказываются нарушать свою присягу великому князю.[2] В этот момент им не остается ничего другого, как надеяться, что московский государь также в свою очередь будет соблюдать свои обязательства и свою присягу Пскову.[3] В конце повести появляется критика новых московских порядков и администрации.[4] С негодованием летописец относится к выселению знатных псковичей из города.[5] Случившееся несчастье он считает Божьей карой за внутренние разногласия и неспособность управлять своим городом.

Критика великого князя и политики Москвы в отношении Пскова усиливается в более поздних списках псковской редакции летописной повести (Архивский 2-ой список). Появляется введение к повести, где подчеркиваются древняя самостоятельность Пскова[6] и постоянные конфликты между наместниками великого князя и жителями Пскова. Неизвестный автор введения ставит падение Пскова в контекст экспансии Москвы, которая, в его понимании, началась с присоединения Суздальского княжества и вехами которой являются завоевание Новгорода и Твери. В тексте повести, по сравнению с Псковской I летописью, усилено негативное отношение к поступкам самого великого князя.[7] В конце своего рассказа летописец с горечью добавляет: *«И тогда отъятся слава псковская, и бысть пл5ненъ не иноз5рными, но своими единоз5рными людьми»* [Насонов 1955: 257]. События после отмены веча он характеризует как *«Пскову начальное первое пл5нение»* [Насонов 1955: 258].

Самого острого критика московская политика в отношении Пскова нашла в лице игумена Корнилия. Его летописное известие, написанное в 60-ых годах XVI века, содержит список обвинений в нарушении старины, адресованных Василию III.[8] Пользуясь библейским текстом, Корнилий даже отождествляет Московское государство с апокалиптическим царством.[9]

Другую оценку событий находим в московской редакции повести, написанной неизвестным автором в 10-ых годах XVI века. С целью подчеркнуть значение Москвы и ее правителя летописец уже в начале своего рассказа называет Василия III Ивановича *«государем всея Руси* (*государь всеа Русии*)» и Москву *«царствующим градом»* [Масленникова 1955: 185]. Автор сказания стремится доказать, что нарушителем старины во взаимных отношениях Москвы и Пскова является не великий князь, а жители Пскова. В отличие от псковской повести, первым со своей жалобой к Василию Ивановичу обращается великокняжеский наместник. По словам летописи, *«псковичи держат его нечестно – не потому, как наперед того держали*

и чтили великого князя наместников, и дела государские делают не попрежнему, в суды, и в пошлины, и в оброки, и во всякие доходы у него вступаютца, и людем его ото пскович бесчестно и насильство великое» [Масленникова 1955: 185]. Автор московской повести в гораздо большей степени, чем псковский летописец, мотивирует действия великого князя разногласиями и конфликтами в самом Пскове.[10] Такой подход к событиям открывает возможность преподать политику Василия III как закономерную и единственно возможную в данной ситуации. Изменения, которые происходят в Пскове после уничтожения веча – это *«милость и жалование»* [Масленникова 1955: 188] со стороны московского государя, усилие великого князя устроить свою отчину.

При описании событий 1510-го года для авторов как псковской, так и московской редакции повести ключевым является понятие *старины*. Для псковского летописца неотъемлемая часть этой старины – вече, символом которого был вечевой колокол. В сцене его снятия находим слова *«и начаша псковичи, на колокол смотря, плакати по своеи старине и по своеи воли»* [Насонов 1941: 94]. Примечательно, что московская редакция лишена подобных отступлений.

Как и в случае со сказаниями о присоединении несколькими десятилетиями раньше Новгорода к Московскому государству, в летописных повестях о падении Пскова можно найти и противоположное понимание термина «старина». С точки зрения псковича, «старина» – это набор тех прав и привилегий, которые Псков приобрел в течение своей истории. Совсем по-другому видит «старину» московский автор: древней в его сознании является полнота власти великих князей над отдельными частями Руси, в том числе и над Псковом, причем представление о великокняжеской власти отождествляется с московскими правителями. Подобное толкование старины в отношении к ранее самостоятельным частям Русской земли совсем не случайно и не единично; оно подготовлено предыдущей московской литературой и дано новой ролью, которую Москва начала играть в северо-восточной Руси.

Использованная литература:

Герасимова, В.И.: *Присоединение Пскова к Московскому централизованному государству*. Ученые записки Государственного Педагогического института им. А.И. Герцена, том 78. Ленинград 1948.

Карамзин, Н.М.: *История государства Российского. Том VII*, издание второе, исправленное. Санкт-Петербург 1819.

Ключевский, В.О.: *Сочинения в девяти томах. Том II. Курс русской истории. Часть II*. Москва 1987.

Кукушкина, М.В.: *Новый список Повести о Псковском взятии*. In: Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (16) 1960, с. 473-476.

Масленникова, Н.Н.: *Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства*. In: Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (8) 1951, с. 187-217.

Масленникова, Н.Н.: *Присоединение Пскова к русскому централизованному государству*. Ленинград 1955.

Никитский, А.И.: *Очерк внутренней истории Пскова*. Санкт-Петербург 1873.

Повесть о псковском взятии. In: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века, Москва 1984, с. 364-375.

Полное собрание русских летописей. Том 4. Санкт-Петербург 1848.

Псковские летописи. Выпуск 1. Приготовил к печати А. Насонов. Москва – Ленинград 1941.

Псковские летописи. Выпуск 2. Под редакцией А. Н. Насонова. Москва 1955.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV - XVI в.). Часть 2 (Л – Я). Ленинград 1989.

Соловьев, С.М.: *Сочинения. Книга III. История России с древнейших времен*. Тома 5 – 6. Москва 1989.
Тихомиров, М.Н.: *Описание Тихомировского собрания рукописей*. Москва 1968.

Примечания:

[1] «*[Б]огъ волен да государь, отчина есме его была изстари отцов его и д5довь его и прад5дов его [...]*» [Насонов 1941: 95].

[2] «*[П]омянуша крестное целование, что не мощно рука воздвигнути против государя [...]*» [Насонов 1941: 93].

[3] «*[Т]ако в нас написано в л5тописцех с прадеды его и з д5ды и со отцем его крестное целование с великими князьми положоно, что нам псковичам от государя своего великого князя, кои ни будеть на Москве, и нам от него не ити ни в Литву ни в Н5мцы; а нам жити по старине в добровольи; а мы псковичи отъидем от великого князя в Литвоу или в Немцы, или о себ5 оучнем жити без государя, ино на нас гн5в божии, глад и огнь и потоп и нашествие поганых; а государь нашь князь великии тое крестное целование не учнеть на соб5 доржати, ино на него тот же об5тъ, которыи на нас, коли нас не учнеть доржати в старине [...]*» [Насонов 1941: 94].

[4] «*И у нам5стников и оу их тиоунов и оу дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлет5ло на небо, и кривда начаша в них ходити, и быша немилостивы до пскович; а псковичи б5дныя не в5даша правды московския*» [Насонов 1941: 96].

[5] «*И тогда отъятца слава псковска*». [Насонов 1941: 95].

[6] «*От начала убо Руския земли сеи убо град Псковъ ни коим же князем владом б5, но на своеи воли живяху в немъ сущии людие*» [Насонов 1955: 253].

[7] «*И прислал князь великии дияка Третьяка Далматова з жалованным со льстивымъ словомъ [...]*» [Насонов 1955: 255].

[8] «*[О]бычеи псковскои переменилъ, и стариноу пороушилъ, забывъ отца его и дедовъ его слова и жалованья до пскович и кресного целованиа, да вставилъ свои обычеи и послины новыя оуставилъ [...]*» [Насонов 1955: 225].

[9] «*А все то за наше съгр5шение такъ богъ вел5л быти. Зане же написано Пакалиспеи глава 54: пять бо цареи миноуло, а шестыи есть, но не оу бе пришелъ; шестое бо царство именоует в Роуси Скивскаго острова; си бо именоует шестыи, и седьмы по томъ еще, а осмыи антихристъ*» [Насонов 1955: 225].

[10] «*[П]онеже бо тогда бо Пскове быша мятежи, и обиды, и насилие велико черным и мелким людем от посадников псковских и бояр [...]*» [Масленникова 1955: 187].

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Ивана Рычлова
Чехия, Прага

«ЧИТАТЬ И ЧЕСТНО НЕ ПОНИМАТЬ» ... М. УГАРОВ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Abstract:
The literary text, which plays an important role in the start-up phase of the creation of the performance, is afterwards going to be only a part of other sensuous structure. There are many contemporary Russian plays with dynamic elements in the structure (in this report it is called the relativistic drama), that dramatic technique always makes interpreting the plays on the stage so difficult and hence challenging. In that case we can discuss, which method of the interpretation is correct. A variety of methods may be available.

Key words:
Literary text, performance, sensuous structure, contemporary Russian plays, method of interpretation.

В своем докладе я хотела бы обратить Ваше внимание на область, которой постоянно, и, по моему мнению, несправедливо, не уделяется столько внимания, сколько она заслуживает – это русское театральное искусство, театральная культура и русская драматургия как таковая.

Современная русская драматургия – это сложное пространство, в котором параллельно сосуществуют разные тенденции и направления. Трудно сказать, которые из них можно считать доминирующими. Есть авторы-драматурги, произведения которых связаны с окружающей нас реальностью[1] и есть такие драматургические тексты, смысл которых уже никак не связан с пред-существующей реальностью.[2] Этими факторами в основном определяется интерпретационный подход к конкретному тексту, пьесе.

Не в силах рассмотреть в ограниченном докладе эту, на мой взгляд, по отношению к интерпретации очень разнообразную сферу. Чтобы показать, как интересны современные интерпретационные подходы в области русской драматургии, я выбрала для более подробного анализа пьесу *Газета Русский инвалидъ за 18 июля* (1994) современного русского драматурга Михаила Угарова (1956). Причины, которые привели меня к избранию именно этой пьесы как примера, очень просты: размышляя о неоднозначности драматургического произведения, о современной

русской пьесе с очень сильной структурной и смысловой зависимостью от точки зрения интерпретатора, приходят на ум (мне кажется) чаще всего три имени: Нина Садур, Олья Мухина и Михаил Угаров (дальше Ксении Драгунской, Елены Греминой, Марии Арбатовой, Елены Исаевой и других). Пьесы Садур и Мухиной в определенной степени чешскому зрителю известны, но об Угарове можно без всякого преувеличения сказать, что хотя его часто и охотно ставят не только в России, а во всей Европе, чешскому зрителю он мало знаком.

Действие пьесы *Газета Русский инвалидъ за 18 июля* (1994) очень просто: в пьесе нет никакого драматического конфликта.[3] Главный герой пьесы Иван Павлович – литератор, автор мелких заметок, печатающихся в одном из самых захудалых изданий, газете «Русский инвалид». Этот человек пережил разрыв с любимой женщиной и вот уже два года не выходит из дома.

Пьесу Михаила Угарова можно отнести к типу драматургии, где большинство структурных элементов пьесы динамичны (иногда ее называют – по аналогии с делением физики на классическую и релятивистскую – «релятивистской драмой»). В указанном типе драматургии очень сильная структурная и смысловая зависимость от точки зрения интерпретатора/режиссера, она определяет поэтику сценической интерпретации текста.

Авторская ремарка – особая разновидность произведения драматургического жанра, своего рода текст в тексте, апеллирующий к иному способу восприятия, становится полноценной частью текста произведения. Рассмотрим драму *Газета Русский инвалидъ за 18 июля*. Пьеса начинается с огромной ремарки автора (одна с половиной страницы густым маленьким шрифтом), совсем в духе Шоу, Гюго, Ростана:

> *Занавес.*
> *Сцена представляет собой не богатую и не бедную гостиную московского дома.*
> *В глубине гостиной – ф о н а р ь из пяти окон, с мелкими оконными переплетами. В фонаре – сад, где есть финиковая пальма с пожелтевшими концами перьев, она произошла когда-то из косточки, брошенной в землю неизвестно кем. [...]*
> *Высокие напольные ч а с ы с ленивым медным маятником, с тяжелыми гирями. Они орехового корпуса, с башенным боем недельного завода. В башенке часов обустроена целая сцена, где райское дерево из жести с райским яблоком на нем. У дерева Адам и Ева. Жестяная Ева сначала срывает яблоко с дерева, а потом подает его Адаму. Жестяной Адам печален и задумчив. А из-за дерева, покачивая головою, выглядывает змей. Жесть местами тронута ржавчиной. [...]*
> *А п и с ь м е н н о г о с т о л а не видно, он за шармами. Лишь когда зажигают на нем свечи – смутно вырисовываются его очертания. Глобус с вмятиной на Африке и на Аляске, с выпуклостью на Туркестане. На столе чернильный прибор в виде тургеневской охотничьей собаки: изгибами своего тела она облегла две узкогорлые черниленки, а лапу положила на перочистку. Зеленое сукно залито по левую руку чернилами, пятно вышло видом с зайца с двумя ушами. [...]*
> *Широкие и тяжелые д в е р и, с медными ручками и защелками. Открываются они с шумом, с протяжным скрипом. В детстве хорошо было ка-*

таться не этих тяжелых дверях. [...]
Полукорпусом выступающая из стены ребристого кафеля печь [...]
Легкие ш и р м ы расписаны узкими подводными травами. А рыбы больше похожи на птиц... [4]

Дальше автор подробно описывает: диван черной кожи, черной кожи кресло, сиденье его когда-то было распорото, порез пришелся буковкой У, большую люстру, теперь затянутую белой марлей, бухарский ковер с драконами, черный буфет с отделениями для серебра, для вин, для сладостей...

Эта суперремарка воспринимается поначалу едва ли не пародийным приемом. Но когда финальный монолог героя рождается у нас на глазах из начальных перечислений всех тех вещей, что окружают героя и составляют его мир, его реальность, мы уже понимаем, что значат для него эти мельчайшие подробности. Вместе с ним мы любим это кресло и этот письменный стол. Они стали действующими лицам этой странной драмы. Ремарка здесь является чем-то в роде микроскопа, она укрупняет, цементирует разрозненные сцены, а затем и оживает, становясь действующим словом (Авторская ремарка в начале пьесы становится в конце пьесы отдельными частями постепенно развивающегося заключительного монолога героя):

Иван Павлович. [...] На письменном столе глобус с вмятиной на Африке и на Аляске. Он дважды падал, один раз Африкой, другой раз Аляской. От чего сделалась выпуклость на Туркестане... Зеленое сукно залито по левую руку чернилами, пятно вышло с зайца с двумя ушами. Его лучше прикрыть локтем, когда пишешь. Потому что, когда видишь этого зайца, думается совсем не о том. О другом...[5]

Можно сказать, что у указанного типа драматургии, где нет системы завязка-развитие-кульминация, где авторская ремарка оживает, становясь действующим словом (иногда постепенно становится отдельными частями постепенно развивающихся монологов героев) смысл лежит впереди своего прочтения, и никто не является владельцем этого смысла - ни драматург, ни режиссер, ни актер. Он сам находит себя в то мгновение, когда многочисленные зрители становятся не толпой, но публикой. Это – процесс. Уравнивая в правах действительное и вымышленное, игра приводит к ситуации неограниченного числа значений произведения: ведь его смысл уже никак не связан с пред-существующей реальностью. Постмодернистское игровое пространство стало поистине бесконечным. В многозначном смысловом пространстве спектакля зритель выбирает свою версию из числа возможных интерпретаций– поэтому итог зрелища он рассматривает уже как свою собственную находку, как результат собственного свободного выбора. *«Расчет тут прежде всего на то, что для зрителя или адресата сообщения вступит в действие его свобода – выражение внутреннего существа человека, его спонтанного творческого порыва»*.[6]

Заключение

Если модернисты боролись с традициями, то постмодернизм возвестил о возможности мирного сосуществования и взаимодействия любых традиций. В постмодернистском сознании всякое отрицание и отторжение рассматривается как незаконная претензия на монопольное обладание истиной. Все, включая традиции,

способно стать поводом для начала игры и превратиться в энергию новых, еще невиданных смыслов. Является общеизвестным фактом, что «с приходом постмодернизма наступает эпоха, когда в отношениях между искусством и смыслом исчезает какая-либо однозначность: *«теперь это отношение чисто игровое»*.[7] По словам Угарова, пьеса *Газета Русский инвалидъ за 18 июля…* зашифрована по законам игры: игры временем (несмотря на то, что в пьесе указано, что действие происходит в России во второй половине XIX века, время здесь понятие условное, поскольку *«любовь, измена – это вневременные понятия, и они одинаковые что в XIX-м, что в XXI-м веке»*),[8] игры словами, игры, литературными и театральными формами. Однако по мнению автора, постмодернистские изыски иронии не мешают этой истории любви оставаться трогательной мелодрамой, понятной зрителям.[9]

О том, какой интерпретационный подход к текстам *«релятивистской»*[10] современной русской драматургии считать правильным, можно спорить. Ввиду этого позвольте мне закончить мое выступление словами Михаила Угарова: *«Нужно только сосредоточиться, сесть поудобнее […] Читать и честно не понимать, и не бояться этого. В непонимании есть свое удовольствие»*.[11] Чтобы избежать дезинтерпретаций своих пьес, Угаров часто ставит свои пьесы сам.[12] *«У меня ключ к разгадке» и «нет противоречий с автором»*.[13]

Примечания:

[1] Так наз. «новая драма» («новая драматургия»), молодая генерация русских драматургов (В. Сигарев и др.), которая является своеобразным аналогом популярной британской *coolness* драматургии, драматургии, преодолевающей долголетние табу (насилие, проституция, наркотики, связь двух людей одного пола…), отражающей современный мир как галактику одиночества.

[2] Напр. пьесы О. Мухиной, Н. Садур, М. Угарова и др.

[3] Это вытекает из факта, что в бесконечном пространстве современной русской драматургии, мы видим практически полное отсутствие так называемой «хорошо сделанной пьесы». Я имею в виду – с традиционных позиций аристотельского понимания драмы: современные русские пьесы обладают очень странной, дискретной, разорванной структурой; у большинства этих пьес (именно молодых авторов, т.е. авторов, которых причисляют к «новой драме») нет системы завязка – развитие – кульминация.

[4] Угаров, М.: *Газета Русский инвалид за 18 июля…* In: Драматург, 1/1993, с. 31.

[5] Угаров, М.: *Газета Русский инвалид за 18 июля…* In: Драматург, 1/1993, с. 47.

[6] *Как всегда – об авантгарде*. Антология французского театрального авантгарда. М. 1992, с. 8.

[7] Там же, с. 7.

[8] http://old.radiomayak.rf.ru/culture/06/03/14/45058.html .

[9] Подробнее см. там же. Главный герой пьесы пережил разрыв с любимой женщиной, которая бежала с ним за границу, а потом вдруг бросила, и вот уже два года герой не выходит из дома. Теперь возлюбленная вновь находит его, клянется в любви и умоляет повторить побег. Но два года добровольного плена многое изменили в нем. Герой пьесы Иван Павлович не хочет быть персонажем любовного сюжета, а хочет быть автором своей жизни. Несмотря на то, что в пьесе указано, что действие происходит в России во второй половине XIX века, время здесь понятие условное. Поскольку любовь, измена – это вневременные понятия, и они одинаковые что в XIX-м, что в XXI-м веке. (Там же.)

[10] Мы имеем в виду драматургию, где большинство структурных элементов динамичны и взаимозависимы – в нашем докладе так наз. «релятивистская драма»

[11] Разговор с драматургом. In: http//old.radiomayak.

[12] См. напр. постановка пьесы *Газета Русский инвалидъ за 18 июля* в московском театре Et Cetera (премьера 14 марта 2006), постановка пьесы *Облом офф* в московском Центре драматургии и режиссуры Алексея Казанцева и Михаила Рощина… Там же.

[13] Там же.

Использованная литература:

Бахтин, М.: *Эстетика словесного творчества*. Москва 1979.
Богин, Г.И.: *Филологическая герменевтика*. Калинин 1986, с. 6.

Гадамер, Х.-Г.: *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. Москва 1990.
Гусев, С.С., Тульчинский, Г.Л.: *Проблема понимания в философии. Философско гнозеологический анализ*. Москва 1985.
Как всегда – об авантгарде. Антология французского театрального авантгарда. Вступительная статья, перевод и комментарии Сергея Исаева. Москва 1992.
Лотман, Ю. М.: *Структура художественного текста*. Москва 1970.
Мир искусства. Статьи. Беседы. Публикации. Москва 1991.
Пави, П.: *Словарь театра*. Москва 1991.
Поляков, М. А.: *Вопросы поэтики и художественной семантики*. Москва 1986.
Станиславский, К. С.: *Собрание сочинений в девяти томах*. Москва 1989-1999.
Угаров, М.: *Газета Русский инвалидъ за 18 июля*... In: Драматург, 1/1993, с. 30-49.
Успенский, П. Д.: *В поисках чудесного*. Санкт-Петербург, 1992.
Шкловский, В.: *Искусство как прием*. Москва 1983.
Aristoteles: *Poetika*. Praha 1996.
Eco, U.: *Meze interpretace*. Praha 2004.
Mikulášek, M.: *Hledání duše díla v umění interpretace*. Ostrava 2006.
Mukařovský, J.: *Studie z estetiky*. Praha 1966.
Rozik, E.: *The languag of the theatre*. Glasgow 1992.
Szondi, Peter.: *Teória modernej drámy*. Bratislava 1969.
http//old.radiomayak

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Юлия Геннадьевна Семикина
Россия, Волгоград

МИФОЛОГЕМА ВОДЫ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»

Abstract:
The article is devoted to the problem of creating artistic reality in the novel "Kukotskiy's case" by Ludmila Ulitskaya. The author of the novel uses mythological and poetical symbols of water and sand so as to create additional associative links among different episodes of the text. This artistic device helps Ludmila Ulitskaya to join the work of art with the context of world's culture and literature. It is necessary for readers of the novel to understand different aspects of religious consciousness in all levels of the work of art (philosophical, aesthetic, artistic).

Key words:
Mythological, symbol, water, sand, being, non-existence, motif, birth, death, space, spiritual experience, destiny.

В романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» прослеживается тесная связь хронотопа с мифопоэтическими символами воды и песка, которые, в свою очередь, являются своеобразными скрепами в произведении, соединяющими в единое целое сцены описания реального бытия и инобытия. Вода в романе является не просто символом, а в большей степени мифологемой. В самых различных мифологиях она – первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса, это среда, агент и принцип всеобщего зачатия и порождения. Но зачатие требует как женского, так и мужского начала; отсюда два аспекта мифологемы воды. В роли женского начала вода в мифах выступает как аналог материнского лона и чрева, в роли мужского начала вода ассоциируется с плодотворящим мужским семенем, заставляющим землю «рожать» [Аверинцев 2003: 240]. Мифологема воды связана в большей степени с теми частями романа, в которых изображается бытие. Во второй части произведения («сон» Елены Георгиевны об инобытии, о жизни после смерти) функции воды выполняет песок («*Песок медленно перекатывался с места на место, тек, как сухая вода, но очертания этой бледной земли почти не менялись*» [Улицкая 2003: 191]). Ему присущ тот же мифологический контекст, что и воде. Двоякость мифологемы воды (а потом и песка) воплощается в романе в супружеской чете. Павел Алексеевич являет собой мужское порождающее начало

(символична профессия героя произведения – врач, помогающий ребенку появиться на свет или лишающий ребенка жизни). То есть он в некотором роде может быть сопоставлен с мифологическим богом-творцом. Елена Георгиевна, соответственно, олицетворяет собой женское начало в романе. В тексте не раз подчеркивается, что Павел Алексеевич и Елена Георгиевна подходят друг другу, словно две половинки, но по трагическим обстоятельствам в бытии они не могут иметь детей. В инобытии рождение их детей в тексте представлено гипотетической возможностью (у Елены Георгиевны обновленное тело и детородные органы восстановлены).

Мотив рождения и перерождения (как духовного, так и физического) связан в произведении с мифологемой воды, которая является границей между мирами – реальным и потусторонним. Беременная женщина может быть вместилищем иного, мифического пространства (ребенок рождается и переходит из мифического пространства в реальное). Павел Алексеевич Кукоцкий часто размышлял о своей сакральной роли в этом процессе. Вода может отождествляться с землёй как другим воплощением женского начала. Так возникает возможность в контексте романа сопоставить воду с песком в пустыне из сна Елены Георгиевны. Мифологема воды в романе Л. Улицкой имеет еще одну грань: вода – это свет в различных его проявлениях (в системе противопоставлений жизнь – смерть, свет – тьма).

Интересен тот факт, что дети в инобытии развиваются, хоть и не совсем обычным способом, но все же в воде:

«Озеро было совсем небольшим, округлым и как будто слегка выпуклым. Его синяя вода была подвижной и искрилась. [...] Она поболтала немного руками, что-то тихо сказала и поднялась, держа в руках нечто, как сперва показалось, стеклянное. Оно искрилось. Катя сунула этот слиток света, воды и голубизны в руки Бритоголовому. Он принял это в сомкнутые ладони и прошептал:

– Ребенок...» [Улицкая 2003: 209].

Это не простые дети, а души нерожденных и абортированных детей. Они, в соответствии с идеей автора должны дозреть (т.е. завершить цикл своего развития) и снова прийти в мир.

В произведении Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» мифологема воды выполняет в тексте различные функции, т.к. этот мифопоэтический образ-символ связан с понятиями судьбы, рождения, пространства, времени, жизни и смерти. Еще одной ипостасью воды в тексте романа является небо. В мифологии небо считалось символом вселенской гармонии и порядка. Небо также ассоциировалось с безбрежным морем или с рекой. Соотносясь со значением «пропасть, пучина, зияние», небо сочетается с понятиями «жизнь» и «смерть». Все явления жизни подчиняются определенным циклам: день — ночь, жизнь — смерть (жизнь человека, природы, Вселенной и их смерть и новое рождение). Основные герои романа подсознательно периодически соотносят свою жизнь с жизнью Вселенной (это происходит тогда, когда они сморят в небо). Небо в инобытии из сна Елены Георгиевны является границей между мирами. «Рожденные» дети (или дозревшие души детей), а также персонажи, выполнившие в пустыне свое предназначение, переходят в другое измерение именно через небо, которое представляет собой плотную материю. О душе ребенка: *«Шар легко оторвался от ладони и, как пузырек воздуха в воде, поплыл вверх... покуда не достиг какой-то невидимой преграды, возле которой замедлился, уперся в нее, с усилием пробил и исчез, оставив после себя звук лопнувшей*

пленки и унося в сердцевине своего существа воспоминание о преодолении границы раздела двух сред...» [Улицкая 2003: 212].

О новом рождении Длинноволосого:

«Он не заметил, как ласковый смерч поднял его вверх, над зыбкими конструкциями, а потом еще выше, так высоко, что не было вокруг ничего, кроме белесого тумана. [...] Одновременно он уперся всем своим существом в упругую мембрану, с некоторым напряжением пробил ее и вышел наружу, храня в себе отзвук лопнувшей пленки...» [Улицкая 2003: 257].

В жизни обыденной дети развиваются в чреве матери в воде, а в инобытии взрослые персонажи получают новое рождение чаще всего в песке.

«Песок медленно перекатывался с места на место, тек, как сухая вода, но очертания этой бледной земли почти не менялись. [...] Женщина задрала подол и удивилась, увидев свои ноги – они были в грубых трещинах. Кожа около трещин заворачивалась розовыми пересохшими трубочками. Она постучала по ним, и они отлетели, точь-в-точь как краска со старых манекенов. Она с удовольствием начала обскребать эту засохшую краску, из-под которой сыпалась грязная гипсовая пыль, и внутри открывалась новая молодая кожа. [...] И высвободились пальцы ног — новые, розовые, как у младенца. [...] Руки тоже были покрыты сухой пыльной коркой, она потёрла их, и выпростались тонкие длинные пальцы, без утолщений на суставах, без выпуклых темных вен, — как из перчаток...

«Как славно, — подумала она. — Я теперь как новенькая».

И нисколько не удивилась. Она встала на ноги и почувствовала, что стала выше ростом. Остатки старой кожи песчаными пластами упали к ногам. Она провела рукой по лицу, по волосам — все свое, и все изменившееся. Песок хрустел под ногами, каблуки увязали в песке» [Улицкая 2003: 192].

Таким образом, пустыня, в которой оказываются герои произведения и по которой они идут как бы бесцельно, может ассоциироваться в контексте романа с материнским чревом. В утробе матери человек проходит разные стадии развития, т. е. он выполняет особое «задание». Развитие всех детей во чреве унифицировано законами природы. В инобытии каждый персонаж романа, попавший в это пространство, имеет индивидуальное задание, порой ему самому неизвестное. Из текста романа читателям становится ясно, что это задание связано с предыдущей жизнью. Иудей произнес ключевые слова, объясняющие смысл пути после смерти: «*Всем надо заново родиться. Заново родить себя...*» [Улицкая 2003: 221].

Герои переходят в инобытии в другое состояние только после испытания: они должны перейти по железному мосту странной конструкции через каменное русло иссохшей реки. Мост в мифопоэтической традиции является средством связи между разными ипостасями сакрального пространства. Мост является наиболее сложной частью пути для персонажей, находящихся в инобытии, поскольку он является последним испытанием, которое открывает путь в иное, более совершенное пространство и время, в другой жизненный цикл. В контексте сна Елены Георгиевны мост соотносится с фольклорным мотивом, в соответствии с которым, пройдя через мост, души умерших людей попадают в рай. [Аверинцев 2003: 176-177].

Персонажи произведения Людмилы Улицкой также, пройдя через мост, попадают физически и духовно в иное пространство, которое можно было бы назвать

раем, и переживают физическое перерождение (духовное и физическое перерождение они отчасти переживают и процессе пути). Манекен, например, был духовно и физически не готов к переходу в качественно иное пространство и время, поскольку не исполнил свое предназначение. В соответствии с мифопоэтической традицией герой не может пройти испытание, если он к нему не готов. Именно поэтому Манекен упал с моста и разбился.

Переправа через реку в мифопоэтической традиции обозначает завершение подвига, обретение нового статуса, новой жизни, связанной с рождением или перерождением, переход в качественно иное пространство [Аверинцев 2003: 376]. Именно эти смыслы и реализовались в романе в сцене перехода героев по мосту через русло высохшей реки.

Как уже отмечалось ранее, для понимания ценностных смыслов в произведении Л. Улицкой особое значение имеет вторая часть романа, в которой говорится о событиях, происходящих с персонажами в инобытии. Очень важен тот факт, что именно эта часть произведения в большей степени перекликается с эпиграфом и отражает его значение: «*Истина лежит на стороне смерти*» Симона Вайль. Каждый из героев произведения, находясь в бытии, ищет свою истину, отражающую смысл его жизни: служение науке, людям, вера в Бога, поиски внешней и внутренней свободы и т.д. Основные персонажи произведения (Павел Алексеевич, Елена Георгиевна, Илья Гольдберг, Василиса, Сергей и др.) познают до конца истину, смысл жизни только в инобытии (во сне Елены Георгиевны), когда они «рождают себя заново».

В этом ином пространстве, как в зеркале, отражены события, реалии, истинные и ложные ценности бытия (т.е. земной жизни). В земной жизни, как отмечено в произведении, «*Как будто смерть всегда скрывается внутри человеческого тела, только сверху прикрытая живой плотью*» [Улицкая 2003: 10]. В течение жизни человек приобретает духовный опыт, но физически стареет, т.е. его плоть умирает, а в инобытии плоть возрождается, а человек получает ответы на все важные для него вопросы. Персонажи произведения, находившиеся в ином мире, не получили знание истины автоматически, по факту смерти, как назидание, а должны были сами понять ее во время своего пути в пустыне, преодолевая своего рода испытания. В ином мире жизнь проявляется сквозь смерть, т.е. действует обратный принцип: человек не умирает, а наоборот оживает. Интересен и тот факт, что когда персонажи, пребывая в инобытии, проходили процесс перерождения у них были другие имена: Бритоголовый, Новенькая, а когда они прошли по мосту и оказались в другом пространстве, соответствующем в тексте романа раю, им были «возвращены» имена: Павел Алексеевич, Елена Георгиевна.

В произведении Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» мифологема воды выполняет в тексте различные функции, т.к. этот мифопоэтический образ-символ связан с понятиями судьбы, рождения, пространства, времени, жизни и смерти.

Использованная литература:

Аверинцев, С.С.: *Вода*. In: Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. Москва 2003, Т. 1., с. 240.
Улицкая, Л.: *Казус Кукоцкого*. Москва 2003.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Эльжбета Тышковска-Каспшак
Польша, Вроцлав

ОБРАЗ «ПОСТОРОННЕГО» В ПРОЗЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

Abstract:
In Russian prose of the second half of 20th century appears the type of the hero, who, analogically to the essay of A. Camus, can be called "the stranger". This character feels an alien in the world of absurd existence. This article deals with such type of literary hero in the prose of S. Dovlatov.

Key words:
Modern Russian literature, S. Dovlatov, A. Camus, absurd.

Тип героя постороннего, отчужденного от мира стал весьма популярным в русской прозе в конце 50-х годов XX столетия. Решающее значение для формирования такого рода персонажа имел опыт двух мировых войн и разочарование коллективистской системой. Сущность коммунизма и нацизма состояла в мужестве быть частью группы, которое система давала человеческим массам, живущим под угрозой небытия. Отдавая коллективу экзистенцию индивидуального, «я» получало больше, ибо его бытие содержалось в бытии группы.[1] Кризис неоколлективизма обозначал возрастающее осознание индивидуальности, что, в свою очередь, порождало чувство отчужденности от мира и собственной уникальности среди других людей. Свойственное героям чувство одиночества и тревоги, которое преследует их на протяжении всей жизни, связывают этот тип героя с мыслью французских экзистенциалистов, в особенности Альберта Камю.

Сходство с экзистенциальной философией можно заметить в произведениях многих русских прозаиков 60-х – 80-х годов. Оно выражено также в текстах Сергея Довлатова – писателя, на первый взгляд так далекого от философии. Его творчество отказывается от философских терминов, а онтологическую истину представляет как истину переживаний личности. Ж.-П. Сартр в цикле статей *Что такое литература?* (1947) писал, что в XX веке «человек исторический обретает статус метафизический», соответственно, возникает литература «конкретной универсальности», литература «глобальных обстоятельств», исторической относительности и нравственного абсолюта, тотальных сомнений, мучительных вопросов,

литература, поглощаемая существованием. Принцип «конкретной универсальности» позволяет дозировать конкретно-исторический материал, менять способы его воссоздания, вплоть до сатирических.[2] Именно юмористическая анекдотическая форма прикрывает экзистенциальное содержание произведений Довлатова. Он наблюдает за героем, ставя его в предельные ситуации: одинокая экзистенция испытывает вину, страх, смерть; переживает зло, делая зло, и ощущает зло, которое делают другие.

Как для всех экзистенциалистов, так и для писателя, одной из главных является проблема отчуждения и связанные с ней проблемы свободы, возможности выбора, насилия, ответственности и вины, случайности и необходимости. Герой Довлатова, как и человек экзистенциалистов, одинок. Он пытается активно участвовать в жизни и одновременно бежит от мира, так как мир делает его беспомощным. Хотя конструкция автобиографического героя довлатовской прозы неоднородная, можно заметить отчетливое сходство некоторых элементов его образа с концепцией человека абсурдного, подробно разработанной Камю в философском эссе *Миф о Сизифе*, которая нашла свое художественное воплощение в *Постороннем*.

Оба произведения французского философа стали известны в Советском Союзе в конце 50-х годов. Ленинградский режиссер Борис Понизовский писал: «*В 1957-1959 гг. в нашей среде ходили по рукам затрепанные копии самодельных переводов, фрагментов или даже целиком, нашумевших на Западе книг в духе экзистенциализма («Тошнота» Ж.П. Сартра, «Чума», «Миф о Сизифе» – А. Камю, «Лысая певица» – Э. Ионеско, а особенно модной была пьеса С. Беккета «Ожидая Годо»-)*».[3] Повесть Альберта Камю *L'étranger* (1937-1940, опубл. 1942) появилась в русском переводе Георгия Адамовича в 1966 году в парижском издательстве «Victor» под заглавием *Незнакомец*. В 1968 году журнал «Иностранная литература» напечатал повесть Камю в переводе Норы Галь. Она называлась *Посторонний*. Второй *Посторонний* напечатан в однотомнике Камю, выпущенном издательством «Прогресс» в 1969 году в переводе Наталии Немчиновой.[4] *Миф о Сизифе*, который стал для русских писателей основным источником сведений об экзистенциалистском абсурде, долгие годы был известен лишь в самиздатском переводе Рида Грачева.[5]

Современная экзистенциальная мысль представляет человека как «бытие в ситуации». Центральной категорией такого мышления является экзистенциальный опыт, заключающийся в осознании трагизма человеческого существования. Герои художественных произведений Камю становятся воплощением открытых философом основополагающих установок сознания. Мерсо – главный персонаж *Постороннего* – человек абсурдный, претворяющий в конкретную ситуацию действительности мифологическую конструкцию Сизифа (*Миф о Сизифе*). Он совершенно одинокий, не принимает ритуалов, которым следуют люди, не принимает он и их этики, и их страданий и привязанностей. Само название повести фиксирует мироощущение героя – он чужой и посторонний. Мерсо равнодушен к жизни в привычном и в этическом смысле, вплоть до того, что отбрасывает все ее измерения, кроме единственного – своего собственного существования. Ж.-П. Сартр в статье *Объяснение «Постороннего»* трактует персонаж Камю как совершенно особую породу, требующую иных понятий, нежели привычные категории добра и зла, и принадлежащую к абсурду: «*Что же такое абсурд как порядок вещей, как исходная данность? Не что иное, как отношение человека к миру. Абсурдность изначальная*

– прежде всего разлад, разлад между человеческой жаждой единения с миром и непреодолимым дуализмом разума и природы, между порывом человека к вечному и конечным характером его. «Именно мой, пусть и ничтожный, разум противопоставляет меня всему сущему». Таким образом, название нашего романа уже отчасти проясняется: посторонний – это человек перед лицом мира. Кроме того, посторонний – это также и человек среди других людей. «Бывают дни, когда... посторонней кажется даже женщина, которую любил». И наконец, посторонний – это я сам по отношению к себе, иными словами, это человек как природное существо, поставленный перед лицом собственного сознания: «Посторонний – это тот, кто, в иные мгновения, является нам в зеркале».[6]

Многие черты абсурдного человека применил Довлатов в конструкции своего персонажа – герой его прозы одинокий, потерявшийся в непонятном мире и чужой среди людей. Его отчужденность писатель подчеркивает неоднократно. Главный герой прозы Довлатова – alter ego писателя – посторонний почти во всех кругах, социальных и профессиональных средах: *«Он был чужим для всех. Для зеков, солдат, офицеров и вольных лагерных работяг. Даже караульные псы считали его чужим.»*[7] *«В казарме его уважали, хоть и считали чужим. А может, как раз поэтому и уважали.»*[8] *«В университете я быстро ощутил себя чужим. Студенты без конца распространялись о вещах, не интересовавших меня.»*[9]

Чувство отчужденности преследует его и как ребенка (*Наши*), и как начинающего писателя (*Невидимая книга*), и как редактора газеты (*Компромисс*) и как эмигрантского писателя (*Филиал*, *Ариэль*, *Игрушка*). Поведение и даже внешний вид героя чаще всего неадекватны обстоятельствам, в которые он попадает, причем его чуждость не исходит из ощущения исключительности – это мир отталкивает его, ставя перед ним непонятные правила. Директор Пушкинского заповедника корил его: «*Своими брюками, товарищ Довлатов, вы нарушаете праздничную атмосферу здешних мест...*»,[10] редактор газеты жаловался: *«Вы нас попросту компрометируете.»*[11]

Усилия героя приспособиться к условиям действительности, раствориться в ней, достичь гармонии, стали главной темой прозы писателя. Автобиографический персонаж его произведений мечтает покинуть свою отчужденность: «*Ася познакомила меня с друзьями. ... Я хотел быть в этом кругу своим человеком.»*[12] Попытки преодолеть барьер абсурда мира Довлатов образно представляет во всех своих текстах, но самое яркое изображение этой борьбы находим в *Компромиссе*. Уже само заглавие внушает мысль о существовании двух полюсов – это реальный мир и внешний мир героя. Между ними пропасть различия и непонимания, но компромисс со стороны главного персонажа, пытающегося достичь правды о мире и смириться с ним, в каждом рассказе кончается для него проигрышем. Столкновения ожиданий человека с миром порождает абсурд, который содержится в пространстве этой конфронтации. Однако иногда происходит сдвиг в сторону мира, в связи с чем он представляется человеку чужим и враждебным: «*Все кругом сумасшедшие. Какой-то непрекращающийся странный бред...*»[13] Как у Камю, так и у Довлатова, герой не может смириться с абсурдом, одновременно считая его основной категорией действительности: «*Декларируется в общем-то единственная банальная идея – что мир абсурден.*»[14] «*Вместо желаемой гармонии на земле царят хаос и беспорядок.*»[15]

В интервью американскому исследователю русской литературы Джону Глэду Довлатов говорил: «*Я пытаюсь вызвать у читателя ощущение нормы. Одним из серьезных ощущений, связанных с нашим временем, стало ощущение надвигающегося абсурда, когда безумие становится более или менее нормальным явлением.*»[16] На самом деле в текстах писателя не изображается норма, а лишь ее желание, тоска по ней.

Для абсурдиста мир сам по себе не абсурден, он просто неразумен, так как является внечеловеческой реальностью, не имеющей ничего общего с нашими желаниями и нашим разумом. Это не значит, что мир непознаваем, иррационален. Камю достаточно высоко ставит эмпирическое познание, методы науки. Но научные теории – это всегда гипотетические конструкции человеческого ума. В мире нет окончательного, последнего смысла, мир не прозрачен для разума, он не дает ответа на самые настоятельные вопросы. Люди заброшены в этот мир, конечны и смертны, и на вопрос о цели существования, о смысле всего сущего наука не дает никакого ответа. Не дала его и вся история философской мысли – предлагаемые ею ответы являются не рациональными доказательствами, но актами веры.

Конструкция «человека абсурда» создана Камю для полемики, которая ведется прежде всего против религиозного подхода к человеку, а также против учений, навязывающих человеку моральные нормы извне – согласно предписаниям общества, заповедям религии и т.д. «*Абсурдный человек готов признать, что есть лишь одна мораль, которая не отделяет от бога: это навязанная ему свыше мораль. Но абсурдный человек живет как раз без этого бога.*»[17] Довлатовский герой также живет в мире, в котором религиозная надежда умерла.[18] Писатель подчеркивает это в *Зоне*, в которой повествователь признается: «*Вы знаете, я человек не религиозный. Более того, неверующий. И даже не суеверный*»,[19] а на вопрос зека: *«Как ты думаешь, Бог есть?»* отвечает: *«Маловероятно»*.[20] Писатель в самые тяжелые моменты жизни искал веру, но не находил. В 1984 году он писал И. Ефимову: «*[...] приступы депрессии учащаются, именно депрессии, то есть беспричинной тоски, бессилия и отвращения к жизни [...] Главная моя ошибка – в надежде, что, легализовавшись как писатель, я стану веселым и счастливым. Этого не случилось. Состояние бывает такое, что я даже пробовал разговаривать со священником, но он, к моему удивлению, оказался как раз счастливым, веселым, но абсолютно неверующим человеком.*»[21]

Довлатов ставит своего героя перед вопросом: как жить без высшего смысла и без благодати? Его герой не находит защиты от абсурда жизни в религии, а в его существовании не действуют привычные нормы. Из абсурда следует и отрицание универсальных этических норм. Довлатовский повествователь приходит к выводу, что добро и зло, как абсолютные категории, не существуют: *В нормальных же случаях, как я убедился, добро и зло – произвольны.*[22] *Меня смешит любая категорическая нравственная установка. Человек добр!.. Человек подл!.. [...] Человек человеку... как бы это получше выразиться – табула раса... [...] Человек способен на все – дурное и хорошее...*[23] Сартр писал о герое Камю, что он *не добр и не зол, не нравствен и не безнравствен. О нем нельзя судить в подобных категориях: он принадлежит к совершенно особой породе, которую автор обозначает словом абсурд.*[24] Также повествователь довлатовской прозы убежден в этическом релятивизме, последствием чего является отрицание осуждения людей и их поступков.

В *Наших* отец автобиографического героя корит знакомого: *– Кто же тебя, Аркадий, поставил судьей? Что значит – плохие, хорошие? Почему это решал именно ты? Разве ты Христос!... (Последняя фраза, я уверен, когда-нибудь зачтется моему отцу).*[25] А в *Соло на IBM* Довлатов выражает эту мысль непосредственно: *Легко не красть. Тем более не убивать... Куда труднее – не судить... Подумаешь – не суди! А между тем «не суди» это целая философия.*[26]

Человек абсурда абсолютно свободен, потому что в абсурдном мире нет Бога, нет смысла, есть лишь одна истина — истина смерти. Роман Камю *Посторонний* со смерти начинается, смерть — центральная точка повествования и его финал. Финал, в ракурсе которого все оценивается. В канун казни Мерсо раскрывает свою философию: рано или поздно, старым или молодым, каждый умрет, разделив участь всех прочих смертных: *«Ну и что ж, я умру. Раньше, чем другие, – это несомненно. Но ведь всем известно, что жизнь не стоит того, чтобы цепляться за нее. В сущности, не имеет большого значения, умрешь ты в тридцать или в семьдесят лет, – в обоих случаях другие-то люди, мужчины и женщины, будут жить, и так идет уже многие тысячелетия.»*[27]

Смерть стала также существенной темой творчества Довлатова.[28] В его повествовании с экзистенциальной рефлексией связан страх перед смертью. Чаще всего подавляемый и скрываемый писателем, но порой он все-таки приобретает вербальную форму:

– Почему ты злой?
– Потому что жизнь одна. Прошла секунда, и конец. Другой не будет...[29]

Размышления о бренности человеческого существования, неизбежности смерти особенно четко проявились в *Зоне*, *Компромиссе* и *Иной жизни*. Довлатовский человек абсурда считает смерть единственной истиной, неизбежностью, «целью» жизни. В *Зоне* подчеркивается прежде всего равенство людей перед лицом смерти и ее неожиданность (например, смерть заключенного Бутырина). В новеллах *Компромисса* появляется страх смерти и попытки героя смириться с неминуемостью конца жизни. В *Компромиссе одиннадцатом* анекдот о похоронах номенклатурного сотрудника эстонского телевидения – Ильвеса послужил Довлатову для изображения собственной смерти. Замена тел покойников, составляющая стержень сюжета, отвлекает читателя от самой существенной замены, когда повествователь занимает место мертвеца.

Другой аспект проблемы смерти заключается в проблеме суицида. Камю выдвигает вопрос о самоубийстве на первое место в философии абсурда. В *Мифе о Сизифе* он пишет: *Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии.*[30] Если для абсурда необходимы человек и мир, то исчезновение одного из этих двух полюсов означает и прекращение абсурда. По мнению философа, самоубийство представляет собой бегство от абсурда, его ликвидацию. Такое бегство от абсурда изображает Довлатов в повести *Иная жизнь*, где главный герой стал свидетелем серии самоубийств, совершенных так же неожиданно, как неожиданно и внезапно человеком овладевает осознание абсурда. Все эти смерти представлены в одной главе, названной *Что бы это значило?* Смысл прожить жизнь писатель поддает сомнению и в *Компромиссе*. Этот вопрос обсуждают повествователь и фотограф Жбанков:

– *Знаешь, что я тебе скажу, – отозвался Жбанков, – не думай. Не думай, и все. Я уже лет пятнадцать не думаю. А будешь думать – жить не захочется. Все, кто думает, несчастные...*
– *А ты счастливый?*
– *Я-то? Да я хоть сейчас в петлю! Я боли страшусь в последнюю минуту. Вот если бы заснуть и не проснуться...*
– *Что же делать?*
– *Вдруг это такая боль, что и перенести нельзя...*[31]

Еще одной важной темой в философии существования является тема человеческой коммуникации, взаимообщения или интерсубъективности. Довольно много места в своих рассуждениях Камю отдает проблеме любви. «*Чувство, связывающее нас с некоторыми людьми,*» – пишет он в *Мифе о Сизифе*, «*мы называем любовью лишь соответственно некоей общепринятой точке зрения, за которую ответственны книги и легенды.*»[32] И параллельно читаем в *Постороннем*: «*Она спросила, люблю ли я ее. Я ответил, что слова значения не имеют, но, кажется, любви к ней у меня нет.*»[33] Мерсо – человек, лишенный привязанностей. Его встречи с женщиной оказываются лишь средством от скуки. Поражает его поведение на похоронах матери: он наблюдает за происходящим с полным равнодушием.

Такое же безразличие можно заметить в отношениях довлатовского героя и его жены. Писатель создал три версии истории их брака (*Наши, Заповедник, Чемодан*), а в каждом удивляет особая пассивность, апатия обоих уже в самом начале их знакомства: «*Таня взошла над моей жизнью, как утренняя заря. То есть спокойно, красиво, не возбуждая чрезмерных эмоций. Чрезмерным в ней было только равнодушие. Своим безграничным равнодушием она напоминала явление живой природы...*»[34] Это безразличие писатель считал чуть ли не единственным интегратором их брака: «*Кругом возникали и с грохотом рушились прекрасные, таинственные миры. Как туго натянутые струны, лопались человеческие отношения. Наши друзья заново рождались и умирали в поисках счастья. А мы? Всем соблазнам и ужасам жизни мы противопоставили наш единственный дар – равнодушие.*»[35] Герой замечает также, что на самом деле любовь – понятие весьма относительное: «*Собственно говоря, я даже не знаю, что такое любовь. Критерии отсутствуют полностью.*»[36] В отличие от произведения Камю, это безразличие для довлатовского повествователя не является состоянием вполне нормальным: «*Мои дела ее не интересовали. Я тоже не задавал ей вопросов. Безумие приобретало каждодневные, обыденные, рутинные формы.*»[37] «*Все понимаю... Все, кроме этого нормализованного сумасшествия...*»[38]

Для экзистенциалистской философии и литературы характерна двойственность: с одной стороны, отсутствие смысла, ведущее к отчаянию, страстная критика этой ситуации, а с другой – попытка перековать тревогу отсутствия смысла в мужество быть собой. Абсурдный человек, пишет Камю, «*ничего не предпринимает ради вечности и не отрицает этого. Не то, чтобы ему вообще была чужда ностальгия. Но он отдает предпочтение своему мужеству и своей способности суждения. Первое учит его вести не подлежащую обжалованию жизнь, довольствоваться тем, что есть; вторая дает ему представление о его пределах. Уверившись в конечности своей свободы, отсутствии будущности у его бунта и в бренности сознания, он готов продолжить свои деяния в том времени, которое ему*

отпущено жизнью. Здесь его поле, место его действий, освобожденное от любого суда, кроме его собственного. Более продолжительная жизнь не означает для него иной жизни.»[39]

Творчество Довлатова наполнено тем же экзистенциалистским духом. В образе его автобиографического героя выражена тревога отсутствия смысла, тяжесть проживания своей жизни, своей индивидуальности, своей отдельности. Но свобода личности включает в себя и способность жить в страдании, связанной с осознанием своей конечности. Эту мысль выражает один из героев *Чемодана*: «*До нашего рождения – бездна. И после нашей смерти – бездна. Наша жизнь – лишь песчинка в равнодушном океане бесконечности. Так попытаемся хотя бы данный миг не омрачать унынием и скукой! Попытаемся оставить царапину на земной коре.*»[40]

Посторонний, отчужденный от мира герой принимает абсурд как истину действительности и это сближает его с «человеком абсурда» Камю. Указанные выше элементы связывают мысль Довлатова с философией экзистенциализма, но надо подчеркнуть, что его герой неоднородный и изменчивый и проявляет также свойства, не совпадающие с образом созданным Камю.

Примечания:

[1] Tillich P.: *Męstwo bycia*. Przeł. H. Bednarek. Poznań 1994, s. 111.

[2] Сартр, Ж.-П.: *Что такое литература?* <http://www.lib.ru/SARTR/s_literatura.txt>

[3] Нусберг, Л.: *Штрихи о Борисе Понизовском (Конец 1950-х)* [в:] *Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны»*. Ньютонвилл 1983, т. 2А, с. 179-186, [цитирую за:] Савицкий, С.: *Андеграунд. История и мифы неофициальной ленинградской литературы*. Москва 2002, с. 149.

[4] Яхнина, Ю.: *Три Камю* <http://www.vavilon.ru/noragal/yahnina.html>

[5] Савицкий С.: op. cit., с. 152.

[6] Сартр, Ж.-П.: *Объяснение «Постороннего»,* перевод с французского Л. Андреева и Г. Косикова <http://reliquarium.by.ru/html/fiction/sartre/etranger.shtml>

[7] Довлатов, С.: *Зона*, [в:] idem, *Собрание сочинений в 3-х томах*. Санкт-Петербург 1995, т. 1, с. 44.

[8] Ibidem, с. 45.

[9] Довлатов, С.: *Филиал*, [в:] idem, *Собрание*..., т. 3, с. 128.

[10] Довлатов, С.: *Чемодан*, [в:] idem, *Собрание*..., т. 2, с. 271.

[11] Ibidem.

[12] Ibidem, с. 250.

[13] Довлатов, С.: *Виноград*, [в:] idem, *Собрание*..., т. 2, с. 349.

[14] Довлатов, С.: *Зона*..., с. 28.

[15] Ibidem, с. 56.

[16] Глэд, Д.: *Беседы в изгнании*. Москва 1991, с. 86.

[17] Камю, А.: *Миф о Сизифе. Эссе об абсурде* <http://www.philosophy.ru/library/camus/01/0.html>

[18] О религии в творчестве Довлатова см.: Мотыгина, Ж. Ю.: *Религиозно-философские предпосылки творчества С. Довлатова*. In: *Художественная литература и религиозные формы сознания*, ред. Т.Ю. Громова, Г.Г. Исаев, С.Ю. Мотыгин. Астрахань 2006, с. 193-196.

[19] Довлатов, С.: *Зона*..., с. 171.

[20] Ibidem, с. 48.

[21] Довлатов, С., Ефимов, И.: *Эпистолярный роман*. Москва 2001, с. 305. Письмо от 27 июля 1984 года.

[22] Довлатов, С.: *Зона*..., с. 63-64.

[23] Ibidem, с. 88.

[24] Сартр, Ж.. П.: *Объяснение «Постороннего»*...

[25] Довлатов, С.: *Наши*, [в:] idem, *Собрание*..., т. 2, с. 202.

[26] Довлатов, С.: *Соло на IBM*, [в:] idem, *Собрание*..., т.3 с. 307.

[27] Камю, А.: *Посторонний*, Перевод Н. Немчиновой [в:] idem, *Сочинения*, Москва 1989, с.77-78.

[28] Теме смерти в творчестве Довлатова я посвятила отдельную статью: *Жить вредно, от этого умирают... (Тема смерти в русской прозе второй половины XX века).* In: *Язык и культура,* Киев (в печати)

[29] Довлатов, С.: *Компромисс*, [в:] idem, *Собрание*..., т. 1, с. 257.

[30] Камю, А.: *Миф о Сизифе*...
[31] Довлатов, С.: *Компромисс*..., с. 255.
[32] Камю, А.: *Миф о Сизифе*
[33] Камю, А.: *Посторонний*..., с. 38
[34] Довлатов, С.: *Заповедник*, [в:] idem, *Собрание*..., т. 1, с. 367.
[35] Довлатов, С.: *Чемодан*..., с. 311.
[36] Довлатов, С.: *Заповедник*..., с. 373.
[37] Довлатов, С.: *Наши*..., с. 233.
[38] Довлатов, С.: *Чемодан*..., с. 311.
[39] Камю, А.: *Миф о Сизифе*...
[40] Довлатов, С.:*Чемодан*..., с. 253.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Инга Фархатова
Россия, Москва

ЧЕЛОВЕК И ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО (ПО РОМАНУ Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»)

Abstract:
In her article Man and the Total state I. Farkhatova reviews the investment of E. Zamiatin in the world literature. The author of the article emphasizes the multilayer genre structure of the novel We, makes the analysis of its ideological and descriptive content. The whole analysis proceeds from the fact that E. Zamiatin was the founder and the ideologist of the genre anti-utopia.

Key words:
Zamiatin, We, genre, structure, ideological content, anti-utopia, Total state.

Жанр утопии получил свое название после появления написанного в 1516 году романа Томаса Мора «Утопия», в котором была создана модель идеального государства. И если на протяжении веков, еще со времен Платона, человечество стремится к своей утопической мечте, то в XX веке, приблизившем осуществление этой «мечты», актуальными становятся произведения-предостережения, реакции на утопии.

Основоположником нового жанра, получившего название антиутопия, по праву можно назвать одного из ведущих русских прозаиков первой трети 20 века Евгения Ивановича Замятина, автора фантастического романа-предупреждения «Мы».

Написанный всего за несколько недель 1920 года – года разгула военного коммунизма, времени жестокости, насилия, оправданного высшей целью, роман сыграл роковую роль в жизни и судьбе Замятина, лишив его Родины и дав ему всемирную славу.

Творческая история романа сложна и драматична. Впервые в сокращенном варианте роман был опубликован за рубежом, вызвав истинную бурю негодования в среде апологетов «пролетарской культуры». Травля Замятина собратьями по перу стала первой , но, увы, далеко не последней в истории советской литературы. В 1931 году Замятин был вынужден покинуть Россию. Вне родины писатель прожил недолгие шесть лет. Он умер в Париже в 1937 году.

Вклад Замятина в мировую литературу огромен. Он стал создателем нового жанра, ставшего антитезой утопическому роману. Писатель положил начало целой традиции, которая блестяще воплотилась в творчестве его соотечественников и современников. В 20-е годы появляются «Роковые яйца» и «Собачье сердце» М. Булгакова, «Чевенгур», «Город Градов», «Котлован» А. Платонова, «Зависть» Ю. Олеши. Дальнейший ход истории не дал развиться жанру антиутопии в отечественной литературе. Однако о силе и значимости жанра в литературе мировой может свидетельствовать перечисление лишь некоторых имен и названий: Дж. Оруэлл «1984», О. Хаксли «О дивный новый мир», В. Сирин-Набоков «Приглашение на казнь», Р. Бредбери «451 по Фаренгейту».

Говоря о жанровой природе замятинского романа, нельзя не отметить многослойности его жанровой структуры. Большинство утопий, да и некоторые антиутопии, больше походят на публицистические или философские трактаты, чего нельзя сказать о романе Замятина. Перед нами высокохудожественное произведение, объединившее в своей жанровой структуре антиутопию, лирический роман о любви, философский роман о Человеке и его месте в Мире. Удивительно точна оценка, данная роману А.И. Солженицыным: *«Художественно-ярко до ослепительности. Социально провидчески... но это вовсе не только политический памфлет. Люди (нумера) настолько живые, что просто волнуешься за них...»* [Солженицын 1997: 186].

Говоря об особенностях жанра романа «Мы», нельзя не иметь в виду и того, что *«категория времени более существенна в идейно-художественной структуре романа, чем категория места, пространства»* [Горбанев 2001: 6]. Действительно, автор не акцентирует внимания на месте действия, ясно только, что это Земля. Фантастично время (приблизительно 21 век), и этот факт позволил Н. Горбаневу определить жанр романа как ухронию.

В основе идейного содержания романа лежит трагедия превращения человека в винтик системы, номинальную единицу Государства, опасность полного растворения «Я» в безликом, лишенном фантазии, «принудительно осчастливленном» «мы». В основу произведения положен классический конфликт – столкновение долга и чувства, разума и сердца. Идейно-художественный замысел Замятина позволяет проследить процесс борьбы «Я» главного героя, его духовного начала с разумом – символом Единого Государства.

Принцип антитезы составляет структурную основу романа. Настоящее Единого Государства на протяжении всего романа противопоставляется прошлому «диких эпох» на всех уровнях, начиная от архитектурных особенностей улиц и жилищ, заканчивая принципами функционирования государства. Даже сугубо интимная сексуальная сфера человеческих отношений в Едином Государстве регламентирована и противопоставлена стихийно бушующим чувствам прошлых, «отживших эпох». Высший гуманизм позиции Замятина заключается в его глубокой убежденности в бессмысленности и нелепости попыток убить в человеке, пусть даже насквозь идеологизированном, способность к чувствам: любви, нежности, жертвенности, преданности, страсти. Чтобы лишить человека этих проявлений его духовной сущности, надо сделать его недочеловеком, превратить в машину, механизм, ампутировать сознание и фантазию.

Уже с первых страниц произведения в Д-503, несмотря на его глубокую веру в незыблемость Единого Государства и правомерность его законов, намечается некоторая раздвоенность. Строитель Интеграла, без сомнения, личность неординарная, мыслящая, творческая, доказательством чему служит бережное отношение к нему Благодетеля и Хранителей. Неординарность героя опровергает один из основополагающих постулатов Единого Государства, стремящегося к нивелировке своих Нумеров (нумера живут в одинаковых стеклянных комнатах с одинаковой мебелью, носят одинаковые юнифы, противопоставленные «фантастическим костюмам древних эпох», подчиняются одинаковому для всех строгому распорядку и т. д.). Но законы природы оказываются сильнее законов Единого Государства: несмотря на инкубационные условия формирования граждан ЕГ, природа наделяет их в разной степени талантом, способностью к чувствам, красотой, родительским инстинктом, делая их совершенно разными, неповторимыми. Под безликой униформой бьются сердца влюбленных и одержимых, страстных и талантливых, преданных и предающих, но таких неодинаковых, непохожих.

С первых страниц дневника Д-503 намечается некоторый диссонанс в его рассуждениях и восприятиях. Силой своего разума герой убеждает себя и будущих читателей в гармоничности Единого Государства. Однако духовное начало, которое Д-503 старается подавить в себе, беспрестанно прорывается сквозь рацио героя. Зарождающееся чувство оказывается сильнее всех и всяческих догматов Единого Государства, вопреки его давлению, превращая нумер, винтик, деталь машины в живого, чувствующего, страдающего Человека.

Говоря о литературном новаторстве Замятина, нельзя не сказать о корнях его творчества, пронизанного традициями классической русской литературы. В передаче «высокой болезни» (Н.А. Горбанев) Д-503 автор обращается к мотиву двойничества, характерному для произведений Гоголя («Записки сумасшедшего») и Достоевского («Двойник», «Преступление и наказание»). Любовь заставляет Д-503 осознать в себе потомка тех, прошлых людей, в жилах которых текла солнечная, лесная кровь, которые умели «просто-так любить», наслаждаться ароматом цветов и сиянием солнца. По мере пробуждения в герое души, глаза, как деталь портрета и как лакмус внутреннего состояния, играют все большую роль во внутренней структуре романа.

Мотив любви становится важнейшим мотивом романа, превращая его в глубоко лирическое произведение. Все основные герои охвачены этим чувством, хотя для каждого из них существует собственное восприятие любви: любовь-жертва, любовь-страсть, любовь-жестокость, любовь-предательство, любовь-материнство, любовь-секс.

Д-503 учится любить, проходя все этапы чувства с азов. I-330 проводит героя лабиринтами Любви, открывая перед ним трагическое величие этого чувства. Любовь к I-330 захватывает героя целиком, ради него он отрекается от Единого Государства, сначала в малом (стремясь к близости с I, Д-503 забывает об отсутствии розового талона), а затем и в главном: Строитель Интеграла готов на бунт против Государства. Даже посеянное Благодетелем сомнение в искренности I не в состоянии сломить чувств героя. Он глубоко страдает, но продолжает любить. Понимание того, что он нужен заговорщикам только как Строитель Интеграла, не может заставить его предать свою Любовь. Лишь принудительная операция по ам-

путации фантазии, т.е. удаление души, полное физическое превращение в робота, приводит героя к предательству, если можно считать таковым информацию, выданную вычислительной машиной. Полны трагизма финальные строки романа. Безучастно наблюдая за казнью своей недавней возлюбленной, герой не помнит уже ни своей любви, ни самой *«этой женщины»*. Роман заканчивается гибелью обоих героев, но если для I-330 физическая гибель предпочтительней ампутации фантазии, и потому она умирает с улыбкой, то духовная смерть Д-503 воспринимается гораздо трагичнее: герой превращается в «принудительно осчастливленное», безликое, бесчувственное существо, лишенное всех радостей, да и самого смысла жизни. Трагическая усмешка автора вложена в уста «осчастливленного» Д-503: *«И я надеюсь – мы победим. Больше: я уверен – мы победим. Потому что разум должен победить»* [460]. За такую победу разума человечеству придется заплатить непомерную цену: платой должен стать сам Человек.

Философия романа Замятина перекликается с философией произведений Ф.М. Достоевского. Романы Достоевского становятся реминисцентным фоном замятинской антиутопии. В девятнадцатой записи своего дневника Д-503 воспроизводит теорию Родиона Раскольникова в действии. Да, если нищий философ-студент, решившийся на «пробу» своей теории, прошел страшный путь через терзания совести к раскаянию и очищению, то закаленным Единым Государством нумерам подобные сантименты чужды. Государство последовательно приучает своих граждан к жестокости, готовности жертвовать ближним, да и собой. Апофеозом жестокости Государства становится сцена казни, обставленная как праздник, зрителями которого становятся все нумера, включая детей. Государство уродует Человека, превращая его в бездуховный, безнравственный нумер, лишенный даже имени. За видимой свободой скрывается панический страх перед Государством, который культивируется демонстрацией наказаний и казней.

Вопрос о соотношении свободы и счастья, а точнее вопрос о принудительном счастье, «разумном» предпочтении хаосу свободы размеренного, регламентированного Государством образа жизни, формируется в диалоге Благодетеля с Д-503. Исследователи творчества Замятина не раз указывали на перекличку этой сцены с одной из важнейших сцен романа Достоевского «Братья Карамазовы», в которой средневековый Великий инквизитор рассуждает о преимуществах принудительного счастья, стремление к которому может оправдать любую жестокость, даже вторичное распятие Христа.

Разумным доводам Благодетеля, стройной системе Единого Государства противостоит подсознательная, генетическая тяга человека к свободе. Нормальный человек не может привыкнуть к бесчувствию и жестокости, не может добровольно отказаться от любви и дружбы, от счастья и мечты, не может долго оставаться безучастным к боли ближнего. Государству не так легко убить человеческое в человеке. В сознании нумеров растет протест, вылившийся в восстание и разрушение Зеленой Стены.

Показательно, что бунт назревает изначально в сознании героинь романа. Именно женские образы произведения становятся силой, противостоящей произволу государства.

Во главе заговора мефи стоит гордая и прекрасная I-330. Ее образ выписан наиболее ярко на фоне образов других заговорщиков. Вся ее жизнь на страницах ро-

мана – яркий протест против законов функционирования Единого Государства. Ей удается победить Государство в борьбе за душу Д-503.

Другая героиня романа – мягкая, круглая, милая О нарушает главнейший запрет ЕГ. Решение О стать матерью ребенка Д-503 (хотя за это ей грозит немедленная смерть) поднимает ее над другими героями романа. В этой маленькой, такой слабой, на первый взгляд, женщине живет непоколебимая сила, готовность увековечить свою любовь новой будущей жизнью. Любовь к не рожденному еще ребенку оказывается сильнее всех остальных чувств – ревности, ущемленной женской гордости, обиды. О решает принять помощь I-330 и уйти за Зеленую Стену в неведомый для нее мир.

Любовь заставляет всех основных героев романа преступать законы ЕГ, но, если в Д-503 происходят постоянные колебания между долгом и чувством, разумом и душой, то героини романа смело идут на конфликт с Государством во имя чувства. Показательно, что и виновницей чрезвычайного происшествия – остановки прогулки – становится именно женщина, которая с криком: *«Довольно! Не сметь!»* [390] бросается на защиту арестованного юноши. Женщина не захотела и не смогла быть безучастной свидетельницей насилия, пусть даже за протест ей пришлось заплатить собственной жизнью.

В создании женских образов произведения Замятин продолжил лучшие традиции русской классики. Именно женщины, их судьбы, их чувства становятся высшим критерием оценки в романе.

Несмотря на то, что долгие годы роман «Мы» в большей степени воспринимался как политический памфлет, а сам писатель характеризовал роман как «сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства» (Замятин, 540), нельзя ущемлять достоинства произведения как лирического романа – романа о человеке, о душе, о любви.

Использованная литература:

Текст цитируется по изд. Замятин, Е.: *Избранное*. Москва 1989.
Горбанев, Н.А.: *Вершины русского романа*. Махачкала 2001.
Замятин, Е.И.: *Сочинения*. Москва 1988.
Замятин, Е.И.: *Избранные произведения*. Москва 1990.
Оруэлл, Д.: *1984 и эссе разных лет*. Москва 1989.
Солженицын, А.: *Из Евгения Замятина. Литературная коллекция*, Новый мир, 1997, №10.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Юлия Фатеева
Россия, Волгоград

ТИП «НОВОЙ» ЖЕНЩИНЫ А.В. АМФИТЕАТРОВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Abstract:
In given clause the analysis of the story of A.V. Amfiteatrov "Dream" from the point of view of uniqueness of the image of the heroine created by the writer is lead. The special attention is given to a literary context of the story: reflection in it Tolstoy's understanding of purpose of the woman, subject affinity of «Dream» and "Strange history" I.S. Turgeneva.

Key words:
Literary tradition, literary context, populism, emancipation, the story, type of the "new" woman, the foolish, a moral feat, spirituality.

В начале XIX века сначала в западном обществе, затем и в России, возникает новое отношение к женщине, происходит зарождение феминистского сознания, появляются женщины необычного, активного типа. Одновременно с этим в русской литературе появляется еще один тип русской женщины: женщины, способной на поступок, подвиг.

Отметим, что в древнерусской литературе предшественницей активной женщины-героини можно считать Ярославну из «Слова о полку Игореве», чей плач был слышен в Путивле, на городской стене. Исследователи также полагают, что первым в спор со своим веком о праве женщины на свободу, о ее способности к нравственному выбору и поведению вступает А.С. Пушкин: *«Его Татьяна Ларина – идеальный образец русской женщины, личности нравственной, ответственной за себя и свои поступки, самая совершенная героиня нашей литературы. Пушкину же принадлежит заслуга историка нравов, ранее других засвидетельствовавшего сдвиги в сознании русских женщин, изменений в их вкусах и предпочтениях»* [Айвазова 1998: 39]. Выделенность героинь произведений Пушкина из ряда женских типов русской литературы первой половины XIX века отмечал в статье «Лучше поздно, чем никогда» и И.А. Гончаров. Так, критик выделил два основных женских типа литературы начала века: «*Надо сказать, что у нас, в литературе (да, я думаю, и везде), особенно два главные образа женщин постоян-*

но являются в произведениях слова параллельно, как две противоположности: характер положительный – пушкинская Ольга и идеальный – его же Татьяна. Один – безусловное, пассивное выражение эпохи, тип, отливающийся, как воск, в готовую, господствующую форму. Другой – с инстинктами самосознания, самобытности, самодеятельности. Оттого первый ясен, открыт, понятен сразу (Ольга в «Онегине», Варвара в «Грозе»). Другой, напротив, своеобразен, ищет сам своего выражения и формы. И оттого кажется капризным, таинственным, малоуловимым… Это два господствующие характера, на которые в основных чертах, с разными оттенками, более или менее делятся почти все женщины» [Гончаров 1980: 112]. С этой точки зрения, героинь А.С. Пушкина можно считать родоначальницами русского феминизма. Тему эмансипации до уровня наиболее значимых проблем русской жизни поднял Чернышевский в своем программном романе «Что делать?». Примечательно, что в знаменитом «четвертом сне» героини романа Веры Павловны появляется таинственная «светлая красавица». Современникам писателя было ясно, что «светлая красавица» – это и символ свободы и равенства, и – символ «новой» женщины, ее обобщенный образ.

Однако существовала и другая трактовка женского характера, связанная в основном с образами героинь Л.Н. Толстого. Известно, что Толстой видел совершенство женщины в отсутствии личностного начала, в способности раствориться в детях, в муже, в семье. Примечательно, что толстовские женские типы оказались не менее «живучи» в русской литературе конца XIX века и рубежа веков, чем образы активных женщин. Так, например, А.В. Амфитеатров в «житейской сказке» «Мечта» (1893) создает подобный тип героини. Отметим, что свой рассказ писатель предваряет посвящением: *«графу Льву Николаевичу Толстому»* [Амфитеатров 1991: 302], так как, по словам самого писателя, этот рассказ произвел глубокое впечатление на Толстого, потому что он узнал в героине свою знакомую. Однако, такое посвящение возможно еще и потому, что главная героиня «Мечты» являет собой воплощение толстовских представлений об идеальных женских типах.

Итак, Мечта – Софья Артамоновна Следловская, девушка восемнадцати лет, с которой скульптор Краснецов слепил свою Мечту, принесшую ему популярность. Знакомство художника и его музы состоялось в 1880 году, тогда Софья Следловская стала только выезжать в свет, и «*она заблестела в нем яркою звездочкой. Красавица собой, умненькая, образованная, веселая, как птичка, она обратила на себя внимание «всей Москвы»* [Амфитеатров 1991: 302]. Однако блестящей светской жизни у Софьи не получилось: разительная перемена произошла в сознании героини после посещения глухой самарской или тамбовской деревушки, где девушка ухаживала за умирающей бабушкой. Видимая перемена состояла в том, что *«хороша она была по-прежнему, но бывалое оживление с нее сошло; она стала серьезна и задумчива; улыбалась не часто, смеяться же не смеялась никогда; ласковые синие глаза приобрели особый взгляд – важный и проницательный взгляд внутрь себя»* [Амфитеатров 1991: 303].

Более глубокие перемены произошли в сознании девушки: сначала она уговорила умирающую бабушку переделать завещание и все деньги отдать на благотворительные дела да в университеты, затем она *«… обратила в деньги все свои вещи, даже платья и книги, и оплатила мелкие долги покойного отца»*; *«затем Соня очутилась в глухой провинции, на хуторе у своей дальней родственницы…»*, где

«… навязала себе на шею нужды и болезни всей деревенской округи. Здесь учила, там лечила, утешала; обучилась хозяйничать – править всякую черную работу…» [Амфитеатров 1991: 303-304]. Таким образом, Софья воплощала в жизнь популярную в 80-е годы XIX века «теорию малых дел». Однако, видимо, не получив удовлетворения от общественной деятельности, девушка совсем замолчала: *«… одолели думы и деятельность. Ее плотно сложенные губы, неулыбающееся лицо, остановчивый, задумчивый взгляд смущали домашних: видно было, что Соня мучительною борьбою перерабатывает в себе какую-то новую мысль и затею»* [Амфитеатров 1991: 305].

Смысл активной жизни, свой подвиг Софья видит в спасении медника, многодетного вдовца Прошки – *«… такого стерво… и пьяницы, и вора, и бабника»*, который *«ни одной пакости не обижает – все в себя принял…»* [Амфитеатров 1991: 307]; *«человека спутанного. У него … и крови-то в теле нет, а одна водка. А водка – водки же и просит. Ничего ты его не поправишь, а все, что ему принесешь, он пропьет; и придется тебе с ним мыкать довечное горе. И сам пропадет, и тебя погубит … вот какой это человек. Озверелый. Благодарности и нежности не разумеет, а изуверства – сколько хочешь. […] Сказано: гнусь – человек, гнусь он и есть…»* [Амфитеатров 1991: 311]. Однако девушка, не найдя Прошке жены среди крестьянок, решается сама выйти за него замуж: *«Я здоровая, сильная, работы не боюсь, управиться по дому – все могу и умею. А что я родилась барышней, с тем и пойду за вас, чтобы вы забыли об этом как теперь забываю я…»* [Амфитеатров 1991: 310].

Семейная жизнь Софьи становится ежедневным подвигом: *«…первая же неделя супружества показала Соне, что она – жена-раба, в лапах мелкого, но властного деспотика»* [Амфитеатров 1991: 314]. Через три года супружества Соня уже была *«… подурневшая, постаревшая на десять лет от чрезмерного труда и частой беременности»* [Амфитеатров 1991: 318]. Такая жизнь должна была неминуемо привести к разочарованию и желанию порвать связь с жестоким и несправедливым мужем, однако Софья не мыслит такого исхода: *«Уйти, бросить … а куда же я дену свой муравейник? Тоже и его бросить? Ах, … как вы там – в своих умных кругах – легко и быстро думаете… У меня дети, голубчик, у меня муж – больной, слабый человек. А вы говорите – «я не на месте»! Что Бог соединил, человек не разлучает. Не на смех венчались»* [Амфитеатров 1991: 319].

Понимание Софьей любви близко толстовскому: *«По-вашему, любить – значит, наслаждаться да красоваться собою, по-моему, любить – значит, жалеть. И если мне никого на свете не жаль больше, чем этого несчастного, безвольного, порочного человека … – так неужели же не значит это, что я люблю его, и, стало быть, неспроста Божья воля отдала ему меня в жены?»* [Амфитеатров 1991: 320].

Умные люди, по словам автора, считали, что Софья, *«… как юродивая, бесплодно загубила свою жизнь, тогда как могла бы быть полезна многим, многим»* [Амфитеатров 1991: 320]. Однако Амфитеатров в жизни девушки видит настоящий подвиг: *«Эти две девушки* (падчерицы Сони – Ю.Ф.), *из которых должны были выйти воровки или проститутки, а, благодаря мачехе, вышли честные и грамотные работницы, какую взять за себя в почет любому мастеру-жениху; ее собственные дети, из которых опять-таки выйдут хорошие и полезные люди»*

[Амфитеатров 1991: 320]. Примечательно, что подобный сюжет в 70-е годы излагает И.С. Тургенев: красивая, молодая и богатая девушка из дворянской среды пошла *«вслед полусумасшедшему бродяге, чтоб сделаться его прислужницей»* [Тургенев 1994: 184], чтобы *«заставить топтать, попирать себя ногами». «Она искала наставника и вождя, и нашла его ... в ком, боже мой!»* [Тургенев 1994: 185]. Такой выбор автору кажется странным. Но поступок Софи для него *«знаменательное явление, разгадка которого, возможно, поможет понять какие-то черты национальной истории»* [Муратов 1985: 59].

Параллели между героинями Тургенева и Амфитеатрова обращают на себя внимание с первых строк произведений: во-первых, обеих героинь зовут Софья. Тургеневская героиня обращает на себя внимание рассказчика своей особенной внешностью: *«Лицо у ней было совсем детское, круглое, с маленькими приятными, но неподвижными чертами; голубые глазки... глядели внимательно – почти изумленно, точно они начали замечать что-то для них неожиданное... Грудь дышала тихо, и руки как-то неловко и строго прижимались к узкому стану. [...] Общее впечатление, производимое этой девушкой, было не то чтобы болезненное, но загадочное. Я видел перед собою не просто робевшую провинциальную барышню, но существо с особенным, для меня неясным отпечатком»* [Тургенев 1994: 142]. Софи Тургенева тоже совершает подвиг, но не во имя семьи и спасения погибшего человека – это подвиг стихийной веры, веры в чудо. Ведь для Софи Василий – не просто *«богоугодный человек»*, он способен на чудеса. *«Сама же героиня изображена насколько искренней и последовательной в своем решении служить «правде», что это дало основание сравнивать Софи Тургенева с героинями только что начавшегося народнического движения, «чистыми, благородными и жаждавшими подвига девушками»* [Муратов 1985: 61].

Такая сюжетная близость рассказов И.С. Тургенева и А.В. Амфитеатрова свидетельствует, видимо, о том, что к концу XIX века случаи, легшие в основу «Странной истории» и «Мечты», были не единичны, что в этот период женщины тоже стремятся занять активное положение в обществе и принести посильную помощь. Итак, А.В. Амфитеатров в конце XIX века создает ряд женских типов, укладывающихся в народническую и литературную традицию: его Софья – одновременно и воплощение женского идеала Л.Н. Толстого, и Мечта – настоящее спасение для человечества, потому что *«... у такого мощного, благородного создания, как Софья Артамоновна, и дети должны быть мощные и благородные. Ее души, ее натуры не одолеет в них отцовская кровь, как и самое Соню не одолели мужнины безобразия...», тем более что сам Прошка, «... пьяный, рыдал источным голосом: – Святая! Святая! И проклинал свое свинство. Стало быть, в звере зашевелился-таки человек, под щетиною заходила Божьею искрой живая душа...»* [Амфитеатров 1991: 321].

Использованная литература:

Айвазова, С. Г.: *Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы)*. Москва 1998.

Амфитеатров, А.В.: *Мертвые боги. Рассказы. Роман*. Москва 1991.

Гончаров, И.А.: *Собр. соч. в 10 т.* т.8. Москва 1980.

Муратов, А.Б.: *Тургенев-новеллист (1870-1880-е годы)*. Ленинград 1985.

Тургенев, И.С.: *Странная история*. In: Тургенев, И.С.: Собр. соч. в 18 т., т. 11. Москва 1994. С. 139-151.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007
OLOMOUC 2008

Уте Шольц
Германия, Грейфсвальд

СЛАВЯНСКИЙ ЧЕРТ В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» (1928-1940)

Abstract:
Mikhail Bulgakov belongs to the kind of authors who pay great attention in their creations to the image of the devil and his different forms in oral and written literature. The article investigates literary images of devils, having their roots in Slavonic mythology, which are used by Bulgakov in his novel "The master and Margarita". Allusions to the Slavonic mythology in the fields of lexicality and phraseology as well as connotative assignabilities of meanings with a character of stereotypes get tracked down and are made useful for the analysis of the function of these images in the text. This seems significant because the novel was mainly read in slavonic literary studies like a pendant to Western European sources. As a difference it is shown that Bulgakov is using these allusions to devils dating from the Slavonic mythology in the complicated situation of communication of the 1930's to digest the increasing problematic issues of the unfamiliar and unknown within his own culture.

Key words:
Demonology, deuce, devil, external-image, Mikhail Bulgakov, myth, mythology, national belief, natural religion, oral literature, pagan religion, Satan, self-image, "The Master and Margarita".

Несмотря на то, что существует огромное количество работ, анализирующих дьявольскую сущность пресонажей романа М. Булгакова *Мастер и Маргарита*, до сих пор почти незамеченной осталась мифологема славянского черта. Исследователи восхищались свободной фантазией писателя, способностью при создании образов «*входить в миры других культур, в бесконечности Ветхого и Нового завета, создавать аналогии с Данте, полемизировать с Гете, с иудейской демонологией и демонологией немцев и скандинавов*» [Яновская 2002: 121]. О славянской мифологии, как правило, ни слова.[1] Исходя из этого, данная статья обращает не только внимание на скрывающиеся в подтексте романа мифологические детали, касающиеся черта, но и пытается ставить их в связь друг с другом. Не в последнюю очередь, при этом должно быть выяснено, не коренится ли отмеченная исследователями амбивалентная сущность Воланда [Лакшин 1968: 284; Соколов 1986: 158; Петелин 1989: 453] в обращении писателя к славянской мифологии.

Славянский черт – многослойный образ, который по-разному истолковывается в зависимости не только от конкретной исторической ситуации, но и от мироощущения представителей разных регионов. При этом каждый раз по-новому переплетаются и конкретизируются древние языческие, христианские и трансформированные народом православные представления об этом образе. В легендах славянских народов черт и дьявол являются не только фигурой, наказывающей грешников, но и помощником в сложных ситуациях. В земледельческих культурах в большей степени, чем в Западной Европе, сохранялись природно-религиозные предствления об антропоморфных существах и богах, которые определяют судьбу человека [Leeuwen-Turnovcová 1992: 588-599]. Таким образом, не только охотничьи успехи и благополучный урожай, но и их противоположность связывались с одной и той же силой. В то время, как языческие божества на территории Западной Европы после принятия христианства были вычеркнуты из памяти, в аграрных культурах славян языческие представления продолжали существовать и нередко трансформировались в образ черта. Также как природу нельзя считать доброй или злой, в зависимости от веса христианских или языческих элементов, черта нельзя считать только добрым или только злым существом.

Булгаков в сложной коммуникативной ситуации 1930-х гг. использует не только библейские западноевропейские представления о дьяволе, но и хорошо известные ему с детства русские и украинские мифы. Так, в самом имени булгаковского дьявола наряду с известными значениями,[2] обнаруживается дополнительный смысл, если исходить из народной мифологии. Слово Воланд, заимствованное у Гете, происходит от латийнского *volare*, т.е. *лететь* и тем самым указывает на способность дьявола и его языческих предшественников летать, быстро передвигаться по воздуху. Кассирша варьете называет таинственного артиста Фаландом[3]. Это слово происходит не только от средненемецкого *Fālant* в зачении *искупитель*, но и связано со словом *fallen* в значении *падать*. Последняя связь указывает на мотив падшего ангела, занимающий ключевое место в славянских народных легендах о черте который омочил руку и истряхнул ее, чтобы получить товарищей [Плачинда 1993: 53]. Таким образом, в названиях булгаковского персонажа переплетаются как христианская семантика, так и языческая, связанная с определением качеств природных демонов, бывших языческих богов. Особенно наглядно такое переплетение различных пластов мифологемы черта в первой главе, в сцене знакомства Берлиоза и Ивана с Воландом. С самого начала их встреча в один майский вечер предстает в демонологическом свете. *Невыносимая жара* [с. 156], предвосхищающая появление Воланда – намек на мифологические представления, которые появление божественного существа связывали с природными катаклизмами – с жарой или ветром. В зависимости от времени года солнце может светить более или менее интенсивно, способствуя урожаю или уничтожению его, тем самым угрожая существованию человека. Пустота аллеи напоминает об отдаленности от людей. Как правило, пограничные зоны между своим миром и иным миром природы являются местами, где демонологическая сила ищет контакта с человеком. Название места встречи *Патриаршие пруды* также заставляет читателя предположить большую, чем обычно, активность демонических сил [Лесскис 1999: 117].[4] Народная вера, Булгаков напоминает об этом в названии главы *Никогда не разговаривайте с неизвестным*, предостерегает людей в таких местах быть особенно осторожными

в общении не только с чужими людьми, но и с монахами, предполагая, что черт или дьявол любят принимать их внешний облик. То, что Берлиозу в этот момент кажется, что сердце его остановилось [с. 157], заставляет происходящее связать с нечистой силой. Ужас Берлиоза усиливается, когда из воздуха возникает *прозрачный гражданин* [с. 157]. Ему хочется сбежать, однако психически здоровая, вполне логичная с точки зрения мифологии реакция отодвигается разумом.

Обращает на себя внимание, что Воланд появляется в тот момент, когда Берлиозу захочется *бросить все к черту* [с. 157]. Народная вера считает опасным припоминание черта, потому что оно может накликать его. Как будто иллюстрируя разрушение этого запрета, Булгаков заставляет появиться Воланда. Как бы Воланд и его свита в романе существуют не сами по себе, а создаются языком.[5] В памяти языка остались следы древнего персонажа, в существование которого нельзя было верить. Заставляя своих героев принять Воланда за иностранца, Булгаков, по-видимому, фиксирует то обстоятельство, что чужое в собственной или другой культуре для советского общества стало проблемой в 1930-е гг. При этом используются стереотипы, которые в истории русской культуры в разное время связывались с разными народами. Сначала Берлиоз считает Воланда немцем,[6] в то время как менее осведомленный Иван принимает его за англичанина. Так как Воланд владеет русским языком, в памяти персонажей всплывают также француз и поляк. Чувствуя неуверенность, Иван создает свой собственный стереотип, говоря о прицепившемся *заграничном гусе* [с. 161].[7] Несколько позже Иван начинает думать о русском эмигранте [с. 166], а в конце концов называет Воланда убийцей и шпионом [с. 196], используя политический жаргон эпохи написания романа.

Особую привлекательность придает сценам романа игровой их характер. Так, образ черта кристаллизуется из различных описаний этой фигуры разными людьми. Среди любопытных описаний Воланда есть характерный для славянской мифологии стереотип азиатского как чужого, варварского и дьявольского, которое противопоставляется собственному славянскому как неправоверному. Обыгрывается этот мотив во сне Никонора Ивановича, который по примеру чужих *уселся на паркете по-турецки*, а также в сцене посещения Воланда буфетчиком. Для ограниченного по объему системного анализа элементов народной мифологии важным представляется, что каждое из действующих лиц романа в состоянии быть чертом или его союзником. Свидетельство этому – портреты Берлиоза и Ивана. В портрете Берлиоза, кроме цветовой гаммы[8] обращают на себя внимание маленький рост, лысина и роговая оправа очков [с. 156]. В случае Ивана – рыжеватость, плечистость, зеленые глаза и черные тапочки оказываются значительными [с. 156]. Но не только поэт и критик, но и многие другие персонажи романа, включая Мастера и Маргариту, Иешуа и Понтия Пилата изображаются с помощью деталей, которые народная вера связывает с инфернальным миром. Особое значение в этой связи приобретает мотив черта или дьявола как *чужого*, принявшего вид собаки или волка.[9] Волк и собака, связанные у славян с животворящими силами природы, присутствуют в описаниях мастера, встречаются в рассказе Понтия Пилата о контурионе Марке и появляется в рассказе Иешуа о Левии Матвее. Также с помощью образа черта как собаки усиливается мотив одиночества Понтия Пилата.

Свойственной автору мифологической чувствительностью может быть объяснена и человечность инфернальных сил, которая вызывала удивление исследовате-

лей [Лакшин 1968: 284; Соколов 1986: 158; Петелин 1989: 453] и объяснялась ими по-разному.[10] Как народная нечисть в выше упомянутой апокрифической легенде, помощники Воланда различаются более и менее гуманным поведением. Азазелло – дух безводной пустыни, демон-убиица. Его скорее всего можно сравнивать с водяным, лешим или банником, которые являются более опасными в отличие от домового, связанного с культом предков. Неслучайно Попплавски напуган насмерть, когда появляется Азазелло [с. 339]. С другой стороны, Булгаков напоминает о связи этого образа с культом плодородия [с. 339, 340, 360]. Если взять роман в целом, и Азазелло является амбивалентным существом: *Ничего страшного в рыжеватом маленького роста человеке не было, разве что вот глаз с бельмом, но ведь это бывает и без всякого колдовства* [с. 495].

Неповторимый образ Кота-Бегемота Булгаков также синтезировал с помощью двойственных представлений народной мифологии. В них кот не только вредное существо, но и существо магическое, которому подобно домовому, приписывается функция защиты от демонических сил.[11] В разыгравшейся в трамвае сцене для Булгакова черт-кот ассоциировался с зайцем в символике городского фольклора, где безбилетный пассажир сравнивается с трусливым зайцем. Также магические свойства звучат в сцене разрушения Дома Грибоедова, где в кота безуспешно стреляют [Гура, 188]. Особенно ощутимы следы этой двойственности – в добром отношении кота к Маргарите… В дальнейшем ходе повествования мотив дьявола как душегубца по сравнению с народным пониманием черта как бывшего бога отходит на задний план. Важным в этой связи является самочувствие Маргариты на следующее утро после бала. В то время, *как изломано ее тело* [с. 461], знакомство с Воландом для ее души осталось без последствий [с. 461]. Если учесть, что черт и бес приносят вред телу, а сатана и дьявол ловят и разрушают душу [Kotula 1976: 90], то перед нами дополнительное доказательство, что Булгаков при создании образа Воланда ссылался на славянского народного черта. И наконец-то: следует упомянуть об изменении внешнего облика Воланда во второй части романа. Грязный растрепанный вид, отмеченный Маргаритой при первой личной встрече с ним, исчезает. Под воздействием ночи он принимает вид элементарного существа, чтобы под конец исчезнуть в глубокой пропасти. Метафорическое сравнение *повода* с *лунными цепочками* [с. 507] напоминает об амбивалентном лунном свете. Темнота ночи появляется в виде коня. Грива – тучи, связанные с ветром и дождем, шпоры напоминают о звездах. В конце концов, от Воланда и его свиты в Москве остаются только самые невероятные слухи о нечистой силе или группе гипнотизеров. То есть, они возвращаются в язык, туда, откуда они в начале романа появились и где они, судя по слухам, ходящим по Москве, и будут существовать.

Итак, не подлежит сомнению, что Булгаков в своем романе свободно в соответствии со своими намерениями и своим временем использовал отмеченные исследователями источники. Однако, все же это обращение осуществлялось в глубокой связи с народной мифопоэтикой, лежащей в основе славянской культуры.

Примечания:

[1] Об отдельных случаях использования автором представлений славянской мифологии см. работы Яблокова и Лесскиса.

[2] Хрестоматийным является утверждение, что Булгаков назвал своего персонажа Воландом, ориентируясь на сцену Вальпургиева ночь в «Фаусте» Гете [Соколов 1986: 156].

[3] Булгаков 1999: 325. В дальнейшем ссылки на это издание романа даются в самом тексте статьи с указанием страницы в скобках.

[4] «В старину вся округа была заболоченной низиной, откуда вытекали ручьи и речки [...] а потом это место называлось Козьим Болотом»; «в самой топонимике сочетаются темы Господа и дьявола (Патриаршие пруды – Козье болото)».

[5] Создавая цепь связанных друг с другом знаков, которых нельзя однозначно истолковывать, Булгаков как бы является предшественником деконструктивистов.

[6] О «немце» как древнем стереотипе «чужого» см.: Бартминьский 2005: 272.

[7] Поверья о нечистой силе, принимающей облик гуся, особенно распространены в народной демонологии западных славян [Гура 1997: 673].

[8] Серый цвет является одним из признаков черта. Немецкая мифология знает эвфемизм ‚Graumännchen'. В русском языке серый цвет прежде всего ассоциируется с топосом «серого волка».

[9] Об определяющем в символике волка и черта признаке «чужого» у славян см.: Гура 1997: 157-158.

[10] То автора связывали с Воландом, то причину видели в его ориентации его на персидскую религию, то речь шла о параллельной структуре романа и связи образа Воланда с Христом.

[11] См. апокрифическую легенду о Коте (Кошке), истребляющем мышей, которые «сотворены чертом на зло людям», записанную в Литинском уезде [Чубинський 1995: 60].

Использованная литература:

Бартминьский, Е.: *Языковой образ мира. Очерки по этнолингвистике*. Москва 2005.
Булгаков, М.: *Мастер и Маргарита*. In: Собр. соч. в 10 и тт. Т. 9. Москва 1999.
Гура, А. В.: *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва 1997.
Лакшин, В.: *Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»*, Новый мир 6/1968.
Лесскис, Г.А.: *Триптих, Булгакова о русской революции. «Белая гвардия». «Записки покойника». «Мастер и Маргарита». Комментарии*. Москва 1999.
Петелин, В.: *Михаил Булгаков. Жизнь. Личность. Творчество*. Москва 1989.
Плачинда, С.П.: *Словник давньоукраїнської мифології*. Київ 1993.
Соколов, Б.: *Булгаковская энциклопедия*. Москва 1986.
Чубинський, П.: *Мудрість віків. Українське народознавство у творчій спадщині Павла Чубинського*. Кн. 1. Київ 1995.
Яблоков, Е.: *Художественный мир Михаила Булгакова*. Москва 2001.
Яновская, Л.: *Записки о М. Булгакове*. Москва 2002.
Kotula, F.: *Znaki przeszłości. Odchodzące ślady zatrzymać w pamięci*. Warszawa 1976.
Leeuwen-Turnovcová, J.: *Slavisch *vorg' als Feind und Satan. Zur Semantik der Kategorie EXTERN*. Zeitschrift für Slawistik 37, 4/1992.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II
Sborník příspěvků z mezinárodní konference
XIX. Olomoucké dny rusistů 30.08. – 01.09. 2007

Olomouc 2008

Hlavní redaktor (uspořadatel): PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.
Výkonný redaktor: doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.
Odpovědná redaktorka: Mgr. Jana Kreiselová
Technická redakce: Michaela Dadáková, Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.
Mgr. Jindřiška Pilátová, Ph.D., PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.
Návrh obálky: Ivana Perůtkova

Publikace neprošla ve vydavatelství jazykovou redakcí.

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47 Olomouc
e-mail: vup@upol.cz, www.upol.cz/vup

Olomouc 2008
1. vydání

Ediční řada - *Sborník*

ISBN 978-80-244-1994-7